

СТРАНИЦЫ
ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВА.

РОССИЯ

XV-XVII ВВ.

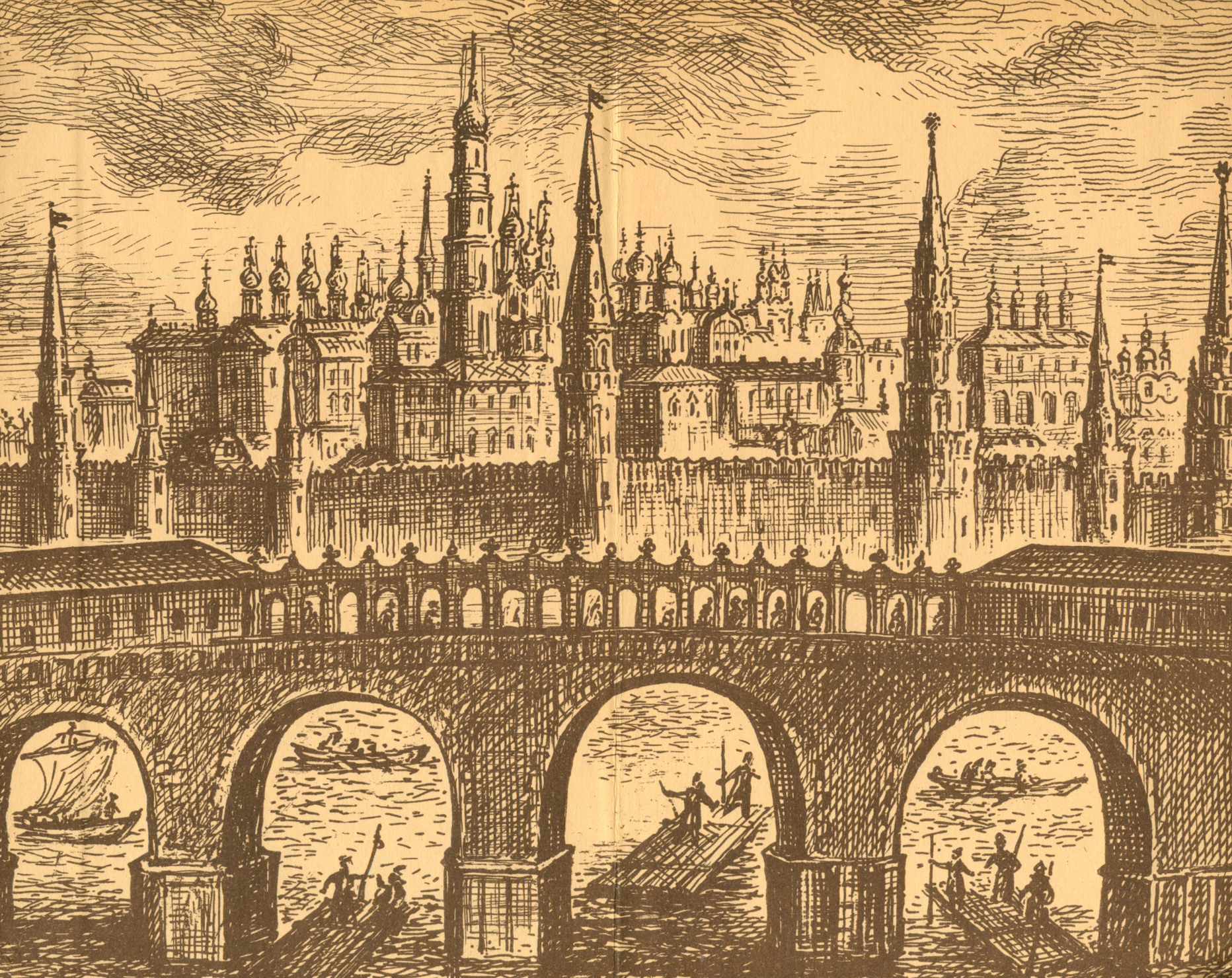
ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ

РОССИЯ
XV-XVII ВВ.
ГЛАЗАМИ
ИНОСТРАНЦЕВ

БИБЛИОТЕКА "СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА"

РОССИЯ
XV-XVII ВВ.
ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ

ЛЕНИЗДАТ · 1986

84.31(4)

P76

Подготовка текстов,
вступительная статья и комментарии
Ю. А. Лимонова

Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев /
P76 [Подготовка текстов, вступительная статья и комментарии Ю. А. Лимонова].— Л.: Лениздат, 1986.— (Б-ка «Страницы истории Отечества»).—543 с.

Сборник очерков и рассказов иностранцев о России содержит свидетельства очевидцев, а иногда и участников событий XV—XVII столетий в нашей стране. Книга дает возможность современному читателю узнать, как видели Россию иностранные писатели, дипломаты, ученые того времени, что удивляло их, что им нравилось, вызывало восхищение.

P $\frac{4703000000-102}{M171(03)-86}$ 229—86

84.34(4)

© Состав, вступительная статья и комментарии, оформление,
Лениздат, 1986

РОССИЯ в западноевропейских сочинениях XV—XVII вв.

Россия, русские, Русское государство — темы многочисленных сочинений Западной Европы на протяжении многих веков. Они служили сюжетом для научных трудов по истории, географии, политике, философии, для литературных произведений самых разнообразных жанров от памятников фольклора — средневековых немецких песен, скандинавских саг и народных книг о докторе Фаусте — до пространных корреспонденций в европейских газетах, журнальных памфлетов, ярмарочных листовок и солидных статей в справочниках энциклопедического характера. Трудно даже вообразить ту огромную информацию, которая содержится в самых разных сочинениях. Насколько была популярна тема России на Западе в XV—XVII вв., можно судить хотя бы по тому, что ее касались или даже непосредственно занимались ею классики мировой литературы — Шекспир, Мильтон, Рабле, Сервантес, Сирано де Бержерак, государственные деятели и политики — кардинал Ришелье, английская королева Елизавета I, испанский король Филипп II, лидер английской революции Кромвель, а также ученые — Меркатор, Монтень, Томас Мор, Жан Боден. Их сведения о России во многом основывались на особом художественном жанре ряда европейских литератур, посвященном Московии. Этот жанр получил общее название «Россика». Включал он и произведения путешественников, побывавших в России.

В настоящей книге собраны наиболее значительные сочинения иностранцев, которые находились в Московии на протяжении трех столетий — от времени Ивана III, деда Ивана Грозного, до эпохи Петра. Такой огромный период дает возможность проследить историю народа и государства, осветить развитие культуры, экономики, политики. По своему социальному и национальному составу авторы сочинений чрезвычайно разнообразны. О России писали итальянцы, немцы, шведы, поляки, англичане, австрийцы, голландцы, французы. Это были профессиональные дипломаты, политики, военные, разведчики, люди свободных профессий: литераторы, художники, врачи, купцы. Их наблюдения, отражение и понимание русской действительности неоднозначны. Но подобная палитра мнений, отношений к России представляет значительный интерес, ибо дает возможность увидеть огромную страну глазами современников с разных сторон. В этом исключительная ценность записок иностранцев. Отметим еще одно обстоятельство. Как указывал известный советский историк

академик М. Н. Тихомиров, «в ряде случаев иностранцы рассказывают о таких событиях, которые без их известий остались бы тайной для позднейших поколений». Большинство сочинений написано живо, занимательно и представляет значительный интерес для современного читателя.

Отношения России с Западной Европой в третьей четверти XV в. развивались все более и более интенсивно. «Изумленная Европа, — как отметил Маркс, — в начале княжества Ивана III едва ли даже подозревавшая о существовании Московии, зажатой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на восточных своих окраинах»¹. Московские послы посетили ряд европейских стран, в том числе и Италию. Только за три года, 1488—1490, они побывали в столице папских владений — в Риме, а также в Венеции и Милане. Нужно отметить, что обмен посланцами был взаимным. Из Италии также приезжали в Москву. Пожалуй, именно они — итальянские дипломаты, купцы, ремесленники и инженеры — первыми увидели и сделали попытку описать огромную страну, столь поражающую обширностью территории и суровостью климата, разнообразием ландшафтов и универсальностью природных богатств, своеобразием национальной культуры и традиционной веротерпимостью, столь непривычной для Запада...

Некоторые итальянцы пытались зафиксировать свои впечатления более или менее систематически, в дорожных дневниках, письмах, записках. К числу лучших описаний относится сочинение дипломата Амброджо Контарини, отправленного с дипломатической миссией в Персию в 1474—1477 гг. Возвращаясь домой в Венецию, он проделал путь от Азербайджана по Каспию в Астрахань, а от туда по Волге и далее по сухопутью в Москву.

Венецианец прожил в столице четыре месяца — с 25 сентября 1476 г. по 21 января 1477 г. Его общительность и доброжелательность дали возможность завести прочные знакомства как среди русских, так и среди иностранцев, проживавших в то время в Москве. Среди последних находился выдающийся европейский архитектор и инженер Аристотель Фьораванти. Он строил знаменитый Успенский собор на площади в Кремле. Встречался Контарини с великой княгиней Софьей Палеолог, гречанкой по национальности, но родившейся и выросшей в Италии, в семье родственников последнего византийского императора. Видимо, визит венецианского посла к великой княгине, жене властителя всей Руси, в известной степени способствовал становлению русско-итальянских отношений. Этому же вопросу были посвящены переговоры Контарини с самим великим князем Иваном III. Страницы, повествующие об этом эпизоде, чрезвычайно интересны для истории русской дипломатии.

Наблюдения послѣ жизни и быта столицы того времени, небольшие рассказы, освещающие нравы, рассыпаны по страницам всего сочинения. Ему принадлежит одна из первых, видимо, зарисовок Москвы. Надо ли говорить, сколь интересны «моментальные фотографии» нашей столицы и ее жителей, сделанные свыше пятисот лет тому назад!

Популярность на Западе России-Московии, всеобщий интерес к ней отразились в духовной сфере общества. И прежде всего в наиболее доступных для народа жанрах искусства — в театре, в ярмарочном балагане, в незатейливой и полной чудес книга для народа. Действительно, «Россия», «Московия», «русские» упоминаются в произведениях, пользующихся необыкновенным успехом. Во Фран-

¹ Цит. по: История дипломатии. М., 1941, т. 1, с. 197.

ции в одной из глав бессмертного «Пантагрюэля» Рабле повествуется о Московии; в Англии в драматических произведениях Шекспира упоминаются Россия, русские, а в одну его комедию — «Напрасные усилия любви» — включена целая сцена с переодеванием в «московские костюмы», и герои произносят сентенции о самих русских; наконец, в Германии, в «народной книге» о докторе Фаусте, помещен раздел с описанием России. Все эти произведения относятся к XVI в.

Подобные интерес и популярность темы обуславливали появление новых и разнообразных книг о России. Одним из наиболее известных и читаемых явилось сочинение Сигизмунда Герберштейна.

Сигизмунд Герберштейн родился 23 августа 1486 г. в замке Виппах, в Каринтии. Именно здесь, в горах славянской Крайны, провел свое детство будущий автор «Записок о московитских делах». Видимо, общение с коренным населением — славянами — наложило определенный отпечаток на психологию, характер, восприятие действительности отпрыска обедневшего, но одного из древнейших родов немецкой Штирии. Будущий блестящий дипломат императоров превосходно изучил славянский язык, возможно бывший для него в детстве вторым родным, познакомился с обычаями, верованиями и жизнью той ветви славянства, которая заселяла и заселяет южные отроги Штирийских гор вплоть до Адриатического побережья. Подобная осведомленность о быте и жизни славянского населения не могла не сказаться в отношении к далеким московитам, в направленности «Записок». Нравы, обычаи и другие «странности», так поражавшие иностранных путешественников в России, не вызвали удивления Герберштейна, который часто находил им параллели и объяснения в том, что он видел и наблюдал на своей славяно-немецкой родине.

Лояльное, отнюдь не враждебное отношение к славянству, вообще, казалось бы, неестественное и нетипичное для иностранца, иноверца, политического представителя Габсбургов, отразилось в «Записках о московитских делах». Книга написана серьезно, без всякого пренебрежения и предвзятой направленности по отношению к политике и истории Московского государства, правда, иногда, при описании некоторых событий, это было перо не объективного современника, а рассерженного дипломата. Но в целом сочинение — плод наблюдений опытного, знающего и стремящегося показать действительность бытописателя.

Знание славянского языка, давшее так много во время поездки в далекую и таинственную для западноевропейца Московию, принесло молодому барону при переезде в Вену одни обиды и неприятности. «Sciafi!» («славянини!») — кричали ему вслед студенты Венского университета, куда он поступил в 1499 г. Много труда и времени пришлось затратить Герберштейну на усиленные занятия латинским языком, историей и теологией. Выходец из небогатой и многодетной семьи, он понимал, что только образование может способствовать его дальнейшей карьере.

В 1502 г. шестнадцатилетний Сигизмунд Герберштейн получает диплом бакалавра Венского университета. Вскоре он поступает на военную службу и несколько лет участвует в войнах против венгров и венецианцев. За свои заслуги на поле битвы Герберштейн был посвящен в 1514 г. императором Максимилианом в рыцари. А в 1516 г. он, ставший к этому времени членом королевского придворного совета, вступает на дипломатическую стезю. В этом году ему по личному поручению Максимилиана пришлось отправиться в Данию для улаживания семейных дел Габсбургов. Неудача миссии не повлияла на

дальнейшую карьеру Герберштейна. Неукоснительное следование инструкциям, твердость, разумная настойчивость и корректность, проявленные послом в Дании, произвели впечатление при дворе. Через несколько месяцев Герберштейн получил полномочия посла императора в Московии.

Цель поездки заключалась в попытке втянуть москвитов в борьбу с Турецкой империей, а также осуществить посредничество воевавшим между собой России и Польше. Миссия Герберштейна была одним из ходов запутанной дипломатической игры Габсбургов, пытавшихся одновременно предотвратить сближение Москвы с Данией, Ливонским орденом и Францией — врагами австрийского дома, а также создать заслон на северо-востоке против вторгшихся турецких полчищ, угрожавших дунайским владениям империи. Задачи эти оказались чрезвычайно сложными и практически неразрешимыми, что и обнаружилось при переговорах в 1517 г. между великим князем Василием Ивановичем и Герберштейном.

Осенью того же года посол возвращается на родину. Здесь, в столице империи, в кружке венских гуманистов, среди которых был знаменитый Ульрих фон Гуттен, внимавших с огромным интересом рассказам Герберштейна о далекой и необычайной Московии, у будущего автора возникла мысль о написании книги о своем путешествии. Но прошло еще много лет, прежде чем эта идея осуществилась.

На 20—30-е гг. XVI в. падает расцвет дипломатической карьеры Герберштейна. Он — один из руководителей делегации, посланной для приглашения испанского короля Карла на престол империи; он возглавляет посольство на Балканы, ведет переговоры с венецианским дожем, турецким султаном, посещает почти все страны континентальной Европы. А в 1526 г. Герберштейн вновь послан в Московию. Цель посольства все та же — попытки посредничества между Польшей и Россией и создание заслона против Турции. Второе посольство оказалось несколько удачнее: имперские послы добились перемирия между великим князем и польским королем. В конце 1526 г. Герберштейн отбыл на родину.

В дальнейшем Герберштейн выполнил многие поручения имперской дипломатической службы и к концу жизни (умер 28 марта 1566 г.) заслужил славу одного из опытных и деятельных послов Священной Римской империи. И все же всемирную известность ему принесла книга «Записки о московитских делах» («*Regum Moscoviticarum Commentarii*»). Она вышла в 1549 г. Труд Герберштейна переиздавался неоднократно и сделал многое для информации европейского читателя о России. «Записки о московитских делах» изучаются и комментируются до сих пор во многих странах мира, в том числе и в СССР.

Они привлекают ученых, писателей, но прежде всего читателей, интересующихся историей, этнографией, географией России XVI в. «Записки» отличаются полнотой сообщений и сравнительно непредубежденным описанием. Именно эти два качества книги обеспечили ей такой грандиозный успех на протяжении почти 440 лет. Добавим, что полнота известий книги Герберштейна дополняется использованием автором ряда русских сочинений — летописей, дорожников, карт, судебников.

Важнейшие темы, затронутые Герберштейном в своей книге, нашли отражение в настоящей публикации. Вслед за традиционным посвящением и предисловием автор книги начинает свой рассказ с исторического экскурса о родоначальнике русских — легендарном Руссе, «brate или внуке Леха, князя польского», — и доводит до

своего современника — великого князя Василия. Специальный раздел рассказывает об обряде венчания русских государей на царство. Кроме известия о церемониях коронации, в нем находится описание праздничного обеда и первый подробный рассказ о великокняжеских регалиях — бармах и знаменитой шапке Мономаха. Здесь помещена информация о международных делах, повествуется о соседях Руси — Литве, Польше, о балканских народах. Наконец, в особом разделе рассказано о семейных делах великого князя Василия Ивановича, о его разводе с первой женой Соломонией, о его втором браке с Еленой Глинской и о рождении Ивана Васильевича, будущего Ивана Грозного.

Много Герберштейн пишет о быте и нравах москвитов, об их празднествах, обычаях, обрядах, например о бракосочетании. В книге помещена подробная информация о судопроизводстве, о финансах страны, денежном обращении, торговле.

Но пожалуй, самое важное место в книге занимает общее описание России, русская действительность 20-х гг. XVI в. — то, что наблюдал, ощущал и изображал любознательный путешественник.

Обширный раздел книги посвящен «хорографии» России. Под этим термином автор подразумевает комплексы географической и этнографической информации. Детальные описания, интересные сведения, яркие колоритные черты, которые подметил автор при непосредственном наблюдении обыденного явления, — все это составляет уникальные картины далекого прошлого нашей родины. Герберштейн дает превосходное описание центра России, ее восточных областей, севера и ряда районов Белоруссии, Украины, Литвы. Большая часть этих описаний находится в настоящей публикации. Заканчивается книга подробным рассказом о приеме иностранных послов в России.

Московия, москвиты занимают в английской литературе XVI в. особое место. Русско-английские экономические и политические отношения были столь интенсивны и принимали такие разнообразные формы, что интерес жителей Британских островов к России не только не ослабевал, но и увеличивался с каждым десятилетием. Эти контакты прошли несколько этапов: от прибытия английского морехода Ричарда Ченслера в устье Северной Двины, а оттуда в Москву в 1553 г., ставшего «английским открытием» России, до создания в Лондоне богатейшей Московской компании, которая долгое время вела монопольную торговлю с Россией.

Английские сочинения XVI в. о России представляют особый интерес. Они дают сводку сообщений о географии, этнографии страны, о ее торговле и даже о ее законах. Но о конкретных особенностях внутренней политики, нравов и быта они сообщают немного. Пожалуй, исключением является сочинение Джерома Горсея. Автор был весьма колоритной фигурой среди иностранных путешественников, стремившихся посетить Россию Ивана Грозного. В пестрой толпе дипломатов, купцов, ремесленников, наемников, легальных миссионеров и скрытых проповедников, шпионов и авантюристов, пытавшихся уговорить, переучить, опровергнуть, убедить, подкупить, разведать и просто обмануть жителей этой «дикой», «варварской», «нецивилизованной» страны, кроме всего прочего управляемой «жестоким», «кровожадным», «тираном» и «деспотом» «Иваном Ужасным», ярко выделялся Джером Горсей. И дело не в том, что он не был на них похож. Наоборот. Он совмещал почти все «специальности» этих людей, он мог принимать почти все перечисленные ипостаси, ибо обладал всеми характерными чертами приезжавших на Русь иностранцев. Именно своей «универсальностью» он выделялся

среди них. Эта особенность и отличала Горсея от своих соплеменников, а его произведение — от десятков сочинений о России.

В 1572 г. в Москве в качестве приказчика-практиканта английской Московской компании появился молодой человек Джером Горсей родом из графства Дорсетшир, юго-западной Англии. Он прожил в России много лет. Горсей сделал здесь блестящую карьеру: был представителем Московской компании, выезжал в Лондон с посланиями Ивана Грозного к королеве Англии Елизавете I. Последняя также отправляла Горсея с поручениями к царю. После смерти Ивана Грозного он вернулся на родину, где и прожил в графстве Бэкингем вплоть до конца 20-х гг. XVII в.

Создание мемуаров Горсея падает на 90-е гг. XVI в. Они были хорошо известны на родине автора. Ими считывались как государственные деятели Англии, так и широкие круги публики. Записки Горсея при жизни автора публиковались в очень популярном историко-географическом сборнике Перчаса. В дальнейшем они неоднократно переиздавались и в Англии, и в России. Записки привлекали не только рядового читателя, но и литераторов и ученых. Достаточно сослаться на Н. М. Карамзина, использовавшего их в своей «Истории государства Российского».

Прожив столь долго в России, Горсей оставил уникальные мемуары. Правда, мы не найдем в них ни строгой формы изложения, ни последовательной передачи событий. Ценность записок в другом — в непосредственности восприятия, в оригинальности материала, в личной трактовке очевидца ряда исторических событий.

Горсей в основном описывает современные ему события, описывает Россию, которую он видел, знал, в которой жил. Он пишет о ее торговле, и в первую очередь с англичанами, о дипломатических контактах России и Англии, которые сам и осуществлял, о Ливонской войне, о проектах постройки русского флота. В записках есть совершенно уникальные портреты двух выдающихся государственных деятелей России XVI и XVII вв. — Ивана Грозного и Бориса Годунова. Эти портреты тем более ценны, что они даны очевидцем-современником, неоднократно беседовавшим с обоими. Надо ли говорить, что в изображении Ивана IV осуществился синтез впечатлений современника, боявшегося лично гнева грозного царя, и собственных наблюдений над внутренней политикой администрации, и, наконец, отражения недовольства кругов, настроенных оппозиционно в отношении «московского тирана». Несколько иной, в известной степени идеализированный портрет правителя предстает перед нами, когда речь заходит о Борисе Годунове. Несмотря на всю субъективность этих портретов, их содержание представляет огромную историческую ценность.

Оценивая в целом сочинение Горсея, надо признать и политическую тенденциозность яростного сторонника воинственной политики английского купечества XVI в. и открытого приверженца англиканской церкви. Но, видимо, необходимо отметить и личные качества автора записок, качества, которые во многом отразились и в его произведении. Именно на этих свойствах характера Горсея стоит остановиться несколько подробнее.

Весь облик Горсея, хвастливого, самоуверенного, тщеславного, не очень храброго, подчас в угоду обстоятельству предпочитающего правде ложь, склонного к авантюризму, в сочетании с умом, расчетливостью, обаянием, красноречием и юмором, напоминает характер другого джентльмена, который жил в то же время и в той же стране и которого знает каждый, кто знаком с произведениями Шекспира. Это всемирно известный литературный герой сэра Джон

Фальстаф. Действительно, сходство черт характера большое. В самом деле, Фальстаф умен, предприимчив, наблюдателен, изворотлив, не лишен юмора и одновременно хвастлив, самоуверен, труслив, нередко грешит против истины. «Полномочный министр» королевы и «рыцарь большой дороги», конечно, не идентичны. Фальстаф был характер обобщенный,— правда, типичный для той эпохи и той среды. И не один Горсей или даже Горсеи могли послужить прототипом для Фальстафа. Таких джентльменов было много в тогдашней Англии. И видимо, не только в придорожных харчевнях, но и в лондонских салонах и даже при дворе. Сходные черты в характерах Горсея и Фальстафа бросаются в глаза. Драматург наделил характер героя, созданного его воображением, чертами живого человека. Весьма вероятно, что Шекспир знал английского посла в Москву. На это указывают не только сведения из жизни и быта русских в его произведениях. Шекспир мог их заимствовать из рассказов путешественников и многочисленной литературы о России. Совершенно прямой и конкретный намек на фамилию Горсея как посла в Москву находим в его комедии «Напрасные усилия любви». Добавим, что время ее написания и постановка совпали с отъездом Горсея в Москву. Так или иначе, но некоторые черты Фальстафа близки к чертам характера автора записок Джерома Горсея.

Наиболее интересным французским сочинением о России начала XVII в. явилась книга капитана Маржерета. Он был одним из первых французов, не только посетившим Россию, но и вступившим на службу к москвитам. Офицер-наемник, энергичный, неглупый, ловкий, храбрый и в то же время жестокий, беспринципный, жадный, презирующий какие-либо моральные правила, Маржерет был истинным порождением своего века — страшного и беспощадного, века ожесточенных религиозных войн, варварских покушений, массового террора, казней заложников, публичных убийств мирного населения, грабежей и уничтожения произведений искусств, ценностей мировой культуры и, наконец, дикого фанатизма и растоптанных идеалов добра, справедливости, милосердия — основных общечеловеческих этических норм. То была эпоха, острую характеристику которой ее гениальный современник Шекспир вложил в уста одного из героев хроники «Ричард III»: «Кулак нам — совесть, а закон нам — меч». Все это усугублялось стихийными бедствиями. Голод, чума и холера гуляли по городам и весям Европы. Массовые эпидемии косили население целых областей Франции, Германии, Италии, стран Балканского полуострова.

Страшное время наступило и для России. Смута, борьба за власть бояр, самозванцы, польско-шведская интервенция, попытка захвата иностранными державами огромных территорий, уничтожения всех символов государственности, правопорядка, религии страны и даже попытки истребления самой нации, поджог и разрушение крупнейших культурных, экономических, политических центров, в том числе и Москвы, грандиозная вспышка классовой борьбы — Крестьянская война под руководством Болотникова, страшный голод; чума и полная разруха, вымирание населения целых областей и, наконец, всенародный отпор агрессорам, подвиг Минина и Пожарского — вот, что увидел француз-наемник в начале XVII в. в России. Столь грандиозные по значимости и масштабам события и столь созвучные по своим аналогиям землякам Маржерета, очевидцам и участникам Варфоломеевской ночи и религиозных войн во Франции, и побудили отставного капитана гвардии Лжедмитрия I написать книгу «Состояние Российской империи и великого княжества Московии».

Жак Маржерет родился в 50-х гг. XVI в. в небольшом городке Оксон в восточной провинции Франции Франш-Конте. Видимо, он принадлежал к семье судейских чиновников, или, как их тогда называли, к «дворянам мантии». Маржерет принимал участие в религиозных войнах. Он воевал на стороне протестантов — сторонников Генриха Бурбона, будущего короля Генриха IV. В начале 90-х гг. Маржерет уехал на Балканы, где сражался против турок. Служил он в войсках императора Священной Римской империи и трансильванского князя. Затем вступил в армию польского короля. По некоторым данным, служил в гарнизоне Каменец-Подольска, который был тогда под управлением Польши. С 1600 г. Маржерет завербовался на службу в Россию. В Москве он командовал пехотной ротой. Маржерет участвовал в борьбе против Лжедмитрия I, а с приходом последнего в Москву переходит к нему на службу и становится начальником одного из отрядов дворцовой гвардии. Со смертью своего патрона осенью 1606 г. капитан через Архангельск возвращается домой. И в Париже издает свою книгу о России.

Дальнейшая судьба Маржерета не менее интересна. Вскоре капитан вернулся в Россию, где поступил на службу к Лжедмитрию II, а затем к польскому гетману Жолкевскому, воевавшему против русских. В марте 1611 г. Маржерет участвовал в подавлении восстания москвичей против поляков, в поджоге и разорении Москвы. Осенью 1611 г. капитан уехал в Англию, а затем во Францию. Тесно связанный с англичанами, Маржерет участвует в попытке захвата русского севера. Для этого, вместе с английскими офицерами, он стремится вновь поступить на русскую службу. Но правительство России и князь Дмитрий Пожарский категорически отвергли предложение Маржерета. Ему ничего не осталось, как возвратиться в Западную Европу. Последние десять лет он живет в Польше и Германии, где исполняет роль политического агента французского правительства.

Книга Маржерета написана живо, интересно, но без особого систематического плана изложения. Автор не профессиональный литератор. Он внимательный, хотя и тенденциозный, наблюдатель. Маржерет фиксирует то, что видел и слышал сам. Повествование начинается с описания географического положения страны. Дает Маржерет краткие известия о сельском хозяйстве и природных богатствах России. Его поражает такое обилие хлеба, меда, скота, превосходной рыбы — стерляди, белуги, осетра, семги. «Подобного богатства нет в Европе», — отмечает автор. Большое место занимают в книге сведения о внешней и внутренней политике Руси. Интересные и подробные сообщения находим в книге о царе Федоре, его правлении, о влиянии Бориса Годунова на внутреннюю и внешнюю политику России. Сообщает капитан и о «покушении» на царевича Дмитрия. Он обвиняет Бориса в заговоре с целью убийства претендента на царский трон. Маржерет уверяет своих читателей, что царевич остался жив, что вместо него похоронен другой.

Капитан подробно рассказывает о борьбе царя Бориса с самозванцем, о захвате Лжедмитрием I Москвы, о его коронации в конце июля 1605 г., о посольстве в Польшу. Маржерет повествует и об опале Шуйских, приезде Марины Мнишек, о ее венчании с самозванцем, о заговоре и убийстве «царя Дмитрия», об избрании на царство Василия Шуйского. Сын своей эпохи, автор довольно много и подробно пишет о религии, твердо памятуя, что она определяет идеологические и политические взгляды. В России его поражает существование множества религий и почти полная свобода вероисповедания.

Тщательно и, пожалуй, с известным знанием дела рисует Маржерет структуру государственной власти России. Он пишет о Боярской думе, о ее составе, о Приказах, о дьяках — «секретарях» думы, о сборе средств в государственную казну, о системе обложения налогами. Подробно изложены известия о военных силах России. Автор дает интересное описание различного рода войск, указывает на их численность, организацию, снабжение, стратегию и тактику.

Необходимо отметить, что помимо собственных наблюдений Маржерет использовал сведения, почерпнутые из бесед с крупнейшими чиновниками государственного аппарата России. Обилие конкретных фактов, целые комплексы сообщений, неизвестных по другим источникам, сделали книгу исключительно популярной. Конечно, перечисленные достоинства книги не должны заслонять ее общую тенденциозность, а подчас враждебность к России. При чтении книги надо помнить личную эволюцию автора: от офицера-наемника на русской службе до интервента, участвовавшего в поджоге и разграблении Москвы. И тем не менее книге Маржерета, в отличие от ее автора, прошедшего свои дни по возвращении из России почти в полной безвестности, была уготована удивительная судьба. Насыщенная разнообразной информацией, посвященная бурной эпохе и дающая возможность воссоздать образы ведущих персонажей русской истории, она всегда привлекала как исследователь-историков, так и писателей. В России записки использовали В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов; во Франции — известный историк-гуманист де Ту и знаменитый писатель Проспер Мериме. Все работы советских историков о России начала XVII в. и все обобщающие труды, посвященные этой эпохе, используют книгу Маржерета в качестве источника. Образ самого автора увековечил в своей бессмертной трагедии «Борис Годунов» А. С. Пушкин.

Самой известной и самой знаменитой книгой о России в XVII в. было «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» Адама Олеария. Она пользовалась неизменной и исключительной популярностью на протяжении многих десятков лет и заслужила самые лестные отзывы как простых читателей, так и искушенных путешественников и ученых. Именно последние отмечали ее энциклопедичность. Эти оценки, во многом справедливые, давались по двум причинам. Книга действительно затрагивала множество явлений природы, общественной жизни, идеологии, быта и нравов. Насыщенность ее фактическими данными несомненна. Но если книга представляет интерес даже для читателей второй половины XX в., то нетрудно представить, какой отклик она вызывала у современников, живших триста лет тому назад. Причем она их интересовала как с точки зрения познавательности, так и с точки зрения практических интересов — торговли, дипломатии, политики. Итак, одна из причин самой высокой оценки книги — это ее содержание. Вторая причина популярности книги — ее структура, форма подачи материала. Схема расположения информации такова, что читатель без труда мог найти сведения по интересующему его вопросу. Сочинение Олеария давало справку по множеству тем. В подобном построении книги сказалась общая тенденция середины XVII в., эры буржуазных революций, эпохи, когда книга стала часто носить «прагматический» характер и была рассчитана на людей, стремящихся к извлечению профессиональных сведений. Подобная форма сочинения во многом становилась доходчивее и понятнее благодаря манере изложения Олеария. Автор «Описания» одинаково хорошо владел и сухим языком ученого педанта при изложении сведений

естественно-математического или географического характера, и взволнованным, эмоциональным, подчас патетическим стилем при описании событий, жанровых картин быта, нравов, исторических фактов. И, наконец, последнее. Олеарий снабдил издания своей книги картами, топографическими схемами, рисунками и целыми картинами. Обилие иллюстраций — Олеарий рисовал сам и нанял нескольких художников для оформления своей книги, — естественно, способствовало усвоению и пониманию текста, посвященного столь интересной и столь необычной теме, как положение России в общей системе европейской цивилизации.

Таким образом, и содержание и форма действительно делали книгу похожей на энциклопедическое издание.

Появление книги Олеария о России, так же как и становление самого автора как одного из крупнейших ученых Германии того времени, во многом зависело от взаимоотношений Запада и Востока в середине XVII в. Может быть, впервые дипломаты, политики, государственные деятели поняли неразрывное единство между Восточной и Западной Европой, их несомненную связь, как политическую, так и экономическую. Подобная тенденция европейской общности, сопричастности различным аспектам жизни всего континента была вызвана рядом европейских катаклизмов. Буржуазные революции (голландская, английская), Фронда и становление абсолютизма во Франции, франко-английская война, испано-французская, Тридцатилетняя война, всколыхнувшая всю Европу, постоянная угроза со стороны могущественной Турецкой империи, контролирующей фактически все Средиземное море, и, наконец, страшные неурожаи, голод, нескончаемые эпидемии — все это заставило западных государственных деятелей искать ответы на целый ряд кардинальных вопросов с помощью России. Так, русский хлеб стал одним из решающих факторов внешней политики в Западной Европе. Именно благодаря его поставкам кардинал Ришелье сумел стабилизировать внутреннее положение Франции в 30-х гг. XVII в. и потушить восстания на юге страны. Именно торговля с Москвией помогла Голландской республике в первой половине XVII в. сохранить свою независимость. А лорд-протектор Английской республики Кромвель и претендент на трон Англии и Шотландии-принц Карл Стюарт, будущий король Карл II, соперничали друг с другом, стараясь заручиться поддержкой Москвы. Россия активно влияет на многие аспекты внешней политики Европы. Естественно, в XVII в. Московия стремится к свободе торговли вопреки устремлениям своих традиционных партнеров — Англии и Голландии, бывших монополистами в области экспортных операций с Востоком. Именно в этот период в Северной Германии возник проект о торговле с Россией и Персией. Возможно, в 30-е гг. XVII в., в самый разгар Тридцатилетней войны, было мало шансов на его осуществление. Ни в маленькой и не очень богатой Голштинии, которая выступала инициатором проекта, ни в самой Германии, ставшей ареной ожесточенной всеевропейской войны, не было в тот момент денег и товаров для освоения такого рынка, каким была Россия. Но сама идея была чрезвычайно показательна и плодотворна. В Германии ее сразу оценили. Более того, со свойственной немцам основательностью для сбора сведений о рынке и условиях торговли в Москву было отправлено два посольства. Первое — в Москву (1633—1635 гг.), а второе — в Москву и Персию (1635—1639 гг.). В обоих посольствах участвовал знаменитый немецкий ученый-энциклопедист Адам Олеарий (1599—1671). Он родился в бедной плебейской семье. Отец его, сельский портной, рано умер, и семья страшно нуждалась. Молодой Олеарий получал обра-

зование, буквально по грошам собирая плату за обучение. И видимо, он не смог бы учиться, если бы не помощь матери и сестер, которые пряли на продажу пряжу. Благодаря исключительным способностям и прилежанию, Олеарий сумел не только закончить один из лучших университетов Германии, но и получить там ученые степени. Блестящие отзывы о его научных заслугах повлияли на включение Адама Олеария в посольства шлезвиг-голштинского князя Фридриха III. В состав миссии также вошли известный врач и художник Гартман Граманн и знаменитый поэт Германии, представитель немецкого барокко Пауль Флеминг. Адам Олеарий исполнял обязанности советника посла и секретаря. Основная цель миссии заключалась в установлении торговых отношений между Северной Германией и Востоком. И хотя в тот момент эти контакты не осуществились, результаты сбора и публикации информации за период путешествий сыграли огромную роль в ознакомлении Европы с Россией. Миссия в Москву дала возможность появления одной из лучших книг о России в XVII в.

Олеарий побывал в России еще в 1643 г. На протяжении всей своей жизни ученый трудится не только в области гуманитарных наук — истории, этнографии, литературы, лингвистики, но и в области естественных — астрономии, математики, географии. Настойчивой инициативе и тщательному руководству Олеария обязана история мировой науки созданием знаменитого Готторпского глобуса. Этот шедевр естественной и технической мысли того времени был подарен Петру I и с 1714 г. хранится в Петербурге. Ныне реконструированный глобус — единственное, кроме книги, произведение Олеария, которое сохранилось до наших дней, — находится в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук СССР в Ленинграде.

Трудно перечислить те вопросы, которые затрагивает в своем сочинении Олеарий. Их очень много. Пожалуй, можно только упомянуть отдельные группы информации. Огромный комплекс сведений излагает Олеарий по географии, топографии, этнографии России, как ее западных районов, так и восточных, а также Центра и Поволжья.

Олеарий отмечает обилие природных ископаемых в стране, интенсивную добычу руды, постройку заводов, например в районе Тулы. Он много пишет о ремесле и торговле. Олеарий подробно рассказывает о ремесленных изделиях, многие из которых, по его заключению, не хуже, если не лучше, немецких. Естественно, что члена торгового посольства привлекла «сфера экономического обмена». Олеарий детально описывает русскую торговлю, ее основные пути, как морские, так и сухопутные. Интересуют его контакты между Россией и Востоком.

Заслуживает самого пристального внимания информация путешественника об административном аппарате страны, о финансах, армии, судопроизводстве, областном управлении. Драгоценны известия о нравах, быте русских середины XVII в. Олеарий сообщает о праздниках, обрядах и даже распорядке дня москвича, своего современника, о его деятельности и отдыхе.

Олеарий дает довольно много сведений о положении России на международной арене. Он отмечает напряженные отношения Московии с Польшей и Швецией. Первая воевала с Россией из-за Смоленска, вторая энергично блокировала попытки москвитов выйти к Балтийскому морю.

Интересно отношение русских к Западу, как это увидел и зафиксировал Олеарий. Вслед за своими предшественниками он отме-

тил, что русские доброжелательно относятся к иностранцам, к их культуре, охотно усваивают то, что им кажется необходимым. Автор пишет: «У них нет недостатка в хороших головах для учения. Между ними встречаются люди весьма талантливые, одаренные хорошим разумом и памятью». Олеарий отмечает появление Славяно-греко-латинской академии в Москве.

Стремление к объективному изложению материала не помогло Олеарию избежать тенденциозности при трактовке фактов. Иногда она выражается в резких, хотя и весьма наивных, выпадах против русских, в нарочитой акцентировке при описании их невоздержанности, грубости, пьянства и даже нарушений нравственности. Нельзя не отметить, что автор вправе обвинить своих современников, живших в различных районах Европы, в перечисленных пороках. Ему ли их не знать! Сам Олеарий неоднократно спасался из своего родного Лейпцига от грабежа, разбоя и насилия пьяной солдатни. Во время самого посольства миссия также подверглась нападению еще до вступления ее на территорию Московии. Это случилось в Эстляндии, в ее крупнейшем центре — Ревеле. Здесь, недалеко от резиденции посла, подвергся нападению один из членов голштинской миссии. Через несколько часов он умер. Убийца так и не был найден, хотя его имя, без сомнения, было известно ревельскому магистрату. Отметим кстати, что миссия ни разу не подверглась нападению или хотя бы какому-либо притеснению на территории России. А ведь она во время путешествия столкнулась с такими подданными русского царя, которые частенько занимались нападением на торговые караваны и у которых царские «охранные» грамоты голштинского посольства не вызвали бы ничего, кроме насмешек. Речь идет о донских и волжских казаках, Посольство не потерпело от них никакого урона.

Некоторая односторонность при изложении и нелюбовь к ряду явлений русской жизни, к обычаям, нравам и даже идеологии, объясняются довольно просто — личными морально-этическими принципами самого автора. Читая его книгу, надо помнить, что Олеарий — убежденный протестант. Трудно даже вообразить, что, несмотря на всю общую культуру, эрудицию, профессор Лейпцигского университета, этой «твердыни протестантизма» в XVII в., а затем высокопоставленный чиновник на службе провинциального княжества, был бы безбожником, атеистом или хотя бы допускал в своих высказываниях возможность мирного сосуществования христианских, мусульманских, буддистских и шаманистских верований, т. е. то, что он увидел в России. В случае подобной «вольности» Олеарий без всякого сомнения лишился бы своего поста и жалованья — единственного способа существования его самого и его семейства.

Отметим еще один личный момент в биографии Олеария, который, быть может, объясняет некоторое пренебрежительное отношение к ряду обычаев русских, и уж совсем враждебное — прибалтийских народов — латышей, литовцев, эстов. Объяснение этому надо искать во влиянии жены ученого. Олеарий женился на дочери ревельского бюргера, немца по происхождению. Как подобная категория зажиточных слоев Дерпта, Ревеля, Риги относилась к России, а также к собственному крестьянству и городскому плебсу, в том числе и немцам, общеизвестно. Одновременно в книге можно встретить и идеализацию нравов, обычаев москвитов, живущих в святой простоте, не знающих всех ужасов современной автору европейской «цивилизации». Олеарий неоднократно цитирует стихи своего друга и спутника, известного поэта немецкого барокко Пауля Флеминга. Последний подробно описывает в своих стихах идиллическое существование русского крестьянина. А заканчивает Флеминг

повествование о России знаменательной сентенцией, изложенной в форме риторического вопроса:

Так, значит, здесь сошла ты в наше поколение,
Святая простота, святое украшение,
Ушедшее от нас? Так, значит, вот страна,
Что честью, правдою и до сих пор полна?

Здесь, в этой концовке стихотворения, пожалуй, видим больше искренности, чем в педантичных упреках русским в отношении излишеств и норм поведения, сделанных другом Флеминга Олеарисом. В стремлении найти чистоту, простоту человеческих отношений, даже в известной идеализации патриархальности прозвучала искренняя скорбь и поэта, предшественника Руссо, и человека, насмотревшегося на ужасные картины войны, страшного голода, чумы. Отметим, что Флеминг,— впрочем, как и Олеарий,— происходил из тех районов Германии, где в 30—40-х гг. XVII в. погибло свыше двух третей населения. Вот почему жизнь русских крестьян, несмотря на все притеснения и беды, с которыми она была сопряжена, казалась поэту мирной, тихой, простой, чуть ли не райской по сравнению с тем адом насилия и произвола, который он видел и испытал у себя на родине.

Оценивая в целом деятельность Олеария, надо отметить, что в истории контактов между Западной и Восточной Европой его усилия чрезвычайно полезны, ибо имели известное практическое значение. В самом деле, Адам Олеарий и небольшая Голштиния стояли у истоков русско-немецких связей, и не только культурных, но и политических, и прежде всего экономических.

О России конца XVII в. рассказывают записки француза де ла Невилля. Они дают превосходную панораму внутренней и внешней политики страны накануне петровских реформ. Автор побывал в России в 1689 г. Он прожил в столице несколько месяцев. Сочинение поражает обилием материала, его насыщенностью и оригинальностью. Если полнота и новизна сведений, изложенных в форме интересного рассказа, не вызывают сомнений в познавательном и научном значении книги и, уж конечно, в ее реальном существовании, то про автора, как это ни парадоксально, сказать подобного нельзя. Действительно, автор записок весьма таинственная личность, в существовании его было даже высказано сомнение. В начале XVIII в. полагали, что под именем Невилля скрывается известный парижский библиограф Адриан Байле, который, будто бы объединив дипломатические донесения и устные рассказы путешественников, создал столь интересную книгу. Безусловно, подобное предположение далеко от действительности, хотя в известной степени отражает стремление автора уйти от внимания своих современников. На это указывает и само признание Невилля в предисловии к книге, где дипломатический агент Франции в Варшаве рассказывает о том, как он выдавал себя в Москве за польского посланника, целью которого было определение позиции России в отношении Швеции и Бранденбурга. Но думается, что и эта маскировка — одна из мистификаций Невилля. Ибо сам автор книги не был лишь информатором польского короля, так же как и не был он только осведомителем своего господина — Людовика XIV. Существовал действительный патрон Невилля. Автор этих записок — иезуит, тесно связанный с руководством своего ордена. Именно туда, и прежде всего к генералу ордена, поступала информация о России. Но принадлежность Невилля к всемогущему ордену дала ему возможность пользоваться в Москве такими источниками информации, которые были недоступны простым смертным. К информаторам Невилля принадлежали не только члены

дипломатических миссий в России и жители немецкой слободы в Москве, но и, видимо, некоторые иностранцы на службе Русского государства. Достаточно назвать сподвижника юного Петра Патрика Гордона и генерала Менезиуса, убежденных католиков и активных членов Общества Иисуса. Невилль, кстати, прямо ссылается на одного из них — Менезиуса.

Безусловно, автора записок нельзя упрекнуть в отсутствии тенденциозности. Политическая направленность агента французского короля при польском дворе, воинствующего католика и светского иезуита, чувствуется при описании многих явлений русской жизни, именуя самых незначительных. Так, описывая московские церкви «куполообразной формы», автор записок отмечает, что это им придает мрачный вид, хотя сам же признает их красоту и величие. И наконец, москвиты заслуживают термина «варвары», как только русское правительство запрещает въезд на территорию страны группе иезуитов, среди которых были французские разведчики. Причем на характер их деятельности указывает сам автор. Но, видимо, этой нарочитой, а для нас несколько смешной тенденциозностью можно пренебречь, учитывая исключительную ценность фактического материала записок. В Москве Невилль встречался с выдающимися государственными деятелями допетровской Руси — с князем В. В. Голицыным и А. А. Матвеевым; с известными дипломатами — думным дьяком и фактическим главой Посольского приказа Е. И. Украинцевым и переводчиком, ученым Н. Спафарием. Невиллю принадлежат уникальные сведения о проектах реформ, планируемых В. В. Голицыным. «Намерением Голицына было поставить Московию на одну ступень с другими государствами. Он собрал точные сведения о состоянии европейских держав и их управления и хотел начать с освобождения крестьян, предоставив им земли, которые они в настоящее время обрабатывают в пользу царя, с тем чтобы они платили ежегодный налог».

Невилль описывает такие важные события, как мятеж Хованских, крымские походы В. В. Голицына, установление непосредственных отношений с Китаем, заговор царевны Софьи, бегство Петра в Троицкий монастырь. Многие события автор непосредственно наблюдал лично. Добавим, что события, описываемые автором записок, послужили историческим источником для многих художественных произведений — от либретто оперы Мусоргского «Хованщина» до романа Алексея Толстого «Петр I».

Западноевропейские сочинения XV—XVII вв. о России и русских имели большое общекультурное значение. Они сыграли определенную положительную роль в деле взаимопонимания народов Востока и Запада. Литература о России во многом способствовала установлению между ними культурных, политических и экономических контактов. Конечно, эти сочинения не всегда объективны. Некоторые оценки, выводы, параллели и характеристики были даны из-за непонимания и незнания языка, обычаев, нравов. Другие — из-за той или иной предвзятости, личного отношения или позиции, продиктованной классовой, политической или религиозной принадлежностью. Но все это не умаляет интереса к запискам иностранцев о России. Напротив. Ведь они становятся весьма актуальными в наши дни. Записки наглядно показывают, как складывался образ России на Западе, как много значит непредвзятое восприятие действительности и последующие честные и объективные оценки политики, истории, культуры, жизни великого народа и великой страны.

Ю. ЛИМОНОВ

Амброджо
Контарини

**РАССКАЗ
О ПУТЕШЕСТВИИ В МОСКВУ
В 1476—1477 гг.**

аконец [...] мы вступили на землю России. Это произошло 22 сентября [1476 г.]. В лесу попались нам несколько человек русских из окрестных деревушек. Услышав, что в нашем отряде находился Марк¹, жители, которые были в ужасном

страхе перед татарами, вышли и поднесли ему немного сотового меда. Марк угостил им меня, что было просто необходимо: ведь мы едва двигались и дошли до крайнего состояния, так что с трудом держались на лошадях.

Мы уехали отсюда и прибыли в город, называемый Рязань; он принадлежит князьку, жена которого приходится сестрой великому князю московскому². Дома в этом городе все деревянные, так же как и его кремль. Здесь мы нашли и хлеб, и мясо в изобилии, и даже русский напиток из меда; всем этим мы хорошо подкрепились.

Уехав отсюда, мы двигались непрерывно по огромнейшим лесам и только к вечеру нашли русскую деревню, где и остановились; тут мы несколько отдохнули, потому что нам показалось, что это место было [...] безопасно.

Затем мы приехали в другой город, называемый Коломной и расположенный около реки Мостро. Здесь есть большой мост, по которому переходят эту реку, а она впадает в Волгу.

Уехали мы и отсюда, Марк послал меня вперед, потому что весь отряд должен был прийти позднее.

Итак, 26 сентября 1476 г. мы [...] вступили в город Москву, принадлежащий великому князю Ивану³, властителю Великой Белой Руси.

Всю ту огромную вереницу дней, пока мы ехали по степи,— а это было с 10 августа [1476 г.], когда мы вы-

шли из Астрахани,— и до 25 сентября, когда мы вошли в Москву, мы готовили пищу, за неимением дров, на навозе. Теперь же, когда в полной сохранности мы попали в этот город и нам была предоставлена от Марка одна комнатка и еще небольшое помещение для всех нас и для лошадей, то это жилище, хотя и маленькое и плохое, показалось мне после всего перенесенного настоящим дворцом, большим и благоустроенным.

27-го числа того же месяца и года прибыл в город Марк. Вечером он явился ко мне и преподнес в дар удовольствие (город им изобилдовал; об этом я скажу ниже), успокаивая меня и убеждая чувствовать себя свободно, будто я нахожусь в собственном доме. И это он сказал от имени своего государя. Я поблагодарил его, как мог и умел.

28-го числа я пошел к Марку и, так как я хотел уехать на родину, я попросил его предоставить мне случай говорить с великим князем. Марк выполнил это, потому что через короткое время государь прислал позвать меня. Придя и совершив обязательную церемонию приветствий, я поблагодарил его высочество за добрую компанию, которую составил мне его посол Марк. Об этом я мог говорить с полной искренностью, так как много раз бывал спасаем Марком от величайших опасностей; кроме того, хотя эти услуги были оказаны лично мне, его высочество имел полное основание полагать, что они одновременно были направлены и на мою светлейшую иньорию, послом которой я являлся.

Однако его высочество не дал мне сказать все с полной ясностью, но с взволнованным лицом он стал жаловаться на Дзуана Баттисту Тривизана⁴; впрочем, об этом я здесь не скажу ничего, так как это сюда не относится. После многих речей, как со стороны его высочества, так и моих, на вопрос мой о том, что я хотел бы отсюда уехать, он сказал, что даст мне ответ в другой раз, и отпустил меня, ввиду того что собирался выехать; у него был обычай ежегодно посещать некоторые местности своей страны, особенно же одного татарина, который на княжеское жалованье держал пятьсот всадников. Говорили, что они стоят на границах с владениями татар для охраны, дабы те не причиняли вреда стране [русского князя].

Я же, как было уже сказано, стремился уехать [из Москвы] и потому добивался ответа на свою просьбу его высочеству. Меня позвали во дворец: там я предстал

перед тремя важнейшими баронами⁵, которые мне ответили от имени государя великого князя, что я желанный гость, но повторили все сказанные мне великим князем слова и его жалобы на Дзуана Баттисту, в заключенные же объявили, что я волен либо уехать, либо остаться, как мне заблагорассудится. С этим меня и отпустили. Государь же сел на лошадь и уехал в свой объезд.

Но я был должником Марка; я задолжал ему все деньги, которые пошли на мой выкуп, да еще с процентами, и, кроме того, известную сумму, которая пошла на другие мои расходы. Поэтому я попросил Марка отпустить меня [на родину] с условием, что, как только я приеду в Венецию, я сразу же вышлю ему все, что должен. Но он не пожелал согласиться на это, говоря, что и татары, и русские должны получить свои деньги соответственно поручительству, которое он дал им, и хотят, чтобы им уплатили.

Итак, все мои попытки, как у великого князя, так и у Марка, закончились неудачей. Поэтому я решил послать священника Стефана к нашей светлейшей синьории, чтобы представить ей все сведения, в надежде, что она с обычной милостью и благосклонностью проявит свою заботу обо мне и не даст мне здесь погибнуть.

Таким образом, я отправил в путь упомянутого священника Стефана, который усакаал. 7 октября [1476 г.]; в спутники ему я дал одного человека, Николая из Львова, опытного в подобных путешествиях. Итак, они уехали, а я остался.

Здесь [в Москве] жил мастер Трифон, ювелир из Катаро⁶, который изготовил — и продолжал изготовлять — много сосудов и других изделий для великого князя. Еще здесь жил мастер Аристотель⁷ из Болоньи, строитель, который строил церковь на площади. Также было здесь много греков из Константинополя, приехавших сюда вместе с дэспиной⁸. С ними со всеми я очень подружился.

Жилище, которое мне дал Марк, было мало и плохо; там едва можно было разместиться. При посредстве того же Марка я получил жилище в доме, где стоял упомянутый мастер Аристотель. Дом этот помещался почти что рядом с великокняжеским дворцом и был очень хорош. Но через несколько дней (и откуда это пришло — не пойму!) мне было приказано от имени государя, чтобы я выехал из этого дома. С большим трудом для

меня был найден дом вне замка; он имел две комнаты, в одной из которых расположился я сам, а в другой — мои слуги. Там я и оставался вплоть до моего отъезда.

Город Москва расположен на небольшом холме; он весь деревянный, как замок, так и остальной город. Через него протекает река, называемая Моско. На одной стороне ее находится замок и часть города, на другой — остальная часть города. На реке много мостов, по которым переходят с одного берега на другой.

Это столица, т.е. место пребывания самого великого князя. Вокруг города большие леса, их ведь вообще очень много в стране. Край чрезвычайно богат всякими хлебными злаками. Когда я там жил, можно было получить более десяти наших стайев⁹ пшеницы за один дукат, а также, соответственно, и другого зерна.

[Русские] продают огромное количество коровьего и свиного мяса; думаю, что за один маркет¹⁰ его можно получить более трех фунтов. Сотню кур отдают за дукат; за эту же цену — сорок уток, а гуси стоят по три маркета за каждого.

Продают очень много зайцев, но другой дичи мало. Я полагаю, что [русские] не умеют ее ловить. Торгуют также разными видами дикой птицы в большом количестве.

Вина в этих местах не делают. Нет также никаких плодов, бывают лишь огурцы, лесные орехи, дикие яблоки.

Страна эта отличается невероятными морозами, так что люди по девять месяцев в году подряд сидят в домах; однако зимой приходится запастись продовольствием на лето: ввиду больших снегов люди делают себе сани, которые легко тащит одна лошадь, перевозя таким образом любые грузы.

Летом же — ужасная грязь из-за таяния снегов, и к тому же крайне трудно ездить по громадным лесам, где невозможно проложить хорошие дороги. Поэтому большинство поступают именно так [т.е. пользуются зимней дорогой].

В конце октября река, протекающая через город, вся замерзает; на ней строят лавки для разных товаров, и там происходят все базары, а в городе тогда почти ничего не продается. Так делается потому, что место это считается менее холодным, чем всякое другое: оно окружено городом со стороны обоих берегов и защищено от ветра.

Ежедневно на льду реки находится громадное количество зерна, говядины, свинины, дров, сена и всяких других необходимых товаров. В течение всей зимы эти товары не иссякают.

К концу ноября обладатели коров и свиней бьют их и везут на продажу в город. Так целными тушами их время от времени доставляют для сбыта на городской рынок, и чистое удовольствие смотреть на это огромное количество ободранных от шкур коров, которых поставили на ноги на льду реки. Таким образом, люди могут есть мясо более чем три месяца подряд. То же самое делают с рыбой, с курами и другим продовольствием.

На льду замерзшей реки устраивают конские бега и другие увеселения; случается, что при этом люди ломают себе шею.

Русские очень красивы, как мужчины, так и женщины, но вообще это народ грубый.

У них есть свой папа¹¹, как глава церкви их толка, нашего же они не признают и считают, что мы вовсе погибшие люди.

[...] У них нет никаких вин, но они употребляют напиток из меда, который они готовят с листьями хмеля. Этот напиток вовсе не плох, особенно если он старый. Однако их государь не допускает, чтобы каждый мог свободно его готовить [...].

Их жизнь протекает следующим образом: утром они стоят на базарах примерно до полудня, потом отправляются в таверны есть и пить; после этого времени уже невозможно привлечь их к какому-либо делу.

В город в течение всей зимы собирается множество купцов как из Германии, так и из Польши. Они покупают исключительно меха — соболей, лисиц, горностаев, белок и иногда рысей. И хотя эти меха добываются за много дней пути от города Москвы, больше в областях на северо-востоке, на севере и даже, быть может, на северо-западе, однако все съезжаются в это место, и купцы покупают меха именно здесь. Меха скопляются в большом количестве также в городе, называемом Новгород, земля которого граничит почти что с Фландрией и с Верхней Германией¹²; от Московии Новгород отстоит на восемь дней пути. Этот город управляется как коммуна, но подчинен здешнему великому князю и платит ему дань ежегодно.

Князь, насколько я понял, владеет большой страной и мог бы иметь достаточно людей [для войска], но множе-

ство среди них — бесполезный народ. В северо-западном направлении страна эта граничит с Германией, принадлежащей польскому королю.

Говорят, что существует некий народ язычников, не имеющий никакого правителя; однако, когда им взбредет в голову, они подчиняются русскому великому князю. Рассказывают, что некоторые из них поклоняются первой попавшейся вещи, а другие приносят в жертву какое-нибудь животное у подножия дерева, которому и поклоняются. Рассказывают еще о многом, но я помолчу об этом, так как ничего этого не видел и так как мне все это не кажется заслуживающим доверия.

Упомянутому государю от роду лет 35; он высок, но худощав; вообще он очень красивый человек. У него есть два брата и мать, которая еще жива; есть у него и сын от первой жены, но он в немилости у отца, так как нехорошо ведет себя с дэспиной; кроме того, у него есть две дочери¹³; говорят, что дэспина беременна.

Я мог бы продолжить свой рассказ, но он был бы слишком длинен, если говорить обо всем.

Я оставался в городе Москве с 25 сентября [1476 г.], когда я туда приехал, до 21 января [1477 г.], когда я отсюда выехал. С уверенностью я могу сказать, что у всех я встречал хороший прием.

Великий князь, совершив поездку по своей стране, вернулся в Москву примерно к концу декабря [1476 г.]. Хотя я и послал упомянутого священника Стефана за деньгами, истраченными на мой выкуп, уверенный, что деньги будут мне посланы, но, испытывая сильное желание вернуться на родину, — при том, что местные обычаи были неприемлемы для моей природы, — я вступил в переговоры с некоторыми из дворян, которые, как мне казалось, должны были быть благосклонны и помочь мне уехать. И вот, по прошествии немногих дней, его высочество послал пригласить меня к своему столу и сказал, что согласен, чтобы я уехал; кроме того, он выразил желание послужить нашей светлейшей синьории и заплатить татарам и русским сумму моего выкупа, которую я им задолжал.

Я пошел на обед, устроенный великим князем в мою честь с большим почетом. Было много яств и всего другого. Отобедав, я, по местному обычаю, сразу же ушел и вернулся в свое жилище. Через несколько дней великий князь пожелал, чтобы я еще раз положенным порядком отобедал с его высочеством, после чего он приказал своему казначею выдать мне необходимые деньги

для татар и русских, а затем пригласил в свой дворец, где велел одеть меня в одежду из соболей (т. е. это один только мех) и даровал мне еще тысячу беличьих шкурок при этой одежде, с чем я и возвратился домой.

Государь пожелал также, чтобы я посетил дэспину. Я это сделал с должными поклонами и соответственными словами; затем последовала длительная беседа. Дэспина обращалась ко мне с такими добрыми и учтивыми речами, какие только могли быть сказаны; она настоятельно просила передать ее приветствие светлейшей синьории; и я простился с ней.

На следующий день я был приглашен во дворец на обед к великому князю. До того как идти к столу, я вошел в покой, где находились его высочество и упоминавшийся выше Марк и еще другой его секретарь; с доброжелательнейшим лицом его высочество обратился ко мне с самыми учтивыми, какие только могут быть, словами, настоятельно прося меня засвидетельствовать моей светлейшей синьории, что он — ее добрый друг и таким желает остаться и что он охотно меня отпускает, предлагая во всем содействовать, если мне что-либо понадобится. Пока государь произносил свою речь, я понемногу отдалялся, но его высочество все время приближался ко мне с величайшей обходительностью. Я ответил на все, что он мне сказал, сопровождая свои слова выражением всяческой благодарности. В подобной беседе мы провели целый час, если не больше.

Великий князь с большим радушием показал мне свои одежды из золотой парчи, подбитые прекраснейшими соболями.

Затем мы вышли из того покоя и медленно прошли к столу. Обед длился дольше обычного, и угощений было больше, чем всегда. Присутствовало много баронов государя.

По окончании обеда мне предложили встать из-за стола и подойти к его высочеству, который громким голосом, чтобы все слышали, объявил мне о своем разрешении отправиться в путь; он проявил также большую дружественность по отношению к нашей светлейшей синьории. Я же поблагодарил его высочество, как полагается.

Затем мне была поднесена большая серебряная чаша, полная медового напитка, и было сказано, что государь приказывает мне осушить ее всю и дарует мне эту чашу. Такой обычай соблюдается только в тех случаях, когда

хотят оказать высшую честь либо послу, либо кому-нибудь другому. Однако для меня оказалось затруднительным выпить такое количество — ведь там было очень много напитка! Насколько я помню, я выпил только четвертую часть, а его высочество, заметив, что я не в состоянии выпить больше, и заранее зная к тому же об этом моем свойстве, велел взять у меня чашу, которую опорожнили и пустую отдали мне. Я поцеловал руку его высочества и ушел с добрыми напутствиями.

Многие его бароны проводили меня до лестницы и облобызали с проявлениями большого доброжелательства.

Так возвратился я домой и подготовил все для отъезда. Однако Марк пожелал, чтобы я отобедал у него, и поэтому 21 января [1477 г.] я с моими спутниками присутствовал на почетном обеде у Марка и затем распрощался с ним. Усевшись в наши сани, мы, с именем божьим на устах, уехали [из Москвы].

Эти сани представляют собой нечто вроде домика, который везет одна лошадь. Они употребляются только в зимнее время, и каждому следует иметь отдельную [кибитку]. Усаживаются в сани, укрывшись любым количеством одеял, и правят лошадью — и таким образом покрывают огромнейшие расстояния. Внутри с собой кладут съестные припасы и все необходимое.

Патриарх антиохийский, а именно брат Людовик, принятый великим князем, был отпущен ехать только благодаря моим стараниям при помощи Марка. Мы должны были отправиться вместе, но, заметив, что он не проявлял к этому никакого желания, я уехал один с моими спутниками. От государя мне был дан человек, который должен был меня сопровождать, причем великий князь приказал, чтобы по всей стране мне давали, от места до места, по одному такому [проводнику].

Вечером мы все расположились в очень ветхой деревеньке, тем не менее, хотя я и знал, что придется терпеть всевозможные неудобства и трудности из-за холодов и снегов, обычных в этих местах, и что придется ехать все время по лесам, — всякое неудобство казалось мне удобством, и я решительно ничего не боялся, настолько велико было мое стремление оказаться за пределами этих стран и избавиться от [здешних] обычаев. По этой причине я ни о чем другом не думал, как только о том, чтобы ехать и ехать, днем и ночью.

22 января мы покинули ту деревню и ехали непрерывными лесами в сильнейшем холоде с указанного дня до

27 января, когда прибыли в городок, называемый Вязьма. Уехав оттуда, мы продолжали брать проводников на отдельные участки пути.

Затем мы попали еще в один городок, под названием Смоленск, и отправились оттуда с новым проводником. Тут мы выехали из страны московского великого князя и вступили в Литву, которая принадлежит польскому королю Казимиру¹⁴.

Затем мы приехали в городок, называемый Троки, где застали его величество короля.

Следует отметить, что с 21 января, когда мы выехали из Москвы, вплоть до 12 февраля [1477 г.], когда мы прибыли в Троки, мы все время продвигались по лесам; это была равнина, кое-где с небольшими холмами. Иногда нам попадались деревни, где мы отдыхали, однако большинство ночей приходилось проводить в лесу. В середине дня мы останавливались для еды в таких местах, где можно было отыскать костер, брошенный людьми, проехавшими незадолго до нас днем или вечером [предыдущего дня]. Тут же мы находили нарубленный лед, чтобы напоить лошадей, и другие нужные вещи, подкидывали дров в костер, усаживались вокруг него и ели ту скудную пищу, которая у нас была; конечно, мы терпели много ужасных трудностей в нашем путешествии. Обогревшись с одного бока, мы поворачивались [к огню] другим. Я спал в своих снях, чтобы не лежать на земле.

В течение трех дней мы ехали по замерзшей реке; на ней же мы ночевали две ночи. Говорили, что мы проделали путь длиною в 300 миль — это громаднейший путь.

Король, узнав о моем приезде, послал двух своих дворян-рыцарей поздравить меня с благополучным приездом и пригласить на следующий день к обеду с его величеством.

В назначенный день, а это было 15-е число [февраля 1477 г.], король прислал мне в подарок одежду из алого дамаскина, подбитую соболями, пригласил меня к себе и пожелал, чтобы я сел в его собственные сани, запряженные шестью великолепными рысаками; причем четверо королевских баронов стояли во весь рост на санных отводах, а другие с почетом сопровождали меня. Так мы отправились во дворец его величества.

Когда я вошел, король провел меня в свои покои. Сам он сел на украшенное кресло, а по сторонам стали два его сына, одетые в алый атлас; молодые и прекрасные,

они казались ангелами. В этом покое было много баронов, знатных рыцарей и других синьоров.

Для меня, прямо перед королем, была поставлена скамья, и король принимал меня с такой любезностью, что едва ли можно это передать; он пожелал, чтобы я подал руку сыновьям, и вообще его обходительность и учтивость по отношению ко мне были таковы, что, если бы я был его сыном, он не мог бы проявить себя лучше.

Я хотел начать свою речь стоя на коленях и всячески старался это выполнить, но король не пожелал, чтобы я начал говорить, прежде чем встану, и вообще требовал, чтобы я сел. Я не решился поступить таким образом, но после многократных его повелений мне пришлось сесть.

Я рассказал перед лицом его величества, с полным чувством, о всех событиях моего путешествия. Я описал свое пребывание у Узун Хасана и сообщил о том, что я успел там сделать, а также говорил о его могуществе, об обычаях [его народа] и вообще о его стране. Обо всем этом король, как было видно, был склонен услышать. Также сообщил я об образе жизни и могуществе татар. Кроме того, я рассказал кое-что о тех опасностях, которых мне удалось избежать во время путешествия. Его величество слушал меня в течение более получаса и с таким вниманием, что никто даже рта не раскрыл, настолько велико было удовольствие слушать мой рассказ.

Затем я поблагодарил его величество за подарок и оказанную мне честь во имя моей светлейшей синьорни. Его величество через своего переводчика ответил мне, что он весьма рад моему возвращению: ведь все плагали, когда я отправлялся, что из этого путешествия я не вернусь. Он сказал, что с большим удовольствием прослушал рассказ об Узун Хасане и о татарах и что теперь он уверился в тех вещах, о которых слышал и раньше, хотя тогда не доверял многому в тех рассказах. Он добавил, что, кроме меня, не встречал никого, кто говорил бы правду, и произнес еще много других [приветливых] слов.

Когда все это кончилось, меня все с тем же почетным сопровождением ввели в другой зал, где были накрыты столы. Через некоторое время пришел туда же король с сыновьями и сел за стол. По его правую руку сидели сыновья, а по левую — тогдашний [польский] примас и рядом с ним я, недалеко от его величества. Многочислен-

ные бароны расселись за столами несколько подальше; их было около сорока человек.

Угощения, подававшиеся к столу,— их появлению неизменно предшествовали трубачи — лежали на огромных блюдах в большом изобилии. Спереди, как это делается у нас, были положены ножи. Мы оставались за столом около двух часов. И снова его величество беспрестанно расспрашивал меня о моем путешествии, и я полностью удовлетворил [его любознательность].

Когда пиршество кончилось и все поднялись из-за стола, я, уже стоя, испросил разрешение на отъезд, а также обратился с вопросом, не пожелает ли король еще что-либо приказать мне. Он сказал, что я должен передать его благосклонное приветствие своей светлейшей синьории, причем выразил это в самых изысканных словах, и повелел сыновьям, чтобы они обратились ко мне с такими же словами. С принятыми в этих случаях поклонами я распрощался с его величеством и с его сыновьями. Король приказал проводить меня с почетом в помещение, где я жил, велел дать мне проводника, который должен был сопровождать меня и передать приказ о том, чтобы по всем королевским владениям меня провожали и сопровождали и чтобы я повсюду путешествовал в безопасности.

16 февраля [1477 г.] я покинул Троки, и мы ехали вплоть до 25 февраля, пока не прибыли в городок под названием Лонин. Уехав отсюда, мы вступили в Польшу и от места до места имели проводников по приказанию короля.

Затем мы оказались в городе Варсонии, которым владеют два брата. Там мне оказали весьма почетный прием и дали проводника, который сопровождал меня до Познани. Об этом городе я не буду рассказывать, так как уже говорил о нем раньше. Вообще я не собираюсь слишком распространяться насчет подробностей, скажу только, что страна эта красива и видно, что она изобилует всевозможной пищей и мясом, но там мало плодов. Мы проезжали только мимо замков и деревень, но нам не попалось ни одного сколько-нибудь замечательного города. Каждый вечер мы находили жилище, везде нас хорошо принимали; страна эта безопасна.

1 марта [1477 г.] мы прибыли в город Познань. Весь путь мы непрерывно ехали в санях и достаточно утомились,— как я сам, так и мои спутники,— и от сильных морозов и от всевозможных неудобств. Поэтому мы ос-

тались здесь до 5 марта, к тому же у нас было хорошее жилище в прекрасном городе, в котором было изобилие всего. Здесь мы сделали хорошие запасы, нас снабдили даже лошадьми для дальнейшей поездки и вообще всем необходимым. 5 марта мы все покинули Познань и приехали в городок, называемый Мессарига, принадлежащий также польскому королю. Двинувшись дальше, мы ехали в страхе и подвергались опасностям, потому что были на границе между Польшей и Германией.

Сигизмунд
Герберштейн

**ЗАПИСКИ
О МОСКОВИТСКИХ ДЕЛАХ**

обираясь описывать Московию, которая является главой России и далеко и широко распространяет свое владычество над Скифией, мне, благосклонный читатель, непременно нужно будет коснуться в настоящем сочинении многих северных стран,

которые не были достаточно известны не только древним писателям, но даже и нашим современникам. Отсюда я вынужден буду иногда разногласить с их сочинениями. А дабы мнение мое по этому вопросу не показалось кому-либо подозрительным или высокомерным, я заявляю, что я (как говорится) воочию видел и осмотрел Московию, и притом не раз, а два, исполняя обязанности посла блаженной памяти императора Максимилиана и его внука римск[ого] короля владыки Фердинанда; большую же часть моих сведений я почерпнул от людей той местности, как сведущих, так и достойных доверия; кроме того, я не довольствовался сообщением одного или двух, а опирался на согласные свидетельства многих; итак, споспешествуемый, помимо всего, благотельным знанием славянского языка (который тождественен с рутенским и московитским), я записал это не только понаслышке, но и как очевидный свидетель, и не напыщенным родом речи, а ясным и легким, и предал памяти потомства. [...]

При переводе русских летописей и при рассказе об их происхождении и деяниях мы применяли не то летоисчисление, которое в обычае у нас, а то, которое применяют они сами, дабы, разнясь от их писаний, не оказаться исправителями, а только верными переводчиками.

О происхождении названия «Россия» существуют разные мнения. Одни утверждают, будто она получила имя от некоего Русса, брата или внука Леха, князя польского, который якобы был и князем руссов; по мнению же других, ее имя происходит от одного очень древнего города по имени Русс¹, недалеко от Новгорода Великого; далее, по словам некоторых, она получила имя от смуглого цвета ее народа. Большинство же полагает, что Россия получила название, чрез изменение имени, от Роксолании. Но московиты отвергают мнения лиц, утверждающих это, как не согласные с истиной, утверждая, что их страна издревле называлась Россейя, как народ рассеянный или разбросанный; на это указывает и самое имя ее. В самом деле Россейя на языке русских значит разбросанность или рассеяние. Что это истинно, об этом с очевидностью свидетельствуют разные народы, и доселе еще перемешанные с жителями ее, и различные области, повсюду смешанные друг с другом и взаимно пересекаемые. [...] Но откуда бы, в конце концов, Россия ни получила свое название,— во всяком случае, все народы, пользующиеся славянским языком, следующие обряду и вере христовой по греческому закону и называемые на их народном языке руссами, а по-латыни рутенами, увеличилось до такого множества, что или прогнали все промежуточные племена, или заставили их жить на свой лад, так что все теперь называются одним общим именованьем рутенов.

Далее, славянский язык, который именуется ныне несколько испорченным названием склавонский, имеет весьма широкое применение: именно им пользуются далматы, боснийцы, кроаты, истрийцы, и притом на далеком протяжении вдоль Адриатического моря до Форума Юлия², карны, которых венецианцы именуют харсами, точно также карнисланцы³, каринтийцы вплоть до реки Дравы, далее штирийцы ниже Гретца вдоль Мюры до Дуная, а затем мисийцы, сервийцы (сербы), болгары и другие, живущие до Константинополя, кроме того, богемцы, лузацийцы⁴, силезийцы, моравы и живущие по реке Вагу в Венгерском королевстве, точно так же поляки и русские, властвующие на весьма широком пространстве, и черкесы-пятигорцы у Понта, наконец, в Германии, живущие там и сям за Эльбою в направлении к северу остатки вандалов. Хотя все они признают себя славянами, однако германцы именуют без разбора всех,

употребляющих славянский язык, вюндами, виндами и виндишами, производя их имена от одних только вандалов⁵.

Россия доходит до Сарматских гор⁶ недалеко от Кракова и прежде простиралась вдоль реки Тира, который жители именуют Нистром (Днестром) до Понта Эвксинского⁷ и реки Борисфена⁸, но несколько лет тому назад турок занял Альбу, которая иначе именуется Монкастро и которая, будучи расположена при устьях Тира, была подвластна валаху молдавскому. Кроме того, царь Таврики⁹, переправившись через Борисфен и опустошив все на широком прострастве, выстроил там две крепости; одну из них, по имени Очаков, расположенную неподалеку от устьев Борисфена, теперь также занимает турок; ныне между устьями той и другой реки находятся пустыни. Далее, если подниматься вдоль реки Борисфена, то дойдешь до города Черкас, расположенного на западе, а оттуда к очень древнему городу Киеву, некогда столице России; если там переправиться через Борисфен, то попадешь в область Северскую¹⁰, ныне еще населенную; если двинуться из нее прямым путем на восток, то встретишь истоки Танаида. Если затем пройти долгий путь по течению Танаида, до слияния рек Оки и Волги, а затем переправиться через Ра, то через очень обширное пространство можно добраться до Северного моря; если вернуться затем оттуда мимо народов, подвластных шведскому королю, самой Финляндии и Ливонского залива и возвращаться далее через Ливонию, Самогитию, Мазовию, а наконец и Польшу, то в конце концов достигаешь снова до конечного предела — Сарматских гор, причем в промежутке находятся только две чуждые области, т. е. Литва и Самогития; хотя эти две области перемешиваются с русскими и имеют собственный язык и римскую обрядность, однако жители их по большей части — русские.

Из государей, которые ныне повелевают Руссией, первый — великий князь Московии, владеющий большею ее частью; второй — великий князь литовский; третий — король польский, который ныне властвует и над Польшей, и над Литвою.

Что же касается происхождения их народа, то у них нет никаких известий, кроме летописей, приводимых ниже: именно, это народ славянский из племени Иафета и некогда поселился у Дуная, где теперь Венгрия и Булгария, и тогда назывался он норками; наконец, он разбрелся и рассеялся по разным землям, причем получил

названия от местностей, именно моравы от реки, другие очехи, т. е. богемцы, точно так же хорваты, белы¹¹, сербы, т. е. сервийцы (сербы); те, которые поселились у Дуная, были названы хоронтанцами; придя к Висле, они получили имя лехов от некоего Леха, князя польского, от которого и поныне поляки именуется лехами. Другие — литовцы, мазовцы, померанцы; иные, севшие по Борисфену, где теперь Киев, именовались полянами, другие — древлянами, живущими в рощах; иные между Двиной и Припятью были названы дреговичами; другие — полевчанами, у реки Полоты, которая впадает в Двину; иные — около озера Ильмень, которые заняли Новгород и поставили себе князя именем Гостомысла¹²; другие по рекам Десне и Суле были названы северами или северскими; другие же выше истоков Волги и Борисфена получили имя кривичей; их крепость и столица — Смоленск. Так свидетельствуют их летописи.

Неизвестно, кто вначале властвовал над русскими, ибо у них не было письмен, при помощи которых они могли бы предать памяти потомства свои деяния. После же того как царь константинопольский Михаил послал в Булгарию в 6406¹³ году от сотворения мира славянские буквы, они тогда впервые начали записывать и заносить в свои летописи не только то, что совершалось тогда, но и то, о чем они узнали от предков и удержали в памяти за долгий промежуток времени. Из этих летописей известно, что народ козары [хазары] обложили некоторых русских в качестве дани беличьими шкурками с каждого дома, а точно так же, что над ними властвовали варяги. Но я не мог узнать от них что-нибудь наверно ни про козаров, кроме их имени, ни откуда они, ни кто они, ни точно так же про варягов. Но если принять во внимание, что они сами именуют Варяжским морем море Балтийское и то, которое отделяет от Швеции Пруссию, Ливонию, а затем и часть их собственных владений, то я лично полагал, что князьями их были, по соседству, или шведы, или датчане, или пруссы. Далее, по-видимому, славнейший некогда город и область вандалов, Вагрия, была погранична с Любеком и Голштинским герцогством, и то море, которое называется Балтийским, получило, по мнению некоторых, название от этой Вагрии, и притом само оно и тот залив, который отделяет Германию от Дании, равно как Пруссию, Ливонию и, наконец, приморскую часть Московского государства от Швеции, и доселе еще удерживает у русских свое название, именуясь Варецкое море, т. е. Варяжское море; сверх того,

вандалы в то же время были могущественны, употребляли, наконец, русский язык и имели русские обычаи и религию. На основании всего этого мне представляется, что русские вызвали своих князей скорее из вагрийцев, или варягов, чем вручили власть иностранцам, разнящимся с ними верою, обычаями и языком. Итак, когда русские стали однажды состязаться друг с другом о верховной власти и, разжигаемые пламенем взаимной ненависти, стали спорить, причем между ними поднялись сильнейшие раздоры, то Гостомысл, муж и благоразумный, и пользовавшийся большим влиянием в Новгороде, посоветовал послать к варягам и побудить принять власть трех братьев, имевших там большое значение. Когда его совета скоро послушались и были отправлены послы, князьями призывают трех родных братьев; прибыв туда, они делят между собою добровольно врученную им верховную власть. Рюрик получает княжество Новгородское и помещает свой престол в Ладоге, на XXXVI немецких миль ниже Новгорода Великого. Синеус сел на Белом озере, а Трувор в княжестве Псковском, в городе Изборске. Русские хвалятся, что эти братья происходили от римлян, от которых повел, как он утверждает, свой род и нынешний московский государь. Вступление этих братьев в Руссию было, по летописям, в 6370 году от сотворения мира. Когда двое из них умерли без наследников, то все княжества получил оставшийся в живых Рюрик; он поделил крепости между друзьями и слугами. Перед смертью он поручает юного сына, по имени Игоря, и царство некоему Олегу, своему родственнику; тот увеличил царство, покорив много областей; со своей боевой силой он ходил и на Грецию и даже осаждал Византию. После тридцатитрехлетнего царствования он случайно наступил ногою на голову или череп своего коня, давно уже умершего, и погиб, пораненный укусом ядовитого червя. По смерти Олега стал править Игорь, взяв себе в жены Ольгу из Пскова. Заходя со своим войском очень далеко, Игорь добирался до Гераклеи и Никомидии¹⁴, но в конце концов бежал, побежденный в войне. Затем он был убит Мальдитом¹⁵, древлянским князем, в месте по имени Коресте¹⁶; там же он был и погребен. А так как сын его Святослав, который остался после него ребенком, не мог по своему возрасту править, то во главе царства временно стала мать Ольга. Когда древляне прислали к ней двадцать посредников с предложением выйти замуж за их князя, Ольга велела зарыть послов древлян живыми и тем временем отправила к ним своих

послов сказать, что если они хотят иметь ее своей княгиней и владычицей, то пусть пришлют к ней еще больше сватов, и более именитых. Вслед за тем к ней посланы были еще пятьдесят отборных мужей, но она сожгла их в бане, а сама снова послала других послов с поручением возвестить ее приход и повелеть готовить медвяную воду и прочее, необходимое, согласно с обычаями, для поминовения супруга. Далее, придя к древлянам, она оплакала мужа, а древлян опьянила и перебила из них пять тысяч человек. Вернувшись вслед за тем в Киев, она набрала войско; выступив против древлян, она одержала победу, преследовала бегущих до крепости и обложила ее осадой на целый год. После этого она заключила с ними мир, назначив им дань, а именно с каждого дома по три голубя и по столько же воробьев; получив птиц для дани, она тотчас отпускает их, привязав им под крылья какие-то огненосные снаряды. Голуби, улетев, возвращаются к привычным жилищам; прилетев обратно, они зажигают крепость. Когда крепость была охвачена огнем, то жители стали разбегаться оттуда, но или были перебиты, или попадали в плен и продавались в рабство. Захватив таким образом все крепости древлян и отомстив за смерть мужа, Ольга возвращается в Киев. Затем, в 6463 году от сотворения мира, она отправилась в Грецию и приняла крещение, в правление Иоанна, царя константинопольского; переименовав имя Ольги, она названа была Еленой; получив от царя после крещения великие дары, она возвращается домой. [...] Сына же своего Святослава она никоим образом не могла склонить к крещению. Когда он вырос, то, будучи мужественным и решительным, сразу же принял участие во всех воинских трудах и обычных опасностях; во время войны он не позволял своему войску иметь какую-нибудь поклажу, даже кухонную посуду. Питался он только жареным мясом, а спал на земле, подложив седло под голову. Он победил болгаров, дойдя до самого Дуная, и поместил свой престол в городе Переяславе, говоря своей матери и советникам: «Это подлинно моя столица в середине моих царств: из Греции ко мне привозят паволоки¹⁷, золото, серебро, вино и разные плоды, из Венгрии серебро и коней, из России шкуры, воск, мед, рабов». Мать на это сказала ему: «Вот уже очень скоро я умру; похорони меня, где захочешь». Три дня спустя она умирает [...].

Святослав, который царствовал по смерти матери, разделил области сыновьям: Ярополку Киев, Олегу древлян, Владимиру¹⁸ Новгород Великий, Ибо новгородцы,

побуждаемые некоей женщиной по имени Добрыня, выпросили себе Владимира в князя. Именно в Новгороде был один гражданин, по имени Калуфча малый¹⁹, который имел двух дочерей — Добрыню²⁰ и Малушу. Малуша была в женской комнате [тереме] Ольги и зачала и родила от Святослава Владимира. Позабывшись о сыновьях, Святослав отправляется в Булгарию, осаждает город Переяслав и берет его, затем объявляет войну царям Василию и Константину. А те отправили к нему послов просить мира и желали выведать от него, сколько у него было войска, обещая, но ложно, заплатить дань по числу войска. Затем, выведав число воинов, они набрали войско. Когда, после того, оба войска сошлись, русские утрашены были численностью греков; видя своих воинов оробевшими, Святослав сказал: «Русские, так как я не вижу места, которое могло бы принять нас под свою защиту, а мне никогда и на мысль не приходило передать землю России врагам, то я решил храбро против них сражаться и таким образом или найти смерть, или добиться славы. Ибо если я погибну, мужественно сражаясь, то уготоваю себе от этого бессмертное имя, если же побегу, то — вечный позор; а так как окруженному многочисленными врагами убежать нельзя, то, стало быть, я буду стоять крепко и подвергну в первом ряду свою голову всем опасностям за отечество». Воины отвечали ему на это: «Где твоя голова, там и наша». Ободлив солдат, он вслед за тем бросается на стоявшего против него врага и, произведя сильный натиск, выходит победителем. Когда он стал затем опустошать землю греков, то остальные греческие князья старались отвлечь его от этого дарами. Когда же он (как стоит в летописях) презрел и отверг поднесенные в дар золото и паволоки, а принял снова присланные ему греками платье и оружие, то народы Греции, увлеченные такой его доблестью, сказали, собравшись, своим царям: «И мы желаем быть под таким царем, который не золото любит более, а оружие». При приближении Святослава к Константинополю греки откупились большою данью и отворотили его от пределов Греции. Наконец, в 6480 году от сотворения мира, Курес, князь печенегов, убил его из засады и, сделав из его черепа чашу, оправил ее в золото и сделал на ней надпись такого содержания: «Ища чужое, он потерял свое». По смерти Святослава, один из его вельмож, по имени Свадолът [Свенельд?], отправился в Киев к Ярополку и просил его с большим усердием и настойчивостью, чтобы он прогнал с царства брата Оле-

га за то, что тот убил его сына Люта. Склонившись на его убеждения, Ярополк объявляет войну брату и разбивает его войско, то есть древлян. Олег же хотел спастись бегством в одной крепости, но не был туда впущен своими же, а во время происшедшего затем нападения его столкнули и сбросили с моста, причем многие попадали на него, так что он погиб жалкою смертью. Ярополк, заняв крепость, стал искать брата; когда его тело нашли среди трупов и принесли ему на глаза, то, взглянув на него, Ярополк воскликнул: «Свадолът, вот чего ты желал!» Затем Олег был погребен. Узнав об убийстве и похоронах Олега, Владимир покинул Новгород и бежал за море к варягам. Ярополк же поставил в Новгороде своего наместника и стал таким образом монархом всей Руси. Снискав помощь варягов, Владимир вернулся, выгнал из Новгорода наместника брата и первым объявляет войну брату, ибо он знал, что тот хочет поднять оружие против него. Меж тем он посылает к Рогвольду, князю псковскому (ибо и тот переселился туда из варягов), прося в супружество его дочь Рохмиду [Рогнеду?]. Но она пожелала выйти замуж не за Владимира, про которого она знала, что он родился от незаконного брака, а за брата его Ярополка, который, как она рассчитывала, в скором времени будет также за нее свататься. Владимир за полученный отказ объявляет Рогвольду войну и умерщвляет его вместе с двумя сыновьями. Дочь же его Рохмиду он сочетает с собою, а затем подвигается вперед против своего брата в Киев. Так как Ярополк не дерзнул вступить в сражение с братом, то заперся в Киеве. Осаждая Киев, Владимир посылает тайно гонца к некоему Блуду, ближайшему советнику Ярополка; почтив его названием отца, он спрашивал у Блуда, как ему умертвить брата. Блуд понял просьбу Владимира и обещал сам умертвить своего господина, Владимиру же посоветовал осаждать крепость; меж тем он убеждает Ярополка не оставаться в крепости, ссылаясь на то, что многие из его приближенных перешли на сторону Владимира. Ярополк, питавший доверие к своему советнику, убежал в Родню, к устьям Роси, считая себя там безопасным против насилия со стороны брата. Владимир, одолев Киев, переводит войско в Родню и облагает Ярополка продолжительной и тяжелой осадой. Когда затем, истощенные продолжительной голодовкой, они не могли долее переносить осаду, Блуд советует Ярополку заключить мир с братом, гораздо более сильным, чем он, Владимиру же он сообщает меж тем, что вскоре предаст

ему брата и даже приведет его. Ярополк, следуя совету упомянутого Блуда, отдает себя в полное распоряжение и власть брата, предлагая ему, кроме того, сам от себя такое условие, что он будет доволен всем тем, что Владимир ни пожалует ему по своей милости из владений. Предложенное условие вполне понравилось Владимиру. Вскоре за тем Блуд советует своему господину пойти к Владимиру, тогда как Вераско²¹, также советник Ярополка, решительно отклонял его от этого. Но, пренебрегши советом этого последнего, Ярополк направляется к брату. Когда он входил в ворота, то два варяга умерщвляют его на глазах Владимира, смотрящего на это с некоей башни. По свершении этого, Владимир изнасиловал жену брата, родом гречанку; она была прежде монахиней и забеременела от Ярополка раньше, чем тот на ней женился. Этот Владимир поставил в Киеве много идолов. Первый идол, по имени Перун, был с серебряной головою, остальное же было у него из дерева. Другие идолы назывались Услад, Корса, Дасва, Стриба, Симергла и Макош; им он приносил жертвы; иначе именовались они кумирами. Жен он имел очень многих. От Рохмиды родились у него Изяслав, Ярослав, Всеволод и две дочери, от гречанки — Святополк, от чехини — Заслав, а от другой чехини — Святослав и Станислав, от болгарки — Борис и Глеб. Кроме того, он имел в высокой крепости [Вышгороде?] триста наложниц, в Белгороде также триста, в Берестове-селе — двести.

Когда Владимир стал беспрепятственно монархом всей России, к нему стали приходиться из разных мест послы, убеждая его присоединиться к их вере. Видя различие вер, он и сам отправил собственных послов разузнать про условия и обряды отдельных вер. Наконец, когда он предпочел всем другим религиям христианскую по греческому обряду и избрал ее, то отправил послов в Константинополь к царям Василию и Константину, обещая, что если они дадут ему в жены сестру их Анну, то он со всеми своими подданными примет веру христову и вернет им Корсунь и все остальное, чем он владел в Греции. По достижении соглашения условились во времени и выбрали местом Корсунь. Когда цари явились туда, Владимир был окрещен, причем ему изменено было имя Владимира и дано имя Василия. После брачного торжества он, согласно обещанию, вернул Корсунь вместе с остальными владениями. Это свершилось в 6469 году от сотворения мира. С того времени Россия пребывает в вере христовой. Анна умерла на XXIII году

после свадьбы, Владимир же скончался на четвертом году после смерти жены. Он основал город, расположенный между реками Волгой и Окой, который назвал по своему имени Владимиром, и сделал его столицей Руси. [...] По смерти Владимира сыновья его ссорились между собою, предпринимая каждый различные попытки захватить себе царскую власть, и стали даже сражаться, так что тот, кто был могущественнее, угнетал других низших и слабейших по сравнению с собою и прогонял их с царства. Святополк, захвативший силою Киевское княжество, нанял убийц покончить с его братьями Борисом и Глебом. По убиении им изменили имена, причем один назван был Давыдом, а другой Романом [...]. При продолжении ссор братьев они не совершили ничего достойного упоминания, если только ты не хочешь слушать про измены, козни, вражду и междоусобные войны. Сын Всеволода Владимир²², по прозвищу Мономах, снова обратил всю Руссию в монархию, оставив после себя некоторые драгоценные украшения, которые и поныне еще они употребляют при венчании князей. Владимир умер в 6633 году от сотворения мира; после него ни сыновья его, ни внуки не свершили ничего достойного упоминания до времен Георгия и Василия; их победил в войне татарский царь Батый и погубил; он выжег и разграбил Владимир, Москву и добрую часть Руси. С того времени, т. е. с 6745 года от сотворения мира, вплоть до нынешнего Василия²³ почти все князья Руси не только были данниками татар, но и отдельные княжества назначались по усмотрению татар тем русским, которые добивались этого. Хотя татары и решали путем разбора и расследования тяжбы, возникавшие между русскими о преемстве в княжении или из-за наследств, тем не менее между русскими и татарами все же поднимались частые войны; между братьями же происходили разные смуты, изгнания имены царств и княжеств. Например, князь Андрей Александрович домогался великого княжения; когда Дмитрий его занял, его брат Андрей, выпросив у татар войско, выгнал его и соделал много нечестия в Руси. Точно так же князь Дмитрий Михайлович убил у татар князя Георгия Даниловича. Узбек, татарский царь, схватив Дмитрия, подвергнул его смертной казни. Был также спор о великом княжестве Тверском; когда князь Симеон Иванович попросил его у татарского царя Джанибека, тот потребовал с него годовой дани; но татарские вельможи, подкупленные подарками Симеона, ходатайствовали за него и до-

бились того, чтобы он не платил. Затем в 6886 году великий князь Дмитрий²⁴ победил в войне великого царя татарского, по имени Мамай. Точно так же, на третий год после этого, он снова нанес ему такое сильное поражение, что земля была завалена трупами более чем на тринадцать тысяч шагов. На второй год после этого самого столкновения нагрянул татарский царь Тохтамыш, разбил Дмитрия, осадил и занял Москву; убитых выкупали для погребения по восемьдесят одному рублю; всего было заплачено 3000 рублей. Великий князь Василий²⁵, который правил в 6907 году, занял Булгарию, которая расположена у Волги, и выгнал оттуда татар. Этот Василий Дмитриевич оставил единственного сына Василия²⁶, но не любил его, так как подозревал в прелюбодеянии жену свою Анастасию, от которой тот родился; поэтому, умирая, он оставил великое княжество Московское не сыну, а брату своему Георгию. Но большинство бояр примкнуло все же к его сыну, как к законному наследнику и преемнику; заметив это, Георгий спешит к татарам и умоляет царя вызвать Василия и разобрать, кому из них по праву принадлежит княжество. Когда царь, по внушению одного из своих советников, который держал сторону Георгия, стал, в присутствии Василия, решать дело в пользу Георгия, то Василий припал к коленам царя и стал просить, чтобы ему позволено было высказаться. Получив тотчас согласие царя, он сказал: «Хотя ты произнес свое решение на основании грамоты человека уже мертвого, все же я уверен, что моя грамота, которую ты дал мне, скрепив ее золотой печатью с указанием, что желаешь облечь меня великим княжением, доселе еще жизненна и имеет гораздо более важное и действительное значение». Вместе с тем он просит царя, чтобы тот, памятуя о своих словах, сообразовал исполнить обещание. На это царь ответил, что гораздо справедливее исполнить обещание, данное в живой грамоте, чем принимать в расчет мертвую. В конце концов он отпускает Василия, даровав ему княжение. Негодуя на это, Георгий собрал войско и прогнал Василия. Василий перенес это довольно спокойно и удалился в оставленное ему отцом Углицкое княжество. Георгий до конца жизни спокойно владел великим княжеством и отказал его по завещанию своему внуку Василию. Этим оскорблены были, как лишенные наследства, сыновья Георгия, Андрей и Дмитрий, и потому осадили Москву. Услышав это, Василий, который удалился в монастырь св. Сергия, тотчас разослал лазутчиков и расставил караулы, при-

няв таким образом меры на случай неожиданного нападения. Заметив это, упомянутые два брата, после взаимного совещания, наполняют несколько повозок вооруженными воинами и посылают туда, якобы нагруженные товарами. Поездив туда и сюда, эти повозки остановились наконец под ночь возле караулов. Спешествующие этим удобным случаем, воины глубокой ночью неожиданно выскакивают из повозок, нападают на караульных, не подозревавших никакой опасности, и берут их в плен. Подвергается пленению и Василий в монастыре; затем его ослепляют и отправляют вместе с супругою в Углич. По прошествии времени Дмитрий, видя, что знатные лица в общем к нему враждебны и хотят отпасть на сторону слепого Василия, вскоре убежал в Новгород, оставив сына Ивана, у которого впоследствии родился Василий Шемячич, который еще в бытность мою в Московии содержался в оковах; подробнее о нем ниже. Дмитрий же слыл под прозвищем Шемяка, отсюда все его потомки прозываются Шемячичи. В конце концов великим княжением спокойно завладел Василий Слепой, сын Василия. После Владимира Мономаха вплоть до этого Василия Руссия не имела монархов. Сын же этого Василия, по имени Иван²⁷, был очень счастлив. Именно, как только он женился на Марии, сестре великого князя Михаила Тверского, он выгнал шурина и захватили великое княжество Тверское и Новгород Великий; ему же впоследствии стали подчиняться и все другие князья, будучи подвигнуты к тому величием его деяний или пораженные страхом. Продолжая и впоследствии вести свои дела столь же счастливо, он присвоил себе титул великого князя владимирского, московского и новгородского, а наконец стал величать себя монархом (самодержцем) всей Руссии. Этот Иван имел от Марии сына по имени Иван, которого женил на дочери знаменитого Стефана, великого воеводы молдавского; этот Стефан разбивал Магомета, царя турецкого, Матфия — венгерского и Иоанна Альберта — польского. По смерти первой супруги Марии Иван Васильевич женился во второй раз на Софии²⁸, дочери Фомы, который царил некогда на широком пространстве в Пелопоннесе; я разумею под Фомой сына Эммануила, царя константинопольского, из рода Палеологов. От Софии у Ивана было пять сыновей: Гавриил, Дмитрий, Георгий, Симеон и Андрей. Он наделил их наследством еще при жизни. Для первородного Ивана он назначил монархию, Гавриилу указал Новгород Великий, прочим даровал остальное

согласно своему усмотрению. Первородный Иван умер, оставив сына Дмитрия²⁹, которому дед, согласно обычаю, предоставил монархию вместо усопшего отца. Говорят, что эта София была очень хитрая и по ее внушению князь делал многое. Передают, что между прочим она побудила мужа лишить монархии внука Дмитрия и поставить на его место Гавриила. Ибо по убеждению жены князь заключает Дмитрия в тюрьму и держит его там. Наконец перед смертью он повелел привести к себе Дмитрия и сказал ему: «Дорогой внук, я согрешил пред богом и пред тобою, что подверг тебя заключению в темнице и лишил тебя законного наследства. Поэтому молю тебя, отпусти мне обиду, причиненную тебе; будь свободен и пользуйся своими правами». Растроганный этой речью, Дмитрий охотно прощает деду его вину. Но когда он вышел от него, то был схвачен по приказу дяди Гавриила и брошен в темницу. Одни полагают, что он погиб от голода и холода, а по другим — он задохся от дыма. При жизни Дмитрия Гавриил выдавал себя только за властителя, по смерти же его всецело забрал себе власть, не будучи, однако, венчан, а только переименовав имя Гавриила на Василия. У великого князя Ивана от Софии была дочь Елена, которую он выдал за Александра, великого князя литовского, который был впоследствии избран королем польским. Литовцы надеялись, что через этот брак утихнут раздоры между тем и другим государями, достигшие весьма значительных размеров, но вышло так, что раздоры эти от этого еще больше усилились. Именно в брачном договоре было положено выстроить в определенном месте Виленской крепости храм по русскому обряду и дать в провозчатые невесте известных женщин и девиц одной с ней веры. Так как с исполнением этого медлили некоторое время, то тесть воспользовался этим обстоятельством как поводом к войне с Александром и, составив три отряда, выступил против него. Первый отряд направляет он к югу против Северной области, второй на запад против Торопца и Белы, третий помещает он посредине против Дорогобужа и Смоленска. Кроме того, он сохраняет еще в запасе часть войска, чтобы она могла скорее всего подать помощь тому отряду, против которого замечено будет боевое движение литовцев. Когда оба войска подошли к некоей реке Ведроши, то литовцы, бывшие под предводительством Константина Острожского, окруженного огромным количеством вельмож и знати, разузнали от некоторых пленных про число врагов, а также и их вождей

и возымели от этого крепкую надежду разбить врага. Далее, так как речка мешала столкновению, то с той и другой стороны стали искать переправы или брода. Раньше всего переправились на противоположный берег несколько московитов и вызвали на бой литовцев; те без всякой боязни оказывают сопротивление, преследуют их, обращают в бегство и прогоняют за речку; вслед за тем оба войска вступают в столкновение, и с той и другой стороны завязывается ожесточенное сражение. Во время этого сражения, ведшегося с обеих сторон с одинаковым боодушевлением и силою, помещенное в засаде войско, про грядущую помощь которого знали весьма немногие из русских, ударяет сбоку в середину врагов. Пораженные страхом литовцы разбегаются; полководец войска вместе с большинством знатных лиц попадает в плен; прочие, сильно перепуганные, оставляют врагу лагерь и сдают ему как себя самих, так и крепости: Дорогобуж, Торопец и Белу. То же войско, которое выступило к югу и над которым начальствовал татарский царь в Казани Махмет-Аминь, случайно захватывает наместника города Брянска — на тамошнем языке наместник именуется воеводой — и овладевает городом Брянском. Затем два родных брата, а Василию двоюродные, один по прозвищу Стародубский, а другой Шемячич, которые владели доброю частью Северской области и прежде повиновались князьям Литвы, отдают себя под власть владыки московского. Таким образом, через одно только сражение и в один и тот же год владыка московский достиг того, чего великий князь литовский Витольд добился в течение многих лет и с превеликими усилиями. Что касается, далее, упомянутых литовских пленных, то московский владыка обошелся с ними очень жестоко и держал их скованными в самых тяжелых цепях, а с вождем Константином повел переговоры, чтобы тот покинул природного господина и поступил на службу к нему. Так как тот не имел другой надежды на избавление, то принял условие и был освобожден, связав себя предварительно самую страшную клятвою. Хотя ему затем назначены были соответственные достоинству его сана поместья и владения, однако его нельзя было ими ни умиловить, ни удержать, так что при первом удобном случае он сквозь непроходимые леса вернулся к себе. Александр, король польский и великий князь литовский, который постоянно находил более удовольствия в мире, чем на войне, покинул все области и крепости, занятые князем московским, и, довольствуясь освобож-

дением своих, заключил с тестем мир. Этот Иван Васильевич был так счастлив, что победил новгородцев в битве при реке Шелони и, предложив после победы определенные условия, заставил их признать себя владыкой и государем и повелел им выплатить большую сумму денег; удалился он оттуда не раньше, как поставив там своего наместника. Наконец, по истечении семи лет, он вернулся туда, вступил при помощи архиепископа Фесфила в город и обратил жителей в самое жалкое рабство; он захватил золото и серебро, отнял, наконец, и все имущество граждан, так что вывез оттуда свыше трехсот хорошо нагруженных телег. Лично сам он только раз присутствовал на войне, именно, когда подвергались захвату княжества Новгородское и Тверское; в другое время он обыкновенно никогда не бывал в сражении и все же всегда одерживал победу, так что великий Стефан, знаменитый палатин Молдавии, часто вспоминал про него на пирах, говоря, что тот, сидя дома и предаваясь сну, умножает свою державу, а сам он, ежедневно сражаясь, едва в состоянии защитить свои границы. Иван также ставил по своей воле царей в Казани, иногда отводил их пленными, но все же в конце концов, под старость, потерпел от них весьма сильное поражение. Он также первый обвел стеною крепость Московии и свое местопребывание, как это видно и доселе. Далее для женщин он был до такой степени грозен, что если какая из них случайно попадалась ему навстречу, то от взгляда его только что не лишалась жизни. Для бедных, угнетенных более могущественными и обижаемых ими, доступ к нему был прегражден. Во время обеда он по большей части до такой степени предавался опьянению, что его одолевал сон, причем все приглашенные были меж тем поражены страхом и молчали; по пробуждении он обыкновенно протирает глаза и тогда только начинал шутить и проявлять веселость по отношению к гостям. Впрочем, как он ни был могущественен, а все же вынужден был повиноваться татарам. Именно, когда прибывали татарские послы, он выходил к ним за город навстречу и стоя выслушивал их сидящих. Супруга его, гречанка, до такой степени негодовала на это, что повторяла ежедневно, что она вышла замуж за раба татар, а потому, чтобы оставить когда-нибудь этот рабский обычай, она угасорила мужа притвориться при прибытии татар больным. В крепости Московии был дом, в котором жили татары, чтобы знать все, что делалось в Московии. Не будучи в состоянии вынести и это, жена Ивана вы-

бирает некоторых послов и отправляет их с богатыми дарами к царице татар, моля ее уступить и подарить ей этот дом, так как де она, по указанию божественного видения, собирается воздвигнуть на том месте храм; при этом она все же обещала построить татарам другой дом. Царица соглашается на это; дом разрушают и на том месте устрояют храм. Изгнанные таким образом из крепости татары не могли получить другого дома ни еще при жизни великих князей, ни уже по смерти их³⁰.

Умер же знаменитый Иван великий в 7014 году от сотворения мира. Ему наследовал в великом княжении сын его Гавриил, впоследствии названный Василием; он держал в заключении своего племянника, сына брата, Дмитрия, который еще при жизни отца был избран, согласно с обычаями народа, законным монархом, и поэтому ни при жизни племянника, ни впоследствии, по его смерти, Василий не желал подвергнуть себя торжественному избранию в монархи. Он во многом подражал отцу и сохранил в целости то, что отец ему оставил; сверх того, он присоединил к своей державе много областей не столько войною, в которой он был очень несчастлив, сколько своею ловкостью. Как отец его подчинил себе в рабство Новгород Великий, так сам он поступил с дружественным Псковом; точно так же получил он знаменитое Смоленское княжество, находившееся более ста лет под властью литовцев. Именно, хотя по смерти Александра, короля польского, у Василия не было никакого повода к войне с Сигизмундом³¹, королем польским и великим князем литовским, все же он нашел случай к войне, видя, что король склонен более к миру, чем к войне, и что литовцы также питают отвращение к войне. Именно, он стал говорить, что сестра его, вдова Александра, отнюдь не встречает с их стороны подобающего ее сану обхождения. Кроме того, он стал взводить на Сигизмунда обвинение, будто тот поднял на него татар. Поэтому он объявляет войну и, придвинув пушки, осаждают Смоленск, но никоим образом не может взять его. Меж тем Михаил Глинский, происходивший из знатного рода и семейства русских князей, который некогда, при Александре, имел весьма большое влияние, убежал к великому князю Московин, как показано будет ниже; вслед за тем он убеждает Василия взяться за оружие, обещая ему завоевать Смоленск, если тот подвергнут будет осаде, но под тем условием, чтобы московский владыка уступил ему это княжение. Когда Василий согласился на условия, предложенные Михаилом, и снова

обложил Смоленск уже тяжкой осадой, Глинский овладел городом посредством переговоров или, вернее, подкупа и взял с собою в Московию всех военачальников, за исключением лишь одного, который вернулся к своему господину, не сознавая за собою никакой вины по измене. Остальные же военные чины, подкупленные деньгами и подарками, не дерзали возвратиться в Литву, а чтобы найти извинение своей вине, они внушили страх солдатам, говоря им: «Если мы двинемся по направлению к Литве, то на всяком месте нас могут или ограбить, или убить». Страшась такого бедствия, воины все отправились в Московию и содержатся там на жалованье государя.

Возгордившись от этой победы, Василий велит немедленно своему войску двинуться далее на Литву, сам же остается в Смоленске. Затем, когда московиты захватили несколько сдавшихся им ближайших городов и крепостей, тогда только польский король Сигизмунд собрал войско и послал его на помощь осажденным в Смоленске, но было уже слишком поздно. Когда Смоленск был занят, то Сигизмунд, узнав, что московское войско движется по направлению к Литве, тотчас сам мчится в Борисов, расположенный у реки Березины, и отправляет оттуда свое войско под предводительством Константина Острожского. Когда этот последний добрался, около города Орши, отстоящего от Смоленска на XXIII немецкие мили, до реки Борисфена, то там стояло уже войско московского владыки числом приблизительно в восемьдесят тысяч. Литовское же войско не превышало тридцати пяти тысяч человек, но к нему присоединено было несколько воинских орудий. В 8-й день сентября месяца 1514 года Константин, настлав мосты, переправляет пехоту через Борисфен возле города Орши; конница же переправляется по узкому броду под самой крепостью Оршей. Когда половина войска переправилась через Борисфен, то об этом доносят Ивану Андреевичу Челядину, которому московский владыка вверил главное начальство, причем ему предлагают напасть на эту часть войска и уничтожить ее. Но Челядин ответил на это: «Если мы сомнем эту часть войска, то останется другая часть, с которой, вероятно, могут соединиться другие войска, и таким образом нам станет грозить еще большая опасность. Подождем до тех пор, пока не переправится все войско, ибо наши силы настолько велики, что, без сомнения, и без большого усилия мы можем или смять это войско, или окружить его и гнать вплоть до

Москвы, как скот. Наконец, что единственно нам остается, мы можем занять всю Литву». Меж тем приближалось литовское войско, соединенное с поляками и иностранными воинами, и когда оно подвинулось на четыре тысячи шагов от Орши, оба войска остановились. Два крыла московитов отошли несколько дальше от остального войска, чтобы окружить врага с тылу; главная же сила стояла в боевом порядке посредине, причем только некоторые выведены были вперед, чтобы вызвать врага на бой. С противоположной стороны литовцы размещали разнообразные войска в длинном ряду, ибо каждое княжество прислало войска из своего народа и отдельного вождя, и таким образом в строю каждому отводилось особое место. Наконец, разместив спереди отряды, московиты затрубили в знак наступления и первые ударили на литовцев. Те, нисколько не оробев, оказывают сопротивление и отражают их. Но вскоре к московитам были посланы на помощь другие, которые в свою очередь обращают литовцев в бегство. Таким образом несколько раз та и другая сторона усиливалась новыми подкреплениями и отражала другую. Наконец сражение разгорается с величайшею силою. Литовцы, отступив умышленно к тому месту, где они поместили воинские орудия, направляют их против преследующих врага московитов и поражают задний ряд их, расставленный для подания помощи, но слишком плотно друг к другу, приводят их в замешательство и разгоняют в разные стороны. Этот неожиданный способ войны наводит страх на московитов, которые считали, что в опасности находится только первый ряд, борющийся с врагом; придя от этого в смущение и считая, что первый ряд в данное мгновение уже разбит, они обращаются в бегство. Литовцы повертываются против них и, развернув все силы, преследуют их, гонят и убивают. Только ночь и леса положили конец этому избиению. Между Оршей и Дубровной (которые отстоят между собою на четыре нем[ецкие] мили) есть река по имени Кропивна; предавшись бегству по ее опасным и крутым берегам, московиты потонули в таком количестве, что течение реки замедлилось. При этом столкновении были взяты в плен все воинские начальники и советники; более выдающимся из них Константин устроил на следующий день самый пышный прием, а затем отослал их к королю; они были распределены по литовским крепостям. Иван Челядин, с двумя другими знатными вождями уже пожилых лет, содержался в Вильне в железных оковах. Когда цесарь Максимилиан

отправил меня послом в Москву, я с позволения короля Сигизмунда посетил их и утешал; кроме того, по их просьбе я дал им взаймы несколько золотых. Узнав о поражении своих, государь тотчас покинул Смоленск и бежал в Москву, а чтобы литовцы не заняли крепости Дорогобужа, он велел ее сжечь. Литовское войско устремилось прямо к городу Смоленску, но взять его не могло, так как московский владыка расположил там охрану и вообще пред оставлением города хорошо укрепил его; затем осаде мешала надвигающаяся зима; далее, очень многие, нагруженные добычей после сражения, стали возвращаться домой, считая, что они уже достаточно потрудились; наконец, ни литовцы, ни москвиты не умеют завоевывать крепости или брать их силою. Но от этой победы король не получил ничего, кроме возвращения трех крепостей по сю сторону Смоленска. На четвертый год после этого столкновения московский владыка отправил войска в Литву и расположился между течением реки Двины и крепостью Полоцком; оттуда выслал он значительную часть войска для опустошения Литвы угоном добычи, убийствами и пожарами. Воевода полоцкий, Альберт Гастольд, вышел в одну из ночей, переправился через реку, поджег стог сена, которое москвиты собрали для продолжительной осады, и напал на врагов. Одни из них были перебиты, другие утонули при бегстве, третьи взяты в плен, и немногие только уцелели. Из остальных, которые, разбредшись, опустошали Литву, одни потерпели поражение в различных местах, другие, бродя в лесах, перебиты были поселянами.

В это же время московский владыка делал нападение и на царство Казань как с судовою, так и с конною ратью, но вернулся оттуда безуспешно, потеряв очень много воинов. Хотя этот государь Василий был очень несчастлив на войне, однако его подданные всегда хвалят его, как будто бы он вел дело с полным счастьем. И хотя иногда воины возвращались домой едва не в половинном количестве, однако москвиты утверждают, что в сражении не потеряно было ни одного. Властью, которую он применяет по отношению к своим подданным, он легко превосходит всех монархов всего мира. И он докончил также то, что начал его отец, а именно отнял у всех князей и других властелинов все их города и укрепления. Во всяком случае, даже родным своим братьям он не поручает крепостей, не доверяя и им. Всех одинаково гнетет он жестоким рабством, так что, если он прикажет кому-нибудь быть при его дворе, или идти на

войну, или править какое-нибудь посольство, тот вынужден исполнять все это на свой счет. Исключение составляют юные сыновья бояр, т. е. знатных лиц с более скромным достатком; таких лиц, придавленных своей бедностью, он обыкновенно ежегодно принимает к себе и содержит, назначив жалованье, но неодинаковое. Те, кому он платит в год по шести золотых, получают жалованье через два года в третий; те же, кому каждый год дается по XII золотых, принуждены быть без всякой задержки готовыми к исполнению всякой службы, на свой счет и даже с несколькими лошадьми. Знатнейшим, которые правят посольство или несут иные более важные обязанности, назначаются, сообразно с достоинством и трудами каждого, или наместничества, или деревни, или поместья; однако от каждого в отдельности из этого они платят государю определенную подать. Им отдают только штрафы, которые вымогаются у бедняков, случайно в чем-нибудь провинившихся, и некоторые другие доходы. Но подобные владения он отдает им по большей части в пользование только на полтора года; если же он содержит кого в особой милости или расположении, то прибавляет несколько месяцев; по истечении же этого срока всякая милость прекращается, и тебе целых шесть лет подряд придется служить даром. Был некто Василий Третьяк Долматов, который был любим государем и считался в числе самых приближенных секретарей его. Василий назначил его послом к цесарю Максимилиану и повелел приготовиться, но когда тот сказал, что у него нет денег на дорогу и на расходы, то его тотчас схватили и отправили в вечное заточение на Белозеро, где он в конце концов погиб самую жалкою смертью. Государь присвоил себе его имущество, как движимое, так и недвижимое, и хотя он получил три тысячи флоринов наличными деньгами, однако не дал его братьям и наследникам ни гроша. Подлинность этого, помимо всеобщей молвы, подтверждал мне писарь Иван, приставленный ко мне государем для доставления вещей, необходимых при обыденных житейских потребностях. Когда Долматов был схвачен, то тот же Иван содержал его под своей охраной. Точно так же два брата Василия, Федор и Захария, которые при нашем возвращении из Можайска в Смоленск были приставлены к нам в звании приставов, утверждали, что дело было именно так. Все драгоценности, которые привозят послы, отправляемые к иностранным государям, государь откладывает в свою казну, говоря, что окажет

послам другую милость, а она такова, как я сказал выше. Именно, когда вместе с нами вернулись в Москву послы, князь Иван Посечень ярославский и секретарь Семен, т. е. Симеон, Трофимов³², получив в дар от цесаря Карла Пятого, к которому они были посланы, тяжелые золотые ожерелья, цепи и испанскую монету, и притом золотую, точно так же от брата цесаря, Фердинанда, эрцгерцога австрийского и моего государя, серебряные кубки, золотые и серебряные ткани и германскую золотую монету, то государь тотчас отобрал у них и цепи, и кубки, и большую часть испанских золотых. Когда я допытывался у послов, правда ли это, то один из них, опасаясь предать своего государя, постоянно отрицал это, а другой говорил, что государь велел принести к себе цесарские дары, чтобы поглядеть на них. Когда я впоследствии стал чаще вспоминать об этом обстоятельстве, то один из них после этого перестал посещать меня, желая избегнуть или повода ко лжи, если он будет продолжать отрицать это, или опасности, если он случайно признается в правде. Наконец, придворные не отрицали справедливости этого, а отвечали: что же, если государь за это пожалует их иною какою милостью? Он применяет свою власть к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно и по своей воле жизнью и имуществом всех; из советников, которых он имеет, ни один не пользуется таким значением, чтобы осмелиться разногласить с ним или дать ему отпор в каком-нибудь деле. Они открыто заявляют, что воля государя есть воля божия и, что ни сделает государь, он делает по воле божией. Поэтому также они именуют его ключником и постельничим Божиим; наконец, веруют, что он — свершитель божественной воли. Отсюда и сам государь, когда к нему обращаются с просьбами за какого-нибудь пленного или по другому важному делу, обычно отвечает: «Если бог повелит, то освободим». Равным образом, если кто-нибудь спрашивает о каком-нибудь деле неверном и сомнительном, то в общем обычно получает ответ: «Про то ведает бог да великий государь». Неизвестно, или народ по своей загрубелости требует себе в государи тирана, или от тирании государя самый народ становится таким бесчувственным и жестоким.

От времени Рюрика вплоть до нынешнего государя эти государи пользовались только титулом великих князей, или владимирского, или московского, или новгородского и пр., кроме Ивана Васильевича, который величал

себя государем всея Руси и великим князем владимирским и пр. Нынешний же Василий Иванович присвоит себе и титул, и имя царское следующим образом: «Великий государь Василий, божией милостью царь и государь всея Руси и великий князь владимирский, московский, новгородский, псковский, смоленский, тверской, югорский, пермский, вятский, болгарский и пр., государь и великий князь Новгорода низовской земли и черниговский, рязанский, волоцкий, ржевский, белевский, ростовский, ярославский, белозерский, удорский, о́ддорский, кондинский и пр». Далее, так как ныне все именуют его императором, то мне представляется необходимым разъяснить как это почетное звание, так и причину ошибки. На русском языке слово царь обозначает короля. Но на общем славянском языке, у поляков, чехов и всех других, на основании известного созвучия в последнем, и притом протяженном, слоге, под словом царь понимается император или цесарь; поэтому все, кто не сведущ в русском языке или письменности, равно как чехи, поляки и даже славяне, подвластные королевству Венгерскому, обозначают латинское слово rex другим наименованием, а именно краль, иные — кираль, некоторые — король; царем же, по их мнению, называется один только цесарь или император. Следствием этого явилось, что русские переводчики, слыша, как государь их именуется таким образом у иноземных народов, начали затем и сами называть его императором, и они считают, что название царь более почетно, чем король (хотя они значат одно и то же). Но если развернуть все их истории и священное писание, то окажется, что слово царь соответствует везде названию король, а названию император соответствует цесарь. В силу того же самого заблуждения императором именуется царь турок, хотя он издревле не пользовался никаким иным более почетным названием, как только король, т. е. царь. Отсюда европейские турки, которые употребляют славянский язык, называют Константинополь Царьград, т. е. как бы Королевский город. Некоторые именуют государя московского Белым царем. Я старательно изыскивал причину, почему он именуется названием Белого царя, так как ни один из государей Московии не пользовался ранее этим почетным названием; кроме того, при всяком удобном случае я часто и открыто заявлял самим советникам, что мы признаем в нем не царя, а великого князя. Большинство приводило, однако, для царского титула то основание, что он имеет под своею властью королей, но для назва-

ния Белый они не приводили никакого основания. Я же полагаю, что как владыку персов называют ныне по причине красных головных уборов кизиль-паша, т. е. красная голова, так и те именуются белыми по причине белых головных уборов. Далее, почетное имя царя он употребляет в сношениях с римским императором, папой, королем Швеции и Дании, магистром Пруссии, Ливонии и, как я узнал, с государем турок. Сам же он не именуется царем никем, за исключением, может быть, владыки ливонского. [...] В сношениях же с королем польским он пользуется следующим титулом: «Великий государь Василий, божией милостью государь всея России и великий князь владимирский, московский, новгородский, смоленский, тверской, югорский, пермский, болгарский и пр.», откинув титул царя, ибо ни один из них не удостоивает принять грамоту другого с прибавкой нового титула. Это случилось и в нашу бытность в Москве, когда московский владыка насилу принял присланную ему королем Сигизмундом грамоту с прибавкой титула князя мазовского.

Некоторые пишут, будто московский владыка домогался от римского папы и от цесаря Максимилиана царского имени и титула. Мне это не представляется вероятным, в особенности потому, что ни на одного человека он не озлоблен более, чем на верховного первосвященника], удостоивая его только титулом учителя. Цесаря же римского он считает не выше себя, как это явствует из его грамот, где он ставит свое имя впереди титула императора. Точно так же наше название герцог обозначается у них словом князь, и, как я сказал, они никогда не имели другого более важного титула, с прибавкой речения «великий». Именно, все другие, кто имел одно только княжество, именовались князьями; те же, кто имел несколько княжеств и чьей власти были подчинены другие князья, назывались великими князьями, т. е. великими герцогами, и они не имеют другой степени или достоинств, кроме бояр, которые (как я сказал выше) заступают согласно с нашим обычаем место знати или рыцарей. В Кроации вельможи также называются князьями, а у нас, как и в Венгрии, они носят имя только графов.

Некоторые знатные мужи не усумнились обратиться ко мне с заявлением, а пожалуй, даже и с упреком за то, что нынешний государь Московии обыкновенно ссылается на грамоты блаженной памяти императора Максимилиана, в которых будто бы дарован царский титул

отцу его Гавриилу, пожелавшему впоследствии изменить имя и называться Василием, и что будто бы он утверждает, что эти грамоты привез к нему я. Следствием этого было то, что в последних договорах с королем польским он заявил желание или именоваться царем, или признать недействительными все условия. Хотя подобные речи, как неистинные и даже неправдоподобные, не должны были бы нисколько затрагивать меня, все же я вынужден их опровергнуть не столько ради себя, сколько ради доблестнейшего и всемилостивейшего моего государя, так как вижу, что даже на его благочестивейшую душу стараются навлечь ненависть. Ни для кого не тайна, что некогда существовала известная вражда между импер[атором] Максимилианом и королем польским Сигизмундом и что это было именно тогда, когда Сигизмунд женился на дочери графа сцепузийского, Стефана. Некоторые объясняли, что это делалось для того, чтобы брат невесты Иоанн мог при влиянии и содействии брата Сигизмунда жениться на Анне, дочери Владислава, короля венгерского, а через это было бы затруднено и нарушено право наследования королевства Венгерского, принадлежавшее Максимилиану и его внукам. По этой причине Максимилиан, разумеется, признавал важным для себя быть в союзе с владыкой московским, постоянным врагом литовцев и поляков. Но когда на свидании, устроенном в Прессбурге, Максимилиан и Владислав, в присутствии и при покровительстве Сигизмунда, пришли к соглашению, то всякие подозрения и раздоры внезапно прекратились и уничтожились, и Максимилиан так горячо полюбил Сигизмунда, что не поколебался сказать (я привел это и в другом месте), что с Сигизмундом он готов пойти и в рай и в ад. Итак, хотя было время, когда Максимилиан желал иметь московского владыку в союзе с собою, однако он никогда не даровал ему имени царя. Это может быть легко подтверждено посылаемыми и получаемыми с той и другой стороны грамотами и печатями, если только мое свидетельство, несмотря на всю его правдивость и верность, покажется кому-нибудь имеющим мало значения. Да и зачем московскому владыке просить у императора Максимилиана этот титул, если этот князь еще раньше каких-либо сношений с ним хотел показать себя не только равным ему, но даже и высшим, ставя всегда и в речах, и на письме свое имя и титул впереди императорского, и это, как сказано, даже и поныне соблюдается так упорно? А после моего возвращения из Московии он не употреблял царского ти-

тула даже и тогда, когда писал к королю польскому. Правда, не подлежит никакому сомнению, что, когда он пишет к императору или папе, то именует себя царем и государем всея России. Мало того, он не отказывается даже и от императорского титула, если случайно присоединяет перевод какой-нибудь грамоты с русского языка на латинский, ибо сами переводчики передают названием император слово царь, которое значит то же, что король. И вот таким-то образом он делает себя и царем, и императором. Но никто да не верит тому, будто Максимилиан и его внуки избрали его царем в обиду польским королям. Да и к чему ему было бы домогаться, как гласит молва, царского достоинства от папы, если бы он уже ранее получил его от императоров? Да послужит сказанное в защиту моего господина, августейшего Максимилиана, который во все продолжение своей жизни был верным и искренним другом короля Сигизмунда.

Что же сказать о себе самом? С каким лицом, позволю спросить, дерзнул бы я ездить столько раз в Польшу и Литву, показываться на глаза королей польских, Сигизмундов, отца и сына, принимать участие в государственных собраниях поляков, взирать на тамошних вельможных мужей, если бы я оказывал в этом деле содействие моему государю, от имени и со слов которого я очень часто, по-братски, по-дружески, милостиво и благосклонно докладывал и царю, и всем сословиям все то, что может сообщить соединенный с ними самыми тесными узами, доблестнейший и всемилостивейший император? Если нет ни одной тайны, которая бы не раскрывалась, то, конечно, давно уже обнаружилось бы все то, что я сделал недостойного согласно со своей обязанностью. Но я утешаю себя сознанием своей правоты, и надежнее этого утешения нет никакого иного. И я нахожу себе приятное успокоение в милости королей польских и доброжелательности прочих сословий польских, которая, как я припоминаю, никогда меня не покидала.

Может быть, были такие времена, когда можно было распространять подобные известия, возбуждая меньшую, чем ныне, ненависть. Но если распространять их в настоящее время, то не значит ли это изыскивать способы к разрушению взаимного расположения весьма тесно связанных между собою государей, тогда как на самом деле его следовало бы соединять и скреплять со всяким усердием и рачением? Кажалось, что давным-давно покончено все, что, по общему мнению, могло иметь весьма важное значение для сохранения остатков Венгрии и для

возвращения потерянного. Но те, кому это обстоятельство и ранее приносило много выгод, и должно было принести еще больше, заразясь или турецким, или каким-либо иным злым духом, забывают о договорах и соглашениях и замышляют новые губительные дела; они не соображают при этом, какой огромной опасности готовятся они подвергнуть и себя самих, и соседние области, и прежде всего Венгрию, оказавшую столь выдающиеся услуги всему христианскому миру.

Обряд венчания на царство государей

Нижеследующее описание, которое я достал не так-то легко, наглядно изобразит тебе обряд, коим венчаются на царство государи московские. Этот обряд применен был великим князем Иваном Васильевичем, когда он, как я упоминал уже раньше, ставил внука своего Дмитрия великим князем и монархом России.

Посреди храма Пресвятой девы воздвигается помост, на котором помещают три седалища, т. е. для деда, внука и митрополита. Точно так же ставят особого рода возвышение, называемое у них палоем, на котором полагают княжескую шапку и бармы, т. е. княжеское украшение. Затем к назначенному времени являются облаченные в торжественное одеяние митрополит, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены и весь духовный собор. При входе великого князя с внуком в храм дьяконы поют по обычаю «Многая лета» одному только великому князю Ивану. После этого митрополит со всем клиром начинает петь молебен пресвятой деве и святому Петру-исповеднику, которого они, согласно своему обычаю, именуют чудотворцем. По окончании молебна митрополит, великий князь и внук восходят на дощатый помост, и первые двое садятся на поставленные там седалища, а внук меж тем останавливается у края помоста. Наконец великий князь начинает говорить так: «Отче митрополит, по божественной воле, по древнему и соблюденному доселе великими князьями, нашими предками, обычаю, великие князья-отцы назначали своим сыновьям-первенцам великое княжение, и как по их примеру родитель мой великий князь при себе благословил меня великим княжением, так и я при всех благословил великим княжением первенца моего Ивана. Но как по воле божией случилось, что оный сын мой скончался, оставив по себе едиnorodного Дмитрия, которого бог даровал мне вместо моего сына, то я равно при всех благословляю его,

ныне и после меня, великим княжением владимирским, новгородским и прочая, на которые я благословил и отца его».

После этого митрополит велит внуку приступить к назначенному ему месту, благословляет его крестом и велит диакону читать молитвы диаконов, а сам меж тем, сидя возле него и также наклонив голову, молится [...]. По окончании этой молитвы митрополит велит двум архимандритам подать ему бармы, покрытые вместе с шапкою неким шелковым покровом (который они называют ширинкою). Затем он передает их великому князю и знаменует внука крестом. Великий же князь возлагает их на внука. Потом митрополит говорит: «Мир всем» [...]. Наконец подает он великому князю княжескую шапку, принесенную по приказу митрополита двумя архимандритами [...]. Затем, когда великий князь возлагал шапку на главу внука, его благословляли рукою сперва митрополит, а потом, подступая, архиепископ и епископы. Совершив это по чину, митрополит и великий князь приказывают внуку сесть с ними рядом и, помедлив немного, встают. Между тем диакон начинает (так называемую) литанию: «Помилуй нас, господи», именуя великого князя Ивана; другой хор в свою очередь упоминает про великого князя внука, Дмитрия, и иных по обычаю. [...] По окончании сего митрополит, архиепископ, епископы и все собрание подходят по порядку к великим князьям и почтительно их поздравляют. Подходят и сыновья великого князя, кланяясь и поздравляя великого князя.

Обряды, установленные после венчания великого князя

[...] По свершении литургии, т. е. священнослужения, великий князь дед удаляется в свое жилище, а Дмитрий в княжеской шапке и бармах отправляется из храма Пресвятой девы, в сопровождении большой толпы бояр и их детей, в церковь Михаила Архангела, где в преддверии на помосте Георгий, сын великого князя Ивана, трижды осыпает его золотыми деньгами (под деньгой разумей род монеты). По входе его в церковь священники с молитвой в литании, согласно обычаю, благословляли его крестом, а также осеяли его знамением креста у гробниц и памятников. Затем, при выходе Дмитрия из храма, Георгий в дверях снова осыпает его золотыми деньгами. После того Дмитрий направляется прямо в церковь Благовещения Марии, где равным образом бла-

гословляли его священники и, как ранее, Георгий осыпал его деньгами. По свершении этого Дмитрий наконец удалился к деду и матери. Это свершилось в 7006 году от сотворения мира, от рождества же Христова в 1497, в четвертый день февраля месяца.

Присутствовали же при сем по приказу великого князя и с благословения митрополита Симона:

Тихон — архиепископ ростовский и ярославский, Нифонт — суздальский и торусский, Вассиан — епископ тверской, епископы: Протасий — рязанский и муромский, Афраний — коломенский, Евфимий — сарский и подонский.

Точно так же много архимандритов и игуменов, среди коих наиболее замечательны: Серапион, игумен монастыря у Святой Троицы, блаженного Сергия, и Макарий, игумен монастыря святого Кирилла: наконец тут же было великое собрание монахов и духовенства. За обедом, как бы в качестве дара, поднесен был Дмитрию широкий пояс, сделанный из золота, серебра и драгоценных камней, и этим поясом он был опоясан. Вслед за тем ему предложены были [...] рыбки из Переяславского озера, вполне похожие на селедки, именем которых они и называются. Предлагают же этот род рыбы, как думают, потому, что Переяславль никогда не отделялся от Московии, или монархии.

Бармы представляют собой род широкой цепи из мохнатого шелка, снаружи же они нарядно изукрашены золотом и всякого рода драгоценными камнями; Владимир отнял их у некоего разбитого им в бою генуэзца, начальника Кафы.

Наша шляпа на их языке называется шапкой; ее носил Владимир Мономах и оставил ее, украшенную жемчугом, а также нарядно убранную золотыми бляшками, которые, извиваясь кругом, часто колыхались при движении. Доселе говорил я о государе, который владеет большею частью России.

Остальными частями России владеет ныне один Сигизмунд, король польский, великий князь литовский. Но раз зашла речь о королях польских, которые повели свой род от литовцев, то мне представляется необходимым прибавить кое-что об их родословной.

Во главе великого княжества Литовского стоял некий государь Витенен; по свидетельству польских летописей, его убил слуга Гедимин и завладел затем и княжеством Витенена, и женою его; от этой последней, в числе многих других, он имел двух выдающихся сыно-

вей, Ольгерда и Кестуда. От Кестуда родились Витольд, которого иначе называют Витовтом, и Анна, супруга Янусия, князя мазовского.

Витольд оставил единственную дочь Анастасию, которая была выдана замуж за князя московского Василия и названа Софьей; от нее родился Василий, отец знаменитого и великого Ивана и дед Василия, государя русских, к которому я был отправлен в звании посла.

Далее, Кестуд, свергнутый в темницу братом Ольгердом, погиб жалкою смертью, и Витольд, названный в крещении Александром, умер в 1430 году; в Литве не было мужа более великого.

От сына Гедимины, Ольгерда, и супруги его, княжны тверской и христианки, Марии, в числе других сыновей родился Ягелло³³. Увлекаемый властолюбием, он стал домогаться не только королевства Польского, но и самой Гедвиги, которая стояла тогда во главе королевства, будучи увенчана диадемою, и была просватана за герцога австрийского, Вильгельма, и даже, с согласия родителей и вельмож обоих королевств, еще до брачных лет сочеталась с ним, по королевскому обычаю, на ложе. Итак, отправив в Польшу своих послов, Ягелло изъясняет притязание на королевство и руку Гедвиги. Желая увлечь поляков на свою сторону и достигнуть исполнения своих желаний, он обещает, между прочим, принять христианскую веру вместе со своими братьями, а также княжествами Литовским и Самогитским. Этими и иными обещаниями такого рода он склонил поляков на свою сторону, так что убежденная их влиянием Гедвига, даже против воли, нарушила первоначальный брачный договор и согласилась выйти за Ягелло. После этого Ягелло сам немедленно окрестился, приняв имя Владислава, венчался на королевство и, по совершении брака, овладел рукою Гедвиги в 1386 году по рождестве Христове. А когда немного спустя Гедвига умерла в первых родах, он женился на Анне, графине целейской, от которой имел единственную дочь Гедвигу, просватанную за Фридриха-младшего Бранденбургского. Был он женат также на некоей старухе, а когда и она умерла, то женился на русской, Сонке, дочери Андрея Ивановича, князя киевского, которая впоследствии приняла римскую веру и названа была Софьей; от нее он имел сыновей Владислава и Казимира.

Владислав наследовал отцу в королевстве и был венчан на королевство Венгерское, отстранив законного наследника, сына почившего короля Альберта, Ладисла-

ва, который родился по смерти отца. Владислав погиб впоследствии, разбитый турками при озере Варне.

Корону польскую унаследовал после брата Казимир, который владел тогда великим княжеством Литовским и, вероятно увлеченный примером брата, хотел одинаково отнять у родившегося по смерти отца Ладислава королевство Богемское. Затем он женился на Елизавете, сестре этого Ладислава, короля венгерского и богемского; от этого брака у них родились сыновья: Владислав, король венгерский и богемский, Иоанн Альберт, Александр, Сигизмунд, короли польские, Фридерик — кардинал — и Казимир [...].

У Владислава был сын Людовик и дочь Анна. Людовик унаследовал королевскую власть; он женился на Марии, дочери Филиппа, короля кастильского и эрцгерцога австрийского, и погиб, разбитый турками при Могаче в 1526 году.

Анна вышла замуж за Фердинанда, короля римского, венгерского и богемского и эрцгерцога австрийского; произведя на свет четырех сыновей и одиннадцать дочерей, она умерла наконец в родах, в Праге, в 1547 году по рождестве Христове.

Иоанн Альберт умер холостым.

Александр женился на Елене, дочери Ивана, великого князя московского, но умер бездетным.

У Сигизмунда от первой супруги Варвары, дочери Стефана, графа сепузийского, родилась Гедвига, супруга Иоахима, курфюрста бранденбургского, а от второй — Боны, дочери Иоанна Сфорцы, герцога миланского и барского, родился Сигизмунд Второй, король польский, великий князь литовский; он женился в шестой день мая 1543 года на Елизавете, дочери Фердинанда, короля римского, венгерского, богемского и пр., но она преждевременно скончалась, не оставив потомства, в 1545 году, в пятнадцатый день июня.

Затем он женился на Варваре из дома Радзивиллов, которая ранее была замужем за литовцем Гастольдом. Родители Сигизмунда были против этого брака, да и подданные его пришли в такое негодование, что начавшееся уже их восстание разразилось бы губительным мятежом, если бы король Фердинанд пожелал отомстить за обиды, причиненные его дочери, а не предавать их забвению. По смерти же Варвары этот самый Сигизмунд, стремясь возобновить союз и родство с Фердинандом, сочетался браком с родной сестрой Елизаветы, Катериной, которая оставалась вдовой после Франциска, гер-

цога мантуанского. Бракосочетание отпраздновано было в Кракове 31 июля 1553 года. Обоиx сестер я провожал к жениху в звании маршала, или начальника двора.

У Семовита, герцога мазовского, от сестры Ягелло, Александры, было много сыновей и дочерей. Сыновья умерли бездетными. Из дочерей Чимбурга вышла замуж за Эрнеста, эрцгерцога австрийского; от него родился Фридрих, император римский, отец императора Максимилиана. От Максимилиана родился Филипп, король испанский; от Филиппа — римские императоры, Карл V и Фердинанд.

Овка была выдана замуж за Волеслава, герцога штегтинского.

Амулия вышла замуж за Вогуслава, герцога столпенского, который именуется ныне герцогом Померании.

Анна же вышла замуж за князя литовского Михаила, Катерина умерла в безбрачии.

Далее, если бы кто захотел перечислить по порядку братьев и внуков Ольгерда и Ягелло, а также детей от дочерей последнего, и затем поколение Кестуда, Казимира и других королей, то нашел бы, что это столь многочисленное потомство разрослось до бесконечности. Однако как быстро оно размножилось, так ныне представителем его мужского поколения является единственно король польский Сигизмунд Второй, сын уже покойного короля польского.

А раз нам пришлось упомянуть о потомстве Гедимиана и о королях из этого рода, то не лишним кажется прибавить здесь же рассказ о событиях, случившихся в правление Владислава, короля венгерского и богемского, и его брата Сигизмунда, короля польского (сыновей Казимира).

Когда Владислав, с согласия римского имп[ератора] Максимилиана, удержавшего за собою право наследования, завладел королевством Венгерским, у него под старость оставалась одна только дочь. Тогда Максимилиан, желая закрепить право наследования каким-нибудь более тесным союзом, начал вести с Владиславом переговоры о браке между одним из его внуков, детей его сына Филиппа, короля испанского, и дочерью Владислава, Анной. Но брака с Анной страстно добивался Иоанн Заполитанский, сын Стефана, графа сепузийского, пользовавшийся весьма большим влиянием у короля Матфия и даже у самого Владислава. Иоанну сильно помогала его мать-вдова, которая подарками и ежегодной раздачей жалованья [...] добилась того, что все знатные

мужи в графствах и областях Венгрии были привязаны к ней и готовы на всякие услуги. Поэтому она ничуть не сомневалась, что, при помощи их старания и голосования, она устроит этот брак для сына, а через брак уготовает для него же и королевскую корону. Ухищрениям этой женщины огромную пользу принес брак ее дочери, сестры Иоанна, с Сигизмундом, королем польским. Заметив это, Максимилиан полагал, что ему надо тем более настаивать на задуманном браке его внука с Анной. К тому же он знал наверное, что Владислав желает того же самого, но встречает препятствие со стороны пристрастия тех лиц, которые преданы были Иоанну Заполитанскому; поэтому Максимилиан решился бросить жребий и добыть Венгрию оружием. В этой войне я сделал первые шаги на ратном поприще. Но так как среди этого бряцания оружием у Владислава, по счастью, родился сын Людовик, то сперва заключено было перемирие, которое перешло потом в более прочный мир, а этот последний привел затем к тому, что Владислав с коронованным уже сыном и дочерью, а также брат Владислава, король польский Сигизмунд, приехали в Вену к Максимилиану; здесь Анна была обручена, и прекратились всякая вражда и подозрения, поддерживавшиеся честолюбием Иоанна Заполитанского; после этого оба государя заключили между собою вечный союз. Но король Сигизмунд успел тогда настолько оправдаться пред имп[ератором] Максимилианом и так понравился ему, что этот последний сказал раз в моем присутствии, что он готов пойти с этим королем всюду, куда бы тот ни отправился, и в рай, и в ад. Насчет Людовика в народе говорили, что он преждевременно родился, преждевременно сочетался браком и возмужал, даже и королем стал преждевременно и смертью погиб преждевременною. К этому можно прибавить, что смерть его была для Венгерского королевства и всех соседей столь же преждевременною, как и горестной. Именно, хотя Людовик не способен был для создания каких-либо благодетельных замыслов, однако известно, что он обладал самыми лучшими намерениями по отношению к отечеству и своим подданным, был весьма расположен к ним и изыскивал способы к охранению их. Так, когда этот юноша узнал, что после взятия Белграда Солиман замышляет против него новый и ужасный поход, то послал начальника своего двора, поляка по прозвищу Трепка, к дяде своему, королю Сигизмунду, с тем чтобы всячески просить и умолять его, дабы тот не поставил себе в труд приблизиться к границам его коро-

левства и свидеться с ним для выработки плана действий. А когда Сигизмунд наотрез отказал в этом, то Трепка, говорят, со слезами произнес: «После этого, король, ты никогда не увидишь своего племянника и не будешь выслушивать от него никаких посольств». Это так и вышло. Именно, король Сигизмунд, под предлогом религиозных дел, отъехал слишком далеко от границ Венгрии в Пруссию к Гедану, а племянник его, вместе с упомянутым Трепкою, погиб в том несчастнейшем сражении, которое по месту именуется Могачским. А теперь я возвращаюсь к москвитам.

После размышлений и совещаний насчет своей женьтыбы Василий Иванович в конце концов решил сочетаться лучше с дочерью какого-нибудь подданного, чем с иностранкой, отчасти имея в виду избежать особенно больших расходов, отчасти не желая иметь супругу, воспитанную в чужеземных обычаях и в иной с ним вере. Такой совет подал государю его казнохранитель и главный советник Георгий, по прозвищу Малый. Он рассчитывал, что государь возьмет в супруги его дочь. Но в конце концов, по общему совету, были собраны в одно место дочери бояр, числом тысяча пятьсот, чтобы государь мог выбрать из них ту, которую пожелает. Произведя смотрины, государь, вопреки предположению Георгия, выбрал себе в супруги Саломею [Соломонию?], дочь боярина Ивана Сапура. Но затем, так как у него в течение двадцати одного года не было от нее детей, то, рассерженный бесплодием супруги, он в тот самый год, когда мы прибыли в Москву, т. е. в 1526-й, заточил ее в некий монастырь в Суздальском княжестве. В монастыре, несмотря на ее слезы и рыдания, митрополит сперва обрзал ей волосы, а затем подал монашеский куколь, но она не только не дала возложить его на себя, а схватила его, бросила на землю и растоптала ногами. Возмущенный этим недостойным поступком, Иван Шигоня, один из первых советников, не только выразил ей резкое порицание, но и ударил ее бичом, прибавив: «Неужели ты дерзаешь противиться воле государя? Неужели медлишь исполнить его веления?» Тогда Саломея спросила его, по чьему распоряжению он бьет ее. Тот ответил: «По приказу государя». После этих слов она, упав духом, громко заявляет в присутствии всех, что надевает куколь против воли и по принуждению и призывает бога в мстители столь великой обиды, причиняемой ей. Итак, Саломея была заточена в монастырь, а государь женился на Елене³⁴, дочери князя Василия Глинского Слепого, в то вре-

мя уже покойного,— он был братом князя Михаила Глинского, который тогда содержался в плену. Вдруг возникает молва, что Саломея беременна и даже скоро разрешится. Этот слух подтверждали две почтенные женщины, супруги первостепенных советников, казнохрани-теля Георгия Малого и постельничего Якова Мазура, и уверяли, что они слышали из уст самой Саломеи призна-ние в том, что она беременна и скоро разрешится³⁵. Услышав это, государь сильно разгневался и удалил от себя обеих женщин, а одну, супругу Георгия, велел даже подвергнуть бичеванию за то, что она своевременно не донесла ему об этом. Затем, желая узнать дело с досто-верностью, он посылает в монастырь, где содержалась Саломея, советника Феодорика Рака и некоего секретаря Потата и поручает им тщательно расследовать прав-дивость этого слуха. Во время нашего тогдашнего пре-бывания в Московии некоторые утверждали нам за не-преложную истину, что Саломея родила сына по имени Георгий, но никому не желала показать ребенка. Мало того, когда к ней присланы были некие лица для рассле-дования истины, то она, говорят, отвечала им, что они недостойны того, чтобы глаза их видели ребенка, а ког-да он облечется в величие свое, то отомстит за обиду матери. Некоторые же упорно отрицали, будто она ро-дила. Итак, молва гласит об этом происшествии двояко.

Как я узнал, беря себе в жены дочь литовского из-гнанника Василия Глинского, государь, помимо надежды иметь от нее детей, руководился двумя соображениями: во-первых, тесть его вел свой род от семейства Петро-вич, которое пользовалось некогда громкой славой в Венгрии и исповедовало греческую веру; во-вторых, дети государевы в таком случае имели бы в качестве дяди Михаила Глинского, мужа выдающейся опытности и ред-кой доблести. Именно, у государя были еще живы два родных брата, Георгий и Андрей, а потому он полагал, что если у него родятся от какой-либо иной супруги де-ти, то они, при жизни его братьев, не будут безопасно править государством. Вместе с тем он не сомневался, что если он вернет свою милость Михаилу и дарует ему свободу, то родившиеся от Елены дети его под охраною дяди будут жить гораздо спокойнее. Поэтому, в нашу бытность там, стали вести переговоры об освобождении Михаила; мало того, нам довелось видеть, как с него сняли оковы, с почетом отпустили его на поруки, затем даровали и полную свободу; он поименован был в числе прочих князей в завещании государя и в конце концов

назначен опекуном своих племянников, Ивана³⁶ и Георгия. Но впоследствии, видя, что сряду по смерти государя вдова его стала позорить царское ложе с неким боярином, по прозвищу Овчина³⁷, заключила в оковы братьев мужа, свирепо поступает с ними и вообще правит слишком жестоко, Михаил, исключительно по чувству родственной любви и долга чести, неоднократно наставлял ее жить честнее и целомудреннее, но она отнеслась к его наставлениям с таким негодованием и нетерпимостью, что вскоре стала придумывать, каким бы образом погубить его. Предлог был найден: как говорят, Михаил через немного времени был обвинен в измене, снова ввергнут в темницу и в конце концов погиб жалкою смертью; по слухам, вдова также, немного спустя, была умерщвлена ядом, а обольститель ее Овчина был рассечен на куски. После гибели матери царство унаследовал старший сын ее Иван, родившийся в 1528 году. [...]

Способ заключения брака

Бесчестным и позорным считается для молодого человека самому свататься за девушку, чтобы ее отдали ему в супружество. Дело отца обратиться к юноше с предложением, чтобы он женился на его дочери. Высказывают они это обычно в таких словах: «Так как у меня есть дочь, то я хотел бы тебя себе в зятя». На это юноша отвечает: «Если ты просишь меня в зятя и тебе это так угодно, то я пойду к своим родителям и доложу им об этом». Потом, если родители и родственники изъявят согласие, они собираются вместе и обсуждают, что отец пожелает дать дочери под именем приданого. Затем, определив приданое, назначают день для свадьбы. В этот промежуток времени жениха до такой степени отстраняют от дома невесты, что если он случайно попросит хоть увидеть ее, то родители обычно отвечают ему: «Узнай от других, кто ее знает, какова она». Во всяком случае, доступ к невесте предоставляется ему не иначе, как если обручение не будет раньше подтверждено величайшими карами, так что жених, если бы даже он пожелал, не мог бы отказаться от нее под тяжким наказанием. В качестве приданого по большей части даются лошади, платье, оружие, скот, рабы и тому подобное. Приглашенные на свадьбу редко подносят деньги, но все же посылают невесте подношения или дары, каждый из которых жених старательно отмечает и откладывает. [...]

В брак вступают они таким образом, чтобы не касать-

ся четвертой степени родства или свойства. Они считают ересь, если родные братья женятся на родных сестрах. Точно так же никто не смеет взять в жены сестру свояка. Далее, они наблюдают весьма строго, чтобы браком не соединялись те, между которыми существует духовное родство по крещению. Если кто женится на второй жене и таким образом становится двоебрачным, то это они допускают, но вряд ли признают законным браком. Жениться в третий раз они не позволяют без уважительной причины. Четвертой же жены они и никому не разрешают и считают это даже не христианским. Развод они допускают и дают разводную грамоту; однако весьма тщательно скрывают это, так как знают, что это вопреки вере и уставам. Мы рассказали немного раньше, что сам государь развелся за бесплодие с женой Саломеей и, заточив ее в монастырь, женился на Елене, дочери князя Василия Глинского. Несколько лет тому назад также из Литвы в Москву убежал некий князь Василий Бельский. Так как друзья его слишком долго удерживали у себя его молодую супругу, на которой он незадолго перед тем женился (они, понятно, рассчитывали, что он снова вернется из любви к юной подруге и тоски по ней), то Бельский повергает причину отсутствия жены на решение митрополита. Обсудив дело, митрополит сказал: «Раз это вина не твоя, а скорее жены и даже родственников, что тебе нельзя быть с ней вместе, то я делаю для тебя послабление закона и освобождаю тебя от нее». Выслушав это, Бельский женился вскоре на другой, происходившей из рода князей рязанских, от которой он прижил и детей, пользующихся ныне, как мы видели, большим значением у государя.

Они называют прелюбодеянием только тот случай, если кто имел общение с чужой женой. Любовь между сочетавшимися супружеством по большей части не горяча, в особенности у мужей именитых и знатных. Это происходит оттого, что они женятся на девушках, которых раньше никогда не видали, а затем, занятые государственной службой, вынуждены бывают покидать жен и меж тем пятнают себя позорной похотью на стороне.

Положение женщин весьма плачевное. Они не верят в честь ни одной женщины, если она не живет взаперти дома и не находится под такой охраной, что никуда не выходит. Я хочу сказать, что они не признают женщину целомудренной в том случае, если она дает на себя смотреть посторонним или иностранцам. Заключение же дома, они только прядут и сучат нитки, не имея совершен-

но никакого права или дела в хозяйстве. Все домашние работы делаются руками рабов. Всем, что задушено руками женщин, будь то курица или другое какое животное, они гнушаются, как нечистым. У тех же, кто победнее, жены исполняют домашние работы и стряпают. Но если они хотят зарезать курицу, а мужья их и рабы случайно отсутствуют, то они стоят перед дверями, держа курицу или другое животное и нож, и усердно просят проходящих мужчин, чтобы те умертвили животное.

Весьма редко допускают женщин в храмы, еще реже на беседы с друзьями, и то в том только случае, если эти друзья — совершенные старики и свободны от всякого подозрения. Однако в определенные праздничные дни они разрешают женам и дочерям сходить вместе для развлечения на привольных лугах; здесь, сидя на некоем колесе, наподобие колеса Фортуны, они движутся попеременно вверх и вниз; или иначе: привязывают веревку, повиснув и сидя на которой они при толчке качаются и движутся туда и сюда; или, наконец, они забавляются некими известными песнями, хлопая при этом в ладоши; плясок же они совершенно не устраивают. [...]

Каждые два или три года государь производит набор по областям и переписывает детей боярских с целью узнать их число и сколько у кого лошадей и служителей. Затем, как сказано выше, он определяет каждому жалованье. Те же, кто могут по достаткам своего имущества, служат без жалованья. Отдых им дается редко, ибо государь ведет войну или с литовцами, или с ливонцами, или со шведами, или с казанскими татарами, или если он не ведет никакой войны, то все же каждый год обычно ставит караулы в местностях около Танаида и Оки, в количестве двадцати тысяч человек, для обуздания набегов и грабежей перекопских татар. Государь обычно вызывает некоторых по очереди из их областей, и они исполняют для него в Москве всевозможные обязанности. В военное же время они не отправляют погодной и поочередной службы, а обязаны все вместе и каждый в отдельности, как состоящие на жалованье, так и ожидающие милости государя, идти на войну.

Лошади у них маленькие, холощенные, не подкованы; узда самая легкая; затем седла приспособлены у них с таким расчетом, что всадники могут безо всякого труда поворачиваться во все стороны и натягивать лук. Ноги у сидящих на лошади до такой степени стянуты одна с другой, что они вовсе не могут выдержать несколько более сильного удара копыя или стрелы. К шпорам прибе-

гают весьма немногие, а большинство пользуется плеткой, которая висит всегда на мизинце правой руки, так что они могут всегда схватить ее, когда нужно, и пустить в ход, а если дело опять дойдет до оружия, то они оставляют плетку, и она висит по-прежнему.

Обыкновенное оружие у них составляют лук, стрелы, топор и палка, наподобие булавы, которая по-русски называется кистень, по-польски бассалык. Саблю употребляют более знатные и более богатые. Продолговатые кинжалы, висящие наподобие ножей, спрятаны у них в ножнах до такой степени глубоко, что с трудом можно коснуться до верхней части рукоятки или схватить ее в случае надобности. Равным образом и повод от узды у них в употреблении длинный и на конце прорезанный; они привязывают его к пальцу левой руки, чтобы можно было схватить лук и, натянув его, пустить в ход. Хотя они вместе и одновременно держат в руках узду, лук, саблю, стрелу и плеть, однако ловко и без всякого затруднения умеют пользоваться ими.

Некоторые из более знатных носят латы, кольчугу, сделанную искусно, как будто из чешуи, и наручи; весьма немногие имеют шлем, заостренный сверху наподобие пирамиды.

Некоторые носят платье, подбитое ватой, для защиты от всяких ударов. Употребляют они и копья.

В сражениях они никогда не употребляли ни пехоты, ни пушек. Ибо все, что они ни делают, нападают ли на врага, или преследуют его, или бегут от него, они совершают внезапно и быстро, и таким образом ни пехота, ни пушки не могут следовать за ними.

Но когда перекопский царь поставил на Казанское царство своего внука и на обратном пути раскинул лагерь в тринадцать тысячах шагов возле Москвы, нынешний государь Василий на следующий год расположился лагерем около реки Оки и впервые тогда пустил в дело пехоту и пушки, может быть, для того, чтобы похвастать своим могуществом или загладить позор, полученный им в предыдущем году от самого позорного бегства, во время которого, как говорили, он прятался несколько дней под стогом сена, или, наконец, чтобы отвратить от своих пределов царя, который, как он предполагал, снова нападёт на его владения. Во всяком случае, при нас он имел из литовцев и всякого сброда людей почти тысячу пятьсот пехотинцев. [...]

Города они редко завоевывают силою или более жестоким нападением, но скорее у них в обычае принуж-

дать людей к сдаче продолжительной осадой, голодом или изменою. Хотя Василий осаждал и громил город Смоленск, придвинув к стенам его пушки, которые отчасти привез с собою из Москвы, отчасти отлил там во время осады, однако он ничего не добился. Осаждал он ранее и Казань с большою силою воинов и также придвинув к стенам ее пушки, которые привез туда вниз по реке, но и тогда до такой степени не имел никакого успеха, что в то время, как зажженная крепость совершенно сгорела и опять отстраивалась сызнова, воины меж тем не осмелились взойти даже на обнаженный холм или занять его.

Теперь государь имеет пушечных литейщиков, немцев и итальянцев, которые, кроме пищалей и воинских орудий, льют также железные ядра, какими пользуются и наши государи, но московиты не умеют и не могут пользоваться этими ядрами в сражении, так как у них все основано на быстроте. [...]

Для разбития стана они выбирают весьма обширное место, где более знатные разбивают палатки, а другие втыкают в землю нечто вроде дуги из прутьев и покрывают ее епанчами, чтобы прятать туда седла, луки и другое в этом роде и чтобы защититься от дождя. Лошадей они выгоняют на пастбища, ради чего их палатки расставлены одна от другой очень широко; они не укрепляют их ни повозками, ни рвом, ни другой какой преградой, если только это место не укреплено случайно от природы или лесом, или реками, или болотами.

Пожалуй, кому-нибудь могло бы показаться удивительным, что они содержат себя и своих на столь скудное жалованье и притом, как я выше сказал, столь долгое время; поэтому я разъясню в кратких словах их бережливость и воздержность. Тот, у кого есть шесть лошадей, а иногда и больше, пользуется только одной из них в качестве подъемной или выючной, на которой везет необходимое для жизни. Прежде всего такой человек имеет в мешке, длиною в две или три пяди, толченое просо, потом восемь или десять фунтов соленой свинины; есть у него в мешке и соль, и притом, если он богат, смешанная с перцем. Кроме того, каждый носит с собою топор, огниво, котлы или медный горшок, чтобы, если он случайно попадет туда, где не найдет ни плодов, ни чесноку, ни луку или дичи, иметь возможность развести там огонь, наполнить горшок водою, бросить в него полную ложку проса, прибавить соли и варить; довольствуясь такой пищей, живут и господин, и рабы. Затем если гос-

подин будет чересчур голоден, то он истребляет все это, и таким образом рабы имеют иногда отличный случай поститься целых два или три дня. Если же господин хочет пиршествовать роскошнее, то он прибавляет маленькую частицу свиного мяса. Я говорю это не о более знатных, а о людях среднего достатка. Вожди войска и другие военные начальники время от времени приглашают к себе других победнее, и, получив хороший обед, эти последние воздерживаются иногда потом от пищи два или три дня.

Точно так же, если у московита есть плоды, чеснок или лук, то они легко могут обойтись без всего другого. Готовясь вступить в сражение, они возлагают более надежды на численность и на то, со сколь великими полчищами нападут они на врага, а не на силу воинов и на возможно лучшее построение войска; они счастливее сражаются издали, чем вблизи, и потому особенно стараются обойти врага и напасть на него с тылу.

У них много трубачей; если они, по отеческому обычаю, станут дуть в свои трубы все вместе и загудят, то можно услышать тогда некое удивительное и необычное созвучие. Есть у них и некий другой род музыки, который на их родном языке называется зурною. Когда они прибегают к ней, то играют почти в продолжение часа, немного более или немного менее, до известной степени без всякой передышки или втягивания воздуха. Они обыкновенно сперва наполняют воздухом щеки, а затем, как говорят, научившись одновременно втягивать воздух ноздрями, издают трубою звук без перерыва.

Все они имеют сходное одеяние или телесное убранство; кафтаны они носят длинные, без складок, с очень узкими рукавами, почти на венгерский лад; при этом христиане носят узелки, которыми застегивается грудь, на правой стороне, а татары, имеющие очень похожее одеяние,— на левой. Сапоги они носят по большей части красные и притом очень короткие, так что они не доходят до колен, а подошвы у них подбиты железными гвоздиками. Рубашки у всех почти разукрашены около шеи разными цветами; застегивают их запястьями или шариками, серебряными или медными вызолоченными, присоединяя ради украшения жемчуг.

Они подпоясываются отнюдь не по животу, но по бедрам и даже опускают пояс до паха, чтобы живот больше выдавался. И этот обычай переняли теперь итальянцы, испанцы и даже немцы.

Юноши, наравне с подростками, сходятся обычно по

праздничным дням в городе на обширном и известном всем месте, так что большинство может их там видеть и слышать; они созываются вместе неким свистом, который является как бы условным знаком; созванные, они тотчас сбегаются вместе и вступают в рукопашный бой; начинают они борьбу кулаками, а вскоре без разбору и с великой яростью бьют ногами по лицу, шее, груди, животу и детородным частям, и вообще каким только можно способом одни поражают других, состязаясь взаимно о победе, так что часто их уносят оттуда бездыханными. Всякий, кто победит больше народу, дольше других останется на месте сражения и весьма храбро выносит удары, получает особую похвалу в сравнении с прочими и считается славным победителем. Этот род состязания установлен для того, чтобы юноши привыкали сносить побои и терпеть какие угодно удары.

Они строго применяют меры правосудия против разбойников. Поймав их, они прежде всего разбивают им пятки, потом оставляют их на два или три дня в покое, пока пятки пухнут, а затем снова велют дергать туда и сюда разбитые и распухнувшие. Этот же род мучений применяют они и к преступникам, чтобы заставить их сознаться в грабеже и указать товарищей злодеяний. Но если призванный к допросу окажется достойным казни, то его вешают. Наказанием другого рода виновных карают редко, если только они не свершили чего-нибудь слишком ужасного.

Кража редко карается смертью, даже и за убийства казнят редко, если только они не совершены с целью разбоя. Если же кто поймает вора при краже и убьет его, то может сделать это безнаказанно, но только под тем условием, чтобы доставить убитого на двор государя и изложить дело, как оно было. [...]

Немногие из начальников имеют власть приговаривать к казни. Из подданных никто не смеет пытаться когонибудь. Большинство злодеев отвозится в Москву или другие главные города. Карают же виновных по большей части в зимнее время, ибо в летнее им мешают военные занятия.

Следуют распоряжения, сделанные великим князем Иваном Васильевичем в 7006 году от сотворения мира

Если виновный осужден будет на один рубль, то пусть заплатит судье два алтына, а писцу [дьяку?] восемь денег. Если же стороны примирятся прежде, чем придут

на место поединка, то пусть заплатят судье и писцу так же, как если бы суд был произведен. Если придут на место поединка, которое могут определить только окольниковый и недельщик, и там случайно примирятся, то пусть платят судье как выше, окольному L денег, недельщику также L денег и два алтына, писцу четыре алтына и одну деньгу. Если же они выйдут на поединок и один будет побежден, то виновный пусть заплатит судье, сколько с него потребуют, окольному пусть он даст полтину и доспех побежденного, писцу L денег, недельщику полтину и четыре алтына. Если же поединок происходит вследствие какого-нибудь пожара, убийства друга, грабежа или кражи, то, если обвинитель победит, пусть получит с виновного то, чего просил, окольному должно дать полтину и доспех побежденного, писцу L денег, недельщику полтину, вязчому (вязчий — тот, кто сводит обе стороны на предписанных условиях на поединок) четыре алтына; и все, что останется у побежденного, должно быть продано и отдано судьям; телесному же наказанию должно подвергнуть его по качеству преступления.

Убийцы своих господ, предавшие крепость, святотатцы, похитители людей, так же как и те, кто тайно относят имущество в чужой дом и говорят, будто оно у них украдено, так называемые подметчики, кроме того, те, кто поджигают людей и кто окажутся заведомыми злодеями, подлежат смертной казни.

Того вора, который впервые будет пойман в краже, если только его обвиняют не за святотатство или за похищение людей, не следует карать смертью, но исправить всенародным наказанием, т. е. его надлежит бить палками, и судья должен взыскать с него денежную пеню.

Если он вторично будет пойман в воровстве и у него не окажется, чем удовлетворить обвинителя или судью, то он должен быть наказан смертью.

Если, впрочем, у пойманного вора не будет, чем он может удовлетворить обвинителя, то его надлежит бить палками и выдать обвинителю.

Если кто будет обвинен в воровстве и какой-нибудь честный человек клятвенно подтвердит, что он и раньше был пойман в воровстве или мирился с кем-нибудь в деле воровства, то такого человека должно казнить смертью, пренебрегши каким бы то ни было судом; с имуществом его поступить, как выше.

Если какой-нибудь человек низкого звания или подо-

зрительной жизни будет оговорен в воровстве, то его надлежит призвать к допросу. Если же его нельзя уличить в воровстве, то, по представлении им поручителей, следует отпустить его до дальнейшего допроса.

За написание постановления или произнесение приговора стоимостью в один рубль судье следует заплатить девять денег, дьяку, который имеет печать, — один алтын, писцу — три деньги.

Те начальники, которые не имеют власти по расследовании дела постановить решение или приговор, должны осудить одну из сторон на несколько рублей, а затем послать решение надлежащим судьям. И если те найдут это решение правым и согласным с справедливостью, то с каждого рубля следует заплатить судье по одному алтыну, а секретарю III деньги.

Всякий, желающий обвинить другого в воровстве, грабеже или убийстве, отправляется в Москву и просит позвать такого-то на суд. Ему дается недельщик, который назначает срок виновному и привозит его в Москву. Далее, представленный на суд виновный по большей части отрицает взводимое на него обвинение. Если истец приводит свидетелей, то спрашивают обе стороны, желают ли они положиться на их слова. На это обыкновенно отвечают: «Пусть свидетели будут выслушаны по справедливости и обычаю». Если они свидетельствуют против обвиняемого, то обвиняемый немедленно вступается и возражает против свидетельств и лиц, говоря: «Требую назначить мне присягу, вручаю себя правосудию божию и требую поля и поединка». И таким образом, им, по отечественному обычаю, назначается поединок.

Оба могут выставить вместо себя на поединок какое угодно другое лицо, точно так же оба могут застаться каким угодно оружием, за исключением пищали и лука. Обыкновенно они имеют продолговатые латы, иногда двойные, кольчугу, наручи, шлем, копьё, топор и какое-то железо в руке, наподобие кинжала, однако заостренное с того и другого краю; они держат его одной рукой и употребляют так ловко, что при каком угодно столкновении оно не препятствует и не выпадает из руки. Но по большей части его употребляют в пешем бою.

Бой они начинают прежде всего копьем, а потом пускают в ход другое оружие. Много лет москвиты выходили на поединок с иноземцами, или германцами, или поляками, или литовцами, и по большей части терпели поражение. Но весьма недавно один литовец XXVI лет от роду вступил в бой с неким москвитом, который

выходил победителем более чем на XX поединках, и убил его. Государь пришел в негодование от этого и велел тотчас позвать к себе победителя, чтобы взглянуть на него. При виде его он плюнул на землю и постановил, чтобы впоследствии ни одному иноземцу не определяли поединка с его подданными. Московиты вернее обременяют себя множеством разнообразного оружия, чем вооружаются им, иноземцы же вступают в бой, будучи защищены более хитрым умыслом, чем оружием. Они прежде всего остерегаются вступать в рукопашный бой, и, зная, что московиты весьма сильны руками и мышцами, они обычно побеждают их, утомив под конец исключительно своею сосредоточенностью и ловкостью. Та и другая из сторон имеет много друзей и покровителей — зрителей ее боя, но они лишены всякого вооружения, кроме кольев, которые иногда и пускают в ход. Ибо если окажется, что одному из бьющихся причиняется какая-нибудь обида, то для защиты его от этой обиды сбегаются его покровители, а затем и покровители другого противника, и таким образом между обеими сторонами завязывается бой, приятный для зрителей, ибо борьба ведется потасовками за волосы, кулаками, палками и обожженными кольями.

Свидетельство одного знатного мужа имеет более силы, чем свидетельство многих людей низкого звания. Поверенные допускаются весьма редко; каждый сам изъясняет свое дело. Хотя государь очень строг, тем не менее всякое правосудие продажно, и притом почти открыто. Я слышал, как некий советник, который начальствовал над судами, был уличен в том, что он в одном деле взял дары с той и другой стороны и решил в пользу того, кто дал больше; этого поступка он не отрицал и пред государем, которому донесли об этом деле. Советник объяснял, что тот, в чью пользу он решил, — человек богатый, с почетным положением, а потому ему надо верить больше, чем другому, бедному и презренному. В конце концов, хотя государь и отменил приговор, он все же только посмеялся и отпустил советника без наказания. Может быть, причиной столь сильного корыстолюбия и бесчестности является самая бедность, и государь знает, что его подданные угнетены ею, а потому смотрит сквозь пальцы на их проступки и бесчестность, как на не подлежащие наказанию. У бедняков нет доступа к государю, а только к его советникам, да и то с большим трудом.

Окольник представляет собою претора, или судью, поставленного государем; кроме того, этим именем на-

зывается главный советник, который всегда пребывает при государе. Недельщик есть до известной степени общая должность для тех, кто зовет людей на суд, хватает злодеев и держит их в тюрьмах; и недельщики принадлежат к числу благородных.

Поселяне шесть дней в неделю работают на своего господина, а седьмой день предоставляется им для собственной работы. Они имеют несколько собственных, назначенных им их господами полей и лугов, которыми они и живут; все остальное принадлежит господам. Кроме того, положение их весьма плачевно и потому, что их имущество предоставлено хищению знатных лиц и воинов, которые в знак презрения называют их крестьянами или черными людишками. [...]

Одежду носят они длинную, шапки белые, заостренные, из валяной шерсти, из которой, как мы видим, приготавливаются плащи диких народов; при выходе из мастерской шапки эти бывают жестки. Сени домов достаточно просторны и высоки, а двери жилищ низки, так что всякий входящий должен согнуться и поклониться.

Поденщикам, которые живут трудом и нанимаются на работу, они платят за день по полторы деньги; ремесленник получает две. [...]

О посещении чужого дома

В каждом доме и жилище, на более почетном месте, у них имеются образа святых, нарисованные или литые; и когда один приходит к другому, то, войдя в жилище, он тотчас обнажает голову и оглядывается кругом, ища, где образ. Увидев его, он трижды осеняет себя знамением креста и, наклоня голову, говорит: «Господи, помилуй». Затем приветствует хозяина следующими словами: «Дай бог здоровья». Потом они тотчас протягивают друг другу руки, взаимно целуются и кланяются. Затем немедленно один смотрит на другого, именно чтобы узнать, кто из двух ниже поклонился и согнулся, и таким образом они наклоняют голову попеременно три или четыре раза и до известной степени состязаются друг с другом в оказании взаимного почета. После этого они садятся, и по окончании своего дела гость выходит прямо на средину помещения, обратив лицо к образу, и снова осеняет себя трижды знамением креста и повторяет, наклоня голову, прежние слова. Наконец, после взаимного обмена приветствиями в прежних выражениях, гость уходит. Если это человек, имеющий какое-ни-

будь значение, то хозяин следует за ним до ступенек; если же это человек еще более знатный, то хозяин провожает его и дальше, принимая во внимание и соблюдая достоинство каждого. Они соблюдают изумительные обряды. Именно, ни одному лицу более низкого звания нельзя въезжать в ворота дома какого-нибудь более знатного лица. Для людей более бедных и незнакомых труден доступ даже к обыкновенным дворянам. Эти последние, настоящие ли или так называемые, показываются в народ очень редко, чтобы сохранить тем больше значения и уважения к себе. Ни один также дворянин из тех, кто побогаче, не дойдет пешком до четвертого или пятого дома, если за ним не следует лошадь. Однако в зимнее время, когда они не могут из-за льда безопасно пользоваться неподкованными лошадьми или когда они случайно отправляются ко двору государя или во храмы божии, они обычно оставляют лошадей дома.

Господа, пребывая в четырех стенах своих домов, обыкновенно сидят и редко, а пожалуй и никогда, не занимают чем-нибудь, прохаживаясь. Они сильно удивлялись, когда видели, что мы прохаживаемся в наших гостиницах и на прогулке часто занимаемся делами.

Государь имеет ездовых во всех частях своей державы, в различных местах, с надлежащим количеством лошадей, так, чтобы, когда куда-нибудь будет послан царский гонец, у него без замедления наготове была лошадь. При этом гонцу предоставляется полная свобода выбрать лошадь, какую он пожелает. Когда я ехал наскоро из Великого Новгорода в Москву, то начальник почт, который на их языке называется ямщиком, заботился, чтобы ранним утром мне приводили когда тридцать лошадей, а иной раз сорок или пятьдесят, хотя мне было нужно не более двенадцати. Поэтому каждый из нас брал такого коня, который казался ему подходящим. Потом, когда эти лошади уставали и мы приезжали на пути к другой гостинице, которые у них называются ям, то немедленно меняли лошадей, оставляя прежнее седло и уздечку. Каждый может ехать весьма быстро, и если случайно какая-нибудь лошадь упадет или не сможет вынести, то можно, и притом безнаказанно, похитить из первого попавшегося дома другую лошадь или также взять ее у всякого случайного встречного, за исключением только гонца государева. А лошадь, выбившуюся во время пути из сил и оставленную, обыкновенно отыскивает ямщик, точно так же он обычно возвращает хозяину и ту лошадь, которая была у кого-нибудь отнята,

причем уплачивает по расчету стоимость пути. По большей части за X или XX верст отсчитывают по шести денег. На таких почтовых лошадях мой служитель проехал LXXII часа из Новгорода в Москву, которые расположены друг от друга на расстоянии 600 верст, то есть CXX нем. миль. И это тем более удивительно, что, хотя лошадки их очень малы и уход за ними гораздо более небрежен, чем у нас, все же они выносят столь усиленные труды.

О монете

Серебряные деньги у них бывают четырех родов: московские, новгородские, тверские и псковские. Московская монета не круглая, а продолговатая и до известной степени овального вида, называется она деньгою и имеет различные изображения. У старинных на одной стороне розы, у позднейших — изображение человека, сидящего на лошади; на другой стороне и те и другие имеют надпись. Сто этих денег составляют один венгерский золотой. Алтын — шесть денег, гривна — двадцать, полтина — сто, рубль — двести. Ныне чеканятся новые, отмеченные буквами с той и другой стороны, и четырехста денег стоят рубль.

Тверские имеют с обеих сторон надпись и по стоимости равняются московским.

Новгородские на одной стороне имеют изображение государя, сидящего на троне, и против него — кланяющегося человека; с другой стороны надпись; по стоимости они вдвое превосходят московские. Новгородская гривна стоит XIII, рубль же — двести двадцать две деньги.

Псковские с одной стороны имеют бычью голову в венце, а с другой надпись. Кроме того, у них есть медные монеты, которые называются пулами; шестьдесят пул по стоимости равны московской деньге.

Золотых у них нет, и они сами их не чеканят, а пользуются обыкновенно венгерскими, иногда также рейнскими. Стоимость их они часто изменяют; в особенности, если иностранец хочет купить что-нибудь на золото, они тотчас уменьшают его стоимость. Если же он, собираясь куда-нибудь отправиться, нуждается в золоте, то они тогда снова увеличивают его стоимость.

По соседству они пользуются и рижскими рублями, один из которых стоит два московских. Московская монета — из чистого и хорошего серебра, хотя ныне и ее

также подделывают. Однако я не слышал, чтобы за это преступление был кто-нибудь наказан. Почти все московские золотых дел мастера чеканят монету, и если кто приносит чистые серебряные слитки и желает иметь монету, то они взвешивают деньги и серебро и выплачивают потом тем же весом. Кроме того, существует небольшая и условленная плата, которую надо отдать, сверх равного веса, золотых дел мастерам, в общем дешево продающим свой труд. Некоторые писали, что в этой области весьма редко встречается в изобилии серебро и, кроме того, что государь запрещает вывозить его. Подлинно, эта область не имеет вовсе серебра, за исключением того, которое (как сказано) ввозится туда. И нельзя сказать, чтобы государь запрещал вывозить его, но, вернее, он остерегается, а потому, желая удержать в стране серебро и золото, велит своим подданным устраивать обмен предметами, т. е. давать и принимать одно, как например меха, которыми они изобилуют, или что-нибудь в таком роде, вместо другого. Едва ли прошло сто лет с тех пор, как они употребляют серебряную монету, в особенности чеканенную у них же. Вначале, когда стали ввозить серебро в страну, из него чеканились продолговатые серебряные частицы стоимостью в один рубль; ныне ни одной из них не видно. Чеканилась также монета в княжестве Галицком, но и она исчезла, так как не оставалась всегда в одинаковой ценности. До монеты они употребляли мордки и ушки белок и других животных, шкуры которых ввозятся к нам, и на это, словно на деньги, покупали необходимое для жизни.

Способом счета они пользуются таким, что считают и делят все предметы по сорока или девяносту, т. е. или по сороковому, или по девяностому числу, так же как мы по сотням. Поэтому при счете они часто повторяют и умножают дважды сорок, трижды сорок, четырежды сорок [...] или дважды, трижды, четырежды девяносто [...]. Mille на их языке называется тысяча: точно так же десять тысяч они выражают одним словом тьма, двадцать тысяч — две тьмы, тридцать тысяч — три тьмы.

Всякий, кто привезет в Москву какие бы то ни было товары, должен немедленно объявить их и обозначить у сборщиков пошлин или таможенных начальников. Те в назначенный час осматривают товары и оценивают; после оценки никто не смеет ни продать их, ни купить, если они не будут прежде показаны государю. Если государь пожелает что-нибудь купить, то купцу тем временем не дозволяется ни показывать товары, ни предла-

гать их кому-нибудь. Отсюда купцы задерживаются иногда слишком долго.

Точно так же не всякому купцу, кроме литовцев, поляков или подчиненных их власти, открыт свободный доступ в Московию. Именно, шведам, ливонцам и немцам из приморских городов позволено заниматься торговлей и торговать только в Новгороде, а туркам и татарам в городе по имени Холопий город, куда во время ярмарки собираются различные люди из самых отдаленных мест. Когда же в Московию отправляются посланники и полномочные послы, то все купцы отовсюду принимаются под их защиту и покровительство и могут и беспрепятственно, и беспошлинно ехать в Москву; так у них вошло в обычай.

Большую часть товаров составляют серебряные слитки, сукна, шелк, шелковые и золотые ткани, жемчуг, драгоценные камни и золотые нитки. Иногда своевременно ввозятся какие-нибудь дешевые вещи, которые приносят немало прибыли. Часто также случается, что всех охватывает желание иметь какую-нибудь вещь, и тот, кто первый привез ее, выручает гораздо более надлежащего. Затем, если несколько купцов привезут большое количество одних и тех же предметов, то иногда следствием этого является такая дешевая цена на них, что тот, кто успел продать свои товары возможно дорого, снова покупает их по понизившейся цене и с большой выгодой для себя привозит обратно в отечество. Из товаров в Германию отсюда вывозятся меха и воск, в Литву и Турцию — кожа, меха и длинные белые зубы животных, называемых у них моржами и живущих в северном море; из них обыкновенно турки искусно готовят рукоятки кинжалов, а наши земляки считают эти зубы за рыбы и так их и называют. В Татарию вывозятся седла, уздечки, одежды, кожа; оружие и железо вывозятся только украдкой или с особого позволения начальников в другие места, расположенные к северовостоку. Однако они вывозят [к татарам?] и суконные и льняные одежды, ножики, топоры, иглы, зеркала, кошельки и другое тому подобное. Торгуют они с великими обманами и коварством, и дело не обходится без большого количества разговоров, как о том писали некоторые. Мало того, желая купить какую-нибудь вещь, они оценивают ее, с целью обмана продавца, менее чем в половину стоимости и держат купцов в колебании и нерешительности не только по одному или по два месяца, но обыкновенно доводят некоторых до крайней степе-

ни отчаяния. Но тот, кто знает их обычаи, не обращает внимания на коварные слова, которыми они уменьшают стоимость вещи и затягивают время, или делает вид, что не обращает внимания; такой человек продает свои вещи без всякого убытка.

Один краковский гражданин привез двести центнеров меди, которую хотел купить государь и держал купца так долго, что тому наконец это надоело, и он повез обратно медь в отечество. Когда он отъехал на несколько миль от города, то его догоняют некие чиновники, задерживают его имущество и налагают на него запрет под тем предлогом, что он якобы не заплатил пошлин. Купец вернулся в Москву и стал жаловаться пред государевыми советниками на причиненную ему обиду. Те, выслушав дело, тотчас предлагают ему свое добровольное посредничество и обещают уладить дело, если он будет просить милости. Хитрый купец, который знал, что для государя будет позорно, если такие товары будут увезены обратно из его державы, так как де там не нашлось никого, кто мог бы сторговать такие дорогие товары и заплатить за них, не просит никакой милости, а требует, чтобы ему было оказано правосудие. Наконец, когда они увидели, что он до такой степени упорен, что его нельзя отклонить от его намерения, и что он не желает уступать их коварству или обману, они покупают медь от имени государя и, заплатив надлежащую цену, отпускают этого человека.

Иностранцам они продают каждую вещь гораздо дороже, так что за то, что при других обстоятельствах можно купить за дукат, они запрашивают пять, восемь, десять, иногда двадцать дукатов. Впрочем, и сами они, в свою очередь, иногда покупают у иностранцев редкую вещь за десять или пятнадцать флоринов, а на самом деле она вряд ли стоит один или два флорина.

Далее, если при заключении сделки ты что-нибудь случайно скажешь или слишком неосторожно пообещаешь, то они тщательно помнят это и настаивают на исполнении, сами же отнюдь не исполняют того, что обещали в свою очередь. [...] Я попросил одного государева советника, чтобы он помог мне при покупке известных мехов, дабы я мог избежать обмана. Насколько легко обещал он мне свое содействие, тем долее, в свою очередь, держал меня в неизвестности. Он хотел навязать мне собственные меха. Сверх того, к нему собирались другие купцы, обещая ему награды, если он продаст мне их товары за хорошую цену. Ибо у купцов есть такой обычай, что при покупке и продаже они предлагают свое посредничество

и обещают той и другой из сторон свое верное содействие, получив от каждой из них особые подарки.

Недалеко от крепости существует обширный и обнесенный стенами дом, называемый двором господ купцов, в котором живут купцы и раскладывают свои товары; там продаются перец, шафран, шелковые ткани и другие товары такого рода гораздо дешевле, чем в Германии. Это обстоятельство следует приписать обмену товаров. Именно, если москвиты начинают очень дорого ценить меха, приобретенные ими на самом деле за дешевую плату, то и иностранцы, в свою очередь, может быть по их примеру, противопоставляют свои товары, купленные также за дешево, и запрашивают за них дороже. Отсюда те и другие, произведя равный обмен вещей, могут продавать в особенности вещи, полученные за меха, за умеренную цену и без прибыли.

В мехах существует большое различие. У соболей признаком их зрелости служит чернота, длиннота и густота шерсти. Точно так же стоимость их увеличивается, если они будут пойманы в надлежащее время, что наблюдается одинаково и с другими мехами. По сию сторону Устюга и Двинской области они попадаются весьма редко, а около Печоры гораздо чаще и притом гораздо лучшие.

Куньи меха привозятся из различных стран: хорошие из Северной области, еще лучше из Швейцарии, самые же лучшие из Швеции. Но в первой местности их гораздо больше. Я слышал, что некогда в Московии водились собольи меха, из которых одни продавались по XXX, а другие по XX золотых. Но таких мехов я совершенно не мог увидеть.

Шкурки горностаев привозятся также из нескольких местностей, и притом вывороченные; однако большинство покупателей вводится этими шкурками в обман. Они имеют какие-то знаки вокруг головы и хвоста, по которым можно узнать, в надлежащую ли пору они пойманы. Ибо лишь только это животное будет поймано, с него снимается кожа и мех его выворачивается, чтобы волос не вытерся и не стал от этого хуже. Если какое животное не будет поймано в свое время и потому мех его будет лишен надлежащего и природного цвета, то (как сказано) они вырывают и извлекают из головы и хвоста некоторые волосинки, как признаки, чтобы нельзя было узнать, что он пойман не в надлежащее время, и таким образом обманывают покупателей. Каждый мех продается приблизительно за три или за четыре деньги. Те, которые не-

сколько побольше, лишены той белизны, которая обыкновенно проявляется в чистом виде у меньших.

Лисьи меха, и в особенности черные, из которых по большей части делают шапки, ценятся очень дорого. Именно они продаются за десять, а иногда и за XV золотых. Беличьи шкурки также привозятся из различных стран, наиболее широкие из Сибирской области, а те, которые благороднее каких угодно других, — из Чувашии, недалеко от Казани. Затем, из Перми, Вятки, Устюга и Вологды они привозятся всегда связанные пучками по X штук; в каждом пучке две из них — самые лучшие, которые называются личными, три несколько похуже, которые именуются красными, четыре — подкрасные; одна, и притом последняя, называемая молочною, — самая дешевая из всех. Каждую из них можно купить за одну или две деньги. Лучшие и отборные из них купцы с большой для себя выгодой возят в Германию и другие области.

Рысьи меха стоят дешево, а волчьи с тех пор, как они попали в цену в Германии и Московии, — очень дорого. Кроме того, хребты волков имеют гораздо меньшую ценность, чем у нас.

Брововые меха считаются у них в большой цене, и все одинаково имеют опушку платья из этого меха, потому что у него черный цвет и притом естественный.

Меха домашних котов носят женщины. Есть некое животное, которое на их языке называется песец; его мех употребляют они в дороге или в путешествиях, так как он больше всех других греет тело.

Налог, или пошлина, со всех товаров, которые или ввозятся, или вывозятся, вносится в казну. Со всякой вещи стоимостью в один рубль платят семь денег, за исключением воска, с которого пошлина взывается не только по оценке, но и по весу. А с каждой меры веса, которая на их языке называется пудом, платят четыре деньги.

О путях купцов, которыми они пользуются при ввозе и вывозе товаров, а также при разъездах по различным областям Московии, я подробно изложу ниже в хорографии Московии.

Денежный рост у них обычен; хотя они говорят, что это большой грех, однако никто почти от него не воздерживается. Но он является до известной степени невыносимым, именно с пяти всегда один, т. е. со ста двадцать. Церкви, как сказано выше, по-видимому поступают более мягко, именно (как говорят) они получают десять со ста.

**А теперь я приступлю к хорографии³⁸ государства
и владычества великого князя московского,
положив начало с главного города Москвы;
выйдя из нее, я буду описывать
только прилегающие к ней
и более знаменитые княжества.
Ибо я не мог с точностью
разыскать имена всех областей
на таком огромном пространстве.
Поэтому пусть читатель
удовольствуется именами замечательных городов,
рек, гор и некоторых местностей**

Итак, город Московия, глава и столица РУССИИ, и самая область, и река, которая протекает по ней, носят одно и то же имя: на родном языке народа они называются Москвою. Что именно из них дало имя прочим, неизвестно. Однако вероятно, что они получили имя от реки. Ибо хотя самый город некогда не был главным у этого народа, однако известно, что древние знали имя москвитов. Река Москва имеет свои истоки в тверской области, приблизительно на LXX верст выше Можайска (верста почти то же, что итальянская миля), недалеко от места, которое называется Олешно; протекши отсюда расстояние в LXXX верст, она достигает города Москвы и, приняв в себя несколько рек, впадает, в восточном направлении, в реку Оку. Москва становится сплавною рекою только за шесть миль выше Можайска; в этом месте грузят на плоты и доставляют в город Москву материалы для постройки домов и других потребностей. А ниже города товары и другое, ввозимое иноземцами, доставляется на судах. Но плавание по реке медленно и трудно вследствие многих кругов, или излучин, которыми она изгибается; особенно заметно это между Москвою и городом Коломною, расположенным в трех тысячах шагов от ее устья, на берегу. Здесь, на протяжении CCLXX верст, плавание затрудняется и задерживается многими и длинными изгибами. Река эта не очень рыбная, так что в ней не водится никакой рыбы, кроме дешевой и обыкновенной. И область московская не слишком пространна и не плодородна; ее плодоносности вредит главным образом песчаная повсюду почва ее, которая убивает посевы при самом незначительном избытке сухости или влаги. К этому присоединяется неумеренная и чересчур жестокая суровость климата, от которой зимняя стужа побеждает иногда солнечную теплоту, и посевы иног-

да не доходят до созревания. В самом деле, холод бывает там временами настолько силен, что, как у нас в летнюю пору от чрезмерного зноя, так там от страшного мороза земля расседается; в такое время даже вода, пролитая на воздухе, и выплюнутая изо рта слюна замерзают прежде, чем достигнут земли. Мы лично, приехав туда в 1526 году, видели, как от зимней стужи прошлого года совершенно погибли ветки плодовых деревьев. В тот год стужа была до такой степени велика, что очень многие ездовые (которые у них называются гонцами) были находимы замерзшими в их повозках. Некоторые вели тогда в Москву из ближайших деревень скот, привязав его на веревку, и, захваченные силою холода, они погибли вместе со скотом. Кроме того, тогда находили мертвыми на дорогах многих поводырей, которые обычно бродят в тех местностях с медведями, приученными к танцам. Мало того, и сами медведи, подстрекаемые голодом, покидали леса, бегали повсюду по соседним деревням и врывались в дома; при виде их толпа поселян убегала от их нападения и от холода погибала вне дома жалкою смертью. Иногда такой сильной стуже соответствует и чрезмерный зной, как это было в 1525 г. по рождестве Христове, когда чрезмерным солнечным жаром были выжжены почти все посевы, и следствием этой засухи явилась такая дороговизна, что то, что раньше покупалось за три деньги, впоследствии покупалось за XX или XXX; можно было видеть, как от чрезмерного зноя загоралось очень много деревень, лесов и хлебов. Дым от них до такой степени наполнял страну, что глаза выходящих на улицу получали от дыма сильное повреждение, и от дыма исходил какой-то мрак, который сделал слепыми многих.

По пням больших деревьев, существующим еще и поныне, очевидно, что вся страна еще не так давно была очень лесистой; хотя она и достаточно возделана усердием и трудами земледельцев, однако, за исключением того, что произрастает на полях, все остальное привозится туда из окрест лежащих областей. Именно, если она и изобилует хлебом и обыкновенными овощами, то во всей стране нельзя найти более сладких сортов вишен и орехов (за исключением, однако, лесных). Плоды других деревьев у них, правда, имеются, но невкусные. Дыни же они сеют с особой заботливостью и усердием: перемешанную с навозом землю насыпают в особого сорта грядки, довольно высокие, и в них зарывают семя; таким способом оно одинаково предохраняется от жара и от холода.

Ибо, если случайно будет чрезмерный зной, то они устраивают в смешанном с землей навозе щели, вроде как бы отдушин, чтобы семя не сопрело от излишнего тепла; при чрезмерном же холоде теплота навоза оказывает помощь зарытым семенам.

В московской области нет меду и зверей (за исключением, однако, зайцев). Животные гораздо мельче наших, но не лишены все же рогов (как сообщил один писатель). Я видел там быков, коров, коз, баранов — и всех с рогами. Город Москва, между другими северными городами, выдается значительно на восток, что нам нетрудно было заметить при своем путешествии. Именно, когда, выехав из Вены, мы направились по прямому пути в Краков, а оттуда, на протяжении почти ста нем. миль, к северу, то затем повернули на восток и таким образом в конце концов достигли Москвы, расположенной если не в Азии, то в крайних пределах Европы, где она более всего соприкасается с Азией. [...] Самый город деревянный и довольно обширен, а издали он кажется еще обширнее, чем есть на самом деле, ибо большую прибавку к городу делают пространные сады и дворы при каждом доме; еще более увеличивается он от растянувшихся длинным рядом в конце его домов кузнецов и других ремесленников, действующих огнем; к тому же между этими домами находятся луга и поля. Далее, невдалеке от города, заметны некоторые домики и заречные слободы, где немного лет тому назад государь Василий выстроил своим телохранителям новый город Нали. [...] Невдалеке от города находится несколько монастырей, каждый из которых, если на него смотреть издали, представляется чем-то вроде отдельного города. Обширное протяжение города производит то, что он не заключен ни в какие определенные границы и не укреплен достаточно ни стеною, ни рвом, ни раскатами. Однако в некоторых местах улицы запираются положенными поперек бревнами и при первом появлении ночной тьмы так оберегаются представленными сторожами, что ночью после известного часа там нет никому доступа; если же кто после этого времени будет пойман сторожами, то его или бьют и обирают, или ввергают в тюрьму, если только это не будет человек известный и именитый. Ибо таких людей сторожа обычно провожают к их жилищам. И такие караулы обыкновенно помещаются там, где открыт свободный доступ в город. Ибо остальную часть его омывает Москва, в которую под самым городом впадает река Яуза, через которую из-за ее высоких берегов далеко не везде можно

перейти вброд. На ней выстроено очень много мельниц для общего пользования граждан. И вот эти-то реки до известной степени как бы укрепляют город, который весь деревянный, за исключением немногих каменных домов, храмов и монастырей. Приводимое ими число домов в этом городе вряд ли вероятно. Именно, они утверждали, что за шесть лет до нашего приезда в Москву по повелению государя дома были переписаны и число их превзошло 41 500. Этот столь обширный и пространный город в достаточной мере грязен, почему на площадях, улицах и других более людных местах повсюду устроены мостки. В городе есть крепость, выстроенная из кирпича, которую с одной стороны омывает река Москва, с другой Неглинная. Неглинная же вытекает из каких-то болот и пред городом, около высшей части крепости, до такой степени запружена, что разливается в виде пруда; вытекая отсюда, она наполняет рвы крепости, на которых находятся мельницы, и наконец, как я уже сказал, под самой крепостью соединяется с рекой Москвой. Крепость же настолько велика, что, кроме весьма обширных и великолепно выстроенных из камня хором государевых, в ней находятся хоромы митрополита, а также братьев государевых, вельмож и других весьма многих лиц. К тому же в крепости много церквей, так что своей обширностью она почти как бы напоминает вид города. Эта крепость вначале была окружена только бревнами и до времени великого князя Ивана, сына Даниилова, была мала и незначительна. А этот князь, по совету Петра-митрополита, первый перенес сюда столицу державы. Именно Петр, движимый любовью к некоему Алексию, который, погребенный там, говорят, прославился чудесами, заранее избрал себе местопребывание в том месте. А когда и он умер и был тут же погребен, то и у его могилы стали также совершаться чудеса, и самое это место стало до такой степени знаменитым, в силу известного представления об его благочестии и святости, что все последующие государи, преемники Ивана, признали необходимым иметь здесь столицу державы. Именно, по смерти Ивана его сын, носивший с ним одно и то же имя, удержал там столицу, после него Дмитрий, после Дмитрия Василий, который женился на дочери Витольда и оставил по себе Василия Слепого. От него родился Иван, отец того государя, у которого я был послан (он первый начал окружать город стеною); это сооружение было окончательно завершено его потомками почти тридцать лет спустя. Укрепления и башни этой крепости [...]

вместе с дворцом государя выстроены из кирпича на итальянский лад итальянскими мастерами, которых государь за большие деньги вызвал из Италии. Как я сказал, в этой крепости много церквей; почти все они деревянные, за исключением, однако, двух, более замечательных, которые выстроены из кирпича: одна из них посвящена святой деве, другая святому Михаилу. В храме Святой девы похоронены тела двух архиепископов, которые были виновниками того, чтобы государи перенесли сюда столицу своей державы и устроили здесь митрополию, — и за это главным образом они причислены к лику святых. В другом храме погребают усопших государей. В нашу бытность было также выстроено много храмов из камня. Климат страны до такой степени здоровый, что там, за истоками Танаида, в особенности в направлении к северу, а также по большей части к востоку, люди не запомнят, чтобы свирепствовала какая-нибудь зараза. Однако у них бывает по временам какая-то болезнь в кишках и голове, очень похожая на заразу; они называют эту болезнь жаром, и те, кто подвергается ей, умирают в течение немногих дней. Эта болезнь свирепствовала в Москве при нас и похитила одного из наших товарищей. Хотя они живут в такой здоровой местности, они все же боятся заразы всякий раз, как она свирепствует в Новгороде, Смоленске и Пскове, и всех, приезжающих оттуда к ним, не допускают в свою страну. [...]

Говорят, что самый длинный день в Москве, во время летнего солнцестояния, имеет XVII часов и три четверти. Я не мог тогда ни от кого узнать истинной высоты полюса, хотя одно лицо говорило мне, будто оно узнало, но из неверного источника, что эта высота — LVIII градусов. Наконец, я сам сделал опыт при помощи астролябии и, во всяком случае, в девятый день июня, в полдень, наблюдал солнце на высоте LVIII градусов. На основании этого наблюдения и по расчету людей, опытных в таких делах, было открыто, что высота полюса составляет L градусов, а самый длинный день XVII часов и одну четверть.

Описав Москву, как главное место, я перейду к остальным областям, подвластным великому князю московскому, соблюдая порядок сперва в восточном направлении; затем, обойдя по югу, западу и северу, мы прибудем прямо на равноденственный восток.

Прежде всего нам встретится большой город Владимир, имеющий соединенную с собою деревянную крепость. Этот город со времени Владимира, который впо-

следствии был назван Василием, вплоть до Ивана, сына Даниилова, был столицею Руси. А расположен он между двумя большими реками, Волгой и Окой, на расстоянии тридцати шести нем. миль от Москвы к востоку, в местности до такой степени плодородной, что из одной меры пшеницы часто произрастает XX, а иногда XXX мер. Город омывает река Клязьма, а с других сторон его окружают великие и пространные леса. Клязьма начинается в четырех нем. милях от Москвы и славна и удобна по многим находящимся на ней мельницам; ниже Владимира она течет, на расстоянии двенадцати миль, до города Мурома, расположенного на берегу Оки, и соединяется с рекою Окою. В двадцати четырех милях от Владимира; прямо к востоку, некогда, в обширных лесах, было княжество, народы которого назывались муроманами и избивали мехами животных, медом и рыбой.

Нижний Новгород — большой деревянный город, с крепостью, которую нынешний монарх Василий выстроил из камня на утесе при слиянии рек Волги и Оки. Говорят, что он отстоит на сорок нем. миль к востоку от Муромы; если это так, то Новгород будет отстоять от Москвы на сто миль. По своему плодородию и изобилию во всем страна эта не уступает Владимиру. И здесь до известной степени находится граница христианской религии. Ибо хотя государь Московии имеет за этим Новгородом крепость, которая называется Сурою, однако живущие здесь народы, именуемые черемисами, следуют вере не христианской, а магометанской. Есть там и другие народы, по имени мордва, перемешанные с черемисами, которые занимают значительную часть страны по сю сторону Волги до Суры. Ибо черемисы живут за Волгою на север; для различения между ними, живущие около Новгорода называются черемисами верхними или горными, не от гор, которых там нет вовсе, а скорее от холмов, которые они населяют.

Река Сура разделяет владения царей московского и казанского; она течет с юга и, повернув на восток, впадает в Волгу в двадцати восьми милях ниже Новгорода. При слиянии Волги и Суры, на одном берегу, государь Василий воздвиг крепость и назвал ее по своему имени Васильгородом; впоследствии эта крепость явилась расадником многих бедствий. Недалеко оттуда есть река Мокша, и она течет с юга и впадает в Оку выше Муромы, недалеко от города Касимова, который московский владыка уступил татарам для житья. Их женщины с известного рода искусством окрашивают, ради красоты, ног-

ти в черный цвет и постоянно ходят с открытой головой и распушенными волосами. К востоку и югу от реки Мокши встречаются огромные леса, в которых живет народ мордва, который имеет особый язык и подчинен государю Московии. По одним известиям, они — идолопоклонники, по другим — магометане. Они живут в селах, разбросанных там и сям, возделывают поля, питаются звериным мясом и медом, изобилуют драгоценными мехами; это очень сильные люди, ибо они часто храбро отражали от себя даже разбой татар, почти все они пехотинцы, замечательны своими длинными луками и отличаются опытностью в стрельбе.

Рязанская область расположена между Окою и рекою Танаидом, имеет деревянный город недалеко от берега Оки. Была в городе и крепость, которая называлась Ярослав и от которой теперь ничего не существует, кроме следов. Недалеке от этого города река Ока образует остров, который именуется Струб, некогда великое княжество, государь которого не был никому подвластен. На юго-восток от Москвы, или (как утверждают другие) к зимнему востоку, встречается город Коломна. Затем Рязань, которая отстоит от Москвы на тридцать шесть нем. миль. Эта область — плодороднее всех прочих областей Московии; как говорят, в ней отдельные зерна хлеба производят два, а иногда и больше колосьев; стебли их разрастаются так густо, что ни лошади не могут без труда пройти через них, ни перепела — вылететь оттуда. Там великое изобилие меду, рыб, птиц и зверей, и древесные плоды гораздо превосходнее плодов московских; этот народ в высшей степени смелый и воинственный.

Из Московии вплоть до этой крепости и далее, на протяжении почти XXIII нем. миль, течет Танаид³⁹ — по местности, которая называется Донко; здесь купцы, отправляющиеся в Азов, Кафу и Константинополь, грузят свои корабли, что по большей части бывает осенью, в дождливую пору года, ибо Танаид в том месте в другие времена года не настолько изобилует водою, чтобы быть в состоянии хорошо перевозить нагруженные корабли. Некогда властвовал над Рязанью великий князь Василий, который женился на сестре Ивана Васильевича, великого князя московского, и прижил с нею сыновей Ивана и Федора. По смерти Василия ему наследовал сын Иван, у которого от жены его, дочери князя Федора Бабича, родились сыновья Василий, Федор и Иван. По смерти отца двое самых старших из них, стремясь каждый присвоить себе власть, сошлись на рязанских полях

и вступили в бой; в этом сражении один из них пал, а немного спустя на тех же полях умирает и другой, который был победителем. В воспоминание об этом событии было там воздвигнуто изображение креста из дуба⁴⁰. Самый младший брат, который один из троих оставался в живых, узнав о смерти своих братьев, призывает к себе татар и насильно овладевает княжеством, за которое боролись братья и которым доселе еще владела его мать. По совершении этого он ведет переговоры с князем московским, чтобы тот позволил ему властвовать так же, как и его предкам, никому не обязанным и свободно управлявшим и владевшим княжеством. Во время этих переговоров он был обнесен пред великим государем в том, что сватает себе в жены дочь царя Тавриды, у которого была война с государем. Вследствие этого государь позвал его к себе, но он из страха замедлял и откладывал свое прибытие. Наконец один из его советников, Симеон Крубин⁴¹, убедил его, и князь отправился в Москву. Здесь по приказу государя он был схвачен и отдан под почетный караул. Вслед за тем государь выгнал его мать, заточил ее в монастырь и занял крепость с княжеством, а чтобы не было со временем какого-нибудь мятежа между рязанцами, он распределил значительную часть их по разным поселениям. Этим было надломлено и обессилено могущество всего княжества. Затем, когда в 1521 году по рождестве Христове татары расположились лагерем вблизи Москвы, Иван в суматохе ускользнул из караула и убежал в Литву, где и жил в изгнании еще и тогда, когда я был в Москве.

Город Тула отстоит от Рязани почти на сорок нем. миль, а от Москвы к югу на тридцать шесть; это самый крайний город перед степями; Василий Иванович построил в нем крепость из камня, мимо которой протекает река того же имени. А другая река, Упа, омывает крепость с востока и, соединившись с рекою Тулою, вливается в Оку приблизительно на двадцать нем. миль выше Воротынска. Не очень далеко от ее устья расположена крепость Одоев. Город Тула, даже и во время Василия, имел собственного государя.

Знаменитейшая река Танаид, которая отделяет Европу от Азии, начинается приблизительно в восьми милях к югу от Тулы, с незначительным уклоном к востоку, но не с Рифейских гор, как передавали некоторые, а из огромного Иванова озера, т. е. озера Ивана, которое простирается в длину и ширину приблизительно на

1500 верст и начинается в лесу, который одни называют Оконицким лесом, а другие Епифановым лесом. Из этого озера вытекают две большие реки, Шат и Танаид: Шат — к западу; приняв в себя реку Упу, он вливается в Оку в северо-западном направлении. Танаид же сперва течет прямо на восток и между царствами Казанским и Астраханским проходит в шести или семи нем. милях от реки Волги; затем, заворотив к югу, он образует болота, которые называются Меотидскими. Самый ближний город к его истокам — Тула, а приблизительно в трех милях выше устья, на берегу, находится город Азов, который прежде назывался Танас. На расстоянии четырехдневного пути выше его находится город Ахас, расположенный при той же реке, которую русские называют Дон. Они не могут в достаточной мере восхвалить эту реку за выдающееся обилие в ней самых лучших рыб, точно так же за приятность ее местоположения, потому что оба берега реки как бы с особым усердием возделаны и усеяны, наподобие сада, различными травами и самыми сладкими кореньями, а сверх того, весьма многими плодовыми деревьями. И звери, убить которых стрелами не составляет особой трудности, водятся там в таком огромном количестве, что путешествуя по тем местам не нуждаются для поддержания жизни ни в чем, за исключением только огня и соли. Дороги в этих местностях измеряют не милями, а днями пути. Насколько я мог предположительно рассчитать, от истоков Танаида до его устья приблизительно восемьдесят миль, если идти напрямик сухопутной дорогой. От Донка, где, как я сказал, Танаид становится впервые удобным для плавания, едва через двадцать дней плавания, можно добраться до Азова, города, платящего дань туркам; Азов, как говорят, отстоит на пять дней пути от Истма Таврического, иначе именуемого Перекопом. В этом городе бывает знаменитое торжище многих народов из разных стран мира; с одной стороны, сюда открыт свободный доступ всем, к какому бы народу они ни принадлежали, и всякому предоставлена полная возможность продавать и покупать, а с другой — по выходе из города всем можно безнаказанно делать что угодно. Что же касается жертвенников Александра и Цезаря, о существовании которых в этих местностях упоминают очень многие писатели, то я не мог узнать ничего наверное ни про них, ни про их развалины как от туземцев, так и от других, кто весьма часто ездил по этим местам. Также и воины, которых государь, по обы-

чаю, ежегодно держит там на карауле с целью разведок и удержания татарских набегов, на мой вопрос об этих жертвенниках отвечали, что они никогда не выдали и не слышали ничего подобного. Однако они не отрицали, что видели около устьев малого Танаида, в четырех днях пути от Азова, возле места Великий Перевоз у Св. Гор, какие-то мраморные и каменные статуи и изображения. Малый Танаид начинается в Северском княжестве, отчего называется Донцом Северским, и на расстоянии трех дней пути выше Азова впадает в Танаид. Но те, кто едет из Москвы в Азов сухим путем, переправляются через Танаид около Донка, древнего и разрушенного города, и затем несколько сворачивают с юга к востоку. Поэтому если провести прямую линию от устьев Танаида к его истокам, то окажется, что Москва расположена в Азии, а не в Европе.

Мценск.—болотистая местность, где некогда была крепость, следы которой существуют и поныне. Около этого места доселе еще некоторые живут в шалашах и в случае необходимости убегают в эти болота, как в крепость. От Москвы до Мценска, если идти в южном направлении, приблизительно шестьдесят нем. миль, а от Тулы приблизительно тридцать. В левую сторону от Мценска, приблизительно в восемнадцати милях расстояния, начинается река Ока, которая сперва направляет свое течение на восток, потом на север и, наконец, на летний восток (как называют они сами); и таким образом Ока замыкает Мценск почти в виде полукруга; непосредственно за тем она омывает многие города, а именно Воротынский, Калугу, Серпухов, Каширу, Коломну, Рязань, Касимов-город и Муром, и наконец впадает в Волгу ниже Нижнего Новгорода; с той и другой стороны она замыкается лесами, которые изобилуют во множестве медом, белками, горностаями и куницами. Все поля, омываемые ею, весьма плодородны; эта река особенно знаменита обилием рыбы; ее рыба предпочитается другим рекам Московии, и главным образом та, которая ловится около Мурома. Кроме того, она имеет некоторых особенных рыб, которые на их языке носят следующие названия: белуга, удивительной величины, без плавников, с огромной головой и пастью, стерлядь, севрюга, осетр — последние три принадлежат к породе стуррионов [осетров?] — и белорыбица, т. е. белая рыбка самого превосходного вкуса. По их мнению, наибольшая часть этих рыб заходит сюда из Волги. Говорят, что от истоков Оки берут начало две другие реки: Сейм и Сос-

на, из которых Сейм протекает по Северскому княжеству и, пройдя мимо города Путивля, впадает в реку Десну, которая протекает через город Чернигов и ниже Киева вливается в Днепр; Сосна же течет прямо в Дон.

Кашира — город на берегу реки Оки, в шести милях выше Коломны. Некогда у него был независимый властелин; его обнесли пред государем Василием, будто он составил заговор убить его, и государь поэтому позвал его под предлогом охоты; тот явился на охоту к государю вооруженным (ибо один человек дал ему совет не ходить безоружным), но его тогда не допустили, а он получил приказание отправиться с государевым секретарем [дьяком] Михайлом Георгиевичем в соседний город Серпухов и там жить в заключении. Здесь секретарь государев пригласил его выпить, и притом (как водится) за благополучие своего государя; тогда каширский князь понял, что попался в такие сети, которых никоим образом не может избежать, призвал священника и, выпив кубок, скончался. И таким образом, через этот несчастный поступок, Василий овладел городом Серпуховом, расположенным в восьми милях от Каширы на реке Оке, где даже и на ровном месте добывается железная руда.

Город Калуга на реке Оке отстоит на тридцать шесть миль от Москвы и на четырнадцать от Серпухова. Там выделываются искусно вырезанные деревянные кубки и другие вещи из дерева, имеющие отношение к домашнему хозяйству. Отсюда они вывозятся повсюду — в Москву, Литву и другие окрестные страны. Государь обычно располагает там ежегодно свои караулы против набегов татар.

Княжество Воротынское носит одно и то же имя с городом и крепостью, расположенной в трех милях выше Калуги, недалеко от берега Оки. Этой областью владел князь Иван, по прозвищу Воротынский, муж воинственный и отличавшийся опытностью во многих делах; под его предводительством государь Василий часто одерживал над врагами славные победы. Но в 1521 году, когда царь Тавриды переправился через Оку и, как сказано выше, с большим войском напал на Москву, то для его обуздания и отражения послан был государем с войском молодой человек, князь Дмитрий Бельский; он пренебрег мудрыми советами Ивана Воротынского и других и, увидев врага, обратился в позорное бегство. Когда, после удаления татар, государь стал старательно расследовать о виновниках бегства, то Андрей, брат государя

рев (который на самом деле был виновником этого бегства), и другие были оправданы, а Иван Воротынский не только навлек на себя великое негодование государя, но был взят в плен и лишен своего княжества. Под конец он, правда, был отпущен из-под стражи, но под тем условием, чтобы никогда не выезжать из Москвы. Мы также видели его при дворе государя среди первых лиц Москвы.

Севера — большое княжество, крепость которого Новгород не так давно был столицею северских князей до тех пор, пока они не были лишены княжества Василием. От Москвы туда считается сто пятьдесят миль, идя направо к югу, через Калугу, Воротынск, Серенск и Брянск; в ширину княжество простирается до Борисфена. Оно имеет в разных местах обширные и пустынные равнины, а около Брянска огромный лес. Крепостей и городов в нем очень много; среди них более знамениты Стародуб, Путивль и Чернигов. Почва, поскольку она возделывается, плодородна. Леса изобилуют огромным количеством горностаев, белок и куниц, а также меда. Народ, по причине постоянных сражений с татарами, весьма воинствен. Но Василий Иванович подчинил себе это княжество, подобно большинству других, следующим образом. Было два Василия, его племянники, дети братьев; один из них, по прозвищу Шемячич, занимал крепость Новгород, а другой — город Стародуб. Путивлем же владел некий государь Дмитрий. Василий Шемячич, человек храбрый на войне и гроза татар, возымел столь сильное желание властвовать, что стал один домогаться княжества, и он не успокоился до тех пор, пока не довел Василия Стародубского до последней крайности и, по изгнании его, не занял его области. По низвержении его он напал на Дмитрия другим путем, именно донес на него государю, якобы тот имеет намерение отложиться от государя. Встревоженный этим, государь дает поручение Василию, чтобы тот каким бы то ни было способом захватил Дмитрия и прислал его к себе в Москву. Таким образом Дмитрий был коварно пойман на охоте, ибо Василий предварительно послал несколько всадников к воротам его крепости, чтобы они встретили его, пытавшегося спастись бегством. Ими же он был тогда схвачен, отвезен в Москву и ввергнут в оковы. Единственный сын его, Дмитрий, до такой степени возмущен был этой обидой, что тотчас убежал к татарам, и для того, чтобы скорее и сильнее отомстить за обиду, причиненную отцу, он отрекся от христиан-

ской веры и принял обрезание по закону Магометову. Меж тем, во время своего пребывания у татар, он случайно влюбился в некую весьма прелестную девицу; так как он не мог овладеть ею другим путем, то тайно увез ее против воли родителей. Рабы, которые были обрезаны вместе с ним, тайно донесли об этом родным девушкам; те однажды ночью застigli его врасплох и, вместе с девушкой, умертвили стрелами. Государь Василий, услышав о бегстве сына Дмитрия к татарам, приказывает заключить старца в более тяжкие оковы. Немного спустя этот последний, узнав про смерть сына у татар и будучи удручен темницей и скорбью, скончался в том же самом году, т. е. в MDXIX по рождестве Христове. И все это свершилось по вине Василия Шемячича, по внушению которого и раньше государь захватил владыку Каширы и своего родного брата и умертвил их в темнице. Но, как часто и обычно бывает, те, которые строят козни другим, в конце концов попадают в них сами; то же случилось и с этим Шемячичем. Именно и сам он был обвинен пред государем в измене. Поэтому он был вызван в Москву, но наотрез отказывался явиться туда, если ему не будет ранее прислано всенародной охранной грамоты, скрепленной клятвою государя и митрополита. Желаемая грамота была ему прислана; получив ее, XVIII апреля MDXXIII года он явился в Москву и с почетом принят был государем, причем ему даже предложены были подарки, но через немного дней он был схвачен и брошен в тюрьму, где содержался и тогда, когда я был в Москве. Говорят, что причина его пленения была следующая: он написал письмо польскому королю, что хочет передаться ему, и послал это письмо киевскому наместнику. Тот распечатал письмо и, узнав оттуда об его злом умысле против своего государя, немедленно переслал письмо государю московскому. Другие же приводят более вероятное основание. Именно, во всей империи московского владыки оставался один только Шемячич, который владел крепостями и княжествами, и вот, чтобы тем легче изгнать его и безопаснее властвовать, выдуманно было обвинение в вероломстве, которое должно было устранить его. Намекая на это, некий юродивый во время въезда Шемячича в Москву носил повсюду метлы и лопату. Когда его спрашивали, что он подразумевает под этим снарядом, он отвечал, что империя государя еще не совсем очищена, а теперь настает удобное время для метения, когда следует выбросить всякую нечисть. Эту область Иван Васильевич первый присоеди-

нил к своей державе, разбив при реке Ведроше войско Александра, великого князя литовского. Северские князья ведут свой род от Дмитрия, великого князя московского. У Дмитрия было три сына: Василий, Андрей и Георгий. Из них Василий, как самый старший, по отечественным законам наследовал отцу в царстве. От двух других, именно от Андрея и Георгия, повели начало своего рода северские князья.

Чернигов отстоит на тридцать миль от Киева и на столько же от Путивля. Путивль же отстоит от Москвы на сто сорок нем. миль, от Киева на шестьдесят, от Брянска на тридцать восемь. Этот город [Чернигов] расположен за большим лесом, который простирается на двадцать четыре мили в ширину.

Новгород Северский отстоит от Путивля на восемнадцать миль, от Стародуба на четырнадцать, Стародуб от Путивля на тридцать две мили.

На пути из Путивля в Тавриду, в степи, попадутся реки Сна, Самара и Орель, из них две последние шире и глубже остальных; так как при переправе через них путники задерживаются иногда слишком долго, то их часто окружают татары и берут в плен. После этих рек попадутся еще две: Конские воды и Молочная, через которые перебираются неким своеобразным способом переправы, а именно: нарубают кустарников, связывают их пучками, садятся на них сами, кладут имущество и таким образом, гребя вниз по реке, относятся к другому берегу. Другие привязывают подобные связки к хвостам лошадей; они, погоняемые бичами, плывут к другому берегу, влекут с собой людей и таким образом перевозят их.

Глубокая и мутная река Угра начинается недалеко от Дорогобужа, в одном лесу, и между Калугой и Воротынском изливается в Оку. Эта река некогда отделяла Литву от Московии.

Дмитровск, город и крепость к юго-западу, от Вязмы отстоит на восемнадцать миль, от Воротынска приблизительно на двадцать.

Смоленск, епископский город, расположенный при реке Борисфене, имеет на более отдаленном берегу реки к востоку крепость, выстроенную из дуба, которая заключает в себе очень много домов наподобие города. Эта крепость там, где она простирается в направлении к холму (ибо с другой стороны она омывается Борисфеном), укреплена рвами и, сверх того, острыми кольями, которыми отражается набег врагов; Василий Иванович

очень часто и весьма решительно осаждал ее, но никогда, однако, не мог взять ее силою. В конце же концов он овладел ею через измену воинов и начальника, одного чеха, о котором сказано выше в истории Михаила Глинского. Город расположен в долине, вокруг которой находятся плодоносные холмы, и окружен обширнейшими лесами, из которых в большом количестве добываются различные меха. [Каменный] храм в крепости посвящен пресвятой деве; другие же здания деревянные; в городском предместье заметны многочисленные развалины монастырей, выстроенных из камней. Далее, на пути от Москвы к Смоленску, в юго-западном направлении и на расстоянии восемнадцати миль прежде всего попадется Можайск, затем через двадцать шесть миль Вязьма, потом через восемнадцать Дорогобуж, а оттуда через столько же миль попадем в Смоленск, и весь этот путь состоит из восьмидесяти нем. миль, хотя литовцы и московиты насчитывают сто. Однако я три раза проезжал по этим местам и не нашел больше восьмидесяти. Это княжество, в правление Василия, отнял у московитов в 1413 году Витольд, великий князь литовский. А в 1514 году, в XXX день июля, Василий Иванович отобрал это же княжество у короля польского Сигизмунда.

Дорогобуж и Вязьма представляют собою деревянные города и крепости, расположенные на Борисфене; некогда были они под владычеством князей литовских. Под городом Вязьмою есть река того же имени, которая недалеко оттуда, а именно в двух верстах, впадает в Борисфен; нагруженные на суда товары обычно отвозятся оттуда в Борисфен, а затем, в свою очередь, вверх по Борисфену доставляются в Вязьму.

Можайск также деревянный город с таковой же крепостью; вокруг него в большом количестве водятся разноцветные зайцы, и государь обычно устраивает там ежегодно свои охоты и иногда выслушивает послов различных государей, как, например, в нашу бытность в Москве выслушивал он послов литовских, и мы также были приглашены туда из Москвы и, по исполнении поручений наших государей, были оттуда отпущены. Владения князей московских во время Витольда простирались на пять или шесть миль за Можайск.

Княжество Бела, с крепостью и городом того же названия, при реке Обше, в обширных лесах, отстоит от Москвы, скорее всего в западном направлении, на шестьдесят нем. миль, от Смоленска на тридцать шесть, от Торопца на тридцать миль. Некогда князьями его были

потомки Гедимины, но в правление Казимира, короля польского, сыновья Ягелло хотели завладеть этим княжеством. В это время Василий, князь Белы, называемый иначе Бельским, перешел на сторону Ивана, отца Василия, и отдал ему во власть себя и свое имущество; оставив во время этих смут свою жену в Литве, как сказано выше, в Москве женился на другой; от нее имел он трех сыновей, которых мы видели при государе. Из числа их Дмитрий, по значению своего отца, пользовался великим уважением и почетом. Хотя эти три брата жили от Бельского отцовского наследства и содержались годовыми доходами с него, однако они не дерзали отправиться туда. Ибо государь Московии отнял у них Бельское княжество и присвоил себе этот титул.

Город Ржев Дмитриев, с крепостью, отстоит от Москвы на двадцать три мили прямо на запад. Крепость, от которой государь присвоил себе титул, расположена при реке Волге и господствует над весьма обширной областью. Есть и другой Ржев, в ста сорока милях от Москвы, в двадцати от Великих Лук, в стольких же от Пскова; он называется Пустым. Если пойти от Ржева Дмитриева на несколько миль к западу, то можно встретить лес, именуемый Волконским; из него начинаются четыре реки. В этом лесу есть болото, которое называется Фроновым; из него начинается не очень большая река и приблизительно через две мили впадает в одно озеро Волго; отсюда, увеличенная множеством вод, она вытекает снова и называется Волгою, приняв это имя от озера; протекши через многие болота и приняв в себя также много рек, она изливается двадцатью пятью или (как утверждают другие) семьдесятю устьями в Каспийское море, называемое русскими Хвалынским морем, а не в Понт, как сообщил один писатель. Волга татарами именуется Эдель, Птоломеем — Ра; в степях она и Танаид настолько близки друг к другу, что утверждают, будто расстояние между ними всего семь миль. В своем месте сообщим мы, через какие города и местечки она протекает. В том же самом лесу, приблизительно в десяти милях от болота Фронова, есть селение Днеперское, около которого начинается Борисфен, называемый тамошними жителями Днепром, а мы его и поныне именуем Борисфеном. Недалеко от этого места находится монастырь святой Троицы, где начинается другая река, больше первой, называемая уменьшительным именем Днепреца. Но обе эти реки сливаются вместе между истоками Борисфена и болотом Фроново; здесь грузят на

корабли товары московитов и хлоповцев и отвозят их в Литву; купцы обычно заезжают там в монастырь, словно в гостиницу. А что Ра и Борисфен берут начало не из одних и тех же источников, как думают некоторые, об этом я узнал и от других, а в особенности из верного донесения очень многих купцов, ведших свои дела в тех странах. Направление Борисфена следующее: сперва омывает он Вязму с юга; затем, свернув к востоку, протекает мимо городов Дорогобужа, Смоленска, Орши и Могилева; далее снова направляется к югу и задевает Киев, Черкасы и Очаков. То место моря, где он затем изливается, имеет как бы вид озера, и Очаков находится, так сказать, в углу при устьях Борисфена. Мы из Орши прибыли в Смоленск и отсюда везли свою поклажу на судах вплоть до Вязмы; при этом река разлилась настолько, что монах долго вез меня и графа фон Нугароли в рыбацкой лодке по лесам, а лошади неоднократно проходили свой путь вплавь.

Озеро Двина отстоит от истоков Борисфена приблизительно на десять миль и на столько же от болота Фронова. Из него вытекает река с тем же названием, направляясь к западу, причем она проходит в двадцати милях от Вильны, а затем сворачивает на север и вблизи столицы Ливонии, Риги, впадает в Немецкое море (которое русские называют Варяжским морем); она омывает Витебск, Полоцк, Дюненбург, но не протекает через Псков, как сообщил один писатель. Ливонцы называют эту реку, в значительной части судоходную, Дуною.

Ловать, четвертая река, которую отнюдь нельзя сравнивать с тремя прочими, начинается между озером Двиною и болотом Фроновым или из самого болота. Я не мог вполне исследовать ее истоки, хотя они недалеко от истоков Борисфена. Это та река, как свидетельствуют их летописи, в которую св. апостол Андрей переволок посуху суденышко из Борисфена; пройдя приблизительно сорок миль, Ловать омывает Великие Луки и вливается в озеро Ильмень.

Волок, город и крепость, отстоит от Москвы приблизительно на двадцать четыре мили к равноденственному западу, от Можайска приблизительно на двенадцать, от Твери на двадцать. Государь присволяет себе титул по этой местности и ежегодно по обычаю веселит там душу, травя зайцев соколами.

Великие Луки, крепость и город, отстоят от Москвы на сто сорок миль к западу, от Великого Новгорода приблизительно на шестьдесят, а от Полоцка на тридцать

шесть миль. Здесь также лежит путь из Москвы в Литву.

Торопец — крепость с городом между Великими Луками и Смоленском, на границах Литвы, — отстоит от Лук приблизительно на восемнадцать миль.

Тверь, или Отверь, некогда обширнейшая область, одно из великих княжеств России, расположена на реке Волге, отстоит от Москвы на тридцать шесть миль к летнему западу; имеет большой город, посредине которого протекает Волга. На одном берегу, где Тверь ближе к Москве, имеется крепость, напротив которой вливается в Волгу река Тверца. Я приехал в Отверь на судах по этой реке и на следующий день поплыл по р[еке] Ра. Этот город был местопребыванием епископа при жизни Ивана, отца Василия, когда Тверским княжеством управлял великий князь Борис. Впоследствии московский государь Иван Васильевич женился на его дочери, Марии, и прижил с нею, как выше сказано, первородного сына Ивана. По смерти же Бориса ему наследовал сын его Михаил, которого впоследствии зять его по сестре, великий князь московский, лишил княжества, и Михаил умер изгнанником в Литве.

Торжок — городок в десяти милях от Твери; одна половина его была под владычеством Новгорода, а другая — под владычеством Твери, и там начальствовали два наместника. Как я выше сказал, там также начинаются две реки: Тверца и Цна. Первая течет на восток, вторая на запад к Новгороду.

Новгород Великий — самое обширное княжество во всей России; на их родном языке он называется Новый город [...]. Ибо все то, что окружено стеною, укреплено тыном или огорожено другим способом, они называют городом. Это обширный город, посредине которого протекает судоходная река Волхов, которая вытекает почти в двух верстах выше города из озера Ильмень и впадает в озеро Нево, которое теперь от лежащего при нем города называется Ладогою. Новгород отстоит от Москвы на сто двадцать миль к летнему западу, — впрочем, некоторые насчитывают только сто, — от Пскова на тридцать шесть, от Великих Лук на сорок, от Ивангорода на столько же. Некогда, во время цветущего состояния этого города, когда он был независимым, обширнейшая область его делилась на пять частей; каждая из них не только докладывала все общественные и частные дела надлежащему и полномочному в своей области начальству, но могла, исключительно в своей части города, за-

ключать какие угодно сделки и удобно вершить дела с другими своими гражданами,— и никому не было позволено в каком бы то ни было деле жаловаться какому-нибудь иному начальству того же города. И в то время там было величайшее торжище всей России, ибо туда стекалось отовсюду, из Литвы, Польши, Швеции, Дании и из самой Германии, огромное количество купцов, и от столь многолюдного стечения разных народов граждане умножали свои богатства и достатки. Даже и в наше время немцам позволено иметь там своих казначеев, или счетчиков. Владения Новгорода простираются главным образом к востоку и северу, они соприкасались с Ливонией, Финляндией и почти с Норвегией. Когда я доехал до Новгорода в одной и той же повозке из самого Аугсбурга, то тамошние купцы усердно просили меня, чтобы я оставил на вечное воспоминание в их храме повозку, в которой я свершил столь долгий путь. Во владении Новгорода находились княжества и в восточном направлении: Двинское и Вологодское, а на юге принадлежала ему половина города Торжка, недалеко от Твери. И хотя эти области, преисполненные реками и болотами, бесплодны и недостаточно удобны для поселения, тем не менее они приносят много прибыли от своих мехов, меду, воска и обилия рыб. Князей, которые должны были управлять их республ[икой], они поставляли по своему усмотрению и желанию и умножали свою державу, привязывая к себе соседние народы всякими способами и заставляя их защищать себя за жалованье, как за известное обязательство. От союза с подобными народами, содействием которых новгородцы пользовались для сохранения своей республики, выходило, что московиты хвастались, что они имеют там своих наместников, а литовцы, в свою очередь, утверждали, что новгородцы — их данники. В то время как этим княжеством управлял по своей воле и власти сам архиепископ, на них напал московский князь Иван Васильевич и семь лет подряд теснил их тяжкой войною. Наконец, в ноябре месяце 1477 года по рождестве Христове, он победил новгородцев в битве при реке Шелони; принудил их к сдаче на некоторых определенных условиях и поставил от своего имени наместника над городом. Но так как он считал, что еще не имеет над ними полной власти, и видел, что не может достигнуть этого без оружия, то он явился в Новгород под предлогом благочестия, именно чтобы удержать их в вере, так как якобы они хотели отпасть от русского закона; посредством этой хитрости он занял

Новгород и обратил его в рабство,— отнял все имущество у архиепископа, граждан, купцов и иноземцев и, как сообщали некоторые писатели, отвез оттуда в Москву триста повозок, нагруженных золотом, серебром и драгоценными камнями. Я тщательно расспрашивал в Москве об этом обстоятельстве и узнал, что оттуда было увезено гораздо больше повозок, нагруженных добычею. Да это и неудивительно, ибо, по взятии города, он увез с собою в Москву архиепископа и всех более богатых и могущественных лиц и послал в их имения, как бы в новые поселения, своих подданных. Поэтому с их имений, кроме обыкновенных доходов, он взимает ежегодно очень большую пошлину в казну. И от архиепископских доходов он предоставил только малую долю прибытков некоему епископу, тогда им поставленному. По смерти его епископский престол долго пустовал. Наконец, по усиленной просьбе граждан и подданных, чтобы не лишать их постоянного епископа, он, в нашу бытность там, снова назначил одно лицо.

Некогда новгородцы особенно усердно поклонялись и воздавали почести одному идолу, по имени Перун, поставленному на том месте, где ныне находится монастырь, называемый от этого самого идола Перунским. Затем, по принятии крещения, они столкнули его с места и бросили в реку Волхов; говорят, что он поплыл тогда вверх по реке и около моста слышен был голос: «Вот вам, новгородцы, на память обо мне». И вместе с этими словами на мост тотчас была выброшена какая-то палка. И теперь еще обычно случается, что в определенные дни года слышно это изречение Перуна. Услышав это, граждане того места внезапно сбегаются вместе и взаимно бьют друг друга палками, и отсюда возникает столь сильное смятение, что оно едва может быть остановлено великими усилиями наместника. Кроме того, как повествуют их летописи, случилось, что, когда новгородцы облагали тяжкой осадой семь лет подряд греческий город Корсунь, их жены, соскучившись от их продолжительного отсутствия, а к тому же еще и сомневаясь в жизни своих мужей и возможности их возвращения, вышли замуж за рабов. Наконец, по завоевании города, когда победители-мужья вернулись с войны и привезли с собою медные ворота покоренного города и один большой колокол, который мы сами видели на их соборной церкви, то рабы пытались отразить силою господ, на супругах которых они женились. Тогда господа, рассерженные этим возмутительным поступком, отложили

по чьему-то совету в сторону оружие и взялись, как имеющие дело со своими рабами, только за кнуты и батоги; устрашенные этим рабы обратились в бегство и удалились в некое место, которое и поныне еще называется Холопий город, т. е. крепость рабов, и стали там защищаться. Но они потерпели поражение и получили от господ заслуженную кару. Самый длинный день в Новгороде при летнем солнцестоянии имеет XVIII часов и более. Область эта гораздо холоднее, чем даже Московия. Народ там был очень обходительный и честный, но ныне является весьма испорченным; вне сомнения, это произошло от московской заразы, которую туда ввезли с собою заезжие москвиты.

Озеро Ильмень, которое в старинных писаниях русских называется Ильмер и которое иные именуют озером Лимида, находится в двух верстах выше Новгорода; в длину оно простирается на XII, а в ширину на VIII нем. миль и, помимо остальных, принимает в себя две более знаменитые реки: Ловать и Шелонь. Эта последняя вытекает из некоего озера; выливается же из Ильменя одна река — Волхов, которая протекает через Новгород и, пройдя тридцать шесть миль, впадает в Ладожское озеро. Это последнее простирается в ширину на шестьдесят, а в длину на сто миль, однако на нем находится несколько островов. Из Ладожского озера выливается большая река Нева, которая через шесть приблизительно миль впадает в западном направлении в Немецкое море. При устье ее, во владении московского государя, на середине реки расположена крепость Орешек, которую немцы называют Нутембургом.

Русс, некогда называемая Старою Руссией, — старый городок под владычеством Новгорода, от которого отстоит на двенадцать миль, а от озера Ильмень на тринадцать. Имеет соленую реку, которую граждане задерживают широким рвом наподобие озера и оттуда проводят воду по каналам, каждый себе в дом, и вываривают соль.

Крепость Ивангород выстроена из камня на берегу реки Наровы Иваном Васильевичем, от которого и получила свое название. Там же, на противоположном берегу, есть и Ливонская крепость, которая по этой же реке называется Нарвою. Между этими двумя крепостями протекает река Нарова и отделяет владение новгородцев от ливонского. Река Нарова судоходна, вытекает из того озера, которое русские называют Чудским или Чудиным, латины — Бицис или Пелас, а немцы — Пейфус, и, приняв в себя две реки — Плесковию и Великую реку, теку-

шую с юга,—проходит мимо Опочки, оставив Псков вправо. Плавание из Пскова в Балтийское море было бы легко, если бы не препятствовали тому некие утесы недалеко от Ивангорода и Нарвы.

Город Псков расположен при озере, из которого выходит река, носящая то же название, протекает посредине города и через шесть миль вливается в озеро, которое русские называют Чудским. Город Псков один только во всем владении московского государя окружен стеною и разделен на четыре части, каждая из которых заключена в своих стенах. Это обстоятельство подало некоторым повод к ошибочному утверждению, будто он окружен четверною стеной. Область, или княжество, этого города называется по-народному Псков или Обсков. Некогда она была весьма обширна и независима, но наконец, в MDIX году по рождестве Христове, Иван Васильевич⁴² занял ее вследствие измены некоторых священников и обратил в рабство. Точно так же он увез колокол, по звону которого собирался сенат для устройства общественных дел; сами жители были увезены по разным поселениям, а на их место были приведены москвиты. Таким образом Иван Васильевич совершенно умалил свободу жителей Пскова. От этого вместо более общительных и даже утонченных обычаев псковитян почти во всех делах введены были гораздо более порочные обычаи москвитов. Именно псковитяне при всяких сделках отличались такою честностью, искренностью и простодушием, что не прибегали ни к какому многословию для обмана покупателя, а одним только словом указывали на самую вещь. Прибавлю также мимоходом, что псковитяне и до сего дня имеют пробор на голове не по русскому, а по польскому обычаю. Псков отстоит от Новгорода на тридцать шесть миль к западу, от Ивангорода на сорок, от Великих Лук на столько же. Через этот также город лежит из Москвы и Новгорода путь в Ригу, столицу Ливонии, отстоящую от Пскова на шестьдесят миль.

Водская область, расположенная к северо-западу, отстоит от Новгорода на двадцать шесть или, самое большее, на тридцать миль, причем крепость Ивангород остается в левой стороне от нее. Рассказывают за чудо, что, какого бы рода животные ни были сюда привезены, они меняют свою масть на белую. Мне представляется здесь уместным коснуться вкратце положения мест и рек кругом моря вплоть до пределов Швеции. Как я сказал выше, река Нарова отделяет Ливонию от владений московского государя; если идти затем от Ивангорода в направ-

лении к северу вдоль морского берега, то попадетя река Плюсса, у устья которой расположена крепость Ям. В двенадцати милях от Ивангорода и в стольких же от Яма, лежащих на пространстве четырех миль друг от друга, попадаются крепость Копорье и одноименная с нею река; затем насчитывают шесть миль до реки Невы и крепости Орешек, а от Орешка до реки Карелы, от которой получил название и город, — семь миль. И наконец, отсюда после двенадцатимильного пути можно добраться до реки Полны, которая отделяет владение московского государя от Финляндии, называемой русскими Хаинской землею⁴³ и состоящей под властью шведских королей.

Кроме уже названной, есть и другая область Карела, которая имеет особую округу и язык; она расположена к северу от Новгорода на расстоянии почти шестидесяти или более миль. Хотя она взимает дань с некоторых соседних народов, тем не менее и сама является данницей королю шведскому, равно как и государю московскому, по своей принадлежности к владению новгородскому.

Остров Соловки расположен в море к северу, между Двинской и Карельской областями, в восьми милях от суши. Насколько отстоит он от Москвы, это расстояние нельзя вычислить точно вследствие частых болот, лесов и обширных пустынь. Впрочем, некоторые говорят, что он отстоит на 300 миль от Москвы, а от Белоозера на 200. На этом острове в изобилии вываривается соль, Там есть и монастырь, войти в который женщине или девушке считается великим грехом. Там существует также богатый улов рыб, которых туземцы называют сельги, а мы думаем, что это — сельдки. Говорят, что в летнее солнцестояние солнце светит здесь непрерывно, за исключением только двух часов.

Город Дмитров с крепостью отстоит от Москвы на двенадцать миль, с легким уклоном с запада к северу. Этим городом владел тогда Георгий, брат великого князя. Мимо него протекает река Яхрома, которая впадает в реку Сестру. Затем Сестру принимает Дубна, которая изливается в Волгу. Благодаря такому великому удобству рек, тамошние купцы имеют великие богатства, так как они без особого труда ввозят из Каспийского моря по Волге товары по различным направлениям и даже в Москву.

Город Белоозеро с крепостью расположен при озере того же названия.

[...] Город расположен не на самом озере, как сообщали некоторые, но все же он до такой степени окружен ото-

всюду болотами, что представляется неприступным. В силу этого обстоятельства государи Московии обычно хранят там свои сокровища. А от Москвы отстоит Белоозеро на сто миль к северу и на столько же от Новгорода Великого. Существуют две дороги, по которым от Москвы можно попасть на Белоозеро: одна, более близкая, — через Углич в зимнее время, а другая, летняя, — через Ярославль. Но путешествие по той и другой дороге, вследствие частых болот и лесов, окруженных реками, удобно только при настанных по льду мостах. Поэтому там, от трудности, представляемой этими местами, мили несколько короче. К этой трудности пути присоединяется еще и то, что, вследствие частых болот, лесов и отовсюду стекающихся рек, эти местности не возделаны и не имеют никаких городов. Самое озеро простирается на двенадцать миль в длину и на столько же в ширину; как говорят, в него изливаются триста шестьдесят рек. Выходит же из него только Шексна, которая в пятнадцати милях выше города Ярославля и в четырех ниже города Мологи вливается в Волгу. Рыбы, которые заходят из Волги в эту реку и озеро, гораздо лучше; мало того, они становятся тем вкуснее, чем дольше там оставались. Рыбаки настолько опытни в распознавании их, что, если рыба вернется в Волгу и будет поймана, могут узнать, сколько времени она оставалась в озере. Жители этой местности имеют особый язык, хотя ныне почти все говорят по-русски. Говорят, что самый длинный день при летнем солнцестоянии имеет там девятнадцать часов. Одно немаловажное лицо рассказывало нам, что он отправился наспех из Москвы на Белоозеро ранней весной, когда деревья уже покрывались зеленью, и, переправившись через реку Волгу, должен был совершать остальной путь на саях, потому что там все было заполнено снегами и льдом. И хотя зима там очень продолжительна, однако плоды и созревают, и собираются в то же время, как и в Москве. От озера Белоозера на расстоянии полета стрелы есть другое озеро, доставляющее серу; ее в изобилии приносит с собою, словно плывущую поверх пены, некая река, вытекающая из него. Однако, по невежеству народа, она остается там без всякого употребления.

Город Углич с крепостью расположен на берегу Волги и отстоит от Москвы на двадцать четыре мили, от Ярославля на тридцать, от Твери на сорок. Но вышеупомянутые крепости находятся на южном берегу Волги, а город — по обеим сторонам ее.

Холопий город — место, куда, как я выше сказал, убе-

жали рабы новгородцев, — отстоит на две мили от Углича. Недалеко оттуда видна крепость, ныне разрушенная, при реке Мологе, которая выходит из области Новгорода Великого, течет на протяжении восьмидесяти миль и впадает в Волгу; при устье ее расположены город и крепость того же имени, а в двух милях оттуда, на берегу той же реки, расположена только церковь Холопьяго города. В этом месте бывает самый многолюдный базар из всех существующих во владении московского государя, о чем я упоминал уже и в другом месте. Ибо кроме шведов, ливонцев и московитов туда стекаются татары и другие весьма многие народы из восточных и северных стран, которые ведут только меновую торговлю. Ибо употребление золота или серебра у этих народов редко и почти вовсе отсутствует. В огромном большинстве случаев они обменивают на меха готовое платье, иглы, ножики, ложки, топоры и другое тому подобное.

Город и крепость Переяславль отстоит от Москвы на двадцать четыре мили, с незначительным отклонением с севера на восток; расположен же он при озере, в котором, как на острове Соловках, ловятся рыбки сельги, о которых я упомянул выше. Поля там плодоносны и обильны; по уборке хлебов государь обыкновенно коротает там время охотою. В той же области находится озеро, из которого вываривается соль. Через этот город проезжают те, кому лежит путь в Нижний Новгород, Кострому, Ярославль и Углич. В этих странах нельзя определить истинного расчета пути вследствие частых болот и лесов. Есть там также река Нерль, которая вытекает из одного озера и впадает в Волгу выше Углича.

Город и крепость Ростов, местопребывание архиепископа, вместе с Белоозером и Муромом считается в числе знаменитых и более древних княжеств России после Новгорода Великого. Туда из Москвы лежит прямая дорога через Переяславль, от которого Ростов отстоит на десять миль. Расположен он при озере, из которого выходит река Которость, которая протекает через Ярославль и вливается в Волгу. Почва земли плодоносна, особенно изобилует она рыбами и солью. Эта область некогда составляла собственность вторых сыновей великих князей России, потомки которых весьма недавно были прогнаны оттуда Иваном, отцом Василия, и лишены области.

Город и крепость Ярославль, на берегу Волги, отстоит от Ростова на двенадцать миль, если туда ехать из Москвы по прямой дороге. Страна эта достаточно плодоносна, в особенности в той части, где она прилегает к Волге.

И эта область, подобно Ростову, составляла собственность вторых сыновей государей, но их покорил силою тот же монарх. Впрочем, и доселе еще остаются вожди области, которых они называют князьями, титул однако государь присвоит себе, предоставив страну князьям как своим подданным. Владеют же этою страню три князя, потомки вторых сыновей; русские называют их ярославскими. Первый, Василий,— тот, который водил нас из гостиницы к государю и отводил обратно. Другой — Симеон Федорович, от своей отчины Курбы носящий прозвище Курбского, человек старый, сильно истощенный выдающейся воздержностью и самой строгою жизнью, которую он вел с молодых лет. Именно он в течение многих лет воздерживался от употребления в пищу мяса, рыбой же питался только по воскресеньям, вторникам и субботам, а по понедельникам, средам и пятницам, во время поста, он воздерживался от нее. Великий князь посылал его некогда в качестве главного вождя с войском через Пермю в Югру для покорения отдаленных племен. Значительную часть этого пути Курбский совершил пешком, по причине глубокого снега, а когда он растаял, остальную часть пути князь проплыл на судах и переходил через гору Печору⁴⁴. Последний — Иван, по прозвищу Посечень, который от имени своего государя был послом у цесаря Карла в Испаниях и вернулся с нами. Он был до такой степени беден, что взял займы (как мы наверно знаем) на дорогу платья и колпак (это — покрывка головы). Поэтому, по-видимому, сильно ошибся тот писатель, который сообщил, что этот князь может при всякой надобности послать своему государю из своих владений, или из своей отчины, тридцать тысяч всадников.

Область Вологда, город и крепость, где епископы Пермии имеют свое местопребывание, но без власти; как город, так и крепость получили имя от реки того же имени. Область расположена к северо-востоку. Путь в нее из Москвы лежит через Ярославль. От Ярославля же она отстоит на пятьдесят нем. миль, а от Белоозера почти на сорок. Вся страна болотиста и лесиста. Отсюда и в этом месте путешественники не могут сделать точного расчета пути вследствие частых болот и извилистых рек. Ибо чем дальше туда подвигаться, тем больше попадетсЯ непроходимых болот, рек и лесов. Через город протекает река Вологда, направляясь к северу; с ней, в восьми милях ниже города, соединяется река Сухона, вытекающая из озера, которое называется Кубенским; она удерживает имя Сухоны и течет на северо-восток. Об-

ласть Вологда некогда была под властью Великого Новгорода; так как крепость ее укреплена природою местности, то говорят, что государь обычно складывает там часть своей казны. В тот год, когда мы были в Москве, там была такая дороговизна хлеба, что одна мера, которая у них в употреблении, продавалась за XIII денег, а в другое время ее обычно можно купить в Московии за III, V или шесть денег.

Рыбная река Вага начинается между Белоозером и Вологдой в болотах и очень густых лесах и вливается в реку Двину. Живущие по этой реке снискивают пропитание охотою, так как у них почти нет хлеба. Там ловятся лисицы черные и пепельного цвета. Оттуда можно добраться кратчайшим путем к области и реке Двине.

Область Устюг получила название от города и крепости, которые расположены при реке Сухоне; от Вологды отстоит на сто миль, от Белоозера на сто сорок. Прежде город был расположен при устье реки Юги, которая течет с юга на север. Впоследствии, из-за удобства местности, он был помещен почти на полмили выше устьев, но доселе еще сохраняет прежнее название. [...] Эта область некогда была подвластна Великому Новгороду; в ней редко употребляют хлеб, или можно сказать, что его почти нет, а в качестве пищи употребляются рыба и звериное мясо; соль получают из Двины. Язык у них также особый, хотя они больше говорят по-русски. Соболиных мехов там немного, и они не очень высокого качества, но мехов других зверей у них изобилие, в особенности черных лисиц.

Область Двина и река, возникшая от слияния рек Юги и Сухоны, получили имя Двины, ибо Двина по-русски значит два или по два. Эта река, пройдя сто миль, впадает в Северный океан, где он омывает Швецию и Норвегию и отделяет их от неведомой земли Энгранеланд [Гренландии?]. Эта область, расположенная на самом севере, некогда принадлежала к владениям новгородцев. От Москвы до устьев Двины считается триста миль; хотя, как я раньше сказал, в странах, которые находятся за Волгою, нельзя, по причине частых болот, рек и обширных лесов, произвести точного расчета пути, однако, руководясь догадками, можем думать, что едва ли наберется двести миль, так как из Москвы можно добраться прямо до Вологды, из Вологды, повернув несколько к востоку,— в Устюг, а из Устюга, наконец, по реке Двине прямо на север. Эта область, кроме крепости Холмогор, города Двины, который расположен почти посредине ме-

жду истоками и устьями, и крепости Пинеги, расположенной в самых устьях Двины, не имеет ни городов, ни крепостей. Говорят, однако, что там очень много деревень, которые, вследствие бесплодия почвы, отстоят друг от друга на весьма обширное расстояние. Жители снискивают пропитание от ловли рыбы, зверей и от звериных мехов всякого рода, которых у них изобилие. В приморских местностях этой области, говорят, водятся белые медведи, и притом по большей части живущие в море; их меха очень часто отвозятся в Москву. Во время моего первого посольства в Московию я привез с собою два. Эта страна изобилует солью.

Указатель пути к Печоре, Югре и к реке Оби

Владения московского государя простираются далеко на восток и несколько к северу до тех мест, перечисление которых следует ниже. Об этом доставлено было мне некое писание на русском языке, содержащее расчет этого пути. Я и перевел его, и прибавил здесь с верным расчетом. Впрочем, те, кто едут туда из Москвы, больше держатся обычной и кратчайшей дороги от Устюга и Двины через Пермю. От Москвы до Вологды считается пятьсот верст; если от Вологды до Устюга спускаться направо вниз по реке Вологде и затем по Сухоне, с которою она соединяется, то получим также пятьсот верст; эти реки под городом Стрельце, в двух верстах ниже Устюга, соединяются с рекою Югой, которая течет с полудня; от ее устьев насчитывается свыше пятисот верст. Но по своем слиянии Сухона и Юга теряют прежние имена и принимают имя Двины. Затем через пятьсот верст по Двине можно добраться до Холмогор; в шести днях пути вниз отсюда Двина впадает в океан шестью устьями. Наибольшая часть этого пути совершается водою, ибо сухим путем от Вологды до Холмогор, с переправой через Вагу, тысяча верст. Недалеко от Холмогор, пройдя семьсот верст, впадает в Двину река Пинега, которая течет с востока с правой стороны. От Двины можно через двести верст по реке Пинеге добраться до мыса, называемого Николаевым, где на расстоянии полуверсты суда перетаскивают в реку Кулой, а река Кулой начинается на севере из озера того же названия; от ее истоков шесть дней пути до устьев, где она впадает в океан. При плавании вдоль правого берега моря приходится миновать следующие владения: Становище, Калунчо и Апну.

И, обогнув мыс Карговский Нос и Становище, Каменку и Толстый, можно попасть наконец в реку Мезень, по которой в шесть дней пути добираются до одноименной деревни, расположенной в устьях реки Пезы. Поднимаясь по ней снова налево к летнему востоку, в трехнедельный путь можно встретить реку Пеской. Оттуда пять верст волокут суда в два озера, и открываются две дороги; одна из них, с левой стороны, ведет в реку Рубиху, по которой можно добраться в реку Чирку. Другие волокут суда иной дорогой и более краткой — из озера прямо в Чирку; от нее, если не задержат бури, через трехнедельный промежуток попадают в реку Цильму, и притом к ее устьям; Цильма впадает в большую реку Печору, которая в том месте простирается в ширину на две версты. Спустившись туда, в шестидневный путь достигают до города и крепости Пустозерска, около которого Печора шестью устьями впадает в океан. Жители этой местности, люди простого ума, впервые приняли крещение в MDXVIII году по рождестве Христове. Если плыть по Печоре от устьев Цильмы до устьев реки Усы, то это составит путь в один месяц. Уса же имеет свои истоки на горе Земной Пояс⁴⁵, находящейся влево от летнего востока, и течет с огромной скалы той же горы, называемой Большой Камень. От истоков Усы до ее устья насчитывают свыше тысячи верст. Печора течет в этой северной стороне с юга; если подниматься по ней от устьев Усы до устьев реки Шугура, то это составит трехнедельный путь. Те, кто писал этот дорожник, говорили, что они отдыхали между устьями рек Шугура и Подчерема и что сложили припасы, которые привезли с собою из России, в соседней крепости Струпили, которая расположена у русских берегов на горах справа. За реками Печорой и Шугуром у горы Каменный Пояс, точно так же у моря, на соседних островах и около крепости Пустозерска живут разнообразные и бесчисленные народы, которые называются одним общим именем самоеди (т. е., так сказать, сами себя ядущие). У них имеется великое множество птиц и разных животных, каковы, например, соболя, куницы, бобры, горностаи, белки и в океане животное морж, о котором сказано выше; кроме того, весь, точно так же белые медведи, волки, зайцы, джигетай, киты, рыба по имени семга и весьма многие другие. Эти племена не приходят в Московию, ибо они дики и избегают сообщества и сожительства с другими людьми. От устьев Шугура вверх по реке до Пояса, Артавиша, Камня и большего Пояса три недели пути. Подъем на гору Камень занимает три дня;

спустившись с нее, можно добраться до реки Артавиша, оттуда до реки Зибута, от нее в крепость Ляпин, от Ляпина до реки Сосвы. Живущие по этой реке называются вогуличами. Оставив Сосву справа, можно добраться до реки Оби, которая начинается из Китайского озера. Через эту реку они едва могли переправиться в один день, да и то при скорой езде: ширина ее до такой степени велика, что простирается почти до восьмидесяти верст. И по ней также живут народ вогуличи и югричи. Если подниматься от Обской крепости по реке Оби до устьев реки Иртыша, в который впадает Сосва, то это составит три месяца пути. В этих местах находятся две крепости — Ером и Тюмень, которыми управляют властелины князья югорские, платящие (как говорят) дань великому князю московскому. Там имеется много животных и превеликое множество мехов.

От устьев реки Иртыша до крепости Грустины два месяца пути, отсюда до Китайского озера по реке Оби, которая, как я сказал, имеет в этом озере свои истоки, более чем три месяца пути. От этого озера приходят в весьма большом количестве черные люди, не владеющие общепонятной речью, и приносят с собою разнообразные товары, прежде всего жемчуга и драгоценные камни, которые покупают народы грустинцы и серпоновцы. Эти последние получили имя от крепости Серпонова, лежащей в Лукоморье на горах за рекою Обью. С людьми же Лукоморья, как говорят, случается нечто удивительное, невероятное и весьма похожее на басню; именно говорят, будто каждый год, и притом в определенный день — XXVII ноября [...] они умирают, а на следующую весну, чаще всего к XXIII апреля, наподобие лягушек, оживают снова⁴⁶. Народы грустинцы и серпоновцы ведут и с ними необыкновенную и неизвестную в других странах торговлю. Именно, когда наступает установленное время для их умирания или засыпания, они складывают товары на определенном месте; грустинцы и серпоновцы уносят их, оставив меж тем и свои товары по справедливому обмену: если те, возвратясь опять к жизни, увидят, что их товары увезены по слишком несправедливой оценке, то требуют их снова. От этого между ними возникают весьма частые споры и войны. Вниз по реке Оби, с левой стороны, живет народ каламы, которые переселились туда из Обиовии и Погозы. Ниже Оби до Золотой старухи, где Обь впадает в океан, находятся следующие реки: Сосва, Березва и Данадим, которые все начинаются с горы Камень Большого Пояса и соединенных с нею скал. Все на-

роды, живущие от этих рек до Золотой старухи, считаются данниками государя московского.

Золотая баба, т. е. Золотая старуха, есть идол, находящийся при устье Оби, в области Обдоре, на более дальнем берегу. По берегам Оби и по соседним рекам в окрестности расположено повсюду много крепостей, властелины которых (как говорят) все подчинены государю московскому. Рассказывают, или, выражаясь вернее, баснословят, что этот идол «Золотая старуха» есть статуя в виде некоей старухи, которая держит в утробе сына, и будто там уже опять виден еще ребенок, про которого говорят, что он ее внук. Кроме того, будто бы она там поставила некие инструменты, которые издают постоянный звук наподобие труб. Если это так, то я думаю, что это происходит от сильного и непрерывного дуновения ветров в эти инструменты.

Река Коссин вытекает из Лукоморских гор; при ее устьях находится крепость Коссин, которою некогда владел князь венца, а ныне его сыновья. Туда от истоков большой реки Коссина два месяца пути. Из истоков той же реки начинается другая река, Касима, и, протекши чрез Лукоморию, впадает в большую реку Тахнин, за которой, как говорят, живут люди чудовищной формы: у одних из них, наподобие зверей, все тело обросло шерстью, другие имеют собачьи головы, третьи совершенно лишены шеи и вместо головы имеют грудь. В реке Тахнине водится также некая рыба с головой, глазами, носом, ртом, руками, ногами и другими частями совершенно человеческого вида, но без всякого голоса; она, как и другие рыбы, представляет собою приятную пищу.

Все то, что я сообщил доселе, дословно переведено мною из доставленного мне русского дорожника. Хотя в нем, по-видимому, и есть нечто баснословное и едва вероятное, как, например, сведения о людях немых, умирающих и оживающих, о Золотой старухе, о людях чудовищного вида и о рыбе с человеческим образом, и хотя я сам также старательно расспрашивал об этом и не мог узнать ничего наверное от какого-нибудь такого человека, который бы видел это собственными глазами (впрочем, они утверждали, на основании всеобщей молвы, что это действительно так),— все же мне не хотелось опустить что-нибудь, дабы я мог доставить другим более удобный случай к разысканию сих вещей. Поэтому я воспроизвел и те же названия местностей, которыми они именуется у русских. [...]

Горы вокруг реки Печоры называются Земной Пояс,

т. е. Пояс мира или земли. [...] От озера Китай получил имя великий хан китайский, которого москвиты называют царь китайский. [...]

Лукомории суть приморские лесистые местности; тамошние обитатели живут в них без всяких домов. Хотя составитель дорожника сообщал, что весьма многие народы Лукомории подвластны государю московскому, однако, раз вблизи находится царство Тюмень, государь которого — татарин и на их народном языке называется царем тюменским, т. е. царем в Тюмени, и он не так давно причинил большие уроны государю Московии, то вероятно, что эти племена, по причине соседства, подчинены, скорее, ему.

У реки Печоры, о которой упоминается в дорожнике, есть город и крепость Папин, или Папинов-город; жители его, имеющие отличный от русского язык, называются папинами. За этой рекой простираются до самых берегов ее высочайшие горы, вершины которых вследствие непрерывных дуновений ветров совершенно лишены всякого леса и почти даже травы. Хотя они в разных местах имеют разные имена, однако вообще называются Поясом мира. На этих горах выют гнезда соколы-герофальконы, о которых будет сказано ниже, когда я буду излагать о государевой охоте. Также растут там деревья кедры, около которых водятся самые черные соболи. И во владении государя московского можно увидеть одни только эти горы, которые, вероятно, представлялись древним Рифейскими или Гиперборейскими. Так как они покрыты постоянными снегами и льдом и перейти через них нелегко, то по этой причине область Энгронеланд совершенно неизвестна. Князь Московии Василий, сын Ивана, некогда посылал через Пермю и Печору, для исследования местностей за этими горами и для покорения тамошних народов, двух начальников из своих приближенных: Симеона Федоровича Курбского, названного так по своей отчине и происходившего из ярославского рода, и князя Петра Ушатого. Из них Курбский, в мою бытность в Московии, был еще в живых и на мои расспросы об этом походе отвечал, что он потратил семнадцать дней на восхождение на гору и все-таки не мог перейти через верхушку горы, называемую на его родном языке Столп, т. е. колонна. Эта гора простирается к океану до устьев рек Двины и Печоры. Но довольно о дорожнике.

Возвращаюсь к княжествам Московии

Княжество Суздаль с одноименной крепостью и городом, в котором находится местопребывание епископа, расположено между Ростовом и Владимиром. В то время, когда столицей державы московского государя был Владимир, Суздаль считался среди главных княжеств и был столицей остальных прилегающих городов. Затем, когда власть московского государя усилилась и столица была перенесена в Москву, это княжество было назначено второрожденным детям государей. Наконец потомки их, в том числе Василий Шуйский с племянником его, сыном брата (которые еще были живы в нашу бытность в Московии), были лишены княжества Иваном Васильевичем. В этом городе замечателен женский монастырь, в котором заключена была Соломея после развода с Василием. Среди всех княжеств и областей московского государя первое место по богатству почвы и изобилию во всем присвоает себе Рязань. За ней следуют Ярославль, Ростов, Переяславль, Суздаль и Владимир, которые по плодородию земли ближе всего подходят к Рязани.

Город Кострома с крепостью, на берегу Волги, отстоит почти на двадцать миль от Ярославля в направлении к летнему востоку, а от Нижнего Новгорода приблизительно на сорок. Река, от которой город получил имя, там же впадает в Волгу.

Если отправиться из Москвы на восток через Кострому, то попадется другое княжество — Галич с городом и крепостью.

Вятская область за рекою Камою отстоит почти на сто пятьдесят миль от Москвы к летнему востоку; до нее можно добраться, правда, более коротким, но зато и более трудным путем через Кострому и Галич. Ибо, помимо того что путь затрудняется болотами и рощами, которые находятся между Галичем и Вяткой, там повсюду бродит и разбойничает народ черемисы. От этого туда отправляются более длинным, но зато более легким и безопасным путем через Вологду и Устюг. А отстоит Вятка от Устюга на сто двадцать миль, от Казани — на шестьдесят. Стране дала имя одноименная река, на берегу которой находятся Хлынов, Орлов и Слободской. При этом Орлов находится в четырех милях ниже Хлынова, затем, спустившись на шесть миль к западу, — Слободской; Котельнич же находится в восьми милях от Хлынова на реке Речице, которая, вытекая с востока, между Хлы-

новом и Орловом, впадает в Вятку. Страна болотиста и бесплодна и служит как бы неким неприкосновенным убежищем для беглых рабов, изобилует медом, зверями, рыбами и белками. Некогда она составляла владение татар, так что еще и поныне по ту и по сю сторону Вятки, в особенности при ее устьях, где она впадает в реку Каму, властвуют татары. Дороги считаются там чункасами, а чункас содержит пять верст. Река Кама впадает в Волгу в двенадцати милях ниже Казани. К этой реке прилегает область Сибирь.

Великая и обширная область Пермия отстоит от Москвы прямо к северо-востоку на двести пятьдесят (или, как утверждают некоторые, на триста) миль. В ней есть город того же имени на реке Вишере, которая в десяти милях ниже изливается в Каму. По причине частых болот и рек, сухим путем туда можно добраться только зимою, летом же этот путь совершить легче на судах через Вологду, Устюг и реку Вычегду, которая в двенадцати милях от Устюга вливается в Двину. Тем, кто отправляется из Пермии в Устюг, надо плыть вверх по Вишере; проплыв по нескольким рекам и перетаскивая иногда в другие реки суда по земле, они достигают наконец Устюга; находящегося в трехстах милях расстояния от Пермии. В этой области хлеб употребляется весьма редко; ежегодную дань государю они выплачивают лошадьми и мехами. Они имеют особый язык и точно так же особые письмена, которые впервые изобрел епископ Стефан, укрепивший жителей, колеблющихся в вере христовой (ибо раньше они были еще очень слабы в вере и содрали кожу с одного епископа, покушавшегося на то же). [...] И доселе еще повсюду в лесах очень многие из них остаются идолопоклонниками, и монахи и пустынники, отправляющиеся туда, непрестанно стараются отклонить их от заблуждения и лживой веры. Зимою они обыкновенно совершают путь на артах, как это делается в очень многих местностях России. А арты представляют из себя нечто вроде деревянных продолговатых башмаков, длиною почти в шесть ладоней; надев их на ноги, они несутся и совершают путь с великою быстротою. В качестве вьючного скота у них служат собаки, которых с этою целью они держат крупных, и при их помощи перевозят на санях тяжести так же, как это будет ниже сказано про оленей. Говорят, что эта область смежна с востока с областью татар, называемой Тюменью.

Положение области Югры явствует из вышесказанного. Русские произносят ее название с придыханием, и на-

род называют югричами. Это та Югария, из которой некогда вышли венгры и заняли Паннонию и, под предводительством Атиллы, покорили много областей Европы. Московиты сильно хвастаются этим именем [т. е. Югария], так как их подданные опустошили некогда большую часть Европы. Георгий, по прозвищу Мальтий, родом грек, желая среди переговоров во время первого моего посольства распространить право своего государя на великое княжество Литовское, королевство Польское и пр., излагал, что югары были подданными великого князя московского и поселились при болотах Меотиды, затем переселились в Паннонию на Дунае, которая от этого получила имя Венгрии, наконец заняли Моравию, называемую так от реки, и Польшу, получившую имя от слова поле, что значит равнина, и по имени брата Атиллы называли город Буду. Я хотел только изложить то, что было мне изложено. Говорят, что югары и до сего дня имеют общий с венграми язык; правда ли это, не знаю. Ибо, несмотря на тщательный розыск, я не мог найти ни одного человека из той страны, с которым бы мог поговорить мой слуга, сведущий в венгерском языке. И они выплачивают дань государю мехами. Хотя оттуда привозятся в Москву жемчуга и драгоценные камни, однако они собираются не в их океане, а привозятся из другого места, в особенности же с берегов океана, соседних с устьями Двины.

Область Сибирь соприкасается с Пермией и Вяткой; не знаю достоверно, имеет ли она какие-нибудь крепости и города. В ней начинается река Яик, которая впадает в Каспийское море. Говорят, что эта страна пустынна вследствие соседства с татарами, а если где она возделывается, то там занята татаринном Шехмамаем. Тамашние жители имеют особый язык; промышленяют преимущественно беличьими мехами, которые превосходят белок других областей величиною и красотою; однако в нашу бытность в Московии мы не могли найти никакого запаса их.

Народ черемисы живет в лесах под Нижним Новгородом. Они имеют собственный язык и следуют учению Магомета. Ныне они повинуются царю казанскому, хотя наибольшая часть их некогда платила дань князю московскому; отсюда они и доселе еще причисляются к подданным Москвы. Многих из них государь привез отсюда в Москву по подозрению в преступлении измены; мы видели их там. Но когда они были посланы на границы в направлении к Литве, то в конце кощов рассеялись в разные стороны. Этот народ обитает на далеком и широ-

ком пространстве от Вятки и Вологды до реки Камы, но без всяких жилищ. Все, как мужчины, так и женщины, очень проворны в беге, затем все они весьма опытные стрелки, причем никогда не выпускают из рук лука; они находят в нем такое удовольствие, что даже не дают есть сыновьям, если те раньше не пронзят стрелой намеченную цель.

В двух милях от Нижнего Новгорода было очень много домов, наподобие города или поселка, где вываривалась соль. Несколько лет тому назад они были выжжены татарами и восстановлены по приказу государя.

Народ мордва живет у Волги, ниже Нижнего Новгорода, на южном берегу; они во всем похожи на черемисов, за исключением того, что дома встречаются у них гораздо чаще. [...]

О Литве

Ближе всего к Московии Литва. Я говорю теперь не об одной только области, но и о прилегающих к ней странах, которые разумеются под общим именем Литвы. Она тянется длинной полосой от города Черкас, который расположен у Борисфена, вплоть до Ливонии. Живущие по Борисфену черкасы — русские и отличаются от тех, про которых я сказал выше, что они живут в горах у Понта. В наше время над ними начальствовал Евстахий Дашкович (который [...] выступал в Московию вместе с царем Махмет-Гиреем), муж весьма опытный в военном деле и отличавшийся выдающейся хитростью. Хотя он имел неоднократные сношения с татарами, однако еще чаще разбивал их; мало того, он часто подвергал сильным опасностям и самого государя московского, у которого был некогда пленником. В тот год, когда мы были в Москве, он разбил московитов посредством удивительной хитрости. Это обстоятельство, как мне кажется, достойно того, чтобы быть здесь записанным. Он провел в Московию нескольких татар, одетых в литовское платье, зная, что московиты бесстрашно устремятся на них, словно на литовцев. Сам он, устроив засаду в удобном месте, ждет мести московитов. Опустошив часть Северной области, татары устремятся в направлении к Литве. Когда московиты узнали, что они переменили путь и заняли Литву, то подумали, что это литовцы, и вскоре, горя жаждой мщения, со стремительным натиском вторгаются в Литву. Когда, опустошив ее, они возвращались обремененные добычей, то Евстахий окружил их из засады и пере-

бил всех до одного. Узнав об этом, московский владыка отправил послов к польскому королю пожаловаться на причиненную ему обиду. Король ответил послам, что его подданные не причиняли обиды, а только мстили за обиду. Таким образом московский владыка подвергся осмеянию с обеих сторон и вынужден был претерпеть и урон, и бесчестье.

Ниже Черкас нет никаких христианских поселений. При устьях Борисфена находится, в сорока милях от Черкас, крепость и город Очаков, которым владел царь Тавриды, отняв его не так давно у польского народа. Ныне владеет им турецкий царь. От Очакова до Альбы, древнее название которой было Монкастро, около устьев Тираса, четырнадцать миль, от Очакова до Перекопа — четырнадцать миль. От Черкас около Борисфена до Перекопа — сорок миль. Если подняться по Борисфену на семь миль выше Черкас, то встретим город Канев, в восемнадцати милях от которого находится Киев, древняя столица России. Великолепие и истинно царственное величие этого города доказывается самыми его развалинами и памятниками, которые видны в обломках. И поныне еще на соседних горах заметны следы разоренных церквей и монастырей; кроме того, там можно видеть много пещер, в которых видны весьма древние гробницы и в них тела, еще не подвергшиеся тлению. [...] У Киева есть одна горка, через которую купцам приходится переправляться по пути несколько затруднительному. Если при подъеме на нее случайно сломается какая-нибудь часть повозки, то имущество, которое было на повозке, присвоится казне. Все это рассказывал мне [господин] Альберт Гастоль, палатин виленский, наместник короля в Литве. Если от Киева подняться по Борисфену на тридцать миль, то встретим Мозырь на реке Припяти, впадающей в Борисфен в двенадцати милях выше Киева. В Припять вливается рыбная река Тур. От Мозыря же до Бобруйска — тридцать миль. Поднимаясь далее, через двадцать пять миль прибудем в Могилев, на шесть миль от которого отстоит Орша. Эти перечисленные уже города по Борисфену, которые все расположены на его западном берегу, подвластны королю польскому, лежащие же по восточному берегу подвластны государю московскому, кроме Дубровны и Мстиславля, состоящих во владении Литвы. Переправившись через Борисфен, через четыре мили попадем в Дубровну, а через двадцать миль оттуда — в Смоленск. Из Орши нам лежал путь в Смоленск, а затем прямо в Москву.

Город Борисов отстоит на двадцать две мили от Орши к западу; вдоль него протекает река Березина, которая впадает в Борисфен ниже Бобруйска. Насколько я мог заключить на глазомер, Березина несколько шире Борисфена при Смоленске. Я положительно думаю, что эту Березину древние считали за Борисфен, на что, по-видимому, указывает даже и самое созвучие ее названия. Ибо, если мы всмотримся в описание Птолемея, то оно подойдет гораздо более к истокам Березины, чем Борисфена, называемого Днепром.

Кто были государи в Литве и когда она приняла христианство, об этом достаточно сказано вначале. Дела этого народа всегда процветали до времен Витольда. Если им грозит откуда-нибудь война и они должны защищать свое достояние против вражеской силы, то они являются на призыв с великою пышностью, готовые более к хвастовству, чем к войне, а по окончании набора быстро рассеиваются. Те же, которые останутся, отсылают домой лучших лошадей и платье, с чем они записывались, и следуют за вождем с немногим, как бы по принуждению. А магнаты, которые обязаны посылать на свой счет на войну определенное количество воинов, откупаются за деньги, данные вождю, и остаются дома; и это не только не считается бесчестьем, но начальники и вожди войска заставляют всенародно объявлять в сеймах и лагере, что если кто пожелает заплатить наличными деньгами, то может освободиться от службы и вернуться домой. Между ними наблюдается такое своеволие во всех поступках, что, по-видимому, они не только пользуются неумеренной свободой, но и злоупотребляют ею. Они владеют заложенным им имуществом государей, так что, приезжая в Литву, государи не могут там жить на свои доходы, если не получают поддержки от жителей областей. Этот народ носит длинное платье; они вооружены луками, наподобие татар, и копьем и щитом, наподобие венгров. Лошади у них в употреблении хорошие и притом холощенные, без железных подков; взнуздывают они их легко.

Столицей народа является Вильна; это обширный город, расположенный в долине между холмами, при слиянии рек Вилии и Вильны. Река Вилия в нескольких милях ниже Вильны впадает в Кронон. Кронон же течет вдоль города Гродно, название которого отчасти похоже на название реки, и отделяет некогда подвластные Тевтонскому ордену народы прусские (ныне они находятся в наследственном владении маркграфа бранденбургского,

Альберта, с тех пор как он подчинился польскому королю, сложив с себя крест и орден) от самогитов в том месте, где впадает в Германское море. Там находится город Мемель, ибо германцы называют Кронон Мемелем, а на отечественном языке он называется Неманом. Ныне Вильна опоясана стеною, и в ней строится много храмов и каменных домов; она служит также местопребыванием епископа, которым был тогда Иоани, побочный сын короля Сигизмунда, муж отменно обходительный и ласково принявший нас при нашем возвращении. [...] В Литовском княжестве три епископства, подчиненные Риму, а именно: Виленское, Самогитское и Киевское. Русские же епископства в королевстве Польском и в Литве, с входящими в состав их княжествами, суть следующие: Виленское (где ныне пребывает архиепископ), Полоцкое, Владимирское, Луцкое, Пинское, Холмское и Перемышльское. Главный промысел литовцев составляют имеющиеся у них в изобилии мед, воск и зола. Все это в большом количестве вывозится от них в Данциг, а затем в Голландию. В изобилии также поставляет Литва смолу и лес для постройки судов, а также хлеб. Соли у нее нет, но она достает ее покупкою в Британии. Когда Христиерн был изгнан из Датского королевства и море было недоступно по причине разбойников, то соль привозили не из Британии, а из России; и теперь еще у литовцев в употреблении таковая. В наше время у литовцев особенно знамениты были воинскою славою два мужа: Константин, князь острожский, и князь Михаил Глинский. Константин главным образом разбивал татар; он не ходил навстречу толпе грабителей, а преследовал их, обремененных добычею. И когда они возвращались к тому месту, на котором считали себя свободными от всякого страха и думали, что там для них настало время отдохнуть и успокоиться (это место было ему известно), он решал напасть на них и внушал своим воинам заготовить для себя пищу этой ночью, ибо на следующую он отнюдь не позволит им разводиться огонь. Итак, на следующий день после непрерывного пути, когда татары, не видя ночью никакого пламени или дыма и полагая, что враги или вернулись, или разошлись, отпускали лошадей на пастбища, а других закалывали и пожирали и затем предавались сну, Константин с первыми лучами рассвета напал на них и причинял им большой урон. Что же касается князя Михаила Глинского, то он еще юношей прибыл в Германию, проявил свою храбрость на службе у Альберта, герцога саксонского, который в то время

вел войну в Фрисландии, и, пройдя все степени воинской службы, стяжал себе славное имя. Воспитанный в обычаях немцев, у которых он вырос, он вернулся на родину и снискал себе большое влияние и почетное положение у короля Александра, так что король решал все трудные дела по его мнению и усмотрению. Случилось, что у него вышла из-за короля ссора с Иоанном Заверзинским, палатином трокским. В конце концов дело это было улажено и при жизни короля между ними все было спокойно, но по смерти короля у Иоанна все еще оставалась затаенная в глубине души ненависть, так как вследствие этого он лишен был палатината. Тогда некие завистники обнесли пред наследовавшим Александру королем Сигизмундом как самого Глинского, так и его приверженцев и друзей в преступном намерении присвоить власть и назвали его изменником отечества. Не вынося такой обиды, князь Михаил часто обращался к королю с просьбой разобрать дело между ним и обвинителем Заверзинским на общем суде, который, по его словам, мог снять с него столь тяжкое преступление. Так как король не уважил его просьбы, то Глинский отправился в Венгрию к брату короля, Владиславу. Получив от него грамоту и послов, которые советовали королю разобрать дело Глинского, и испробовав все средства, Михаил все же не мог добиться у короля разбора своего дела. Возмущенный этим, он сказал королю, что предпримет такой поступок, который со временем причинит скорбь как лично ему, так и самому королю. А когда он в гневе вернулся домой, то послал одного из своих приближенных, верного ему человека, с письмом и поручением к государю московскому. Он писал, что если государь нарочитой грамотой, с присоединением клятвы, обещает ему, что он будет жить в Московии в полной безопасности и свободе, и если это доставит ему выгоду и почет у государя, то он желает передаться ему с крепостями, которыми он владеет в Литве, и другими, которые он займет силою или посредством сдачи. Московский владыка, достаточно знавший доблесть и искусство этого мужа, чрезвычайно обрадовался такому известию и ответил, что он исполнит все, что Михаил просил у него, т. е. даст ему, как тот желал, грамоту с присоединением клятвы. Устроив таким образом по своему желанию дела с московским владыкою, Михаил, пылая жаждой мщения, со всею силою устремляется против Иоанна Заверзинского, находившегося тогда в своем имении около Гродно (в этом имении мне впо-

следствии пришлось раз переночевать). Расположив кругом дома военные караулы, он послал в дом убийцу, одного магометанина, который нападает на спящего Заверзинского в его постели и отрубает ему голову. Покончив с этим, Михаил двинулся с войсками к крепости Минску и пытался занять его силою или путем сдачи, но, обманувшись относительно занятия Минска, он напал затем на другие крепости и города. Меж тем, узнав, что на него идут войска короля, и понимая, что его силы далеко не равны им, он оставил осаду крепостей и направился в Москву, где с почетом принят был государем, ибо тот знал, что в Литве нет равного Глинскому. Поэтому московский государь возымел полную надежду, что он может занять всю Литву, пользуясь советом, содействием и искусством Михаила, и эта надежда его была не совсем обманчива. Сообщив Глинскому свои планы, он снова осадил Смоленск, знаменитого княжества Литовского, и взял его гораздо скорее при помощи искусства этого мужа, чем своею силою. Ибо присутствие одного Михаила отняло у воинов, которые служили для обороны крепости, всякую надежду защитить город, и он и страхом, и обещаниями склонил их сдать крепость. Михаил добивался этого с тем большей смелостью и усердием, что Василий обещал ему, что если Михаилу удастся какой бы то ни было уловкою овладеть Смоленском, то он уступит ему навсегда крепость с прилегающею областью. Но впоследствии он не исполнил этих обещаний, а только, когда Михаил напоминал ему об условии, ласкал его пустою надеждою и обманывал. Михаил был сильно оскорблен этим. Так как из сердца его еще не изгладилось воспоминание с короле Сигизмунде и он надеялся, что может легко добиться его милости при содействии друзей, которых он имел в то время при его дворе, то он посылает к королю одного верного ему человеку и обещает вернуться, если тот отпустит ему все слишком тяжкие его прегрешения. Это посольство было приятно королю, и он тотчас поручил дать вестнику просимую охранную грамоту. Но Михаил не вполне доверял королевской грамоте, а потому, желая вернуться с тем большею безопасностью, он потребовал подобных же грамот и получил их от немецких рыцарей, Георгия Писбека и Иоанна фон Рехенберга, про которых он знал, что они пользуются у короля таким влиянием и состоят столь близкими к нему советниками, что могут принудить короля к исполнению обещания даже против его воли. Но посланный по этому делу наткнулся на московитскую стражу и

был взят в плен. Дело открылось и быстро сообщено было государю; по приказу государя Михаил был схвачен. В то же время один молодой польский дворянин из семейства Трепков был отправлен королем Сигизмундом к Михаилу в Москву. Желая удачнее исполнить королевские поручения, он притворялся перебежчиком. Но и его участь была не лучше: он также был схвачен москвитями. И хотя он выдавал себя за перебежчика, ему не было оказано доверия, но он до такой степени хранил вверенную ему тайну, что не выдал ее, несмотря даже на тяжкие мучения. Когда схваченный Михаил приведен был в Смоленск пред лицо государя, тот сказал ему: «Вероломный, я учиню тебе достойное наказание по заслугам». Михаил ответил на это: «Не признаю взводимого тобой на меня обвинения в вероломстве, ибо если бы ты остался верен своим обещаниям, то имел бы во мне самого верного из всех слугителя. Но раз ты ни во что не ставишь свои обещания, а кроме того, я вижу, что ты надо мною насмехаешься, то мне особенно тяжело, что я не мог исполнить того, что замыслил против тебя. Смерть я всегда презирал и охотно встречу ее хотя бы по той причине, чтобы не видеть более твоего лица, тиран». Затем по приказу государя он выведен был в Вязьме пред огромным множеством народа. Здесь главный военачальник, бросив на глазах всех тяжелые цепи, в которые должно было заковать князя, сказал ему: «Михаил, как ты знаешь, государь оказывал тебе величайшие милости, пока ты служил верно. А когда ты захотел быть сильным изменою, то он по заслугам твоим жалует тебе этот дар». Вместе с этими словами он велел наложить на него цепи. Когда его, таким образом, заковали в цепи на глазах у толпы, он обратился к народу и сказал: «Чтобы у вас не распространялось ложной молвы о моем пленении, я разъясню в немногих словах, что я сделал и за что схвачен, дабы хоть по моему примеру вы поняли, какого имеете государя и чего каждый из вас должен или может от него ожидать». Начав так, он изложил по порядку все свое путешествие в Московию и о том, что обещал ему государь грамотой с присоединением клятвы, и как он ни в каком отношении не исполнил обещанного. А когда, продолжал Михаил, он обманулся в своих ожиданиях от государя, то хотел снова вернуться в отечество, за что и был схвачен. Раз это последнее оскорбление причинено ему не по заслугам, то он не особенно уклоняется от смерти, в особенности потому, что знает, что по общему закону природы всем одинаково надлежит

умереть. Он отличался крепким телосложением и изворотливым во всем умом, умел также подать надежный совет, был одинаково способен к серьезному делу и к шуткам и положительно был человек пригодный на всякий час. Этой изворотливостью ума он приобрел себе большое влияние и расположение у всех, особенно у немцев, где он был воспитан. В правление царя Александра он нанес сильное поражение татарам, да и никогда, после смерти Витольда, литовцы не одерживали столь славной победы над татарами. Немцы называли его на богемском наречии: «Пан Михаил». Как русский человек, он сначала следовал вере по греческому исповеданию, затем, оставив его, перешел в римское, а когда он пребывал в темнице, то, желая смягчить и укротить гнев и негодование государя, снова принял русскую веру. В нашу бытность в Московии многие выдающиеся лица, в особенности же супруга государева, которая была его племянницей, дочерью брата, хлопотали пред государем об его освобождении. Ходатайствовал за него и цесарь Максимилиан и, в первое мое посольство, посылал даже особую грамоту от своего имени к государю. Но этим не только ничего не было достигнуто, а мне тогда и был запрещен доступ к нему и даже не позволили и видеть его. Во время же другого моего посольства, когда случайно речь зашла об его освобождении, москвиты очень часто спрашивали меня, знаю ли я этого человека. Я отвечал им то, что, по моему мнению, должно было служить к его выгоде, а именно, что я когда-то слышал только его имя. И тогда Михаил был освобожден и отпущен. Женившись на его племяннице еще при жизни первой супруги, государь возлагал на него большие надежды и был уверен, что доблесть Михаила обезопасит царский престол его детям со стороны их дядей; поэтому в конце концов он назначил его в завещании опекуном над своими сыновьями. Затем, по смерти государя, Михаил неоднократно укорял его вдову в распутной жизни; за это она взвела на него обвинение в измене, и он, несчастный, умер в заключении. Немного спустя после этого и сама она, среди своих жестокостей, погибла от яда, а любовник ее, по прозвищу Овчина, как говорят, был распластан на части и изрублен.

Среди прочих княжеств Литвы Волянь имеет наиболее воинственное население.

Литва довольно лесиста; в ней имеются огромные болота и много рек; одни из них, как Буг, Припять, Тур и Березина, впадают в Борисфен с востока, другие же,

как Кронон и Нарев, текут к северу. Климат суров, животные всех пород малорослы; хлеба там изобилие, но посев редко достигает зрелости. Народ жалок и угнетен тяжелым рабством. Ибо если кто в сопровождении толпы слуг входит в жилище какого-нибудь поселянина, то ему можно безнаказанно творить что угодно, грабить и забирать необходимые для житейского употребления вещи и даже жестоко побить поселянина. Поселянам же, без подарков, прегражден доступ к господам, какое бы они ни имели до них дело. А если их и допустят, то все же отсылают к чиновникам и начальникам. И если те не получают даров, то не решат и не постановят ничего хорошего. Этот порядок существует не только для людей низкого звания, но и для дворян, если они хотят добиться чего-нибудь от вельмож. Я сам слышал от одного первостепенного чиновника при молодом короле такое выражение: «Всякое слово в Литве — золото». Они платят королю ежегодно определенную денежную подать за охранение пределов королевства. Помимо оброка, они работают на господ шесть дней в неделю; наконец, при женитьбе, при смерти жены, равно как при рождении и кончине детей, и во время исповеди они обязаны заплатить известную сумму денег приходскому священнику. Со времени Витольда вплоть до наших дней они пребывают в настолько суровом рабстве, что если кто из них будет случайно осужден на смерть, то он обязан по приказу господина казнить сам себя и собственноручно себя повесить. Если же он случайно откажется исполнить это, то его жестоко высекут, бесчеловечно истерзают и тем не менее повесят. Вследствие такой строгости, если судья или назначенный для разбора настоящего дела начальник пригрозит виновному в случае его замедления или только скажет ему: «Спеши, господин гневается», несчастный, опасаясь жесточайших ударов, оканчивает жизнь петлею. [...]

Об обычаях при приеме послов и обхождении с ними

Отправляющийся в Московию посол, приближаясь к ее границам, посылает в ближайший город вестника сообщить начальнику этого города, что вот он, посол такого-то владыки, собирается вступить в пределы государства. Вслед за тем начальник тщательно исследует не только то, каким государем отправлен посол, но и какое у него самого положение и достоинство, и точно так же,

сколько лиц его сопровождает. Разузнав это, он посылает для приема и сопровождения посла какое-нибудь лицо со свитой, причем сообразуется как с достоинством государя, отправившего посла, так и с положением самого посла. Между тем он тотчас дает также знать великому князю, откуда и от какого государя является посол. Отправленное лицо также посылает с пути вперед кого-нибудь из своей свиты, чтобы дать знать послу, что приближается большой человек для приема его в определенном месте (обозначая место). Они потому прибегают к титулу большого человека, что это определение большой прилагается ко всем более важным особам, ибо они не называют никого ни храбрым [рыцарем?], ни благородным, ни бароном, ни высокородным, ни именитым и не украшают их другими какими-либо титулами в таком роде. Но при встрече это посланное лицо не двигается с места, так что, например, в зимнее время велит даже разместить или растоптать снег там, где он остановился, чтобы посол мог проехать туда, а сам между тем не двигается с наезженной или большой дороги. Кроме того, при встрече у них обычно соблюдается и следующее: они отправляют вестника к послу внушить ему, чтобы он слез с лошади или с повозки. Если же кто-нибудь станет отговариваться или усталостью, или недомоганием, то они отвечают, что ни произносить, ни слушать слов государя нельзя иначе, как стоя. Мало того, посланное лицо тщательно остерегается, чтобы не слезть первому с лошади или с повозки, дабы не оказаться чрез это обстоятельство умаляющим достоинство своего государя. Поэтому как скоро лицо это заметит, что посол слезает с лошади, то тогда только сходит и само.

В первое мое посольство я сообщил встретившему меня пред Москвою, что я устал от дороги, и предложил ему исполнить то, что надлежало, на лошадях. Но он (приведя предшествующее основание) никоим образом не считал возможным согласиться на это. Толмачи и другие лица уже слезли, советуя и мне также слезть. Я отвечал им, что как только слезет москвит, так слезу и я. Видя, что они так высоко ценят это обстоятельство, я также не захотел и сам выдавать своего государя и умалять его значение. Но так как он отказывался слезть первым и вследствие этого высокомерия дело затянулось на некоторое время, то, желая положить этому конец, я вынул ногу из опоры стремени, как бы желая слезть. Заметив это, посланный мне навстречу тотчас слез с ло-

пади, я же медленно сошел с лошади, так что он был недоволен мною за этот обман.

Засим, приближаясь с открытою головою, он говорит: «Великого государя Василия, божиею милостию царя и государя всей Руссии, и великого князя и пр. (вычитывая главнейшие княжества), наместник и воевода такой-то области и пр., велел тебе указать. Узнав, что ты, посол такого-то государя, едешь к великому государю нашему, он послал нас тебе навстречу, чтобы мы проводили тебя к нему (повторяя титул государя и наместника). Кроме того, нам поручено спросить тебя, поздорову ли ты ехал» (ибо таково там обычное приветствие: «Поздорову ли ты ехал?»). Затем посланный протягивает послу правую руку и снова не оказывает первый почтения, если видит, что посол не обнажает головы. После этого, вероятно движимый долгом учтивости, он первым обращается к послу лично от себя, спрашивая его, поздорову ли тот ехал. Напоследок он дает знак рукою, указуя, что, мол, садись и поезжай. Когда они в конце концов сядут на лошадей или на повозки, то он останавливается на месте вместе со своими и не уступает дороги послу, но следует издалека сзади за ним, тщательно наблюдая, чтобы никто не отставал или не слишком приближался. Во время дальнейшего путешествия посла он тотчас узнает прежде всего имя посла и отдельных служителей его, равно как имена их родителей, из какой кто области родом, какой кто знает язык и какое кто занимает положение: служит ли он у какого-нибудь государя, не родственник ли он или свойственник посла и был ли он и прежде в их области. Обо всем этом в отдельности они тотчас доносят письмами великому князю. Затем, когда посол отъедет немного вперед, ему попадается человек, сообщающий, что наместник поручил ему заботиться о всем необходимом для посла.

Итак, выехав из литовского городка Дубровны, лежащего на Днепре, и сделав в тот день восемь миль, мы достигли границ Московии и переночевали под открытым небом. Мы настлали мост чрез небольшую речку, переполненную водой, рассчитывая выехать отсюда после полуночи и добраться до Смоленска. Ибо от въезда в княжество Московию, или от его рубежа, город Смоленск отстоит только на двенадцать немецких миль. Рано утром, когда мы проехали почти одну нем. милю, мы встречаем почетный прием; проехав затем едва с полмили оттуда, мы терпеливо переночевали на назна-

чейном нам месте под открытым небом. На следующий день, когда мы опять подвинулись на две мили, нам назначено было место для ночлега, где наш провожатый устроил нам обильное и великолепное угощение. На следующий день (это было вербное воскресенье), хотя мы и наказали нашим служителям нигде не останавливаться, а направляться с поклажей прямо в Смоленск, все же, проехав едва две нем. мили, мы нашли их задержанными на месте, назначенном для ночлега. Так как москвиты видели, что мы направляемся далее, то стали умолять нас, чтобы мы по крайней мере там отобедали; и их надо было послушаться. Ибо в этот день наш провожатый пригласил возвращавшихся от цесаря из Испании и ехавших вместе с нами послов своего государя, князя Ивана Посечня ярославского и секретаря [дьяка] Симеона Трофимова. Зная причину, почему нас так долго задерживали на этих пустынях (именно, они послали из Смоленска к великому князю с уведомлением о нашем приезде и ждали ответа, можно ли нас впустить в крепость или нет), я хотел испытать их мысли и отправляюсь в путь в направлении к Смоленску. Когда другие приставы заметили это, они немедленно бегут к провожатому и извещают его о нашем выезде; вслед за тем они вернулись и начинают просить нас, присоединяя к просьбам даже и угрозы, чтобы мы остались. Но пока они бегали то туда, то сюда, мы почти прибыли к третьему месту нашего ночлега, и мой пристав сказал мне: «Сигизмунд, что ты делаешь? Зачем ты подвигаешься вперед в чужих владениях по своему усмотрению и вопреки распоряжению государя?» Я отвечал ему: «Я не привык жить в лесах наподобие зверей, но под крышей и среди людей. Послы вашего государя проезжали через царство моего государя по своему усмотрению, и их провожали через большие и малые города и селения. Это же самое да будет позволено и мне. Ибо на то нет поручения вашего государя, да я и не вижу причины и необходимости такого промедления». После этого они сказали, что свернут немного в сторону, ссылаясь на то, что уже надвигается ночь и, кроме того, отнюдь не приличествует поздно въезжать в крепость. Но мы, оспаривая выставленные ими доводы, направились прямо к Смоленску, где нас приняли вдали от крепости и в таких тесных хижинах, что мы не могли ввести лошадей, не выломав предварительно дверей. На следующий день мы снова переправились через Борисфен и ночевали у реки почти напротив крепости. Наконец наместник принимает

нас через своих людей и в знак уважения присылает почти пять сортов напитков, именно: мальвазию и греческое вино, остальное были различные меда, точно так же хлеб и некоторые кушанья. Мы оставались в Смоленске десять дней, ожидая ответа великого князя. Затем от великого князя приехали два дворянина, чтобы иметь о нас попечение и проводить нас в Москву. Нарядившись в соответствующее платье, они вошли в жилища каждого из нас обонх, причем отнюдь не обнажали головы, полагая, что мы должны сделать это первые, но мы оставили это без внимания. Впоследствии, когда той и другой стороне надлежало изложить и выслушать поручение государя, то, при произнесении имени государя, мы оказали этот почет. Как нас задерживали в разных местах и мы прибыли в Смоленск позже обыкновенного, так и здесь нас задержали долее, чем следовало бы. А чтобы мы не обижались очень сильно на слишком долгое промедление и чтобы показать, что и они до известной степени не относятся пренебрежительно к нашему желанию ехать, они неоднократно являлись к нам со словами: «Завтра рано утром мы выедем». Сообразно с этим, мы ранним утром приготавливали лошадей и, снарядившись сами, ждали их целый день. Наконец вечером они являются с известной степенью торжественности и отвечают, что в этот день они никак не могли справиться. Впрочем, при этом они снова обещают пуститься в путь завтра ранним утром; но и на этот раз они отложили отъезд, ибо мы выехали только на третий день спустя, около полудня, и весь тот день постились. И на следующий день они назначили путь длиннее того, чем куда могли добраться наши повозки. Тем временем зимние снега стаяли, и все реки изобиловали множеством воды. Далее и ручейки, не сдерживаемые никакими берегами, катили огромное количество воды, так что через них нельзя было переправляться безопасно и без великих трудностей, ибо мосты, сделанные за час, за два или за три раньше, уплывали от разлива вод. Поэтому царский посол, граф Леонард фон Нугарола, чуть было не утонул на второй день после выезда из Смоленска. Именно, когда я стоял на мосту, вот-вот готовом уплыть, и заботился о переправе поклажи, лошадь под графом упала и оставила его на берегу, которого не было видно. Два пристава, находившиеся тогда очень близко к графу, не шевельнули даже и ногой для того, чтобы подать ему помощь, так что, если бы другие не прибежали издалека и не подали ему помощи, он непременно дол-

жен был бы погибнуть. В тот день мы добрались до одного моста, чрез который граф и его приближенные переправились с величайшею опасностью. Зная, что повозки не последуют за нами, я остался по сю сторону моста и вошел в дом одного поселянина. Видя, что пристав слишком нерадиво заботится о нашем пропитании, так как, по его словам, он отправил съестные припасы вперед, я сам стал добывать у хозяйки пищи, которую она охотно давала мне и за надлежащую цену. Как только пристав узнал про это, он тотчас запретил женщине продавать мне что бы то ни было. Заметив это, я позвал его гонца и поручил ему передать приставу, чтобы тот или сам заблаговременно заботился о пропитании, или предоставлял мне возможность покупать его; если же он не станет этого делать, то я собираюсь разmozжить ему голову. «Я знаю,— прибавил я,— ваш обычай: вы набираете много по повелению государя, и притом на наше имя, а нам этого, однако, не даете. Сверх того, вы не позволяете нам жить на свои средства». Я пригрозил сказать об этом государю. Этими словами я убавил ему спеси, так что впоследствии он не только остерегался меня, но даже до известной степени стал благоговеть предо мною. Затем мы прибыли к слиянию рек Вопи и Борисфена и там, на Борисфене, нагрузили на суда нашу поклажу, которую повезли вверх по реке до Можайска, а мы, переправившись через Борисфен, ночевали в одном монастыре. На следующий день наши лошади принуждены были не без опасности переплыть, на расстоянии нем. полумили, три разлившиеся реки и еще очень много ручейков. Мы объехали эти реки по Борисфену, причем нас вез на рыбацких лодках один монах, и наконец XXVI апреля достигли Москвы. Когда мы находились в расстоянии полумили от нее, к нам навстречу выехал, спеша и обливаясь потом, тот старый секретарь, который был послом в Испаниях, с извещением, что его государь посылает нам навстречу больших людей — при этом он назвал их по имени, — дабы они ожидали и приняли нас. К этому он прибавил, что при встрече с ними нам подобает слезть с коней и стоя выслушать слова государя. Затем, подав друг другу руки, мы стали разговаривать. Когда я между прочим спросил его о причине столь обильного пота, он тотчас ответил мне громким голосом: «Сигизмунд, у нашего государя иной обычай службы, чем у твоего». Когда мы подвигались таким образом вперед, то увидели лиц, стоящих длинным рядом, словно какое-нибудь войско. Тотчас при

нашем приближении они слезли с лошадей, что сделали в свою очередь и мы сами. При самой встрече один из них повел речь, начав ее так: «Великий государь Василий, божиею милостью царь и государь всея Руссии и пр. (вычитывая весь титул), узнал, что прибыли вы, послы брата его Карла, избранного римск[ого] имп[ератора] и наивысшего короля, и брата его Фердинанда, послал нас, советников своих, и препоручил нам спросить у вас, как здоров брат его Карл, римск[ий] имп[ератор] и наивысший король». После этого подобным же образом спросил он о Фердинанде. Второй сказал графу: «Граф Леонард, великий государь (перечисляя весь титул) препоручил мне выехать тебе навстречу, проводить тебя до самой гостиницы и заботиться о всем для тебя необходимом». Третий сказал то же самое мне. Когда это было сказано и выслушано с той и другой стороны с открытой головою, первый снова сказал: «Великий государь (вычитывая титул) повелел спросить у тебя, граф Леонард, поздорову ли ты ехал». То же самое было сказано и мне. Согласно их обычаю, мы отвечали им: «Да пошлет бог здоровья великому государю. По благодати же божией и милости великого князя мы ехали поздорову». То же лицо снова сказало следующее: «Великий князь и пр. (всякий раз повторяя титул) послал тебе, Леонард, иноходца с седлом, а также и другого коня из своей конюшни». Это же самое было сказано и мне. Когда мы воздали за это благодарность, они подают нам руки, и тот и другой спрашивают по порядку того и другого из нас, поздорову ли мы ехали. Наконец они сказали, что нам подобает почтить их государя и сесть на подаренных коней, что мы и сделали. Переправившись через реку Москву и отправив вперед всех других, мы следуем за ними. На берегу находится монастырь; отсюда по равнине и посреди куч народа, сбегавшихся со всех сторон, проводили нас в город и затем даже в самые назначенные нам жилища, расположенные напротив одно от другого. Эти дома не имели никаких других жильцов, ни утвари. Но каждый пристав объявлял своему послу, что он вместе с теми приставами, которые прибыли с нами из Смоленска, имеет от государя распоряжение заботиться о всем для нас необходимом. Они приставили также к нам писаря, говоря, что он назначен для того, чтобы ежедневно доставлять нам пищу и другое необходимое. Наконец, они советуют нам, чтобы если мы в чем-либо будем нуждаться, то им на то указывали. После этого они каждый почти день наве-

шали нас, всегда осведомляясь о наших нехватках. Способ содержания послов у них назначен различный: один для германцев, другой для литовцев и третий для других стран. Я хочу сказать, что назначенные пристава имеют определенное и притом предписанное свыше количество, в каком выдавать хлеб, напитки, мясо, овес, сено и все остальные предметы, по числу отдельных лиц. Они знают, сколько должны они выдавать на каждый день поленьев дроз для кухни и для топки бани, сколько соли, перцу, масла, луку и других самых ничтожных предметов. Тот же самый порядок соблюдают пристава, провожающие послов в Москву и из Москвы. Но хотя они обычно доставляли достаточно и даже с избытком как пищи, так и питья, однако почти все, чего мы просили сверх того, они давали в обмен на прежде данное. Они всегда приносили напитки пяти родов: три рода меду и два рода пива. Иногда я посылал на рынок купить некоторые предметы на свои деньги, преимущественно же живую рыбу. Они оскорблялись на это, говоря, что чрез это их государю причиняется великая обида. Я указывал также пристава, что хочу позаботиться о кроватях для дворян, которых было со мною пятеро. Но он тотчас стал отвечать, что у них нет обычая доставлять кому-либо кровати. Я ответил ему, что я не прошу, а хочу купить, и потому сообщаю ему, чтобы он не гневался потом, как раньше. Вернувшись на следующий день, он сказал мне: «Я докладывал советникам моего государя, о чем мы вчера говорили. Они препоручили мне сказать тебе, чтобы ты не тратил денег на кровати, ибо они обещают содержать вас точно так же, как вы содержали наших людей в ваших странах». Отдохнув два дня в гостинице, мы спросили у наших приставов, в какой день угодно государю принять и выслушать нас. «Когда пожелаете,— отвечают они,— мы доложим советникам государя». Мы вскоре попросили об этом. Нам был назначен срок, но переложен на другой день. Накануне же этого дня явился сам пристав, говоря: «Советники нашего государя поручили мне известить тебя, что ты завтра отправишься к нашему государю». Всякий раз, как они звали нас, у них постоянно были с собою толмачи. В тот же вечер возвращается толмач и говорит: «Приготовься, так как ты будешь позван пред очи государевы». Точно так же он возвращается и ранним утром, снова напоминая: «Сегодня ты будешь пред очами государя». Потом, по прошествии едва одной четверти часа, являются равным образом приставы каж-

дого из нас со словами: «Вот-вот сейчас явятся за вами большие люди, и потому вам надлежит собраться в один и тот же дом». Итак, когда я пришел к цесарскому послу, тотчас прилетает толмач и говорит, что теперь близко большие люди, и притом именитые мужи государевы, которые должны сопровождать нас во дворец. Это был некий князь Василий Ярославский, соединенный узами кровного родства с великим князем, а другой — один из тех, которые принимали нас от имени государя; их сопровождало очень много дворян. Между тем наши приставы внушали нам оказать почет тем большим людям и пойти им навстречу. Мы отвечали им, что знаем лежащие на нас должные обязанности и поступим сообразно с ними. Когда они уже слезли с лошадей и входили в гостиницу, где остановился граф, приставы неоднократно настаивали выйти им навстречу и до известной степени предпочесть, в оказании почета, их государя нашим владыкам. Мы же тем временем, пока они поднимались, выдумывали то одну задержку, то другую и, замедлив таким образом встречу, вышли к ним как раз на средних ступенях. Мы хотели проводить их в свое помещение, чтобы они несколько отдохнули, но они отказались это сделать. При этом князь сам сказал: «Великий государь (вычитывая титул полностью) повелел вам явиться к нему». Бслед за тем мы сели на лошадей и двинулись в сопровождении большой толпы; около крепости мы встретили такие огромные толпы народа, что едва с великими трудами и стараниями телохранителей могли пробраться сквозь них. Ибо у московитов существует такое обыкновение: всякий раз, как надо провожать во дворец именитых послов иностранных государей и королей, по приказу государеву созывают из окрестных и соседних областей низшие чины дворян, служилых людей и воннов, запирают к тому времени в городе все лавки и мастерские, прогоняют с рынка продавцов и покупателей, и, наконец, сюда же отовсюду собираются граждане. Это делается для того, чтобы через это столь неизмеримое количество народа и толпу подданных выказать иностранцам могущество государя, а чрез столь важные посольства иностранных государей явить всем его величие. При въезде в крепость мы видели расставленных в различных местах или участках людей различного звания. Возле ворот стояли граждане, а солдаты и служилые люди занимали площадь; они сопровождали нас пешком, шли впереди и, остановившись, препятствовали нам добраться до дворцовых ступеней и там слезть с коней, ибо сойти с

коня вблизи ступеней не дозволяется никому, кроме государя. Это делается также потому, чтобы казалось, что государю оказано более почета. Как только мы поднялись на средину ступеней, встречают нас некоторые советники государевы, подают нам руку, целуются с нами и ведут дальше. Затем, когда мы поднялись по ступеням, встречают нас другие, более важные советники и, когда первые удалились (ибо у них существует обычай, чтобы первые уступали следующим и всем ближайшим по порядку и оставались на своем месте, как в назначенном им отделении), подают нам в знак приветствия правую руку. Затем при входе во дворец, где стояли кругом низшие чины дворян, нас равным образом встречают самые первые советники и приветствуют вышеуказанным способом и порядком. Наконец нас проводили в другую палату, обставленную кругом князьями и другими более благородными, из разряда и числа которых выбираются советники, а оттуда к покою государя (перед которым стояли благородные, несущие ежедневную службу при государе); при нашем прохождении решительно никто из стоявших кругом не оказал нам даже самого ничтожного почета. Мало того, если мы, проходя мимо, случайно приветствовали кого-нибудь, близко нам известного, или заговаривали с ним, то он не только ничего не отвечал нам, но вел себя вообще так, как если бы он нигде не знал никого из нас и не получал от нас приветствия. И только тогда, когда мы входили к государю, советники вставали перед нами (если тут случайно присутствуют братья государевы, то они не встают, но все же сидят с непокрытой головою). И один из самых первых советников, обратившись к государю, произнес по своему обычаю, без просьбы, от нашего имени, следующие слова: «Великий государь, граф Леонард бьет челом», и снова: «Великий государь, граф Леонард бьет челом на великой твоей милости». Точно так же и о Сигизмунде. Первое значит, что он как бы кланяется или выражает почтение, второе — что он приносит благодарность за полученную милость. Ибо бить челом они принимают в качестве приветствия, принесения благодарности и другого тому подобного. Именно всякий раз, как кто-нибудь просит чего-нибудь или приносит благодарность, он обычно наклоняет голову; если он старается сделать это усерднее, то он в таком случае опускается так низко, что касается рукою земли. Если они хотят воздать благодарность великому князю за какое-нибудь очень важное дело и попросить чего-нибудь у него же, то кланяются и опускаются до такой степе-

пени, что касаются челом земли. Государь сидел с непокрытой головою на более возвышенном и почетном месте у стены, блиставшей изображением какого-то святого, и имел справа от себя на скамейке шапку — колпак, а слева палку с крестом — посох и таз с двумя рукомяниками, поверх которых, кроме того, было положено полотенце. Говорят, что, протягивая руку послу римской веры, государь считает, что протягивает ее человеку оскверненному и нечистому, а потому, отпустив его, тотчас моет руки. Там стояла также, против государя, но на низшем месте, скамья, приготовленная для послов. Государь, когда ему оказан был предварительно почет (как уже сказано выше), сам пригласил нас туда мановением и словом, указуя рукой на скамью. Когда мы с того места по чину приветствовали государя, то при этом находился толмач, который передавал нашу речь слово в слово. Услышав же между прочим имя Карла и Фердинанда, государь вставал и сходил со скамеечки, а выслушав приветствие до самого конца, он спросил: «Брат наш Карл, избранный римск[ий] имп[ератор] и наивысший король, здоров ли?» Пока граф отвечал: «Здоров», государь меж тем взошел на скамеечку и сел. Это же самое, по окончании моего приветствия, спрашивал он у меня про Фердинанда. Затем он подзывал по порядку того и другого из нас к себе и говорил: «Дай мне руку». Взяв ее, он прибавлял: «Поздорову ли ты ехал?» На это тот и другой из нас, согласно их обычаю, отвечали: «Дай бог тебе здравия на многие лета. Я же по благости божией и твоей милости здоров». После этого он повелел нам сесть. Мы же, прежде чем сделать это, согласно с их обыкновением, воздали наклонением головы на обе стороны благодарности прежде всего государю, а затем советникам и князьям, которые стояли ради оказания нам почета. Кроме того, послы других государей, в особенности те, которые присылаются из Литвы, Ливонии, Швеции и пр., будучи допущены пред очи государевы, обычно, вместе со своими провожатыми и служителями, подносят каждый особые дары.

При поднесении даров соблюдается такой обычай. Вслед за выслушанием и изложением цели посольства тот советник, который ввел послов к государю, встает и ясным и громким, слышным всем голосом говорит так: «Великий государь, такой-то посол бьет челом таким-то даром», и это же самое повторяет он о втором и третьем [лицах посольства]. Затем таким же образом произносит он имена и дары отдельных дворян и служителей. Нако-

нец рядом с ними становится секретарь, который также указывает имена и дары как послов, так и каждого по порядку из приносящих. Сами же они называют подобные дары поминками, т. е. как бы некий знак памяти. Они напоминали про дары и нашим людям, но мы ответили, что это не согласно с нашим обычаем. Но возвращаюсь к предмету изложения.

После изложения приветствий, когда мы на короткое время присели, государь пригласил того и другого из нас по порядку в следующих словах: «Ты отобедасшь со мною». Позволю себе прибавить, что в первое мое посольство, согласно их обыкновению, он пригласил меня следующим образом: «Сигизмунд, ты откушаешь с нами нашего хлеба-соли». Вслед за тем; подозвав к себе наших приставов, он сказал им что-то тихим голосом, и толмачи, получив, в свою очередь, указание от приставов, говорят: «Вставайте, пойдем в другой покой». Пока мы там излагали некоторым назначенным государем советникам и секретарям остальные поручения, лежавшие на нашем посольстве, тем временем приготавливали столы. Затем, когда приготовления к обеду были закончены и государь, его братья и советники уже сели, нас провели в столовую, и тотчас советники и все прочие встали перед нами по чину; зная их обычай, мы, прежде чем они сели, в свою очередь воздали им благодарность, наклоняя голову во все стороны, а затем заняли место за столом, которое указал нам рукою сам государь. Столы же были расставлены в столовой кругом и кольцом. Посредине комнаты стояла горка, сплошь заставленная различными золотыми и серебряными кубками. На столе, за которым сидел государь, с той и другой стороны оставлено было столько расстояния, сколько пространства мог бы он захватить, если бы протянул руки. Ниже этого сидят братья государевы, если они случайно присутствуют: по правую руку старший, по левую младший. Затем в несколько превышавшем обычное расстояние за братом сидели старейшие князья и советники, причем соблюдались их чины и степени милости, которой каждый пользовался у государя. Против государя, за другим столом, сидели мы, а затем, отделенные от нас небольшим промежутком, наши близкие и служители. Против них на другой стороне сидели по чину те, кто провожал нас из гостиницы во дворец. За задними же взаимно противоположными столами сидели те, кого государь пригласил в знак особой милости; к ним присоединяются иногда служилые люди. На столах расставлены были небольшие сосуды, одни из

которых были наполнены уксусом, другие перцем, третьи солью; каждый из них был расставлен и размещен вдоль стола с таким расчетом, что всегда четыре по числу гостей имели для себя по одному из трех этих сосудов. Затем вошли разносители кушаний (стольники?), наряженные в блестящее платье, и, обойдя кругом горки и не оказывая никакого почета, остановились против государя, пока все приглашенные гости не сели и стольникам не было приказано принести кушанья. Меж тем, когда все сели, государь позвал одного из своих служителей и дал ему два длинных ломтя хлеба со словами: «Дай графу Леонарду и Сигизмунду этот хлеб». Служитель, взяв с собою толмача, по порядку поднес этот хлеб тому и другому из нас с такими словами: «Граф Леонард, великий государь Василий, божиею милостию царь и государь всея России и великий князь, являет тебе свою милость и посылает тебе хлеб со своего стола». Толмач отчетливым голосом переводил эти слова. Мы стоя слушали милость государеву. Ради нашего почета встали и другие, кроме братьев государевых. Но за подобную милость и почет не надо никакого другого ответа, кроме того, чтобы принять предложенный хлеб, положить его на стол и воздать благодарность государю наклоением головы, а затем точно так же и остальным — советникам его, — поводя кругом во все стороны головою и наклоняя ее. Этим самым хлебом государь выражает свою милость кому-нибудь, а солью любовь. И он не может оказать кому-либо высшего почета на своем пиру, как посылая кому-либо соль со своего стола. [...] Наконец стольники вышли за кушаньем, не оказав снова почета государю, и принесли водку, которую они всегда пьют в начале обеда, а затем жареных лебедей, которых они обычно почти всегда, когда им не запрещено вкушать мяса, подают гостям в качестве первого блюда. Трех из этих лебедей, поставленных пред государем, он прокалывал ножиком, исследуя, который из них лучше и должен быть предпочтен другим; тотчас за тем он велел их унести. Немедленно все вышли в таком же порядке, в каком вошли, и положили разрезанных и разделенных на части лебедей на меньшие блюда, по четыре отдельных куска на каждое. Войдя, они поставили пред государем пять блюд, остальные они распределили по чину между его братьями, советниками, послами и другими. При государе стоит одно лицо, которое подает ему чашу; через него также государь посылает отдельным лицам хлеб и другие кушанья. Государь обыкновенно дает отведать предварительно ча-

стицу разносителю кушаний, затем отрезает с различных сторон и кушает, после чего он посылает брату или какому-нибудь советнику или послам одно блюдо, от которого кушал сам. Послам подобные яства посылаются всегда с гораздо большею торжественностью, как это сказано о хлебе; при получении их падлежит встать не только тому, кому они посылаются, но и каждому из остальных, так что, при неоднократном оказании государевой милости, иной может немало утомиться от вставания, стояния, принесения благодарности и частого наклона головы во все стороны. В первое посольство, когда я нес звание посла цесаря Максимилиана и был приглашен на пиршество, я несколько раз вставал в знак уважения к братьям государевым, но, видя, что они со своей стороны не выражали мне никакой благодарности и ничем мне взаимно не отплачивали, я затем, всякий раз как замечал, что им назначается милость от государя, тотчас заводил разговор с кем-нибудь, притворяясь, будто я ничего не вижу; и хотя некоторые из сидевших напротив кивали мне и звали меня при вставании братьев государевых, я все же до такой степени притворялся ничего не видящим, что едва только после третьего напоминания спрашивал у них, чего они от меня хотят. А когда они отвечали, что братья государевы стоят, то, прежде чем я успевал осмотреться и встать, обряды почти уже оканчивались. Затем, когда я несколько раз вставал позже, чем следовало бы, и тотчас садился снова, а сидевшие напротив начинали над этим смеяться, то я, как бы занятый другим делом, начинал спрашивать их, чему они смеялись. Но когда никто не хотел мне открывать причины, то в конце концов, как бы догадавшись о причине и приняв важный вид, я говорил: «Я присутствую здесь не как частное лицо, и, во всяком случае, если кто пренебрегает моим господином, то и я тем буду пренебрегать». Кроме того, если государь посылал кушанье кому-нибудь из младших, то я, даже и предупрежденный, чтобы не вставать, отвечал: «Кто чтит моего государя, того и я буду чтить». Когда мы начали затем есть жареных лебедей, то они прибавляли к ним уксуса, присоединяя к нему соль и перец; это употребляют они в качестве подливки или приправы. Кроме того, кислое молоко, поставленное для того же употребления, точно так же соленые огурцы и, кроме них, сливы, приготовленные таким же способом, во время обеда не снимаются со стола. Тот же самый порядок наблюдается и при принесении других кушаний, за исключением того, что они не выносятся обратно, как

жаркое. Подают разные напитки: мальвазию, греческое вино и также разные меды. Государь вообще велит подавать себе чашу один или два раза и, когда пьет из нее, подзывает к себе по порядку послов, [говоря]: «Леонард, Сигизмунд, ты прибыл от великого государя к великому государю, сделал большой путь; и после того как ты видел нашу милость и наши ясные очи, добро тебе будет. Пей и выпивай и ешь хорошенько до сытности, а потом отдохнешь, чтобы ты мог наконец вернуться к своему государю». Все в отдельности сосуды, в которых мы видели поданными кушанья, напитки, уксус, перец, соль и другое, по их словам, сделаны из чистого золота, и, судя по весу, это казалось истинным. Есть четыре лица, каждое из которых стоит с одной из сторон горки и держит по одной чаше. Из них обычно пьет государь и очень часто обращается к послам, внушая им, чтобы они ели. Иногда даже он спрашивает у них что-нибудь, выказывая себя очень вежливым и обходительным. Между прочим он спрашивал меня, брил ли я бороду, что выражается одним только словом, а именно «брил». Когда я сознался в этом, он сказал: «И это по-нашему», т. е. как бы желая сказать: «И мы брили». Именно, когда он женился на другой жене, то сбрил всю бороду, чего, как они утверждали, не делал никогда ни один государь. Раньше прислужники за столом одевались в далматикки наподобие левитов, прислуживающих при богослужении, но только были подпоясаны; ныне же они имеют различные платья, называемые терлик⁴⁷, тяжелые от драгоценных камней и жемчугов. Государь обедает иногда три или четыре часа. В первое мое посольство мы обедали даже вплоть до первого часа ночи. Ибо, как на совещания о сомнительных делах они тратят часто целый день и расходятся только тогда, когда зрело обсудят и решат дело, точно так же и на пиршества или попойки они употребляют иногда целый день и наконец расходятся только с наступлением тьмы. Государь часто чтит пирующих и кушаньями, и напитком. После обеда он не занимается никакими более важными делами; мало того, по окончании обеда он обычно говорит послам: «Теперь ступайте!» После отпуска послов, те самые, которые сопровождали их во дворец, снова отводят их обратно в гостиницы, говоря, что они имеют поручение остаться там и повеселить послов. Приносят серебряные чаши и много сосудов, каждый с определенным напитком, и все стараются о том, чтобы сделать послов пьяными. А они прекрасно умеют приглашать людей к попойке, и, когда у них нет другого пово-

да к выпивке, они начинают наконец пить за здоровье цесаря, брата его, государя и напоследок за благополучие тех, кто, по их мнению, обладает каким-нибудь достоинством и почетом. [...] В первое посольство, когда по окончании дел государь отпускал меня, после обеда, на который я был позван (ибо у них в обычае угощать обедом как отъезжающих, так и прибывающих послов), он встал и, стоя у стола, велел подать себе чашу со словами: «Сигизмунд, я хочу выпить эту чашу в знак любви, которую питаю к брату нашему Максимилиану, избранному римскому императору и наивысшему королю, и за его здоровье; ее выпьешь и ты, и все другие по порядку, чтобы ты видел нашу любовь к брату нашему Максимилиану и пр. и изложил ему, что ты видел». Затем он подает мне чашу и говорит: «Выпей за здоровье брата нашего Максимилиана, избр[анного] римск[ого] императора и наивысшего короля». Он подавал ее и всем другим участникам обеда или стоявшим там по какому-либо иному случаю и каждому говорил те же самые слова. Получив чаши, мы отступали немного назад и, преклонив голову пред государем, выпивали. По окончании этого он призывает меня к себе, протягивает руку и говорит: «Теперь ступай». Кроме того, у государя есть обыкновение, по рассмотрении и решении некоторой части дел с послами, приглашать их на охоту и забаву. Вблизи Москвы есть место, поросшее кустарниками и очень удобное для зайцев; в нем, как будто в заячьем питомнике, разводится великое множество зайцев, причем, под страхом величайшего наказания, никто не дерзает их ловить, а также рубить там кустарники. Огромное количество зайцев разводит государь также в звериных загонах и других местах. И всякий раз, как он пожелает насладиться такой забавой, он велит свозить зайцев из различных местностей, ибо чем больше он поймает зайцев, тем с большими, по его мнению, забавой и почетом прикончил он дело. Точно так же, когда он прибудет на поле, то отправляет за послами некоторых из своих советников вместе с некоторыми придворными или рыцарями и велит им проводить к нему послов. Когда их приведут и они станут приближаться к государю, то принуждены бывают, по внушению советников, сойти с коней и сделать к государю несколько шагов пешком. Точно таким же образом провожали на охоте к нему и нас, и он ласково принял нас, причем сидел на разукрашенном коне, одет был в блестящее одеяние, без рукавиц, но с покрытою головою. Он протянул нам голую руку и стал говорить через

толмача: «Мы выехали для своей забавы и позвали вас принять участие в нашей забаве и получить от этого какое-нибудь удовольствие. Поэтому садитесь на коней и следуйте за нами». Головным убором его служил так называемый у них колпак. Этот колпак с обеих сторон, и сзади, и спереди, имел как бы ожерелья, из которых золотые пластинки направлялись ввысь, наподобие перьев, и, сгибаясь, развевались вверх и вниз. Платье его было наподобие терлика и расшито золотыми нитями. На поясе, по обычаю их родины, висели у него два продолговатых ножа и также продолговатый кинжал; на спине под поясом он имел особый вид оружия, напоминающий древнеримский цест; этим оружием они обычно пользуются на войне. Это палка, несколько длиннее локтя, к которой прибит кожаный ремень длиною в две пяди; на краю ремня находится или железная, или медная булава, в виде какого-то обрубка. Но у государя этот обрубок был со всех сторон украшен золотом. С правого боку его ехал изгнанный казанский царь, татарин, по имени Шиг-Алей, а с левого два молодые князя. Один из них держал в правой руке секиру из слоновой кости, называемую ими топором и имеющую почти такой же вид, как изображаемый на венгерских золотых; у другого же была булава, также подобная венгерской, которую они называют шестопером, т. е. имеющею шесть перьев. Царь Шиг-Алей был опоясан двойным колчаном; в одном были спрятаны стрелы, а в другом, так сказать, заключен лук. В поле находилось более трехсот всадников. Когда мы таким образом подвигались по полю, то государь несколько раз повелевал нам останавливаться то на одном, то на другом месте и иногда ближе подъезжать к нему. Затем, когда нас препроводили на место охоты, государь обратился к нам, говоря, что всякий раз, как он находится на охоте и забаве своей, у них существует обыкновение, по которому сам он и другие знатные люди собственноручно ведут охотничьих собак; то же самое советовал он сделать и нам. Затем он приставил к каждому из нас двух людей, каждый из которых вел собаку, чтобы мы пользовались ими для своей забавы. На это мы отвечали, что с благодарностью принимаем настоящую его милость и что тот же самый обычай существует и у наших земляков. К оговорке же этой он прибег потому, что собака считается у них животным нечистым и касаться ее голой рукою позорно. Меж тем в длинном ряду стояли почти сто человек, половина которых была одета в черный, другая в желтый цвет. Невдалеке от них остановились все другие

всадники, препятствуя зайцам перебегать по той дороге и ускользать. Вначале никому не позволялось спустить охотничью собаку, кроме царя Шиг-Алея и нас. Государь первый закричал охотнику, повелевая начинать; тот немедленно самым быстрым бегом мчится на коне к прочим охотникам, число которых было велико. Вслед за тем они кричат все в один голос и спускают меделянских и ищейных собак. И подлинно, весьма приятно было слышать столько собак с их весьма разнообразным лаем. У государя имеется огромное множество собак, и притом отличных. Одни, по имени курцы, употребляются только для травли зайцев, очень красивые, с мохнатыми хвостами и ушами, вообще смелые, но непригодные к преследованию и бегу на более дальнее расстояние. Когда появляется заяц, то выпускают трех, четырех, пять или более собак, и те отовсюду нападают на него. Когда собаки схватят зайца, то охотники поднимают крик и громко рукоплещут, как если бы пойман большой зверь. Если иногда зайцы выбегают не слишком скоро, то государь обычно тотчас же зовет кого-нибудь, кого он заметит среди кустарников с зайцем в мешке, и кричит ему: «Гуй, гуй»; этим возгласом он указывает, что надлежит выпустить зайца. Поэтому иногда зайцы выходят как будто сонные и прыгают среди собак, словно козлята и ягнята среди стад. Чья собака поймает больше, тот считается в тот день как бы свершившим выдающийся воинский подвиг. Равным образом сам государь открыто приветствует посла, собака которого схватила большее количество зайцев. Наконец, по окончании охоты, все собрались и снесли вместе зайцев; затем их стали считать, а всего насчитано было около ССС. Там были тогда лошади государя, но не в очень большом количестве и недостаточно красивые. Ибо, когда я участвовал в подобной забаве в первое посольство, я видел лошадей гораздо больше и красивее, в особенности из той породы, которую мы называем турецкими, а они аргамаками. Было там также очень большое количество соколов, белого и пунцового цветов и отличавшихся своею величиною; [...] при помощи их они обычно охотятся на лебедей, журавлей и других тому подобных птиц. Кречеты, правда, птицы очень дерзкие, но они не настолько ужасны и нападают не так страшно, чтобы другие птицы, хотя бы даже и хищные, падали и издыхали при их полете или виде (как баснословил некто, писавший о двух Сарматиях). Правда, непосредственным опытом дознано, что если кто охотится с ястребом, коршуном или другими птицами из породы соколов и меж тем при-

летит кричит (полет которого они тотчас чувствуют издали), то соколы отнюдь не преследуют далее добычи, но в страхе останавливаются. Достоянные доверия и именитые мужи сообщали нам, что когда крикотов везут из тех стран, где они устраивают гнезда, то их запирают вместе иногда по III, по V или по VI в особую повозку, нарочито для того устроенную. И подаваемую им пищу эти птицы принимают, соблюдая некий определенный порядок старшинства. Неизвестно, делают ли они это на разумном основании, или в силу дарованных им природных свойств, или по каким другим соображениям. Кроме того, насколько враждебно нападают крикоты на других птиц и насколько они хищны, тем ручнее оказываются они в своей среде и отнюдь не терзают друг друга взаимными укусами. Они никогда не моются водою, подобно прочим птицам, но употребляют один только песок, при помощи которого вытряхают вшей. Холод любят до такой степени, что обычно стоят или на льду, или на камне. Но возвращаясь к начатому. С охоты государь отправился к одной деревянной башне, отстоящей от Москвы на пять тысяч шагов. Там разбиты были несколько шатров: первый, великий и обширный, наподобие дома, для государя, второй для царя Шиг-Алея, третий для нас, затем другие для других лиц и вещей. Когда нас проводили туда по чину и равным образом государь вошел в свой шатер, он переменял платье и тотчас позвал нас к себе. При нашем появлении он сидел на седалище из слоновой кости; с правой стороны его был царь Шиг-Алей, а мы сели напротив, на месте, и в другое время назначенном для послов, когда их выслушивают или ведут с ними переговоры о делах. Ниже царя сидели известные князья и советники, а с левой стороны его младшие князья, которым государь выражает особое благоволение и милость. Итак, когда все расселись по местам, нам прежде всего поставили варенья (как они называют) из кишнеца, аниса и миндалей, затем орехи, миндаль и целую пирамиду сахару; служители держали это и подавали государю, царю, и нам, преклонив колена. Равным образом по обычаю давали и напитки, и государь изъявлял свою милость (как он обычно делает это на обедах). В первое мое посольство мы на том месте и обедали. И когда среди обеда шатер случайно пошатнулся и упал на землю хлеб, который они именуют хлебом пресвятой девы и который они обычно чтут и даже вкушают как бы до известной степени священный, храня его, наконец, вообще в жилищах с почетом и на болсе возвышенном месте, то государь и все

другие были весьма сильно поражены этим случаем и стояли в ужасе. Тогда немедленно позван был священник и с величайшим тщанием и благоговением стал собирать этот хлеб из травы. По окончании небольшого угощения и после принятия напитков, которые предложил нам государь, он отпустил нас со словами: «Теперь ступайте». После отпуска нас с почетом проводили до самых наших гостиниц. Есть у государя и другой род забавы, на который (как я узнал) он обычно приглашает других послов. Откармливают медведей, посаженных в некоем весьма обширном и нарочито для того устроенном доме; в этом помещении государь, взяв с собою послов, обычно устраивает игры. У него есть несколько людей самого низкого звания, которые, по приказу и на глазах государя, приступают с деревянными вилами к медведям и вызывают их на бой. Наконец они сходятся, и если случайно раздраженные и разъяренные медведи поцарапают их, то эти люди бегут к государю с криком: «Государь, вот мы ранены!» На это государь отвечает: «Уходите, я окажу вам милость». Затем он велит лечить их и, кроме того, выдать им платья и несколько мер хлеба.

А когда надлежало уже нас отправить и отпустить, то нас, как и ранее, с почетом пригласили к обеду и проводили во дворец. Кроме того, обоим нам пожаловано было почетное платье, подбитое собольими мехами. Когда мы облеклись в него и вошли в покой государя, то маршал тотчас стал говорить по чину от имени нас обоих: «Великий государь, Леонард и [потом] Сигизмунд бьет челом на великой твоей милости», т. е. приносит благодарность за полученный дар. К почетному платью государь присоединил по два сорока собольих мехов, а горностаевых по 300 и беличьих по 1500. В первое посольство он прибавил мне повозку, или сани, с превосходной лошадей, белым медвежьим мехом и другим удобным покрывалом. Наконец, он дал мне много кусков рыб: белуги, осетра и стерляди, вяленых на воздухе, но посоленных, и отпустил меня весьма ласково. Что же касается остальных обрядов, которые применяет государь при отпуске послов, а равно и того, как принимают послов, въехавших в границы его владения, и как обращаются с ними после их отпуска, когда они снова возвращаются к границам, и как их содержат, я подробно объяснил выше при описании отпуска литовских послов.

Впрочем, так как цесарь Карл и брат его Фердинанд, эрцгерцог австрийский, послали нас для переговоров о вечном мире или по крайней мере о заключении переми-

рия между государем московским и королем польским, то я считаю нужным присоединить те обряды, которые были тогда в употреблении у государя Московии при утверждении перемирия. Итак, по заключении перемирия с королем польским Сигизмундом и по приведении договора в надлежащий вид, нас позвали во дворец государя. Нас проводили в некий покой, где находились уже литовские послы; туда являются также и советники государевы, которые заключили перемирие вместе с нами, и, обратив свою речь к литовцам, произносят слова следующего содержания: «Подлинно, государь наш, в знак особой милости и просьбы великих государей, желал заключить с королем вашим Сигизмундом вечный мир. Но раз он не может ныне состояться ни на каких условиях, то государь, по увещанию тех же государей, пожелал заключить перемирие. Для установления и законного утверждения его государь повелел позвать вас сюда и пожелал вашего здесь присутствия». Кроме того, они держали приготовленную грамоту, которую государь собирался отправить королю польскому; грамота эта снабжена была привешенной к ней печатью, небольшой и красной. На передней стороне этой печати было изображение нагого человека, сидящего на коне без седла и поражающего копьём дракона, на задней же стороне виден был двуглавый орел, обе головы которого были в венцах. Кроме того, у них была перемирная грамота, составленная по определенному чину; подобную ей и по такому же точно образцу, только с изменением имен и титулов, король в свою очередь должен был послать государю. В ней не было совершенно никаких изменений, за исключением следующей заключительной статьи, присоединенной к концу грамоты: «Мы, Петр Гиска, палатин полоцкий и воевода дрогичинский, и Михаил Богуш Богутинович, казначей великого княжества Литовского и воевода стовиненский и каменецкий, послы короля польского и великого князя литовского, свидетельствуем и от его имени даже поцеловали изображение креста и обязались, а именно в том, что и король наш подтвердит равным образом эту грамоту целованием креста; для вящей верности сего дела мы снабдили эту грамоту нашими печатями». Итак, когда мы это прослушали и увидели, нас всех вместе зовут к государю. Когда мы вошли к нему, то он тотчас повелел нам сесть на определенном месте и стал говорить в следующих словах: «Иоанн Франц, граф Леонард, Сигизмунд! Вы убеждали нас от имени папы Климента Седьмого, брата

нашего Карла и его брата Фердинанда заключить вечный мир с Сигизмундом, королем польским; но так как мы не могли никоим образом свершить его на выгодных для обеих сторон условиях, то вы просили, чтобы мы, по крайней мере, постановили перемирие. Его-то мы и свершаем и принимаем ныне по нашей любви к вашим государям; мы желаем, чтобы вы находились при том, как мы по этому поводу оказываем нашу справедливость королю и подтверждаем перемирие, дабы вы могли донести вашим государям, что вы присутствовали при свершении и уже законном скреплении перемирия, видели это и что мы сделали все это по любви к ним». По окончании этой речи он призывает советника Михаила Георгиевича и велит ему взять со стены напротив позолоченный крест, висевший на шелковом шнурке. Советник тотчас взял чистое полотенце, лежавшее на рукомойном кувшине, поставленном в тазу, достал с великим благоговением крест и держал его в правой руке. Равным образом секретарь держал обеими руками сложенные перемирные грамоты, и притом так, что грамота литовцев, подложенная под другую, выдавалась настолько, поскольку могла быть видна заключительная статья, которая содержала обязательство литовцев. Лишь только Михаил положил на эти грамоты правую руку, которой он держал крест, как государь встал и, обратя свою беседу к литовским послам, в длинной речи стал излагать им, что он не уклонялся от мира в знак особой просьбы и увещания столь великих государей, послы которых, как видят литовцы, присланы к нему с этою именно целью, если бы этот мир мог свершиться на каких-либо выгодных для него условиях; и раз он не может заключить с их королем вечного мира, то, во внимание к ходатайству присутствующих здесь послов, он, в силу грамоты (причем он указал пальцем на грамоту), заключил с ними пятилетнее перемирие. «Будем соблюдать его,— прибавил он,— пока угодно будет богу, и будем оказывать нашу справедливость брату нашему королю Сигизмунду, под тем, однако, условием, чтобы король дал нам одинаковую во всем грамоту, написанную по тому же самому образцу, и утвердил ее в присутствии наших послов, чтобы он оказал нам свою справедливость и, наконец, озаботился переслать эту грамоту к нам через наших послов. Меж тем вы также обяжетесь клятвою, что ваш король исполнит и соблюдет все это и каждое в отдельности». Потом он взирает на крест и трижды осеняет себя знамением креста, столько же раз

наклоняя голову и опуская руку почти до земли; затем подойдя ближе и шевеля губами, как будто бы он произносил молитву, он вытирает уста полотенцем [...] и, поцеловав наконец крест, прикасается к нему сперва челом, а потом тем и другим глазом. Отступив назад, он снова осеняет себя крестом, наклоняя голову. После этого он предлагал литовцам подойти и сделать то же самое. Прежде чем послы исполнили это, один из них, по имени Богуш, русский по вере, читал запись, которой они давали обязательство; запись эта была составлена и сочинена очень многословно, но не содержала, однако, ничего или очень мало сверх высказанных выше мыслей. Каждое слово Богуша повторял его товарищ Петр, который был римской веры. Равным образом толмач государя передавал то же самое слово в слово и нам. Затем, по прочтении и переводе записи, Петр и Богуш целуют по порядку тот же самый крест, причем государь стоял. По окончании этого государь стал, сидя, говорить в следующих словах: «Вы видели, что, по особой просьбе Климента, Карла и Фердинанда, мы оказали нашу справедливость брату нашему Сигизмунду, королю польскому. Итак, скажите вашим государям: ты, Иоанн Франц,— папе, ты, граф Леонард,— Карлу и ты, Сигизмунд,— Фердинанду, что мы сделали это по любви к ним и чтобы христианская кровь не проливалась во взаимных войнах». Когда он высказал это в длинной речи с прибавкой обычных титулов, то мы в свою очередь принесли ему благодарность за его особое уважение к нашим государям и обещали со тщанием исполнить его поручения. Затем он призывает к себе двух из своих главных советников и секретарей и указывает литовцам, что эти люди уже назначены послами к королю польскому. Наконец по его приказу принесено было много чаш, он собственноручно подавал их нам, литовцам и даже всем и каждому как из наших, так и из литовских дворян. Наконец, назвав поименно литовских послов, он сказал им: «Вы изложите брату нашему, королю Сигизмунду, о том, что мы ныне сделали и что вы узнали в другое время от наших советников». Сказав это, он встал и прибавил еще: «Петр и ты, Богуш, вы поклонитесь от нашего имени (при этом он слегка шевельнул головою) брату нашему Сигизмунду, королю польскому и великому князю литовскому». Вслед за тем он сел, подзвал того и другого из них и, протянув по порядку правую руку им и даже дворянам их, сказал им: «Теперь ступайте» и таким образом отпустил их. [...]

Джером
Горсей

**СОКРАЩЕННЫЙ РАССКАЗ,
ИЛИ
МЕМОРИАЛ ПУТЕШЕСТВИЙ**

*Достопочтенному сэру
и кавалеру
Фрэнсису Уолсингэму,
главному
государственному секретарю,
состоящему при особе
ее величества*

Рполне понимая и чувствуя, как велики расположение и благосклонность, с какими Вы относитесь к моим успехам и деятельности с того счастливого времени, как мой достойный друг и родственник, сэр Эдвард Горсей, впервые доставил мне знакомство с Вашей милостью, и зная Ваше благородное желание иметь полные сведения о положении и событиях чужих стран, согласно Вашему совету и прежде данным мне наставлениям, считаю долгом благодарности, с моей стороны, отдать отчет о предметах, которые могут пригодиться на занимаемом Вами месте, и обо всем, что может быть принято к сведению другими лицами, равно как и для поощрения тех, которые могут извлечь пользу из написанного здесь.

Мне казалось целесообразным в виде трактата написать обо всем виденном мною прежде всего для Вашей милости, сэр, потом для вас, мои достойные и добрые друзья, выразившие желание узнать из наблюдений моих во время путешествий, занятий и переговоров обо всем, что есть редкого и замечательного в разных странах и государствах, северных и северо-восточных частях Европы и Скифии, каковы Россия, Московия, Татария со всеми смежными с ними областями и государствами, а именно: Польшею, Литвою, Ливониею, Швециею и Даниею, лежащими между Северным океаном и Балтийским морем, а также и обо всем достойном внимания в империи и имперских пространных княжествах Верхней Германии, о пяти верхних и нижних соединенных землях, о Клеве, Вестфалии и Фрисланде, о землях Нижней Германии, обыкновенно называемых Фландриею, о Брабанте, Зеландии и Голландии, состоящей из 17 соединен-

ных провинций,—относительно их столиц, торговых городов, как приморских, так и внутренних, их промышленности, университетов и старинных памятников, климата, положения этих стран, законов, языка, религии, церковного и государственного устройства и природных свойств этих народов.

Все эти заметки я предполагаю заключить в четырех отдельных трактатах, настолько сокращенных и методически изложенных, насколько позволяют мои наблюдения и 17-летняя опытность. Побывавши и осмотрев часть Франции и Нидерландов в их цветущем состоянии, но в беспокойное военное время, я отправился в Московию¹, обыкновенно называемую Россиею. Хотя я плохой грамматик, но понимаю немного по-гречески и в короткое время, по сходству, достиг близкого знакомства с народною речью славянского языка, самого богатого и изящного в мире. С некоторыми различиями и иным произношением близко подходят к нему: польский, литовский, трансильванский и языки всех близлежащих стран; кроме того, он может служить в Турции, Персии и даже в Индии [?]. Я читал их летописи, написанные и содержимые в тайне главным сановником страны, князем Иваном Федоровичем Мстиславским², который, из расположения и благосклонности ко мне, сообщил мне много тайн, заключающихся в записках и судебных делах последних шестидесяти лет, касательно положения, природы и управления этого государства. Всем этим я воспользовался, а равно и тем, что узнал от них о происшествиях прежних лет с конца царствования Василия Андреевича³, именуемого тогда только великим князем владимирским, московским etc. [и т. д.—лат.].

О титулах я скажу в другом месте. Василий Иванович в свое время очень увеличил свое государство и владения победами над поляками, шведами и в особенности над татарами и великим Скифским Крымом, или камом (ханом), и оставил свои княжества и народ в мире и спокойствии, богатыми и сильными, возложив на своих бояр бремя управления и защиту княжеств и царств, разделенных на четыре части. Из своих двух сыновей — старшего, пятилетнего (именуемого впоследствии великим) князя, Ивана Васильевича⁴, он назначил царем и правителем государства после себя, а другого, двухлетнего,— князем области, именуемой Вагой⁵.

Великий князь всея Руси Иван Васильевич был красив собою, одарен большим умом, блестящими дарованиями, привлекательностью — одним словом, был создан

для управления такою огромною монархией. Он женился двенадцати лет⁶ на Анастасии Романовой⁷, дочери боярина знатного рода, через что Никита Романов⁸, брат ее, сильно возвысился. Государыня эта была умна и благочестива; ее добродетели и умение управлять приобрели ей любовь и почитание подданных. И так как Иван был молод и развращен, то она управляла им с удивительною ловкостью и благоразумием. Под ее влиянием, при доблестях и мужестве бояр, епископов и советников ему удалось: сбросить ярмо дани, которую его предшественники постоянно платили великому крымскому хану, покорить царство и царей Казани и Астрахани за 2700 верст от Москвы, вниз по Волге, близ Каспийского моря, победить в короткое время различных татарских владетелей с их землями и подчинить своей власти многочисленные народы. До сих пор сохранились между этими народами печальные рассказы и песни о разрушении их царств. Этой победой Иван очень усилился, приобрел большую славу и, овладев двумя различными коронами и царствами, общим советом всех своих князей, бояр, духовенства и народа был коронован и получил титул царя, великого монарха и великого князя казанского, астраханского, московского, владимирского, новгородского, русского и др. с огромным перечнем названий принадлежащих ему провинций; и эти названия, по его желанию, должны были знать и перечислять посланники всех государей, с которыми он имел сношения. Однако после того он все еще вел постоянные войны с крымскими татарами, которые крайне докучали ему и его подданным своими ежегодными вторжениями. По мере того как он мужал возрастом, возрастало величие его, умножались и увеличивались его завоевания; он отнял у польского короля знаменитые города: Полоцк, Смоленск, Дорогобуж, Вязьму и многие другие с большими богатствами и бесчисленным количеством пленных (на семьсот верст внутри пределов польских). Он овладел Белою Русью и Литвою с их цветущими торговыми городами и областями, которые приносили большие доходы, давали воск, лен, пеньку, сало, кожи, зерно и скот в изобилии; многие лица из знати и купечества, попавшие русским в плен, покупались и продавались и давали за себя большие выкупы. Эти завоевания сделали Ивана сильным, гордым, могучим, жестоким и кровжадным. Когда скончалась добрая царица Анастасия, ее причислили к святым и почитают ее в церквах до настоящего времени. Иван имел от нее двух

сыновей: Ивана и Федора⁹. После ее смерти Иван женился на одной черкесской княжне¹⁰, от которой, сколько известно, не было потомства. Празднование этой свадьбы было до того странное и отзывалось язычеством, что трудно поверить, чтобы оно совершалось в самом деле. Не стану повторять рассказа из их собственных историй; перейду к временам, мне лично известным.

Иван усилился не только завоеванием царств Казанского и Астраханского, не только пленением могучих государей и военачальников, но его второй брак доставил ему непреодолимую силу татар, отважных воинов, лучших, чем были русские. Он пользовался ими для укрощения и обуздания тех князей и бояр, которые, по его замечанию, были им недовольны и готовы были возмутиться против него за жестокую резню, мучительства, беспрестанные убийства, грабительства и смертные казни лиц благородного сословия. Не зная меры своему честолюбию, хвастаясь, наперекор всякому здравому смыслу, задуманными победами, послал он войско в сто тысяч конницы и пятьдесят тысяч пехоты, с пушками, со всею артиллериею, боевыми, съестными запасами и другими принадлежностями, против Ливонии и Швеции, лежащих на границах этой части христианского мира. Он убивал и умерщвлял мужчин, женщин и детей, попадавшихся его войску на пути между Новгородом и Псковом, двумя величайшими «торговыми» приморскими городами на востоке, образующими треугольник с Нарвою, стоящею в равном расстоянии на конце или заливе восточной части Балтийского моря, до того времени принадлежавшею Ливонии, составлявшей независимое государство. В Нарве, если не ошибаюсь, он построил крепкий замок и назвал его Ивангород, причем приказал выколоть — «высверлить» — глаза строителю за редкий способ архитектуры. Из Пскова он вступает в пределы Ливонии, посылает князя Михаила Глинского с пушками на осаду первой на пути крепости, называемой Нейгауз; овладев ею, захватывает в плен защищавших ее воинов и оставляет здесь гарнизон из 300 солдат, предоставляя им добычу и грабеж. Он осаждает и берет еще другие небольшие города и крепости по дороге к Дерпту, большому и крепкому торговому городу, осаждает и покоряет самый Дерпт; жители сдаются и выкидывают унижительный белый флаг. Четыре тысячи татар уводят в плен восемь тысяч мужчин, женщин и детей, отбирают сокровища, товары и посылают в Новгород в пользу государя. Затем он идет далее, разделив армию

на четыре полка, не встречает нигде сопротивления; назначает десять тысяч войска для охраны и перевозки артиллерии и всего остального через реки и озера, уже крепко замерзшие в то время; берет многие крепости, города и села; захватывает богатства, скот и людей по дороге к Пернау, Гапсалу, Лойелю, Вендену, Голдену (Голдинггену) и Митаве; овладевает еще и многими другими укрепленными городами при Восточном море — числом до 30 деревянных городов на двести миль в окружности. [...]

Неоценимые богатства, состоявшие в товарах, деньгах и других сокровищах, переносились и увозились в Россию из этих городов и стран и из 600 ограбленных и разрушенных церквей. Таким образом царь и его жестокие адские татары опустошили и разорили эти богатые страны и несчастный народ; они дошли наконец до столицы и главного города Ревеля, со стоящим при нем Стейкколлем, крепко построенным на высокой скалистой горе, на оконечности Балтийского моря, напротив Стокгольма в Швеции. Осадив город с двадцатью тысячами людей, Иван громил его из 20 пушек. Находившиеся тогда в нем солдаты, мужчины и женщины наполняли ночью сделанные им в стенах бреши, заливая их горячей и холодной водой, которая постоянно замерзала так плотно, что царь Иван после шестинедельной осады и 20 тысяч пушечных выстрелов имел небольшой успех и с потерей шести тысяч человек поторопился отступить, постыдно оставив осаду. Внезапная оттепель и наводнение больших тамошних рек были причиною, что Иван лишился при отступлении большей части своей артиллерии, добычи, багажа и по крайней мере 30 тысяч человек. Вне себя от ярости, взбешенный тем, что был отбит и потерял большую и лучшую часть своей армии и артиллерии, он поспешил совершить самую кровавую, жестокую резню, о какой когда-либо слышали. Царь прибыл в Нарву: ограбил и расхитил в городе все его богатства, имущества и товары, убивал и умерщвлял мужчин, женщин и детей и раздавал добычу своей татарской армии. Оттуда он отправился в Плесков, или Вобско (Псков), где он намеревался сделать то же, что и в Нарве, так как он был раздражен и верил, что эти два города с Новгородом составили заговор убить его и действовали заодно с неприятелем, чтоб уничтожить его войско, и что, вследствие их предательских действий и сношений с врагами, он был отбит от Ревеля и потерял столько людей и запасов. Но в Пскове его встретил обманщик или волшебник, ко-

тогого считали оракулом, святым человеком, — звали его Микола Свят; он осыпал Ивана смелыми проклятиями, заклинаниями, ругательствами и угрозами; называл его царем-кровопийцей, пожирателем христианского тела и клялся своим ангелом, что царь не избегнет смерти от бывшей в то время молнии, если он сам или кто-либо из его войска в гневе дотронется до головы последнего из детей в городе, охраняемом добрым ангелом господним для лучшей участи, чем расхищение, и что он должен удалиться из города прежде, чем поднимется огненное облако — божья кара, что вот уже оно висит у него над головою (а в это время была сильная, мрачная гроза). Эти слова заставили содрогнуться царя; он приказал читать молитвы о своем избавлении за жестокие помыслы. Я сам видел этого обманщика или чародея; он юродствовал, ходил нагой зимой и летом, переносил сильнейший холод и чрезмерный жар, делал разные странные вещи посредством волшебной силы дьявольского обольщения; за ним ходили следом; боялись и почитали его бояре и народ. Государь вернулся в Великий Новгород, где находились все его пленные и заключенные. Он был очень раздражен против этого города, более чем против всех других, и, в отмщение его жителям за их измену и предательство, как-то — за соумышление с недовольным дворянством, ввел в город тридцать тысяч татар и десять тысяч стрельцов своей стражи. [...] Ни у какого историка не упоминается о подобной ужасной резне. После этого погрома город был оставлен разоренным и пустым; Иван возвратился с войском и с ливонскими пленниками в Москву. На дороге приказал он своим ратным начальникам и офицерам тащить силою из городов и деревень, на расстоянии пятидесяти миль кругом, народ всякого звания: дворян, монахов, поселян старых и малых, купцов с их семьями, имуществом и скотом — и гнать сплошь на поселение в обширный и разоренный Новгород, подвергая их новому роду смерти, потому что многие из них умирали от моровой язвы, возникшей от зараженного и вредного воздуха. Но тщетно старались населить Новгород, хотя и высылали туда на жительство множество людей различного возраста из отдаленных городов и мест. Все упомянутые зверства породили такую общую ненависть, уныние и столько бедствий во всем государстве, что многие искали средств уничтожить тирана; но он всегда открывал заговоры и измену, возводил в благородное звание и оказывал покровительство всякому сброду, распущенной военщине, какую только мог

выкопать на поругание высшему дворянству. Разделив добычу, Иван разместил свои сокровища и скарб частью в Москве, частью в укрепленных и безопасных монастырях и затем проводил большую часть времени, посылая своих воинов обирать, грабить и убивать высшее дворянство и лучших из своих купцов и подданных. Ожесточил он и приучил к крови свои руки и сердце [...]. Не доверяя верности недавно покоренных татар, он разместил их гарнизонами по границам в только что завоеванных городах и замках Ливонии и Швеции. Опасаясь, кроме того, возмущения внутри государства и в особенности приближения ратной силы своего давнего врага, скифского хана (крымского царя), возбуждаемого и подстрекаемого, как ему казалось, его собственным дворянством и подданными, Иван собрал со всех своих отдаленных провинций огромное войско, составленное из поляков, шведов и своих собственных подданных, сто тысяч конницы и пятьдесят тысяч пехоты (это он делал также и для своей собственной безопасности, имея вполне основательный повод для боязни), на встречу и оборону против крымского хана, который готовился напасть на его области. В это время Иван развелся со своей женой черкешенкой ¹¹, постриг ее в монахини, отправил в монастырь и выбрал себе в жены из многих своих подданных Наталью ¹², дочь князя Федора Булгакова, главного воеводы, человека, пользовавшегося большим доверием и опытного на войне. Но вскоре этот вельможа был обезглавлен, а дочь его через год пострижена в монахини. Между тем пришло известие, что крымский хан уже вышел в поле. [...] Скифский царь, пользуясь обстоятельствами, вошел в пределы России и расположился с 200-тысячным войском одной конницы, на 50 верстах в окружности, по берегам реки Оки, став лицом к сотне тысяч храбрых воинов и начальников Ивана Васильевича, которые крепко охраняли броды, со значительной артиллерией, боевыми и съестными запасами, большим количеством людей и оружия. Обнадеженные секретным предупреждением, татары решились переплыть через рукав реки и перенравились без отпора. Царские же войска не осмелились двинуться (за нарушение наказа казнили смертью) за пределы 25-верстного пространства, указанного им для защиты от неприятеля, какие бы выгоды ни представлялись поступить иначе. Между тем неприятель, перейдя на другую сторону реки, не расположился там, но поспешил к Москве и был уже в 90 верстах от места, где царь считал себя безопасным. Но, как только

неприятель приблизился к великолепному городу Москве, русский царь бежал, в самый день Вознесения, с двумя сыновьями, сокровищами, слугами, телохранителями и 20 [тысячами] стрельцов к укрепленному монастырю Троице, в шестидесяти верстах от Москвы. Неприятель зажег высокую колокольню св. Ивана; в эту минуту поднялась ужаснейшая буря, от которой загорелись все церкви, дома и палаты в городе и предместьях; на 30 верстах в окружности, построенные большею частью из соснового и дубового леса. Все обратилось в пепел; в течение шести часов погибло несколько тысяч мужчин, женщин и детей; одни сгорели, а другие задохлись в дымном воздухе в каменных церквях, монастырях под сводами и в подвалах; очень немногие спаслись в трех обнесенных стенами крепостях и вне их. Река и рвы около Москвы наполнились множеством народа, нагруженного золотом, серебром, драгоценностями, шейными цепями, серьгами, браслетами и сокровищами, который бросался туда для спасения, высовывая только головы из воды.

Несмотря на это, несколько тысяч людей сгорело, а другие потонули, так что вода не могла течь от мертвых трупов, как ни старались ее прочистить в течение последующих двенадцати месяцев. Пережившие это бедствие москвичи и пришельцы из других городов и мест после того каждый день искали, рылись и ловили неводом кольца, драгоценности, блюда, мешки с золотом и серебром; многие этим обогатились. По городским улицам, в церквях, погребах и лавках груды валялись трупы задохшихся, так что долго спустя нельзя было проходить мимо от вредных испарений и зловония. Крымский царь со своим войском потешался зрелищем грандиозного пожара, поместившись в красивом монастыре на берегу реки, в 5 верстах расстояния от города, именуемом Симоновым; он ограбил богатства этого монастыря и тех, которые там спасались от пожара. Хотя татары лишились лучшей добычи, сгоревшей внутри города, но достигли своей цели и ушли обратно с толпою пленников, нагруженные награбленным, избегая встречи с русским войском у Серпухова. Они увернулись от него, переправясь через реку, и пошли назад прежнюю дорогою.

Русский царь бежал все дальше с двумя сыновьями и казною в значительный город, называемый Вологдою, за 500 верст от Москвы, где считал себя в большей безопасности. Постигшее его великое несчастье поразило и ужаснуло Ивана; он созвал царский совет и пригласил на него митрополитов, епископов, духовенство, князей и

важнейших из дворян. Но тотчас по уходе неприятеля царь, распустив войско, не сделавшее за него ни одного удара неприятелю, пытал, терзал и мучил многих из воевод и главных военачальников; некоторых казнил смертью, конфисковал их имущества и земли, истреблял их роды, семьи. Затем он принялся за возобновление и распланировку города Москвы: это была для него очень трудная работа, относительно которой он много совещался с приближенными.

В это время сильный враг Иванов, Чигалей Мурза [Девлет-гирей], отправил к нему посла в сопровождении многих мурз и дворян. По своему обыкновению, ехали они на породистых лошадях, одетые в овчинные кафтаны с поясами и в такие же черные шапки, с луками, стрелами и вычурными дорогами саблями на боку. Послов поместили под стражею в темных комнатах; вонючее лошадиное мясо и вода были им пищею; не давали им ни хлеба, ни пива, ни постели. Когда пришло время дать им аудиенцию, с ними дурно обошлись, обесчестили их; а они все переносили, пыхтели и выказывали презрение. Царь сидел во всем царском великолепии; перед ним было три короны; его окружали князья и бояре; он приказал снять с посла овчинное платье и шапку и надеть на него затканную золотом одежду и богатую шапку. Посол был доволен этим; его допустили к царю; но когда спутников его поставили за железную решетку, которая разделяла их от царя, то посланник пришел в ярость, заговорил диким, глухим голосом, смотрел гордо и свирепо. Четыре капитана царской стражи подвели его к царскому престолу. Посланник, безобразнейшая тварь, грубо брякнул следующую речь: «Его государь и господин Чигалей, великий государь всех государств и ханств, послал спросить своего вассала, Ивана Васильевича, по милости его великого князя всея Руси: как ему понравилось ханское нерасположение, показанное огнем, мечом и голодом? Теперь хан посылает ему следующее утешение (при этом он вынул дрянной, простой нож): пусть царь перережет себе горло!» Посла поспешно вывели из комнаты без ответа и хотели отнять у него пожалованное платье и шапку; но он и его спутники отбивались так мужественно, что не допустили до этого. Отправив послов на прежнее место, царь впал в такую тоску, что послал за своим духовником и в бешенстве рвал на себе волосы и бороду. Главный военачальник просил у его величества позволения изрубить всех татар в куски. На это царь ничего не отвечал. Продержав еще несколько вре-

мении посла, с которым обращались после этого немного лучше, Иван отправил его обратно со следующим ответом: «Скажи этому язычнику, неверному твоему господину, что не он меня поразил, а бог за грехи мои и моего народа против господина и Христа дал ему, сатанинскому отродию, власть и возможность быть орудием моего наказания; но не сомневаюсь в том, что его же милостию и благодатью отомщу ему и сделаю его своим вассалом; скажи, что я сильно желаю этого». Посол отвечал на это, что «не намерен сказывать ему такой большой услуги, выполнив для него подобное поручение». Тогда царь, немного времени спустя, отправил в Крым послом умного и благородного дворянина Афанасия Федоровича Нагого, которого там задержали; и он в течение семи лет претерпел много лишений и бед.

Царю было неприятно вернуться в Москву; но он послал за важнейшими купцами, ремесленниками и торговыми людьми из всех городов и посадов своего государства, чтобы они отстроили вновь столицу, поселились там и вели торговлю, и, сняв с них всякие налоги, освободил от пошлин, заставил семь тысяч каменщиков приняться за сооружение красной каменной стены кругом всей Москвы. Стена эта была окончена в течение четырех лет: она была выстроена крепко и красиво и снабжена хорошими медными орудиями. Иван посадил в Москве своих чиновников, судей и правителей на таких же основаниях, как и прежде; сам же он жил больше в Вологде на берегах Двины и в Александровской слободе; часто беседовал с Елисеем Бомелием, своим доктором, выписал из Англии искусных строителей, архитекторов, плотников, столяров и каменщиков, золотых дел мастеров, врачей, аптекарей и т. п. с тайною целью, которая скоро обнаружилась: он построил каменный дом для казны, большие лодки и баржи, чтобы, в крайнем случае, перевезти свои сокровища в Соловецкий монастырь на Северном море, по которому шел прямой путь в Англию. Он обирал своих купцов, выменивая их товары у иностранцев на затканную золотом одежду, талеры, жемчуг, драгоценности и т. д., которые постоянно забирал в свою казну, платя мало или совсем ничего; занимал также большие суммы у городов, посадов и монастырей, истощал их богатства большими налогами и податями для увеличения своих собственных доходов. И стал Иван всем так ненавистен и привел себя в такие отчаянные условия, что задумывал устранить беду и изменить свое положение. Чтоб уничтожить последствия

всего этого, он жертвовал собственной короной и разделил города, должности и подданных на две части: одну часть назвал опричниной, другую — земщиной. При этом он установил нового государя, именуемого Симеоном¹³, сына казанского царя; сам же отказался от царского титула и, уступив Симеону венец и всю связанную с ним власть, короновал его, но без всякого торжества и без согласия бояр; затем приказал своим подданным обращаться к нему со своими делами, просьбами и исками. Все грамоты, привилегии, указы и акты были переименованы и вновь обнародованы за подписью и печатью нового царя; во всех судах производились дела его именем, били монету, получались подати, судные пошлины и определенные доходы на содержание его дома, чиновников и слуг. Он становился ответственным за прежние долги; ему же подведомственны стали все дела, касающиеся управления казною. Симеон сидел в царственном величии, а прежний царь Иван Васильевич приходил к нему, бил челом и приказывал делать то же своим митрополитам, епископам, игуменам, боярам и должностным лицам; ему должны были представляться все посланники; некоторые, однако, отказались от этого. Симеон был женат на дочери князя Ивана Федоровича Мстиславского, царской крови. Когда дела таким образом повернулись и изменились, прежний настоящий царь не захотел признавать никаких своих прежних долгов; уставные грамоты, привилегии городам и монастырям стали недействительны. Духовенство, дворянство и купечество принуждены были просить Ивана Васильевича соблаговолить снова принять на себя корону и управление на многих условиях и засвидетельствованных постановлениях, по особому уставу, с торжественным посвящением на царство вновь. Он удовлетворился: все скольконибудь достаточные люди обязаны были поднести ему огромное количество даров и подношений, составивших при оценке значительное сокровище. Он стал свободен от всех старых долгов и каких бы то ни было обязательств. Скучно рассказывать подробности этой трагедии. Все хитрости Ивана открылись бы окончательно и он очутился бы в безвыходном положении, если бы он продолжал так делать немного долее, но, к счастью для него, он был снова облечен в прежнее достоинство.

Пожалованные привилегии, самосудные грамоты, льготы городам, монастырям, дворянам и купцам были написаны заново. Получив за них большие деньги, Иван послал татарское войско, под начальством собственных

полководцев, завоевать вновь, как он выражался, города в Ливонии, которые король Стефан недавно отнял у него, и предложил в супружество герцогу Магнусу дочь своего брата, князя Андрея¹⁴.

Иван послал за этим братом в его провинцию Вагу; он считал его своим соперником, так как сам своими тиранствами возбудил к себе ненависть подданных, а брат его, князь Андрей, приобрел их горячее расположение. Иван хорошо это видел. Когда князь Андрей явился в его присутствие и кланялся ему в ноги, то Иван поднял его и поцеловал. «О! жестокий брат! — сказал тот (как гласит история) со слезами. — Это Иудин поцелуй, ты послал за мною не на добрый конец. Делай свое!» И с этими словами ушел. На другой день он скончался и был торжественно погребен в Михайловском соборе в Москве.

Супружество Магнуса должно было иметь важные последствия по отношениям к иностранной помощи. Герцог Магнус был старший сын Христиана, герцога голштинского, рожденный прежде, чем отец его был избран королем датским. Король Фридрих родился после него. Между двумя братьями возникли вражда и несогласия. Магнус принужден был выменять у Фридриха за голштинское герцогство остров Эзель и право на Ревель и Ригу, оспариваемое также шведским королем, вместе со многими другими городами и замками в Ливонии, которые у обоих отнял русский царь. С этим Магнусом заключил Иван союз и отдал за него свою племянницу Елену¹⁵; в приданое за нею предоставил ему все свои доходы, города, замки и земли в Ливонии, ввел его во владение этою странюю и назвал королем. При этом он дал ему сто хороших лошадей с приличною сбруею, двести тысяч рублей деньгами (что составляло 600 000 талеров), много золотой и серебряной посуды, блюд, дорогих каменьев и вообще богатой утвари. Иван одарил также щедро всех его спутников и слуг, проводил названного короля с королевой и послал с ними множество бояр и боярынь на двух тысячах лошадях, которые должны были безопасно доставить их в назначенную им резиденцию и водворить в их владениях в большом ливонском городе Дерпте.

Я боюсь слишком наполнить свое повествование, если буду говорить подробнее, и потому расскажу остальное на своем месте впоследствии, а теперь перейду прямо к жизнеописанию царя.

Вместо союза и дружбы с королями датским и швед-

ским, чего он так искал, последовали войны, и оба наде-
лали ему много бед. Польский король отнял у него Нар-
ву и осадил Псков, два важнейших торговых пункта, ка-
кие у него были в этих краях; а датский и шведский
короли вступили в его земли, так как оба домогались ов-
ладеть некоторыми территориями на северном берегу:
Вардгузою, Колою, Соловецким [островом] и пр. Они хо-
тели отнять у Ивана его пошлины и торговлю и делали
попытки останавливать и разорять английских купцов
на их пути для рыболовства на северных берегах и тор-
говли у Св. Николая и Холмогор.

Царь Иван Васильевич в это время велел созвать всех
самых красивых дочерей бояр и знатных людей со все-
го государства и выбрал из них жену для своего стар-
шего сына, царевича Ивана. Ее имя было Наталья; она
была дочь воеводы Ивана Шереметева, человека хоро-
шей фамилии.

Большие праздники и торжества сопровождали это
бракосочетание и стоят того, чтобы их описать; но это
не относится к настоящему нашему повествованию. [...]

Главное наслаждение царя, которого руки и сердце
были обагрены кровью, заключалось в том, чтобы выду-
мывать новые мучения, пытки и смертные казни над
теми, на которых он гневался или которых наиболее по-
дозревал, именно над теми из своего дворянства, кото-
рые пользовались наиболее доверием и любовью его под-
данных. Он оказывал особенную милость свирепой воен-
щине и разному сброду, чтобы этим оскорблять дворян
и производить раздор. Действительно, раздор и соперни-
чество возрастали так между дворянами, что они не сме-
ли доверять один другому и не могли сговориться, как
бы его, тирана, погубить или свести с престола, хотя
этого всем хотелось. Иван видел это, знал, что каждый
новый день угрожает более прежнего дня его безопасно-
сти, и, не зная, как ему избежать и уйти от беды, сове-
щался с Елисеем Бомелием, о котором сказано выше, хит-
рым обманщиком, английским врачом, известным мате-
матиком, «магиком»; расспрашивал: сколько лет от роду
королеве Елизавете¹⁶ и какой успех можно иметь, если
бы Бомелий сделался перед нею посредником за него?
Этому не благоприятствовали обстоятельства; Иван сам
имел двух жен в живых; много королей и великих прин-
цев крови искали руки ее величества и не могли полу-
чить; однако он считал свою особу по мудрости, вели-
чию, богатству выше других и хотел попытаться; а свою
последнюю жену-царицу решил постричь в монахини и

заставить жить так, как бы она была уже умершею для света. Сверх того, как упомянуто выше, у него было на уме, в случае крайности, избрать Англию наиболее безопасным убежищем для себя. Для этого он построил и приготовил много больших судов, просторных барж и лодок в Вологде, перевез туда большую часть своих сокровищ, чтобы, сложив на суда, отправить вниз по Двине, а оттуда неожиданно на английских кораблях в Англию, оставив своего старшего сына, царевича Ивана, управлять и успокоить его потрясенное государство. В этом предположении царь приказал собрать новые сокровища, чтобы оставить их сыну и лучше утвердить его могущество после себя. Теперь он задумал исполнить то, о чем прежде помышлял; собрал знатнейших архимандритов и игуменов знатнейших и богатейших монастырей и святых обителей в своем государстве и сказал, что он теперь сообщит, что им уже хорошо известно, а именно: он потратил большую часть своего времени, ум, силы и здоровье в войнах за их достояние и безопасность, охраняя и защищая государство и народ; им, как и многим другим, небезызвестно, как много опасностей и смятений он перенес; как они, для которых он столько трудился, пожинали плоды этих благодеяний. Вследствие этого у него сокровищница истощилась, а у них наполнилась; их безопасность, мир и спокойствие ограждены, а его — нарушены; и каждый день он подвергается опасностям от иноземных врагов и от злоумышлений внутренних и внешних, которые он очень близко принимает к сердцу, как это им известно. Может ли он долее оставаться без существенной помощи от них? Готовность их будет оселком и их верности и благочестия, которое ослабело. Молитвы их недействительны — за их ли собственные неправды или за грехи царя и всего народа, — он оставляет решить это божественной премудрости. Польза от их благомыслия и подвигов может быть в том случае, если они пополнят казну из их беспредельного избытка; и вот вопиющая необходимость и печальное состояние народа требуют теперь доказательства их благочестия. Это повелевают им души их покровителей и вкладчиков, святых и блаженных чудотворцев, во искупление их собственных душ от грехов. Пусть же они приготовят свои помышления к святой решимости, безо всяких кривотолков и увертливых отказов.

Было созвано великое со всех провинций собрание в консистории св. духа и, из опасения заговоров, приказано произнести присягу на верность в Москве. После дол-

говременных прений представления и доводы собрания были подробно изложены и описаны в акте и поданы царю на рассмотрение. У царя были лживые соглядатаи, которые ему обо всем доносили. Он не хотел слышать никаких извинений; и в это время как громом поразил их своими царственными угрозами, на которые навели его тайные подстрекатели. Он призвал к себе сорок знатнейших и особенно настойчивых духовных сановников и настоятелей и говорил им, что они слишком долго толкуют о подробностях дела: «Мы извещены о ваших совещаниях и о том, на что вы решились; вы оказываетесь самими главными из ваших развратных соумышленников. Трогательное извещение о бедствиях государства и нуждах моего народа, о печальном исходе моих дел не возбудило в вас ни малейшего сожаления и не смягчило вас. Что же мы воздадим вам за все? Дворянство и народ вопиют к нам со своими жалобами, что вы, для поддержания своей иерархии, присвоили себе все сокровища страны, торгуете всякого рода товарами, налагаете и берете мыта с проезжих всякого звания людей. Пользуясь привилегиями, вы не платите нашему престолу ни пошлин, ни военных издержек; застращали робкую совесть благороднейшего, лучшего и полезнейшего класса наших подданных и захватили себе в собственность третью часть, как оказывается, городов, посадов и деревень нашего государства вашею хитростью, волшебством и знахарством. Вы покупаете и продаете души нашего народа. Вы ведете жизнь самую праздную, утопаете в удовольствиях и наслаждениях: позволяете себе ужаснейшие грехи, вымогательства, взяточничество и непомерные росты. Ваша жизнь изобилует кровавыми и вопиющими грехами: грабительством, обжорством, праздностью, содомским грехом; вы хуже, гораздо хуже скотов. Ваши молитвы не могут быть полезны ни мне, ни моему народу. Много мы должны отвечать перед богом за то, что терпим вашу жизнь, и за то, что многих более достойных пустили умереть вместо вас. Бог да простит мне пристрастие к вам. Разве недавно папа, через посредство своего нунция, присмотревшегося внимательно к вам, не предъявлял права иметь первенство над вами и располагать вашими именьями, преимуществами и доходами? Разве греческая церковь не требовала от нас много раз отмены вашего митрополитства чрез посредство александрийского патриарха? Да, я часто был понуждаем вашими пороками заступаться и восстанавливать права многих тысяч моего древнего и беднейшего дворянства,

от предков которых перешла к вам большая часть доходов, которые, по справедливости, должны принадлежать им, потому что они жертвовали своею честью, жизнью и трудом за вашу безопасность и за ваше обогащение. Весь мой некогда зажиточный народ и подданные обеднели через ваши грабежи и дьявольские обманы, тогда как вы бы должны были восстанавливать и поддерживать цветущее состояние земства. Нам подал благой пример славной памяти английский король Генрих VIII. Ваши доходы далеко превышают то, что обыкновенно вы можете истратить при вашем роскошном и расточительном образе жизни. Но так как мое дворянство и служилые люди чрез все это в упадке и наша казна истощена, то мы вынуждены, по тайному внушению святых душ и чудотворцев, которых вы испытываете, овладеть бесчисленными сокровищами, которые у вас лежат на хранении, как зарытый талант, и не употребляются на духовные нужды. Именем их, как равно именем душ вкладчиков и благодетелей ваших, я заклинаю вас и повелеваю вам, чтобы вы в назначенный день собрали (или иначе постигнет вас кара и справедливое наказание от бога, пожрут вас дикие звери лесов, которые исполняют суд над вами, и вы умрете еще более внезапною и ужасною смертью, нежели была та, какая постигла Ананию и Сапфиру) и доставили вернейший и точный инвентарь всех сокровищ и годового дохода, получаемого каждою вашею обителью от всего, что за нею числится во владении. Нужда не позволяет никаких отсрочек, ни извинений. К этому времени мы хотим собрать в думу, или наш царский совет, всех князей, бояр, митрополитов, епископов, настоятелей, архимандритов и игуменов, чтобы они были судьями в правде их душ, насколько вопиющая нужда и польза требуют, чтобы массы ваших сокровищ были употреблены на защиту нашего государства. Король польский и литовский, король шведский и король датский сговариваются между собою; наши мятежники сносятся с Крымом. Пусть уши и очи здесь присутствующих будут свидетелями исполнения нашего долга перед богом и его ангелами, что мы побуждали вас именем их и бедного разоренного народа; ради его нужд, искупления и сохранения всех вас мы принуждены были усиленно ходатайствовать и умолять, чтобы вы вовремя помогли его несчастному положению теми средствами, которые у вас в руках».

Я говорю так подробно, заявляет автор, потому, что вопрос, как вы видите, настолько важен по своим пос-

ледствиям, что вполне заслуживает ваше терпение при чтении. Главные епископы, настоятели и игумены, часто в эти времена собираемые и распускаемые, в большом унынии искали средств и придумывали вместе с недовольным дворянством, как бы поворотить дело и руководить оппозицией. Но у них не было главы или военачальника, который бы имел довольно смелости вести войско против такой могучей царской власти; у них не доставало ни лошадей, ни оружия. Иван обратил в свою пользу эти злоумышления. Он объявил изменниками представителей знатнейших дворянских домов. Чтобы сделать их более ненавистными, он послал за двадцатью из них, главных зачинщиков, обвинил в самых гнусных, ужасающих преступлениях и изменах, нашел явные и очевидные улики, обнародовав их за истинные и непреложные, произнес суждение и, кроме того, приговорил к казням множество народа всякого звания. Тут разыгралась своеобразная трагедия, требующая вашего терпеливого внимания.

Царь приказал привести больших медведей, диких, свирепых и голодных, из темных погребов и клеток, хранимых нарочно на случай таких увеселений и забав, в слободу в день св. Исаяи, в пространное место, обнесенное высокою стеною. Выведено было около семи главных виновников — толстых жирных чернецов, одного за другим, с крестом и четками в одной руке, и при этом, по великой милости царя, в другой руке они держали копьё в пять футов длины для своей защиты. Выпустили дикого медведя — и тот с ревом и рычанием стал кидаться на стену с открытою пастью, заслыша жертву по чутью, приходя в большую ярость от крика и возгласов в народе, свирепо наскочил на одного чернеца, схватил и смял ему голову, туловище, внутренности, ноги и руки, как кот мышонка, растерзал и платье в куски, пока добрался до тела, крови и костей, и так сожрал первого чернеца, как свою добычу.

Медведь был застрелен пушкарями и разнесен на куски, в виде забавы. Затем вывели второго чернеца и нового медведя и остальных — одного за другим; и так все семь были съедены поочередно, как первый. Только один, более догадливый, повернул свое копьё так ловко, что, всадив его в землю, направил прямо на грудь медведю, который сам наскочил на копьё; медведь был ранен, оба легли на месте; но чернец все-таки не избежал растерзания. За свою доблесть он был причислен к святым пережившими его собратиями Троицкого монастыря. За-

бава эта была настолько же увеселительна для царя и зрителей, сколько ужасна и неприятна для всего собрания монахов, которые на этом месте были одновременно созваны, как мы говорили. Из них еще семь человек были приговорены к сожжению. Митрополиты, епископы, монахи и братия всех монастырей, отправлявшие различные должности в обителях, собрались с просьбами и челобитными, чтобы утишить и остановить дальнейший гнев и ярость царя. Они принуждены были не только терпеть это и просить его духовного отца об отпущении ему грехов, но и признать, что ненавистные чернецы были обличены в совершении омерзительных злодейств и преступлений, будто бы очевидно доказанных, и потерпели кару за свои гнусные дела по заслугам. При этом они должны были изъявить надежду, что это будет не только примером, но и послужит к исправлению всех других, принявших на себя устав отречения от мира. [...]

Ласкательства предотвратили совершенное разорение, но не могли изменить царской воли, потребовавшей от них трехсот тысяч стерлингов, что он и получил (благодаря своей выдумке) кроме многих округов, посадов, деревень, земель и недвижимостей под предлогом более достойного распоряжения ими. Хотя Иван и возбудил против себя еще больше зависти и неудовольствия, но успокоил этим многих недовольных дворян. В то же время он возвысил и возвел в благородное звание большинство своих доверенных капитанов и слуг, чтобы они лучше служили его намерениям. Такой способ действий и политика хотя достойны осуждения, но могут показаться наиболее извинительным и менее опасным насильем в ряду других его поступков.

Эта выходка царя послужила к увеличиванию постоянной сокровищницы его сына без уменьшения его собственной. Между тем он все посматривал и рассчитывал на Англию. Его несметная казна была уже наготове, как и его умысел. Но посланник его Андрей Сафин¹⁷ не выполнил возложенного на него поручения, которое царь темно выразил ему изустно, а не осмелился передать, по-видимому, на бумаге. Ни мистер Дженкинсон¹⁸, ни Томас Рандольф в своих частных переговорах не начинали разговора об этом предмете, хотя Иван ожидал этого и они ясно это видели. Сам он не удержал, однако, своего намерения в тайне, и сын его, царевич Иван, его любимцы и бояре узнали об этом. Царь, чтобы отвлечь от себя подозрение, женился снова, уже на пятой жене, дочери Федора Нагого. Это была красивая молодая де-

вушка, благородного дома и знатной фамилии; от нее он имел третьего сына: Дмитрия Ивановича¹⁹.

Между тем царь занялся теперь успокоением своих недовольных бояр и простого народа; оставил всего два пеших войска, и притом с малыми издержками, так как его князья и бояре большею частью служили на собственном иждивении, а дворяне и дети боярские получали известные участки земель и ежегодное количество хлебного зерна и денег. Для этой цели была отчислена некоторая часть доходов от конфискаций, грабежа и пошлин, и им положено было платить жалованье, идут ли они на войну или нет; это делалось без уменьшения прямых доходов короны. Одно войско состояло большею частью из татар, которых он употреблял против польского и шведского королей, своих соседей, за Ливонский край, который он так варварски жестоко разграбил и опустошил в свое прежнее завоевание. Другое войско, в числе ста тысяч конницы, состояло большею частью из его природных подданных, за исключением немногих поляков, шведов, датчан и шотландцев, и было употребляемо против крымских татар, с которыми обыкновенно шла война каждый год не более трех месяцев, в продолжение мая, июня и июля. Большую часть городов, завоеванных в Ливонии, Иван потерял: их отнял у него храбрый король Стефан Баторий²⁰. [...]

С другой стороны, король шведский Иоанн через своих генералов Лаврентия Форусбека и французского капитана Понтуса осадил Нарву с моря и суши и взял ее вместе с крепким замком Ивангородом, лучшим торговым морским пунктом, причем не было произведено им особенных жестокостей. Царские солдаты и войска, гораздо многочисленнее их, вошли в боевом строю далеко в шведскую землю и произвели там много грабежей и разорения; увели множество пленных ливонцев, французов, шотландцев, датчан и нескольких англичан, чтобы отправить их в далекие места своего государства. Царь разместил и поселил значительную часть их в Москве за городом. Я имел тогда доступ при дворе и был хорошо знаком и уважаем лучшими временщиками и должностными лицами того времени и своим ходатайством и посредничеством испросил им позволение построить себе церковь и много способствовал ее украшению, а также доставил им ученого проповедника. Каждое воскресенье отправлялось у них богослужение по лютеранскому вероисповеданию и собирались митинги. В короткое время они освоились с русским народом, заслужили его рас-

положение и жили мирно; но печалились, сожалея о потере состояния, друзей и отечества. В то время между пленниками других наций было восемьдесят пять бедных шотландских солдат 700-го отряда, посланного из Стокгольма, и в числе их трое англичан, приведенных вместе с другими в таком печальном виде, что на них было жалко смотреть. Я хлопотал за них и не только употреблял, как мог, в их пользу свои усилия и кредит, но собственным кошельком, трудами и средствами доставил им возможность хорошо устроиться на Болвановке, близ Москвы. Хотя царь пылал яростью и гневом против них, мучил и осудил на жалкую смерть многих шведских солдат, мне удалось, однако, указать наглядно на различие шотландцев, ныне его пленных, и шведов от поляков и литовцев — его врагов: шотландцы — народ иноземный, далекий, предприимчивый, воинственный, готовый служить каждому христианскому государю за содержание и жалованье; они и докажут это, если его величеству будет угодно употребить их и упрочить за ними прежнее содержание, так как они теперь без службы, платья и оружия; они могли бы показать себя и свою храбрость против смертельных врагов его, крымских татар. По-видимому, при дворе отчасти воспользовались таким советом, потому что вскоре лучшие солдаты и воины из этих иностранцев были отобраны; а для начальства над остальными назначены капитаны — над каждым пленным из своей нации. Над шотландцами был поставлен Дженни Лингетт, храбрый и честный человек. Им выдали деньги, платье и каждодневное содержание едой и питьем; они получали также лошадей, сено, овес, а для вооружения — ружья, мечи и пистолеты. Бедняки стали смотреть веселее. Тысяча двести этих пленных принесли гораздо большую помощь против татар, чем двенадцать тысяч русских с их короткими луками и стрелами. Крымцы, незнакомые тогда с употреблением ружей и пистолетов, падали мертвые на своих лошадях от выстрелов, которых не видели, и кричали: «Уберемся отсюда от этих новых дьяволов с их громовыми пафами». Царь над этим очень смеялся. Получив затем жалованье и землю, на которой им позволено было жить, пленные шотландцы женились на ливонских красивых женщинах, завелись семействами и жили в милости у царя и народа. К моему великому удовольствию, царь не обратил внимания на немногих англичан, попавшихся с ними вместе в плен! Это был бы благовидный повод для ссоры, которая могла мне стоить жизни, как лица известного и имеющего

связи при дворе, и была бы особенно удобным предложением для царя наложить руку на английские купеческие имущества, которые в товарах компании составляли, по крайней мере, ценность во сто тысяч фунт[ов] стерл[ингов]. Незадолго до этого царь продал Томасу Гловеру, главному агенту этой компании, женщину, происходившую из благородного польского дома, Басманову, взятую в плен в Полоцке, за 10 тысяч венгерских дукатов; но вскоре после того, разгневавшись на Гловера, ограбил его на сумму 16 тысяч фунт[ов] стерл[ингов] — большою частью платьем, шелком, воском, мехами и разными товарами — и выслал, лишив всего, из России вместе с его дорого купленной женой. Но оставим это и многие другие деяния царя и обратимся к нашему рассказу.

Царь ожидал какого-нибудь ответа на свои письма из Англии и новостей от Даниила Сильвестра; но случилось так, как будто бог хотел показать на нем пример. Сильвестр прибыл от королевы с письмами к порту Св. Николая²¹ и проехал в Холмогоры, чтобы приготовить здесь и сделать себе приличное платье для представления царю с письмами и поручением от королевы. Портной, примерив ему новый желтый атласный кафтан, или жупан, в верхней комнате английского дома, едва успел сойти вниз, как в это самое время громовая стрела убила до смерти Сильвестра, ударив за воротник его нового кафтана, прошла через правую сторону туловища, не оставив снаружи никакого знака. Молния убила также бывших при нем мальчика и собаку, сожгла мгновенно его конторку, письма и дом. Царь был поражен, услышав об этом, и сказал: «Да будет воля божия!», затем он расвирепел и был в отчаянии. В это время поляки, шведы и крымцы окружили и напали с трех сторон на его государство. Король Стефан Баторий грозил посетить его в скором времени в Москве. Иван сделал соответственные приготовления; но его смущал недостаток пороха, селитры, свинца и серы, и он не знал, как добыть эти припасы из Англии, так как Нарва была в осаде. Трудность состояла в том, как провезти и послать письма английской королеве; земли его были тогда окружены врагами, все пути заперты.

Царь послал за мною и сказал, что у него есть для меня почетное, важное и секретное поручение к ее величеству королеве английской; заметил, что я освоился с обыкновенными фразами русского языка и знаю польский и немецкий. Спрашивал он меня о разных вещах; ему понравились мои скорые ответы, и, между прочим,

он задал мне следующий вопрос: видел ли я его большие суда и барки, построенные в Вологде? Я ответил, что видел. «Какой изменник показал их тебе?» — «Молва о них пошла, и народ сбегается смотреть на них в праздничные дни, так и я решился, с тысячами других, идти полюбоваться на их удивительную красоту, величину и странную обделку». — «Что у тебя означают слова: странная обделка?» — «Изображение львов, драконов, орлов, слонов, единорогов, так отчетливо сделанных и так богато украшенных золотом, серебром, яркою живописью и т. д.». — «Молодец! расхваливает хитрости своих собственных соотечественников!.. — сказал царь своему любимцу. — Это верно; а кажется, ты хорошо их высмотрел: сколько их?» — «Я видел не более двадцати, ваше величество!» — «В скором времени ты их увидишь сорок, и не хуже этих. Я доволен тобою. Без сомнения, ты можешь рассказать в иноземщине, что видел; но они удивились бы еще более, если бы узнали, какие неогрехенные сокровища украшают их внутри. Говорят, что у вашей королевы, моей сестры, лучший флот в мире?» — «Это правда, ваше величество». — «Чем же он отличается от моего?» — «Силою и величиною: корабли могут пробиться в разрез волнам через великий океан и бурные моря». — «Как же они построены?» — «Искусно, с острыми килями, не плоскодонные, с такими плотными и крепкими боками, что пушечный выстрел едва может пробить их». — «Что еще?» — «На каждом корабле пушки и сорок медных орудий большого калибра, пули, мушкетеры, порох, цепные ядра, копья и другие орудия защиты, сильные огненные снаряды, копры на случай сражения, тысяча моряков и военных людей, солдат, капитанов и офицеров разного рода, которых обязанность управлять и вести корабль. На корабле дисциплина и ежедневные молитвы. При этом в изобилии: пиво, хлеб, мясо, рыба, дичь, горох, масло, сыр, уксус, овсяная мука, водка, дрова, вода и всякая другая провизия, годная и необходимая для прокормления и содержания людей; якоря, канаты, снасти, мачты, пять или шесть просторных раскидных палаток, флаги, дорогие распущенные шелковые знамена с гербом и вымпелом королевы, перед которым преклоняются корабли других королей; кроме того, барабаны, литавры, свистки, трубы и другие инструменты для военной тревоги и вызова на битву. Корабли эти вполне годны для осады и разгрома сильнейших приморских городов и замков, грозны и воинственны, когда подают помощь, едут или защищают союзников

и друзей ее величества! Великий, державный государь! Вот способ постройки и устройство одного из великолепных кораблей ее величества».

Мне удалось умно и ловко изложить сущность всего этого; царь часто кивал головой, взглядывая на слушающих и стоявших около него, не показывая мне ни одобрения, ни особенного удивления. «Сколько у королевы таких кораблей, как ты описываешь?» — «Сорок, ваше величество». — «Хорош королевский флот, как ты его назвал; он может перевезти сорок тысяч солдат к союзнику!» Затем царь приказал мне приготовляться, молчать, держать все в тайне и ежедневно ждать, пока он не изготавит всего к моему отъезду, а Елизару Виллюзгену, своему тайному секретарю, приказал взять у меня письменно на бумаге то описание, какое я сделал о королевском флоте ее величества. При этом представлен был мною образец корабля, искусно и точно сделанный, разрисованный, со всеми снастями, распущенными парусами, флагами, раззолоченными орудиями и всеми другими военными принадлежностями. Модель эту я получил от мистера Джона Чепела из Лондона и Любека.

В это время царь был сильно занят розыском важной измены, задуманной против него Елисеем Бомелием, новгородским епископом и некоторыми другими; измена эта была открыта их слугами под пыткой; найдены были зашифрованные письма на греческом и латинском языках, посланные разными путями королям польскому и шведскому. Епископ во всем сознался на допросе. Бомелий отрицал все, надеясь выпутаться при посредстве некоторых из своих соумышленников, как полагали, царских любимцев, которых Иван приставил к своему сыну, царевичу Ивану. Им и было поручено допросить Бомелия под пыткой. Его руки были затянuty назад и выворочены из суставов, ноги вывихнуты из чресел, спина и тело перерезаны проволочными плетьюми; и тогда он показал многое сверх того, что было написано и что желал знать царь. Иван приказал пытавшим сжарить Бомелия. Его взяли из-под пытки и привязали к деревянному шесту, или вертелу; его изрезанная и окровавленная спина и тело жарились и вздувались на огне до тех пор, пока они не сочли его умершим. Тогда бросили его на сани и повезли через Кремль. Я теснился со многими другими, чтобы видеть его. Он возвел глаза к небу, призывая Христа, после чего был брошен в темницу, где и умер. Бомелий до этого пользовался большою милостью, жил великолепно, был искусный математик, но злой человек и причинил

немало вреда. Многие бояре были рады его гибели, потому что он много знал про них. Он отправил большие богатства и сокровища через Англию в Везель, в Вестфалию — свою родину. Хотя он воспитывался в Кембридже, но, несмотря на это, был всегда враждебен английской нации. Он обманывал царя, уверяя, что королева английская молода и ему легко будет жениться на ней. После смерти Бомелия царь потерял эту надежду. Ему говорили еще об одной молодой леди при английском дворе, королевской крови, по имени Мери Гастингс, о которой мы поговорим впоследствии.

Епископ новгородский был приговорен к смерти за измену, чеканку монеты и отсылку ее и других сокровищ королям польскому и шведскому, обвинен в содомском грехе, в содержании ведьм, мальчиков и животных и в других ужасных преступлениях. Все его имущество — огромное количество лошадей, денег и сокровищ — было конфисковано в пользу царя, а самого епископа присудили на вечное заключение в погреб, где он жил в оковах на руках и ногах, писал образа и картины, делал гребни и седла, питаясь одним хлебом и водою. Одиннадцать его слуг, участвовавших в его замыслах, были повешены на воротах московского дворца; его женщины-ведьмы постыдно растерзаны и сожжены. Наконец царю надоело наводить справки обо всех участвовавших в этой измене, и, кончив дело увещаниями, он объявил свое желание и намерение женить своего второго сына, царевича Федора, так как старший не имел потомства. Это было для него важным делом обсуждения с князьями и духовными властями, потому что с царевичем, по его простоте, он делал то, что ему нравилось. Собравши всех, царь, полный подозрений касательно их изменнических преднамерений, вздумал в отомщение им выразить то, что чувствовал: «О беззаконные и неверные подданные! Этот день должен праздноваться вдвойне: это день вознесения господня; он свеж в памяти принесением в жертву многих сотен тысяч невинных душ, представших кровавыми письменами перед лицом целого света, на позорище вашего возмущения. Какие слова могут достаточно отметить в назидание вашему потомству этот несчастный и печальный день? Какой закон забвения может стереть память о вашем стыде, неблагородности и измене? Чем смыть пятна этой скверны, нечистот и подлостей? Какой огонь может выжечь воспоминание о бунтах, возмущениях и пагубных, гнусных заговорах» и т. д. Иван три часа распространялся на эту тему тем же слогом и с боль-

шим красноречием, употреблял смелые изречения, по свойственному ему напыщенному способу выражения, все время устремив глаза на присутствующих участников последнего заговора; грозил и заявлял, что покинет низкий, вероломный, презренный народ в укор всем нациям мира. «Враги уже готовы растерзать нас! Господь и его чудотворцы на небесах вопиют против нас, что видно по неурожаем и голоду; но никакие суды, муки и наказания, ниспосылаемые через нас от бога, не могут возбудить в этом народе угрызений совести и исправить его». Оригинал этой речи слишком длинен, чтобы повторять его. Мало было возражений в этом собрании, еще меньше дела, но все поверглись ниц перед священным царским величеством и милосердием, моля бога благословить его святые начинания и намерение женить своего высокородного сына, царевича Федора. Выбор Ивана пал на прекрасную девицу из знатной, могущественной и преданной ему фамилии, по имени Ирину, дочь Федора Ивановича Годунова. По окончании этого торжества и больших празднеств царь распустил всех собравшихся бояр и духовных лиц с добрыми словами и с более благосклонным видом, что и было принято за взаимное примирение и всепрощение.

Между тем царские письма и инструкции были приготовлены, и сам Иван со своим главным государственным секретарем Савелием Фроловым заложил их в поддельные бока деревянной баклаги, наполненной водкой, не стоящей трех денег; она должна была висеть под гривой моей лошади. Царь снабдил меня четырьмястами венгерских дукатов, зашитых у меня в сапоги и в самое худое платье. «Я удерживаюсь от сообщения тебе некоторых тайн, близких мне,— сказал царь,— из боязни, что, проезжая через земли моих врагов, ты бы не попал им в руки и они не принудили тебя открыть то, чего я не желаю делать известным. Баклага, которую ты везешь с собою, откроет тебе, когда ты благополучно доедешь до безопасного места и откупоришь ее, что ты должен сказать моей любезной сестре, королеве Елизавете, а между тем оставайся мне верен и предан,— мое благоволение и милость будут тебе наградой». Я упал ниц перед ним и приложил голову к его ноге, а на сердце было у меня тяжело, когда я вообразил себе, что подвергаюсь явной опасности и неизбежной беде. Один из родовитых дворян проводил меня. На санях и лошадях с двадцатью слугами проскакал я на почтовых девятьюсто верст до Твери, где мне приготовлены были свежие припасы и лошади. Та-

ким образом, я проехал в три дня шестьсот верст через Новгород и Псков до Нейгауза, и здесь, при вступлении в Ливонию, сопровождавший дворянин и слуги оставили меня, пожелав получить что-нибудь в знак моего благополучного доставления на место. Я просил их торопиться отъездом, пока окружавшие нас враги не схватили их и не помешали моему поручению. Часовой проводил меня к коменданту, или наместнику замка; он и его чиновники строго осмотрели и обыскали меня; они, естественно, должны были не доверять мне: я ехал из земли их неприятеля. Я сказал им, что очень рад, что попал в их руки, вырвавшись из юдоли плача, Московской земли, и готов дать некоторый выкуп. Они посоветовались между собою, и на третий день дали мне проводника, и, уже более дружелюбно, дозволили следовать далее. Стража и слуги ожидали от меня какой-нибудь награды; но я просил их пощадить меня, потому что мой кошелек не соответствовал моему желанию удовлетворить их. Я провел три дня в большой опасности, когда ехал по замерзшему морю к Эзелю — в Лифляндии — большому и пространному острову, принадлежащему датскому королю. Меня схватили бездельники-солдаты и обращались со мною очень грубо: потащили в Швейнбург, а потом в Аренсбург, главный город и замок этих мест. Здесь меня отдали коменданту — человеку болезненному, старому и брюзгливому; сообразно его желанию, меня стерегли как шпиона, поместили так, что всякая гадина ползала у меня на постели и по столу; домашняя птица клевала ее на полу и в молочных кринках, на что я смотрел с некоторым удивлением. Однако вся эта нечистота не возмущала меня, потому что страх за себя не позволял много думать. Пришло время — и меня позвали к высшим властям: Главный из них, важный джентльмен, бывший в большой милости у короля, заправлял всем; около него стояли солдаты с алебардами и мечами; начался допрос: меня спрашивали о многом. Я был подданный английской королевы, жившей в согласии и дружбе со всеми христианскими государями, и в особенности с датским. Но это не могло помочь, так как мы были в союзе с москвитянами против христианства. Меня спросили о моем имени и звании. Я ответил. Тогда наместник отправил меня опять в заключение и, распустив свое общество, которое было многочисленно, послал тайно за мною своего сына, приличного и красивого джентльмена. Я пришел. У старика в руке были письма; он опять спросил мое имя. Я ответил ему. «Я получил, — сказал он, — не-

сколько писем от своих друзей и недавно письмо от любимой дочери, которая в плену у царя в Москве. Она пишет мне, сколько христианского дружелюбия и милосердия оказал ей какой-то английский джентльмен, одного с вами имени, посланный для переговоров с русским двором от английской королевы!» — «Вашу дочь не зовут ли Магдалиной фон Укселль?» — «Да, точно так, сэр!» — ответил он. «Я тот самый, о котором она пишет, и хорошо знаком с нею; я оставил ее в добром здоровье дней десять тому назад». — «О сэр! это моя дорогая и любимая дочь; но мне никак не удастся выкупить ее, хотя сам король датский просил за нее. — И он, и сын его бросились ко мне на шею со слезами. — Сам ангел господень привел вас сюда, хотя, по-видимому, вы тут не в безопасности; но я постараюсь доказать вам свою благодарность и дружбу за вашу благосклонность и расположение ко мне и моим. Жителям этого острова знакомо ваше достойное имя и милосердие; и вам будет доставлено все, что пожелаете».

По-видимому, он был очень доволен; и я не менее его радовался этому счастливому случаю.

Затем приказано было перевести меня в удобное жилище, а своему сыну он поручил на следующий день показать мне конюшни с его заводскими лошадьми, вооружение, амуницию и библиотеку. Кроме того, он послал за разными своими друзьями, угощал меня, приготовил письма и паспорт самым радушным образом и торжественно чествовал меня; а при прощании подарил прекрасный немецкий плащ и велел сыну и слугам проводить меня до безопасного места, со слезами умоляя, чтобы я по-прежнему был добр к «ней» и т. д.

Я спешил далее. Дорогою виделся я с одним каноником, который пользовался большим значением в Ливонии. К моему удивлению, я был хорошо принят им, хотя я был без слуг; он знал меня понаслышке и рассказал своим знакомым о моем звании: это, однако, могло наделать мне затруднений. Баклагу с водкой я держал днем у себя под платьем, ночью она служила мне изголовьем. Вся опасность прошла, как мне казалось; я прибыл в Пильтен, крепкий замок на берегу Балтийского моря, где жил король Магнус, о котором вы слышали прежде. Он обошелся со мною грубо, потому что я не мог пить с ним без меры. Он уже расточил большую часть своих городов, замков, драгоценностей, денег, лошадей, серебряной посуды, полученных им в приданое за царскою племянницею, и беспутно роздал своим любим-

цам и названным дочерям. Вскоре после того он умер в нищете, оставив в бедственном положении жену свою королеву и единственную дочь.

Затем я проехал через земли герцогов курляндского и прусского в Кенигсберг, потом в Мельвиль и Данциг (в Польше), через Померанию и Мекленбург в имперский город Любек, где меня знали и приняли отлично и с почтением.

Здесь я устроился несколько лучше; было теперь у меня четверо или пять человек слуг, немцев и англичан, взятых из Мельвиля и Данцига. Бургомистр и ратсгеры, в знак своего внимания, прислали мне через городского судью рыбы, мяса и вина всех сортов с длиною речью о тех благоденствиях, какие я оказал в России им и их соотечественникам. На следующий день явились ко мне некоторые знатные купцы и их друзья с благодарностью и изъявлениями признательности за то, что я некогда избавил их от московского плена своими хлопотами и кошельком. Они подарили мне прекрасный вызолоченный серебряный бокал с крышкой, наполненный имперскими талерами и золотыми венгерскими дукатами. Высыпав золото и серебро и возвратив им обратно, я заявил, что это было «более расточительно, чем благоразумно», закрыл бокал крышкой и поблагодарил их. После этого они мне принесли свою городскую книгу и просили, чтобы я вписал свое имя, место рождения и жительства, для того чтобы они и их потомки могли вечно почитать и помнить мое имя.

Когда я доехал до Гамбурга (в десяти милях от Любека), жители его, услышав, как меня принимали в Любеке, изъявили и со своей стороны знаки благодарности и дружеского внимания, а именно те из них, которые были в такой же передрыге и освободились, благодаря мне, из плена. Бургомистр и ратсгеры угощали меня, а остальные подарили мне прекрасную столовую камчатную скатерть, две дюжины салфеток и длинное камчатное полотенце. Сообщая подробно об этом из моих личных воспоминаний, я отступил от своего повествования, в чем и прошу извинения у моих читателей, хотя это отступление отчасти связано с предыдущим.

Из Гамбурга я прибыл в Англию, открыл свою бакалагу с водкою, вынул и просушил, как мог, опрыскал духами царские письма и инструкции; однако королева услышала запах водки, когда я передал их ее величеству; и когда я объяснил ей причину, то она выразила мне свое удовольствие. Я имел доступ к ее величеству три

или четыре раза и говорил с нею, благодаря лорду-казначее и сэру Фрэнсису Уолсингэму, также через ходатайство лорда Лейсестера, а в особенности сэра Эдварда Горсея, моего благородного друга и родственника. Торговая Московская компания давала мне хорошее содержание и подарки, снабжая по приказанию ее величества всем тем, о чем царь писал в своей инструкции, не зная вполне ее тайного содержания; а при отъезде моем королева повелела утвердить меня присяжным эскавайром при особе ее величества, подарила мне свой портрет и допустила поцеловать руку.

Я снова отправился в Московию в сопровождении тринадцати буксирных кораблей; близ Нордкапа мы встретились с кораблями датского короля, вступили с ними в бой и привели их в бедственное состояние. Миновав Вагу, мы приплыли к порту Св. Николая, откуда я добрался до Александровской слободы, где передал царю письма и тайные поручения королевы. Царь похвалил мою поспешность и исправность, назначил мне жалованье и обещал еще в награду свою щедрую милость, когда вернется в Москву; а привезенные товары: медь, свинец, порох, селитру и серу — на девять тысяч ливров — взял в свою казну, заплатив за все сполна чистою монетою.

Его величество прибыл в Москву, разразился немилостью на некоторых бояр и наместников и, выбрав одного из своих тунядцев, послал с ним двести стрельцов — ограбить Никиту Романовича, брата доброй государыни Анастасии, своей первой супруги (жившего в соседстве английского дома), отобрал у него оружие, лошадей, серебряную посуду и имущество ценою на сорок тысяч ливров, отнял у него земли и оставил в такой бедности и нужде, что он на другой день послал в английский двор за самой грубой нанкой, чтобы одеть себя и детей, и за некоторыми припасами. Кроме того, Иван послал Симеона Нагого²², другое орудие своих злодеяний, ограбить и обобрать Щелкана²³, большого взяточника, который, женившись на молодой красивой женщине, развелся с нею, разрезав и прорубив ей голую спину саблей. Убив Ивана Латина, его верного слугу, Симеон Нагой выколотил из пяток Щелкана 5 тысяч рублей деньгами. В это же время царь разгневался на немцев или ливонцев, которых он поселил с женами, детьми и семействами за Москвою. Это были все купцы, переселенные из Нарвы и Дерпта, и дворяне хороших родов; до сих пор они пользовались свободой религии и цер-

ковного богослужений. Иван отрядил ночью тысячу стрельцов ограбить и обобрать этих иностранцев. [...]

Господь не оставил этого зверства и варварства без наказания. Вскоре после этого царь разъярился на своего старшего сына, царевича Ивана, за то, что тот оказывал сострадание этим несчастным христианам и дал одному посланному по его делам дворянину подорожную на пять или шесть почтовых лошадей помимо царского ведома. Сверх того, царь опасался за свою власть, полагая, что народ слишком хорошего мнения о его сыне. В ярости он ударил его жезлом (железным посохом) в ухо — и так нежно, что тот заболел горячкою и на третий день умер. Царь рвал на себе бороду и волосы, как сумасшедший, плакал и убивался о потере сына. Но государство потеряло более: надежду иметь государем мудрого и кроткого царевича, героя духом и красивой наружности, 23 лет от роду²⁴, любимого и оплакиваемого всеми. Его похоронили в церкви св. Архангела Михаила, опустив тело в могилу с драгоценностями, дорогими камнями и жемчугом на 50 тысяч фунт[ов] стерл[ингов] ценою; каждую ночь, по очереди, 12 граждан стерегли его тело и сокровища в приделе, посвященном св. Иоанну и архангелу Михаилу.

По смерти его царь еще решительнее приступил к давно им задуманному бракосочетанию в Англии и отправил Федора Писемского, умного и верного вельможу, переговорить с королевой и просить у ней руки леди Мери Гастингс, дочери благородного лорда Гастингса, графа Гунтингтонского; по слухам, родственницы ее величества и, следовательно, королевской крови, как он думал. Царь изъявлял при этом желание, чтобы ее величество послала какого-нибудь родовитого посла переговорить с ним об этом деле. Царский посол отплыл из порта Св. Николая; прибыл в Англию, принят был великолепно, имел у королевы аудиенцию и вручил ей верительную грамоту. Ее величество приказала леди Гастингс приготовиться с другими знатными придворными дамами, девицами и молодыми дворянами в определенном числе, чтобы показать ее послу в саду Йоркского дворца. Леди Гастингс принарядилась для этого как следует. Посол, в сопровождении разных других дворян и господ, был представлен леди; но вдруг, растерявшись, упал к ее ногам, встал и побежал от нее задом, с обращенным к ней лицом. Леди Гастингс и все прочие изумились такой выходке. Тогда посол заявил через переводчика, что довольствуется одним взглядом на ангела,

которого он надеется видеть супругою своего государя, и восхвалял ее ангельский вид, стан и удивительную красоту. После этого приключения близкие друзья леди при дворе прозвали ее московскою царицею. Сэр Уильям Россел, третий сын графа Бетфорского, благовоспитанный, умный и красивый джентльмен, был выбран ее величеством в послы к царю. Но, посоветовавшись со своими почтенными друзьями, он отказался от посольства, предоставляя эту честь другим. Тогда торговая компания стала хлопотать о сэре Джероме Боусе²⁵, единственно за его вид и наружность; впоследствии она раскалась в этом.

Боуса прилично снарядили, большею частью на счет компании, и два посла — королевин и царский, — отправленные из Англии с грамотами и письмами ее величества, прибыли благополучно к порту Св. Николая в России. Русский посланник поехал сухим путем в Москву на почтовых, вручил письма и отдал отчет в посольстве своему государю, который остался им доволен. Английский посол, сэр Джером Боус, отправленный на счет купцов, тихо плыл вперед по реке Двине за тысячу верст до Вологды. Царь послал навстречу Михаилу претерпопа [?] с приличными провожатыми для заготовки ему съестной провизии на пути и снабжения его, бывшего с ним багажа и его товарищей экипажами и почтовыми лошадьми. В Ярославле царский конюший встретил сэра Боуса с двумя красивыми иноходцами на случай, если ему будет угодно ехать верхом. Под Москвою встретил его с почестью князь Иван Сицкий в сопровождении трехсот хорошо вооруженных верховых и проводил в назначенное ему жилище. Царский секретарь Савелий Фролов прислан был поздравить Боуса с приездом со множеством кушаньев и обещанием хорошего содержания.

На другой день царь прислал Игнатия Татищева к сэру Джерому Боусу узнать, как он поживает, что делает и нет ли ему в чем-нибудь недостатка. Царь приказал ему передать, что желает его видеть и если сэр Джером не слишком устал с дороги, то аудиенция назначается в субботу, два дня спустя. Боус отвечал, что надеется представиться его величеству в назначенное время. Согласно с этим в 11 часов утра улицы наполнились народом; тысяча стрельцов в красных, желтых и голубых одеждах, с блестящими орудиями и пищалями были расставлены в ряды своими начальниками от ворот посланника до царского дворца. Князь Иван Сицкий ехал на превосходной лошади в яблоках, богато убранной; перед

ним вели для посланника красивого жеребца, парадно оседланного, в сопровождении 300 дворян верхами на таких же лошадях. Посланнику не понравилось, что княжеская лошадь была лучше той, что предназначалась ему; он отправился ко дворцу пешком с 30 слугами, одетыми в стаметовые ливреи; каждый из них нес царю подарки, состоящие большею частью из серебряной посуды. Здесь встретил его другой вельможа и сказал, что царь ожидает его; посланник ответил, что идет так скоро, как только можно. По дороге народ, отчасти угадывая, в чем состояло его посольство (которым были все недовольны), кричал ему в насмешку: «Карлуха», что означало «журавлиные ноги». Ходы, террасы и комнаты, чрез которые вели посланника, наполнились купцами и дворянами в золотых парчах. Люди его вошли перед ним с подарками в комнату, где находился царь, и стали по обе стороны. Иван сидел во всем величии, в богатом убранстве; перед ним лежали три короны; четверо молодых дворян, называемых «рындами», в блестящих, затканых серебром платьях, стояли по сторонам и держали четыре скипетра или блестящие серебряные секиры; князья, бояре и вельможи сидели кругом. Царь встал; посланник, окончив свои поклоны и речь, подал королевские письма. Принимая их, царь снял с себя царскую шапку и спросил, как поживает сестра его Елизавета. Посланник ответил и сел рядом с царем, на покрытую полавочником скамью. После недолгого молчания и поглядывания друг на друга Боуса отпустили тем же порядком, каким он пришел, а к обеду ему послали 200 блюд с кушаньями через одного знатного дворянина, который, исполнив поручение, получил награду и оставил сэра Джерома Боуса за столом.

Если я буду распространяться далее таким же образом (а говорить есть о чем), то это потребует слишком много времени. Было несколько секретных заседаний и конференций и несколько публичных. Царь пировал. Ему ежедневно доставляли большое количество запасов, которые приносили ему в дар; ничто ему не нравилось; он был очень недоволен. Счеты были покончены между царскими чиновниками и купеческою компаниею; все жалобы выслушаны, удовлетворены; привилегии дарованы, и царь решил отправить одного боярина посланником к королеве. Сэр Джером Боус не знал меры и не умел пользоваться обстоятельствами в то время, когда царь, воспламененный мыслью об исполнении своего желания, согласился бы на все, что бы ни было ему предложено.

Он и без того обещал, что если состоится супружество с родственницею королевы, то дети ее будут наследниками русского престола. Князья и бояре, в особенности те, которые были в близком родстве с женою царевича из фамилии Годуновых, были очень опечалены и оскорблены этим; они изыскивали тайные средства и сговаривались помешать всем подобным замыслам. Между тем царь в ярости, сильно расстроенный и мучимый разными сомнениями, послал за колдуньями на северный берег, где жили многие из них, между Холмогорами и Лапландиею. Их привезли на почтовых в Москву, поместили под стражей и давали постную пищу. Любимец царя Богдан Бельский²⁶ ежедневно ходил с ними совещаться; царь ему одному только доверял выслушивать и передавать их откровения и предсказания на предложенные вопросы. Преданность этого любимца царю поколебалась: он утомился наблюдать и следить за поворотами солнечного восхода; ему надоели дьявольски деспотические выходы, изъявления страха и злобные выдумки этого Гелиогабала²⁷. Вещуньи сообщили ему, что важнейшие «созвездия», могущественнейшие небесные планеты — против царя и приключится ему смерть в такой-то день. Но Бельский не осмелился передать это царю и с гневом сказал им, что именно в этот день все они будут наверно сами сожжены. Царь и в самом деле стал страшно пухнуть, потому что он злоупотреблял собою в течение 50 лет, хвастаясь тем, что осквернил тысячу девиц и погубил тысячи своих собственных детей.

Каждый день его приносили на креслах в ту комнату, где находились его сокровища. Однажды Борис Федорович²⁸ сделал мне знак следовать за собой. Я стоял вместе с прочими, как пришлось, и слышал, как царь называл дорогие камни и драгоценности. Он объяснял царевичу и присутствующим боярам свойство такого и такого-то камня; я следил за ним и передам его слова, как помню; прошу извинения, если не по порядку: «Вы все знаете, что в магните великая и тайная сила; без него нельзя было бы плавать по морям, окружающим мир, и знать положенные пределы и круг земной. Стальной гроб Магомета, персидского пророка, дивно висит на воздухе посредством магнита в Дербенте в ропате²⁹». Тут царь приказал слугам принести цепь из намагниченных иголок, висевших цепью одна на другой... «Видите этот прекрасный коралл и эту прекрасную бирюзу, возьмите их в руку; восточные ожерелья делаются из них. Теперь положите мне их на руку; я отравлен болезнью: вы видите,

они теряют свое свойство, переменяют свой яркий цвет на бледный; они предсказывают мне смерть. Достаньте мне мой царский посох; это рог единорога, украшенный прекраснейшими алмазами, рубинами, сапфирами, изумрудами и другими редкими дорогими камнями, купленными за семьдесят тысяч фунтов стерлингов от Давида Говера, выходца из Аугсбурга. Отыщите несколько пауков». При этом царь приказал своему доктору Иоганну Лoffу выцарапать на столе круг, положить в него одного паука, потом другого — и они замерли; но некоторые из пауков быстро убежали прочь из круга. «Уже слишком поздно; это меня не спасет! — сказал царь. — Взгляните теперь на эти драгоценные камни. Вот алмаз, самый драгоценный из восточных камней. Я никогда не любил его; он удерживает ярость и сластолюбие и дает воздержание и целомудрие; малейшая частица его может отравить лошадь, если дать его в питье, а тем более человека». Указывая на рубин, он добавил: «О, как этот камень оживляет сердце, мозг, дает бодрость и память человеку, очищает застывшую, испорченную кровь!» Потом, обращаясь к изумруду, он сказал: «А вот этот драгоценный камень радужной породы — враг всякой нечистоты. Испытайте его: если мужчина и женщина живут друг с другом в распутстве и около них этот камень, — он лопается при злоупотреблении природою. Вот сапфир: я очень люблю его; он охраняет, дает храбрость, веселит сердце, услаждает все жизненные чувствования, пленяет глаза, прочищает зрение, удерживает приливы крови, укрепляет мускулы, восстанавливает силы». Потом, взяв оникс в руку, он сказал: «Все это удивительные дары божии, тайны природы, открываемые людям им на пользу и созерцание. Они покровители милосердия и добродетели и враги порока. Я слабею, уведите меня... До следующего раза...»

Пополудни Иван прочитал свое завещание; но еще не думал умирать; его несколько раз околдовывали и расколдовывали; но теперь диавол стал бессилен. Иван приказал своему главному аптекарю и медикам приготовить баню ему в облегчение и наблюдать: на добро ли ему складываются приметы; и послал снова своего любимца к колдуньям узнать об их вычислениях. Бельский пришел к ним и сказал: «Царь зароет вас всех в землю живьем или сожжет за ложные предсказания и обман. День наступил, а царь так же крепок и незредим, как прежде был». — «Боярин, не гневайся, — отвечали колдуни, — день только что наступил, а тебе известно, что

он кончается с солнечным закатом». Бельский поспешил к царю: делались большие приготовления к бане. Около третьего часа царь пошел в баню, мылся в свое удовольствие и, по своему обыкновению, тешился приятными песнями. Вышел он оттуда около семи часов и чувствовал себя свежее; его привели и усадили на постель. Иван подозвал Родиона Биркена, дворянина, которого он любил, приказал ему принести шахматный столик и стал сам расставлять шахматы. Главный любимец его, Борис Федорович Годунов, и другие стояли кругом стола. Царь был в широком платье, рубахе и холщовых штанах. Вдруг он ослабел и упал навзничь. Поднялся крик, смятение: кто посылал за водкой, кто — в аптеку, за «розовой водой» и золотоцветом, кто — за духовником и медиками. Тем временем он испустил дыхание и окостенел. Чтобы восстановить сколько-нибудь тишину, стали говорить, что еще есть надежда на его выздоровление. Богдан Бельский и Борис Годунов, брат жены будущего царя Федора Ивановича, главные из четырех других бояр, которым царь передал завещание, — одним словом, все правительство вышло на террасу в сопровождении внезапно образовавшейся толпы, множества знати и приближенных покойного царя. Вид был поразительный. Они закричали головам и стрельцам, чтобы крепче стерегли и заперли все ворота во дворце и держали наготове орудия с зажженными фитилями. Все ворота Кремля тотчас были заперты. Стена уставлена стражею. Я предложил себя, людей, порох и пистолеты к услугам нового правителя; он принял меня в число своих домашних и слуг и, проходя мимо с веселым видом, сказал: «Будь верен мне и не бойся».

Митрополиты, епископы и бояре собрались во дворец — день этот был для них днем торжества и избавления; все наперерыв теснились к евангелию и кресту присягнуть на верность новому царю Федору Ивановичу. Все это совершилось быстро, в какие-нибудь шесть или семь часов: запечатали казну, и новые должностные лица прибавлены в помощь старым. Двенадцать тысяч стрельцов и головы их расположились гарнизонами вокруг стен обширного города Москвы. Мне дали стражу для охраны английского двора и посланника сэра Джерома Боуса, который, дрожа от страха, ожидал с часу на час либо смерти, либо конфискации имущества, запер двери и окна в своем доме, оберегая остатки прежнего изобилия. По воле прежнего царя Борис Федорович был назван правителем государства, а трое других бояр на-

значены ему помощниками в управлении, а именно: князь Иван Мстиславский, князь Иван Васильевич Шуйский³⁰ и Никита Романович. Они начали править и распорядиться всеми делами, собрали инвентари всех где-либо хранившихся сокровищ, состоящих в золоте, серебре и драгоценных камнях; освидетельствовали присутственные места и доходные книги. Везде назначены были новые казначеи, советники, новые чиновники по всем приказам, новые наместники, головы и гарнизоны. Во всех важнейших городах, острогах и в более значительных волостях были поставлены люди из фамилий, на верность которых можно было положиться; то же самое было соблюдено при составлении свиты царицы, сестры Бориса, и он сам, благодаря этим мерам, поставил себя вне всякой опасности и очень усилился. Велико было уважение к Борису; его величали, любили, боялись и уважали; он обращался с князьями и боярами и всякого рода людьми так ласково и любезно, что еще более расположил всех к себе.

За мной послали и спрашивали, что посоветую им сделать с сэром Джеромом Боусом, так как дело его окончено. Я ответил боярам, что честь царя и государства требует отпустить его подобру-поздорову, согласно народным правам. Иной способ будет дурно понят, и могут возникнуть такие неприятности, которые трудно будет уладить; впрочем, я предоставлял это их мудрому и внимательному обсуждению. Все они дурно отзывались о Боусе, говорили, что он достоин смертной казни; но так как нынешние царь и царица находятся теперь в более милостивом расположении, то они поручают мне отправить его с изъявлением ему неудовольствия; я просил поручить это кому-нибудь из подданных его величества.

Борис Федорович призвал меня однажды вечером к себе; я застал его за шахматами с одним родственником государя, князем Иваном Глинским. Он отвел меня в сторону и сказал: «Говорите поменьше в защиту Боуса; я предупреждаю вас, бояре недовольны этим. Ступайте сами, успокойте таких и таких-то (он назвал кого). Ваш ответ обсудили; но многие требуют наказания за поведение Боуса. Со своей стороны я сделаю что могу: скажите ему это от меня». Я пошел к боярам, пытался их успокоить. Они сказали мне, что участие, которое я оказываю сэру Джерому Боусу, может мне повредить более, нежели я думаю; что им известно положение дел и Боус ненавистен всем, в особенности высшим должност-

ным лицам, которые так много терпели от его высокомерия. Меня они любили по старому знакомству, а еще больше за то, что Борис Федорович был так расположен ко мне. «Поменьше вмешивайтесь в это дело»,— говорили они мне. Но я все-таки продолжал тайно хлопотать о Боусе, так как он был в большой опасности. Я умолял, чтобы его отправили в Англию, так как его уже схватили и держали взаперти, лишив всякого содержания. Наконец, когда были покончены другие, более важные государственные дела, без свиты послали за ним простого гонца, и тот ввел его в комнату, где были многие бояре. Они обошлись с Боусом без всякого уважения, обвиняли его в гнусных поступках против престола и государства и, не давая ему времени для ответа, осыпали бранью; в особенности нападали на него оба Щелкана, важные сановники, и некоторые другие, которые много потерпели от гнева и побоев царя по жалобам Боуса, который неразумно и бесполезно указывал на их ошибки и тем беспокоил царя и подданных, чего не делал до него ни один посланник. Бояре говорили, что в пример другим, чтобы не забывались и помнили, какое место занимают посланники, следовало бы отрезать ему, Боусу, ноги и выбросить его обезображенное тело в реку. При этом они показали на окно; но тут же прибавили, что бог даровал им милосерднейшего государя, который не хочет мести, и потому Боус узрит его очи ради королевы Елизаветы. Ему приказывали также снять шпагу, но он не послушал, потому что это было противно данному приказу и присяге. Они все-таки принудили его наконец послушаться, объяснивши, что он явится в присутствие благочестивого и кроткого государя, душа которого опечалена, и вид оружия неприятен ему. Боусу пришлось вооружиться терпением; его представили царю одного. Царь устами своего дьяка поручил кланяться королеве Елизавете. Затем сэра Джерома Боуса отпустили домой, дав ему три дня на отъезд из Москвы: быть может, вслед за ним намеревались послать письмо королеве. Сэр Джером Боус располагал теперь небольшими средствами, не имел денег, кроме данных ему на дорогу; но был рад, что его отпустили так мирно, и сам он желал выбраться из России. Я выхлопотал ему 30 позозок под имущество и слуг и столько же почтовых лошадей и пресил у правителя дозволения видаться с ним, говорить и проводить за город. Один сын боярский приставлен был надзирать за Боусом и стеречь его; он обращался с ним невежливо и много заставлял терпеть от своего высокомерия и чванства.

Я провожал Боуса со своими слугами и добрыми друзьями на хороших верховых лошадях во избежание неприятностей, которые могли случиться с ним и с его спутниками. В десяти верстах от города я разбил свой шатер; у меня был добрый запас вина и меду. Я простился с Боусом и его свитою; он просил меня не терять из виду его безопасности, боясь какого-нибудь коварства на дороге, что я и исполнил, хотя ничего ему не ответил. До странности одержимый страхом, он благодарил меня за то, что я сделал; говорил, что будет просить королеву и моих друзей изъяснить мне признательность и что ни он, ни его друзья не забудут этого. Собственноручным письмом из Переяславля он повторил сказанное мне при прощании и просил продолжать заботиться о нем. Бог мне свидетель, я действительно старался о его безопасности и пользе, выхлопотал у правителя, чтобы тот послал вслед за ним грамоты королеве и связку соболей ему в подарок от себя. Но когда Боус прибыл к Св. Николаю и вступил на корабль, то позволил себе крайне невоздержанные, опрометчивые и нескромные выражения, обращаясь к дворянину, его сопровождавшему; изрезал в куски связку соболей и письма, отзывался высокомерно и оскорбительно о царе и его советниках. По его отъезде важные государственные сановники Щелканы из друзей стали моими смертельными врагами за то, что я принял сторону Боуса. Я распространяюсь обо всем этом, чтобы рассказать впоследствии, как сэр Джером Боус расквита́лся со мною.

Строй и управление Русским государством так изменились против прежнего, что можно было назвать это государство совсем новым; все получило другой вид, противоположный старому; каждый жил в спокойствии, радовался, занимаясь своим делом; везде назначены новые чиновники, везде творилось правосудие. [...]

Царь Иван Васильевич царствовал около шестидесяти лет. Он покорил Полоцк, Смоленск и много других городов и укреплений на семьсот верст на юг от Москвы, в Литовском крае, принадлежащем польской короне. Он завладел также многими другими городами и укреплениями в восточной Ливонии и в других областях Польши и Швеции; завоевал царства Казанское и Астраханское, земли многочисленных ногаев, черкесских татар и множество других народов, обитавших на расстоянии двух тысяч верст по берегам знаменитой реки Волги, на юг до самого Каспийского моря. Он освободился от подати, или рабской дани, платимой и представляемой им и его пред-

шественниками ежегодно великому скифскому царю, татарско-крымскому хану, кроме ежегодного платежа в предохранение от ежегодных татарских набегов. сверх того, Иван покорил царство Сибирское и все прилежащие к северу земли свыше 1500 верст и, таким образом, значительно расширил свои владения и государство на все стороны; старался заселить его и завел обширную торговлю со всеми странами для обмена произведений; этим средством не только увеличились пошлины и доходы казны, но обогащались города и провинции. Владения этого государства теперь настолько обширны, что с трудом могут состоять в одном управлении и должны снова разделиться на государства и княжества, однако находятся под одною верховною монархическою властью, наиболее могущественною между всеми соседними государствами. К этой цели стремился Иван, мог надеяться и был на пути к достижению. Но необузданное честолюбие и человеческая мудрость оказываются безумием перед всеильною волею и властью всемогущего, как это оказалось впоследствии.

Царь привел к определенной и точной форме писаного закона двусмысленные и неясные обычаи и судопроизводство, предоставив каждому подданному уразуметь смысл закона и самому, без ходатая, вести тяжбу своего дела, а в важных случаях обращаться беспрепятственно к верховному суду правительства. Этот же царь установил и обнародовал одно всеобщее вероисповедание, вероучение и церковный порядок [...]. Он и его предшественники, признавая, что первоначальные и основные правила христианской религии опираются на греческую церковь, производили древность собственной церкви от апостола Андрея и св. Николая, своего покровителя. Но церковь греческая, по причине раздоров и разорений, в последние годы пришла в упадок и удалась от основных пунктов как в сущности учения, так и в обрядах. Вследствие этого царь отделил московскую епархию от сообщения с нею и, таким образом, лишил последнюю пособий и даней, собираемых для ее нужд, и уговорил малодушного патриарха Иеремию отказаться за патриаршество в Константинополе в пользу московской митрополии. При этом царь окончательно отверг и порицал учение папы, утверждая, что из всех христианских церквей оно самое ошибочное; что папы заботятся о своем честолюбии, прибегают к выдумкам, чтобы поддержать незаконно присвоенную иерархию, и удивлялся, как это христианские государи признают за папой какое-либо пер-

венство и светскую власть. Все это, но более подробно, он велел своим митрополитам, архиепископам, епископам и игуменам объявить во всеуслышание папскому нунцию Антонию Поссевину³¹, великому иезуиту, перед царскими вратами в церкви Пречистой в городе Москве. Иван построил в свое время до сорока каменных церквей, богато убранных и украшенных внутри, с позолоченными чистым золотом верхами. Он основал около шестидесяти мужских и женских монастырей и, одарив их колоколами и украшениями, назначил всем содержание ради молитв за его душу.

При Иване построена была посреди Кремля башня из тесаного камня, называемая Благовещенская колоколица, с 30 большими колоколами приятного звона, служащими для всех соборов и красивых окружных монастырей. Все колокола заливаются разом в праздничные дни (которых очень много у русских) или заунывно звонят во время полночной молитвы.

Не могу пройти молчанием одного акта своеобразного милосердия, очень замечательного, и этим кончу говорить о благочестии царя. В 1575 году ужасный голод последовал за моровой язвой, истребившей лучших людей. Города, улицы и дороги были переполнены бродягами, праздными попрошайками и притворными калеками; не было от них никакого спасения в эти времена общего оскудения. Объявлено было, что царь станет раздавать щедрую милостыню в такой-то день в слободе. Явилось туда несколько тысяч; семистам самым негодным обманщикам размозжили головы и бросили их трупы в озеро на корм рыбам, а остальных, действительно слабых, отправили в монастыри и богадельни.

Кроме подобных дел, царь в свое время построил 155 крепостей в разных частях своего государства и снабдил их орудиями и гарнизоном. Он построил 300 городов в пустынных и диких местах, назвал их «ямами» — на версту и две в длину; каждому жителю в городе дал участок земли с тем, чтобы он мог содержать столько лошадей, сколько потребуется. Самую Москву царь обвел крепкою, широкою и красивою стеною, снабдив орудиями; учредил начальство над стражею.

Этим я кончу о царе Иване Васильевиче. Он был хорош собой, стройно сложен, с высоким лбом, с пронзительным голосом, настоящий скиф, — остроумен, жесток, кровожаден, безжалостен; его собственная опытность помогала ему в управлении государством и общественными делами. Его погребли великолепно в церкви Арханге-

ла Михаила, где стерегли тело его день и ночь; гроб его оставался страшным зрелищем в памяти тех, которые проходили мимо или слышали его имя; они клали крестное знамение и читали молитву, страшась мысли его появления на земле вновь.

Борис Федорович, желая проявить свое величие, назначил и снарядил наиболее годных послов ко всем государям и союзникам Русского государства. Но прежде всего были сделаны приготовления к царскому венчанию, которое требует более подробного описания, чем я могу уделить. Я сам был свидетелем этого торжества, причем мне было оказано много милости и почета; но не стану рассказывать о нем, а попрошу читателя обратиться к сделанному уже описанию в книге путешествий Гаклюйта³² и к рассказу доктора Флетчера³³, отданному давно в мои руки вместе с другими рассуждениями о положении и управлении этого государства. Меня выбрали вместе с некоторыми другими и назначили послом к королеве. Сущность нашего посольства состояла почти в следующем; известить ее величество, что, по воле божией, государь Федор Иванович коронован и посажен на престол над всеми государствами и землями, которыми владел его отец, блаженной памяти царь Иван Васильевич. При этом новый царь имеет добрые намерения и, побуждаемый заботливым и свойственным ему благим желанием мира, извещает государей на их благоусмотрение, что он предполагает состоять с ними в союзе и братской дружбе; и если они примут ее, то обещает сноситься с ними и поддерживать торговые и всякие другие отношения между своими и их подданными.

Меня отправили с этой грамотой и поручением вести переговоры о всех предметах, собственно касающихся пользы обеих сторон, и отпустили особенно милостиво, с благосклонными и лестными речами, как частным образом, так и публично сказанными мне правителем Борисом Федоровичем, который, кроме того, дал от себя еще особенные инструкции и поручения. Я пустился в путь с хорошим содержанием и свитой, и, куда ни приезжал, везде меня принимали, содержали и обращались со мною как с посланником. Я выехал из Москвы 20 августа 1585 года; проехал сухим путем 600 верст до Пскова, оттуда в Дерпт в Ливонии, в Пернау, Венден, Либаву и наконец в Ригу, столицу этого края, где я имел поручение переговорить с королевой, вдовой Магнуса, ближайшею наследницею московского престола. Она жила очень бедно в рижском замке на скудном содержании, которое вы-

давалось ей из казны польского короля. К ней не было доступа иначе как с разрешения кардинала Радзивилла, который проживал тогда в Риге. Это был утонченный князь-прелат, любивший общество ливонских дам, красивейших женщин в свете. Много мне стоило труда добиться у него доступа к королеве. Кардинал сначала принял на себя строгий вид, показывая этим, что он затрудняется дать разрешение; но когда мы с ним ближе познакомились, он развеселился, шутил и однажды, проходя мимо меня в процессии, засмеялся и дал мне знак, чтобы я глядел на его степенный вид.

Когда я пришел к Елене, вдове короля Магнуса, то застал, как она расчесывала волосы своей дочери, хорошенькой девятилетней девочки. Королева спросила, что мне нужно. Я выразил желание говорить с нею наедине; она сначала посмотрела на меня сурово и сказала, что не знает меня и у ней нет особых приемных комнат и свиты. Оставив свою дочь с дворянкою, она отошла к окну и приняла еще более величественную осанку. «Государыня! — сказал я. — У меня нет времени распространяться о причине посольства моего к вашему величеству; позвольте мне просить вас сохранить в тайне то, о чем я буду говорить с вами, имея в виду одну вашу пользу». Она молчала; я продолжал: «Брат ваш царь Федор Иванович (он приходился ей двоюродным братом), проведая о той нужде, в какой живете вы и дочь ваша, желает, чтобы вы вернулись на родину; там вы были бы поставлены сообразно вашему царственному рождению и сану и получили бы приличное содержание: а правитель Борис Федорович, со своей стороны, обязывается выполнить это». Она отвечала: «Они меня не знают, и я их: но ваш вид, речь и наружность побуждают меня верить вам более, чем приказывает рассудок». Меня прервали и поспешно вывели, из чего я увидел, что комендант не совсем доверяет мне. Ей также не хотелось расстаться со мною. Она начала плакать; глядя на нее, заплакали дочь и дворянка. Королева выразила желание, чтобы я снова добился свидания с нею. Известили об этом кардинала; он послал за мною и спросил, какими это шутками я заставил королеву смеяться. Я ответил, что ему передали что-нибудь не так. «Вы знаете, что я разумею под этим? Вы будете иметь доступ к ней, но не будьте слишком дерзки». Я попросил у него письменного разрешения — и получил его. Она с нетерпением желала выслушать остальное; я также охотно сообщил ей все. «Вы видите, сэр, — сказала она, — я здесь как пленница;

содержание мое самое скудное: едва тысяча талеров в год!» — «Вы можете помочь этому, если пожелаете». — «Два сомнения особенно тревожат меня: положим, что я бы согласилась ехать с вами, но я не имею возможности бежать и думаю, что это очень трудно, так как убедилась, что король и государство хотят пользоваться моим рождением и кровью, как египетскими божками; а с другой стороны, я знаю московские обычаи и мало имею надежды, чтобы там поступили со мной иначе, как обыкновенно поступают с царскими вдовами, запирая их в отвратительные монастыри; это мне было бы хуже смерти». — «Ваше положение совсем другое, да и времена не те; теперь никого не принудят к этому, у кого есть ребенок или дети, которых нужно воспитывать». — «Какое мне ручательство в этом и в том, что действительно так думают те, от имени которых вы говорите?» — «Если вы согласитесь, то можете подвергнуть это опыту; а уверенность в успехе с вашей стороны может много способствовать благополучному исходу предпринятого вами бегства; нужно только, чтобы вы убедились и увидели в задуманных средствах возможность безопасно выполнить его». — «Итак, я должна полжиться на бога и на вашу христианскую скромность и обещание; позвольте узнать ваше имя и приблизительно время, когда это может случиться?» — «Не сомневайтесь, милостивая государыня; через два месяца ваше величество узнаете и то и другое; я оставляю вам в залог эти сто венгерских золотых дукатов, а через семь недель, или около этого, ваша милость получите еще четыреста».

Королева приняла их с благодарностью; сверх того я поднес еще двадцать дукатов ее дочери.

Затем я раскланялся с ними; королева и дочь ее пожали мне руку на прощание, и я ушел очень довольный, что мне удалось сделать так много.

Мои слуги и комендант замка очень удивлялись тому, что я так долго оставался у королевы. Последний донес об этом снова кардиналу. «Да ну его! — ответил тот. — Не подозревайте его; вы видите, какой он ловкий парень и красивый, и т. д. Я желал бы, чтобы она досталась ему; тогда я воротил бы то, чего она мне стоила. Но на это не согласятся ни король польский, ни государство и за сто тысяч дукатов». Я подарил кардиналу красивый, шитый золотом носовой платок и нижайше благодарил его за расположение. «Я рад, что вы имели такой успех, сэр; когда мы встретимся снова в Польше, то весело припомним старое знакомство».

Когда я выходил из городских ворот, меня встретила прилично одетая девушка с непокрытой головой и подала белый, искусно тисненый носовой платок, в уголке которого был завязан маленький перстень с рубином недорогой цены; она не сказала мне, от кого это. Я поехал прямо, спеша выбраться из местности, подвластной кардиналу, через Курляндию, Пруссию, Кенигсберг, Мельвин и Данциг. В последнем городе я отдохнул немного и послал обратно одного из своих слуг, данцигского поселянина, с письмами, платком и донесением к царю и Борису Федоровичу о том, что я сделал. Все это я зашил в подкладку его стеганого одеяла. Он проехал так благополучно и скоро, что королева, вдова Магнуса, с дочерью были похищены очень ловко и отправлены на почтовых через Ливонию, прежде чем заметили, что их нет. Комендант послал за ними верховых, но было поздно. Его отставили от должности с выговором и назначили на его место другого, более надежного.

Чтобы покончить с этой историей, скажу, что, по возвращении моем из Англии, я узнал, что вдова Магнуса окружена большим почетом, имеет свой двор, земли и приличное ее званию содержание; но вскоре после того она и дочь ее были заключены в женский монастырь наравне с другими царицами, причем она воскликнула: «Да будет проклято то время, когда я была обманута и поверила ему!» Но ей не было дозволено видаться со мною, ни мне с нею. Эта услуга была достойно принята; но я очень раскаялся, что оказал ее.

Возвращусь к моему рассказу: из Данцига я проехал через Кашубию, Померанию, Штетин, Мекленбург, Росток (где я чудесным образом спасся от смерти) и прибыл в знаменитый имперский город Любек, и здесь был принят отлично и с большим почетом. Бургомистр и ратманы поднесли мне вина и печенья и поблагодарили за мое прежнее расположение к ним. Из Гамбурга я отправился в Англию, прибыл ко двору в Ричмонд, явился к лорду-казначею и сэру Фрэнсису Уолсингэму. Они представили меня королеве. Ее величество приняла письма царя, очень милостиво выслушала мою речь, самым лестным образом похвалила меня, говоря, что очень рада иметь такого смышленного и верного слугу, которому великие иностранные государи поручают такие важные дела. Затем, обратившись к своему гофмейстеру м-ру Томасу Геннигу, сказала: «Позаботились ли вы о его помещении? Уже поздно, завтра я побольше поговорю с вами», — сказала она мне. Сэр Джером Боус и его брат,

мистер Рауф Боус, пришли ко мне с приветствием, наговорили мне много любезностей и с некоторой наглостью испытывали меня. Боус отзывался с большою похвалою о моих переговорах, о той милости и уважении, какими я пользовался при царском дворе. Я поверил ему потому, что королева то же самое говорила мне. На следующий день ее величеству угодно было назначить мне длинную аудиенцию. Она коснулась, между прочим, неловкого поведения сэра Джерома Боуса; но я почти ничего не ответил на это. Мне поручили перевести письма; я принялся за дело, стараясь смягчить написанное против сэра Джерома; это не понравилось секретарю, который заметил это и сказал, что королева была бы недовольна, если бы узнала, так как ее величество приказывала мне никого не опасаться.

Когда я перевел письма, секретарь прочел их королеве. Ее величество пожелала узнать, что мне было поручено передать ей изустно сверх того, что заключалось в царских письмах. Я ответил, что имею передать весьма много, и потому боюсь утомить высокое внимание ее величества; и так уже довольно поздно. «В таком случае я назначу вам более удобное время для дальнейшей аудиенции.— И, обратившись к лордам, королева сказала:— Надеюсь, лорды, вы согласитесь с тем, что содержание этих писем так же лестно, как содержание всякого другого письма, какое мы когда-либо получали от вновь вступившего на престол государя: он предлагает нам свою дружбу и союз, а это мы должны были бы предложить первые сами собою, из вежливости и по принятым у государей обычаям».

Меня в Лондоне поместили удобно, с хорошим содержанием и прислугой; а члены Московской торговой компании — сэр Роуланд Гейвард, сэр Джордж Барнс, таможенный Смит и многие другие олдермены и знатные купцы — оказывали мне всякий почет, угощали и развлекали. Королева вызвала меня в Гринвич; я доложил все, что знал и о чем угодно было ее величеству спросить меня, и, кроме того, прибавил, что мы упустили удобный случай и большие сокровища, которыми могло бы завладеть, при случае, ее королевство. Я употребил много времени, закупаая разные запасы для царя и правителя согласно данному от них приказу. Кроме того, они через меня спрашивали мнения и советы у ученых медиков оксфордских, кембриджских и лондонских относительно царицы Ирины в некоторых исключительных случаях (зачатия и рождения детей: она была уже семь лет заму-

жем и часто бывала беременна, но не имела детей), а также касательно супружеского сожития, о чем мне было дано секретное поручение. Но случилось так, что это навлекло на меня большие неприятности.

Сэр Джером Боус за некоторое неудовольствие, высказанное ему королевой, стал употреблять разные злобные происки, чтобы повредить мне; восстановил против меня лорда Лечестера, нового регента Нидерландов, который прежде оказывал мне много чести и внимания и писал частные милостивые письма; а я, по его письменным требованиям, высылал ему богатые меха, белых кречетов, белых медведей и другие ценные предметы, платя друзьям моим за доставку. Боус наговорил на меня, что я показывал разным лордам и ноблеменам свою записную дощечку, на которой будто бы отметил день и то, каким образом лорд сбросил свою жену с двух лестниц, сломил ей голову и через что сделался любимцем королевы. Этим Боус думал погубить и меня и дело, которое было у меня в руках, тогда как до этого я даже не слыхивал о чем-нибудь подобном. Граф Лечестер написал обо всем королеве и просил призвать меня к допросу и задержать. Королева изменилась в лице, поклялась, что я отвечаю за это, и приказала своему совету лордов разобрать дело.

Сэр Джером Боус вызвался доказать сказанное им через посредство Финча, своего прихлебателя, которого я будто бы хотел сжарить в Москве за донос. Однако королева открыто сказала: «Я не сомневаюсь, что Горсей покажет себя честным человеком в этом деле». Один только лорд Гонсдон, занимавший тогда должность канцлера, принял сторону Боуса, а лорд-казначей сэр Христофор Гаттон и в особенности сэр Фрэнсис Уолсингэм упорно и с доверием держались хорошего мнения обо мне, да еще многие друзья и родственники стояли твердо за меня. При дворе и в городе толковали об этой гнусной истории. Нас собрали. Сэр Джером Боус притворился больным; лорды нарочно послали за ним, потому что этого желала королева. Он явился: сторона обвинителей была слаба, запинаясь, боязливо и беспрестанно посматривала на Боуса, ожидая, что он скажет лордам, которые все казались недовольными. За меня были четверо значительных купцов, живших все время в Москве, когда находился там этот Финч, который только всего каких-нибудь дней десять и был при мне. Они показали и засвидетельствовали, как я дружелюбно относился к Боусу, как дружески проводил из Москвы, как помогал

ему в нужде и опасности. При этом я показал его собственноручные письма, исполненные благодарности и признательности. Лорды удалили Боуса из комнаты совета и приказали Финчу объявить истину. Тот сознался, что письма были собственноручно писаны им, и показал, что Боус часто и настойчиво принуждал его поддержать обвинение, говоря, что непременно уничтожит Горсея и его посольское дело; а он, Финч, прежде ничего об этом и не слыхивал. Лорды приказали наложить на Финча тяжелые оковы, а лорд-казначей сказал ему: «Хотя вас, сударь мой, и не жарили, но я очень жалею, что не содрали с вас немного шкуры!» Лорд-камергер тайно от лордов поспешил к королеве; но секретарь предупредил его, пройдя другим ходом, и рассказал ее величеству о том, что произошло. Королева сделала выговор лорду Гонсдону, а тот сложил всю вину на Боуса, которому сказали лорды, что он так уронил себя, что уже нельзя никакой ценой поправить сделанного. «Пусть он, милорды, потерпит за свое ложное показание», — сказала королева и запретила ему являться ко двору.

Я утомил вас, но могу еще столько же рассказать о недоброжелательстве этого дурного человека, наделавшего зла более, чем стоила его жизнь.

Однако нанесенная мне обида была замечена; для меня наступили более ясные дни. Невзирая ни на что, при пособии друзей — сэра Фрэнсиса Уолсингэма и сэра Джорджа Барнса — я сделал в это время закупку львов, быков, собак, позолоченных алебард, пистолей, ружей, всякого вооружения, разнородного аптекарского снабдьа, вина, органов, клавикордов и других музыкальных инструментов, алых тканей, ниток жемчуга, посуды вычурной работы, разных других ценных вещей, сообразно данному мне поручению. Прощаясь с королевой, я получил от ее величества письма к царю и правителю и отпускные грамоты на проезд, причем мне было сказано много милостивых слов и дано обещаний, а от лордов и компании купцов было мне много наказов и инструкций с некоторым вознаграждением, за поддержку доброго расположения и за оказанные им услуги при дворе царя. Я отправился очень удобно из Англии, в сопровождении девяти хороших купеческих кораблей. Прибыл я к порту Св. Николая, оттуда на почтовых к Москве и, проехав 1200 верст, явился к правителю, теперь уже владельческому князю земли на Ваге, был принят им радушно; после многих разговоров он провел меня к царю задним ходом, который, по-видимому, был рад моему возвраще-

нию, потчевал, шутил и затем отпустил меня до времени. На другой день правитель послал за мною, рассказывал о разных необыкновенных происшествиях, переменах и событиях, случившихся со времени моего отъезда, о которых мне было очень грустно слышать. Между прочим, он сообщил о тайных замыслах вдовы-царицы, матери царевича Дмитрия, ее родных и некоторых других бояр, назначенных волею покойного государя ему в товарищи по управлению и которых он, уверенный в своей собственной силе, не хотел вовсе иметь соправителями. «Вы услышите многое,— прибавил он,— но верьте не-многому, кроме того, что я сказал вам».

От противников Бориса Годунова я действительно слышал многое; некоторые вельможи сообщили мне причины своего неудовольствия: обе стороны друг против друга работали, чтобы дать волю своему произволу, с большою осторожностью, предусмотрительностью и ловкостью, что никому не могло принести пользы в конце концов.

Борис спросил меня: «Когда же приедут ваши подарки и мои закупки?» — «Я думаю, что они уже близко»,— отвечал я.

Меня позвали к царю в заседание совета, который был почти в полном составе. После вступительной речи и перечисления титулов я прославил величие царской монархии и передал письменный отчет в моем поручении (как делали это другие посланники) и ответные письма его величеству от ее величества, королевы английской. Когда их приняли, я хотел удалиться. Меня спросили о подарках, посланных его величеству. Я ответил, что они таковы, что требуют довольно времени для перевозки. Немедленно дан был приказ послать одного дворянина с двадцатью ловчими и со всем необходимым для поспешной доставки от Двины всего привезенного мною. Тут меня похвалили за услуги и за исполнение царского желания и поручения касательно благополучного прибытия в Россию королевы, вдовы Магнуса.

Богдан Бельский, главный любимец покойного государя, был отправлен в укрепленный город Казань в опалу, как опасный заговорщик и зачинщик мятежей между недовольными дворянами. Петр Головин, главный казначей старого царя, человек знатного рода и большой храбрости, за дерзость и резкие выражения против Бориса Федоровича тоже подвергся опале по наговору Ивана Воейкова, любимца нового правителя, был выслан и умерщвлен дорогой. Иван Васильевич Сицкий, первый из

князей царственной крови, пользовавшийся большим уважением и властью, был главным соперником Бориса в правительственной комиссии; его неудовольствия и могущество были опасны ему, и потому был найден предлог к обвинению. Царская немилость постигла Сицкого внезапно, и ему приказали выехать из Москвы на покой, в свою землю; но дорогой внезапно напал на него отряд царской гвардии: он задохся в избе, которую подожгли, обложив сырым сеном и соломой³⁴, не в далеком расстоянии от его имения; все оплакивали его. Это был важнейший и наиболее страшный камень преткновения для дома и семьи Годуновых; затем еще многих, наиболее подозреваемых или не ладивших с ним, постигла постепенно та же участь. Мне грустно было видеть, как в сердцах и мнении большинства возрастала ненависть к правителю за его лицемерие и жестокость, которую еще более преувеличивали. Однажды Борис Федорович взял меня с собою за город, через потаенные ворота, при небольшом числе людей, его сокольничих, смотреть, как его кречеты гонятся на лету за журавлями, цаплями и дикими лебедями, царски забавляясь своими острыми когтями, но не разрывая и не истребляя добычи, потому что у них был наготове бесконечный выбор корма. В это время какой-то нищенствующий монах подошел к правителю и советовал поспешить домой, потому что не все друзья ему из тех, которые собираются смотреть на его забаву. В это время до пятисот молодых дворян и придворных слуг верхами ехали ему навстречу ради почета, как говорилось, или с тем, чтобы проводить его за город. Он послушался совета, который дал ему монах, и сделал так, что никто не заметил его ухода и не последовал за ним. Когда легкий сокол пролетел на ту сторону реки и схватил добычу, Борис Федорович переправился вброд ближайшей дорогой и был у ворот Кремля, прежде чем успела доехать остальная компания. Я видел, как он доволен, что благополучно прибыл во дворец, где епископы, вельможи, дворяне и всякий люд ожидали его с челобитными, не имея возможности добраться до него иногда два-три дня, так как он обыкновенно входил в царские покои боковым входом, скрываясь от людских взоров. Я просил его оглянуться и показаться на террасе; он бросил на меня свирепый взгляд, как будто я советовал ему дурное, потом одумался, подошел к ним, поздоровался со многими и принял их челобитные при восклицаниях: «Да здравствует Борис Федорович!» Он сказал, что представит их челобитные царю. «Ты сам великий государь, Борис Фе-

дорович; как скажешь слово, так и будет!» Эти слова не были ему неприятны, как я заметил,— он уже домогался венца.

Мои подарки и прочие вещи прибыли благополучно в Москву. В назначенный день я снова должен был явиться к царю от имени ее величества вместе с почтенным пенсионером³⁵ Петром Певою. И я, и он были на хороших лошадях; нас сопровождали двадцать человек в красивых ливреях и одеждах; по русскому, очень любимому у них, обычаю, каждый нес какой-нибудь подарок от меня царю. В ожидании царского приказа мы остановились в приемной комнате, пока царь и царица из окон дворца смотрели на львов и собак, привезенных бирючем и его провожатыми. За ним шло вслед тысяч пять народа, из любопытства: отличный белый бык с черными природными пятнами, с висячим до колен зобом, с позолоченными рогами, в зеленом бархатном ошейнике, украшенном гвоздиками, на красной веревке, встал на колени перед царем и царицей, потом поднялся, пристально и свирепо посматривая на все стороны; народу он показался необыкновенным зверем и был принят за буйвола. Затем двенадцать людей вывели двенадцать превосходной породы собак в ошейниках и с бантами. Два льва были выпущены из клеток (привезенных на санях) маленьким татаринном с жезлом в руке, которому они повиновались. Все это было выставлено перед дворцом для зрителей.

Царь сел на свой царский престол. Мы приступили к более серьезным делам и приветствовали его. Меня подвели к царю, а людей моих с подарками поставили по сторонам. Я проговорил: «Милостивейший, могущественнейший, славнейший государь Федор Иванович! царь всея Руси, владимирский, московский, казанский, астраханский, тверской, Великого Новгорода, пермский, вятский, сибирский, кондорский, ярославский, нижегородский государь и великий князь и пр. и пр. многих других стран! Королева Елизавета, божиею милостию и соизволением королева Англии, Франции и Ирландии и многих других земель и государств, защитница христианской «кафолической» веры, величайшая, могущественнейшая и славнейшая государыня, посылает дружеский поклон вашему величеству, своему дорогому и возлюбленному брату, также посылает поздравительные письма и желает вашему царскому величеству вожделенного здравия и благополучия, дабы вы могли царствовать и управлять в счастья, мире и спокойствии. Ее величество приказала мне, своему слуге и вассалу, передать вашему царскому

величеству, что она с благодарностью и великим удовольствием получила последние царские грамоты, посланные ее величеству, и весьма охотно принимает изъявление братской дружбы. Ее королевское величество обещает со своей стороны ненарушимо поддерживать братский союз и сношения с вашим царским величеством, как это велось прежде с покойным царем Иваном Васильевичем, блаженной и славной памяти родителем вашим, ко взаимной безопасности обоих государств и выгоде верных и любезных подданных ваших, высочайший, могущественнейший государь-царь». Тут я почтительно поклонился и сел на покрытую полавочником скамью. Царь говорил мало, но держал себя хорошо. Канцлер шепнул ему что-то на ухо. Он встал, снял шапку и сказал, что ему приятно слышать, что его любезная сестра королева Елизавета находится в добром здоровье, после чего опять сел и отпустил меня. Я отправился домой тем же порядком, каким приехал, а главнейшие подарки были внесены в роспись; письма переписаны. Вслед за этим послан был от царя ко мне на дом Иван Чемоданов, родственник правителя; а за ним полтора ста дворян пронесли по улицам полтора ста разнородных кушаний для моего обеда, также питье, хлеб и пряности. Я поднес главному дворянину нарядное алое платье, потчевал, поил, веселил, а остальным дал каждому по подарку.

На следующий день разные дворяне, должностные лица, священники и купцы, мои друзья и знакомые пришли поздравить меня, по принятому обычаю, с царскою милостию, пили, ели и веселились от царского обильного стола, пока не перевелись припасы. Правитель Борис Федорович провел целый день в рассматривании камней, жемчуга, блюд, позолоченного вооружения, алебард, пистолей, ружей, белых, красных и пунцовых бархатов и других редких дорогих вещей, доставленных мною: все это ему необыкновенно понравилось. Царицу, сестру его, также пригласили смотреть на вещи; она особенно удивлялась органам и клавикордам, позолоченным и разукрашенным финифтью, чего она никогда прежде не видывала; она дивилась и восхищалась их громкому и музыкальному звуку. Народ тысячами толпился около дворца; ему также хотелось послушать музыку. Мои люди, которые умели играть на инструментах, допускались часто в такое общество, куда я сам не мог входить. Настолько понравились все привезенные мною вещи и мой собственный портрет, который попал туда же, что правитель заплатил мне сполна за их стоимость, именно около

4000 ливров, и, кроме того, прислал мне со своим конюшим Иваном Волковым три персидские кобылы с богатыми седлами и сбруей, чтобы я выбрал себе любую из них для верховой езды; я так и сделал. Этот подарок стоил 200 ливров; другой знатный дворянин, Михаил Косой, доставил мне от его величества три тысячи фунтов лучшей серебряной монеты, на память благосклонности и любви ко мне отца его. Приняв все это, я отпустил посланных с хорошим вознаграждением. Зрелище редкостей: бульдогов, львов, органов, музыкальных инструментов и других красивых вещей — беспрестанно напоминало обо мне и побуждало дарить меня: вышитыми золотом платками, скатертями, салфетками, коврами, полавочниками, кушаньями и лакомствами. Все это посылалось правителем и друзьями его в самой щедрой мере; при этом я пользовался такою милостью, что многие города, монастыри, должностные лица, местные и иностранные купцы получили через мое посредство разные льготы и изъятия от разных пошлин и налогов, привилегии и милости, не без хорошего вознаграждения и признательности мне за труды. Хотя, по-настоящему, следовало бы более распространиться об этих замечательных в их летописях событиях, но это не идет к моему настоящему рассказу о Русском государстве.

Царь, или, лучше сказать, правитель, владея бесчисленными сокровищами, ежедневно возрастающими, не знал, куда употребить их и как распорядиться, чтобы более прославить себя. Персидский государь был тогда сильно угнетаем могучим войском турок, которые каждый год вторгались в его владения. Они уже отняли у него всю Мидию, Дербент, Шамаху, Бильбаль, Ардаль (Ардабиль) и другие богатейшие, лучшие и плодоноснейшие провинции, дошли уже до гор — или до высоких стран Персии: до Кавказа, Тавриды, Персиполя, Казбека и пр., ворвались и разорили девственное и никогда еще, благодаря своему местоположению, не завоеванное царство грузинское, христианское государство, окруженное со всех сторон магометанами и язычниками. Оба (персидский и грузинский) государя послали к царю и правителю своих послов просить о помощи и содействии; но так как нелегко было отправить большое войско в отдаленные страны, за Каспийским морем, то царь довольствовался тем, что послал персидскому государю под верные залогом двести тысяч рублей на пять лет безвозмездно, а грузинскому царю сто тысяч фунт[ов] стерл[ингов], приняв в виде залога отказ его от царского титула, сделан-

ный официальным образом посредством договора, совершенного комиссарами с обеих сторон. От этого возникла вражда между царем и турками.

Борис Федорович, стараясь приобрести более самобытный и громкий титул, послал заключить дружественный союз с датским королем Фридрихом князя Федора Форрестена [Хворостинина], рассчитывая на супружество между третьим сыном короля — герцогом Иоганном — и своею дочерью Мариєю; но оно, по причине их малолетства, не могло быть решено.

Равным образом, чтобы выказать себя и заявить о своем значении в государстве, он послал Афанасия Мосолова³⁶, опытного, умного государственного секретаря, с достаточной свитой и с подарками, к Максимилиану — германскому императору. Мосолов ехал по Двине, сел на английский корабль у Св. Николая, доплыл до Гамбурга и Любека, где был хорошо принят и угощаем, и явился к императору в Праге. Здесь он отдал письма и подарки: белых кречетов, два прекрасных персидских ковра, две штуки цельных золотошвейных платьев, четыре связки богатых черных соболей, четыре связки черных лисиц, замечательной работы золотой скипетр и богатое персидское вооружение. Вместе с тем, желая дружбы и прочного вечного союза с принцами и императорским австрийским домом, посол, от имени своего правительства, изъявил готовность поднять оружие с ними вместе против турок, смертельных врагов Христа и христианства, недавно ворвавшихся в Венгрию и другие части империи. На этот конец он предложил 50 000 русской конницы, храбрых и опытных солдат, с обеспечением на три месяца, с тем чтобы доставлен был от Стефана Батория, короля польского, свободный безопасный пропуск для означенного войска чрез его владения. Посольство было хорошо принято: посла содержали отлично и отпустили с большою честью. Но император, не получая от польского короля дозволения пройти чрез его владения большому войску его врага — москвитя, ограничился тем, что послал своего посла к русскому царю с равноценными подарками, состоящими из отличных лошадей, немецкого платья и проч., и, с целью испытать, на что может годиться предлагаемая дружба, просил у него взаймы 300 000 рублей, что составляло 900 000 талеров. Но царь и Борис просили залогов, а Фридрих, датский король, — обеспечения для себя; и потому из этого ничего не было, кроме осмеяния и зла от Турции и крымских татар, которых турки послали снова на москвитов с такою большою военною си-

лою, что царь московский потерпел чрезвычайные расходы и потери людьми. Поляки и шведы соединились и замыслили, как бы напасть — каждый на его сопредельные владения — и воспользоваться случаем возвратить себе в это время раздоров отнятые покойным царем Иваном прежние их границы. Русские были в это время заняты завоеванием Сибири, сильно распространили свои пределы и перевезли в Москву сибирского царя Чиллика Алоса³⁷ с матерью и мурзами (т. е. лучшими дворянами). Здесь я видел, когда он делал странные военные маневры, то на коне, то пешком, по их обычаю; и слышал я от него, что в их земле были англичане, или люди такие по виду, как я, взятые ими с кораблем года два тому назад, с пушками, порохом и другими запасами, когда они ехали по реке Оби искать пути в Китай через северо-восток. Несколько шведских солдат бежали оттуда в Москву служить царю, и между ними Габриель Эльфингстен, храбрый шотландский капитан, что видно было из писем, которые он доставил мне от полковника Стюарта, служившего у датского короля; с ним были еще шесть шотландцев; все они были совсем без платья и без денег. Они желали, чтоб я доставил им место и помог в нужде. Я дал ему и его товарищам 300 талеров; одел их, купил им пистолеты и сабли; и во время маршировки они казались наряднее прочих шведских солдат, пришедших с ними в одной компании. Я доставил капитану Эльфингстену над ними начальство, выпросил для него денег, лошадей и жалованье пищею и питьем. Несколько времени они вели себя хорошо, но не могли выплатить мне и вознаградить меня чем-либо до сего дня, что видно из их писем.

В это время составилась какой-то тайный заговор между недовольными дворянами, чтобы свергнуть правителя и уничтожить его замыслы и значение; но он не посмел явно обратить на него внимание, а только окружил себя хорошою стражею. Еще другой замысел был открыт: хотели отравить и умертвить молодого царевича, третьего сына покойного царя, Дмитрия, с матерью и роднею, друзьями и приближенными, который содержался под строгим присмотром в отдаленном городе Угличе. Заподозрили Никиту Романовича, дядю царя; это был третий вельможа, которого старый царь поместил в своем завещании вместе с Борисом Федоровичем: последний не терпел никакого товарищества по управлению и уже двоих других вельмож сбыл с этого света, как было сказано выше. Этот Никита Романович, мужественный,

храбрый вельможа, всеми любимый и уважаемый, был околдован и внезапно лишился языка и рассудка; но еще жил несколько времени. Правитель сказал мне, что он недолго протянет. Старший сын его, Федор Никитич, молодой, красивый, подающий большие надежды (для которого я составил, как умел, латинскую грамматику славянскими буквами, доставлявшую ему большое удовольствие), был принужден жениться на одной черкешенке, служанке сестры Бориса, и имел от нее сына, о котором вы много услышите впоследствии. Этого Федора Никитича, за любовь и уважение к нему народа, вскоре после отцовской смерти постригли в монастырь и, несмотря на молодость, сделали ростовским архиепископом. Его другой брат, Александр Никитич, человек не менее благородной души, по причине больших гонений не в силах был более терпеть и притворяться, воспользовался случаем, чтобы подставить ногу правителю (не так опасному, как полагали), и убежал в Польшу³⁸, где с Богданом Бельским, любимцем покойного царя, чрезвычайно богатым, и другими недовольными вельможами, проживавшими как за границу, так и в России, задумал не только конечную гибель Бориса Федоровича и его фамилии, а переворот всего царства, как услышите после. Но время обратиться к моим собственным делам и переговорам, которые были поручены мне.

Я не был праздным: выхлопотал английской компании большие льготы для всех ее домов в Москве, Ярославле, Вологде, Холмогорах и у Св. Николая, приостановивших было свою торговлю вследствие больших на них пошлин по неудовольствию на [сэра] Джерома Боуса за его дурное поведение. Я выхлопотал также освобождение от платежа 1000 рублей, наложенных на компанию для постройки новой стены около Москвы, к чему обязывали и всех других иностранцев и купцов. С помощью некоторых важных советников и должностных лиц я добился погашения спора между купцами московскими и английскою компаниею за долг 30 000 рублей, сделанный ее фактором Антонием Маршем. Выплачен был старый царский долг за медь, свинец и другие товары на 2000 рублей, который считали безнадежным. Отпущен на волю Джон Чепел, и возвращено его имущество ценою в 3000 ливров, которое он имел в своем распоряжении от компании, и оно было задержано у него по опале, как у любекского купца. Занял я у царя 4000 рублей для купцов, которые посылались в Псков для заготовки льна, пока они не продадут свои товары. Занял я также у пра-

вителя (для них и ни на что более) 5000 рублей, причем он предложил еще сверх этого 10 000 фунтов стерлингов без процентов из своей казны, если окажется нужным. Все купцы, которые вели торговлю контрабандою в этом крае, без позволения английской компании, в числе 29, были отданы в мои руки для препровождения в Англию. Сверх того, прощены 2000 рублей готовой пошлины, которую следовало платить в царскую казну за все товары. Я получил льготную привилегию от царя для компании торговать в государстве по реке Волге, на Каспийском море и в Персии без платежа налогов и пошлин. Я получил еще под царскою печатью льготную привилегию для компании английских купцов торговать во всех царских владениях без всякого платежа податей и пошлин на их товары, как вывозные, так и ввозные, в таком широком объеме, в каком я мог желать. Ничего подобного не приобретал до этого ни один из послов, хотя истрачивались тысячи, чтобы получить что-либо подобное. Все это было составлено, утверждено и выдано мне правителем самым торжественным образом, в присутствии вельмож и должностных лиц, и опубликовано для сведения по всему государству. Правитель отослал в это время казну свою в Соловецкий монастырь, находящийся на море, недалеко от шведских и датских границ, на северном берегу.

Его намерение было таково, чтобы в случае надобности убежать в Англию, которую он считал безопаснейшим местом убежища. Это все были его собственные сокровища, не принадлежавшие русской короне; они были невероятной ценности, какие когда-либо Англия имела случай держать в сохранении. Но все еще он колебался и пробовал вступить в союз с Даниею, чтобы она поддерживала его, при случае, своею дружбою и могуществом. Ни он, ни его друзья не могли и не умели сохранить в секрете этих планов, и многие из дворянства древних фамилий очень подозрительно смотрели на меня; и они и епископы так завидовали милости правителя ко мне, что уже не выказывали прежнего дружеского расположения. Поэтому я спешил окончить мои дела как можно скорее, и, все исполнив и устроив, как требовалось, и даже более того, что мне было поручено в наказах и инструкциях как от Совета, так и от компании купцов, торгующих в этих землях,— в определенное время получил я от царя письма и был отправлен с почетом.

Дворянину Афанасию Саворе поручено было проводить меня со своими экипажами на семидесяти телегах с сорока почтовыми лошадьми (кроме моих собственных

коней) для меня и моих спутников из Москвы до Вологды, в пятистах верстах от столицы сухим путем. Мне передали богатые подарки королеве как от царя, так и от Бориса Федоровича и поручили закупить многие дорогие вещи и исполнить некоторые тайные дела. Правитель прислал мне замечательное и редкое платье из серебряной парчи, тканное и сделанное в Персии, без шва, стоившее более, чем я полагал; красивый вышитый шатер, тисненные платки, рубашки и полотенца, чеканное серебро и золото. Все это вручил мне его близкий родственник Семен Чемоданов от имени Ирины Федоровны; сверх того, связку отличных соболей, двадцать отборных соколов всякого рода, и назначены были люди, чтобы везти их к морскому порту. При прощании я получил еще две милости: освобождение, по моему ходатайству, всех ливонцев, мужчин и женщин, вдов и детей, с их семьями, посланных в опалу в Нижний Новгород, за 500 верст, в пустынные места, вдали от столицы, где они проживали в самом плачевном и бедственном состоянии, как видно из их писем и прошений. Взят был список и каталог их имен, и Михаил Консов был немедленно послан с царскими о них грамотами к воеводе. Их письма, где они радуются своему освобождению со слезами, молитвами и изъявлениями благодарности, посланные вслед за мною, еще существуют и достойны чтения. Другая милость была освобождение сына одного дворянина из Гельдерланда Захария Глизенбергта — главного надсмотрщика царских лошадей, храброго воина, уже умершего, — которому было десять лет от роду; по смерти отца он оставался в России: его не могли выкупить даже при посредничестве и письменном ходатайстве короля Дании. Теперь его сдали на мои руки, и я отослал его к матери Маргарите Феглерс с моим слугою, Ганцем Фриссом. Гильс Гофман и Антоний ван Зельман, которые хлопотали об этом, прислали мне 1000 рейхсталеров и хорошо отблагодарили моего посланного.

Я выехал из Москвы с почетным конвоем³⁹; путь мой был веселый: везде для меня расставляли шатры, приготовляли обеды, ужины, и всякая провизия припасалась мне по дороге. В Вологде воевода князь Михаил Долгорукый вышел ко мне с большою свитою и поздравлял с царскою милостью. Приготовили мне две большие барки, или дощаника, с лощманами и 50 гребцами, чтобы проводить меня вниз по Двине за 1000 верст; сопровождавший меня дворянин с моим слугою присматривали дорогою: не берут ли они взяток и не разоряют ли страны послан-

ные вперед люди. Они плыли в маленькой лодке и заготавливали мне пищу, питье и пр. в каждом городе, куда я приставал, пока мы не достигли монастыря и замка Архангельского. Здесь князь Михаил звенигородский встретил меня у ворот крепости с 300 стрельцами, при залпе из пищалей и всех крепостных орудий в честь моего прибытия; все немецкие и французские суда в гавани выстрелили также из своих орудий по распоряжению князя при моем прибытии. Он угощал меня и на следующий день сам проводил к моему судну, приказав 50 гребцам и 100 стрельцам следовать за мною на маленьких лодках до острова (Rose Island). Князь оказывал мне всякий почет, оставаясь в золотой своей одежде, говоря, что так приказано ему в царских грамотах, и простился со мною, с просьбою напомнить о его старании Борису Федоровичу в выполнении царских повелений касательно меня. В тридцати верстах от Архангельска встретили меня все английские мастера, агенты и купцы. Стрельцы высадились раньше и, став в ряды, выстрелили из своих орудий; находившиеся там корабли, заслыша это, отвечали тем же. Стрельцов, лоцмана и гребцов напоили у винного погреба и отправили назад в ту же ночь в крепость.

На следующий день монахи Св. Николая принесли мне в дар свежей семги, ржаного хлеба, чашки и разрисованную посуду. На третий день после моего прибытия прислан был дворянин Саблок Савора от князя звенигородского; он вручил мне копию наказа своего обо мне царя и Бориса Федоровича, исполненного милости и благосклонности, прислал мне, в виде провианта, 70 живых овец, 20 живых быков, 600 кур, 40 штук дичи, две дойные коровы, две козы, десять свежих семг, 40 галлонов водки, 100 галлонов меду, 200 галлонов пива, 1000 белых хлебов, 60 четвериков муки, 2000 яиц и запас чесноку и луку. Было прислано четыре больших плашкота; прибыло много гребцов, другие приехали с припасами. Я всех отпустил с приличным вознаграждением и, немного отдохнув, перечитывал милостивые письма, которыми королева почтила меня, а также общие и частные письма лордов достоуважаемого приватного королевского Совета ее величества, окружные письма компании английских купцов и письма моих друзей, которые остаются у меня до сего дня мне в утешение и для чтения моему потомству. Несколько времени я веселился с мастерами и купцами и забавлялся сопровождавшими меня шутами, танцующими медведями, дудками, литаврами и барабанами, чествовал своих гостей, щедро наделяя присланною про-

визиею. Между тем я отправил доверенного слугу Сэмейтена на почтовых к Борису Федоровичу с письмами, исполненными искреннейшей благодарности за его ласки, и к другим вельможам и должностным лицам, от которых получил самые милостивые письма и новые подарки через Фрэнсиса Черри — штуку материи, шитой золотом, для платья, от Бориса Федоровича, и связку хороших соболей на подбивку этого платья.

После всего этого, будучи совсем готов, я со своей компанией вошел на большой корабль, называемый «Центурион», на другой день после дня св. Варфоломея и с ним прибыл благополучно через пять недель в Тайнмаус, в Нортумберленде. Отсюда я поехала с четырьмя людьми на почтовых в Йорк, а потом в Лондон и на четвертый день явился в Ричмондский дворец.

Лорд-казначей и секретарь сэр Фрэнсис Уолсингэм ввели меня к королеве; я представил ее величеству грамоты царя и привилегии, данные подданным ее величества в знак его братской любви к королеве, утвержденные золотыми печатями и орлом. По прочтении отчета о моем поручении (который ее величество изволила выслушать с ласковым и благосклонным видом) королева поручила меня вниманию и заботам секретаря мистера Уолсингэма и отпустила до времени. Через несколько недель письма и привилегии были переведены и прочитаны королеве, причем ее величество сказала: «Вот, милорды, истинно царский подарок от московского государя; купцы наши даже не заслужили этого». (Королеву вооружили против них жалобы сэра Джерома Боуса, вследствие спора и распрей между ними.) «Но я надеюсь,— продолжала она,— что они лучше обойдутся теперь с моим слугою Джеромом Горсеем и будут ему признательны. Я прошу вас наблюдать, чтобы это так было»,— сказала она, обратясь к лорду-казначею и мистеру секретарю. Она приказала мне встать перед нею на колени и, рассматривая украшения и буквы привилегии, имеющие некоторое сходство с греческими, спрашивала, не такое ли имеет значение та и другая буква, и сказала: «Я бы скоро выучилась этому». Затем королева предложила лорду Эссексу выучиться этому знаменитому и богатейшему в свете языку; и его светлость занялся русским языком, полюбил его и, верно бы, успел в этом, если бы стало у него терпения и времени.

Корабли благополучно прибыли в Лондон; мои подарки и все необходимое было теперь налицо. Я выхлопотал себе новую аудиенцию; меня позвали в Гринвич.

Двенадцать служителей несли за мною подарки, которые ее величество, против моего желания, приказала пронести задним ходом. В сопровождении мистера Генриха Сакфилда я вошел в приемную, где сидела ее величество в присутствии графа Эссекса, лорда-казначей, сэра Христовора Готтона, сэра Фрэнсиса Уолсингэма, сэра Томаса Генеджа, сэра Уолтера Рэли, леди Маркез, леди Уорвик и других дам. Я представил письма Бориса Федоровича и передал от него изъявление любви и заверения, что он более всех других государей и монархов мира уважает ее могущественное священное величество и готов ей служить. «Если правитель так изъясняется на словах, то что же скажут письма? Распечатайте, пускай прочтет их секретарь», — сказала королева. Тот отвечал: «Прикажете перевести их, ваше величество? Это не потребует много времени. Я поручу это тем, которые доставили эти письма». Ее величество спросила о подарках. Они были в галерее. Она попросила присутствующих немного обождать, а других отпустила, вероятно из боязни, чтобы у ней чего-нибудь не выпросили. Я представил подарки ее величеству. Она дотрагивалась рукою до всякой мелочи; сначала ей поднесены были четыре штуки персидской золотой парчи и два цельных платья, шитые серебром, удивительной работы; богатейшее широкое парадное платье белой набивной ткани, на котором было изображено сияющее солнце в полном блеске; золотые и серебряные лучи затканы были самыми яркими восточными цветами по гладкой земле, плоско шитой золотыми шелками и серебром, чем еще более выдавалась красота рисунка. Затем подан был прекрасный турецкий ковер, четыре связки черных богатейших соболей, шесть больших с пятнами люцерн, две шубы или платья, покрытые белой материей. Королева даже вспотела от усталости, ощупывая золотую тканую одежду, а в особенности богатые соболя и другие меха, и приказала г-же Скидмор и г-же Ретклиф, постельничим дамам ее величества, и мистеру Джону Степгопу уложить эти вещи и отнести в кладовую ее величества. Из окон дворца смотрела королева на двух кречетов, свору собак, на соколов и двух ястребов, приказав при этом лорду Кэмберленду и сэру Генриху Ли взять на себя попечение о них и давать ей подробный отчет. Ее величество при этом указала рукою на окно и опять сказала, что это в самом деле редкие, истинно царские подарки; затем, поблагодарив меня, отпустила.

Я просил вицкамергера позвать лондонских знатоков, чтобы осмотреть меха, и продавцов разных материй для

оценки золотошвейных тканей, а милорду Кэмберленду и сэру Генриху Ли предоставить оценить соколов.

Письма и привилегии были переведены. Сэр Роулэнд, Гейвард, сэр Джордж Барнс, сэр Джон Гарт, таможенник Смит и другие почтенные олдермены и купцы были позваны для получения привилегий, которые были им отданы со строгим, но милостивым замечанием от королевы. Эти господа обошлись со мною дружелюбно и с большим уважением. Я тут же заметил между ними различные партии и тайное стремление поставить свои частные отношения и выгоды выше общественной пользы, и предугадывал, что их непохвальное и дурное ведение торговли как в Англии, так и в чужих краях не допустит их сохранить льготы и воспользоваться выгодами такой большой и милостивой привилегии.

Мне надоело придворное толчение воды, как называл мой почтенный добрый друг сэр Фрэнсис Уолсингэм, ласковые слова и бестолково расточаемые похвалы, и я хотел удалиться, чтобы пользоваться безопасностью частной и более спокойной жизни. Целые семнадцать лет провел я в опасных переездах среди страха и житейских треволнений; и все, что приобретал, то растрчивал более, чем следовало воздержному человеку, помнящему о будущем. Теперь мне хотелось устроить и привести в порядок свое небольшое состояние и пользоваться им независимо от компании. Но ее величеству и Совету угодно было возложить на меня поручение самое трудное и опасное из всех, какие я исполнял до этого времени, так как они приняли во внимание мою опытность и знание языков, какое я приобрел в течение семнадцати лет.

Лорд-казначей и мистер секретарь Уолсингэм пожелали, чтобы я написал что-нибудь на каждом языке и прочитал написанное, чтобы услышать произношение и видеть различие этих языков между собою, которые я усвоил в точности по привычке, беседуя с посланниками, дворянами и купцами, персиянами, греками, поляками, немцами. [...]

Королеве угодно было также расспросить меня подробно о правителе Борисе Федоровиче, князе-правителе, о его величии и управлении, о царице, о его супруге и о разных других предметах. Она изъявила желание иметь какой-нибудь из русских праздничных нарядов, что стоило моему кошельку более, чем я мог потом воротить. Ее величество спрашивала, какие средства избирает правитель для приведения своих намерений в исполнение и на чем основана такая уверенность, что он решается дове-

рять ее государству безопасность своей сокровищницы и пр. Я дал на все ответ, попросил сохранить его в тайне, так как некоторые частности, вверенные мне, уже разгласились помимо меня и вскоре дошли до ушей правителя и царицы, что подало повод к зависти и неудовольствию; и разные посланцы, напр[имер], Бекман, а потом Кроу и Герленд, были отправлены с тем, чтобы разузнать не только как это было принято, но кто именно разгласил. Рассказывалось это различно, вследствие чего произошли большие неприятности как мне, так и разным высоким особам, о которых неудобно говорить, а еще меньше печатать. Бог да простит это сэру Джерому Боусу. «Хорошо (сказала королева), мы добьемся и узнаем истину!» — «Нет, ради бога! Если ваше величество желаете какого-нибудь успеха возложенного на меня дальнейшего поручения, то не говорите более об этих недоразумениях и не затрагивайте их», — просил я.

[Далее следует рассказ о миссии Горсея в Копенгагене и описание его дальнейшего путешествия в Россию.]

Во время моего проезда через Литву я везде встречал радушный прием. Отсюда я отправился в Смоленск, большой торговый город, первый на русской границе. Мой старый знакомый, живший по соседству со мною в Москве, князь Иван Голицын⁴⁰, был теперь в Смоленске воеводой и наместником; он казался озабоченным и довольно странно встретил меня. Оказалось, что князь Голицын, царь и правитель Борис Федорович уже слышали о моем прибытии и о том, как я был принят у польского короля Сигизмунда и великого князя литовского, и приготовили мне худшую встречу, нежели я ожидал. Они позволили мне следовать далее, но послали вперед известить о моем приезде, так что за десять миль от Москвы навстречу мне был выслан пристав, который проводил меня и поместил в доме суздальского епископа (в подворье). Здесь за мною был строгий присмотр, не совсем обычный, потому что я не мог вести переговоры с польским послом, который прибыл по неприятному для них делу, а именно — требовать возвращения значительной части южных областей, одно время принадлежавших польской короне. При этом он вел дело очень настойчиво, так что его переговоры подвигались вперед, а мои оставались. Некоторые из прежних моих друзей послали тайно сообщить мне через нищих женщин, что относительно меня произошла перемена при дворе и чтобы я был настороже. За мной послали. Я вручил лично королевские грамоты царю; он передал их Андрею Щелка-

ну, думному дьяку Посольского приказа, который враждебно относился ко мне из-за сэра Джерома Боуса. Но тут царь начал плакать [...] говоря, что он никогда не давал мне повода для обиды: он, видимо, был чем-то расстроен. Меня поспешно увели от него. Князя-правителя не было при этом; и я ничего не слышал о нем до одного вечера, когда, проезжая мимо моего жилища, он послал дворянина сказать мне, чтобы я приехал к нему верхом и что он примет меня в своем пригородном доме. Удалив всех, Борис Федорович поцеловал меня, по русскому обычаю, и, «со слезами на глазах», сказал мне, что, по разным причинам, не может выказывать мне такой дружбы и приязни, как прежде. Я ответил, что это тем более огорчает меня, что я могу, по совести, засвидетельствовать, что не дал ему никакого повода к неудовольствию, всегда был верен ему, поступал честно и чистосердечно. «В таком случае,— сказал Борис Федорович,— пусть будет это на душе тех, кто хотел поссорить нас». Затем он заговорил о делах, о которых неудобно распространяться на бумаге, и добавил, что не допустит, чтобы волос упал с моей головы; конечно, это была пустая фраза.

Между тем я получил несколько предостережений от моих друзей, хотя некоторые уже выехали из Москвы в мое отсутствие или были удалены. Оказалось, что многие пункты мне ставились в вину, а именно: что грамоты и письма королевы писаны не тем слогом и не с тою печатью, как в прежние времена, с умалением царского титула и неуважительные к царице. Кроме того, меня обвиняли в сношениях с польским королем и князем литовским и что будто бы я увез значительные сокровища из государства. На все эти обвинения я ответил так подробно и обстоятельно, что они прекратили дальнейший вопрос, и, против их желания, обнаружилось такие факты, которые расположили многих из них в мою пользу. Вода для приготовления моего кушанья была отравлена; посылаемые мне напитки, трава тысячелистника были отравлены; уносили мое белье для отравы; и они должны были сознаться в этом и указать: кем и когда это сделано и каким способом, тем более что у меня были относительно этого точные сведения. Мой повар и дворецкий умерли от яда. У меня был слуга Агаций Дускер, сын дворянина из Данцига, у которого вследствие отравы появилось на теле до двадцати болячек и нарывов, и он едва остался жив. Я считал неудобным оставаться долее в Москве, где было так много иностранных послов, которые завидова-

ли мне. Борис Федорович послал сказать мне, чтобы я ничего не опасался. Между тем царь и его советники сослали меня в Ярославль, за двести миль от Москвы. В это время было много всяких событий, о которых не стоит писать; некоторые известия из Москвы были радостны, другие приводили в ужас. Господь каким-то чудом хранил меня. Но однажды ночью я думал, что уже совсем наступил мне конец, и молил всевышнего о спасении моей души. Кто-то в полночь постучал в ворота моего дома. У меня был достаточный запас пистолей и оружия. Я и пятнадцать человек моих слуг, вооружившись этим оружием, вышли к воротам. «Мой добрый, благородный друг Джером, впустите меня, я должен поговорить с вами». Я узнал при лунном свете Афанасия Нагого, брата последней жены покойного царя и матери юного царевича Дмитрия, которая жила с ним в Угличе, на расстоянии 25 миль от Ярославля. «Царевич Дмитрий скончался; в шестом часу дьяки перерезали ему горло; слуга одного из них сознался, под пыткой, что они посланы Борисом; царица отравлена и при смерти: у ней вылезли волосы и ногти и лупится кожа: помогите, дайте что-нибудь Христа ради». — «Увы, у меня нет такого средства, которое стоило бы послать». Не открывая ворот, я поспешил в дом, достал небольшую склянку чистого салатного масла (склянку того бальзама, который дала мне королева) и коробочку венецианского териака. «Вот все, что я имею,— сказал я.— Дай бог, чтобы это помогло царице». Я подал лекарство через забор, и Нагой поспешно удалился. Немедленно после этого уличные сторожа подняли город и сообщили жителям об убиении царевича Дмитрия. Дня четыре перед этим подожжены были предместья Москвы и сгорело около двенадцати тысяч домов. Стража Бориса грабила во время пожара; а четыре или пять негодяев из нижних чинов, нанятые с тем условием, чтобы выдержать пытку, дали показания, которые были обнародованы, будто бы царевич Дмитрий, его мать царица с их родственниками Нагими наняли их, чтобы они убили царя и Бориса Федоровича и подожгли Москву. Это было сделано с целью возбудить ненависть народа против царевича, его матери и семьи Нагих. Но это была слишком наглая ложь, всем одинаково ненавистная, и господь не замедлил воздать и отомстить виновным самым ужасным и наглядным образом, чтобы показать, что он правосуден во всех своих деяниях и обращает злые замыслы и дьявольские происки людей им на открытое посрамление и гибель. Епископ кру-

тицкий, с 500 стрельцов, со многими боярами и дворянами был послан, чтобы похоронить царевича Дмитрия в Угличе, где он был положен, как мне говорили, в главном приделе церкви св. Иоанна. Никому и в голову не приходило в это время, что так скоро явится призрак царевича Дмитрия, на гибель Бориса Федоровича и всей его семьи. Больная, отравленная царица была немедленно пострижена в монахини для спасения ее души убиением плоти и умерла для света. Все ее родственники, братья, дяди, друзья и слуги были разосланы в разные тайные вертепы, чтобы никогда больше не увидеть света божия.

Наступило время моего отъезда из России. Мне объявили, что грамоты от царя и Бориса Федоровича будут посланы вслед за мною. Я хотел собрать многие мелкие долги, мою утварь, которая находилась в разных местах, а также получить значительные суммы денег, обещанные Борисом Федоровичем. Он писал мне письма, которые хранятся у меня до сих пор, выражал в них сожаление, что не может сделать для меня то, что желал бы, и выказать мне по-прежнему свою милость и полное благоволение, так как для этого нужно удалить некоторые препятствия. Но пока, если я нуждаюсь в деньгах, то он пошлет мне из собственной казны. Царскому приставу велено было проводить меня по течению Двины и посадить на корабль. Когда я очутился на палубе, то почувствовал такую же радость, как сэр Джером Боус, когда он вырвался из России.

Я прибыл в Англию целым и невредимым и возблагодарил бога. Меня представили королеве; и я вручил ее величеству царские грамоты, которые оказались лучше и дружелюбнее, нежели можно было ожидать. Между компанией английских купцов и мною произошло соглашение относительно всех когда-либо происходивших между нами недоразумений, при посредничестве четырех почтенных лиц. Компания выплатила мне 1845 ливр[ов] — стоимость имущества и товаров, оставленных мною в России и перешедших в ее собственность. Окончательный расчет был сделан в 1589 году: произведена расплата, выданы квитанции с подлинными подписями и печатью заведывающих делами, сэра Джорджа Барнса и сэра Джона Гарта, которые при последнем дружеском свидании поднесли мне от имени товарищества красивую золоченую чашу с крышкой. Все это с их письменными поручениями, инструкциями и важными делами сохранилось у меня, равно и копии королевских грамот, поруче-

ний, инструкций и других бумаг, относящихся к происшедшим в разное время дипломатическим переговорам и делам. Документы эти весьма замечательны и заслуживают внимания и прочтения. Некоторые выдержки из них давно напечатаны у м-ра Гаклюйта в его книге путешествий, а также у Камдена и, главным образом, в более научном сочинении д-ра Флетчера. Он подробно касается природных свойств и наклонностей русского народа, законов, языка, правительственного, церковного и государственного строя, доходов, промышленности, климата, местоположения, составных частей, а также государств, с которыми русские находятся в более частых и торговых сношениях. Все эти сведения доставлены мною д-ру Флетчеру в особом трактате.

Кроме того, я надеюсь представить два других обещанных мною трактата о Польше, Литве, Ливонии, Венгрии, Трансильвании, Германии Верхних и Нижних кантонов, о скандинавских соединенных королевствах, Дании и Норвегии, которые составлены на основании собранного мною материала, приобретенных сведений и полученных инструкций. Мне приходилось также много беседовать по этому поводу, чтобы доказать моим друзьям, что я с пользою употребил время, руководимый желанием собрать возможно точные сведения, и готов дать им отчет относительно всего, что они еще пожелают спросить у меня.

Мое повествование кончено; но я считаю необходимым, хотя через известный промежуток времени, дополнить мой рассказ некоторыми подробностями в связи с предыдущими событиями. Последствия дурных и злых поступков вполне очевидны, чтобы люди помнили и знали, что, по воле всевышнего, праведный суд божий всегда постигает тех, которые проливают невинную кровь в смутное время тирании. Таких примеров всегда достаточно в утешение избранным; и справедливой кары не избежать людям, которые следуют дьявольскому наваждению, своим собственным дурным побуждениям и честолюбивым замыслам. В справедливости этого не может быть никаких сомнений.

Вам известно и, только отчасти, о жестокости, варварском и деспотическом правлении царя Ивана Васильевича, о том, как он жил, сколько пролил невинной крови, какие совершал ужасные грехи и находил в них услаждение. Вы знаете также, какой смертью умер его старший сын; и для управления огромным царством остался полумный сын, как в притчах Соломона, более чем слабых

способностей, вследствие чего было пролито еще больше крови. После смерти Ивана Васильевича перерезали горло его третьему, десятилетнему сыну, царевичу, который был одарен острым умом и на которого возлагали большие надежды. С ним прекратилось, вымерло с корнем и угасло в крови потомство кровожадной династии, существовавшей более 300 лет. Что касается так называемого Бориса Федоровича Годунова, захватившего престол, то вы, вероятно, помните, что я сообщил вам о моем последнем свидании с ним. С этого времени я получал письма от моих старинных достойных друзей, имел другие вполне достоверные известия о положении Русского государства и правительства; а также впоследствии узнал многое от сведущего монаха и из беседы с двумя посланниками. Борис, желая достигнуть власти и наибольшего могущества для себя и своей семьи, постепенно подавлял, притеснял и удалил значительную часть бояр самых знатных и древних родов, ловко расправлялся с ними и долго безнаказанно мучил их, чтобы сделаться грозным и внушить к себе страх. Хотя он действительно царствовал и до этого, но теперь он заточил самого царя Федора Ивановича и свою сестру-царицу в монастырь и заставил патриарха, митрополитов, епископов, монахов, вновь созданное им дворянство, а также служилых людей, купцов и других своих приверженцев просить его о принятии венца. В назначенное время он был посвящен на царство, торжественно венчан и всенародно провозглашен Борисом Федоровичем, царем всея Руси, великим князем владимирским, московским, царем казанским, царем астраханским, царем сибирским и пр. У него красивая наружность; он хорошо сложен, обходителен, охотно выслушивает дурные советы; но горе дающим их. Ему около 45 лет; он с хорошими способностями; при этом склонен к некромантии, без всякого образования, но быстро соображает, от природы хороший оратор, говорит прекрасно и внятными голосом. Ловкий, хитрый и мстительный, он не особенно сластолюбив, умерен в еде, отличается величественной осанкой, щедро угощает иностранных послов и делает богатые подарки иностранным государям. Чтобы распространить свою славу и заставить говорить о себе, он добивался прочного союза и дружбы с германским императором и датским королем, а также со скифским ханом, польским королем и шведским — его врагами, а также поддерживал дружбу со всеми, кто неприязненно относился к нему, что и погубило его. Он продолжал управлять государством по-прежнему; но чтобы распо-

ложить к себе подданных, доставил им больше безопасности. Для продолжения своего рода, собственной безопасности и чтобы упрочить свое могущество Борис задумал выдать свою дочь за принца Гартика Ганса, третьего сына датского короля. Состоялось соглашение относительно условий свадебного договора, приданого, штатов и времени празднования свадьбы. Это был доблестный и умный молодой принц, подающий большие надежды; и Борис надеялся, что с его связями и при его помощи совершит чудеса. Но господу было угодно, чтобы молодой принц внезапно заболел и скончался в Москве. Таким образом расстроился этот брак и рушились все надежды и замыслы Бориса. Вскоре он очутился в безвыходном положении вследствие вторжений крымцев, поляков и шведов, которые напали на смежные владения и границы Русского государства.

Считаю лишним распространяться о многих дальнейших удивительных событиях и о том, что произошло между Борисом, боярами и народом, и перейду к внезапной развязке, наступившей для него самого, всех его соумышленников и разрушившей все задуманные им планы. Я говорил выше о Богдане Бельском, временщике и любимце великого царя Ивана Васильевича, который служил ему вместе с Борисом Федоровичем, был его поверенным и исполнителем всех замыслов. Никто лучше не знал и не понимал их, никто не был настолько могуществен и способен, чтобы справиться с наиболее опасными врагами царя, боярами и другими недоброжелателями и довести их до гибели. Но он получил ту награду, какая всегда выпадает на долю таких вероломных орудий. Сам царь Борис, его сестра-царица и вся их семья и приверженцы страшились тонких происков Бельского, искали случая и делали попытки, чтобы избавиться от него, подвергли опале и, вместе с его приверженцами, отправили на далекое расстояние от Москвы, в безопасное место, как им казалось, в убеждении, что при этих условиях он не в состоянии будет принести им какой-либо вред. Однако бесчисленные сокровища и масса денег, захваченные Бельским во времена его благополучия и отправленные им на всякий случай за границу, пригодились для его плана мести. Он спасся бегством, соединился со многими другими недовольными боярами и влиятельными людьми, не только с целью оказать им помощь, но задумал поднять против России польского короля, главнейших воевод и князей литовских. Собрав незначительную армию, он двинулся с нею в уверенности, что у

него будет достаточно сил по прибытии в Россию, и послал заранее объявить радостную весть о всеобщем избавлении от имени Дмитрия, истинного и законного наследника венца и русского царства, младшего сына царя Ивана Васильевича, якобы убитого по повелению самозванного царя Бориса Федоровича. Царевич спасся чудом, остался жив, по воле божией и милосердию к несчастному народу, и теперь приближается к стенам Москвы им на помощь и утешение. Борис Федорович вооружился, насколько мог, с помощью своих вернейших приверженцев и бояр; у него было достаточно войска, амуниции, артиллерии, всяких запасов; но у него не хватило храбрости и мужества для битвы; это разбило его сердце. Ничто уже не могло спасти его. Сандомирский воевода, предводительствуя армией вновь воскресшего Дмитрия, и многие другие его именем осадили и окружили Москву со всех сторон, так что Годуновым не было никакой надежды найти спасение в бегстве. Царь Борис Федорович, его супруга-царица, сын и дочь приняли все яду⁴¹ и легли головами вместе на полу; трое из них тотчас скончались, и их тела лопнули. Но сын еще томился; и некоторые из представителей семьи Годуновых провозгласили его царем Иваном Борисовичем, царем всея Руси и пр. и пр., в надежде умиротворить и успокоить умы смущенного народа; но юноша вскоре скончался. Тогда народ стал еще с большим нетерпением ждать спасенного от смерти царевича Дмитрия. Ворота Москвы были открыты — и Дмитрий вошел в город со своим войском.

Овладев столицей, Дмитрий занял дворец внутри Кремля. Епископы, все духовенство и народ принесли присягу, объявили и венчали его царем и великим князем всея Руси, хотя он был самозванец (обманщик), безобразной наружности, сыном попа, продававшего вразнос водку в окрестностях столицы.

Народ роптал по поводу перемены правления и был в высшей степени недоволен заносчивостью и вторжением поляков, овладевших городом, так что было вывешено объявление, чтобы защитить их от оскорблений народной ярости и ругательств. Сандомирский воевода, предводитель польской армии, который привел в Россию самозванца, вынужден был для умиротворения народа, ради собственной безопасности и возможности оставаться в России, выдать свою дочь за этого царя Дмитрия; и она сделалась царицей. Поляки — высокомерная нация, заносчивая в счастье, — стали проявлять свою власть над русским боярством, вмешивались в православную

религию, нарушали законы, мучили, угнетали, грабили, опустошали сокровища. Они преследовали приверженцев и родственников Бориса; многих из них подвергли постыдной смерти или требовали выкупа и вели себя как победители. Наконец русские бояре, митрополиты, епископы, монахи, всех сословий люди, выведенные из терпения и возмущенные нового рода правлением и порядками, воспользовались случаем, чтобы справиться с поляками и смирить их наглость. Они решили прекратить свои несогласия и стали вооружаться, так что образовалось два враждебных лагеря в государстве, которое дошло до полного расстройтва. Польский король и магнаты, издавна враждебные москвитам, пользуясь удобным моментом, стали собирать армию, чтобы овладеть Московским государством и короной. Между тем русские, сговорившись, напали однажды на самозваного царя Дмитрия, убили стражу, схватили с постели жены его, царицы, и выволокли на террасу. Стрельцы и воины зарубили его ножами, секли и крошили его тело, розняли по кускам голову, ноги и туловище, снесли на площадь и три дня показывали народу, который стекался со всех сторон, проклиная изменников, призвавших его. Сандомирский воевода, его дочь и польские воины были отпущены на родину с большим милосердием, нежели они того заслуживали. Затем решено было в Москве приступить к избранию нового царя из их племени. Хотели выбрать одного из двух: князя Ивана Федоровича Мстиславского или князя Василия Шуйского⁴²; но оба опасались принять царский венец в такое смутное время. Между поляками и русскими были различные партии; все распалось, и, по-видимому, должно было пройти много времени, прежде чем образовалась какая-либо форма мирного правления. Однако венец и царство имели такую притягательную силу, что явился человек, готовый принять их. Это был князь Василий Петрович [?] Шуйский, храбрый и доблестный князь, третий брат великодушного князя Ивана Шуйского, сосланного и задушенного, о котором я говорил выше. Князь Василий был венчан и посвящен на царство с общего согласия и с большой торжественностью, по старинному способу и обряду, назван царем Василием Петровичем и великим князем всея Руси, с приложением других титулов и наименований. Он и его народ вооружились не только с тою целью, чтобы сбросить с себя чужеземное иго, но чтобы изгнать поляков и приготовиться против нового вражеского вторжения.

Поляки, считая нового царя, князя Василия, своим вассалом, требовали от него через герольда изъявления покорности короне польской и признания их прав над вновь завоеванной и присоединенной к их королевству монархии и княжества всея Руси. Они не хотели сразу и без борьбы отказаться от присвоенных ими прав, так как имели в запасе еще много Дмитриев с притязаниями на московский престол, не принимали никаких доводов и возражений и не соглашались ни на какие уступки. Поляки ковали железо, пока оно горячо, и рассчитывали на поддержку среди утомленных бояр и измученного народа. Но эти были теперь в высшей степени довольны своим новым царем и молили бога о продолжении его царствования. Между тем господь отверг их молитвы и приготовил новые беды и кару вероломному и нечестивому народу. Поляки явились с храброй и сильной армией, напали на малодушные московские войска и города; много военачальников и храбрых воинов было убито с обеих сторон. Поляки одержали победу, снова овладели Москвой и перебили множество людей. Царь Василий был взят и уведен в плен вместе с некоторыми боярами; его содержали под сильной охраной в крепости города Вильны, столицы Литвы. Теперь поляки больше прежнего оскорбляли и притесняли русских, захватывали их товары, деньги, сокровища и имущество; и много было отправлено добычи и драгоценностей в Польшу и Литву. Только сокровища, принадлежавшие царю Ивану Васильевичу и Борису Федоровичу, были спрятаны в таких неизвестных тайниках, что несомненно не открыты до сих пор, потому что люди, которым они доверяли и которые принимали в этом участие, были удалены или убиты. Русские покорились, сделались польскими вассалами, признали верховную власть польского короля и торжественным образом дали письменное обязательство навсегда остаться в зависимости от польской короны; просили королевича приехать в Россию венчаться на царство и жить в знаменитом городе Москве. Но король не хотел и слышать об этом, а тем более доверить им особу своего сына; не желали этого и польские паны, которые были самовластными господами и считали опасным для польской короны принять такое наследие. Они не желали также оказать подобной чести врагу и решили через своих резидентов время от времени давать русским такие законы и постановления, которыми они могли бы властвовать и управлять страню по своему усмотрению, пока ими будет принято

окончательное решение. Русские вооружились терпением и выносили все, скрепя сердце, пока не нашли исход для своего освобождения. Набеги и вторжения крымских татар сильно беспокоили поляков. Но еще опаснее были для них бунты и нашествия черемисов, ногайцев, мордвы, татар, черкесов и их князей и правителей, испытанных, смелых наездников. Эти инородцы долго находились под властью русских царей, которые обходились с ними лучше, нежели со всеми другими нациями; и теперь, лишенные привычного хорошего обращения и притесняемые поляками, они возненавидели их, что и послужило им и русским на пользу. Они поднялись в огромном числе, вооружились, напали на поляков, подвергли их неминущей опасности, грабили, расхищали их имущество и убивали. Поляки принуждены были обратиться в поспешное бегство, вместе с захваченными ими сокровищами и добычей. Таким образом, страна была освобождена от них.

Русские бояре, духовенство, всякого состояния люди ободрились, снова набрались храбрости, стали придумывать, как устроить государство и взять правление в свои руки, свергли власть поляков и других иноземцев; сделали это осмотрительно и на известных условиях. Хотя им пришлось уступить часть земель, но за Россией продолжали числиться некоторые пограничные города и области, издавна принадлежавшие Польше. Последний царь, князь Василий Шуйский, о котором все жалели, не мог быть выкуплен и все еще содержался в плохой тюрьме; и был поднят вопрос об избрании нового царя, потому что такое огромное государство, как Россия, не могло оставаться без главы и твердого правления. Я упоминал о том, что в начале протекторства Бориса Федоровича у него был соперник еще более значительный, нежели он, а именно дядя царя, Никита Романович, который был заколдован, лишился языка и речи, затем и жизни, вследствие ли колдовства или умопомешательства, а может быть, того и другого. Его старший сын, Федор Никитич, доблестный и подающий большие надежды, был пострижен в монахи и, несмотря на молодость, назначен ростовским епископом; и теперь, по слухам,— московский патриарх. У него был сын до его пострижения и водворения в монастыре; этот сын был выбран и венчан царем Михаилом Федоровичем⁴³, великим князем всея Руси, в порядке установленного престолонаследия, с общего одобрения, согласия и по желанию всех сословий государства. [...]

Жак
Маржерет

**СОСТОЯНИЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
И ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА
МОСКОВИИ**

Предуведомление читателю

Российская империя представляет собой часть страны, которую издавна называли Скифией. Словом «скифы» еще и сегодня называют татар, которые прежде были повелителями России, и великие князья некогда владели ею как вассалы татар, зо-

вущихся крымцами. Эти русские с некоторых пор, после того как они сбросили иго татар и христианский мир кое-что узнал о них, стали называться москвитами — по главному городу Москве, который носит княжеский титул, но не первый в стране, так как государь именовался некогда великим князем владимирским и теперь еще называет себя великим князем владимирским и московским. Поэтому ошибочно называть их москвитами, а не русскими, как делаем не только мы, живущие в отдалении, но и более близкие их соседи. Сами они, когда их спрашивают, какой они нации, отвечают: Russac, т. е. русские, а если их спрашивают, откуда, они отвечают: is Moscova — из Москвы, Вологды, Рязани или других городов. Но нужно также знать, что есть две России, именно: та, что носит титул империи, которую поляки называют Белая Русь, и другая — Черная Русь, которой владеет Польское королевство и которая примыкает к Подолии. Господином этой Черной Руси называет себя польский король в своих титулах, когда говорит: великий князь литовский, русский, прусский и т. д. Об этом я хотел предупредить читателя, чтобы он знал, что русские, о которых здесь идет речь, — это те, кого некогда называли скифами, а с некоторых пор ошибочно называют москвитами, поскольку москвитами могут называться жители всего лишь одного города; все равно как если бы всех французов стали называть парижанами по

той причине, что Париж — столица королевства Франции, да и то с большим основанием, поскольку Париж — столица с незапамятных времен, а Москва является ею всего лишь сто или двести лет. Также сокращенный титул их государя — *Zar Hospodar u Veliquei knes N. fsia Russia*, что следует, собственно, понимать, как «король, господин и великий князь нас, всех русских» или «всей России», можно понимать и так; но не московитов или Московии. А чтобы отличать Черную Русь от этой последней, поляки все расположенное по ту сторону Днепра называют Белой Русью. Без этого различия можно подчас не разобраться в этом сочинении, в котором говорится только о Белой Руси, некогда Скифии, а ныне Московии.

Россия — очень обширная страна, полная больших лесов в самых населенных местах, со стороны Литвы и Ливонии — больших болот, которые служат России словно крепостные стены. Она достаточно густо населена от Нарвы, замка и морского порта на ливонской границе, принадлежащего Швеции, до Архангельска или Святого Николая — другого морского порта, удаленного от первого на 2800 верст (4 версты составляют одно лье¹), и от Смоленска (города на ливонской границе, обнесенного каменной стеной при Федоре Ивановиче² Борисом Федоровичем, бывшим в то время правителем империи) до Казани, на протяжении около 1300 верст. Этот Казанский край был прежде самодержавным татарским королевством, которое было завоевано великими князьями Василием Ивановичем и Иваном Васильевичем, его сыном. Правитель страны был взят в плен в сказанном городе Казани Иваном Васильевичем. Он и теперь еще живет в Московии, его зовут царь Симеон³. Сказанный город построен на той знаменитой реке Волге, в которую впадает река Ока. Подле сказанного города обитают черемисы. За Казанью лежит большая область, которая тянется вдоль Волги, впадающей в Каспийское море у Астрахани, вся в необитаемых равнинах; но на сказанной реке построен какой-то замок. От Казани до Астрахани около 2000 верст. Это укрепленный город, торгующий больше, чем любой другой в России, и снабжающий почти всю Россию солью и соленой рыбой. Этот край считают очень плодородным, так как на равнинах между Казанью и Астраханью много маленьких вишневых деревьев, в пору приносящих плоды, и даже не-

сколько лоз дикого винограда. В сказанном городе Астрахани много хороших фруктов, а в окрестностях есть растение-животное, о котором в былое время писали некоторые авторы, именно бараны, которые вырастают из земли, соединенные с корнем как бы кишкой в две-три сажени, идущей от пупа. Сказанный баран ест траву вокруг себя и потом умирает; они величиной с ягненка, с курчавой шерстью, у одних шкуры совсем белые, а у других слегка пятнистые, я видел разные шкуры. Эта страна была завоевана Иваном Васильевичем. Англичане торговали здесь при его жизни и отсюда с Персией. За Волгой обитают татары, зовущиеся ногаями.

Кроме этого, есть еще другая большая провинция, покоренная Иваном Васильевичем, которую они называют империей или королевством Сибирским. Страна полна лесов, чащ и болот, она еще не полностью открыта; считают, что она примыкает одной стороной к реке Оби. Из этой страны происходит почти вся пушнина, как-то: черные лисы, которые высоко ценятся в самой стране, соболя и куницы, приносящие большой доход императору. Уже начинают обрабатывать эту страну, достаточно плодородную для хлебов. Там построили четыре города, в которых имеются гарнизоны, чтобы держать в повиновении народ, который весьма прост, маленького роста, внешне походит на татар, называемых ногаями, именно: у них плоское и широкое лицо, сплюснутый нос, маленькие глаза, и они весьма смуглы; они носят длинные волосы, немногие из них имеют бороду, одеты в соболя мехом наружу. Еще тридцать лет назад они не знали, что такое хлеб. Эта страна — основное место, куда отправляют в ссылку большинство тех, кто в немилости у государя.

Со стороны Татарии, тех, кого они называют крымцами, которые связаны с турецким султаном и с его помощью много раз с 1593 года до настоящего времени бывали в Венгрии, а главное — в [15]95 году в той великой битве при Агрии⁴, на татарских равнинах построили много городов и замков, чтобы помешать вторжению татар. Но эта страна обитаема лишь до Ливен, расположенных примерно в 700 верстах от Москвы. За ними есть различные города, именно: Борисов город, Царев город и другие. Этот Царев город почти на 1000 верст удален от сказанных Ливен. Эти города постоянно заселяются; землю находят весьма плодородной, но они осмеливаются обрабатывать ее только в окрестностях городов. Считают, что Царев город всего в восьми днях пути от ве-

ликого хана. Некогда здесь было место встречи татар, когда они собирались, чтобы идти разорять Европу. В заключение, это страна большой протяженности, ибо она граничит с Литвой, Подолией, Турцией, Татарией, рекой Обью, Каспийским морем, далее с Ливонией, Швецией, Норвегией, Новой Землей и Ледовитым океаном.

Эта страна весьма холодна, я имею в виду наиболее населенные места на севере и западе, как мы упомянули ранее, поскольку татарские равнины вдоль Волги от Казани, Астрахань и восточный берег реки Обь — районы весьма умеренные. В вышесказанных же холодных провинциях зима длится шесть месяцев, т. е. всегда снегу по пояс и любую реку можно перейти по льду. Несмотря на это, они весьма плодородны, изобилуя всевозможными зерновыми, какие есть у нас во Франции; рожь там сеют в начале или в середине августа, пшеницу и овес — в апреле или в мае, смотря по продолжительности зимы, а ячмень — в конце мая. Есть и плоды, а именно: весьма крупные дыни, лучшие, чем я ел в других местах, много огурцов и хороших яблок, вишен; груш и слив мало. Там множество лесных орехов, земляники и подобных плодов. Летом дождей мало, а зимой и вовсе нет. В Холмогорах, Архангельске и Святом Николае, а также и в других местах на севере летом в продолжение месяца или полутора солнце видно постоянно днем и ночью, а в полночь его видно в двух или трех сажнях от земли; зимой в продолжение месяца почти нет дня, потому что солнце совсем не показывается. И еще вы там найдете всякого рода дичь и животных, какие есть во Франции, за исключением кабанов. Так, как оленей, ланей и косуль довольно на востоке и на юге, в татарских равнинах и между Казанью и Астраханью; множество лосей, называемых «большими зверями», по всей России; кролики там весьма редки. Очень много фазанов, куропаток, певчих и черных дроздов, перепелок и жаворонков, помимо бесчисленной прочей дичи; но бекасы показываются там весьма редко. В августе и сентябре большое количество журавлей, зимой — лебедей, диких гусей и уток; я видел там лишь одного аиста, который был весь черный. Плотоядные звери — белые и черные медведи, которых очень много, лисы, которых пять видов, и, поскольку имеются густые леса, много волков, приносящих большой урон скоту. Помимо всего этого в некоторых местах на севере встречаются северные олени, они меньше обычных и носят прекрасные большие рога; шерсть у них серая, почти белая, копыта гораздо больше раздвоены, чем у обыч-

ных оленей. Они употребляются в пищу, для одежды и вместо лошадей жителями страны, так как их запрягают по одному в нарочно для того сделанные сани, и они бегут быстрее любой лошади; большую часть времени они кормятся тем, что находят под снегом. Все зайцы там зимой становятся белыми, а летом такого же цвета, как во Франции. Летом и зимой там встречаются белые куропатки и соколы, ястребы и другие хищные птицы.

Во всей Европе нельзя найти лучших и более разнообразных пород пресноводных рыб, чем есть у них, и во множестве; именно: осетры, белуга, осетрина, белорыбица, т. е. белая рыба, она немного крупнее лосося; стерлядь и все, какие есть у нас во Франции, за исключением форелей; и задешево, как и всевозможные другие съестные припасы. Ибо несмотря на тот великий голод, о котором мы расскажем ниже, истребивший в стране почти весь скот, я купил в дороге при моем отъезде ягненка, такого большого, как баран у нас во Франции, или чуть меньше, за десять денингов⁵, т. е. около тринадцати солей 4 денье, и цыпленка за семь турецких денье. Каплунов у них совсем нет, разве только у иностранцев. Причина столь большой дешевизны в том, что каждая овца приносит обычно двух или трех ягнят, а на следующий год сказанные ягнята становятся матерями стольких же ягнят. Что касается быков и коров, то они размножаются так же поразительно, поскольку во всей России совсем не едят телятины, потому что это противоречит их религии. Притом они ежегодно соблюдают пост пятнадцать недель, также среду и пятницу каждую неделю, что составляет около полугода. Это делает мясо дешевым, так же как и хлеб, которого очень много, тем более что его не вывозят из страны, а земля так тучна и плодородна сама по себе, что она никогда не унавоживается, разве только в некоторых местах, и ребенок от двенадцати до пятнадцати лет с лошадкой вспашет один или два арпана земли за день.

Хотя съестные припасы в великом изобилии и по дешевой цене, однако же все довольствуются весьма малым [...].

Согласно русским летописям, считается, что великие князья произошли от трех братьев, выходцев из Дании, которые около восьмисот лет назад завладели Россией, Литвой и Подолией, и Рюрик, старший брат, стал называться великим князем владимирским. От него произошли все великие князья по мужской линии до Ивана Васильевича, который первым получил титул императора

от римского императора Максимилиана после покорения Казани, Астрахани и Сибири.

А что касается титула, принятого ими, то они считают его не более пышным, чем тот, который они носят, называясь царями. Они называют римского императора Tsisar, что они образовали от «кесарь», и всех королей Kroll, подобно полякам. Они называют персидского короля Kisel Bascha, а турецкого султана Veliqui Ospodartursk, т. е. «великий повелитель Турции»; подобно тому, как его называют турецким султаном. И они говорят, что слово ЦАРЬ взято из священного писания [...], а эти слова Tsisar и Kroll — всего лишь человеческое измышление, и это имя некто стяжал себе славными воинскими деяниями. Поэтому после того, как русский царь Федор Иванович снял начатую им осаду Нарвы и уполномоченные и послы обеих сторон собрались для заключения мира между Россией и Швецией, они более двух дней спорили о титуле: Федор хотел иметь титул императора, а шведы не хотели признавать его за ним. Русские говорили, что слово «царь» величественнее, чем «император»; и когда был заключен договор, что его всегда будут называть царем и великим князем московским, то каждая из сторон считала, что обманула другую этим словом «царь». Так же величает его письменно польский король. Римский император титулует его императором, как делала покойная королева Елизавета⁶ и как поступает король Великобритании. Король датский, великий герцог тосканский, король персидский и все азиатские короли именуют его всеми титулами, которые он принимает. Что касается турецкого султана, то я не знаю, как он его титулует, поскольку при мне между нами не было ни переписки, ни послов.

У этого Ивана Васильевича было семь жен⁷, что противоречит их религии; не позволяющей жениться более трех раз, от которых у него было три сына. Ходит слух, что старшего он убил своей собственной рукой, что произошло иначе, так как хотя он и ударил его концом жезла с насаженным четырехгранным стальным острием (этот жезл в форме посоха никто не смеет носить, кроме императора; этот жезл великие князья принимали некогда от крымских татар как знак вассальной присяги) и он был ранен ударом, но умер он не от этого, а некоторое время спустя, в путешествии на богомолье. Вторым сыном был Федор Иванович, который унаследовал отцу. Третий, а именно Дмитрий Иванович, был от последней жены, которая была из рода Нагих.

Сказанный Иван Васильевич, прозванный Грозным, будучи не уверен в преданности своих подданных, испытывал их различными способами. Главный был, когда он возвел на императорский трон вместо себя царя Симеона, о котором говорилось выше, короновал его, передал ему все императорские титулы, а для себя приказал выстроить дворец сразу против замка, повелев называть себя великим князем московским. Он [Симеон] правил целых два года, занимаясь как внутренними делами, так и посольскими и другими внешними делами. Разумеется, сначала испросив у него [Ивана] совета, который значил столько же, сколько безоговорочный приказ. По прошествии двух лет [Иван] отстранил его от власти и даровал ему большие имения.

После смерти своего старшего сына он женил второго сына, именно Федора, на дочери Бориса Федоровича, который был дворянин довольно хорошего рода, называемого московские дворяне, который мало-помалу приобрел милость императора Ивана, скончавшегося в марте 1584 года. После его кончины власть унаследовал сказанный Федор, государь весьма простоватый, который часто забавлялся, звоня в колокола, или большую часть времени проводил в церкви. Борис Федорович, тогда достаточно любимый народом и очень широко покровительствуемый сказанным Федором, вмешался в государственные дела и, будучи хитрым и весьма сметливым, удовлетворял всех. Поэтому, после того как некоторые возроптали, что следует низложить сказанного Федора из-за его простоты, Борис был избран правителем страны. Считают, что с этих пор, видя, что у сказанного Федора кроме дочери, скончавшейся трех лет от роду⁸, больше нет детей, он начал стремиться к короне и с этой целью начал благодеяниями привлекать народ. Он обнес стеной вышеназванный Смоленск. Он окружил город Москву каменной стеной вместо ранее бывшей деревянной. Он построил несколько замков между Казанью и Астраханью, а также на татарских границах. Обеспечив таким образом расположение народа и даже дворянства, за исключением самых проникательных и знатных, он отправил в ссылку под каким-то предлогом тех, кого считал своими противниками. Наконец и императрицу, жену сказанного покойного Ивана Васильевича, с сыном Дмитрием выслал в Углич — город, удаленный на 180 верст от Москвы. Как считают, мать и некоторые другие вельможи, ясно предвидя цель, к которой стремился сказанный Борис, и зная об опасности, которой младенец

мог подвергнуться, потому что уже стало известно, что многие из вельмож, отправленных им в ссылку, были отравлены в дороге, изыскивали средство подменить его и поставить другого на его место. После он предал смерти еще многих невинных вельмож. И так как он не сомневался более ни в ком, кроме как в сказанном принце, то, чтобы окончательно избавиться, он послал в Углич погубить сказанного принца, который был подменен. Что и было исполнено сыком одного [человека], посланного им в качестве секретаря для матери. Принцу было семь или восемь лет от роду; тот, кто нанес удар, был убит на месте, а подложный принц был похоронен весьма скромно. Вести, пришедшие в Москву, породили различные мнения; о них шептались и говорили по-разному. Борис, будучи извещен обо всем, приказал поджечь ночью главные купеческие дома и лавки и в разных местах на окраинах, чтобы наделать им хлопот до тех пор, пока волнение немного пройдет и умы успокоятся. Он сам находился там, чтобы распоряжаться тушением огня, и столько трудился, что можно было бы счесть, будто убытки для него очень важны. Затем, собрав всех, кто понес убытки, он сказал им длинную речь, чтобы утешить их и выказать сожаление об их потере, и пообещал испросить у императора для каждого из них некоторое вознаграждение, чтобы они могли вновь отстроить дома, и даже пообещал построить каменные лавки вместо прежних, сплошь деревянных. Он выполнил это так хорошо, что каждый остался доволен и считал за счастье иметь столь доброго правителя.

Наконец в январе 1598 года сказанный Федор скончался (некоторые говорят, что сказанный Борис был виновником его смерти). С этих пор он начал более, чем прежде, домогаться власти, но так скрытно, что никто, кроме самых дальновидных, которые, однако ж, не осмелились ему противиться, не заметил этого, так как он притворялся, что домогается для своей сестры, вдовы покойного Федора. Хотя это противоречит законам страны, которые не позволяют жить свободно ни одной вдове, я имею в виду вдов великих князей и императоров, но обязывают через шесть недель после похорон стать монахиней в монастыре. Он даже для виду отказывал тем, кто по совету императрицы приходил к его дверям или в палату думы (куда всякий волен входить во время междуправления). Итак, он заставил просить себя принять титул императора и, возражая, увещевал их, что они напрасно так спешат, что дело заслуживает более зрелого

решения, что ничто их не торопит, ибо они в мире со всеми, и что империя останется в том же состоянии, в каком она была при жизни покойного, когда он же был ее правителем, до тех пор, пока они при зрелом рассуждении не выберут другого. Истина была, однако же, в том, что при нем страна не несла урона, что он увеличил казну, не считая городов, замков и крепостей, построенных по его повелению, а также заключил мир со всеми соседями. А для того он хотел надлежащим образом созвать сословия страны, именно: по восемь или десять человек от каждого города, чтобы вся страна единодушно приняла решение, кого следует избрать, для чего нужно было время. Ибо, как он говорил, его желанием было удовлетворить всякого. В это время он распустил слух, что, по сведениям, полученным от пленников, приведенных казаками, сам татарский хан с большими силами идет разорять Россию. Узнав такую новость, народ стал более настоятельно просить его принять корону, которую он принял после многих возражений, что делает это против своей воли, так как есть много выходцев из более знатных родов, чем он, и обладающих большим правом на корону, и что он и без этого мог бы выказать свою отеческую любовь к народу, и с такой же заботой об общественных делах, как и прежде. Но раз народ так его желает и никто другой не желает вмешаться; он готов возложить на себя столь тяжкий груз. Но только после того, как будет дан отпор неверным, идущим с армией в сто тысяч человек опустошать империю, и они будут поставлены в подчинение, как и остальные соседи. С этих пор его называли титулами его предшественников.

Итак, чтобы осуществить вышесказанное, он велел собрать войско в Серпухове — городе, находящемся в 90 верстах от Москвы и расположенном на Оке, вблизи обычной переправы татар, куда он отправился лично после того, как его сестра-императрица удалилась в Девичий монастырь, расположенный в 3 верстах от Москвы. В июле был дан смотр армии; и по словам как иностранцев, так и русских, там присутствовавших, было пятьсот тысяч человек пеших и конных. Я добавлю — по меньшей мере, ибо Россия никогда не была сильнее, чем тогда. И поскольку это кажется неправдоподобным, я объясню далее порядок, который они применяют, чтобы составлять столько людей, каким я его увидел и узнал. Но чтобы закончить эту войну, не нашлось другого неприятеля, кроме посла с примерно сотней людей, одетых по их обычаю в баряньи шкуры, но на очень хороших лоша-

дях, явившихся для переговоров со стороны татарского хана, о чем Борис был хорошо осведомлен заранее. Эти переговоры принесли ему очень большую славу, так как он показал послу все военные силы России, приказав многократно дать залпы своей артиллерией, расположенной по обе стороны дороги шириной в две версты или около того, причем пушки были достаточно удалены друг от друга, а сказанного посла несколько раз провести между сказанными пушками, и наконец отослал его со многими подарками. Распустив после этого армию, сказанный Борис Федорович с великим триумфом явился в город Москву. Ходил слух, что татарский хан, прослышав о его приезде, не осмелился пойти дальше. И первого сентября 1598 года, что считается у них первым днем года, сказанный Борис был коронован. [...]

У них нет ни одной школы, ни университета. Только священники учат молодежь читать и писать, что привлекает немногих. Большая часть их букв — греческие, и почти все их книги написаны от руки, за исключением нескольких печатных книг Библии и Нового Завета из Польши. Так как они научились печатать всего лишь десять — двенадцать лет назад⁹, то рукописные книги и ныне более изысканно сделаны, чем печатные. Дважды в год реки и проточные воды там освящаются, и после сказанного освящения император и вельможи имеют обыкновение прыгать в воду, я даже видел, как для этой цели разбили лед, и император туда прыгнул. В день вербного воскресенья сажают на осла патриарха, который садится по-дамски, а если нет осла, то берут лошадь, покрывают ее белым полотном, так что видны только глаза, приделывают ей большие уши, и император ведет ее под уздцы к церкви вне замка, называемой Иерусалим, а оттуда ведет ее к церкви Богоматери. В этот день назначенные люди, срывая свое платье, устилают им дорогу, по которой следует процессия священников и других духовных лиц города. [...] Никто из иноверцев не может входить в их церкви. Патриарх, епископы и аббаты назначаются по воле императора. Все церковные дела решаются патриархом, если они не имеют особой важности, а в ином случае о них следует сообщать императору. Под любым предлогом муж разводится с женой, отправляя ее против воли в монастырь, которых там множество, и женится снова до трех раз.

Император дарует каждому свободу совести при отправлении обрядов и верований, за исключением римских католиков. Они не допускают у себя ни одного ев-

рея с тех пор, как Иван Васильевич, прозванный Грозным, приказал собрать всех их, сколько было в стране, и, связав им руки и ноги, привести на мост, велел им отречься от своей веры и заставил сказать, что они хотят окреститься и веровать в бога отца, сына и святого духа, и в тот же момент приказал всех их побросать в воду. Ливонцы, которые были взяты в плен тридцать восемь или сорок лет назад, когда сказанный Иван Васильевич захватил большую часть Ливонии и вывел всех жителей Дерпта и Нарвы в Московию, сказанные ливонцы, исповедующие лютеранскую веру, получив два храма внутри города Москвы, отправляли там публичную службу; но в конце концов из-за их гордости и тщеславия сказанные храмы по приказанию сказанного Ивана Васильевича были разрушены и все их дома были разорены без внимания к возрасту и к полу. И хотя зимою они были изгнаны нагими, в чем мать родила, они не могли винить в этом никого, кроме самих себя, ибо, не помня о произошедшем несчастии, о том, что они уведены со своей родины, имущество их отнято и они ввергнуты в рабство во власть совсем грубого и варварского народа, вдобавок управляемого государем-тираном, вместо того, чтобы смириться перед сказанными бедствиями, они вели себя столь высокомерно, их манеры были столь надменны, а их одежды — столь роскошны, что их всех можно было бы принять за принцев или принцесс, так как женщины, отправляясь в храм, одевались не иначе, как в бархат, шелк, камку и по меньшей мере — в тафту, хотя бы у них ничего больше не было. Основной барыш давало им право продавать водку, мед и иные напитки, на чем они наживают не десять процентов, а сотню; что покажется невероятным, однако же это правда.

И хотя ливонцы всегда были и будут такими, возможно, их для того и вывели в Россию, чтобы они обнаружили там свое тщеславие и заносчивость, которые в своей собственной стране они не смели выказывать из-за законов и правосудия. В конце концов им было дано место вне города, чтобы построить там дома и церковь, и с тех пор никому из них не позволено жить в городе Москве. Под властью русских находятся также татары, турки и персы, сверх того мордва и другие магометанские нации, исповедующие каждая свою религию, не считая сибиряков, лапландцев и других, которые не являются ни христианами, ни магометанами, но, следуя своим причудам, поклоняются разным животным, не принуждаемые в религии.

Они никогда не оставляют покойников на сутки, будь то государь или раб. Но если кто умрет утром, то вечером его хоронят. Чтобы оплакивать покойников, есть обычно множество женщин, которые вопрошают, зачем он умер: разве он не был любим императором, разве не было у него довольно добра, разве не было довольно детей, честной жены; либо, если это женщина, разве не было у нее доброго мужа, и подобные глупости. Затем надевают ему новую рубаху, чулки, башмаки вроде пантуфлей, колпак, затем кладут в гроб и предают земле в присутствии родственников и друзей. После погребения принимаются плакать над могилами, вопрошая, как прежде, затем уходят. По прошествии шести недель на могилу приходят вдова и близкие друзья и приносят туда еду и питье, и, вдоволь пролив слез, задав те же вопросы, съедают принесенные кушанья, раздавая нищим остатки того, что не смогли съесть. Так поступают в простом народе; но если речь идет о знатном, то сказанное пиршество происходит в доме после того, как близкие родственники возвратятся с могилы, над которой они произнесут те же вопросы сами или предоставят сделать это нанятым для того женщинам и раздадут нищим все, что принесли на могилу. И продолжают ежегодно совершать в память умерших сказанные пиршества. Через шесть недель женщина может снова выйти замуж, так как траур не длится более.

А вот как соблюдают великий пост: за одну неделю перед ним, которую они называют масленица, не смеют есть ничего мясного, однако едят все, происходящее от плоти, именно: масло, сыр, яйца, молоко. И ходят навещать друг друга, обмениваясь поцелуями, поклонами и прося прощения друг у друга, если обидели словами или поступками; даже встречаясь на улицах, хотя бы прежде никогда не видели друг друга, целуются, говоря: «Простите меня, прошу вас», на что отвечают: «Бог вас простит, и меня простите тоже». А прежде чем перейти к дальнейшему, нужно заметить, что они целуются не только в это время, но всегда, ибо у них это нечто вроде приветствия, как среди мужчин, так и среди женщин, — поцеловаться, прощаясь друг с другом или встречаясь после долгой разлуки. По окончании этой недели все идут в баню. В следующую неделю почти или совсем не выходят из своих жилищ, и большинство из них едят лишь трижды в сказанную неделю, но не мясо и не рыбу, только мед и всякие коренья. В следующую неделю они выходят из жилищ, но весьма скромно одетые, как если бы носили

траур. Во все оставшееся время великого поста (кроме последней недели) они едят всякого рода рыбу, как свежую, так и соленую, без масла или чего другого, происходящего от плоти, но в среду и пятницу едят мало свежей рыбы, больше соленую рыбу и коренья. Последняя неделя соблюдается так же или более строго, чем первая, так как, по обычаю, они теперь причащаются. А в день пасхи и в следующую неделю они навещают друг друга (как в масленицу) и обмениваются красными яйцами [...].

В России много колоколов; хотя, казалось бы, они отличаются этим от греков, которые совсем не держат их в своих церквах, как и их единоверцы, именно валахи, молдаване, реты и другие, это не противоречит греческой религии. Но, находясь под владычеством турок, у которых коран не допускает никаких колоколов в их синагоге, они так же, как евреи, не смеют их держать, хотя они были у католиков, протестантов и ариан в Трансильвании, когда Стефан, впоследствии король польский, а после него Сигизмунд Баторий владели ею, как вассалы турецкого султана; но у греков их совсем не было.

Все пути из страны закрыты таким образом, что невозможно покинуть ее без позволения императора; до сих пор не бывало, чтобы они выпустили из страны кого-нибудь из носящих оружие, так что я первый; также, если идет война против поляков, они не посылают туда ни одного поляка, хотя те в изрядном числе, но посылают их на татарские границы, и так же поступают с другими нациями, живущими среди них, из опасения, что сказанные иностранцы убегут или перейдут к неприятелю, так как эта нация самая недоверчивая и подозрительная в мире.

Все их замки и крепости деревянные, исключая Смоленск, замок Ивангород или Нарву, замок Тулу, Казань и Астрахань, замок Коломну и замок Путивль на границах Подолии и город Москву — большой город, через который протекает река, бóльшая, чем Сена; город обнесен деревянной стеной, которая, как я полагаю, в окружности больше Парижа, далее есть большая стена, окружностью в половину деревянной, но не заходящая за реку; затем есть третья, кирпичная, которая окружает все каменные лавки купцов; затем есть большой замок, он был построен при Василии Ивановиче, отце Ивана Васильевича, одним итальянцем. Внутри замка находятся различные каменные церкви, четыре из них сплошь покрыты золоченой медью. Город полон деревян-

ных зданий, каждое здание только в два этажа, но с большим двором на случай пожаров, которым они весьма подвержены. В недавнее время они построили много каменных церквей, к тому же там бесконечное число деревянных, и даже улицы вымощены или выложены деревом.

Самые родовитые жительствоуют постоянно в Москве, именно князья (т. е. герцоги), затем члены думы, которые называются думными боярами, затем окольнічие, т. е. маршалы, затем думные дворяне и прочие московские дворяне. Из этих последних выбираются правители и губернаторы городов. Определенного числа членов думы не существует, так как от императора зависит назначить, сколько ему будет угодно. При мне оно доходило до тридцати двух членов. Тайный совет для дел особой важности состоит обычно из самых близких родственников императора. Спрашивают для вида мнение церковнослужителей, приглашая в думу патриарха с несколькими епископами, хотя, если говорить начистоту, нет ни закона, ни думы, кроме воли императора, будь она доброй или злой, чтобы все предать огню и мечу, безвинных и виноватых. Я считаю его одним из самых неограниченных государей из существующих на свете, так как все жители страны, благородные и неблагородные, самые братья императора называют себя холопами государя, т. е. рабами императора. Сверх того в думе держат двух думных дьяков, которых я считаю скорее секретарями, чем канцлерами, как они толкуют. Один из них — тот, в ведомство к которому направляют всех послов и дела внешней торговли. Другой — тот, в ведомстве которого все дела военных, как наместников, губернаторов городов, так и прочих, за исключением стрельцов, лучшей их пехоты (это аркебузиры), так как у них свое отдельное ведомство.

Кроме того, для каждой провинции страны есть свое ведомство, чтобы судить все споры, которые случаются среди тех, кто служит императору; туда входит один член думы или окольнічий с дьяком. Нужно заметить, что никто из судей и служащих не смеет принимать никаких подарков от тех, чьи дела они решают, так как если их обвинят [в этом] или подчиненные, или те, кто сделал подношение (что случается часто, если дело решилось не так, как надеялись), или кто бы то ни был другой и они будут избалованы, то все их имущество конфискуется, и сверх того их отправляют на правож (о котором поговорим ниже), чтобы после

того, как возвратят подношение, заставить их заплатить штраф, смотря сколько назначит император — пятьсот, тысячу или две тысячи рублей, более или менее, учитывая статус обвиняемого. Но если это дьяк, не слишком жалуемый императором, то его секут; водят по городу, подвесив ему на шею кошель, полный денег (если он принял деньги), и имеют обыкновение вешать им на шею любую другую вещь, будь то меха, жемчуг или что бы то ни было другое, вплоть до соленой рыбы, когда секут их, что делается не розгами, но кнутом, затем отправляют в ссылку. Они стремятся добиться этого не только на настоящее время, но и на будущее; несмотря на это, не перестают принимать [взятки], так как нашлась новая выдумка, состоящая в том, что подносят что-нибудь иконе у того, в ком нуждаются (каковых икон в каждом доме великое множество, простолюдины называют их бог, а другие икона или изображение), подвешивая это к сказанной иконе, что тем не менее не служит оправданием, если подношение превосходит семь или восемь рублей и император об этом узнает; также им позволено в продолжение недели после пасхи принимать вместе с яйцами маленькие подарки, когда они целуются, как мы уже отметили, но они не должны принимать никаких подарков, если подносят в надежде заслужить этим благоволение, так как это не избавляет их, если они будут обвинены стороною, от которой их получили, так как те могут доказать, что поднесли с той и той целью; но избавлены в течение этого времени от всех других обвинителей. Ибо все судьи и чиновники должны довольствоваться своим годовым содержанием и землями, которые они получают от императора. Вынесенный приговор не подлежит обжалованию. Как бы ни была далека провинция, все ее жители, за исключением горожан, должны являться для суда в город Москву. Что касается горожан, то в каждом городе есть губной староста, который судит все дела, разбираемые в Москве. Эти подначальные судьи властны также разыскивать и заключать в тюрьму всяких убийц, воров и разбойников, подвергать их пытке и после признания писать о том в Москву в назначенное для этого ведомство, которое они называют Разбойный приказ. Во всей России нельзя казнить человека без постановления верховного суда в Москве. По их законам, каждый защищает себя сам или выставляет своего родственника или слугу, так как о прокуроре или адвокате там и речи нет. Все споры, кроме тех, которые можно рассудить на глазок, завершаются присягой, ко-

торую одна из сторон приносит другой с некоторыми обрядами, целуя крест в отведенной для этого церкви. Следует заметить, что те, кто несет конную службу императору, избавлены от личной присяги, так как они посылают целовать крест слугу, за исключением тех случаев, когда присягают государям; а тех, кто должен императору или кому другому какую-либо сумму денег, которую не может или не хочет заплатить, отправляют на правож, это место, где они должны находиться в будни от восхода солнца до десяти или одиннадцати часов, чтобы подвергаться битью и сечению тростью или хлыстом по икрам ног назначенными для этого людьми, которые зовутся недельщиками. Я видел много раз, как их отвозили домой на тележках; это продолжается до полного возмещения долга. Те, кто несет конную службу императору, избавлены от этого и посылают вместо себя одного из своих людей.

Дворянство, под которым я понимаю всех тех, кто получает ежегодное жалованье и владеет землями императора, придерживается такого образа жизни: летом они поднимаются обычно с восходом солнца, идут в замок (разумеется, если дело происходит в Москве), где с часу до шести часов дня заседает дума, затем император в сопровождении членов Думы отправляется слушать службу, она длится с семи часов до восьми, т. е. с одиннадцати часов до полудня; после того как император удалится, все уходят обедать, а после обеда ложатся и спят два или три часа; затем в четырнадцать часов звонит колокол, и все вельможи возвращаются в замок, где пребывают до двух-трех часов вечера, затем уходят, ужинают и отправляются спать. И нужно заметить, что все ездят летом верхом, а зимой в санях, так что не производят никакого движения, что делает их жирными и тучными, но они даже почитают наиболее брюхастых, называя их «дородный человек», что значит «честный человек». Они одеваются весьма просто, иначе только в праздничный день, или если император выходит к народу, или назначен прием какого-нибудь посла. Их женщины ездят летом в колымагах, а зимой в санях; разве только императрица отправляется на прогулку, тогда множество женщин следуют за ее каретой, сидя верхом по-мужски, и все женщины носят шляпы из белого войлока, похожие на те, что епископы и аббаты носят на прогулке, только что те темно-серые или черные. Они одеваются в длинное платье, одинаково широкое в плечах и по низу, обычно из французского алого сукна или

из какого-нибудь хорошего красного сукна, под которым у них другое платье из шелковой ткани, с длинными рукавами шириной более парижского локтя, спереди рукава обшиты золотой парчой на треть локтя, на голове убор, шитый жемчугом, если это женщина, но если это девица, то она носит высокий убор из черной лисы, какие надевают дворяне к приему посла; если это женщина, совсем не имевшая детей, то она может носить такой же убор, как девица. Затем все они носят жемчужные ожерелья в добрых четыре пальца шириной и весьма длинные серьги, обуваются в сапоги красного и желтого сафьяна с каблуком в три пальца высотой, подкованные, как сапоги у поляков; все они белятся и румянятся, но весьма грубо, и считают стыдным не белиться, не румяниться, равно для старой или молодой, богатой или бедной. Их содержат весьма строго, и их покои отделены от покоев мужа. Их никогда не видно, так как показать свою жену у них означает самое большое расположение друг к другу, если только не близкому родственнику. Если же кто-нибудь захочет жениться, то нужно поговорить с родителями девушки: в случае согласия на брак, он посылает одного из самых верных родственников или друзей посмотреть сказанную девушку, и тот рассказывает ему о своем впечатлении, и по этому рассказу заключают брачный договор, а кто нарушит обещание, платит условленную между ними сумму денег. После заключения этого договора он может пойти посмотреть свою сунругу. В день свадьбы ее отводят в церковь, закрыв лицо покрывалом. [...] Так что она не может никого видеть, и никто не может видеть ее лица. Затем таким же образом ее приводят и сажают за стол, и так она остается закрытой до завершения свадьбы, после чего они идут в баню или если не идут туда, то обливаются с головой ведром воды, так как без этого чувствуют себя оскверненными, следуя в этом евреям и туркам. Им нужно получить благословение священника или монаха, прежде чем войти в церковь или даже предстать перед любой иконой, которые каждый имеет во множестве у себя в доме, и так поступают каждый раз после того, как проведут ночь с женой. Все, что дается в приданое, ценится особенно, вдвое или втрое, и если случается, что она умирает бездетной, то муж выплачивает все согласно оценке ближайшим родственникам. Свое богатство всякий оценивает по числу имеющихся у него слуг и служанок, а не по деньгам, которыми владеет; это сохранилось у них от древних, так как слуги, кото-

рых у них множество, являются рабами и остаются, как они сами, так и их дети, крепостными наследников своего первого хозяина. Кроме этого, они во многом следуют древности, как, например, в ведении бумаг, так как их реестры, докладные и жалобы или прошения свернуты в свитки, а не переплетены или сложены, как у нас, и так все их бумаги, в чем они подражают древним, а также святому писанию, как мы читаем у пророка Иезекииля, гл. 3. Так же, как и в их способе приглашать на пир или на обед. Сам император, приглашая послов, говорит: поешьте со мною хлеба; и самый большой упрек, который можно сделать неблагодарному,— это сказать: ты забыл мой хлеб и соль. Даже если император совершает какое-либо путешествие, или если избирают императора, или он женится, или присутствует при крещении, ему всякий раз преподнесут среди других подарков хлеб и соль. При поклоне они снимают шапки и кланяются не на манер турков или персов и прочих магометан, прикладывая руку к голове или к груди, но опуская правую руку до земли или не так низко, смотря какой почет хотят оказать. Но если подчиненный хочет чего-либо добиться от вышестоящего, то он простирается ниц на земле, так же как и при молитве перед иконами. Иных поклонов не знают и не преклоняют колен, потому что это (как они говорят) обычай магометан, поскольку те обыкновенно опускаются на колени, садясь на землю; женщины поступают при этом так же.

Среди них много людей пожилых, 80-, 100- либо 120-летних. Только в этом возрасте они подвержены болезням. Они не знают, что такое врач, разве только император и некоторые главные вельможи. Они даже считают нечистым многое из того, что используется в медицине, среди прочего неохотно принимают пилюли; что касается промывательных средств, то они их ненавидят, как и мускус, цибет и тому подобное. Но если простолюдины заболевают, они берут обычно водки на хороший глоток и засыпают туда заряд аркебузного пороха или же головку толченого чеснока, размешивают это, выпивают и тотчас идут в парильню, столь жаркую, что почти невозможно вытерпеть, и остаются там, пока не попотеют час или два, и так поступают при всякой болезни.

Что касается государственных доходов, то в них соблюдается такой порядок. Прежде всего императорские имущества поступают в ведомство, называемое Дворцовым, это ведомство возглавляет дворецкий, который решает дела вместе с двумя дьяками; кроме того, страна

поделена на пять ведомств, называемых четвертями; в эти ведомства поступают обычные доходы. Сверх того, есть другое ведомство, называемое Большой приход: это ведомство контролирует сказанные четверти, а если вводятся экстраординарные налоги, то они также поступают в сказанный приход. Доход императора, кроме его домена, состоит в талье, которую должны выплачивать не только города, но также все крестьяне, не исключая наследных земель родственников государя; затем в налогах и пошлинах на всякого рода товары и на кабаки, где продают водку, мед и ячменное пиво, так как во всей России их могут продавать только те, кто взял на откуп кабаки в каждом городе либо деревне; затем [в налогах] на меха, воск, и другие товары. Императорские имущества состоят большей частью в жизненных припасах, именно: в хлебе, водке, меде, дичи, мясе, птице, фруктах и всем прочем, необходимом для кухни и кладовой. Несмотря на это, и все по отдельности обложено налогом по самой высокой цене, и у тех, кто живет в отдалении от города, все берут деньгами, многие даже обложены денежным налогом, именно каждая выть, содержащая семь или восемь десятин пахотной земли, смотря по местонахождению; десятина представляет собой земельный участок, на котором можно посеять две четверти зерна, т. е. все равно что арпан земли; и платят за это ежегодно десять, двенадцать, пятнадцать рублей, даже до двадцати рублей, в зависимости от плодородия земли. Поскольку один рубль составляет около шести ливров двенадцати солей, то ежегодно собирается большая сумма, так что в этом ведомстве оказывается наличных денег до ста двадцати тысяч, даже до ста пятидесяти тысяч рублей ежегодно, в зависимости от расходов и издержек на иностранных послов и прочих экстраординарных расходов, лежащих на этом ведомстве. Кроме того, наличные деньги остаются в некоторых из пяти четвертей, например в Казанской и Новой четверти, после произведения всех расходов (так как именно из них оплачиваются всякие пенсии и жалования большинству военнослужащих), — до восьмидесяти тысяч рублей, и в остальных — от сорока до шестидесяти тысяч рублей; сверх того, в Большом приходе, куда кроме экстраординарного налога, который по приказу императора свозят со всей страны в город Москву, [идет] и много других случайных доходов, например от попавших в опалу, имущество которых конфискуется. Пушнина и воск относятся к ведомству, называемому Казна, т. е. место хранения казны. В это ведом-

ство помещается то, что поступает от приложения печати, именно четверть рубля за каждое запечатанное письмо, и отсюда оплачиваются разнообразные товары для нужд императора. Сверх того, каждое ведомство в провинции доставляет порядочную сумму денег в конце года, так как императору принадлежит десятая часть от всего того, что взимается правосудием. Есть еще два ведомства, именно одно, называемое Поместный приказ, которое ведаёт раздачей земель, так как за каждую грамоту нужно дать два, три или четыре рубля, смотря по величине земель, которые получают в держание, далее, если некто окажется в немилости, то доход от сказанных земель вновь поступает в сказанное ведомство до тех пор, пока император не передаст его кому-нибудь другому. Второе ведомство называется Конюшенный приказ, т. е. ведомство конюшен, в сказанное ведомство также поступает много доходов и нерегулярных сборов, так как с каждой лошади, продаваемой в стране, исключая крестьянских, платится около двадцати солей за запись, свидетельствующую продажу, чтобы избежать всякой опасности, если будет заявлено, что лошадь была краденая. Большой доход дают лошади, которых татары, называемые ногайскими, приводят для продажи в Россию, так как император в первую очередь отбирает десятую часть лошадей, сверх того с каждой продажной лошади он получает пять процентов от продавца или покупателя, смотря по договоренности. Через два или три года, когда сказанные десятки лошадей, бывших молодыми лошадьми или жеребятами, вырастут, продают их, что доставляет большую сумму денег, ибо я видел, что за один раз их приводили около сорока тысяч; они являются два или три раза в год и приводят их больше или меньше, так что нельзя с уверенностью определить доход императора. Все же это весьма богатая страна, так как из нее совсем не вывозят денег, но они ввозятся туда ежегодно в большом количестве, так как все расчеты они производят товарами, которые имеют во множестве, именно: разнообразными мехами, воском, салом, коровьей и лошадиной кожей. Другие кожи, крашенные в красный цвет, лен, пеньку, всякого рода веревки, кавиар, т. е. икру соленой рыбы, они в большом количестве вывозят в Италию, далее, соленую семгу, много рыбьего жира и других товаров. Что касается хлеба, то хотя его очень много, они не рискуют вывозить его из страны в сторону Ливонии. Сверх того у них много поташа, льняного семени, пряжи и прочих товаров, которые они обменивают или про-

дают, не покупая ничего чужеземного на наличные деньги, и даже император, если сумма, к примеру, от 4 до 5 тысяч рублей, приказывает платить мехом или воском.

У императора есть казна из его сбережений, к которой он совсем не притрагивается, напротив, каждый год туда вкладывается больше или меньше. Кроме этой, есть Расходная казна, т. е. казна, из которой берутся деньги на чрезвычайные расходы, она полна множеством разнообразных драгоценностей, прежде всего жемчугом, так как в России его носят больше, чем во всей остальной Европе. Я видел в казне по меньшей мере 50 переменных платьев императора, по краям которых вместо позумента были драгоценности, и платья, полностью обшитые жемчугом, и другие, кругом обшитые жемчугом на фут, на полфута, на четыре пальца; я видел полдюжины покрывал на кровать, сплошь обшитых жемчугом, и различные другие вещи. Там также есть богатые драгоценности, которые покупают каждый год помимо тех, что получают от послов, и они остаются в казне. Там есть четыре короны, именно три императорские и четвертая — та, которой короновались некогда великие князья, не считая той, которую Дмитрий велел изготовить для своей жены-императрицы; она не была закончена, поскольку не в обычае страны короновать жен императоров и великих князей. Дмитрий был в этом первым. Там есть два скипетра и по крайней мере две золотые державы, которые я видел, много раз имел честь сопровождать Дмитрия под своды, где хранится казна. Они говорят и считают, что к казне относится все, будь то одежда, драгоценности, ткани или деньги. Кроме того, там есть два совершенно целых рога единорога и один посох, с которым ходят императоры, сделанный из цельного рога единорога, т. е. по длине, так как верхняя поперечина, на которую опираются, сделана из другого рога единорога; затем там есть еще одна половина [рога] единорога, которой повседневно пользуются в медицинских целях. Я видел там еще один золотой посох, но частично полый внутри из-за тяжести. Там великое множество больших и малых золотых блюд и чаш для питья, сверх того бесконечное количество золоченой и незолоченой серебряной посуды, о чем можно судить по следующему рассказу. После избрания Бориса Федоровича, когда он велел армии собраться в Серпухове, как мы упомянули выше, он давал пир на протяжении шести недель почти ежедневно, всякий раз на десять тысяч человек; по словам тех, кто там присутствовал, им всем подавалось на серебря-

ной посуде, и всем под шатрами. Я видел там полдюжины бочек, сделанных из серебра, которые Иван Васильевич приказал отлить из серебряной посуды, взятой им в Ливонии, когда он ее завоевал; одна из сказанных бочек величиной почти в полмюида, а другие поменьше; большое число серебряных тазов, больших и тяжелых, с ручками с обеих сторон, чтобы их носить, обычно четыре человека приносят их, полные меда, на каждый стол, и, смотря по длине этих столов, — три или четыре, больше или меньше, и к каждому большие серебряные чаши, чтобы черпать из этих тазов, так как двести или триста человек не справились бы, разливая напитки званым на пир. Вся сказанная посуда русской работы; кроме нее есть множество немецкой, английской, польской серебряной посуды — это или подарки государей, полученные через послов, или приобретения, сделанные ради редкостной работы. Сверх того, в изобилии всякого рода ткани, именно золотая и серебряная персидская и турецкая парча, всякого рода бархат, атлас, камка, тафта и другие шелковые ткани, и действительно они нужны в большом количестве, так как все, кто является служить императору, получают свой, как они называют, гостинец, состоящий из денег и, в соответствии со званием, из платья золотой парчи или такого количества бархата, атласа, камки или тафты, чтобы сшить одежду. Кроме того, когда награждают кого-либо или за военные заслуги, или за что другое, им дарят то же. Все послы, приезжающие или от татар и ногайцев, или от крымцев, или от какой-нибудь другой азиатской нации, как сами они, так и их люди тоже получают платье из шелковых тканей, каждый согласно своему званию. Чтобы казна всегда была полна, всех купцов, как иноземных, так и русских, обязывают приносить всякие ткани и другие ценные вещи в казну, а там из них отбирают для императора. Если обнаружится, что они продали или утаили, прежде чем предъявить, на десять или двенадцать экую товаров, то весь остаток конфискуется, хотя бы они уже заплатили пошлину и все налоги. У них нет никаких минералов, кроме железа, весьма мягкого, хотя я сомневаюсь, чтобы в столь большой стране не нашлось других ископаемых; но у них нет никого, кто бы в них разбирался.

Из монет употребляют лишь денинги, или копейки, стоимостью около шестнадцати турецких денье, и московки, или денги, стоимостью восемь турецких денье; еще полушки, стоимостью четыре денье; монета из серебра немного более чистого, чем в монетах в восемь реалов,

Вышесказанной монетой выплачивают любые суммы, так как иной нет во всей России; все суммы переводят в рубли по сто денингов, стоимостью, как мы уже заметили, около шести ливров двенадцати солей, и в половины рубля или четверти рубля; также в гривны по десять денингов и в алтыны по три денинга, стоимостью четыре соля. Иностранные купцы привозят туда много реалов и рейхсталеров, на которых русские выигрывают, так как они покупают их и платят за штуку двенадцать алтын, что составляет тридцать шесть денингов, т. е. около сорока восьми солей, затем перепродают на монетный двор, где их немного очищают и чеканят вышесказанную монету; реал, или, по-нашему, сорок солей, весит как сорок два денинга. Кроме того, сказанные купцы привозят туда большое количество дукатов, которые продаются и покупаются как любой товар и на которых они часто много выигрывают: я видел, как их покупали [по цене] до двадцати четырех алтын за штуку, т. е. около четырех ливров шестнадцати солей, я видел также, как их продавали по шестнадцать алтын и по полрубля за штуку, но самая обычная цена — от восемнадцати до двадцати одного алтына, а эта дороговизна дукатов бывает, когда коронуется или женится император или при крестинах, так как каждый, как мы упомянули выше, спешит поднести какой-либо подарок, а народ объединяется в группы и компании, которые, соперничая друг с другом, преподносят богатые подарки, среди которых обычно множество дукатов в серебряных кубках, или чашах, или на блюдах, покрытых тафтой; они также поднимаются в цене за несколько дней до пасхи, так как в это время и неделю после пасхи они по обычаю навещают друг друга с красными яйцами и целуются, как мы упомянули выше; но, отправляясь навещать знатных и тех, в ком нуждаются, подносят вместе с яйцом какую-нибудь драгоценную вещь — жемчуг или несколько дукатов, так как это единственное время в году, когда они осмеливаются принимать, притом это нужно сделать скрытно; так как их обвинят и в это время, если будет принята вещь большей ценности, чем в десять или двенадцать рублей.

Высшая должность в России — главный смотритель конюшен, его называют конюшим боярином; далее тот, кто надзирает за врачами и аптекарями, его называют аптечным боярином; далее дворецкий и затем кравчий; эти четыре должности — главные в думе. Кроме этих есть еще много различных должностей, как стольник, чашник, стряпчий, пажи и прочие.

Императорская гвардия состоит из десяти тысяч стрельцов, проживающих в городе Москве; это аркебузиры, у них лишь один генерал. Они разделены на приказы, т. е. отряды по пятьсот человек, над которыми стоит голова, по-нашему — капитан; каждая сотня человек имеет сотника и каждые десять человек — десятника, по-нашему капрала; у них нет ни лейтенантов, ни прапорщиков. Каждый капитан получает, смотря по заслугам, тридцать, сорок, до шестидесяти рублей годового жалованья и на тех же основаниях землю — до трехсот, четырехсот или пятисот четвертей; четверть равна арпану земли, что постоянно подразумевается в этом сочинении. Большинство сотников получают землю и от двенадцати до двадцати рублей, капралы — до десяти рублей, а стрельцы — четыре-пять рублей в год; помимо этого каждый ежегодно получает двенадцать четвертей ржи и столько же ячменя. Когда император выезжает на прогулку, хотя бы всего на шесть или семь верст от города, большинство их едет за ним и на лошадях из конюшен императора; если их посылают куда-нибудь в армию или в гарнизон, то дают им лошадей. Кормить их назначены слуги. Каждые десять человек имеют телегу, чтобы перевозить припасы.

Кроме вышеназванных дворян, проживающих в Москве, избирают в каждом городе знатных дворян, владеющих землями в округе, которых называют выборные дворяне города, смотря по величине его, шестнадцать, восемнадцать и до двадцати, даже до тридцати, которые проживают в городе Москве в продолжение трех лет, затем выбирают других, а этих отпускают, что обеспечивает изрядное число кавалерии. Поэтому император редко выезжает, не имея с собой восемнадцати и двадцати тысяч всадников, так как все, зависящие от двора, садятся на коня; большинство из них по очереди проводят каждую ночь во дворце без всякого оружия.

Если нужно встретить какого-нибудь посла, то, смотря по тому, какой почет хочет ему оказать государь, он посылает сказанных стрельцов с аркебузами выстроиться в ряд по одному по обе стороны дороги до его жилья, именно от деревянных или каменных ворот, смотря, как то прикажет император; затем множество московских и последними названных дворян вместе с первейшими купцами являются, весьма богато одевшись, если в том есть нужда, так как это зависит от того, какой почет хотят оказать послу. У каждого есть для этой цели три или четыре перемены платья; иногда им велят одеться в

золотую и серебряную персидскую парчу и высокую шапку из черной лисы, иногда в цветное платье, т. е. платье из обьяри, или шелкового камлота, или алого французского сукна, или какого-нибудь другого красивого тонкого светлого сукна, обложенного золотым галуном, и черную шапку, короче, в одежды, которые они называют чистое платье и которые представляют собой смешные парадные одеяния. Число знатных людей изменяется в зависимости от оказываемых почестей. Они выходят встречать на расстояние полета стрелы от города, а некоторые на четверть лье, куда приводят сказанному послу и его людям лошадей из императорской конюшни для въезда в город, и таким образом сопровождают его до жилья, перед которым выставляют охрану, не позволяя входить туда никому, кроме уполномоченных для этого лиц, ни даже выходить никому, кто бы не имел около себя стражи, чтобы следить, куда он идет, что будет делать и говорить. Для этого назначаются люди, как и для того, чтобы на границе снабжать и оделять их разнообразными необходимыми припасами на средства императора. Не только послы, но любые иностранцы, прибывающие служить императору, каждый в зависимости от звания, наделяются как в городе Москве, так и в дороге всеми необходимыми для них и для их лошадей припасами, что называется у них корм, который послам увеличивают или сокращают по приказанию императора. Все снабжение идет из ведомства, называемого Дворцовым, как было замечено выше.

Что касается военных, то в первую очередь нужно сказать о воеводах, т. е. генералах армии. Их выбирают обычно из думных бояр и окольничих, так делают при появлении неприятеля; в противном случае их ежегодно выбирают из думных и московских дворян и посылают на границу Татарии, чтобы помешать вторжению скопившихся татар, которые являются временами, чтобы угнать лошадей с гарнизонных пастбищ, и если не встречают сопротивления, то сверх того грабят. Армию они разделяют на пять частей, именно: авангард, располагающийся около какого-нибудь города вблизи татарских границ; вторую часть — правое крыло, располагающееся у другого города, третью — левое крыло; затем основную армию и арьергард. Все части отделены одна от другой, но генералы обязаны при первом уведомлении явиться на соединение с главной армией. В армии нет другого командования, кроме сказанных генералов, разве только все воинство, как кавалерия, так и пехота, под-

чинено капитанам, а лейтенантов, прапорщиков, трубачей и барабанщиков нет. У каждого генерала есть свое знамя, которое различается по изображенному на нем святому; они освящены патриархом, как другие [изображения] святых. Два или три человека назначены его поддерживать. Кроме того, у каждого генерала есть свой собственный набат, как они называют; это такие медные барабаны, которые перевозятся на лошади; у каждого их десять или двенадцать и столько же труб и несколько гобоев, которые звучат только тогда, когда они готовы вступить в сражение, или в стычке, кроме одного из барабанов, в который бьют, чтобы выступить в поход или садиться на коней.

Порядок, которого они придерживаются, чтобы обнаружить врага в этих громадных татарских равнинах, таков. Существуют дороги, которые у них называются: дорога императора, дорога крымского хана, дорога великого хана; кроме того, на равнинах здесь и там рассеяно несколько дубов, удаленных на восемь, десять и до сорока верст друг от друга. Под большинством сказанных деревьев поставлены часовые, именно по два человека, каждый с подставной лошастью, один из них караулит на вершине дерева, а другой пасет оседланных лошадей, они сменяются каждые четыре дня. В том случае, если верхний увидит, что в воздух поднимается пыль, он должен спуститься, ничего не говоря, пока не сядет на лошадь, и во весь опор скакать ко второму дереву, издали крича и делая знаки, что видел людей. Тот, кто стережет лошадей у второго дерева, садится на лошадь по команде того, кто, сидя на дереве, обнаруживает его еще издали, и сразу, как только услышит и различит, в какой стороне он видел сказанную пыль, скачет на своей лошади во весь опор до следующего дерева, где происходит то же самое. И так из рук в руки до первой крепости, а оттуда до Москвы, говоря только, что видели людей, хотя во многих случаях это оказывается всего лишь табуном диких лошадей или стадом каких-нибудь диких животных. Но если тот, кто остался на первом дереве, является и подтверждает сообщение, и также первый со второго дерева, тогда вооружаются, и собираются выше-названные генералы, и посылают разведать силы врага. Те же часовые, сойдя с дороги, по которой следует неприятель, рассеиваются тут и там, поджидая, что он пройдет, и выходят к его следу и приблизительно выясняют его силы по ширине дороги, проложенной им в траве, которая высотой больше лошади; но это не луговая

трава, а пустынная, так как русские поджигают ее каждую весну как для того, чтобы татары в раннюю пору не имели пастбищ, так и для того, чтобы она росла выше. И если те явятся по любой из вышеназванных дорог, то их силы приблизительно распознают также по глубине протоптанной ими дороги. Также их приблизительно распознают по пыли, увидев, как она поднимается в воздух, поскольку они неохотно едут через траву, опасаясь загнать своих лошадей. И тогда сказанные часовые по известным им секретным тропинкам приносят известия об их силах, для сопротивления которым генералы отходят к рекам или лесам, чтобы затруднить их продвижение. Но татарин — враг столь подвижный и проворный, что, зная это, с двадцатью или тридцатью тысячами всадников отелечет армию, отправив в то же время некоторое число по другой дороге опустошать страну, что они сделают с такой скоростью, что удар будет нанесен прежде, чем русская армия получит предупреждение. Они не обременяют себя иной добычей, кроме пленников, у них нет никакой поклажи, хотя у каждого из них есть одна или две переменные лошади, которые так хорошо выучены, что не доставляют им никаких затруднений, а они столь проворны, что на рыси могут спрыгнуть с лошади и вскочить на другую. Из оружия у них только лук, стрелы и сабля; они стреляют гораздо быстрее и вернее на скаку, чем иначе. Провизия, которую они берут с собой — немного сушеного на солнце мяса, очень мелко нарезанного; кроме того, они привязывают к арчаку седла длинную веревку. В конечном итоге сотня их всегда обратит в бегство двести русских, если только это не будут лучшие воины. Русская пехота, или аркебузиры, находясь на берегу реки или в лесу, заставят их убежать со всех ног, хотя в действительности их легче напугать, чем нанести какой-либо вред. Если случится, что отряд в пятнадцать или двадцать тысяч всадников начнет их преследовать, то на расстоянии пушечного выстрела не окажется их вместе и трех-четырёх тысяч, а остальные будут походить скорее на привидения на ослах, чем на людей на лошадях. Таким образом татары уходят, никогда не неся больших потерь, если только, поджидая их возвращение, не перекроют проход через какой-нибудь лес или реку. Но это случается нечасто.

Русские силы состоят большей частью из кавалерии; кроме вышеназванных дворян, нужно включать в нее остальных — выборных дворян и городских дворян, детей боярских, их большое число; отряды именуется по

названию города, под которым они имеют земли. Некоторые города выставляют триста, четыреста, и до восьмисот, и до тысячи двухсот человек, например Смоленск, Новгород и другие; есть множество таких, как эти, городов, которые могут выставить множество людей. И нужно, чтобы кроме себя лично каждый снарядил одного конного и одного пешего воина с каждых 100 четвертей земли, которую они держат, разумеется, в случае необходимости, так как в другое время довольно их самих. Так собирается невероятное число, но скорее теней, чем людей. Содержащие их, прежде всего вельмож из думы, — от 500 рублей до 1200 рублей; таково содержание князя Федора Ивановича Мстиславского¹⁰, в продолжение жизни четырех императоров всегда занимавшего первое место, окольных — от 200 до 400 рублей и от 1000 до двух тысяч четвертей земли, я знал одновременно пятнадцать окольных; думных дворян, которых обычно не более шести, — от 100 рублей до 200 рублей и земли от 800 до 1200 четвертей, московских дворян — от 20 до 100 рублей и земли от 500 до 1000 четвертей, выборных дворян — от восьми до пятнадцати рублей, городских дворян — от пяти до двенадцати рублей и земли до 500 четвертей. Все это выплачивается ежегодно, кроме вышеназванных четвертей, и, как сказано выше, нужно снарядить двух человек с каждых 100 четвертей. Что касается прочих — детей боярских, то их жалованье — 4, 5 или 6 рублей — выплачивается за 6—7 лет сразу. Все они держат земли от императора, от ста до трехсот четвертей. Их служба обычно соответствует жалованью, т. е. состоит скорее в том, чтобы образовать количество, чем в чем-либо другом.

Вышеназванные знатные воины должны иметь кольчугу, шлем, копьё, лук и стрелу, хорошую лошадь, как и каждый из слуг; прочие должны иметь пригодных лошадей, лук, стрелы и саблю, как и их слуги; в итоге получается множество всадников на плохих лошадях, не знающих порядка, духа или дисциплины и часто приносящих армии больше вреда, чем пользы. Кроме того, есть казанские войска, которые, как считают, составляют вместе с черемисами почти 20 000 всадников; есть, далее, татары, которые за ежегодную плату служат императору вместе с мордвинами, они составят от семи до восьми тысяч всадников, их жалованье — от восьми до тридцати рублей; затем есть черкесы, их от трех до четырех тысяч; затем иностранцы — немцы, поляки, греки, их две тысячи пятьсот, получающих жалованье от двенадцати

до шестидесяти рублей, некоторые капитаны получают до 120 рублей, не считая земли, ее же от шестисот до тысячи четвертей.

Наконец, есть дачные люди; их должны снаряжать патриархи, епископы, игумены и прочие священнослужители, владеющие землями, а именно одного конного и одного пешего с каждых ста четвертей, как сказано выше; порой, если нужно, берут у сказанных священнослужителей вместо людей большое количество лошадей, чтобы перевозить артиллерию и прочие боевые припасы, и для стрельцов и прочих, которых нужно снабжать лошадьми; этого бывает достаточно для кавалерии.

Их лошади большей частью приводятся из Ногайской Татарии, каковых лошадей называют конями; они среднего роста, весьма хороши в работе и скачут семь-восемь часов без отдыха, но если их совсем загнали, нужно четыре-пять месяцев, чтобы восстановить их силы. Они весьма пугливы и очень боятся аркебузных выстрелов; их никогда не подковывают, так же как и местных лошадей; овса они едят мало или совсем не едят, и если есть намерение его давать, то нужно приучать их мало-помалу. Затем у них есть грузинские легкие верховые лошади, но они не распространены, это весьма красивые и хорошие лошади, но не сравнимые с конями по выносливости и скорости, разве только в беге на короткое расстояние. Затем у них есть лошади турецкие и польские, которых они называют аргамаками, среди них есть хорошие; все их лошади — мерины; кроме того, среди ногайских встречаются, но довольно редко, очень хорошие лошади, совсем белые и в мелких черных пятнах, как тигры или леопарды, так что их можно принять за раскрашенных. Местные лошади называются меринами, они обычно маленькие и хорошие, прежде всего те, что из Вологды и ее окрестностей, и гораздо скорее объезжаются, чем татарские. За двадцать рублей можно приобрести весьма красивую и хорошую татарскую или местную лошадь, которая послужит больше, чем аргамак — турецкая лошадь, которая будет стоить пятьдесят, шестьдесят и сто рублей. Все их лошади болеют больше, чем во Франции, они очень подвержены болезни, называемой норица; это гной, скапливающийся спереди, и если его быстро не истребить, он бросается в ноги, и тогда нет спасения. Но как только его замечают, то прорезают кожу на груди почти между ногами и вкладывают туда веревку из пеньки и древесной коры, которую натирают дегтем, затем два-три раза в день заставляют лошадь

бегать, пока она не будет вся в мыле, и часто передвигают названную веревку, и через три-четыре дня созревает нечистота, которая выходит через отверстие. Так продолжается до пятнадцати дней или трех недель, затем вынимают веревку, и дыра начинает закрываться, лошади после этого вполне пригодны. А чтобы избежать этой болезни, они загоняют всех лошадей в реку, когда та вскрыется ото льда, где держат их по шею в воде час или два, пока они едва смогут держаться на ногах от сильной дрожи, от чего они весьма истощаются; так как это продолжается в течение пятнадцати дней, но после того становятся весьма резвыми. Названные лошади также весьма склонны к запалу. Татарскую или местную лошадь считают пригодной к работе лишь с семи или восьми лет и продолжают считать таковой до 20 лет; я видел двадцатипяти- и тридцатилетних лошадей, несущих добрую службу, а с виду их можно было принять за молодых десяти- или двенадцатилетних; и среди них есть весьма хорошие иноходцы.

Лучшая пехота состоит, как было сказано выше, из стрельцов и казаков, о которых еще не было речи; помимо десяти тысяч аркебузирова в Москве, они есть в каждом городе, приближенном на сто верст к татарским границам, смотря по величине имеющихся там замков, по шестьдесят, восемьдесят, более или менее, и до ста пятидесяти, не считая пограничных городов, где их вполне достаточно. Затем есть казаки, которых рассылают зимой в города по ту сторону Оки, они получают равно со стрельцами плату и хлеб; сверх того, император снабжает их порохом и свинцом. Есть еще другие [казаки], имеющие земли и не покидающие гарнизонов. Из них наберется от 5000 до 6000 владеющих оружием. Затем есть настоящие казаки, которые держатся в татарских равнинах вдоль таких рек, как Волга, Дон, Днепр и другие, и часто наносят гораздо больший урон татарам, чем вся русская армия; они не получают большого содержания от императора, разве только, как говорят, свободу своевольничать как им вздумается. Им позволяется иногда являться в пограничные города, продавать там свою добычу и покупать что нужно. Когда император намеревается обратиться к ним, он посылает им пороха, свинца и каких-нибудь 7, 8 или 10 тысяч рублей; обычно именно они приводят из Татарии первых пленников, от которых узнают замысел неприятеля. Тому, кто взял пленного и привел его, обычно дарят хорошего сукна и камки, чтобы из того и другого сделать платье, 40 кунц, серебря-

ную чашу и 20 или 30 рублей. Они располагаются по рекам числом от 8 до 10 тысяч, готовясь соединиться с армией по приказу императора, что происходит в случае необходимости. Казаки с верховьев Днепра держатся чаще всего в Подолии, отряжая по одному человеку с каждой ста четвертей; все это крестьяне, более способные управляться с плугом, чем с аркебузой, хотя их не отличишь по одежде, так как они должны быть одеты по-казацки, именно в платье ниже колен, узкое, как камзол, с большим воротником, отвернутым назад, доходящим до пояса. Половина из них должны иметь аркебузы, по два фунта пороха, четыре фунта свинца и саблю.

Остальные подчиняются тем, кто их посылает, и должны иметь лук, стрелы и саблю или нечто вроде рогатины, пригодное скорее для того, чтобы проткнуть медведя, вылезавшего из берлоги, чем для всего того, что им делают. Не нужно забывать про саблю. Кроме того, и купцы должны при необходимости снаряжать воинов в соответствии со своими средствами, кто трех, кто четырех, более или менее.

Как замечено выше, казаки обычно в начале великого поста приводят пленников, от которых узнают, не собирается ли татарин, и в соответствии со сведениями по всей стране отдается приказ, чтобы, пока лежит снег, все отправляли съестные припасы в города, у которых решено встретить неприятеля. Эти припасы перевозят на санях в сказанные города; они состоят из хлеба, нарезанного на мелкие кусочки и высушенного в печке, как сухарь. Затем из крупы, которая делается из проса, очищенного ячменя, но главным образом из овса. Затем у них есть толокно, это прокипяченный, затем высушенный овес, превращенный в муку; они готовят его по-разному, как для еды, так и для питья: всыпают две-три ложки названной муки в хорошую чарку воды с двумя-тремя крупинками соли, размешивают, выпивают и считают это вкусным и здоровым напитком. Затем соленая и копченая свинина, говядина и баранина, масло и сушеный и мелко толченный, как песок, сыр, из двух-трех ложек его делают похлебку; затем много водки и сушеная и соленая рыба, которую они едят сырой. Это пища начальников, так как остальные довольствуются сухарями, овсяной крупой и толокном с небольшим количеством соли. Они редко выступают в поход против татар, пока не появится трава. Относительно других врагов придерживаются того же порядка, если только они не являются неожиданно. Таким образом, и во время войны,

и без нее император почти ничего не тратит на воинство, разве только на вознаграждения за какие-нибудь заслуги, именно тому, кто возьмет пленного, убьет врага, получит рану и тому подобное, так как им в соответствии со званием дарят кусок золотой парчи или другой шелковой материи на платье.

Русские императоры имеют сношение с римским императором, королями английским и датским и шахом персидским; также имеют и имели с древности с королями польским и шведским, но в настоящее время только для виду, так как они постоянно подозревают друг друга, не зная, когда разразится война. Что касается турок, то с тех пор, как они сняли осаду Астрахани, которую осадили около сорока лет назад с ногайскими татарами и некоторым числом пятигорских черкесов, т. е. грузин, в России побывали всего лишь два турецких посла и два русских — в Константинополе, так что хотя они вовсе не воюют друг с другом, но меж ними не было переписки и приветствий в течение тридцати лет, как если бы они были гораздо более удалены. С тех пор не было войн, кроме как с крымскими татарами и пятигорскими черкесами, т. е. грузинами, потому что на их землях и границах были построены четыре или пять городов и замков, главные — Терский городок и Самара. В 1605 году грузины взяли один из ближайших к их границам замков при некоторой помощи турок, но это дело было несерьезное. Грузины — люди воинственные, лошади у них весьма хороши и большей частью легкой верховой породы; они вооружены легкими нагрудными латами превосходного закала, весьма ловки и все носят пики или дротики; они могли бы нанести большой урон России, если бы были столь же многочисленны, как прочие ее соседи, хотя их и разделяет Волга, так как они живут между морем Каспием и Понтом Евксинским.

Вернемся к Борису Федоровичу, ставшему императором первого сентября тысяча пятьсот девяносто восьмого года и в большем благоденствии, чем при любом из его предшественников, мирно вкушавшему власть; который изменил обычаю выслушивать каждое ходатайство и прошение особо, и вместо того скрывался, показываясь народу редко и с гораздо большими церемониями и неохотой, чем любой из его предшественников. У него был сын, по имени Федор Борисович, и дочь. Тогда он начал действовать с целью породниться с какими-нибудь чужеземными государями, чтобы утвердиться на троне самому и закрепить его за своими родственниками. Кроме того,

он начал ссылать тех, в ком сомневался, и заключал браки по своему усмотрению, соединяя узами родства со своим домом важнейших из тех, кем надеялся воспользоваться; и в городе Москве осталось лишь пять или шесть домов, с которыми он не породнился, а именно дом Мстиславского, неженатого и имевшего двух сестер, одна из которых вышла за царя Симеона, другую, незамужнюю, он отдал против ее воли в монахини и не позволил сказанному Мстиславскому жениться; затем был дом Шуйских, их было три брата; чтобы породниться со сказанным домом, он выдал за среднего брата, по имени Дмитрий¹¹, сестру своей жены, не разрешив жениться старшему, князю Василию Ивановичу Шуйскому¹², ныне правящему в Московии, о котором будет подробно говориться ниже, из опасения, чтобы какие-нибудь дома, соединившись вместе, не оказали бы ему сопротивления. В конце концов он отправил в ссылку царя Симеона, о котором пространно говорилось выше, женатого на сестре сказанного Мстиславского. Когда тот был в ссылке, сказанный император Борис послал ему в день своего рождения, день, широко празднуемый по всей России, письмо, в котором обнадеживал его скорым прощением, и тот, кто принес письмо и посланное одновременно Борисом испанское вино, дал ему и его слуге выпить за здоровье императора, и спустя немного времени они ослепли, и сказанный царь Симеон и поныне слеп, этот рассказ я слышал из его собственных уст.

Во второй год своего правления он сумел заманить в страну Густава¹³, сына шведского короля Эрика¹⁴ (который был низложен своим братом, шведским королем Иоанном¹⁵), пообещав дать ему в жены свою дочь, если тот оправдает его надежды. Он действительно был принят с большим великолепием и удостоен больших подарков от императора, именно: серебряной посуды для своего двора, многих тканей — золотой и серебряной персидской парчи, бархата, атласа и других шелковых тканей для всей его свиты, драгоценностей, золотых и жемчужных цепей, многих прекрасных лошадей с полной сбруей, всевозможных мехов и суммы денег, которая поистине не соответствовала дарам, именно десяти тысяч рублей. Он въехал в Москву как принц, но проявил себя не лучшим образом; в конце концов, как впавший в немилость, был выслан в Углич (город, где, как полагали, был умерщвлен Дмитрий Иванович); его годовой доход, при надлежащей экономии, поднимался до четырех тысяч рублей.

В тысяча шестисотом году явилось великое посольство из Польши, именно Лев Сапега¹⁶, нынешний канцлер Литвы, с которым был заключен мир на двадцать лет; его долго задерживали против воли, и он жил в Москве с августа до конца великого поста 1601 года, поскольку Борис был тогда болен. В день, когда он получил свои грамоты, он поцеловал руку императора, сидевшего в приемной палате на императорском троне, с короной на голове, скипетром в руке, золотой державой перед собой; сын его сидел рядом по левую руку, вельможи из думы и окольные сидели на скамьях кругом палаты, одетые в платья из очень дорогой золотой парчи, обшитые жемчугом, в шапках из черной лисы; по обе стороны от императора стояли по два молодых вельможи, одетых в платья из белого бархата, снаружи кругом обшитые горностаем на ширину в полфута, в белых шапках, с двумя золотыми цепями крестообразно на шее и каждый с дорогим боевым топором из дамаскской стали, они держат их на плече, словно готовясь нанести удар; все это олицетворяет величие государя. Большая зала, через которую проходят послы, полна скамей, на которых сидят прочие дворяне, одетые так же; никто не смеет присутствовать там без платья из золотой парчи; они не шевельнутся, пока посол не проследует по проходу, оставленному для этой цели, и там такая тишина, что можно было бы счесть палату и залу пустыми. Таков обычный порядок приема послов. Он обедал в присутствии императора, с ним и все его люди, числом до трехсот человек, им подавали на золотой посуде, которой там великое множество, я имею в виду блюда, так как ни о тарелках, ни о салфетках там и речи нет, даже император ими совсем не пользуется, и ели очень хорошую, но плохо приготовленную рыбу, так как это было в великий пост, когда они не едят яиц, масла, ничего молочного, и много выпил за здоровье обеих сторон; он был отправлен с хорошими и почетными дарами.

А нужно заметить, что по древнему обычаю страны императору подают на стол весьма пышно, а именно двести или триста дворян, одетых в платья из золотой или серебряной персидской парчи, с большим воротником, расшитым жемчугом, который спускается сзади по плечам на добрых полфута, и в круглых шапках, также расшитых, сказанные шапки совсем без полей, но сделаны в точности как суповая чашка без ручек, а сверху сказанной шапки высокая шапка из черной лисы, затем массивные золотые цепи на шее; и сказанные двести или

триста человек, число которых увеличивают смотря по количеству приглашенных, назначены подносить императору кушанья и держать их до тех пор, пока он не спросит того или другого. Порядок таков, что после того, как усядется император, а также послы или другие приглашенные, вышесказанные дворяне, одетые как сказано, начинают проходить по двое перед столом императора, низко ему кланяются и отправляются также по двое, одни за другими, выносить кушанья из кухонь и подносят их императору; но перед тем, как появится кушанье, приносят на все столы водку в серебряных сосудах вместе с маленькими чашками, чтобы наливать в них и пить. На сказанных столах только хлеб, соль, уксус и перец, но совсем нет ни тарелок, ни салфеток. После того как выпьют или пока пьют водку, император посылает со своего стола каждому в отдельности кусок хлеба, называя громко по имени того, кому его предназначает, тот встает, и ему дают хлеб, говоря: император, господин и великий герцог наш, всей России, оказывает тебе милость; тот его берет, кланяется и затем садится, и так каждому в отдельности. Затем, когда приносят кушанье, император отправляет полное блюдо кушанья каждому из знатных, и после этого на все столы подаются яства в великом изобилии. Затем император посылает каждому отдельно кубок или чашу какого-нибудь испанского вина, с вышеописанными словами и обрядами; затем, когда обед перевалит за середину, император снова посылает каждому большую чашу красного меда, какового есть у них различные сорта. После этого приносят большие серебряные тазы, полные белого меда, которые ставят на столы, и все большими чашами черпают оттуда, и по мере того, как один опустеет, приносят другой, с другим сортом, более или менее крепким, смотря какой спросят. Затем император в третий [раз] посылает каждому чашу крепкого меда или вина-кларета. В заключение, когда император отобедает, он посылает каждому в четвертый и последний раз очередную чашу, полную паточного меда, т. е. напитка из чистейшего меда, он не крепкий, но прозрачный как родниковая вода и весьма вкусный. После этого император посылает каждому в отдельности блюдо с кушаньем, которое тот отсылает домой, а для тех, к кому император более всего благоволит, он, прежде чем послать, отведывает сказанного кушанья, причем повторяются вышеназванные слова, как и всякий раз при подношении во время обеда. Кроме приглашенных, император посылает домой каждому дворянину и всем тем,

кого он жалует, блюдо кушанья, которое называется подача; и не только с пиршеств, но ежедневно по разу, что соблюдается возможно точнее. Если император не расположен пировать с послом после приема, то, по обычаю страны, император посылает обед к нему домой следующим порядком: прежде всего посылают знатного дворянина, одетого в золотую парчу, с воротником и в шапке, расшитыми жемчугом, который перед обедом отправляется верхом, чтобы передать послу приветствие и объявить милость императора, а также чтобы составить ему компанию за обедом. Его лошадь окружают пятнадцать или двадцать слуг, за ним идут два человека, несущие каждый по скатерти, свернутой в свиток, затем следуют двое других, несущие солонки, и еще двое с двумя уксусницами, полными уксуса, затем еще двое, один из которых несет два ножа, а другой две ложки, весьма дорогие; далее следует хлеб, который несут шесть человек, идущих по двое, далее следует водка, и за ними дюжина человек, несущих каждый по серебряному сосуду примерно в три шопина каждый, с разными винами, но большей частью крепкими винами — испанскими, канарскими и другими, после этого несут столько же больших кубков немецкой работы; дальше следуют кушанья, именно: сначала те, которые едят холодными в первую очередь, затем вареное и жареное и наконец пирожное, все эти кушанья приносятся в больших серебряных блюдах, но если император благоволит послу, то вся посуда, которой накрывают на стол, — золотая; затем появляются восемнадцать или двадцать больших жбанов меда различных сортов, каждый из них несут два человека, далее следует дюжина людей, несущих каждый пять-шесть больших чаш для питья, и после всего следуют две или три тележки с медом и сикерой для прислуги, все несут назначенные для этого стрельцы, которые весьма парадно одеты. Я видел до трех- и четырехсот их, несущих, как рассказано, кушанья и напитки для одного обеда, и видел, как в один день посылали три обеда разным послам, но одному больше, другому меньше; однако тем же вышеописанным порядком.

В 1601 году начался тот великий голод, который продолжился три года; мерка зерна, которая продавалась раньше за пятнадцать солей, продавалась за три рубля, что составляет почти двадцать ливров. В продолжение этих трех лет совершались вещи столь чудовищные, что выглядят невероятными, ибо было довольно привычно видеть, как муж покидал жену и детей, жена умерщвляла

мужа, мать — детей, чтобы их съесть. Я был также свидетелем, как четыре жившие по соседству женщины, оставленные мужьями, сговорились, что одна пойдет на рынок купить телегу дров, сделав это, пообещает крестьянину заплатить в доме; но когда, разгрузив дрова, он вошел в избу, чтобы получить плату, то был удушен этими женщинами и положен туда, где на холоде мог сохраняться, дожидаясь, пока его лошадь будет ими съедена в первую очередь; когда это открылось, признались в содеянном и в том, что тело этого крестьянина было третьим. Словом, это был столь великий голод, что, не считая тех, кто умер в других городах России, в городе Москве умерли от голода более ста двадцати тысяч человек; они были похоронены в трех назначенных для этого местах за городом, о чем заботились по приказу и на средства императора, даже о саванах для погребения. Причина столь большого числа умерших в городе Москве состоит в том, что император Борис велел ежедневно раздавать милостыню всем бедным, сколько их будет, каждому по одной московке, т. е. около семи турецких денег, так что, прослышав о щедрости императора, все бежали туда, хотя у некоторых из них еще было на что жить; а когда прибывали в Москву, то не могли прожить на сказанные семь денег, хотя в большие праздники и по воскресеньям получали денинг, т. е. вдвойне, и, впадая в еще большую слабость, умирали в сказанном городе или на дорогах, возвращаясь обратно. В конце концов Борис, узнав, что все бегут в Москву, чтобы в Москве умереть, и что страна мало-помалу начала обезлюдеть, приказал больше ничего им не подавать; с этого времени стали находить их на дорогах мертвыми и полумертвыми от перенесенных холода и голода, что было необычайным зрелищем. Сумма, которую император Борис потратил на бедных, невероятна; не считая расходов, которые он понес в Москве, по всей России не было города, куда бы он не послал больше или меньше для прокормления сказанных нищих. Мне известно, что он послал в Смоленск с одним моим знакомым двадцать тысяч рублей. Его хорошей чертой было то, что он обычно щедро раздавал милостыни и много богатств передал священнослужителям, которые в свою очередь все были за него. Этот голод значительно уменьшил силы России и доход императора.

В начале августа тысяча шестьсот второго года приехал герцог Иоанн¹⁷, брат короля датского Христиана¹⁸, чтобы жениться на дочери императора. По обычаю

страны, он был встречен с большими почестями; в его свите было около двухсот человек, охрана состояла из двадцати четырех аркебузирова и двадцати четырех алебардчиков. Через три дня после приезда он имел аудиенцию у его величества, который принял его весьма ласково, называя сыном; для него было приготовлено в приемной палате кресло рядом с сыном [императора], на которое его усадили. После приема он отобедал вместе с императором за его столом, чего прежде не бывало, так как против обычая страны, чтобы там сидел кто-либо, кроме сыновей [императора]. После того как поднялись от стола, сделав ему богатые подарки, проводили в его жилище. Дней пятнадцать спустя он заболел, как считают, от невоздержанности, от чего умер спустя некоторое время. Император со своим сыном трижды навещал его во время болезни и много сожалел о нем; все врачи впали в немилость. Император не допустил, чтобы его набальзамировали, так как это противоречит их религии. Он был похоронен в немецкой церкви, в двух верстах от города; все дворяне сопровождали его до сказанной церкви, где они оставались до самого конца обряда; император и все его дворянство три недели носили по нему траур. Немного позже умерла императрица — сестра его, вдова Федора Ивановича; она была похоронена в женском монастыре.

Все это время его беспокойство и подозрительность постоянно возрастали; он много раз ссылал Шуйских, подозревая их больше всех остальных, хотя средний брат был женат на сестре его жены; многие были безвинно подвергнуты пыткам за то, что навещали их даже тогда, когда они были в милости. Без приказанья императора ни один врач под страхом изгнания не смел посещать вельмож или давать им что-либо, так как во всей России никогда не бывало никаких врачей, кроме тех, которые служат императору, даже ни одной аптекарской лавки. Наконец, прослышав в тысяча шестисотом году молву, что некоторые считают Дмитрия Ивановича живым, он с тех пор целые дни только и делал, что пытал и мучил по этому поводу. Отныне, если слуга доносил на своего хозяина, хотя бы ложно, в надежде получить свободу, он бывал им вознагражден, а хозяина или кого-нибудь из его главных слуг подвергали пытке, чтобы заставить их сознаться в том, чего они никогда не делали, не видели и не слышали. Мать сказанного Дмитрия была взята из монастыря, где она жила, и отправлена примерно за шестьсот верст от Москвы. Наконец осталось

совсем мало хороших фамилий, которые не испытали бы, что такое подозрительность тирана, хотя его считали очень милосердным государем, так как за время своего правления до прихода Дмитрия в Россию он не казнил публично и десяти человек, кроме каких-то воров, которых собралось числом до пятисот, и многие из них, взятые под стражу, были повешены. Но тайно множество людей были подвергнуты пытке, отправлены в ссылку, отравлены в дороге и бесконечное число утоплены; однако он не почувствовал облегчения.

Наконец в 1604 году объявился тот, кого он так опасался, а именно Дмитрий Иванович, сын императора Ивана Васильевича, которого, как было сказано выше, считали убитым в Угличе. Он примерно с четырьмя тысячами человек вступил в Россию через Подольскую границу, осадил сначала замок под названием Чернигов, который сдался, затем другой, который также сдался, затем они пришли в Путивль, очень большой и богатый город, который сдался, и с ним многие другие замки, как Рыльск, Кромы, Карачев и многие другие, а в стороне Татарии сдались Царьгород, Борисов Город, Ливны и другие города. И поскольку его войско выросло, он начал осаду Новгород-Северского, это замок, стоящий на горе, губернатора которого звали Петр Федорович Басманов¹⁹ (о котором будет сказано ниже), который оказал столь хорошее сопротивление, что он не смог его взять.

Наконец 15 декабря армия императора Бориса расположилась верстах в десяти от его армии. Князь Федор Иванович Мстиславский, бывший генералом основной армии, ждал еще подкрепления; несмотря на это, 20 декабря две армии сошлись и после двух-трехчасовой стычки разошлись без особых потерь, разве что Дмитрий упустил там хороший случай из-за неопытности своих капитанов в военном искусстве: вступив в схватку, он повел три польских отряда в атаку на один из батальонов столь яростно, что сказанный батальон опрокинулся на правое крыло и также на основную армию в таком беспорядке и смятении, что вся армия, кроме левого крыла, смешалась и обратила врагам тыл, так что если бы другая сотня всадников ударила во фланг или по другому батальону, наполовину смешавшемуся, то без сомнения четыре отряда разбили бы всю армию императора; притом сказанный Мстиславский, генерал армии, был сбит с лошади и получил три или четыре раны в голову и был бы взят в плен Дмитрием, если бы не дюжина арке-

бузирова, которые избавили его от пленения. Словом, можно сказать, что у русских не было рук, чтобы биться, несмотря на то что их было от сорока до пятидесяти тысяч человек. Армии, разойдясь в стороны, пребывали в бездействии до рождества; пленники, между которыми находился капитан польской кавалерии по имени Домарацкий, были отправлены в Москву.

Двадцать восьмого декабря Дмитрий Иванович, видя, что ничего не может сделать, снял осаду Новгорода и ушел в Северскую землю, которая весьма плодородна, где большая часть поляков его покинула. Несмотря на это, он собрал все силы, какие смог, как русских, казаков, так и поляков и доброе число крестьян, которые приучались к оружию. Армия Бориса также крепла с каждым днем, хотя одна его армия находилась в стороне Кром и преследовала сказанного Дмитрия (но так медленно, что можно было бы подумать, что они не хотят встретиться). Наконец, миновав леса и чащи, через которые армию проводили в течение целого месяца, они снова приблизились к войскам Дмитрия, который, узнав, что армия расположилась в деревне в такой тесноте, что невозможно было двинуться, решил напасть ночью врасплох и предать огню сказанную деревню при помощи нескольких крестьян, которые знали к ней подходы. Но они были со всех сторон обнаружены дозорами и так настойчиво держались до утра; а это было утро 21 января 1605 года. Армии сблизились и, после нескольких стычек, при пушечной стрельбе с обеих сторон, Дмитрий послал свою главную кавалерию вдоль ложбины, чтобы попытаться отрезать армию от деревни; узнав об этом, Мстиславский выдвинул вперед правое крыло с двумя отрядами иноземцев. Сказанный поляк, видя, что его предупредили, пошел ва-банк, атаковав с какими-нибудь десятью отрядами кавалерии правое крыло с такой яростью, что после некоторого сопротивления, оказанного сказанными иноземцами, все обратились в бегство, кроме основной армии, которая была как в испуге и не трогалась, словно потеряв всякую чувствительность. Он двинулся вправо, к деревне, у которой находилась большая часть пехоты и несколько пушек. Сказанная пехота, видя поляков так близко, дала залп в десять или двенадцать тысяч аркебузных выстрелов, который произвел такой ужас среди поляков, что они в полном смятении обратились в бегство. Тем временем остаток их кавалерии и пехота приближались с возможно большим проворством, думая, что дело выиграно. Но, увидев своих,

бегущих в таком беспорядке, пустились догонять; и пять или шесть тысяч всадников преследовали их более семи или восьми верст. Дмитрий потерял почти всю свою пехоту, пятнадцать знамен и штандартов, тридцать пушек и пять или шесть тысяч человек убитыми, не считая пленных, из которых все, оказавшиеся русскими, были повешены среди армии, другие со знаменами и штандартами, трубами и барабанами были с триумфом уведены в город Москву. Дмитрий с остатком своих войск ушел в Путивль, где оставался до мая.

Армия Бориса приступила к осаде Рыльска, сдавшегося сказанному Дмитрию. Но, пробыв там в бездействии пятнадцать дней, сняли осаду с намерением распустить на несколько месяцев армию, которая очень устала. Однако Борис, узнав об этом, написал командующим своей армии, безоговорочно запретив ее распускать. После того как армия немного оправилась и отдохнула в Северной земле, Мстиславский и князь Василий Иванович Шуйский (который был послан из Москвы в товарищи сказанному Мстиславскому) направились к другой армии, которая, прослышав о поражении Дмитрия, осадил Кромь. Обе соединившиеся армии пребывали под Кромьями, не занимаясь ничем достойным и только насмехаясь друг над другом, до кончины сказанного Бориса Федоровича, который умер от апоплексии в субботу двадцать третьего апреля, в сказанный год.

А прежде чем перейти к дальнейшему, следует отметить, что меж ними совсем не бывает дуэлей, так как, во-первых, они не носят никакого оружия, разве только на войне или в путешествии, и если кто-нибудь оскорблен словами или иначе, то должно требовать удовлетворения только через суд, который приговаривает того, кто задел честь другого, к штрафу, называемому бесчестие, т. е. удовлетворение за оскорбление, который всегда определяется пострадавшим, именно: подвергнуть ли его битью батогами (что происходит таким образом: ему обнажают спину до рубахи, затем укладывают его на землю на живот, два человека держат его, один за голову и другой за ноги, и прутьями в палец толщиной бьют его по спине в присутствии судьи и оскорбленного, и все это до тех пор, пока судья не скажет «довольно»); или же обязать его выплатить заинтересованному в качестве возмещения сумму жалованья, которое тот ежегодно получает от императора, но если тот женат, он должен заплатить вдвое больше в удовлетворение за оскорбление его жены, так что если тот получает пятнадцать рублей ежегодного жа-

лованья, он платит ему пятнадцать рублей в удовлетворение за оскорбление и тридцать рублей для его жены, что составляет сорок пять рублей, и так поступают, каким бы ни было жалованье. Но оскорбление может быть таким, что оскорбленного высекут кнутом, вода по городу, сверх того он заплатит сказанную сумму и затем будет сослан. Если в непредвиденном случае, какому я был свидетелем один раз за шесть лет, произойдет дуэль между иностранцами и если одна из сторон будет ранена, будь то вызвавший или вызванный, так как для них это безразлично, его наказывают как убийцу, и ничто ему не служит оправданием. Более того, хотя бы человек был сильно оскорблен словами, однако ему не разрешается ударить хотя бы только рукой под угрозой вышесказанного. Если это случается и другой возвращает ему удар, то, в случае жалобы, их обоих приговаривают к вышеназванному наказанию или к уплате штрафа императору, по той же причине, как они говорят, что, отомстив за себя оскорблением или возвратив удар оскорбителю, оскорбленный присвоил власть суда (который один только и сохраняет за собой право разбирать проступки и наказывать за них); и поэтому суд намного более скор и строг при этих спорах, оскорблениях и клевете, чем при любых других делах. Это соблюдается весьма строго не только в городах в мирное время, но также в армиях во время войны, относясь лишь к дворянству (так как удовлетворение за оскорбление простолюдина и горожанина всего лишь два рубля). Правда, они не придираются к каждому слову, потому что весьма просты в разговоре, так как употребляют только «ты», и даже были еще проще, так как, если идет разговор о чем-либо сомнительном или небывалом, то вместо того, чтобы сказать: «Это по-вашему», или «Простите меня», или тому подобное, они говорят: «Ты врешь», и так даже слуга своему господину. И хотя Иван Васильевич был прозван и считался тираном, однако не считал за дурное подобные уличения во лжи; но теперь с тех пор как среди них появились иностранцы, не прибегают к ним так свободно, как каких-нибудь двадцать или тридцать лет назад.

Тотчас после смерти сказанного Бориса, до того как армия узнала о его смерти, князя Мстиславский и Шуйский были отозваны его женой императрицей и Федором Борисовичем²⁰, сыном покойного. Двадцать седьмого [апреля] для того, чтобы привести воинство к присяге, и для того, чтобы занять место своих предшественников, в армию приехал Петр Федорович Басманов (который был

губернатором Новгорода, когда Дмитрий его осаждал) и с ним еще один [воевода]. Армия, признав императором, присягнула в верности и послушании Федору Борисовичу, сыну покойного, который послал весьма благосклонные письма в армию, увещевая ее хранить по отношению к нему ту же верность, что она показала по отношению к его усопшему отцу Борису Федоровичу, заверяя в своей щедрости к каждому по истечении шести недель траура.

Князя Василий Иванович Голицын²¹ и Петр Федорович Басманов со многими другими семнадцатого мая перешли к Дмитрию Ивановичу и взяли в качестве пленников двух других воевод, Ивана Ивановича Годунова²² и Михаила Салтыкова²³. Остальные воеводы и армия пустились бежать в Москву, бросив в окопах все пушки и военные припасы. Изо дня в день города и замки сдавались сказанному Дмитрию, который выступил из Путивля навстречу армии. У него было только шесть отрядов польской кавалерии, т. е. шестьсот человек, некоторое число казаков с верховьев Дона и Днепра и немного русских. Он немедленно послал приказ распустить армию на отдых недели на три-четыре, именно тех, у кого были земли по эту сторону от Москвы, а остаток армии послал отрезать съестные припасы от города Москвы. Сам же с двумя тысячами человек отправился короткими переходами к сказанному городу Москве, ежедневно посылая туда письма как к дворянству, так и к простому люду, уверяя их в своей милосердии, если они сдадутся, и указывая, что прежде бог, а затем и он не преминут наказать их за упрямство и непокорность, если они останутся при своем. Наконец, получив одно из сказанных писем, народ собрался на площади перед замком. Мстиславский, Шуйский, Бельский²⁴ и другие были посланы, чтобы усмирить волнение; тем не менее письма были публично прочитаны; и, распалив друг друга, те и другие побежали в замок, захватили императрицу — вдову покойного императора Бориса с сыном и дочерью и сверх того всех Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых, это все одна семья, и разграбили все, что нашли.

Дмитрий Иванович был в Туле — городе, удаленном от Москвы на сто шестьдесят верст, когда он получил известие о происшедшем, и поспешил отправить князя Василия Голицына, чтобы привести город к присяге. Вся знать вышла навстречу сказанному Дмитрию к Туле. Наконец двадцатого июня императрица — вдова покойного — и его сын Федор Борисович были, как считают, удушены, но был пущен слух, что они отравились. Дочь была

оставлена под стражей, все другие родственники сосланы кто куда. Покойный Борис Федорович был по просьбе вельмож вырыт в Архангельской церкви, месте погребения великих князей и императоров, и захоронен в другой церкви.

Наконец тридцатого июня Дмитрий Иванович вступил в город Москву; приехав туда, он поспешил отправить Мстиславского, Шуйского, Воротынского²⁵, Мосальского²⁶ за своей матерью, императрицей, которая находилась в монастыре за 600 верст от Москвы. Дмитрий отправился встречать ее за версту от города, и, после четвертьчасовой беседы в присутствии всех дворян и жителей города, она взошла в карету, а император Дмитрий и все дворянство, пешком, окружив карету, препроводили ее до императорского дворца, где она жила до тех пор, пока не был перестроен для нее монастырь, в котором похоронена императрица — вдова императора Федора, сестра Бориса. Наконец в конце июля он короновался, что совершилось без больших торжеств, разве только весь путь от покоев до церкви Богоматери и оттуда до Архангельской был устлан алым сукном, а сверху золотой персидской парчой, по которой он шагал. Когда он вошел в сказанную церковь Богоматери, где его ждал патриарх со всем духовенством, то после молитв и других обрядов ему вынесли из сокровищницы корону, скипетр и золотую державу, которые были ему вручены; затем, когда он выходил из сказанной церкви, направляясь в Архангельскую, по пути бросали мелкие золотые монеты, стоимостью в пол-эку, в эку и некоторые в два эку, отчеканенные для этого случая, так как в России совсем не делают золотых монет; а из Архангельской [церкви] он возвратился в свой дворец, где был накрыт стол для всех, кто мог усесться. Так они обычно поступают при коронации.

Немного времени спустя князь Василий Шуйский был обвинен и изобличен в присутствии лиц, избранных от всех сословий, в преступлении оскорбления величества и приговорен императором Дмитрием Ивановичем к отсечению головы, а два его брата — к ссылке. Четыре дня спустя он был приведен на площадь, но, когда голова его была уже на плахе в ожидании удара, явилось помилование, испрошенное императрицей — матерью названного Дмитрия, и одним поляком, по имени Бучинский²⁷, и другими; тем не менее он был отправлен в ссылку вместе с братьями, где находился недолго. Это было самой большой ошибкой, когда-либо совершенной императором Дмитрием, ибо это приблизило его смерть.

Тем временем он спешно отправил Афанасия Ивановича Власьева послом в Польшу, как считают, чтобы исполнить данное сандомирскому воеводе²⁸ секретное обещание жениться на его дочери²⁹, когда богу станет угодно вернуть ему трон его усопшего отца Ивана Васильевича; это было обещано для того, чтобы получить от него помощь при завоевании империи. Афанасий приехал ко двору и провел переговоры так хорошо, что в Кракове была отпразднована свадьба, на которой присутствовал сам польский король. В это время император Дмитрий велел нанять иноземную гвардию, чего прежде не видавали в России, а именно отряд в сотню стрелков для охраны своей особы, которыми я имел честь командовать, и двести алебардщиков. Он разрешил жениться всем тем, кто при Борисе не смел жениться: так, Мстиславский женился на двоюродной сестре матери сказанного императора Дмитрия, который два дня подряд присутствовал на свадьбе. Василий Шуйский, будучи снова призван и в столь же великой милости, как прежде, имел уже невесту в одном из сказанных домов, его свадьба должна была праздноваться через месяц после свадьбы императора. Словом, только и слышно было о свадьбах и радости, ко всеобщему удовольствию, ибо он давал им понемногу распробовать, что такое свободная страна, управляемая милосердным государем. Каждый день или дважды в день он навещал императрицу-мать. Он вел себя иногда слишком запросто с вельможами, которые воспитаны и взращены в таком унижении и страхе, что без приказа почти не смеют говорить в присутствии своего государя; впрочем, сказанный император умел иначе являть величие и достоинство, присущее такому, как он, государю, к тому же он был мудр, достаточно образован, чтобы быть учителем для всей думы. Несмотря на это, начали вскрываться какие-то тайные интриги, и был схвачен один секретарь или дьяк, которого пытали в присутствии Петра Федоровича Басманова, самого большого любимца императора; который не сознался и не выдал главаря этой интриги, кем был, как позднее стало известно, Василий Шуйский; а сказанный секретарь был отправлен в ссылку.

Наконец императрица прибыла к границам России со своим отцом и братом, зятем, по имени Вишневецкий³⁰, и многими другими вельможами. 20 апреля Михаил Игнатьевич Татищев³¹, вельможа, пользовавшийся большим доверием императора, был удален, попав в немилость за какие-то пренебрежительные слова, обращен-

ные к императору в поддержку князя Василия Шуйского, поспорившего тогда с императором о бывшем на столе телячьем жарком, поскольку это противоречит их религии. В конце концов он вернул себе милость в день пасхи по ходатайству Петра Федоровича Басманова, хотя все, и сам император (который вовсе не был подозрительным государем), подозревали, что существует какой-то скверный заговор, так как он до этого обычно не выказывал себя так, как за пятнадцать дней до своего изгнания; его возвращение было ошибкой подобно возвращению Шуйского, так как его злобный ум, не забывавший никакой обиды, был всем известен.

В конце апреля император Дмитрий получил известие, что между Казанью и Астраханью собрались около четырех тысяч казаков (сказанные казаки, как и все те, о которых говорилось выше,— пешие воины, что подразумевается в настоящем рассказе постоянно; а не кавалеристы, как казаки, живущие в Подолии и Черной Руси под властью польского короля, известные в армиях Трансильвании, Валахии, Молдавии и других, каковые казаки с древности ездил верхом и вооружались, как татары, и подражали им во всем, разве только с недавнего времени большинство их пользуется аркебузами, но они не носят никакого оборонительного оружия, хотя многие из них привешивают саблю), которые разбойничали вдоль Волги и говорили, что с ними находится молодой принц по имени царь Петр³², истинный (как они пустили слух) сын императора Федора Ивановича, сына Ивана Васильевича и сестры Бориса Федоровича, правившего после сказанного Федора, который родился около 1588 года и был тайно подменен, так как, по их словам, на его место подставили девочку, которая умерла в возрасте трех лет, как мы упомянули выше. Если бы они говорили правду, то этому царю Петру могло быть от шестнадцати до семнадцати лет; но было хорошо известно, что это всего лишь предлог, чтобы грабить страну, из-за недовольства сказанных казаков сказанным Дмитрием ввиду того, что они не были им вознаграждены, как надеялись. Несмотря на это, император написал ему письмо, в котором оповещал его, что если он истинный сын его брата Федора, то пусть будет желанным гостем, и приказывал предоставлять ему в дороге все необходимое из съестных припасов, что они называют кормом; но если он не истинный, то пусть удалится из его пределов. Пока гонцы ездил туда и обратно, названный несчастный Дмитрий был убит, как расскажем ниже; но до моего отъезда из России

сказанные казаки захватили и разграбили три замка вдоль Волги, захватили несколько маленьких пушек и другое военное снаряжение и разделились: большинство отправились в татарские равнины, другие ушли в замок, находящийся на полдороге между Казанью и Астраханью, в надежде грабить купцов, торгующих в Астрахани, или по меньшей мере чем-нибудь у них поживиться. Но, будучи в Архангельске, я получил известие, что там все успокоилось, и сказанные казаки все это оставили.

В пятницу 12 мая императрица — супруга Дмитрия — вступила в Москву более торжественно, чем когда-либо видели в России. В ее карету впряжены были десять погайских лошадей, белых с черными пятнами, как тигры или леопарды, которые были так похожи, что нельзя было отличить одну от другой; у нее было четыре отряда польской кавалерии на весьма хороших лошадях и в богатых одеждах, затем отряд гайдуков в качестве телохранителей, в ее свите было много вельмож. Ее отвезли в монастырь к императрице — матери императора, где она прожила до семнадцатого числа, когда ее доставили в верхние покои дворца. Назавтра она была коронована с теми же обрядами, что и император. Под правую руку ее вел посол польского короля каштелян малогощский³³, под левую жена Мстиславского, а при выходе из церкви ее вел за руку император Дмитрий, а под левую руку ее вел Василий Шуйский. В этот день на пиршестве присутствовали только русские; девятнадцатого начались свадебные торжества, где присутствовали все поляки, за исключением посла, потому что император отказался допустить его к столу. И хотя по русскому обычаю посла не сажали за императорский стол, однако ж сказанный каштелян малогощский, посол польского короля, не преминул заметить императору, что его послу была оказана подобная честь королем — его повелителем, так как во время свадебных торжеств его всегда усаживали за собственным столом короля. Но в субботу и в воскресенье он обедал за отдельным столом рядом со столом их величеств. В это время и тесть, сандомирский воевода, и секретарь Петр Басманов, и другие предупредили императора Дмитрия, что против него затеваются какие-то козни; кое-кто был взят под стражу, но император, казалось, не придавал этому большого значения.

Наконец в субботу 27 мая (здесь, как и в других местах, подразумевается новый стиль, хотя русские считают по старому стилю), в шесть часов утра, когда менее всего помышляли об этом, наступил роковой день, когда им-

ператор Дмитрий Иванович был бесчеловечно убит и, как считают, тысяча семьсот пять поляков зверски убиты, потому что они жили далеко друг от друга. Главой заговорщиков был Василий Иванович Шуйский. Петр Федорович Басманов был убит в галерее против покоев императора и первый удар получил от Михаила Татищева, которому он незадолго до этого испросил свободу, и были убиты несколько стрелков из телохранителей. Императрица — супруга сказанного императора Дмитрия, ее отец, брат, зять и многие другие, избежавшие народной ярости, были заключены под стражу, каждый в отдельном доме. Покойного Дмитрия, мертвого и нагого, протащили мимо монастыря императрицы — его матери — до площади, где сказанному Василию Шуйскому должны были отрубить голову, и положили сказанного Дмитрия на стол длиной около аршина, так что голова свешивалась с одной стороны и ноги — с другой, а сказанного Петра Басманова положили под сказанный стол. Они три дня оставались зрелищем для каждого, пока сказанный глава заговора Василий Иванович Шуйский, тот, о котором мы столько говорили, не был избран императором (хотя это королевство не выборное, а наследственное, но, поскольку Дмитрий был последним в роду и не оставалось никого из родственников по крови, сказанный Шуйский был избран в результате своих интриг и происков, как сделал Борис Федорович после смерти Федора, о чем мы упоминали выше); он велел зарыть сказанного Дмитрия за городом у большой дороги.

В ночь после того, как он был убит, наступил великий холод, продлившийся восемь дней, который погубил все хлеба, деревья и даже траву на полях, чего прежде не бывало в это время. Поэтому по требованию тех, кто следовал партии сказанного Шуйского, несколькими днями спустя Дмитрия вырыли, и сожгли, и обратили в пепел. В это время слышен был лишь ропот, одни плакали, другие горевали, а некоторые другие радовались — словом, это была полная перемена. Дума, народ и страна разделились одни против других, начав новые предательства. Провинции восставали, не зная, что произойдет дальше. Польский посол [находился] под строгой охраной. Сослали всех тех, к кому сколько-нибудь был благосклонен покойный. Наконец императрицу — вдову покойного императора Дмитрия Ивановича — препроводили в жилище ее отца — воеводы со всеми статс-дамами и другими польками и очень строго охраняли.

Пытаясь усмирить народное волнение и ропот, избран-

ный Василий Шуйский отправил своего брата Дмитрия и Михаила Татищева и других родственников в Углич, чтобы извлечь тело или кости истинного Дмитрия, который, как они утверждали, был сыном Ивана Васильевича, умерщвленным около семнадцати лет назад, как мы упоминали выше. Они обнаружили, что (как они распустили слух) тело совершенно цело, одежды же свежие и целые, какими были, когда его хоронили (так как принято хоронить каждого в той одежде, в которой он был убит), и даже орехи в его руке целы. Говорят, что после того, как его извлекли из земли, он сотворил много чудес как в городе, так и по дороге. Крестным ходом, в сопровождении всех мощей, имеющихся у них во множестве, патриарх и все духовенство, избранный император Василий Шуйский, мать покойного Дмитрия и все дворянство перенесли его в город Москву, где он был канонизирован по приказу сказанного Василия Шуйского. Это почти не усмирило народ, так как сказанный Василий дважды был очень близок к низложению, хотя он и короновался двадцатого июня того же года.

Он выслал в Польшу большое количество поляков, а именно слуг, людей низкого положения, задержав в плену знатных, чтобы принудить польского короля к миру; сандомирского воеводу с дочерью-императрицей он сослал в Углич, чтобы содержать их там под стражей, причем сказанный воевода был очень болен.

В заключение, покойному императору Дмитрию Ивановичу, сыну императора Ивана Васильевича, прозванного Грозным, было около двадцати пяти лет; бороды совсем не имел, был среднего роста, с сильными и жилистыми членами, смугл лицом; у него была бородавка около носа, под правым глазом; был ловок, большого ума, был милосерден, вспыльчив, но отходчив, щедр; наконец, был государем, любившим честь и имевшим к ней уважение. Он был честолюбив, намеревался стать известным потомству. Он решился и отдал уже своему секретарю приказание готовиться к тому, чтобы в августе минувшего тысяча шестьсот шестого года отплыть с английскими кораблями во Францию, чтобы приветствовать христианнейшего короля, о котором он говорил мне много раз с великим почтением, и завязать с ним отношения. Короче, христианский мир много потерял с его смертью, если таковая случилась, что весьма вероятно; но я говорю так потому, что своими глазами не видел его мертвым, поскольку я был тогда болен.

Несколько дней спустя после этого убийства разошел-

ся слух, что был убит не Дмитрий, но некто на него похожий, которого он поместил на свое место после того, как за несколько часов до рассвета был предупрежден о том, что должно произойти, и выехал из Москвы, чтобы посмотреть, что же произойдет, не столько из страха, так как иначе он мог это предотвратить, сколько для того, чтобы узнать, кто ему верен, чего он не мог устроить иначе, как избрав самый опасный путь. Это можно объяснить тем, что он, по-видимому, мало сомневался в верности своих подданных. Этот слух держался до моего отъезда из России, произошедшего четырнадцатого сентября тысяча шестьсот шестого года; я думаю, что в действительности это были козни какой-нибудь новой партии с целью сделать ныне правящего Василия Шуйского, главу заговора, ненавистным для народа, чтобы легче было достичь своих замыслов; я не могу предположить что-либо иное, имея в виду то, что будет сказано ниже. Для подтверждения этого слуха русские ссылаются, во-первых, на то, что после полуночи от имени императора Дмитрия явились взять из маленькой конюшни, которая находится в замке, трех турецких лошадей, которые не были приведены обратно, и до сих пор неизвестно, что с ними стало; того, кто их выдал, позднее замучили до смерти по приказу Шуйского, вынуждая его сознаться, как это было. Далее, на то, что хозяин первого жилья, где сказанный Дмитрий должен был отдыхать после своего отъезда из Москвы, показал, что говорил со сказанным Дмитрием, и даже принес письмо, написанное (как он говорил) его рукой, в котором он жаловался на русских, упрекая их в неблагодарности и в забвении его доброты и милосердия, и грозил вскоре покарать виновных. И сверх того обнаружилось много записок и писем, разбросанных на улицах, сводящихся к тому же, и даже [писем] о том, что его узнали в большинстве мест, где он брал почтовых лошадей. В августе также обнаружилось много других писем, свидетельствовавших о том, что они ошиблись, нанося удар, и что вскоре, в первый день года, сказанный Дмитрий с ними повстречается.

Я отмечу заодно то, что мне сообщил французский купец по имени Бертран де Кассан, который по возвращении с площади, где находилось тело сказанного Дмитрия, сказал мне, что он считал, что у Дмитрия совсем не было бороды, так как он не замечал ее при его жизни (потому что ее и в самом деле не было), но что тело, лежавшее на площади, имело, как можно было видеть, густую бороду, хотя она была выбрита; и также говорил

мне, что волосы у него были гораздо длинее, чем он думал, так как видел его за день до смерти. Кроме того, секретарь сказанного Дмитрия, поляк по имени Станислав Бучинский, уверял его, что был один молодой русский вельможа, весьма любимый и жалуемый сказанным Дмитрием, который весьма на него походил, только у него была небольшая борода, который совершенно исчез, и, по словам русских, неизвестно, что с ним случилось.

Затем я узнал от одного француза, бывшего поваром у сандомирского воеводы, что императрица — жена сказанного Дмитрия, узнав о ходившем слухе, полностью уверилась, что он жив, утверждая, что не может представить себе его иначе, и с того времени казалась гораздо веселее, чем прежде.

Некоторое время спустя после выборов сказанного Шуйского взбунтовались пять или шесть главных городов на татарских границах, пленили генералов, перебили и уничтожили часть своих войск и гарнизонов, но до моего отъезда в июле прислали в Москву просить о прощении, которое получили, извинив себя тем, что их известили, будто император Дмитрий жив. В это время в Москве происходил большой раздор между дворянами и прочими из-за того, что Василий Шуйский был выбран без их согласия и одобрения, и сказанный Шуйский едва не был низложен; в конце концов все успокоилось, и он был коронован двадцатого июня.

Против сказанного Шуйского после его коронации начались новые секретные козни, в пользу (как я предполагаю) князя Федора Ивановича Мстиславского, который происходит из знатнейшего во всей России рода и получил много голосов при выборах и был бы избран, если бы жители страны собрались. Несмотря на это, он отказался от избрания, утверждая, как толкуют слухи, что сделается монахом, если выбор падет на него. Сказанный Мстиславский был женат на двоюродной сестре матери Дмитрия, которая (как мы упомянули) из рода Нагих, так что есть вероятность, как я полагаю, что эти происки происходят более от родственников его жены, чем с его согласия. Затем знатный вельможа Петр Никитович Шереметев ³⁴ в свое отсутствие был обвинен и подобен свидетелями как глава этих происков; он из сказанного рода Нагих; и из города, где он находился, он был отправлен в ссылку и, как я слышал, был впоследствии отравлен в дороге.

Тогда же было однажды ночью написано на воротах большинства дворян и иностранцев, что император Васи-

лий Шуйский приказывает народу разорить сказанные дома, как дома предателей; и, чтобы выполнить это, собрался сказанный народ (который приучен к добыче ранее случившимися переменами и, думаю, был бы доволен на таких условиях каждую неделю иметь нового императора), который был усмирен с некоторым трудом. Спустя некоторое время в воскресенье к выходу Шуйского созвали от его имени перед замком народ, под предлогом, что он хочет говорить с ним; я случайно находился около императора Шуйского, когда он выходил, чтобы идти на службу. Узнав, что народ собирается от его имени на площади, он был весьма удивлен и, не трогаясь с места, где узнал об этом, велел разыскать тех, кто затеял сказанное собрание. Когда все туда прибежали, сказанный Шуйский начал плакать, упрекая их в непостоянстве, и говорил, что они не должны пускаться на такую хитрость, чтобы избавиться от него, если они того желают; что они сами его избрали и в их же власти его низложить, если он им не нравится, и не в его намерении тому противиться. И, отдавая им род посоха, который не носит никто, кроме императора, и шапку, сказал им: если так, изберите другого, кто вам понравится; и, тотчас взяв жезл обратно, сказал: мне надоели эти козни, то вы хотите меня убить, а то дворян и даже иноземцев, по меньшей мере вы хотите их хотя бы пограбить; если вы признаете меня тем, кем избрали, я не желаю, чтобы это осталось безнаказанным. Вслед за этим все присутствующие вскричали, что они присягнули ему в верности и послушании, что они все хотят умереть за него и что пусть те, кто окажутся виновными, будут наказаны. До этого народу было дано приказание расходиться по домам, и были схвачены пять человек, которые оказались зачинщиками этого созыва народа. Считают, что если бы сказанный Шуйский вышел или собрался бы весь народ, то он подвергся бы такой же опасности, как и Дмитрий. Несколько дней спустя сказанные пять человек были приговорены к битью кнутом среди города, т. е. к обычному наказанию, и затем высланы. При оглашении приговора упомянули, что Мстиславский, который был обвинен как глава этих происков, невиновен, вина же падает на вышеназванного Петра Шереметева.

Сказанный Василий Шуйский подвергся другой опасности, когда в Москву привезли тело истинного Дмитрия (как о том пустили слух), умерщвленного шестнадцать лет назад, как я упоминал выше, и сказанный Шуйский с патриархом и всем духовенством отправился

встречать его за город; там сказанный Шуйский, как говорят, был едва не побит камнями, хотя дворяне усмирили народ прежде, чем он собрался.

В это время взбунтовалось Северское княжество, по рассказам русских уже присягнувшее сказанному Шуйскому; и, утверждая, что Дмитрий жив, в поход отправились семь или восемь тысяч человек, совсем без предводителей, которые поэтому были разбиты войсками, посланными туда Василием Шуйским, включавшими от пятидесяти до шестидесяти тысяч человек и всех иноземцев; известия об этом я получил в Архангельске. Те, кто спаслись, ушли в Путивль — один из главных городов сказанного Северского княжества; говорили также, что сказанный город сдался и что все эти восстания учинили какие-то польские шайки, скопившиеся у пределов России и Подолии, которые распускали слух, что Дмитрий живет в Польше. Это все, что произошло в подтверждение предположения, что Дмитрий жив, до четырнадцатого сентября тысяча шестьсот шестого года.

Что до мнения тех, кто считает, что Дмитрий Иванович не сын или не был сыном Ивана Васильевича, прозванного Грозным, но самозванцем, я отвечаю на это, рассказав, как мне это представляется.

Возражение русских исходит, во-первых, от правившего тогда Бориса Федоровича, государя весьма хитрого и лукавого, и от других его врагов. Якобы он был самозванец, так как истинный Дмитрий был убит в возрасте семи-восьми лет в Угличе семнадцать лет тому назад, как мы упомянули выше; а он был расстрига, а именно монах, покинувший свой монастырь, по имени Гришка, или Григорий Отрепьев.

Те же, кто считают себя самыми проникательными, как иностранцы, знавшие его, так и прочие, приводят суждение, что он был не русским, но поляком, трансильванцем или другой национальности, возвращенным и воспитанным для этой цели.

Выше я упомянул в ответ причину, почему Борис Федорович, правитель империи при Федоре Ивановиче, сыне Ивана Васильевича и брате сказанного Дмитрия Ивановича, отправил сказанного Дмитрия с матерью-императрицей в ссылку в Углич; можно судить по рассказу, что это сделал не сказанный Федор, его брат, как по простоте своей, так и потому, что сказанный Дмитрий был тогда всего лишь ребенком четырех-пяти лет, который не мог ему чем-либо повредить, но что это были козни сказанного Бориса Федоровича. Вполне вероятно, что мать и

другие из оставшейся тогда знати, как Романовичи, Нагие и другие, зная цель, к которой стремился сказанный Борис, пытались всеми средствами избавить ребенка от опасности, в которой он находился. А я знаю и считаю, что, убедившись в том, что нет никакого другого средства, как подменить его и подставить другого на его место, а его воспитать тайно, пока время не переменит или вовсе не смешает замыслы сказанного Бориса Федоровича, они это и проделали, и столь хорошо, что никто, кроме принадлежавших к их партии, ничего не узнал. Он был воспитан тайно, и, как я считаю, после смерти императора Федора, его брата, когда сказанный Борис Федорович был избран императором, он был отправлен в Польшу, в монашеской одежде, чтобы его провели за пределы России со сказанным вышеупомянутым расстригой. Как считают, прибыв туда, он стал служить одному польскому вельможе по имени Вишневецкий, зятю сандомирского воеводы; затем перешел на службу к сказанному воеводе и открылся ему. Тот послал его к польскому двору, где он получил небольшое вспомоществование; вышесказанное послужит для ответа и разъяснит, что в Угличе был умерщвлен не он, а подмененный.

Что касается того, кого называют расстригой, то вполне достоверно, что спустя немного времени после избрания Бориса Федоровича объявился один монах, бежавший из монастыря, где он жил, которого называют расстригой, по имени Гришка Отрепьев, который прежде был секретарем патриарха и бежал в Польшу, именно с тех пор Борис начал сомневаться, кто же это был, в чем можно убедиться из его жизни. Чтобы ответить на это, скажу, что совершенно точно в монашеской одежде бежали двое, именно этот расстрига и другой, до сих пор совершенно безымянный. Ибо правивший тогда император Борис послал ко всем границам гонцов со срочным приказом сторожить все переходы и задерживать всякого, не пропуская даже тех, у кого есть паспорт. Потому что (так говорилось в письменном приказе сказанного Бориса, как я узнал) два предателя империи бежали в Польшу; и сказанные дороги были перекрыты таким образом, что в течение трех или четырех месяцев никто не мог ни въехать, ни выехать из одного города в другой из-за застав, т. е. рода стражи, охранявшей дороги, которую ставят только во время морового поветрия.

Кроме того, совершенно бесспорно и достоверно то, что сказанному расстриге было от тридцати пяти до тридцати восьми лет, в то время как сказанному Дмитрию,

когда он вернулся в Россию, могло быть только от двадцати трех до двадцати четырех лет. Потом он вернулся домой, и всякий, кто хотел, видел его; еще живы его братья, имеющие земли под городом Галичем. Этого расстригу знали до бегства как человека дерзкого, приверженного к пьянству, за какую-то дерзость он и был сказанным Дмитрием удален за двести тридцать верст от Москвы в Ярославль, где есть дом английской компании. И тот, кто там жил, когда сказанный Дмитрий был убит, мне ручался, что сказанный расстрига уверял его даже тогда, когда явились известия, что сказанный Дмитрий умерщвлен, а Василий Шуйский избран императором, что сказанный Дмитрий был истинным сыном императора Ивана Васильевича и что он выводил его из России; он подтверждал это великими клятвами, уверяя, что невозможно отрицать, что он сам — Гришка Отрепьев, прозванный расстригой, это его собственное признание, и немного найдется русских, которые думали бы иначе. Спустя некоторое время Василий Шуйский, избранный императором, прислал за ним, но я не знаю, что с ним случилось. Этого довольно будет для приведенного возражения.

Что касается возражения, которое высказывают большинство иностранцев: что он был поляк или трансильванец, самозванец сам по себе или воспитанный для этой цели, то они хотят доказать это тем, что он говорил порусски не так чисто, как ему подобало, кроме того, не имел русских привычек, над которыми насмехался, соблюдал их религию только для вида, и другими подобными доводами, так что, в заключение (говорят они), во всех его поступках и в обращении чувствовался поляк.

Итак, если он был поляк, воспитанный с этой целью, то нужно было бы в конце концов знать кем; притом я не думаю, чтобы взяли ребенка с улицы, и скажу мимоходом, что среди пятидесяти тысяч не найдется одного способного исполнить то, за что он взялся в возрасте 23—24 лет. Но, сверх того, какое соображение могло заставить зачинщиков этой интриги предпринять такое дело, когда в России не сомневались в убийстве (Дмитрия); далее, Борис Федорович правил страной при большем благоденствии, чем любой из его предшественников, народ почитал и боялся его как только возможно; притом мать названного Дмитрия и многочисленные родственники были живы и могли засвидетельствовать, кто он. И, что правдоподобно, это было бы проделано с согласия польского короля и сейма, так как совершенно невероятно без ведома короля предпринимать дело столь большой

важности, весь урон от которого, если оно не удастся, падет на Польшу в виде большой войны в невыгодное время. А если бы так было, то война не была бы начата с 4000 человек и сказанный Дмитрий получил бы, как я полагаю, несколько советников и опытных людей из польских вельмож, уполномоченных королем, чтобы советовать ему в этой войне. Далее, я считаю, что они помогли бы ему деньгами; также неправдоподобно, что, когда он снял осаду Новгорода-Северского, его покинули бы большинство поляков, как мы упомянули выше, тем более что он удерживал уже около пятнадцати городов и замков, а его армия крепла с каждым днем. И, как мне кажется, было бы неблагоразумно поверить предположению, что это самозванец, который предпринял все самостоятельно, и, всего лишь 20 или 21 года от роду, когда он объявился, или до того, выучился с этой целью русскому языку, даже читать и писать по-русски, притом что можно спросить, где бы он мог его выучить, потому что, как я полагаю, он внятно и разумно отвечал на каждый заданный вопрос, когда он объявился; ибо Россия — не свободная страна, куда можно отправиться обучаться языку и разузнать о том-то и о том-то, а затем уехать; так как сверх того, что она недоступна, как мы уже упомянули, все вещи там столь секретны, что весьма трудно узнать правду о том, чего не видел собственными глазами. Мне также кажется неправдоподобным, что он смог бы осуществить этот замысел так, чтобы никто о нем не узнал. А если бы кто-нибудь о нем узнал, то объявился бы при его жизни или после его смерти. Наконец, если бы он был поляком, то вел бы себя иначе по отношению к некоторым из них. И я не думаю, что сандомирский воевода дал бы ему некое обещание столь поспешно, не узнав сначала получше, кто он такой. Предположить, что воевода этого не знал, — неправдоподобно, как заметим ниже.

Касательно тех, кто считает, что он был воспитан и выращен иезуитами, то к какой же нации, по их мнению, он принадлежал; так как он не поляк, как явствует из вышесказанного и будет замечено ниже, еще менее — другой нации, кроме русской. Если признать это (предположение), то спрашивается, где они его взяли, так как до прихода Дмитрия во всей России не бывало иезуитов, разве только при послах, с которых не спускают глаз, так что они не смогли бы вывезти ребенка из России. Итак, вывезти ребенка из страны было возможно только во время войн, которые польский король Стефан вел с Россией около тридцати лет назад. И если бы даже они

нашли способ сыскать ребенка во время войны Швеции с Россией, насколько возможно, чтобы они сыскали такого, который был бы не сравним ни с одним в России? Я думаю также, что они не смогли бы воспитать его в такой тайне, что кто-нибудь из польского сейма, а следовательно, и сандомирский воевода, в конце концов не узнали бы. Признаем по меньшей мере, что сказанный Дмитрий не мог не знать, кто он такой; и, если бы он был воспитан иезуитами, они без сомнения научили бы его говорить и читать по-латински.

Но совершенно верно, что он совсем не говорил на латыни, я могу это засвидетельствовать, еще менее умел по-латински читать и писать, как я могу показать по его имени, которое он написал не слишком уверенно. Он также больше жаловал бы сказанных иезуитов, чем он это делал, принимая во внимание, что их было всего трое во всей России, приехавших вслед за польскими военными, у которых не было других монахов; после коронации Дмитрия один из этих иезуитов был по их просьбе отправлен в Рим.

Касательно других возражений, что он неправильно говорил по-русски, я отвечу, что слышал его спустя немного времени после его приезда в Россию и нахожу, что он говорил по-русски как нельзя лучше, разве только, чтобы украсить речь, вставлял порой польские фразы. Я видел также письма, продиктованные им по разным поводам до того, как он въехал в Москву, которые были так хороши, что ни один русский не мог бы найти повода для упреков. А если и были ошибки в произношении некоторых слов, этого недостаточно, чтобы осуждать его, принимая во внимание его долгое отсутствие в стране и с такого юного возраста.

Ссылаются на то, что он насмеялся над русскими обычаями и следовал русской религии только для виду [...].

Говорят еще, что он не соблюдал их религию. Но так же поступают многие русские, которых я знал, среди прочих некто по имени Посник Дмитриев, который, побывав с посольством Бориса Федоровича в Дании, узнав отчасти, что такое религия, по возвращении среди близких друзей открыто высмеивал невежество московитов. Почему бы Дмитрию, который для своих лет не лишен был здравого смысла, предавался чтению священного писания и без сомнения слышал в Польше рассуждения о религиозных спорах и познал смысл догматов веры, которые надлежит почитать всем христианам, не презирать их не-

вежество. Я рассуждаю, исходя из их утверждения, хотя я уверен, что, за редким исключением, никто из его иностранных и даже русских обвинителей не заметил ничего такого, что дало бы им право его в этом обвинять, так как он обычно соблюдал все их обряды; хотя я и знаю, что он решил основать университет. В заключение, если бы он был поляком, он не причинил бы никому из них неудовольствия; а если бы сами русские, например Борис и его приверженцы и ныне правящий император Василий Шуйский, могли с правдоподобием показать, что Дмитрий — иностранец, они не упустили бы столь надежного подспорья.

Касательно тех, кто, подобно некоторым русским, хочет возразить, что кто бы он ни был, но сандомирский воевода не находился в неведении, кто он; если это так и если бы он был не истинным Дмитрием, то какова вероятность, что он так скоро вступил бы с ним в родство, хотя был осведомлен об измене, в которой был уличен Шуйский вскоре после приезда Дмитрия в Москву? Кроме того, поскольку он хотел породниться с ним, он, вероятно, посоветовал бы не распускать бывших при нем поляков и казаков, которых он мог удержать, не вызывая никаких подозрений, если принимать во внимание, что все его предшественники всегда старались привлечь к себе на службу столько иностранцев, сколько было возможно; этого не случилось, так как он распустил всех их, за исключением отряда в сотню всадников. Я полагаю также, что воевода привел бы большее войско со своей дочерью-императрицей, чем было, и изыскал бы способ разместить поляков вблизи друг от друга, вместо того чтобы поселять их на значительном отдалении во власти русских. [...]

Самым большим доказательством того, что если он не был истинным сыном Ивана Васильевича, то не был русским, я считаю, во-первых, то, что его противники постарались бы и при его жизни и после его смерти найти его родственников, кем бы те ни были, особенно если принять во внимание порядок и способ ведения дел у русских. Далее, если бы он чувствовал свою вину, он, вероятно, стремился бы всегда и во всем угождать русским; и поскольку ему было хорошо известно, что Борис мог одержать верх, только провозгласив его еретиком, он, следовательно, не разрешил бы ни одному иезуиту войти в Москву; и поскольку он знал хорошо, что Борис вызвал недовольство народа, пытаясь породниться с каким-нибудь иноземным государем, он, следовательно, предот-

вратил бы это, породнившись, как все его предшественники, с каким-нибудь русским родом, что укрепило бы его положение. Но если мы примем во внимание его уверенность, мы увидим, что он должен был быть по меньшей мере сыном какого-нибудь государя. Его красноречие очаровало всех русских, а также в нем светилось некое величие, которого нельзя выразить словами и невиданное прежде среди русской знати и еще менее среди людей низкого происхождения, к которым он неизбежно должен был принадлежать, если бы не был сыном Ивана Васильевича. Его правоту, кажется, достаточно доказывает то, что со столь малым числом людей, что он имел, он решился напасть на столь огромную страну, когда она процветала более чем когда-либо, управляемая государем проникательным и внушавшим страх своим подданным, породнившимся с большинством знатных фамилий в России и изгнавшим, предавшим смерти и сославшим всех тех, в ком он сомневался, любимым всем духовенством, как можно было судить, благодеяниями и подаяниями завоевавшим сердца всех подданных, замирившимся со всеми соседями и мирно правившим восемь или девять лет. Примем во внимание и то, что мать Дмитрия и многочисленные оставшиеся в живых родственники могли бы высказать противное, если бы это было не так.

Затем рассмотрим его положение, когда большинство поляков покинули его; с какой уверенностью он отдался в руки русских, в которых еще не мог быть вполне уверен, притом их силы не превышали восьми-девяти тысяч человек, из которых большая часть были крестьяне, и решился противостоять более чем стотысячной армии; затем, проиграв сражение, причем все его сказанные войска были разгромлены, утрачены немногие имевшиеся у него пушки со всеми боевыми припасами, он с тридцатью или сорока людьми вернулся в город под названием Рыльск, который сдался ему немного раньше, не имея никакой уверенности в его преданности, и оттуда в Путивль — большой и богатый город, где жил с января по май того же года. В своих невзгодах он никогда не изменял себе, хотя Борис прилагал все усилия, стремясь то путем тайных происков, то открыто отравить, убить или захватить его в плен, а позднее ложными утверждениями убедить народ в том, что он самозванец. [...]

Кроме того, если, как они говорят, он был самозванцем и истина открылась лишь незадолго до убийства, почему он не был взят под стражу? Или почему его не вывели на площадь, пока он был жив, чтобы перед собрав-

шимся там народом уличить его, как самозванца, не прибегая к убийству и не ввергая страну в столь серьезную распрю, при которой многие лишились жизни. И вся страна должна была без всякого другого доказательства поверить словам четырех или пяти человек, которые были главными заговорщиками. Далее, почему Василий Шуйский и его сообщники взяли на себя труд измыслить столько лжи, чтобы сделать его ненавистным для народа? Почему они приказали публично читать письма, в которых говорилось, что Дмитрий хотел подарить большую часть России польскому королю, а также своему тестю-воеводе — словом, что он хотел разделить Россию, а также, что он отправил всю казну в Польшу? И что он намеревался на следующий день, в воскресенье, собрать весь народ и дворянство за городом под предлогом, что хочет развлечь своего тестя-воеводу и показать ему всю артиллерию, которую с этой целью должны были вывезти из города, и намеревался приказать полякам всех их изрубить в куски, разграбить их дома и предать город огню. И что он послал в Смоленск приказ учинить то же, и другие бесконечные вымыслы, к чему прибавили, как рассказано выше, что тело истинного Дмитрия, убитого семнадцать лет назад, когда ему было восемь лет, было найдено совсем целым и, как мы уже упомянули, канонизировали его по приказу сказанного Шуйского. Все это для того, чтобы убедить народ в своих словах. И я заключаю, что если бы Дмитрий был самозванцем, то было бы достаточно доказать чистую правду, чтобы сделать его ненавистным для каждого; что если бы он чувствовал себя виновным в чем-либо, он с полным основанием был бы склонен поверить, что вокруг него замышляются и строятся козни и измена, о которых он был в достаточной мере осведомлен и мог предотвратить их с большой легкостью. Посему я считаю, что раз ни при его жизни, ни после смерти не удалось доказать, что он — некто другой; далее, по подозрению, которое питал к нему Борис, и по тирании, к которой он поэтому прибег; далее, по разногласиям во мнениях о нем; далее, по его поступкам, его уверенности и другим бывшим у него качествам государя, качествам, невозможным для подложного и узурпатора, и также потому, что он был уверен и чужд подозрений; особенно принимая во внимание то, что сказано выше о сказанном Дмитрии, я заключаю, что он был истинный Дмитрий Иванович, сын императора Ивана Васильевича, прозванного Грозным!

Адам
Олеарий

**ОПИСАНИЕ
ПУТЕШЕСТВИЯ
В МОСКОВИЮ**

Как мы прибыли в Нарву.
Путешествие оттуда,
через крепости Ям
и Копорье, до Нотебурга

января 1634 года мы прибыли в Нарву и остановились у Якоба фон Кёллена, видного местного торговца и трактирщика. Здесь мы, из-за долгого неприбытия шведских господ послов, которые, ради известных причин, желали с нами вместе подняться в

Москву, прождали в большой досаде до 22 недель. Впрочем, нельзя сказать, чтобы у нас тут недоставало увеселений для препровождения времени. Мы не только ежедневно устраивали княжеский стол с хорошим угощением и порядочною музыкою, причем многие знатные господа, зачастую посещавшие господ послов, вели приятные беседы,— но мы и ездили на различные важные пиршества, а также приглашались и уводились в поездки верхом и на охоту. Однако страстное желание ехать дальше не давало нам оценить все это веселье. К тому же много хлопот было нашим господам послам из-за нашего простого люду, столь долго остававшегося в праздности и часто вступавшего в ссоры и драки с нарвскими солдатами; постоянно поэтому приходилось им, вместе с господином губернатором, судить и мирить.

Так как мы, однако, предполагали, что до весны нам отсюда не выбраться, а в это время между Нарвою и Новгородом по большой дороге очень трудно пробираться, то магистр Пауль Флеминг¹ кое с каким людом, с лошадьми, веденными под уздцы, и с тяжелым скарбом 28 февраля, при хорошей санной дороге, был отправлен вперед в Новгород. Одновременно поехал вперед и д-р Венделин со своими людьми, вскоре за тем собравшийся и дальше в путь до Москвы.

Когда, наконец, в Нарве мы почувствовали такой недостаток в провианте, что наши закупщики русские долж-

ны были искать кур и овец за 8 миль кругом, а мы все-таки еще, по известным причинам, не могли вскоре ожидать прибытия господ шведских послов, главою которых назначен был ревельский губернатор господин Филипп Шейдинг, то наши господа послы с 12 лицами отправились в Ревель², оставив остальных в Нарве. В Ревеле мы были приняты, со стороны благородного магистрата, с салютами и подарками. Здесь мы пробыли еще 6 недель, а тем временем господин губернатор, благородный магистрат и знатнейшие граждане оказывали нам всяческую честь и дружбу.

Что сказать о городах Ревеле и Нарве, об этом будет речь во втором путешествии.

Когда многократно упоминавшийся господин губернатор 10 мая узнал из почты, что другие прикомандированные к нему посланцы уже прибыли в Нарву, то он пустился в путь и в день вознесения, а именно 15 мая, направился с нами в Нарву. 18-го с. м. мы вновь прибыли туда, причем шведские господа послы, а именно полковник господин Генрик Флеминг, господин Эрик Гилленшерна и господин Андрей Буреус, со значительною свитою выехали к нам навстречу за милю до города, любезно приветствовали нас и ввели в город, где вторично нас приняли с салютами из орудий.

По свидании господ послов с обеих сторон решено было, что обе партии возьмут путь к Новгороду через Карелию по Ладожскому озеру; об этом эстафетою сообщено было новгородскому воеводе, чтобы он знал, где нас встретить и принять, и нам не пришлось бы слишком долго стоять у границы. Ведь в России, как и в Персии, обычай такой, что чужие посольства, прибывшие к границе, должны заявить о себе и ждать, пока их прибытие будет эстафетою сообщено властелину страны и будут отправлены приказы наместникам и начальникам провинций, как их принять и угостить. Ведь у московитов и персов все послы и гонцы, посылаемые великими государями, сколь долго они остаются в их пределах, получают бесплатно пропитание и проезд с конвоем для охраны. Поэтому послам и дается проводник (по-русски «пристав», по-персидски «мехемандар») с несколькими солдатами, чтобы вести их через страну.

Когда, таким образом, эстафета, как сказано, отправлена была в Новгород, шведские господа послы 22 мая выехали из Нарвы и поднялись до крепости Копорье, чтобы там отпраздновать троицу и подойти поближе к русской границе.

24 мая, в субботу перед троицею, я отправился в русскую Нарву посмотреть, как русские поминуют своих умерших и погребенных друзей. Кладбище было полно русских женщин, которые на могилах и могильных камнях разложили прекрасные вышитые пестрые носовые платки, а на эти последние ими были положены на блюдах штуки 3 или 4 длинных оладей и пирогов, штуки 2 или 3 вяленых рыб и крашеные яйца. Иные из них стояли, другие лежали на коленях тут же, выли и кричали и обращались к мертвым с вопросами, какие, говорят, приняты на похоронах у них. Если проходил мимо знакомый, они обращались к нему, разговаривали со смеющимся ртом, а когда он уходил, снова начинали выть. Между ними ходил священник с двумя прислужниками, с кадильницею, куда он временами бросал кусочек воску, и окуривал могилы, приговаривая несколько слов. Женщины говорили попу (так называют они своих священников) подряд имена своих умерших друзей, из которых некоторые уже лет 10 как умерли, другие читали имена из книги, некоторые же давали их читать прислужникам, а поп должен был повторять их. Тем временем женщины наклонялись к попу, иногда знаменуя себя крестным знаменем, а он помахивал против них кадильницею.

Женщины тянули и тащили попа с одного места на другое, и каждая желала иметь преимущество для своего покойника. Когда это каждение и моление, которое поп совершал с блуждающим лицом, без особого благоговения, бывало закончено, то женщина давала ему крупную медную монету, вроде зесслинга по-голландски или 6 пфеннигов в мейсенской монете. Пироги же и яйца слуги священника забрали себе, дав кое-что из них и нам, немцам, смотревшим на это зрелище. Мы их, в свою очередь, роздали бедным детям.

26 мая мы [...] послав нашу утварь и вещи кое с кем из простого люда водою вперед, в Ниеншанц³, сами последовали сушею туда же. При салютующих выстрелах из города мы, в сопровождении командующего там полковника Порта, отправились в крепость Ям, которая, в 3 милях (а не 12 милях, как пишет фон Герберштейн) от Нарвы, лежит в Ингерманландии, за рекою, богатою рыбою, особенно лососями, и называющеюся Ямскою речкою. Здесь переезжают на пароме. Эта крепость невелика, но окружена крепкими каменными стенами и 8 бастионами. Когда Нарва была отнята у русских, тогда же и этот город был завоеван. Здесь вблизи имеется мыза, населенная русскими, которые, наравне с кре-

постью, в подданстве у его королевского величества шведского.

Здесь нам дали новых лошадей, на которых 29-го с. м. мы проехали верхом 6 миль до крепости Копорье, где нас прекрасно встретили салютными выстрелами, а наместник господин Богуслав Розен прекрасно угостил нас, накормив еще в тот же вечер 48 блюдами и разными винами, медом и пивом. Угощений и пиршеств на следующий день было не меньше, но даже еще обильнее и с прибавлением к ним музыки и другого веселья. В 3 часа после обеда нас с салютными выстрелами и на свежих лошадях отправили дальше. Отсюда поездка шла через двор русского боярина, именем Н[икита] Васильевич; так как он расположен в 7 милях от Копорья, а мы оттуда поздно выбрались, то нам пришлось ехать всю ночь, пока мы прибыли ко двору. Рано утром, в 3 часа, нас боярин любезно принял и угостил разными кушаньями и напитками из серебряной утвари. У него были два трубача; при столе, особенно при тостах,— чему он, вероятно, научился у немцев,— он заставлял их весело наигрывать. По всему было видно, что это человек веселый и храбрый. Он участвовал и в битве, которая происходила в 1631 году перед Лейпцигом, и показывал нам на разных местах своего тела некоторые раны, там им полученные.

Перед нашим уходом он велел выйти к нам своей жене и еще другой ее родственнице, которые обе были очень молоды и красивы лицом и прекрасно одеты; их сопровождала некрасивая спутница для того, чтобы еще более выдвинуть их красоту. Каждая из женщин должна была пригубить чарку водки перед господами послами, передать ему в руки и поклониться ему. Русские считают это величайшею честью, которую они кому-либо оказывают, чтобы указать, что гость был им приятен и любезен. Если дружба и близость очень велики, то гостю разрешается поцеловать жену в уста, о чем ниже будет сказано подробнее.

31 мая, в 1 час пополудни, мы здесь простились, до вечера проехали 4 больших мили до Иоганнсталя, где благородный владелец Иоганн Скитте собрался строить город, и церковь уже по большей части была готова. Здесь имеется тройное эхо, или отзвук, которым мы, чрез нашего трубача, добрую часть ночи увеселялись, тем более что от большого количества комаров не могли заснуть. Здесь мы, из-за многих болотистых местностей, впервые имели сильнейшие неудобства и неприятности днем от больших мух и ос, накусавших большие волдыри

на нас и наших лошадях, а ночью — от комаров, которых мы могли отгонять только дымом, неприятным для наших глаз и нашего сна.

Здесь мы узнали, что королевские шведские господа послы ждут нас в Ниеншанце. Тем скорее собрались мы в путь, а именно 1 июня рано утром, в 3 часа, и прибыли на место в 6 часов. Ниеншанц, или Ние, как иные его зовут, лежит в $2\frac{1}{2}$ милях от Иоганнесталя на судоходной воде, которая вытекает из Ладожского озера в Финское и Балтийское море, отрезывает Карелию от Ингерманландии и имеет хорошее питание. Здесь мы застали королевских господ послы, которые, поговорив секретно о некоторых делах с нашими послами, отправились вперед к Нотебургу. Мы последовали за ними 2 июня. Тамошним наместником господином полковником Иоганном Кунемундтом, храбрым, видным человеком, выехавшим к нам по воде навстречу в гондоле, или крытой лодке, мы были хорошо приняты и введены при салютных выстрелах.

Крепость Нотебург, в 8 милях от Ниеншанца, лежит от экватора на $50^{\circ}30'$ у выхода из Ладожского озера; она со всех сторон окружена глубокою водою и расположена на острове, похожем на орех [...]. Отсюда и название его Nöteborg (Ореховый замок). Здесь я нашел магнитное склонение равным $5^{\circ}30'$ в сторону запада. Крепость построена русскими и окружена стенами в $2\frac{1}{2}$ сажени толщиной. Так как амбразуры (подобно таким во всех старых русских крепостях) направлены прямо вперед и снаружи немногим лишь шире, чем изнутри, то они не особенно удобны для стрельбы из них и для защиты. В одном из уголков крепости находится особая, крепко защищенная небольшая цитадель, откуда крепость может быть обстреливаема внутри. Эта крепость была взята на капитуляцию его королевским величеством шведским чрез полководца господина Якова Делагарди⁴. Нам говорили, что осажденные русские держались вплоть до последних двух человек. Когда они по капитуляции должны были выступить со всем скарбом и имуществом и со всеми находившимися при них людьми, то вышли только эти двое. Когда их спросили, где же остальные, они отвечали: остались только они одни, так как все другие умерли от заразной болезни. Вообще русских хвалят, что они гораздо храбрее и смелее держатся в крепостях, чем в поле. [...]

Как ни весело расположено это место, все-таки оно представляется нездоровым, ввиду пресного озера и мно-

гих расположенных кругом болот. При нас в июне месяце целых три недели тут было такое множество комаров, род *Pugaustis*, или огненных мух, которые летят кругом огня и сами себя сжигают [...] что не видно было с ладонь свободного от них воздуха и нельзя было ходить с открытым лицом, не испытывая неудобств. Ежегодно в это время этого гнуса встречается очень много во всей Карелии, хотя и не в столь больших количествах, как в Нотебурге. Жители называют их «русскими душами».

Так как мы предполагали, что нам придется прождать некоторое время в Нотебурге, то господа послы оставили при себе только шесть человек, а остальных направили вперед к русской границе, так как там было удобнее по части провианта. Мы пробыли здесь до седьмой недели, и наши господа тем временем ежедневно приглашались королевскими господами послами, пока эти последние находились там, чрез их маршала, высокоблагородного господина Вольфа Спарра, и их гоф-юнкеров, к обеду. Кое-кто из нас, наряду с ними, встречал тут хорошее угощение и обхождение.

17 июня прибыл в Нотебург один из господ Спирингов, посланный вдогонку его королевским величеством шведским и прибавленный к числу господ королевских послов. С ним было немного народу.

Когда 25-го с. м. пришло известие, что новгородский воевода прислал пристава на границу, чтобы отдельно и прежде всего отвезти шведских господ послов, эти последние 26-го пустились в путь и поднялись к Лаве. При отбытии бог отвратил от них большое несчастье, так как в лодку, в которой находился посол Буреус, когда она проезжала у башни, откуда стреляли салют, от гула выстрела упала большая доска с крыши, ударившись оземь у самой головы посла.

Наши господа провожали королевских послов целых четыре мили, я же, с их согласия, проехал с ними верхом даже до границы, чтобы видеть церемонии и обычаи русских при приеме посольств. Итак, они 27-го с. м., рано утром, в 4 часа, прибыли к реке, протекающей, при ширине в 40 шагов, мимо деревни Лавы и отделяющей русскую границу от шведской. Когда королевские господа послы, при прибытии своем, узнали, что на русской стороне их ждут 17 лодок, то они тотчас послали своего переводчика на тот берег к приставу, чтобы он переслал несколько лодок для своевременной нагрузки их вещей:

тогда они скорее смогут двинуться в путь после приема. Однако пристав, человек старый, велел ответить, что он не смеет ничего подобного сделать до приема послов: «Да и не думают ли они, что его царскому величеству нечем будет прокормить их, если их кормить придется лишний день из-за возможного промедления?» Около полудня пристав прислал своего толмача, или переводчика, на тот берег с четырьмя стрельцами, или мушкетерами (последних с ним было 30 человек), и велел сказать, [что] ему теперь было бы очень приятно принять господ послов: не желают ли они пожаловать? Один из господ послов на это велел ответить приставу, что им уже пятую неделю приходится лежать и ждать; поэтому несколько не обидно будет приставу, если и он их теперь подождет один лишний день. Впрочем, он-де не желает этим давать полного ответа, так как его собратья улеглись для полуденного сна, как потому, что они всю ночь путешествовали, так, в особенности, вследствие усвоения ими у русской границы русских обычаев: ведь почти все русские отдыхают ежедневно в полдень.

Далее был задан вопрос: когда же будут приняты голштинские послы? Толмач полагал, что это случится разве недели через три, после доставки шведских господ в Москву; дело в том, что, по его мнению, недоставало ладей, или ботов, и лошадей, нужных для путешествия. После обеда в 4 часа господа велели сообщить на тот берег, что теперь они желали бы быть приняты; пусть поэтому пристав приходит. Затем они сели со своим переводчиком в лодку, а их гоф-юнкеры, к которым и я присоединился,— в другую. Пристав действительно выехал навстречу с 15 разодетыми русскими в лодке. Чтобы показать высокое положение свое, они, очень медленно и не производя особого движения лодки, опускали свои весла в воду, так что они еле отошли от берега; временами они останавливались совершенно, чтобы лодка господ шведов к ним приблизилась. Они подали весло в лодку послов, чтобы ее потащить за собою. К этой цели подучили они и рулевого, правившего лодкою послов. Когда господа послы заметили, к чему стремятся русские, то один из них закричал приставу, чтобы он ехал быстрее: к чему такая несвоевременная церемония? ведь ею пристав ничего не может приобрести для великого князя, а они ничего не потеряют для своих государей. Когда теперь лодки столкнулись посередине реки, пристав выступил и сказал, что великий государь и царь Михаил Федорович⁵, всяя России самодержец (с про-

чением всего его титула), велел ему принять королевских господ послов и приказал их, со всем их народом при достаточном провианте и подводах, доставить в Москву. Когда на это получен был ответ, то пристав повел их на берег и пригласил в дом некоего сына боярского, или дворянина, в небольшую, от дыма черную, как уголь, и натопленную комнату. Стрельцы своими ружьями, составляющими, наравне с саблями, общее оружие их, дали салют, без всякого порядка, кто только смог раньше справиться. Господам послам для привета предложены были несколько чарок очень крепкой водки и двух родов невкусный мед с несколькими кусками пряника. Они и мне дали попробовать этого угощения, прибавив (по-латыни): «Стоит подбавить немного серы, и — готово питье для ада».

Через час после такого угощения господа шведы на 12-ти, а русские на 3 лодках, со знаменем и барабаном, отплыли и направились к Новгороду. Я же опять через Ладожское озеро отправился в Нотебург, где нам, по словам русского толмача, следовало ждать еще целых 3 недели. Все это остальное время мы провели очень весело. Ведь это место, вследствие воды, веселых окружающих его видов и нескольких небольших островов с разного рода дичью, представляется очень приятным. Между прочим, в Ладожском озере, в 4 милях от Нотебурга, лежат два острова, поросшие кустарником и массой малины, отстоящие один от другого на выстрел из ружья; на меньшем из них стояла небольшая часовня, в которой русские, отправляясь на рыбную ловлю, совершают богослужение; внутри, из-за гнездившихся здесь птиц, была такая вонь, что мы не могли здесь долго выдержать. К этим островам некоторые из нас иногда ездили поохотиться. Вокруг островов бесчисленное количество тюленей всевозможных цветов; когда они располагались на разбросанных вокруг широких камнях, на солнце, то мы их очень легко могли доставать из-за кустов.

Нашим превосходным собеседником был также высокоблагородный господин Петр Крус-Биорн, ученый, многоопытный и храбрый мужчина, которого его величество король шведский послал в Москву как своего резидента; он также ждал со своею свитою приглашения из России. Мы пользовались его дружбою.

Когда нам 16 июля было возвещено, что пристав, по имени Семен Андреевич Крекшин, прибыл в Лаву, чтобы нас принять, то мы 20-го собрались в путь и отправи-

лись туда. Через несколько часов после нашего прибытия пристав прислал своего толмача со стрельцом на нашу сторону и велел спросить, готовы ли послы быть принятыми. Когда мы велели спросить, примет ли он нас на той стороне или же на воде, как шведов, он отвечал, чтобы мы переезжали: «Нет нужды встречаться на воде, так как у нас не может быть спора о границах, из которых ничего не принадлежит вам».

Когда мы, вследствие этого, переехали, выступил наперед пристав в красном дамастовом⁶ кафтане и остановился в нескольких шагах от берега. Когда же послы вышли на берег, он, с покрытой головой, вышел к ним навстречу и не хотел снимать шапки, пока не начал говорить и не назвал имени великого князя. Подобно предыдущему, он взял записку в руки и сказал: «Его царское величество Михаил Федорович, всея России самодержец и проч., прислал меня сюда, чтобы тебя, Филиппа Крузиуса⁷, и тебя, Оттона Брюггемана⁸, как княжеских голштинских послов, принять, вас, вместе с вашими людьми, снабдить провиантом, ладьями, лошадьми и всем необходимым и доставить в Москву». Его толмач, по имени Антоний, не знал порядочно немецкого языка и переводил так скверно, что едва можно было понять его. Только после того как послы дали свой ответ, пристав подал им руку и повел нас сквозь ряды стрельцов (это были двенадцать казаков, стоявших с ружьями наготове) в свою гостиницу. Когда дан был салют из ружей, то это произведено было с такою неосторожностью, что секретарь шведского резидента, стоявший с нами, чтобы глядеть на это торжество, получил большую дыру в своем колете. Угощение, с которым пристав нас принял, состояло из пряников, водки и варенья из свежих вишен. Посидев с полчаса, мы, при салютах стрельцов, вновь переехали через воду и собрались в дальнейшую поездку. После обеда в полдень, данного нам наместником Нотебурга, проводившим нас и на прощанье хорошо угоstitившим всевозможными вкусными напитками, мы на 7 ладьях поехали в путь через Ладожское озеро.

Когда мы 22-го с. м. рано закончили наш путь по озеру на протяжении 12 миль и вышли на берег у монастыря Никольского на Волховской губе, пришел русский монах и принес послу для приветия хлеб и вяленую семгу. Наш пристав, который должен был готовить нам «корм», или продовольствие, спросил, должен ли он ежедневно доставлять нам провизию и заставляя готовить ее или же нам будет приятнее получать деньги, на сей предмет

назначенные его царским величеством, и давать нашему повару готовить кушанья по нашему способу. Мы, как это всего обычнее у посольств в этих местах, просили передавать нам деньги и закупали сами. Такса же везде определялась самим приставом, так что мы все получали очень дешево: да и вообще во всей России, вследствие плодородной почвы, провиант очень дешев. Ведь 2 копейки за курицу — это в нашей монете 2 шиллинга или 1 грош мейсенской монеты; 9 яиц получали мы за 1 копейку. Мы получали ежедневно 2 рубля и 5 копеек, т. е. 4 рейхсталера 5 шиллингов: дело в том, что на каждое лицо, от высшего до низшего, пропорционально назначается известная сумма.

После обеда мы отправились по реке, которая привела нас в Ладогу, городок, расположенный в 17 милях от Лавы. Сюда мы прибыли в тот же вечер. По дороге нас встретил пристав с тремя ладьями; он должен был доставить еще шведского господина резидента, покинутого нами в Нотебурге.

На всем нашем пути мы нигде не видали ббльшей толпы детей лет от 4-х до 7-ми, как здесь, в Ладоге. Когда некоторые из нас ходили гулять, эти дети толпами шли позади и кричали, не желаем ли мы купить красной ягоды, которую они звали «малина» и которая в большом количестве растет во всей России. Они давали за копейку полную шляпу, и, когда мы расположились для еды на зеленом холме, человек с пятьдесят стали кругом нас. Все, и девочки и мальчики, были со стриженными волосами, с локонами, свешивавшимися с обеих сторон, и в длинных рубахах, так что нельзя было отличить мальчиков от девочек.

Здесь мы услышали первую русскую музыку, а именно: в полдень 23-го с. м., когда мы сидели за столом, явились двое русских с лютнею и скрипкою, чтобы позабавить господ [послов]. Они пели и играли про великого государя и царя Михаила Федоровича; заметив, что нам это понравилось, они сюда прибавили еще увеселение танцами, показывая разные способы танцев, употребительные как у женщин, так и у мужчин. Ведь русские в танцах не ведут друг друга за руку, как это принято у немцев, но каждый танцует за себя и отдельно.

А состоят их танцы больше в движении руками, ногами, плечами и бедрами. У них, особенно у женщин, в руках пестро вышитые носовые платки, которыми они размахивают при танцах, оставаясь, однако, почти все время на одном месте.

После обеда мы снова сели в наши лодки и поплыли по реке Волхову. Более сотни детей вместе со старыми людьми стояли на стенах, глядя на нас. На берегу стоял монах, которого наши стрельцы подозревали, чтобы принять у него благословение. Это у них обычай такой: мы и потом довольно часто видели, как они, на поездке, проезжая мимо монастыря или попа, подходили к последнему и давали себя благословить или же, по крайней мере, перед крестами на придорожных часовнях делали поклоны и крестные знамения, приговаривая: «Господи, помилуй!»

Когда ветер стал попутным для нас, мы подняли паруса. Однако едва стали мы под паруса, как канат лопнул и парус упал на одного из наших стрельцов, свалившегося замертво. Когда он, однако, через час начал приходить в сознание и получил чарку водки, то у него все прошло.

Волхов — река почти той же ширины, как и Эльба, течет, однако, не так сильно; она вытекает из озера за Великим Новгородом, называющегося у них Ильмень-озером. Впадает она в Ладожское озеро.

В семи верстах от Ладоги (пять верст составляют одну немецкую милю) на этой реке пороги и еще через семь верст другие, через которые очень опасно переезжать в лодках, так как там река стрелою мчится вниз с больших камней и между ними. Поэтому, когда мы прибыли к первым порогам, то вышли из лодок и пошли берегом, дожидаясь, пока наши лодки сотнею людей перетаскивались через пороги на канатах. Однако все прошло счастливо, за исключением последней, в которой мы должны были оставить Симона Фризе, купеческого сына из Гамбурга, ввиду сильной болезни, которою он страдал. Когда эта лодка сильнее всего боролась с течением, вдруг разорвался канат, и она стрелою помчалась назад. Она, вероятно, достигла бы опять порогов, через которые ее с трудом перетаскивали, и, без сомнения, разбилась бы тут, если бы, по особому счастью, канат, значительный обрывок которого еще остался на лодке, не закинулся случайно за большой выдававшийся из воды камень, зацепившись за него с такой силою, что только с трудом можно было опять отвязать его. Нам сообщили, что на этом самом месте несколько ранее засело судно некоего епископа, нагруженное рыбою, и погибло вместе с епископом.

Через другие пороги, которые не так опасны, мы прошли к вечеру и, устроив ночевку у монастыря Николы на

Посаде, остались здесь до следующего дня, пока наши остальные лодки не подошли. Здесь, как и во все продолжение нашей поездки, мы испытывали много тягот, вследствие беспрерывного леса и сырого кустарника, от комаров, мух и ос, так что мы из-за них ни днем ни ночью не могли ехать или спать спокойно. Физиономии большинства наших людей, которые не береглись как следует, были так отделаны, точно у них была оспа. Гнуса этого в летнее время во всей Лифляндии и России так много, что путешественники принуждены раскрывать, в защиту от комаров, свои сетки или палатки, приготовленные из тонкого или особым способом сотканного, с мелкими дырочками, холста; там, где желают отдохнуть, разбивают эти палатки и скрываются под ними. [...] Крестьяне же и ямщики, у которых таких палаток нет, разводят большой огонь, усаживаются и ложатся к нему так близко, как только можно, и все-таки едва пользуются покоем.

Старый монах из вышеупомянутого монастыря, где всей братии было четверо, явился и принес послу для приветия редьку, огурцы, зеленого горошку и две восковые свечи. За это он получил подарок, так ему понравившийся, что он нам в угоду, против обыкновения их, отпер церковь и надел свое священническое одеяние. В преддверии на стенах были изображены; по его словам, чудеса св. Николая, наивно, и неискусно, как это обычно в произведениях их живописи. Над дверьми был изображен Страшный суд. Здесь монах, между прочим, показал нам человека в немецком одеянии и сказал: «И немцы и другие народы могут спастись, если только души у них русские и они, не боясь людей, поступают благо для бога». Он показал нам и библию их на славянском языке, так как ведь никто из русских, ни духовный, ни мирянин, не знает иного языка, помимо родного, кроме языка славянского. Он прочел нам первую главу Евангелия от Иоанна, оказавшуюся вполне согласно с нашим текстом. Знаком для отметки, как много им прочитано, была капелька воску. Он рассказал также, как он однажды был в Ревеле и как тамошние священники экзаменовали его из библии; он, правда, очень плохо понимал немецкого переводчика, но вполне мог рассказать все истории, когда увидел библейские картины. Монах нас, без сомнения, ввел бы и совершенно в церковь, если бы не подошли наши стрельцы и не начали ворчать, что он нас слишком далеко пустил. Мы подарили ему талер, за что он нам несколько раз поклонился до земли. Ко-

гда мы сидели на зеленой лужайке (мы, ввиду веселого местоположения, ежедневно так располагались) за столом, и тем временем поднялся попутный для нас ветер, монах снова пришел с большою редькою и полною чашкою с огурцами, говоря, что добрый ветер послан нам св. Николаем за наши благодеяния к нему, монаху.

С таким ветром мы в 2 часа пополудни стали под паруса и прошли 4 мили до деревни Городища. Так как место на берегу показалось нам веселее деревни, то мы здесь расположились с нашей кухнею и столом. Пристав прислал молодого медведя для забавы послам, так как они не желали здесь ложиться спать, а думали ехать дальше, как только лодочники немного отдохнут. После полуночи мы поехали дальше до деревни Сольцы, пройдя 4 мили. Наш пристав, отставший ночью, вновь вернулся к нам, приведя с собою и своего хозяина [...]. Хозяином этим был некий русский князь, по имени Роман Иванович, который пришел повидать и посетить послов. [...]

Вечером мы прошли 6 миль до села Грузина, откуда перед нами разбежались все крестьяне. Поэтому мы расположились на зеленой лужайке напротив деревни у пруда, развели три костра и остались здесь, пока собиралась ночь. Так как все мы днем спали в лодках, но никого из нас не клонило ко сну, и мы провели ночь, рассказывая разные веселые истории и забавляясь. В этом нам помогли двумя лютнями и игрою с медведем и стрельцы, получившие несколько чарок водки. Местность эта так полна журавлей, что мы их заметили болсе трехсот штук, стоявших у пруда друг возле друга.

К утру, около 3 часов, 26 июля мы снова собрались в путь и к полудню, пройдя 4 мили, прибыли к деревне Высокой. Когда пристав в полдень сидел у нас за обедом и в застольной молитве услышал имя Иисуса, он, по русскому способу, перекрестился и потом пожелал узнать смысл нашей молитвы по-русски. Когда он услышал его, то молитва ему очень понравилась и он сказал, что не ожидал, чтобы немцы были такие добрые христиане и богобоязненные люди.

27-го того же месяца мы проплыли весь день и всю ночь и на следующее утро к восходу солнца прибыли к деревне Кречевице, где должны были стоять и ждать, пока пристав не сообщил о прибытии нашем воеводе новгородскому—Новгород находится в двух милях отсюда — и не получил ответа от него. На расстоянии доброго от этой деревни выстрела лежит прекрасно построен-

ный монастырь, который одни зовут Хутынью, а другие Кречевицким Хутынским Спасовым монастырем. Он расположен в очень веселой местности, имеет игумена, 60 человек братии и 400 крестьян, которые содержат этот монастырь. Говорят, он ежегодно на свой счет должен был содержать 100 человек на службе его царского величества в Новгороде.

На следующее утро, а именно 28 июля, мы наконец въехали в Великий Новгород. Некоторые из нашего люду, которые, как выше сказано, были посланы вперед по санному пути и уже более 4 месяцев с нетерпением ждали нашего прибытия, от сильной радости выехали на лодке больше чем за милю навстречу нам.

Воевода, для привета нам, прислал в гостиницу бочку пива, меду и бочонок водки. В виде обратного подарка ему был послан серебряный позолоченный прибор для питья.

Мы оставались в Новгороде в бездействии четверо суток и в последнее число июля, к вечеру, отправились дальше до Бронниц водою, так как, из-за болотистой, топкой местности, невозможно было ехать сушею.

1 августа, когда мы в Бронницах у реки перенесли наши вещи на берег, в эту местность явились и русские, в процессии для водосвятия, в следующем порядке. Сначала шли двое мужчин; они несли на длинных шестах один — крест, в четырех концах которого были изображены евангелисты, другой — древней живописи картину, обвешанную белым платком; за ним шел священник в богослужебной ризе, неся обеими руками деревянный крест длиною с пядень; он шел вместе с мальчиком, несшим за ним книгу. Далее следовали крестьяне с женами и детьми. Все взрослые несли в руках по горящей восковой свече, а позади шел причетник, держа в руках более десяти восковых свечей, скрученных вместе и горевших. Когда священник пошел и почитал с добрых полчаса на берегу, он взял скрученные восковые свечи и ткнул их в воду; тогда и все остальные погасили свои свечи. Потом священник трижды погрузил крест в воду и дал воде с него стечь в сосуд. Такая вода считается самою святою. Когда это случилось, женщины схватили своих детей, малых и больших, в сорочках и без них, и трижды окунули их в воду; а некоторые взрослые сами бросились в нее. Наконец они и лошадей привели, чтобы напоить их столь святою и целительною водою.[...]

После обеда, в 4 часа, мы сели на лошадей, а вещи наши и утварь послали вперед на 50 подводях. Этот ба-

гаж повстречали на дороге несколько немецких солдат, вышедших в отставку в Москве; они понавелись в корзину с провизиею, выбили дно в бочке с пивом, напились и отняли у нашего конвойного стрельца его саблю. Когда они наткнулись на нас и сделанное ими дело стало известно, двое из них были сильно избиты нашим приставом и шпаги и ружья у них были отняты. Мы в этот вечер прошли три мили до деревни Красные Станки. 2-го того же месяца мы прошли 8 миль до яма Крестцы. Русские называют «ямами» те места, где меняют лошадей и получают свежих.

3-го того же месяца вы прошли 6 миль до Яжелбицы, небольшой деревни, откуда крестьяне также бежали. Так как наш повар отправился за 2 мили вперед для заказа кухни, а мы из-за плохой дороги не могли поспеть за ним в тот же вечер, то в этот день нам пришлось провести ночь на поле, без еды.

В эти дни мы встретили несколько военных офицеров, которые, по окончании войны под Смоленском, возвращались из Москвы. Так, например, 4-го с. м. в яме Зимогорье мы встретили полковника Фукса, а в Волочке, другом яме,— полковника Шарльса с другими офицерами. Когда они пришли посетить послов, их угостили испанским вином. Так как несколько часов подряд сильно пили, то наш трубач Каспер Герцберг до того захмелел, что спяна смертельно ранил шпагою одного из наших стрельцов. Раненого мы оставили лежать, дали ему и тем, кто должны были ухаживать за ним, немного денег и отправились дальше. Этот трубач по окончании персидского путешествия был сам в Москве, куда он поступил на великокняжескую службу, гнусным образом заколот каким-то негодяем.

5-го рано утром мы прошли через пустую деревню, так как крестьяне разбежались в лес перед шедшими из Москвы немецкими солдатами. Вечером пришли мы к селу Коломенскому, находящемуся на берегу стоячего озера. Недалеко отсюда нашли мы в кустах у дороги очень большой широкий камень, лежавший точно надгробная плита. Его тиран Иван Васильевич хотел перевезти из Лифляндии в Москву. Когда, однако, возчики услышали, что тиран умер, они тотчас сбросили камень и оставили его лежать. Такие камни, которые должны были быть доставлены из Ревеля в Москву, лежат и дальше, на расстоянии одного дня пути, у реки, через которую нужно переправляться.

7-го прибыли мы в деревню Будово, где живет рус-

ский князь. Едва прибыли мы в деревню, как наши лошади начали скакать, лягаться и бегать, точно они взбесились, так что иные из нас оказались на земле раньше, чем самостоятельно успели спуститься. Мы сначала не знали, в чем дело; когда мы, однако, поняли, что явление это зависит от пчел, которых в этой деревне очень много, да почувствовали, что и сами мы не смогли бы обезопасить себя от них, то мы накинули наши кафтаны на головы, выехали из деревни и расположились в открытом поле на зеленом пригорке. Позже нам сообщили, что крестьяне раздражили пчел, чтобы выжить нас из деревни. Как гласит история, к подобной хитрости будто бы прибегали и другие: рассказывают, что осажденные в некоем городе бросали со стены рои пчел на врага, вследствие чего всадники и лошади испытывали мучения: лошади стали сильно лягаться, изранили друг друга, и враг принужден был отступить.

8 августа мы вновь достигли какого-то яма и прибыли к городку Торжку. Он лежит с правой стороны дороги, немного поодаль ее, и окружен забором и бревенчатыми укреплениями. Здесь находят хороший хлеб, мед и пиво. Так как нас не пускали в город, но поместили в нескольких домах перед городом, то господа послы велели на зеленом холме устроить хижину из зеленых ветвей: здесь они пообедали и переночевали кое с кем из своего люду.

На следующий день мы перешли через две речки — одну сейчас же за Торжком, другую в 2 верстах от Медной. Вечером были мы перед Тверью, в 12 милях от Торжка. Тверь несколько больше Торжка и лежит на холме за рекою; это епископская резиденция; здесь, как и в Торжке, имеется воевода. Перед городом соединяются, образуя довольно широкую реку, река Твер[ца], от которой город имеет свое название, и Волга, протекающая 600 немецких миль через Россию и Татарию и впадающая в Каспийское море. Здесь нам пришлось переправляться на плоту, и нас поместили за городом в мызе. Так как здесь последний ям, то нам дали свежих лошадей, которые должны были окончательно доставить нас в Москву.

13 августа мы достигли последнего села перед Москвою, Николы Нахимского, в двух милях от города. Отсюда пристав послал эстафету в Москву для сообщения о нашем прибытии.

Как нас перед городом Москвою приняли и ввели в город

14-го рано утром пристав со своим переводчиком и писцом предстали перед господами послами, поблагодарили их за оказанные нами им во время поездки благодеяния и тут же просили прощения в том, если они служили нам не так, как следует. Приставу подарен был большой бокал, толмачу и другим даны были деньги. Когда эстафета вернулась опять из города, мы приготовились к въезду в следующем порядке:

1. Спереди ехали стрельцы, которые нас сопровождали.

2. Трое из наших людей: Яков Шева (фурьер), Михаил Кордес, Иоганн Алльгейер, все в ряд.

3. Далее следовали 3 ведшиеся за уздцы лошади, вороная и две серые в яблоках, одна за другою.

4. Трубач.

5. Маршал.

Затем следовали:

6. Гоф-юнкеры и прислужники при столе, по трое в ряд, в трех шеренгах.

7. Далее секретарь, лейб-медик и гофмейстер.

8. Господа послы, перед каждым из которых шли четыре телохранителя-стрелка с мушкетами.

9. Пристав ехал по правую руку от послов, несколько в стороне.

10. Следовали пажы, всего шестеро, в двух шеренгах.

11. Карета, запряженная 4 серыми в яблоках лошадьми.

12. Каретник, с другими 8 лицами, в трех шеренгах.

13. Некоторые из княжеских подарков, которые предполагалось поднести великому князю, неслись на пяти подставках вроде носилок, покрытых коврами.

14. Коляска, в которой ехал больной Симон Фризе.

15. Далее следовали 46 простых повозок с нашим скарбом.

16. В самом конце ехали три мальчика.

Когда мы в таком порядке медленно подвигались вперед и находились едва в полумиле от города, прибыли десять конных эстафет, ехавших во весь карьер. Один за другим подъезжали они к нам, указывали приставам, где теперь находятся русские, долженствующие нас при-

нять, и приносили приказания ехать то быстрее, то опять медленнее, то вновь быстрее, чтобы одна партия не прибыла раньше другой на определенное место и не была принуждена поджидать. Тем временем к нам навстречу шли разные отряды разодетых русских, мчались мимо нас и опять возвращались обратно. Здесь находились и некоторые из людей, состоявших при шведских господах послах; их, однако, не подпустили подать нам руки, и им пришлось кричать нам издали. Когда мы подошли на $\frac{1}{4}$ мили к городу, то мы застали сначала стоявших в очень хорошем строю четыре тысячи русских в дорогих одеждах и на лошадях. Нам пришлось ехать сквозь их строй.

Когда мы подвинулись вперед на выстрел из пистолета, подъехали два пристава в одеждах из золотой парчи и высоких собольих шапках, на прекрасно убранных белых лошадях. Вместо поводьев у лошадей были очень большие серебряные цепи со звеньями шириною более чем в два дюйма, но толщиною не шире тупой стороны ножа, притом столь великими, что почти можно было просунуть руку; эти цепи при движении лошадей производили сильный шум и странный звон. За ними следовал великокняжеский шталмейстер с 20 белыми лошадьми, ведшимися за уздцы, и еще большое количество народа, верхами и пешком. Когда они подошли к послам, приставы и послы сошли с лошадей, старший пристав обнажил свою голову и начал так: «Великий государь царь и великий князь Михаил Федорович, всея России самодержец, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский, государь Псковский, великий князь Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода низовья земли, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский и всея северных страны повелитель, государь Иверския страны, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских князей и иных многих государств государь и обладатель и проч., велит вас, герцога шлезвигского, голштинского, стормарнского и дитмарсенского, графа ольденбургского и дельменгорстского, великих послов, чрез нас, принять, жалует вас и ваших гоф-юнкеров для въезда своими лошадьми, а нас обоих назначает приставами, чтобы вам, пока вы будете находиться в Москве, служить и доставлять все необходимое». Когда посол Филипп Крузигус ответил на это, то послам для въезда были подведе-

ны две большие белые лошади, покрытые вышитыми немецкими седлами и украшенные разными уборами.

Как только господа послы сели, прежний пристав с казаками, ведший нас от границы до Москвы, должен был отъехать от нас. Новые приставы были Андрей Васильевич Усов и Богдан Федорович. Для знатнейших из людей при посольстве были поданы еще десять белых лошадей в русских седлах, покрытых золотой парчою. И так послы поехали между обоих приставов. Вообще же русские, если три и более человек идут или едут рядом, считают высшим местом то, на котором правая рука наружу и свободна [т. е. никого нет правее]. За лошадьми шли русские слуги и несли попоны, сделанные из барсовых шкур, парчи и красного сукна. Рядом с послами ехали верхом другие москвиты густою толпою вплоть до города и посольского дома. Нас поместили внутри Белой стены, в пределах так называемого Царьгорода, т. е. императорского города. При въезде мы видели на всех улицах и на домах бесчисленное множество народу, стоявшего, чтобы смотреть на наш въезд. Однако улицы были весьма опустошены сильным пожаром, бывшим перед самым нашим приездом и испепелившим более пяти тысяч домов. Люди должны были там и сям жить в палатках, да и мы не были помещены в посольском дворе, который также сгорел, а в двух деревянных обывательских домах.

Как нас в Москве принимали: о первой публичной аудиенции и о прибытии Спиринга в Москву

Через полчаса после нашего прибытия в Москву, для приветствия нас, из великокняжеских кухни и погреба была прислана нам провизия, а именно: 8 овец, 30 кур, много пшеничного и ржаного хлеба и потом еще 22 различных напитка: вино, пиво, мед и водка, один напиток лучше другого; их принесли 32 русских, шедших гуськом друг за другом. Подобного рода провизия подобным же образом доставлялась нам ежедневно, однако только в половинном размере. У них ведь такой обычай, что послы в первый день своего прибытия, а также в дни, когда они побывают у руки его царского величества, постоянно получают двойное угощение.

По передаче этого угощения передний двор нашего помещения был заперт и стал охраняться 12 стрельцами, так что никто ни от нас не мог выйти, ни к нам кто-либо

чужой зайти — до допущения нас к первой аудиенции. Приставы же ежедневно заходили для посещения послов, а также чтобы справиться, не нуждаются ли они в чем-либо. У нас же во дворе всегда должен был оставаться один из русских толмачей, который посылал стрельцов служить нам и покупать всякие нужные вещи, по нашему требованию. Этот толмач, по имени Иван, был русский по происхождению, находился в плену у поляков, а затем два года служил лакеем его княжеской милости Янушу Радзивиллу, когда тот обучался в университете в Лейпциге; тут-то он и научился немецкому языку.

15 августа у русских был большой праздник, а именно успение девы Марии, когда у них кончался пост, начинающийся 1 августа, и они снова ели мясо.

17-го с. м. его царское величество отправился в некое село на паломничество для молитвы; не будь этого, мы, по словам пристава, получили бы в этот день аудиенцию. Зато и мы совершили благодарственное моление богу с проповедью и с музыкою, в ознаменование благополучного прибытия на место. К этому празднику, с соизволения великого князя, явился также жительствующий здесь нашего милостивого князя и государя комиссар Балтазар Мушерон. Он сообщил, что порядок наш при въезде очень понравился русским: они удивлялись, как это в Германии имеются столь знатные князья, что они могут снаряжать такие видные посольства. Дело в том, что их князья, даже самые знатнейшие по имениям и доходам, могут быть приравняемы только нашим немецким простым дворянам.

18-го с. м. пришли приставы и сообщили, что его царское величество завтра желает дать господам послам публичную аудиенцию и что по сему случаю нам надлежит быть в готовности. Они же, от имени государственного канцлера, пожелали иметь список княжеских подарков, имеющих быть поднесенными; список и был им передан. После обеда пришел младший пристав, чтобы вновь нас известить, что завтра мы будем допущены к руке его царского величества.

Так как в предыдущий день мы слышали бесчисленное количество выстрелов из орудий и видели из нашего помещения много орудий на некоем поле, но не знали, что все это обозначало, то пристав разъяснил нам: «Его царское величество велел испробовать несколько новых орудий и сам глядел на эту пробу из окна». Другие, однако, думали, что сделано это было с тою целью, чтобы шведские послы поняли, что не все орудия — как это рас-

сказывалось — остались под Смоленском, но что их еще имеется очень много.

Рано утром 19 августа приставы явились вновь, чтобы узнать, собираемся ли мы в путь, и когда они увидели, что мы вполне готовы, то поспешно поскакали опять к Кремлю. Вслед за тем доставлены были великокняжеские белые лошади для поезда. В 9 часов приставы вернулись в обыкновенных своих одеждах, велев нести за собою новые кафтаны и высокие шапки, взятые ими из великокняжеского гардероба; приставы одели их в передней у послов, где они в нашем присутствии разубрались наилучшим образом. После этого мы в плащах, но без шпаг (таков у них обычай: никто со шпагою не смеет явиться перед его царским величеством) сели на коней и отправились к Кремлю в таком порядке:

Спереди 36 стрельцов.

Наш маршал.

Три низших гоф-юнкера.

Другие три гоф-юнкера.

Комиссар, секретарь и медик, в одной шеренге.

Далее следовали княжеские подарки, один за другим; их вели и несли русские. Подарки были следующие:

1. Вороной жеребец, покрытый красивою попоною.
2. Серый в яблоках мерин.
3. Еще гнедая лошадь.
4. Конская сбруя, прекрасно выработанная из серебра, осыпанная бирюзой, рубинами и другими камнями; ее несли двое русских.
5. Крест длиною почти с четверть локтя, из хризолитов, оправленных в золото; его несли на блюде.
6. Дорогая химическая аптечка; ее ящик был из черного дерева, окованного золотом; баночки также из золота, обсаженного драгоценными камнями; ее несли двое русских.
7. Хрустальная кружечка, обитая золотом и осыпанная рубинами.
8. Большое зеркало, длиною в 5 четвертей и шириною в локоть, в раме из черного дерева, покрытого толстыми, литыми из серебра листьями и рисунками; его несли двое русских.
9. Искусственная горка, с боевыми часами, с изображением при них истории блудного сына в подвижных картинах.
10. Серебряный позолоченный посох со зрительною трубою в нем.

II. Большие часы, вделанные в черное дерево, обитое серебром.

За этими подарками шли два камер-юнкера, которые в вытянутых руках держали верительные грамоты; одну к великому князю и одну к патриарху, отцу его царского величества, Филарету Никитичу; хотя этот последний, пока мы были в дороге, и скончался, тем не менее сочтено было за благо передать это послание великому князю.

Далее ехали оба господина посла между приставами, перед которыми ехали два толмача.

Рядом с послами шли четыре лакея, а за ними прислуживающие отроки, или пажи.

От посольского двора до зала аудиенции в Кремле, на протяжении восьмушки мили, были расставлены более двух тысяч стрельцов, или мушкетеров, с обеих сторон, тесно друг к другу; мы должны были проехать сквозь их строй. За ними, во всех переулках, домах и на крышах, стояла густая толпа народа, глядевшая на наш поезд. По дороге несколько эстафет, во весь карьер, неслись к нам из Кремля навстречу, указывая приставам, чтобы мы то быстро, то медленно ехали, то, наконец, останавливались, чтобы его царскому величеству не пришлось сесть на трон для аудиенции раньше или позже прибытия послов.

Проехав на верхней площади Кремля мимо Посольского приказа и сойдя с лошадей, наши офицеры и гоф-юнкеры выстроились в порядке. Маршал пошел впереди презентов, или подарков, а мы шли перед господами послами. Нас повели налево через сводчатый проход и в нем мимо очень красивой церкви (это, говорят, собор) в залу аудиенции, находящуюся направо на верхней площади. Нас потому должны были провести мимо их церкви, что мы христиане. Турок, татар и персов ведут не по этой дороге, но сразу же через середину площади и вверх по широкому крыльцу.

Перед аудиенц-залом мы должны были пройти через сводчатое помещение, в котором вдоль стены сидели и стояли старые осанистые мужчины с длинными седыми бородами, в золотых одеждах и высоких собольих шапках. Это, говорят, «гости» его царского величества, или именитейшие купцы; одежда на них принадлежит его царского величества сокровищнице и выдается только при обстоятельствах, подобных настоящему, а затем сдается обратно.

Когда послы пришли пред двери этой передней, из аудиенц-зала вышли двое посланных его царским вели-

чеством бояр в золотых, вышитых жемчугом кафтанах, приняли послов и сказали, что его царское величество пожаловал их, допустив явиться перед ним как их самих, так и их гоф-юнкеров. Подарки были оставлены в этом помещении, а послов, за которыми прошли их офицеры, гоф-юнкеры и пажи, провели внутрь к его царскому величеству. Когда они вошли в дверь, знатнейший переводчик царя Ганс Гельмес, мужчина в ту пору лет 60-ти (он был жив еще в 1654 году и отправлял свою должность), выступил вперед, пожелал великому государю царю и великому князю счастья, продолжительной жизни и объявил о прибытии голштинских послов. Аудиенц-зал представлял собою четырехугольное каменное сводчатое помещение, покрытое снизу и по сторонам красивыми коврами и сверху украшенное рисунками из библейской истории, изображенными золотом и разными красками. Трон великого князя сзади у стены поднимался от земли на три ступени, был окружен четырьмя серебряными и позолоченными колонками, или столбиками, толщиной в три дюйма; на них покоился балдахин в виде башенки, поднимавшейся на 3 локтя в высоту. С каждой стороны балдахина стояло по серебряному орлу с распростертыми крыльями. Впрочем, в это время готовили как раз трон гораздо более великолепный и роскошный, на который отпущено было 800 фунтов серебра и 1100 дукатов для позолоты; его, со всеми расходами на него, ценили в 25 000 талеров. Три года над ним работали немцы и русские, причем самым видным мастером в этом деле был житель Нюрнберга Исая Цинкгрэфф.

На вышеозначенном престоле сидел его царское величество в кафтане, осыпанном всевозможными драгоценными камнями и вышитом крупным жемчугом. Корона, которая была на нем поверх черной собольей шапки, была покрыта крупными алмазами, так же как и золотой скипетр, который он, вероятно ввиду его тяжести, по временам перекладывал из руки в руку. Перед тронном его царского величества стояли четыре молодых и крепких князя, по двое с каждой стороны, в белых дамастовых кафтанах, в шапках из рысьего меха и белых сапогах; на груди у них крестообразно висели золотые цепи. Каждый держал на плече серебряный топорик, как бы приготовившись ударить им. У стен кругом слева и напротив царя сидели знатнейшие бояре, князья и государственные советники, человек с 50, все в очень роскошных одеждах и высоких черных лисьих шапках, которые они,

по своему обычаю, постоянно удерживали на головах. В пяти шагах от трона вправо стоял государственный канцлер. Рядом с престолом великого князя направо стояла золотая держава, величиною с шар для игры в кегли, на серебряной резной пирамиде, которая была высотой в два локтя. Рядом с державою стояла золотая чаша для умывания и рукомойник с полотенцем, чтобы его царское величество, как послы приложатся к его руке, снова мог умыться. [...]

Его царское величество только христианам позволяет целовать ему руку, но отнюдь не турецким, персидским и татарским послам. Поссевину это мытье рук очень не нравится; он говорит: «*Quod quasi ad expiationem soleat abluere*» («Точно для искупления греха он умывает свои руки»). [...]

Итак, когда послы с должною почитательностью вошли, они сейчас же были поставлены против его царского величества, в десяти от него шагах. За ними стали их знатнейшие слуги, справа же два наших дворянина с верительными грамотами, которые все время держались в протянутых вверх руках. Великокняжеский переводчик Ганс Гельмес стал с левой стороны послов. После этого его царское величество сделал знак государственному канцлеру и велел сказать послам, что он жалует их — позволяет поцеловать ему руку. Когда они, один за другим, стали подходить, его царское величество взял скипетр в левую руку и предлагал каждому, с любезною улыбкою, правую свою руку: ее целовали, не трогая ее, однако, руками. Потом государственный канцлер сказал: «Пусть господа послы сообщат, что им полагается». Начал говорить посол Филипп Крузиус. Он принес его царскому величеству приветствие от его княжеской светлости, нашего милостивейшего князя и государя, с одновременным выражением соблезнования по поводу смерти патриарха: его-де княжеская светлость полагал, что бог еще сохранит ему жизнь по сию пору; оттого-то и на его имя была отправлена грамота, которую они, послы, наравне с обращенною к его царскому величеству, ныне намерены передать с достодолжною почитательностью. После этого послы взяли верительные грамоты и направились к его царскому величеству, сделавшему знак канцлеру, чтобы тот принял грамоты.

Когда послы опять отступили назад, его царское величество снова подозвал знаком государственного канцлера и сказал, что ему отвечать послам. Канцлер от царского престола прошел пять шагов по направлению к

послам и сказал: «Великий государь царь и великий князь (и прочее) велит сказать тебе, послу Филиппу Крузиусу, и тебе, послу Оттону Брюггеману, что он вашего князя герцога Фридерика грамоту принял, велит ее перевести на русский язык и через бояр на нее дать ответ, герцогу же Фридерiku он напишет в иное время». Читая по записке титулы великого князя и его княжеской светлости, канцлер обнажал голову, а потом сейчас же снова надевал шапку. Позади послов была поставлена скамейка, покрытая ковром; на нее послы, по желанию его царского величества, должны были сесть. Потом канцлеру велено было сказать: «Его царское величество жалует и знатнейших посольских слуг и гоф-юнкеров, дает им облобызать свою руку».

Когда это было сделано, его царское величество немного приподнялся на троне и сам спросил послов в таких словах: «Князь Фридерик еще здоров?»⁹ На это был дан ответ: «Мы, слава богу, оставили его княжескую светлость, при нашем отбытии, в добром здравии и благоденствии. Бог да пошлет его царскому величеству и его княжеской светлости и в дальнейшем здоровья и счастливом правлении».

После этого выступил гофмейстер великого князя, прочел список княжеских подарков, которые тотчас же были внесены и держаны на виду, пока канцлер не кивнул, чтобы их вновь вынесли. Затем канцлер продолжал говорить и сказал: «Царь и великий князь всея России и государь и обладатель многих государств пожаловал господ послов, дал им говорить далее». Послы после этого, в силу капитуляций по персидским делам, заключенных между его королевским величеством шведским и его княжескою светлостью шлезвиг-голштинским, просили тайной аудиенции, одновременной со шведскими господами послами.

На это его царское величество велел спросить, как поживают послы, и передать им, что он жалует их сегодня кушаньем со своего стола. После этого господа послы были выведены теми же двумя боярами, которые раньше ввели их. Мы, с приставами и стрельцами, в прежнем порядке отправились опять верхами домой.

Вскоре после этого прибыл великокняжеский камер-юнкер, некий князь, высокий, осанистый мужчина, в великолепном платье, верхом на красиво разукрашенной лошади. За ним следовали много русских. Они должны были от имени его царского величества угостить послов. Некоторые из людей князя накрыли стол длинною бе-

люю скатертью и поставили на нее серебряную солонку с мелко натертой солью, две серебряных кружечки с уксусом, несколько больших бокалов, или чар, чаши для меду диаметром в 1½ четверти (три из чистого золота и две серебряных), длинный нож и вилку.

Великокняжеский посланец сел сверху стола и попросил послов сесть с ним рядом. Наши гоф-юнкеры прислуживали за столом. Посланец велел поставить перед послами три больших бокала, наполненных вином аликанте, рейнским вином и медом, и приказал затем подавать на стол в 38 большею частью серебряных, но не особенно чистых больших блюдах, одно за другим, всякие вареные и жареные, а также печеные кушанья. Если не было места, то ранее поставленное опять убиралось. Когда последнее блюдо было подано на стол, князь поднялся, стал перед столом, кивнул послам, чтобы и они стали перед столом, и сказал: вот кушанья, которые его царское величество, чрез него, велел подать великим голштинским послам: пусть они ими угощаются. После этого он взял большую золотую чашу, наполненную очень сладким и вкусным малиновым медом, и выпил перед послами за здоровье его царского величества. После этого он и послам и каждому из нас дал в руки по такому же сосуду с напитками, и мы все вместе должны были их выпить. Один из нас, стоявший несколько поодаль от него и не могший из-за множества народа, стоявшего вокруг, получить чашу из его рук, хотел, чтобы чаша была ему передана через стол. Князь, однако, не позволил этого, кивнул ему, чтобы он вышел из-за стола, и сказал: «Стол теперь знаменует собою стол русского императора: никто не смеет становиться за ним, но следует стоять перед ним».

За первым тостом подобным же образом воспоследовал тост за его княжескую светлость, нашего милостивейшего князя и государя, в таких словах: «Бог сохранит князя Фридерика в долговременном здоровье и даст, чтобы он и его царское величество пребыли во все времена в добром единении и дружбе». Наконец пили круговую и за здоровье молодого принца, государя-наследника его царского величества.

После этого они опять сели за стол: пили еще несколько чаш вишневого и ежевичного меду. Послы подарили посланцу позолоченный бокал [...]. Он велел его нести перед собою и опять верхом отправился в Кремль, где он показал великому князю, что им было получено. У них существует такой обычай, что все принятые в по-

добных случаях от чужеземцев подношения, равно как и подарки, полученные посланцами к чужим государям, должны быть, по возвращении, показаны великому князю. Тиранический великий князь Иван Васильевич иной раз даже присваивал и задерживал у себя эти подарки, как рассказывает Герберштейн в своих «*Regum Moscoviticarum commentarii*».

20 августа наши приставы опять пришли к нам и сообщили: его царское величество жалует нас — дозволяет выходить. Город нам открыт. Буде угодно ехать верхом, нам будут доставлены лошади. Разрешено также шведским послам и их людям приходиться к нам, а нам к ним. Это было большое чудо: ведь у московитов раньше существовал обычай, что никто ни из послов, ни из людей их, пока они находились в Москве, не смел выходить один. Даже если им приходилось справлять что-либо нужное вне дома, то и тогда стрелец должен был сопровождать их. Нам же из особого благорасположения, как и шведам, дана была эта свобода выходить без сопровождения стрельцов.

Когда русские услышали, что наши господа охотно посетили бы шведских господ послов, то на третий день после этого пришли к нам приставы с великокняжеским подшталмейстером, привели 6 лошадей его царского величества и проводили наших послов к господам шведам. После этого мы зачастую сходились, не встречая ни малейшего противоречия со стороны русских.

23-го с. м. господа послы пригласили к себе в гости нескольких добрых друзей из числа немцев, и между прочими лейб-медика и аптекаря его царского величества. Когда, однако, эти последние попросили канцлера о позволении, им было отказано с запретом в течение трех дней заходить к нам. Дело в том, что русские еще не успели, как это у них принято, произвести расценку княжеских подарков. А так как среди подарков находилась химическая аптека, то медик и аптекарь были привлечены к участию в расценке.

24-го с. м. прибыл к Москве вышеупомянутый Аренд Спиринг, главноуправляющий ведомством торговых налогов в Лифляндии. Русские сначала не хотели ввести его с обычным великолепием, как посла. Когда, однако, другие шведские послы на это обиделись и стали возражать, то русские все-таки в конце концов послали ему навстречу за город пристава, чтобы тот принял и ввел его.

Как русские справляют свой Новый год

1 сентября русские торжественно справляли свой Новый год. Они ведь считают свои годы от сотворения мира и уверены, подобно некоторым старинным еврейским и греческим писателям, с которыми и иные наши ученые согласны, что мир начался осенью. [...]

Московитский год в то время (в год по Р. Х. 1634) был 7142-й. Русские, приняв от греков веру, захотели последовать им и в их летосчислении.

Греческая и восточные церкви утверждают, что они придерживаются хронологии Никифора; они насчитывают от начала мира до рождества Христова 5508 лет, хотя Никифор и считает всего 5500 лет. Если теперь причислить сюда тогдашнюю цифру года от Р. Х., а именно 1634, то получится 7142. Таким образом, нынешний 1654 год пишется московитами и греческими христианами 7162-м. Мы же, согласно истине библейских рассказов о создании мира в 3949 году до Р. Х., должны считать теперь 5603-й год.

Процессия, которую устроили русские, справляя этот праздник, была очень красива на вид. На кремлевской площади собрались более двадцати тысяч человек, молодых и старых. На верхнюю площадь вышел патриарх со всем клиром, с почти 400 попов в священническом убранстве, с очень многими хоругвями, иконами и раскрытыми старыми книгами. Они вышли из церкви, лежащей по правую руку, если подниматься вверх. Его царское величество, со своими государственными советниками, боярами и князьями, вышел с левой стороны площади. Великий князь с обнаженной головой и патриарх в епископской митре, оба поодиночке, выступили вперед и поцеловали друг друга в уста. Патриарх также подал его царскому величеству, чтобы тот мог приложиться, крест с пядень длиною, осыпанный большими алмазами и другими драгоценными камнями. Затем он во многих словах произнес благословение его царскому величеству и всей общине, а также пожелал всем счастья к Новому году. Народ кричал в ответ: «Амины!» Тут же стояло бесчисленное количество русских, державших вверх свои прошения. Со многими криками бросали они эти прошения в сторону великого князя; потом прошения эти собирались и уносились в покои его царского величества. Затем, в чинной процессии, каждый опять вернулся на свое место.

**О первой тайной аудиенции,
а также о том,
каков был въезд татарских послов.
О рождении великокняжеской дочери**

3 сентября некоторых из шведских господ послов: господина Гилленшерну, господина Буреуса и господина Спиринга, коих поручение совпадало с нашим делом (остальные господа послы, как-то: господин Филипп Шейдинг и полковник Генрик Флеминг, были посланы только по делам короны шведской), повели к публичной аудиенции с тем же великолепием, как наших послов. Так как и они просили, чтобы им разрешили прийти на тайную аудиенцию одновременно с нами, то просьба эта была уважена. Итак, 5-го с. м. мы вместе с ними, с обычным великолепием, совершили свой выезд. Их повели через верхнюю площадь Кремля налево (через помещение, которое, как и в день публичной аудиенции, было полно старых осанистых мужчин, сидевших в золотых платьях и высоких шапках), в комнату для тайной аудиенции. В этой комнате сидели четыре лица, коим было поручено дать нам тайную аудиенцию, а именно два боярина и два канцлера [дьяка]— все одетые в весьма великолепные одежды: их кафтаны были из золотой парчи и широко вышиты очень крупным жемчугом и драгоценными камнями; большие золотые цепи крестообразно висели у них на груди. У каждого боярина на голове находилась шапочка (вроде наших калотт), вся вышитая крупным жемчугом, с драгоценным камнем на верхушке. Двое других [т. е. дьяки] сидели в обычных высоких черных лисьих шапках. Послы были любезно приняты ими и приглашены сесть с ними рядом. Бояре сидели сначала на высшем месте, а именно позади в комнате у окна, где боковые скамейки сходились углом. Послов же посадили сзади у стены, а два канцлера заняли свои места спереди, напротив послов, на скамейке без спинки (каковые скамейки в России общеупотребительны). Посреди этих усевшихся здесь господ стал и тайный его царского величества переводчик Ганс Гельмес. Что же касается наших людей и приставов, которые привели послов в комнату, то они должны были выйти в сени, за исключением двух секретарей и двух толмачей, которые, наряду с русским писцом, остались стоять здесь для записи протокола.

Едва господа уселись, как высший боярин задал вопрос: достаточно ли снабжены господа послы едою и питьем и другими необходимыми вещами? Когда выра-

жена была благодарность за хорошее угощение и за изобилие всего, они встали, обнажив свои головы, и первый начал говорить: «Великий государь царь и великий князь (далее следовало чтение всего титула, после чего все опять сели) велит сказать вам, королевским и княжеским послам, что он приказал перевести грамоты на русский язык, прочел их да и вашу устную речь прослушал в публичной аудиенции».

Затем начал говорить второй (опять приподнимаясь, как и предыдущий): «Великий государь и проч. желает королеве шведской и князю голштинскому всякого благополучия и победы над их врагами и дает вам знать, что королевские и княжеские грамоты им прилежно читаны и что их мнение им из грамот узнано».

Третий сказал с подобными же церемониями: «Великий государь и пр. узнал из грамот, что вам в том, что вы будете говорить, надо иметь веру. Это и будет сделано, и его царское величество даст вам ответ».

Четвертый сказал, [что] его царским величеством они отряжены, чтобы узнать, каковы будут предложение и просьба послов. Затем он прочитал имена тех лиц, которые назначены его царским величеством к участию в тайной аудиенции. Это были:

Наместник тверской князь Борис Михайлович Лыков-Оболенский.

Наместник новоторжский Василий Иванович Стрешнев.

Два думных дьяка, а именно:

Иван Тарасович Грамотин, хранитель печати и оберканцлер, и

Иван Афанасьевич Гавренев, подканцлер.

По прочтении всех этих имен все опять поднялись с мест, и королевский шведский посол господин Эрик Гилленшерна начал по-немецки, от имени ее величества королевы шведской, благодарить за то, что его царское величество допустил их на тайную аудиенцию; затем он прочитал свое предложение, или пропозицию, изложенную на листе бумаги. Когда после этого перешли к чтению еще и нашей пропозиции, оказавшейся несколько более длинной, а советникам показалось, что время уже затянулось, то они потребовали передачи обеих письменно изложенных пропозиций и пошли с ними наверх к его царскому величеству. Послы тем временем оставались одни в комнате для тайной аудиенции.

Тут наши приставы и некоторые из людей свиты вновь вошли к послам, Немногим более чем через полча-

са явился один подканцлер с сообщением: на этот раз с нас достаточно: мы можем опять ехать домой; пропозиции будут немедленно переведены, и тогда нам будет дан ответ. И вот мы опять поехали на наше место.

12-го с. м. три татарских посла, без всякой пышности, ездили представляться. Они были посланы черкасским принцем, вассалом его царского величества. За ними бежали 16 прислужников. Они поехали в Кремль в красных кафтанах из грубого сукна, но вернулись в кафтанах из шелкового дамаста, красных и желтых, подаренных им великим князем.

Такие посольства, как говорят, присылаются ежегодно как этими, так и другими татарами, хотя никаких важных предложений они и не делают. Приезжают они больше всего ради одежды и подарков, зная, что всегда им дадут чего-нибудь.

15-го с. м. прибыли приставы и сообщили, что в предыдущий день великая княгиня разрешилась от бремени дочерью, которая уже крещена и названа Софиею. Русские вообще не оставляют своих детей долго некрещеными да и не устраивают на крестинах такого торжества и пиршеств, как в Германии. Говорят, патриарх был крестным отцом, как у всех прочих детей великого князя. И мы должны были участвовать в этой радости: «корм», или провиант, наш в этот день был удвоен. [...]

О Русском государстве, его провинциях, реках и городах

Россия, или, как некоторые говорят, Белая Русь (именуемая по главному и столичному городу Москве, лежащему в середине страны, обыкновенно Московнею), является одною из самых крайних частей Европы, граничит с Азиею и имеет весьма большое протяжение: она простирается по длине на 30°, или 450 немецких миль, по ширине на 16°, или [2]40 миль. Если обратить внимание на то, что теперь находится под властью царя, или московского великого князя, то оказывается, что границы России на север, или полночь, заходят за Полярный круг и примыкают к Ледовитому океану, на восток, или утро, доходят до большой реки Обь, протекающей через Ногайскую Татарию; на юге, или к полудню, примыкают к крымским, или перекопским, татарам, а на западе, или к вечеру, соседями России являются Литва, Польша, Лифляндия и Швеция.

Русская земля делится на разные княжества и про-

винции, большею частью вошедшие в содержание титула великого князя [...]. Первым и важнейшим из них было раньше княжество Володимерское, или Владимирское, как теперь они его называют, расположенное между обеими реками Волгою и Окою. В нем еще имеется старинный город и кремль того же названия. Он построен великим князем Володимером в 928 г. [1096?] по Р. Х. и при нем и при следующих великих князьях был царскою столицею, пока великий князь [Иван] Данилов[ич] не вывел оттуда престол и перенес его в Москву¹⁰.

Другие княжества раньше имели своих князей и государей, которые ими управляли, но теперь все они — в большинстве случаев усилиями тирана Ивана Васильевича — путем войн подчинены царскому московитскому скипетру.

Через эти земли и провинции текут многие прекрасные, длинные и судоходные реки: я могу, пожалуй, сказать, что подобные им вряд ли можно найти еще где-либо в Европе. Главнейшая из них — Волга, длину которой — только от Нижнего Новгорода до Каспийского моря — мы определили в 500 немецких миль, не считая ее изгиба от истоков до Нижнего, что составило бы еще 100 миль с лишком. Днепр, или Борисфен, также прекрасная река; он отделяет Россию от Литвы и впадает в Понт Эвксинский, или Черное море. В том же роде и Двина, впадающая у Архангельска в Белое море. Ока и Москва также довольно большие реки, которые, однако, несколько меньше, чем три предыдущих. Мы не говорим уже о многих иных, менее значительных реках, которые доставляют пропитание жителям как по удобству своему для торговли, так и богатым уловом рыбы.

Следует при этом обратить особое внимание на то, что эти реки не берут — как это обыкновенно бывает — начало в горах и скалах (таковых нет во всем великом княжестве), но в лужах, болотистых и песчаных местах.

В России находится много больших и по-своему великолепных городов, среди которых знатнейшие — Москва, Великий Новгород, Нижний Новгород, Псков, Смоленск (впрочем, этот последний город сначала принадлежал не русским, но литовцам и королю польскому, как о том можно прочесть в «Московской хронике» Петрея¹¹; однако в 1514 году московиты заняли его, в 1611 году он снова был завоеван Сигизмундом, королем польским, в 1632 году его вновь осаждал великий князь Михаил Федорович, которому, однако, пришлось с большими потерями и бесславно снять осаду; теперь же, в

минувшем 1654 году, город, по соглашению, опять достался великому князю), Архангельск (большой приморский и торговый город), Тверь, Торжок, Рязань, Тула, Калуга, Ростов, Переяславль, Ярославль, Углич, Вологда, Владимир, Старая Русса. От последнего города, как некоторые думают, Россия получила свое название.

Перечисленные мною — знатнейшие города в России, но и помимо их Россия имеет очень много небольших городов, много местечек и бесчисленное количество деревень.

В городах там и сям встречаются кремли, которые, однако, в большинстве случаев, подобно самим городам, построены из бревен и балок, наложенных друг на друга, что является плохую защитой от поджигателей.

Имеются также кое-где в Казанской, Астраханской и других Татариях, подчиненных великому князю, хорошие города. Так как, однако, они не относятся собственно к России, то мы рассмотрим их в рассказе о нашем проезде через них и мимо них.

Что касается Москвы, столицы и главного города всего великого княжества, то она вполне того стоит, чтобы подробнее на ней остановиться.

Она получила название от реки Москвы, которая протекает через южную часть города и омывает Красную стену. Барон фон Герберштейн пишет, что, как он узнал у других, полюс поднят над московским горизонтом на 58° и что сам он со своею астролябиею 9 июня в полдень нашел высоту солнца в 58° . Полагая по новому календарю, что солнце находилось в 18° Близнецов и имело склонение в 23° , я вычитаю это число из высоты солнца и получаю высоту экватора в 35° . Если это число вычесть из целого квадранта [четверти круга] в 90° , то получается в остатке 55° , а не 50° , как ему хотели вычислить по определенной им высоте. Впрочем, если даже считать и по старому календарю, все-таки выйдет не по его мнению. Я лично, после многократного исследования высоты полюса, определил ее в $55^\circ 36'$ широты. В первом издании у меня по ошибке типографа напечатано 56° . Что касается долготы Москвы, то она составляет 66° , насколько мне удалось вычислить по прохождении луны через меридиан.

Город этот лежит посередине и как бы в лоне страны, и московиты считают, что он отстоит отовсюду от границ на 120 миль; однако мили не везде одинаковы. Величину города в окружности надо считать в три немецкие мили, но раньше, как говорят, он был вдвое боль-

ше. Матвей из Мехова¹² пишет, что Москва в его время была вдвое больше Флоренции в Тоскане или вдвое больше Праги в Чехии. Она совершенно — вплоть до Кремля — погорела в 1571 году при большом набеге крымских, или перекопских, татар; то же самое произошло с нею вторично в 1611 году, когда ее сожгли поляки. [...]

Говорят, еще теперь насчитывается до сорока тысяч пожарищ.

Жилые строения в городе (за исключением домов бояр и некоторых богатейших купцов и немцев, имеющих на дворах своих каменные дворцы) построены из дерева или из скрещенных и насаженных друг на друга сосновых и еловых балок [...]. Крыши крыты тесом, поверх которого кладут бересту, а иногда — дерн. Поэтому-то часто и происходят сильные пожары: не проходит месяца или даже недели, чтобы несколько домов, а временами, если ветер силен, целые переулки не уничтожались огнем. Мы в свое время по ночам иногда видели, как в 3—4 местах зараз поднималось пламя. Незадолго до нашего прибытия погорела третья часть города, и, говорят, четыре года тому назад было опять то же самое. При подобном несчастье стрельцы и особые стражники должны оказывать огню противодействие. Водю здесь никогда не тушат, а зато немедленно ломают ближайšie к пожару дома, чтобы огонь потерял свою силу и погас. Для этой надобности каждый солдат и стражник ночью-должен иметь при себе топор.

Чтобы предохранить каменные дворцы и подвалы от стремительного пламени во время пожаров, в них устраивают весьма маленькие оконные отверстия, которые запираются ставнями из листового железа.

Те, чьи дома погибли от пожара, легко могут обзавестись новыми домами: за Белой стеной на особом рынке стоит много домов, частью сложенных, частью разобранных. Их можно купить и задешево доставить на место и сложить.

Улицы широки, но осенью и в дождливую погоду очень грязны и вязки. Поэтому большинство улиц застлано круглыми бревнами, поставленными рядом; по ним идут как по мосткам.

Весь город русские делят на 4 главные части: первая называется Китай-городом, т. е. «средним городом», так как она занимает средину [...]; она окружена толстою каменною так называемою Красною стеною. С южной стороны, как уже сказано, стена эта омывается рекою Москвою, а с севера рекою Неглинною, которая

за Кремлем соединяется с Москвою-рекою. Почти половину этой части города занимает великокняжеский замок Кремль, имеющий окружность величиною и шириною с целый город, с тройными каменными стенами, окруженными глубокою канавою и снабженными великолепными орудиями и солдатами. Внутри находится много великолепных, построенных из камня зданий, дворцов и церквей, которые обитаются и посещаются великим князем, патриархом, знатнейшими государственными советниками и вельможами. Хотя прежний великий князь Михаил Федорович, живший во время нашего посольства, имел хорошие каменные палаты, а также и для государя, сына своего, нынешнего великого князя, построил весьма великолепное строение и дворец на итальянский манер, но сам он — ради здоровья, как они говорили, — жил в деревянном здании. Говорят, что нынешний патриарх также велел теперь построить себе для жилища весьма великолепное здание, которое немногим хуже здания великого князя.

Наряду с двумя монастырями, в которых живут монахи и монахини, стоят здесь 50 каменных церквей: из них знаменитейшие и величайшие — Троицкая, пресв. Марии, Михаила Архангелá (в этой последней погребаются великие князья) и св. Николая. Одна из них находится по левую руку (мы проходили мимо нее, поднимаясь к аудиенц-залу) и имеет большие двери из двух створок, совершенно покрытые толстым листовым серебром.

Эти церкви, как вообще все каменные церкви во всей стране, имеют 5 белых куполов, а на каждом из них тройной [осьмиконечный] крест [...]. Что же касается кремлевских церквей, то в них колокольни обтянуты гладкою, густо позолоченною жестью, которая, при ярком солнечном свете, превосходно блестит и дает всему городу снаружи прекрасный облик. Вследствие этого некоторые из нас, придя в город, говорили: «Снаружи город кажется Иерусалимом, а внутри он точно Вифлеем».

Посреди кремлевской площади стоит высочайшая колокольня — «Иван Великий», которая также обита вышеупомянутою позолоченною жестью и полна колоколов. Рядом с нею стоит другая колокольня, на которой висит очень большой колокол, который, как говорят, весом в 356 центнеров и отлит в правление великого князя Бориса Годунова. В этот колокол звонят во время больших торжеств, или праздников, как они говорят, или же при въезде великих послов, или при доставлении их на публичную аудиенцию. Его приводят в движение 24, а то

и более людей, стоящих внизу на площади. С обеих сторон колокольни висят два длинных каната, к которым внизу примыкает много мелких веревок по числу людей, обязанных их тянуть.

Колокол этот, во избежание сильного сотрясения и опасности для колокольни, лишь слегка приводят в движение, вследствие чего несколько человек стоят наверху у колокола для помощи при раскачивании языка его.

Посреди этой стены находятся и сокровищницы, провантские склады и пороховые погреба великого князя.

Вне Кремля, в Китай-городе, по правую сторону от больших кремлевских ворот стоит искусно построенная церковь св. Троицы [...] Невдалеке от этой церкви находится помост [...], около него неподвижно лежат на земле два больших металлических орудия: они направлены против большой дороги, по которой обыкновенно вторгаются татары. Перед Кремлем находится величайшая и лучшая в городе рыночная площадь, которая весь день полна торговцев, мужчин и женщин, рабов и празднующихся. Вблизи помоста [...] стоят обыкновенно женщины и торгуют холстами, а иные стоят, держа во рту кольца (чаще всего — с бирюзой) и предлагая их для продажи. Как я слышал, одновременно с этой торговлею они предлагают покупателям еще кое-что иное.

На площади и в соседних улицах каждому товару и каждому промыслу положены особые места и лавки, так что однородные промыслы встречаются в одном месте. Торговцы шелком, сукном, золотых дел мастера, шорники, сапожники, портные, скорняки, шапочники и другие — все имеют свои особые улицы, где они и продают свои товары. Этот порядок очень удобен: каждый, благодаря ему, знает, куда ему пойти и где получить то или иное. Тут же, невдалеке от Кремля, в улице направо, находится их иконный рынок, где продаются исключительно писанные изображения старинных святых. Называют они торг иконами не куплею и продажею, а «меною на деньги»; при этом долго не торгуются.

Далее в эту сторону направо, если идти от Посольского двора к Кремлю, находится особое место, где русские, сидя, при хорошей погоде, под открытым небом, бреются и стригутся. Этот рынок, у них называющийся Вшивым рынком, так устлан волосами, что по ним ходишь, как по мягкой обивке.

В этой части живет большинство, притом самых знатных, гостей или купцов, а также некоторые московские князья.

Другую часть города именуют они Царь-городом; она расположена в виде полумесяца и окружена крепкой каменной стеною, у них именуемой Белою стеною; посередине через нее протекает река Неглинная. Здесь живет много вельмож и московских князей, детей боярских, знатных граждан и купцов, которые по временам уезжают на торг по стране. Также имеются здесь различные ремесленники, преимущественно булочники. Тут же находятся хлебные и мучные лабазы, лотки с говядиною, скотный рынок, кабаки для пива, меда и водки. В этой же части находится конюшня его царского величества. Здесь же находится литейный завод, а именно в местности, которую они называют Поганим бродом, на реке Неглинной; здесь они льют много металлических орудий и больших колоколов. Здесь до сих пор находился очень опытный мастер по имени Ганс Фалькен из Нюрнберга; от него некоторые русские путем одного лишь наблюдения научились литью. При помощи особой сноровки он устраивал орудия таким образом, что 26 фунтов железа можно было с успехом выбросить из орудия при помощи 25 фунтов пороху; поэтому он так прославился в Голландии. [...]

Третья часть города Москвы называется Скородомом. Это крайняя часть, с востока, севера и запада окаймляющая Царь-город. Раньше, перед тем как татары сожгли город, она, как говорят, имела окружность в 25 верст, т. е. в 5 немецких миль. Река Яуза протекает через нее и соединяется с Москвою-рекою. В этой части находится лесной рынок и вышеназванный рынок домов, где можно купить дом и получить его готово отстроенным [для установки] в другой части города через два дня: балки уже пригнаны друг к другу, и остается только сложить их и законопатить щели мхом.

Четвертая часть города — Стрелецкая слобода — лежит к югу от реки Москвы в сторону татар и окружена оградой из бревен и деревянными укреплениями. Говорят, что эта часть выстроена Василием, отцом тирана, для иноземных солдат: поляков, литовцев и немцев — и названа, по попойкам, «Налейками», от слова «Налей!». Это название появилось потому, что иноземцы более московитов занимались выпивками, и так как нельзя было надеяться, чтобы этот привычный и даже прирожденный порок можно было искоренить, то им дали полную свободу пить. Чтобы они, однако, дурным примером своим не заразили русских [...], то пьяной братии пришлось жить в одиночестве за рекою. [...] Теперь в этой части живут

стрельцы или солдаты, состоящие на службе его царского величества, а также другое простонародье.

Внутри и вне окружающих город Москву стен находятся много церквей, часовен и монастырей. В первом издании я обозначил их цифрою 1500 [...]. На самом деле, однако, я еще понизил цифру: мною потом были наведены еще новые справки частью у наших земляков, знающих город уже много лет, частью у самих москвитов, которые в минувшем году при приеме ими их пленника Лжешуйского некоторое время находились у нас в Голштинии, так что я имел возможность ежедневно видаться с ними. Все они единогласно утверждали, что в городе Москве найдется более 2000 церквей, монастырей и часовен.

В настоящее время почти каждый пятый дом является часовнею, так как каждый вельможа строит себе собственную часовню и держит на свой счет особого попа; только сам вельможа и его домашние молятся богу в этой часовне. По указанию нынешнего патриарха, ввиду часто возникающих пожаров, большинство деревянных часовен сломаны и построены вновь из камня; некоторые часовни внутри не шире 15 футов. О Москве в изложенном нами сказано достаточно.

Так как и город Архангельск является важным торговым городом и, насколько мне известно, нигде еще не описан, то я немногими словами упомяну и о нем.

На картах, как и в атласе, называется этот город св. Михаилом Архангелом, но русские называют его обыкновенно Архангельском. Он лежит далеко на севере в земле Двинской, на реке Двине, а именно на том ее месте, где река разделяется, течет мимо острова Пудожемского и впадает в Белое море.

Город и гавань его нестары, так как раньше суда входили в левый рукав Двины у монастыря св. Николая, отчего гавань и называлась гаванью Св. Николая [...]. Так как, однако, от наносных песков это устье стало слишком мелким, а правый рукав глубже, то воспользовались правым рукавом и на нем построили город.

Как говорят, сам по себе город невелик, но он славится из-за многочисленных купцов и заморской торговли. Ежегодно приезжают сюда голландские, английские и гамбургские суда с различными товарами. В то же самое время собираются в путь купцы по [всей] стране, особенно немцы из Москвы, а зимою со своим товаром на санях они вновь возвращаются отсюда домой.

Нынешний великий князь перенес сюда большую та-

можно; пошлины собирает воевода, живущий в местном кремле.

Так как купцам эти пошлины несколько обременительны, а с другой стороны, его величество король шведский желает брать лишь пошлину в 2% при провозе товаров через Лифляндию к Нарве, то полагают, что большая часть торгового движения будет отвлечена от Архангельска и направится через Балтийское море в Лифляндию, тем более что здесь этой торговле угрожает меньше опасностей.

Недалеко от Архангельска, в Белом море, в особом заливе, расположены три острова, лежащие близко друг к другу. Наибольший из них называется Соловка, другие — Анзер и Кузова. На Соловке-острове находится монастырь, в котором погребен русский святой. Великий князь, по указанию патриарха, в минувшем году велел его останки выкопать здесь и перевезти в Москву [...]. Некоторые утверждают, будто предыдущие великие князья укрыли на этом острове — высоком, скалистом, крутом и не легкодоступном — большие сокровища. [...]

О состоянии воздуха, погоды, почвы, растительности и садов страны

В великом княжестве состояние воздуха, погоды и земель, ввиду многих провинций, лежащих далеко друг от друга и в различных даже климатах, неодинаково. Что касается московской области и пограничных с нею, то здесь вообще воздух свежий и здоровый; как свидетельствуют все жители и как говорят и сами русские, здесь мало слышали об эпидемических заболеваниях или моровых поветриях, да и встречаются здесь зачастую весьма старые люди. Следует поэтому весьма удивляться, что [...] во время смоленской войны в Москве появились ядовитое поветрие и сильная чума, продолжающиеся до сих пор, так что люди, по собственному мнению здоровыми вышедшие из дому, как говорят, падают на улицах и помирают. Поэтому-то проезд к Москве и из нее закрыт.

В зимнее время вообще во всей России сильные холода, так что едва удастся уберечься от них. У них не редкость, что отмерзают носы, уши, руки и ноги. В наше время, когда мы в 1634 году впервые были там, была столь холодная зима, что перед Кремлем почва из-за холода потрескалась на 20 сажень в длину и на четверть локтя в ширину, Никто из нас с открытым лицом не мог

пройти даже 50 шагов по улицам, не получив впечатления, что у него отморожены нос и уши. Я нашел, что вполне правильны утверждения некоторых писателей, что там водные капли и слюна стыннут раньше, чем доходят ото рта до земли.

Хотя холод у них зимою и велик так, тем не менее трава и листва весною быстро выходят наружу и по времени роста и созревания здешняя страна не уступит нашей Германии. Так как здесь всегда снег выпадает в большом количестве и на значительную высоту, то почва и кусты покрываются как бы одеждою и охраняются от резкого холода.

Ради сильных холодов и обилия снега, имеющегося в России и Лифляндии, здесь хорошо путешествовать и можно для езды пользоваться широкими русскими санями из луба, или липовой коры. Некоторые из нас устраивали в санях войлочную подстилку, на которой ложились в длинных овчинных шубах, которые там можно очень дешево приобрести, а сверху покрывали сани войлочным или суконным одеялом: при такой обстановке мы находились в тепле, и даже потели и спали, в то время как нас везли крестьяне.

Для езды очень удобны русские, правда маленькие, но быстро бегущие лошади, которые привыкли, при одной кормежке, пробегать 8, 10, иногда даже 12 миль, как и я дважды ездил из Твери в Торжок. Впрочем, дороги в этих местах, как и повсеместно в России, не имеют особых повышений и понижений.

Поэтому можно весьма быстро совершить продолжительную поездку, притом весьма дешево. Крестьянин, едущий по найму, за 2—3 или — самое большее — 4 рейхсталера везет целых 50 немецких миль, как и я однажды за такую плату проехал из Ревеля в Ригу — 50 миль.

Как ни силен холод зимою, летом столь же велика жара, которая там тягостна для путешественника не только днем из-за солнечных лучей, но и из-за многочисленных комаров, которых солнце производит на свет в болотах, да и повсеместно в России: они ни днем ни ночью не дают покоя. Поэтому ночью приходится или лежать близ огня, или же, как это указано выше, под особой сетью для защиты от комаров.

Обширная страна эта во многих местах покрыта кустарником и лесами, большею частью — соснами, березами и орешником; много мест пустынных и болотистых. Тем не менее, однако, ввиду доброго свойства почвы, страна, где она хоть немного обработана, чрезвычайно

плодородна (исключая лишь немногие мили вокруг города Москвы, где почва песчаная), так что получается громадное изобилие хлеба и пастбищ. И сами голландцы признают, что несколько лет тому назад, во время большой дороговизны, Россия сильно помогла им своим хлебом. Редко приходится слышать о дороговизне в стране. В иных местах в стране, где хлеб не находит сбыта, земля не обрабатывается более (хотя это было бы возможно), чем требуется для надобностей одного года; там никаких запасов не собирают, так как все уверены в ежегодном богатом урожае. Поэтому-то они и оставляют много прекрасных плодородных земель пустынными, как я сам это видел, проезжая через некоторые области с тучным черноземом, которые там поросли такою высокою травою, что она лошадям покрывала брюхо. Эта трава также, ввиду изобилия ее, ни разу не собиралась и не употреблялась для скота.

Следует удивляться и тому, о чем нам сообщали в Нарве: там на русской стороне, сейчас же за рекою, земля гораздо лучшая и все растет быстрее и лучше, чем по сю сторону Нарвы в Аллентакене, хотя отделяется одна сторона от другой лишь рекою. В этом месте в Ингерманландии, так же как и в Карелии, России и Лифляндии на севере, земледелец бросает семена в землю всего за три недели до Иванова дня. Затем семя, ввиду постоянного согревания солнцем (которое еле касается горизонта при закате), на глазах у наблюдателей растет, так что в течение 7 или самое большее 8 недель успевают и посеять и пожать. Если бы они и пожелали раньше совершить посев, все равно семя не могло бы приняться вследствие скрытого в земле мороза и холодных ветров.

У русских и в отношении жатвы имеется то преимущество перед лифляндцами, что они обыкновенно могут собрать свой хлеб сухим в амбары и кучи, в то время как лифляндцы принуждены сушить свое зерно на огне. В каждом сельском имении там имеются особо построенные сараи или дома, называемые у них ригами; в них хлеб, пока он еще в колосьях, накладывается на бревна, над печью, вроде таковой в пекарне; затем разводится огонь и поднимающимся жаром зерно сушится. Часто бывает, что подобные риги сгорают вместе с хлебом. Зерно, которое некоторое время сушилось в подобной сушилке, не дает такого хорошего семени для посева, как то, что само высохло.

В некоторых местах, особенно в Москве, имеются и великолепные садовые растения, вроде яблوك, груш, ви-

шен, слив и смородины. Положение, следовательно, здесь совершенно иное, чем то, что изображают Герберштейн [...] и другие писатели, утверждающие, будто в России, вследствие сильного холода, совершенно не находится плодов и вкусных яблок. Между другими сортами яблок у них имеется и такой, в котором мякоть так нежна и бела, что если держать ее против солнца, то можно видеть зернышки. Однако, хотя они прелестны видом и вкусом, тем не менее, ввиду чрезмерной влажности, они не могут быть сохраняемы так долго, как в Германии.

Тут же имеются и всякого рода кухонные овощи, особенно спаржа толщиной с палец, какую я сам ел у некоего голландского купца, моего доброго друга, в Москве, а также хорошие огурцы, лук и чеснок в громадном изобилии. Латук и другие сорта салата никогда не сажались русскими; они раньше вообще не обращали на них внимания и не только не ели их, но даже смеялись над немцами за употребление их в пищу, говоря, что они едят траву. Теперь же и некоторые из них начинают пробовать салат. Дыни производятся там в огромном количестве; в разведении их многие находят себе материал для торговли и источник пропитания. Дынь не только растет здесь весьма много, но они и весьма велики, вкусны и сладки, так что их можно есть без сахара. Мне еще в 1643 году подобная дыня в пуд (т. е. 40 фунтов) весом была поднесена добрым приятелем на дорогу, когда я в то время уезжал из Москвы.

В посадке и уходе за дынями у русских имеются свои собственные выгодные приемы, которые частью описаны Герберштейном. Они мягчат семя в парном молоке, а иногда и в отстоявшейся дождевой воде, прибавив к ней старого овечьего помета. Затем на земле устраиваются из смешанных лошадиного навоза и соломы удобренные гряды глубиною в два локтя. Сверху покрываются они хорошей землею, в которой они устраивают неглубокие ямы шириною с пол-локтя. В середину сажают они зерно, чтобы не только тепло снизу, но и собранный со всех сторон жар солнца согревал и растил семя; ночью покрываются эти гряды от инея и мороза крышками, сделанными из слюды; временами крышки эти остаются и днем. После этого они обрезают отросшие в сторону ветви, а иногда и концы побегов. Таким образом прилежанием и уходом своим они помогают росту.

Нам рассказывали, что совершенно особая порода дынь или, вернее, тыква растет за Самарою, между реками Волгою и Доном. Эта порода величиною и качеством

похожа на другие обыкновенные дыни, но по внешнему виду имеет сходство с бараном, члены которого она совершенно ясно изображает. Поэтому русские и называют ее баранцем. Стебель прикреплен как бы к пупу дыни, и куда она повернется (так как при росте она меняет свое место, насколько ей это позволяет стебель), там сохнет трава, или, как говорят русские, «пожирается» дынею. Когда дыня поспеет, стебель отсыхает и плод получает меховую шкурку, подобно барану; по их словам, эту шкурку будто бы можно дубить и готовить к пользованию против холода. Нам в Москве показывали несколько кусков такой шкурки, оторванных от одеяла, говоря, будто они от дыни баранец; эта шкурка была нежна и курчаво-шерстиста, подобно шкуре ягненка, вырезанного из утробы матери или еще очень молодого. Скалигер¹³ упоминает [...] о таком плоде, который, пока он окружен разными травами, быстро растет, подобно ягненку на пастбище, но при недостатке увядает и погибает. Русские говорят, что этот плод быстро зреет. Говорят, будто правда и то, что далее рассказывает Скалигер, а именно будто, кроме волков, ни одно животное не падко на этот плод; благодаря этому обстоятельству и можно ловить волков.

Красивых трав и цветов в Москве в прежние годы было немного. Однако бывший великий князь вскоре после нашего пребывания в стране постарался прекрасно устроить свой сад и украсить его различными дорогими травами и цветами. До сих пор русские ничего не знали о хороших махровых розах, но ограничивались дикими розами и шиповником и ими украшали свои сады. Однако несколько лет тому назад Петр Марселис¹⁴, выдающийся купец, доставил сюда первые махровые и прованские розы из сада моего милостивейшего князя и государя в Готторпе; они хорошо принялись здесь.

В Московии нет грецких орехов и винограда, но всякого рода вино часто привозится сюда голландскими и иными судами через Архангельск, а теперь доставляется оно и из Астрахани, где также начали заниматься виноградарством. Об этом нами будет ниже рассказано подробнее.

Отсюда можно вывести, что отсутствие [в Московии] некоторых плодов и растений следует приписать не столько почве и воздуху, сколько небрежности и незнанию жителей.

У них нет недостатка и в тех плодах земли, которые необходимы для обыкновенного питания в жизни. Коноп-

ля и лен производятся в большом количестве, вследствие чего полотно в России очень дешево.

Мед и воск, правда, часто находимые в лесах, имеются у них в таком изобилии, что они, несмотря на количество, потребное им для медовых напитков и для восковых свеч, которыми они пользуются и для собственных надобностей, и — в больших размерах — для богослужения, тем не менее могут продавать большими партиями и то и другое за границу. В большинстве случаев эти товары вывозятся через Псков.

Во всей России, так же как в Лифляндии, везде, где не устроено пашен путем выжигания леса, поверхность покрыта лесами и кустарником. Поэтому там много лесной и полевой дичи. Так как пернатой дичи у них имеется громадное количество, то ее не считают у них такой редкостью и не ценят так, как у нас: глухарей, тетеревов и рябчиков разных пород, диких гусей и уток можно получать у крестьян за небольшую сумму денег, а журавли, лебеди и небольшие птицы, вроде серых и иных дроздов, жаворонков, зябликов и тому подобных, хотя и встречаются очень часто, но считаются не стоящими того, чтобы за ними охотиться и употреблять их в пищу. Аисты не встречаются ни здесь, ни в Лифляндии.

Леса также богаты разными дикими животными, за исключением оленей, которых или совсем нет, или, как другие говорят, удастся видеть очень редко. Лосей, кабанов, зайцев большое изобилие. В некоторых местах, как, например, и во всей Лифляндии, зайцы летом обычного серого цвета, а зимою — белоснежной окраски.

При этом следует удивляться, что в Курляндии, которая граничит с Лифляндиею и только Двиною от нее отделяется, зайцы зимою остаются серыми. Поэтому, если иной раз, когда Двина находится подо льдом, подобного зайца удастся поймать в Лифляндии, то там его называют курляндским перебежчиком.

Причину подобной перемены окраски является их темперамент. [...] Дело в том, что зверьки эти из-за болотистой и сырой местности гораздо более флегматичной, или сырой и холодной, природы, чем наши зайцы. Если тут еще присоединяется наружный холод зимою [...], то они делаются белыми, так как белый цвет получается от холода [...] подобно тому, как черный получается от жары. Если они теперь летом опять получают жаркий и сухой воздух, как это, конечно, там случается, то меняются одновременно и темперамент и окраска их. Я вспоминаю при этом, что рассказывал при мне мой по-

койный тесть в Лифляндии. Он летом к свадьбе одной из своих дочерей велел поймать несколько зайцев и посадить — в его имении Кунда между Ревелем и Нарвою — в погреб и там кормить. Через несколько недель их серая шерсть превратилась в белую, какая у них бывает зимою. Отсюда легко догадаться о причине подобной перемены.

Наряду с этой хорошею дичью встречается также много хищных и нечистых животных, как-то: медведей, волков, рысей и тигров, лисиц, соболей и куниц, шкурами которых русские ведут обширную торговлю.

Так как, как уже сказано, местами много лишних пастбищ, то у них много имеется ручного скота: коров, быков и овец, которые продаются весьма задешево. Мы однажды, во время первой поездки в Ладогу, купили жирного быка, правда небольшого, — так как вообще во всей России скот мелок, — за 2 талера, а овцу — за 10 копеек, или 5 мейсенских грошей.

В текучих водах и стоячих озерах, которых в России много, — большое изобилие рыб всяческих пород, за исключением карпов, которых и в Лифляндии не находят. Однако в Астрахани мы видели много карпов необыкновенной величины, которых можно было покупать по шиллингу за штуку; их ловят в Волге. Вкус их, ввиду грубого, жесткого мяса, не очень приятен.

Среди ископаемых самое важное место занимает слюда, которая в иных местах получается из каменоломен и употребляется для окон во всей России.

Шахтовых копей эта страна не имела; однако немного лет тому назад на татарской границе у Тулы, в 26 милях от Москвы, открылась таковая. Ее устроили несколько немецких горнорабочих, которых по просьбе его царского величества его светлость курфюрст саксонский прислал сюда. Эта копь до сих пор давала хорошую добычу, хотя преимущественно железа.

В семи верстах, или в $1\frac{1}{2}$ мили, от этой копи находится железодельный завод, устроенный между двумя горами в приятной долине при удобной реке; здесь выделяется железо, куются железные полосы и изготовляются разные вещи.

Этим заводом по особому контракту, заключенному с ним великим князем, заведует господин Петр Марселлис. Ежегодно он доставляет его царского величества оружейной палате известное количество железных полос, несколько крупных орудий и много тысяч пудов ядер; поэтому он как был и у прошлого, так состоит и у ны-

нешнего великого князя в большой милости и почете. Он же ведет еще и иные крупные торговые дела в Москве.

При жизни царя Михаила Федоровича, лет 15 тому назад, в известном месте в России некто указал также золотую жилу, но не сумел устроить рудник, вследствие чего не только не обогатился, как предполагал, но, напротив, стал бедным человеком.

Те, кто сулят обогатить государей новыми открытиями — как это часто делается при дворах князей, — имеют очень мало счастья и удачи при царском дворе. Прежний великий князь очень любил, чтобы ему указывали какие-либо новые средства для увеличения казны. Однако, чтобы оставаться без убытков в случае обмана или неуспеха, изобретатель должен был делать опыты на собственный счет, а если у него не было средств, то некоторая сумма давалась ему за каким-либо поручительством; если опыт удавался, то виновнику его выдавалась богатая награда, в случае же неудачи он, а не великий князь, нес убытки. В качестве примера я могу сослаться на только что упомянутый золотой рудник. В это время в Москве жил знатный английский купец — мой добрый друг, — имени его, я по долгу чести, не могу назвать. Это был в общем искренний и доброжелательный человек, долго живший в Москве и ведущий здесь выгодную торговлю. Когда он заявил и полагал, основываясь на особых качествах и знаках известной почвы, найти золотосодержащую жилу, великий князь согласился на поиски и даже, по поручительству, выдал на это деньги. Когда, однако, этому доброму человеку дело не удалось, работа и труды пропали даром и собственного его имущества не хватило на то, чтобы заплатить взятые у великого князя займы средства, его посадили в долговую тюрьму. Потом его, по представлении поручителей, опять выпустили, ему разрешено было ходить и просить денег у добрых людей, так что он мог собрать денег, чтобы удовлетворить великого князя и поручителей своих и выбраться из страны. О такой своей неудаче и о том, как судили его в России, он сам рассказал мне во время моего последнего пребывания в Москве, — когда это событие происходило, — весьма подробно и в очень трогательных выражениях. [...]

О самих русских — в отношении их внешнего вида и одежды

Мы, прежде всего, рассмотрим внешний быт москвитов, или русских, т. е. их наружность, их строение, а также их одежду, а затем обратимся к внутреннему их быту, т. е. — их душевным свойствам, способностям и нравам.

Мужчины у русских большею частью рослые, толстые и крепкие люди, кожей и натуральным цветом своим сходные с другими европейцами. Они очень почитают длинные бороды и толстые животы, и те, у кого эти качества имеются, пользуются у них большим почетом. Его царское величество таких людей из числа купцов назначает обыкновенно для присутствия при публичных аудиенциях послов, полагая, что этим усилено будет торжественное величие [приема]. Усы у них свисают низко над ртом. Волосы на голове только их попы, или священники, носят длинные, свешивающиеся на плечи; у других они коротко острижены. Вельможи даже дают сбривать эти волосы, полагая в этом красоту. [...]

Однако как только кто-либо погрешит в чем-нибудь перед его царским величеством или узнает, что он впал в немилость, он беспорядочно отпускает волосы до тех пор, пока длится немилость. Может быть, обычай этот перенят ими у греков, которым они вообще стараются подражать [...].

Женщины среднего роста, в общем красиво сложены, нежны лицом и телом, но в городах они все румянятся и белятся, притом так грубо и заметно, что кажется, будто кто-нибудь пригоршнею муки провел по лицу их и кистью выкрасил щеки в красную краску. Они чернят также, а иногда окрашивают в коричневый цвет брови и ресницы.

Некоторых женщин соседки их или гости их бесед принуждают так накрашиваться (даже несмотря на то, что они от природы красивее, чем их делают румяна), чтобы вид естественной красоты не затмевал искусственной. Нечто подобное произошло в наше время. Знатнейшего вельможи и боярина князя Ивана Борисовича Черкасского супруга, очень красивая лицом, сначала не хотела румяниться. Однако ее стали донимать жены других бояр, зачем она желает относиться с презрением к обычаям и привычкам их страны и позорит других женщин своим образом действий. При помощи мужей своих они добились того, что и этой от природы прекрасной жен-

щине пришлось белиться и румяниться и, так сказать, при ясном солнечном дне зажигать свечу.

Так как бѣление и румянение происходят открыто, то жених обыкновенно накануне свадьбы, между другими подарками, присылает своей невесте и ящик с румянами — как об этом будет еще рассказано при описании их обыкновенных свадеб.

Женщины скручивают свои волосы под шапками, взрослые же девицы оставляют их сплетенными в косу на спине, привязывая при этом в низу косы красную шелковую кисть.

У детей моложе 10 лет — как девочек, так и мальчиков — они стригут головы и оставляют только с обеих сторон длинные свисающие локоны. Чтобы отличить девочек, они продевают им большие серебряные или медные серьги в уши.

Одежда мужчин у них почти сходна с греческою. Их сорочки широки, но коротки и еле покрывают седалище; вокруг шеи они гладки и без складок, а спинная часть от плеч подкроена в виде треугольника и шита красным шелком. У некоторых из них клинышки под мышками, а также по сторонам сделаны очень искусно из красной тафты. У богатых ворота сорочек (которые шириною с добрый большой палец), точно так же как полоска спереди (сверху вниз) и места вокруг кистей рук, вышиты пестрым крашеным шелком, а то и золотом и жемчугом; в таких случаях ворот выступает под кафтаном; ворот у них застегивается двумя большими жемчужинами, а также золотыми или серебряными застежками. Штаны их вверху широки и, при помощи особой ленты, могут по желанию суживаться и расширяться. На сорочку и штаны они надевают узкие одеяния вроде наших камзолов, только длинные, до колен, и с длинными рукавами, которые перед кистью руки собираются в складки; сзади у шеи у них воротник в четверть локтя длиною и шириною; он снизу бархатный, а у знатнейших — из золотой парчи: выступая над остальными одеждами, он подымается вверх на затылке. Это одеяние они называют «кафтаном». Поверх кафтана некоторые носят еще другое одеяние, которое доходит до икр или спускается ниже их и называется ферязью. Оба эти нижние одеяния готовятся из каттуна¹⁵, киндиака, тафты, дамаста или атласа, как кто в состоянии завести его себе. Ферязь на бумажной подкладке. Над всем этим у них длинные одеяния, спускающиеся до ног; таковые они надевают, когда выходят на улицу. Они в большинстве случаев из сине-

фиолетового, коричневого (цвета дубленой кожи) и темно-зеленого сукна, иногда также из пестрого дамаста, атласа или золотой парчи.

В таком роде все кафтаны, которые находятся в сокровищнице великого князя и во время публичных аудиенций выдаются мужчинам, заседающим на них, для усиления пышности.

У этих наружных кафтанов сзади на плечах широкие вороты, спереди, сверху вниз, и с боков прорезы с тесемками, вышитыми золотом, а иногда и жемчугом; на тесемках же висят длинные кисти. Рукава у них почти такой же длины, как и кафтаны, но очень узки; их они на руках собирают во многие складки, так что едва удастся просунуть руки; иногда же, идя, они дают рукавам свисать ниже рук. Некоторые рабы и легкомысленные сорванцы носят в таких рукавах камни и кистени, что не легко заметить: нередко, в особенности ночью, с таким оружием они нападают и убивают людей.

На головы все они надевают шапки. У князей и бояр, или государственных советников, во время публичных заседаний надеты шапки из черного лисьего или собольего меха, длиною с локоть; в остальных же случаях они носят бархатные шапочки по нашему образцу, подбитые и опушенные черною лисицею или соболем; впрочем, у них очень немного меха выходит наружу. С обеих сторон эти шапочки обшиваются золотым или жемчужным шнурком. У простых граждан летом шапки из белого войлока, а зимою из сукна, подбитые простым мехом.

Большею частью они, подобно полякам, носят короткие, спереди заостряющиеся сапоги из юфти или персидского сафьяна. [...] У женщин, в особенности у девушек, башмаки с очень высокими каблуками: у иных в четверть локтя длиною; эти каблуки сзади, по всему нижнему краю, подбиты тонкими гвоздиками. В таких башмаках они не могут много бегать, так как передняя часть башмака с пальцами ног едва доходит до земли.

Женские костюмы подобны мужским; лишь верхние одеяния шире, хотя из того же сукна. У богатых женщин костюмы спереди до низу окаймлены позументами и другими золотыми шнурами, у иных же украшены тесемками и кистями, а иногда большими серебряными и оловянными пуговицами. Рукава вверху не пришиты вполне, так что они могут просовывать руки и давать рукавам свисать. Однако они не носят кафтанов и — еще того менее — четырехугольных, поднимающихся на шее воротников. Рукава их сорочек в 6, 8, 10 локтей, а если они из

светлого каттуна — то и более еще того длиною, но узки; надевая их, они их собирают в мелкие складки. На головах у них широкие и просторные шапки из золотой парчи, атласа, дамаста, с золотыми тесьмами, иногда даже шитые золотом и жемчугом и опушенные бобровым мехом; они надевают эти шапки так, что волосы гладко свисают вниз на половину лба. У взрослых девиц на головах большие лисьи шапки.

Раньше немцы, голландцы, французы и другие иностранцы, желавшие ради службы у великого князя и торговли пребывать и жить у них, заказывали себе одежды и костюмы наподобие русских; им это приходилось делать даже поневоле, чтобы не встречать оскорблений словом и действием со стороны дерзких злоумышленников. Однако год тому назад нынешний патриарх переменял это обыкновение, основываясь на следующем случае. Когда однажды в городе происходила большая процессия при участии самого патриарха и последний, по обыкновению, благословлял стоявший кругом народ, немцы, бывшие среди русских, не захотели, подобно русским, проделать перед патриархом ни поклонов, ни крестного знамения. Патриарх на это рассердился и, узнав, что тут замешались немцы, сказал: «Нехорошо, что недостойные иностранцы таким случайным образом также получают благословение», и вот, чтобы впредь он мог узнавать и отличать их от русских, пришлось издать приказ ко всем иностранцам, чтобы немедленно же каждый из них снял русское платье и впредь встречался только в одежде своей собственной страны.

Некоторым из иностранцев было столь же трудно немедленно исполнить это приказание, как казалось опасным послушаться его. Многие из них, не столько из-за недостатка материи и приклада, сколько из-за отсутствия портных, не могли вскоре получить новые одежды, а между тем, ввиду ежедневных своих выездов ко двору, не могли, без ущерба для себя, оставаться дома. Поэтому каждый из них взял, что у него ближе всего находилось под руками. Некоторые надели костюмы своих отцов, дедов и прадедов и одежды иных друзей своих, которые еще во времена тирана, при уводе старых лифляндцев в плен, попали в Москву и с тех пор лежали в сундуках. При их встречах кафтаны эти вызывали немало смеха не только ради столь древних и разнообразных покроев, но и потому, что одежды иному были слишком велики, другому слишком малы. Теперь поэтому все иностранцы, каких земель они ни будь люди, должны хо-

дить всегда одетые в костюмы своих собственных стран, чтобы была возможность отличить их от русских.

В Москве живет некий князь по имени Никита Иванович Романов¹⁶. После царя это знатнейший и богатейший человек, к тому же он близкий родственник царя. Это веселый господин и любитель немецкой музыки. Он не только любит очень иностранцев, особенно немцев, но и чувствует большую склонность к их костюмам. Поэтому он велел не раз шить для них польское и немецкое платье, а иногда и сам, ради удовольствия, надевал его и в нем выезжал на охоту, несмотря на то что патриарх возражал против подобного одевания. Боярин этот, впрочем, иногда и в религиозных вопросах, как кажется, сердил патриарха тем, что отвечал ему коротко, но упрямо. Впрочем, патриарх в конце концов все-таки хитростью выманил у него костюмы и добился отказа от них. [...]

О домашнем хозяйстве русских, их обыденной жизни, кушаньях и развлечениях

Домашнее хозяйство русских устроено в различном вкусе у людей различных состояний. В общем они живут плохо, и у них немного уходит денег на их хозяйство. Вельможи и богатые купцы, правда, живут теперь в своих дорогих дворцах, которые, однако, построены лишь в течение последних 30 лет; раньше и они довольствовались плохими домами. Большинство, в особенности простонародье, проживают весьма немного. Подобно тому, как живут они в плохих, дешевых помещениях (как выше указано), так же точно и внутри зданий встречается мало — но для них достаточно — запасов и утвари. У большинства не более 3 или 4 глиняных горшков и столько же глиняных и деревянных блюд. Мало видать оловянной и еще меньше серебряной посуды — разве чарки для водки и меду. [...] Поэтому-то ни в одном доме, ни у богатых, ни у бедных людей, незаметно украшения в виде расставленной посуды, но везде лишь голые стены, которые у знатных завешены циновками и заставлены иконами. У очень немногих из них имеются перины; лежат они поэтому на мягких подстилках, на соломе, на циновках или на собственной одежде. Спят они на лавках, а зимою, подобно немцам в Лифляндии, на печи, которая устроена как у пекарей и сверху плоска. Тут лежат рядом мужчины, женщины, дети, слуги и служанки. Под печами и лавками мы у некоторых встречали кур и свиней.

Непривычны они и к нежным кушаньям и лакомствам. Ежедневная пища их состоит из крупы, репы, капусты, огурцов, рыбы свежей или соленой,— впрочем, в Москве преобладает грубая соленая рыба, которая иногда, из-за экономии в соли, сильно пахнет; тем не менее они охотно едят ее. Их рыбный рынок можно узнать по запаху раньше, чем его увидишь или вступишь в него. Из-за великолепных пастбищ у них имеются хорошая баранина, говядина и свинина, но так как они, по религии своей, имеют почти столько же постных дней, сколько дней мясоеда, то они и привыкли к грубой и плохой пище, и тем менее на подобные вещи тратятся. Они умеют из рыбы, печени и овощей готовить многие разнообразные кушанья, так что ради них можно забыть мясо. Например, однажды нам, как выше рассказано, в посту было подано 40 подобных блюд, пожалованных царем. Между прочим, у них имеется особый вид печени, вроде паштета или, скорее, пфанкухена, называемый ими «пирогом»; эти пироги величиною с клин масла, но несколько более продолговаты. Они дают им начинку из мелкоизрубленной рыбы или мяса и луку и пекут их в коровьем, а в посту в растительном масле; вкус их не без приятности. Этим кушаньем у них каждый угощает своего гостя, если он имеет в виду хорошо его принять.

Есть у них весьма распространенное кушанье, которое они называют «икрою»: она готовится из икры больших рыб, особенно из осетровой или от белорыбицы. Они отбивают икру от прилегающей к ней кожицы, солят ее и после того, как она постояла в таком виде 6 или 8 дней, мешают ее с перцем и мелко нарезанными луковицами, затем некоторые добавляют еще сюда уксусу и деревянного масла и подают. Это неплохое кушанье; если вместо уксусу полить его лимонным соком, то оно дает — как говорят — хороший аппетит и имеет силу, возбуждающую естество. Этой икры солится больше всего на Волге у Астрахани; частью ее сушат на солнце. Ею наполняют до 100 бочек и рассылают ее затем в другие земли, преимущественно в Италию, где она считается деликатесом и называется *Caviaro*. Имеются люди, которые должны арендовать этот промысел у великого князя за известную сумму денег. Русские умеют также готовить особую пищу на то время, когда они «с похмелья» или чувствуют себя нехорошо. Они нарезают жареную баранину, когда та остыла, в небольшие ломтики, вроде игральных костей, но только тоньше и шире их, смешивают их со столь же мелко нарезанными огур-

цами и перцем, вливают сюда смесь уксусу и огуречного рассола в равных долях и едят это кушанье ложками. [...]

Для питья у простонародья служит квас, который можно сравнивать с нашим слабым пивом или кофентом, а также пиво, мед и водка. [...] У самых знатных лиц, наравне с хорошим пивом, подаются за столом также испанское, ренское и французское вино, разных родов меды и двойная водка..

У них имеется и хорошее пиво, которое, в особенности немцы, у них умеют очень хорошо варить и заготавливать весною. У них устроены приспособленные для этой цели ледники, в которых они снизу кладут снег и лед, а поверх их ряд бочек, затем опять слой снега и опять бочки и т. д. Потом все сверху закрывается соломою и досками, так как у ледника нет крыши. Для пользования они постепенно отрывают одну бочку за другою. Вследствие этого они имеют возможность получать пиво в течение всего лета — у них довольно жаркого — свежим и вкусным. Вино получают они через Архангельск в свою страну. [...]

Великолепный и очень вкусный мед они варят из малины, ежевики, вишен и др. Малинный мед казался нам приятнее всех других по своему запаху и вкусу. Меня учили варить его следующим образом: прежде всего, спелая малина кладется в бочку, на нее наливают воды и оставляют в таком состоянии день или два, пока вкус и краска не перейдут с малины на воду; затем эту воду сливают с малины и примешивают к ней чистого, или отделенного от воска, пчелиного меду, считая на кувшин пчелиного меду 2 или 3 кувшина водки, смотря по тому, предпочитают ли сладкий или крепкий мед. Затем бросают сюда кусочек поджаренного хлеба, на который намазано немного нижних или верховых дрожжей; когда начнется брожение, хлеб вынимают, чтобы мед не получил его вкуса, а затем дают бродить еще 4 или 5 дней. Некоторые, желая придать меду вкус и запах пряностей, вешают [в бочку] завернутые в лоскуток материи гвоздику, кардамон и корицу. Когда мед стоит в теплом месте, то он не перестает бродить даже и через 8 дней; поэтому необходимо переставить бочку, после того как мед уже бродил известное время, в холодное место и оттянуть его от дрожжей.

Некоторые иногда наливают плохую водку в малину, затем мешают ее и, дав постоять сутки, сливают настойку и смешивают ее с медом; говорят, получается при этом

очень приятный напиток. Так как водка теряет свое действие и смешивается с малинным соком, то, как говорят, ее вкус уже более не ощущается в этом напитке.

Иногда они устраивают пиршества, во время которых проявляют свое великолепие в кушаньях и напитках множества родов. Когда, впрочем, вельможи устраивают пиршества и приглашают лиц, стоящих ниже, чем они сами, то, несомненно, преследуются иные цели, чем доброе единение: это хлебосольство должно служить удочкою, при помощи которой они больше приобретают, чем затрачивают. Дело в том, что у них существует обычай, чтобы гости приносили такого рода хозяевам великолепные подношения. В прежние годы немецкие купцы, удостаивавшиеся подобного внимания и приглашавшиеся к ним, уже заранее знали, во что им обойдется подобная честь. Говорят, что воеводы в городах — особенно в местах, где идет оживленная торговля, — выказывают раз, два или три в год подобного рода щедрость и хлебосольство, приглашая к себе богатых купцов.

Величайший знак почета и дружбы, ими оказываемый гостю на пиршестве или во время отдельных визитов и посещений в доказательство того, как ему рады и как он был мил и приятен, заключается, по их мнению, в следующем: после угощения русский велит своей жене, пышно одетой, выйти к гостю и, пригубив чарку водки, собственноручно подать ее гостю. Иногда — в знак особого расположения к гостю — при этом разрешается поцеловать ее в уста. Подобный почет был оказан и лично мне графом Львом Александровичем Шляховским, когда я в 1643 году в последний раз был в Москве.

После великолепного угощения он отозвал меня от стола в сторону от других гостей, повел в другую комнату и сказал: величайшая честь и благодеяние, которые кому-либо могут быть оказаны в России, заключаются в том, чтобы хозяйка дома вышла почтить и хозяина и гостя. Так как я ему люб, как слуга его светлости князя голштинского, то он во внимание и уважение к нему, за многочисленные благодеяния, испытанные в дни гонений и странствий (об этом ниже будет сказано подробнее), желал бы оказать мне подобного рода честь. Поэтому к нам вышла его жена, очень красивая лицом, и к тому же нарумяненная, в прежнем своем брачном наряде (он будет описан ниже, где сказано о русских свадьбах) и в сопровождении прислужницы, несшей бутылку водки и чарку. При входе она сначала склонила голову перед

мужем своим, а затем передо мной, велела налить чарку, пригубила ее и затем поднесла ее мне, и так до трех раз. После этого граф пожелал, чтобы я поцеловал ее. Не будучи привычен к подобной чести, я поцеловал ей только руку. Он, однако, захотел, чтобы я поцеловал ее и в уста. Поэтому я, в уважение к более высокой персоне, должен был принять эту согласную с их обычаями честь. В конце концов она подала мне белый тафтяной носовой платок, вышитый золотом и серебром и украшенный длинною бахромою. Такие платки женами и дочерьми вельмож дарятся невесте в день свадьбы; и на том, который мне был поднесен, оказалась прикрепленною небольшая бумажка с именем Стрешнева — брата отца великой княгини.

Бояре и вельможи несут, правда, большие расходы для поддержания пышности своей и своего обширного хозяйства, но зато у них, наряду с их большим жалованьем, имеются дорогие именья и крестьяне, доставляющие им большие ежегодные доходы. Купцы и ремесленники питаются и получают ежедневный заработок от своих промыслов. Торговцы хитры и падки на наживу. Внутри страны они торгуют всевозможными необходимыми в обыденной жизни товарами. Те же, которые с соизволения его царского величества путешествуют по соседним странам, как-то: по Лифляндии, Швеции, Польше и Персии, торгуют большею частью соболями и другими мехами, льном, коноплею и юфтью. Они обыкновенно покупают у английских купцов, ведущих большой торг в Москве, сукно по 4 талера за локоть и перепродают тот же локоть за $3\frac{1}{2}$ или 3 талера и все-таки не остаются без барыша. Делается это таким образом: они за эту цену покупают один или несколько кусков сукна, с тем чтобы произвести расплату через полгода или год, затем идут и продают его лавочникам, вымеривающим его по локтям, за наличные деньги, которые они потом помещают в других товарах. Таким образом они могут с течением времени с барышом три раза или более совершить оборот своими деньгами.

Ремесленники, которым немного требуется для их плохой жизни, тем легче могут трудами рук своих добыть себе в такой большой общине денег на пищу [...] и пропитать себя и своих родных. Они очень восприимчивы, умеют подражать тому, что они видят у немцев, и действительно в немного лет высмотрели и переняли у них многое, чего они раньше не знавали. Выработанные подобным [усовершенствованным] путем товары они про-

дают по более дорогой цене, чем раньше. В особенности изумлялся я золотых дел мастерам, которые теперь умеют чеканить серебряную посуду такую же глубокую и высокую и почти столь же хорошо сформованную, как у любого немца.

Тот, кто желает в ремесле удержать за собою какие-нибудь особые знания и приемы, никогда не допускает русских к наблюдению. Так делал сначала знаменитый литеец орудий Ганс Фальк: когда он формовал или лил лучшие свои орудия, то русские помощники его должны были уходить. Однако теперь, как говорят, они умеют лить и большие орудия и колокола. И в минувшем году в Кремле рядом с колокольной Ивана Великого ученик означенного Ганса Фалька отлил большой колокол, который, будучи очищен, весил 7700 пудов, т. е. 308 000 фунтов, или 2080 центнеров, как мне об этом здесь сообщили различные немцы из Москвы и русские. Этот колокол, однако, после того как его повесили в особо приготовленном помещении и стали звонить в него, лопнул; говорят, до трещины он имел великолепный звон. Теперь он снова разбился, и его царское величество желает на том же месте отлить еще больший колокол и повесить его в вечное воспоминание своего имени. Говорят, что и место для отливки и основа для формы с большими затратами уже устроены.

Русские люди высокого и низкого звания привыкли отдыхать и спать после еды в полдень. Поэтому большинство лучших лавок в полдень закрыты, а сами лавочники и мальчишки их лежат и спят перед лавками. В то же время из-за полуденного отдыха нельзя говорить ни с кем из вельмож и купцов.

На этом основании русские и заметили, что Лжедмитрий (о котором скоро будет речь) не русский по рождению и не сын великого князя, так как он не спал в полдень, как другие русские. Это же вывели они из того обстоятельства, что он не ходил, по русскому обычаю, часто в баню. Омовению русские придают очень большое значение, считая его, особенно во время свадеб, после первой ночи, за необходимое дело. Поэтому у них и в городах и в деревнях много открытых и тайных бань, в которых их очень часто можно застать.

В Астрахани я, чтобы видеть лично, как они моются, незамеченным образом отправился в их баню. Баня была разгорожена бревнами, чтобы мужчины и женщины могли сидеть отдельно. Однако входили и выходили они через одну и ту же дверь, притом без передников; толь-

ко некоторые держали спереди березовый веник до тех пор, пока не усаживались на место [...].

Они в состоянии переносить сильный жар, лежат на полке и вениками нагоняют жар на свое тело или трутся ими (это для меня было невыносимо). Когда они совершенно покраснеют и ослабнут от жары до того, что не могут более вынести в бане, то и женщины и мужчины голые выбегают, окачиваются холодной водой, а зимою валяются в снегу и трут им, точно мылом, свою кожу, а потом опять бегут в горячую баню. Так как бани обыкновенно устраиваются у воды и у рек, то они из горячей бани устремляются в холодную. И если иногда какой-либо немецкий парень прыгал в воду, чтобы купаться вместе с женщинами, то они вовсе не казались столь обиженными, чтобы в гневе, подобно Диане с ее подругами, превратить его водяными брызгами в оленя,— даже если бы это и было в их силах.

В Астрахани как-то случилось, что 4 молодые женщины вышли из бани и, чтобы прохладиться, прыгнули в Волгу, которая там на изгибе образует мель и приятное место для холодного купанья. Когда один из наших солдат также спустился к ним в воду, они начали шутя брызгать водою. При этом одна из них, решившаяся зайти слишком глубоко, попала на зыбучий песок и начала тонуть. Когда подруги ее увидели ее в опасности, они закричали, прибежали к солдату, который плавал отдельно, и умоляли его спасти ее. Солдат дал себя легко упросить, поспешил к ней, обхватил ее за тело и приподнял ее так, что она могла за него схватиться, удержаться [на воде] и выплыть. Женщины похвалили немца и говорили, что он был послан к ним в воду точно ангел.

Подобного рода мытье видели мы не только в России, но и в Лифляндии и Ингерманландии; и здесь простой люд, в особенности финны, в суровейшее зимнее время выбегали из бань на улицу, терлись снегом, а затем опять убегали греться. Такого рода быстрая смена жары и холода не была им во вред, так как они уже от юности приучали к ней свою природу. Поэтому-то финны и латыши, так же как и русские, являются людьми сильными и выносливыми, хорошо переносящими холод и жару.

В Нарве я с удивлением видел, как русские и финские мальчишки лет 8-ми, 9-ти или 10-ти, в тонких простых холщовых кафтанах, босоногие, точно гуси, с полчаса ходили и стояли на снегу, как будто не замечая нестерпимого мороза.

В России вообще народ здоровый и долговечный. Не домогает он редко, и если приходится кому слечь в постель, то среди простого народа лучшими лекарствами, даже в случае лихорадки с жаром, являются водка и чеснок. Впрочем, знатные господа теперь иногда обращаются к совету немецких докторов и к настоящим лекарствам.

Встречали мы, кроме того, в Москве у немцев, равно как и у лифляндцев, хорошие бани, устроенные в домах. В этих банях устроены сводчатые каменные печи, в которых на высокой решетке помещается много камней. Из такой печи идет отверстие в баню, которое они закрывают крышкою и коровьим навозом или глиною. Снаружи имеется другое отверстие — поменьше первого — для выхода дыма. Когда камни достаточно накалятся, открывается внутреннее отверстие, а внешнее закрывается, и сообразно тому, сколько требуется жара, наливают на камни воды, иногда настоянной на добрых травах. В банях, по стенам кругом, устроены лавки для потенья и мытья — одна выше другой, — покрытые кусками холста или тюфяками, набитыми сеном, осыпанные цветами и разными благовонными травами, которыми утыканы и окна. На полу лежит мелко изрубленный и раздавленный ельник, дающий очень приятный запах и доставляющий [большое] удовольствие. Для мытья отряжают женщину или девицу. Если у кого в гостях моется близко знакомый и любезный приятель, то к нему относятся очень внимательно, ухаживают за ним и берегут его. Хозяйка или дочь се приносит или присылает обыкновенно в баню несколько кусков редьки с солью, а также хорошо приготовленный прохладительный напиток. Большою погрешностью или знаком дурного приема считают, если это не делается. После бани они также доставляют своему гостю, сообразно с тем, как он этого достоин, всяческое приличествующее удовольствие угощением. [...]

О браках русских и о том, как они справляют свадьбу

Хотя греховная Венерина игра у русских очень распространена, тем не менее у них не устраиваются публичные дома с блудницами, от которых, как то, например, к сожалению, водится в Персии и некоторых иных странах, власти получают известный доход.

У них имеется правильный брак, и каждому разрешается иметь только одну жену. Если жена у него пом-

рет, он имеет право жениться вторично и даже в третий раз, но в четвертый раз уже ему не дают разрешения. Если же священник повенчает таких людей [не имеющих права жениться], то он лишается права совершать служение. Их священники, служащие у алтаря, должны непременно уже находиться в браке, и если у такого священника жена помрет, он уже не смеет жениться вновь, разве только он откажется от своего священнического сана, снимет свой головной убор и займется торговлею или другим промыслом. При женитьбах они также принимают в расчет степень кровного родства и не вступают в брак с близкими родственниками по крови, охотно избегают и браков со всякими свойственниками и даже не желают допустить, чтобы два брата женились на двух сестрах или чтобы вступали в брак лица, бывшие воспреемниками при крещении того же дитяти. Они венчаются в открытых церквах с особыми церемониями и во время брака соблюдают такого рода обычаи.

Молодым людям и девицам не разрешается самостоятельно знакомиться, еще того менее говорить друг с другом о брачном деле или совершать помолвку. Напротив, родители, имеющие взрослых детей и желающие побрачить их,— в большинстве случаев отцы девиц — идут к тем, кто, по их мнению, более всего подходит к их детям, говорят или с ними самими, или же с их родителями и друзьями и выказывают свое расположение, пожелание и мнение по поводу брака их детей. Если предложение понравится и пожелают увидеть дочь, то в этом не бывает отказа, особенно если девица красива; мать или приятельница жениха получает позволение посмотреть на нее. Если на ней не окажется никакого видимого недостатка, т. е. если она не слепа и не хрома, то между родителями и друзьями начинаются уже решительные переговоры о приданом, как у них говорят, и о заключении брака. Обыкновенно все сколько-нибудь знатные люди воспитывают дочерей своих в закрытых покоях, скрывают их от людей, и жених видит невесту не раньше, как получив ее к себе в брачный покой. Поэтому иногда обманывают и вместо красивой невесты дают ему безобразную и больную, иногда же вместо дочери какую-либо подругу ее или даже служанку. Там известны такие примеры у высоких лиц, и поэтому нельзя удивляться, что часто муж и жена живут как кошка с собакою [...].

Их свадьба и привод невесты в дом совершаются с особою пышностью. У знатных князей, бояр и их детей происходят они со следующими церемониями.

Со стороны невесты и жениха отряжаются две женщины, называемые у них свахами: они как бы ключницы, которые должны в брачном доме то и иное устроить. Сваха невесты в день свадьбы устраивает брачную постель в доме жениха. С нею отправляются около ста слуг в одних кафтанах, неся на головах вещи, относящиеся к брачной постели и к украшению брачной комнаты. Приготавливается брачная постель на 40 сложенных рядом и переплетенных ржаных снопах. Жених должен был заранее распорядиться сложить в комнате эти снопы и поставить рядом с ними несколько сосудов или бочек, полных пшеницы, ячменя и овса. Эти вещи должны иметь доброе предзнаменование и помогать тому, чтобы у брачащихся в супружеской жизни было изобилие пищи и жизненных припасов.

После того как за день все приведено в готовность и порядок, поздно вечером жених со всеми своими друзьями отправляется в дом невесты, причем спереди едет верхом поп, который должен совершить венчание. Друзья невесты в это время собраны и любезно принимают жениха с его провожатыми. Лучшие и ближайшие друзья жениха приглашаются к столу, на котором поставлены 3 кушанья, но никто до них не дотрагивается. Вверху стола для жениха, пока он стоит и говорит с друзьями невесты, оставляется место, на которое садится мальчик; помощью подарка жених должен опять освободить себе это место. Когда жених усядется, рядом с ним усаживается закутанная невеста в великолепных одеждах, и, чтобы они не могли видеть друг друга, между ними обоими протягивается и держится двумя мальчиками кусок красной тафты. Затем приходит сваха невесты, чешет волосы невесты, выпущенные наружу, заплетает ей две косы, надевает ей корону с другими украшениями и оставляет ее сидеть теперь с открытым лицом. Корона приготовлена из тонко выкованной золотой или серебряной жести, на матерчатой подкладке; около ушей, где корона несколько согнута вниз, свисают четыре, шесть или более ниток крупного жемчуга, опускающихся значительно ниже груди. Ее верхнее платье спереди, сверху вниз, и вокруг рукавов (которые шириною с 3 аршина, или локтя), равно как и ворот ее платья (он шириною с 3 пальца и туго, не без сходства с собачьим ошейником, охватывает горло), густо обсажены крупным жемчугом; такое платье стоит гораздо более тысячи талеров.

Сваха чешет и жениха. Тем временем женщины ста-

новятся на скамейки и поют разные неприличности. Затем приходят два молодых человека, очень красиво одетых; они приносят на носилках очень большой круг сыру и несколько хлебов; все это увешано отовсюду соболями. Этих людей, которые также приходят из дома невесты, зовут каравайниками. Поп благословляет их, а также сыр и хлеб, которые затем уносятся в церковь. Потом приносят большое серебряное блюдо, на котором лежат: четырехугольные кусочки атласной тафты — сколько нужно для небольшого кошель, затем плоские четырехугольные кусочки серебра, хмель, ячмень, овес — все попеременно. Блюдо ставится на стол. Затем приходит одна из свих, снова закрывает невесту и с блюда осыпает всех бояр и мужчин; кто желает, может подбирать кусочки атласа и серебра. В это время поют песню. Потом встают отцы жениха и невесты и меняют кольца у брачующихся.

После этих церемоний сваха ведет невесту, усаживает ее в сани и увозит ее с закрытым лицом в церковь. Лошадь перед санями у шеи и под дугою увешана многими лисьими хвостами. Жених немедленно позади следует со всеми друзьями и попами. [...] Рядом с санями идут некоторые добрые друзья и много рабов. [...]

В церкви большая часть пола в том месте, где совершается венчание, покрыта красной тафтою, причем постлан еще особый кусок, на который должны стать жених и невеста. Когда венчание начинается, поп прежде всего требует себе жертвы, как-то: пирогов, печений и паштетов. Затем над головами у жениха и невесты держат большие иконы и благословляют их. Потом поп берет в свои руки правую руку жениха и левую руку невесты и спрашивает их трижды: желают ли они друг друга и хотят ли они в мире жить друг с другом? Когда они ответят: «Да», он их ведет кругом и поет при этом 128-й псалом; они, как бы танцуя, подпевают его, стих за стихом. После танца он надевает им на голову красивые венцы. Если они вдовец и вдова, то венцы кладутся не на голову, а на плечи, и поп говорит: «Растите и множьтесь». Он соединяет их [...]. Тем временем все свадебные гости, находящиеся в церкви, зажигают небольшие восковые свечи, а попу подают деревянную позолоченную чашу или же только стеклянную рюмку красного вина: он отпивает немного в честь брачующихся, а жених и невеста три раза должны выпивать вино. Затем жених кидает рюмку оземь и вместе с невестою растаптывает ее на мелкие части, говоря: «Так да падут под ноги наши и

будут растоптаны все те, кто пожелает вызвать между нами вражду и ненависть». После этого женщины осыпают их льняным и конопляным семенем и желают им счастья; он также теребит и тащат новобрачную, как бы желая ее отнять у новобрачного, но оба крепко держатся друг за друга. Покончив с этими церемониями, новобрачный ведет новобрачную к саям, а сам снова садится на свою лошадь. Рядом с саями несут шесть восковых свечей [...].

Прибыв в брачный дом, т. е. к новобрачному, гости с новобрачным садятся за стол, едят, пьют и веселятся, новобрачную же немедленно раздевают вплоть до сорочки и укладывают в постель; новобрачный, только что начавший есть, отзывается и приглашается к новобрачной. Перед ним идут шесть или восемь мальчиков с горящими факелами. Когда новобрачная узнает о прибытии новобрачного, она встает с постели, накидывает на себя шубу, подбитую соболями, и принимает своего возлюбленного, наклоня голову. Мальчики ставят горящие факелы в вышеупомянутые бочки с пшеницею и ячменем, получают каждый по паре соболей и уходят. Новобрачный теперь садится за накрытый стол — с новобрачною, которую он здесь в первый раз видит с открытым лицом. Им подают кушанья, и между прочим жареную курицу. Новобрачный рвет ее пополам, и ножку или крылышко — что прежде всего отломится — он бросает за спину; от остального он вкушает. После еды, которая продолжается недолго, он ложится с новобрачною в постель. Здесь уже не остается больше никого, кроме старого слуги, который ходит взад и вперед перед комнатою. Тем временем с обеих сторон родители и друзья занимаются всякими фокусами и чародейством, чтобы ими вызвать счастливую брачную жизнь новобрачных. Слуга, сторожащий у комнаты, должен время от времени спрашивать: «Устроились ли?» Когда новобрачный ответит: «Да»; то об этом сообщается трубачам и литавщикам, которые уже стоят наготове, держа все время вверх палки для литавр; они начинают теперь веселую игру. Вслед за тем топят баню, в которой немного часов спустя новобрачный и новобрачная порознь должны мыться. Здесь их обмывают водою, медом и вином, а затем новобрачный получает от молодой жены своей в подарок купальную сорочку, вышитую у ворота жемчугом, и новое целое великолепное платье.

Оба следующих дня проводятся в сильной, чрезмерной еде [...] танцах и всевозможных увеселениях, какие

только они в силах выдумать. При этом прибегают они к разнообразной музыке: между прочим пользуются инструментом, который называют псалтырью; он почти схож с цимбалами. Его держат на руках и перебирают на нем руками, как на арфе. [...]

Когда, однако, незнатные или гражданского звания люди хотят справлять свадьбу, то жених за день до нее посылает невесте новое платье, шапку и пару сапог, а также ларчик, в котором находятся румяна, гребень и зеркало. На другой день, когда должна состояться свадьба, приходит поп с серебряным крестом, в сопровождении двух мальчиков, несущих горящие восковые свечи. Поп благословляет крестом сначала мальчиков, а затем гостей. Потом невесту и жениха сажают за стол, а между ними держат красную тафту. Когда затем невеста убрана свахою, она должна прижать свою щеку к щеке жениха; оба затем должны смотреться в одно и то же зеркало и любезно улыбаться друг другу. Тем временем свахи подходят и осыпают их и гостей хмелем. После этих церемоний они отправляются в церковь, где, по вышеуказанному способу, происходит венчание.

После свадьбы жен держат взаперти, в комнатах; они редко появляются в гостях и чаще посещаются сами друзьями своими, чем имеют право их посещать.

О положении русских женщин

Подобно тому как дочери вельмож и купцов мало или же даже вовсе не приучаются к домоводству, так же точно они впоследствии, находясь в браке, мало занимаются хозяйством, а только сидят да шьют и вышивают золотом и серебром красивые носовые платки из белой тафты и чистого полотна, приготавливают небольшие кошельки для денег и тому подобные вещи. Они не имеют права принимать участия ни в резании кур или другого скота, ни в приготовлении их к еде, так как полагают, что это бы их осквернило. Поэтому всякую такого рода работу совершает у них прислуга. Из подозрительности их редко выпускают из дому, редко также разрешают ходить в церковь; впрочем, среди простонародья все это соблюдают не очень точно.

Дома они ходят плохо одетые, но когда они оказывают, по приказанию мужа, честь чужому гостю, пригубивая перед ним чарку водки, или же если они идут через улицы, например в церковь, они должны быть одеты велико-

леннейшим образом и лицо и шея должны быть густо и жирно набелены и наруганы.

Князей, бояр и знатнейших людей жены летом ездят в закрытых каретах, обтянутых красною тафтою, которою они зимою пользуются и на санях. В последних они восседают с великолепием богинь, а впереди у ног их сидит девушка-рабыня. Рядом с санями бегут многие прислужники и рабы, иногда до 30, 40 человек. Лошадь, которая тащит такую карету или сани, похожа на ту, которая везет невесту; она увешана лисьими хвостами, что представляет весьма странный вид. Подобного рода украшения видели мы не только у женщин, но и у знатных вельмож, даже у саней самого великого князя, который иногда вместо лисьих хвостов пользуется прекрасными черными соболями.

Так как праздные молодые женщины очень редко появляются среди людей, а также не много работают и дома и, следовательно, мало заняты, то иногда они устраивают себе, со своими девушками, развлечения, например качаясь на качелях — что им особенно нравится. Они кладут доску на обрубок дерева, становятся на оба конца, качаются и подбрасывают друг друга в воздух. Иногда пользуются они и веревками, на которых они умеют подбрасывать себя весьма высоко на воздух. Простонародье, особенно в предместьях и деревнях, занимается этими играми открыто на улицах. Здесь у них поставлены общие качели в форме виселицы, с крестообразною движущейся частью, на которой двое, трое и более лиц могут подняться одновременно. Больше всего подобной игрою у них занимаются по праздникам: в эти дни особые молодые прислужники держат наготове сиденья и другие необходимые принадлежности и за несколько копеек одождают тем, кто желает покачаться. Мужчины очень охотно разрешают женам подобное увеселение и иногда даже помогают им в нем. [...]

Прелюбодеяние у них не наказывается смертью да и не именуется у них прелюбодеянием, а просто блудом, если женатый пробудет ночь с женою другого. Прелюбодем называют они лишь того, кто вступает в брак с чужою женою.

Если женщиною, состоящею в браке, совершен будет блуд и она будет обвинена и уличена, то ей за это полагается наказание кнутом. Виновная должна несколько дней провести в монастыре, питаясь водою и хлебом, затем ее вновь отсылают домой, где вторично ее бьет кнутом хозяин дома за запущенную дома работу.

Если супруги надоедят друг другу и не могут более жить в мире и согласии, то исходом из затруднения является то, что один из супругов отправляется в монастырь. Если так поступает муж, оставляя [...] свою жену, а жена его получит другого мужа, то первый может быть посвящен в попы, даже если он раньше был сапожником или портным. Мужу также предоставляется, если жена его оказывается бесплодною, отправлять её в монастырь и жениться через шесть недель на другой.

Примеры подобного рода даны и некоторыми из великих князей, которые, не будучи в состоянии произвести со своими супругами на свет наследника или получая лишь дочерей от них, отправляли жен в монастыри и женились на других. Так сделал тиран Иван Васильевич¹⁷, который насильно отправил в монастырь свою супругу Соломонию после того, как, проведя 21 год в брачной жизни с нею, не мог прижить детей; он затем женился на другой, по имени Елена, дочери Михаила [Василия] Глинского. Первая супруга, однако, вскоре за тем родила в монастыре младенца-сына, как о том подробнее рассказано у Герберштейна и у Тиллемана Бреденбаха¹⁸. Точно так же, если муж в состоянии сказать и доказать о жене что-либо нечестное, она должна давать постричь себя в монахини. При этом мужчина часто поступает скорее по произволу, чем по праву. Рассердившись на жену по одной лишь подозрительности или по другим недостойным побуждениям, он за деньги нанимает пару негодяев, которые с ним идут к судье, обвиняют и свидетельствуют против его жены, будто бы они застали ее при том или ином проступке или блуде; этим способом — особенно если еще обратиться за содействием к копейкам — достигают того, что добрая женщина, раньше чем она успеет собраться с мыслями, уже должна надеть платье монахини и против воли идти в монастырь, где ее оставляют на всю ее жизнь. Ведь тот, кто раз уже дал себя посвятить в это состояние и у кого ножницы прошлись по голове, более не имеет права выйти из монастыря и вступить в брак.

В наше время горестным образом должен был узнать это некий поляк, принявший русскую веру и женившийся на прекрасной молодой русской. Когда он по неотложным делам должен был уехать и пробыть вдали более года, доброй женщине, вероятно, ложе показалось недостаточно теплым, она сошлась с другим и родила ребенка. Узнав затем о возвращении мужа и не будучи уверена, что ей удастся дать добрый отчет в своем хозяйничанье дома, она бежала в монастырь и там постриглась. Когда

муж вернулся домой и узнал, в чем дело, его более всего огорчило то, что жена посвятилась в монахини. Он бы охотно простил ее и принял бы ее вновь, да и она бы опять вернулась к нему, но их уже нельзя было соединить, несмотря на все их желание. Патриарх и монахи сочли бы это за большой грех [...] который никогда не может быть прощен. [...]

О светском состоянии и о внутреннем строе у русских

Что касается русского государственного строя, то, как видно отчасти из вышеприведенных глав, это, как определяют политики, «*monarchia dominica et despotica*»¹⁹. Государь, каковым является царь или великий князь, получивший по наследию корону, один управляет всей страной, и все его подданные, как дворяне и князья, так и простонародье, горожане и крестьяне, являются его холопами и рабами, с которыми он обращается как хозяин со своими слугами. Этот род управления очень похож на тот, который Аристотелем²⁰ изображен в следующих словах: «Есть и иной вид монархии, вроде того, как у некоторых варваров имеются царства, по значению своему стоящие ближе всего к тирании». Если иметь в виду, что общее отличие закономерного правления от тиранического заключается в том, что в первом из них соблюдается благополучие подданных, а во втором личная выгода государя, то русское управление должно считаться находящимся в близком родстве с тираническим.

Вельможи должны безо всякого стыда, помимо того что они, как уже сказано, ставят свои имена в уменьшительной форме, называть себя рабами и переносить рабское обращение. Раньше наказывали гостей или знатнейших купцов и вельмож, которые во время публичных аудиенций должны показываться в великолепном одеянии, за неприход по неуважительной причине, как рабов,— ударами кнута по голой спине. Теперь же наказывают двух- или трехдневным заключением в тюрьме, смотря по тому, какие у них при дворе покровители и ходатаи.

Главу своего, великого князя, они зовут царем, его царским величеством, и некоторые полагают, что слово это происходит от слова *Caesar* [Цезарь]. И он, подобно его величеству римскому императору, имеет в государственном гербе и печати изображение двуглавого орла, хотя и с опущенными крыльями; над головами орла раньше изображалась одна, теперь же — три короны, в обо-

значение, помимо русского царства, еще двух татарских; Астрахани и Казани. На груди орла висит щит, дающий изображение всадника, вонзающего копье в дракона. [...] Этот орел был введен лишь тираном Иваном Васильевичем — из честолюбия, так как он хвалился происхождением от крови римских императоров. Его переводчики и некоторые из немецких купцов в Москве и зовут его императором. [...]

Они ставят своего царя весьма высоко, упоминают его имя во время собраний с величайшим почтением и боятся его весьма сильно, более даже, чем бога. Можно бы сказать им так же, как Саади²¹ в персидском «Саду роз» сказал боязливому слуге царя:

Если б так же, как монарха, бога чтил ты и страшился,
То как ангел воплощенный перед нами б ты явился.

Уже с малых лет внушают они своим детям, чтобы они говорили о его царском величестве как о боге и почитали его столь же высоко; поэтому они часто говорят: «Про то знают бог да великий князь». Это же значение имеют и [другие] обыкновенные речи их. Так «явиться перед великим князем» они называют «увидеть ясные очи его царского величества». Чтобы выказать глубокое смирение свое и свое чувство долга, они говорят, что все, чем они владеют, принадлежит не столько им, сколько богу и великому князю. К подобного рода речам частью приучил их многократно упоминавшийся тиран Иван Васильевич своими насильственными действиями, частью же ввиду общего состояния их, — они и нмущества их действительно находятся в подобном положении. Чтобы можно было спокойно удерживать их в рабстве и боязни, никто из них, под страхом телесного наказания, не смеет самовольно выехать из страны и сообщать им о свободных учреждениях других стран. Точно так же ни один купец, ради промысла своего, не имеет права без соизволения царя перейти границу страны и вести за границу торговлю.

Старый немецкий толмач Ганс Гельмес (умерший 97 лет от роду) 10 лет тому назад, по особой милости великого князя, отправил своего сына, родившегося в Москве, в немецкие университеты, чтобы там изучать медицину и потом служить царю. Молодой человек сделал такие успехи в этом деле, что с большой славою добился степени доктора и в Англии, в Оксфордском университете, считался чуть ли не за чудо учености. Однако ему уже не захотелось более возвращаться в московское рабство, от-

куда он раз выбрался. Поэтому-то новгородский купец Петр Микляев, умный и рассудительный человек, бывший с год назад послом у нас и хотевший поручить мне своего сына для обучения его немецкому и латинскому языкам, не мог получить на это позволение ни у патриарха, ни у великого князя.

Однако нельзя сказать, чтобы нынешние великие князья, хотя бы и имея ту же власть, нападали, наподобие тиранов, столь насильственным образом на подданных и на имущество их, как еще и теперь об этом пишут иные люди [...]. Впрочем, и вообще о русских пишут весьма многое, что в настоящее время уже не подходит, без сомнения, вследствие общих перемен во временах, управлении и людях. Нынешний великий князь — государь очень благочестивый, который, подобно отцу своему, не желает допустить, чтобы хоть один из его крестьян обеднел. Если кто-нибудь из них обеднеет вследствие неурожая хлеба или по другим случайностям и несчастиям, то ему, будь он царский или боярский крестьянин, от приказа или канцелярии, в ведении которой он находится, дается пособие, и вообще обращается внимание на его деятельность, чтобы он мог снова поправиться, заплатить долг свой и внести подати начальству. И если кого-либо за оскорбление величества или за доказанные великие его проступки ссылают в немилость в Сибирь — что в настоящие дни бывает не очень часто, — то и эта немилость смягчается тем, что ссыльному устраивается сносное пропитание, смотря по его состоянию и личным его достоинствам; вельможам при этом даются деньги, писцам даются должности в канцеляриях сибирских городов, стрельцам и солдатам опять-таки предоставляются места солдат, дающие им ежегодное жалованье и хорошее пропитание. Самое тягостное для большинства из них — быть удаленным от высокого лика его царского величества и не допускаться к лицезрению ясных очей его.

Имеются, впрочем, примеры и тому, что некоторым подобная немилость послужила весьма на пользу, а именно в промыслах своих и торговле они получили там гораздо большую выгоду, чем в Москве, и достигли такого благосостояния, что, имея при себе жену и детей, уже не просились более в Москву, даже по получении свободы.

Царь заботится, как это понятно, о своем величии и следит за правами величества, как делают это другие монархи и абсолютные государи. А именно: он не подчинен законам и может, по мысли своей и по желанию, изда-

вать и устанавливать законы и приказы. Эти последние все, какого бы качества они ни были, принимаются и исполняются без противоречий и даже с тем же послушанием, как если бы они были даны самим богом. [...]

Великий князь не только назначает и смещает начальство, но даже гонит их вон и казнит их, когда захочет. [...]

Во всех провинциях и городах он назначает своих воевод, наместников и управляющих, которые с канцеляристами, дьяками или писцами должны производить суд и расправу. Что они решат, то при дворе считается правильным, и на приговор их суда нет апелляции ко двору. При подобном управлении провинциями и городами он придерживается того образа действий [...] а именно: чтобы он не оставлял ни одного воеводы или начальника дольше двух-трех лет на одном месте, разве только не будут к тому важные причины. Делается это для того, чтобы, с одной стороны, местность не испытывала слишком долго тягости несправедливого управления, а с другой стороны, чтобы наместник не сдружился слишком сильно с подданными, не вошел в их доверие и не увлек страны к отпадению.

Один лишь великий князь имеет право объявлять войну иноземным нациям и вести ее по своему усмотрению. Хотя он и спрашивает об этом бояр и советников, однако делается это тем же способом, как некогда Ксеркс²², царь персидский, созвал князей азиатских не для того, чтобы они ему давали советы о предположенной им войне с греками, но скорее для того, чтобы лично сказать князьям свою волю и доказать, что он монарх. Он сказал при этом, [что] созданы они им, правда, для того, чтобы он не все делал по собственному своему усмотрению, но они должны при этом знать, что их дело скорее слушаться, чем советовать.

Великий князь также раздает титулы и саны, производя тех, кто имеет заслуги перед ним и перед страной или кто вообще считается достойным его милости, в князей. Некоторые великие князья, слышав, что в Германии существует право монархов выдавать докторские дипломы, подражали и этому праву; некоторые из них, как частью уже указано выше, давали подобные титулы своим врачам, а иногда даже и цирюльникам.

У царя производится своя чеканка монеты в стране в четырех различных городах, а именно: в Москве, Новгороде, Твери и Пскове; дает он чеканить монету из чистого серебра, иногда и из золота; монета эта мелка,

вроде небольших датских секслингов, мельче еще, чем немецкий пфенниг; частью она круглая, частью продолговатая. На одной стороне обыкновенно изображен всадник, который копьем колет в поверженного дракона; говорят, это первоначально был лишь герб новгородский; на другой стороне русскими буквами изображено имя великого князя и город, где эта монета чеканена. Этот сорт монет называется деньгами или копейками; каждый из них равен по цене голландскому штиверу или составляет почти столько же, сколько мейсенский грош или голштинский шиллинг; 50 их идет на один рейхсталер. У них имеются и более мелкие сорта монет, а именно в $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ копейки [...] их называют полушками и московками. Так как они очень мелки, то ими трудно вести торг: они легко проваливаются сквозь пальцы. Поэтому у русских вошло в привычку, при осмотре и мерянии товаров, брать зачастую до 50 копеек в рот, продолжая при этом так говорить и торговаться, что зритель и не замечает этого обстоятельства; можно сказать, что русские рот свой превращают в карман. В торге они считают по алтынам, гривнам и рублям, хотя этих сортов денег в целых монетах и нет; они считают их по известному числу копеек. В алтыне — 3, в гривне — 10, а в рубле — 100 копеек. У них ходят и наши рейхсталеры, которые они называют ефимками (от слова Jochimstal[er]); они охотно принимают ефимки за 50 копеек, а потом отдают в чеканку, выигрывая при этом, так как в рубле, или 100 копейках, на $\frac{1}{2}$ лота меньше весу, чем в двух рейхсталерах. Золотой монеты видно немного. Великий князь велит ее чеканить только в тех случаях, когда одержана победа над врагом, или же при иных обстоятельствах, в виде особой царской милости, для раздачи солдатам.

Великий князь время от времени устанавливает тяжкие налоги. Теперь купцы, как русские, так и иностранные, должны платить в Архангельске и Астрахани 5 со 100, что составляет за год большую прибыль.

Царь зачастую посылает великолепные посольства к его величеству римскому императору и королям датскому, шведскому, персидскому и другим монархам. Более важные из посылаемых лиц называются великими послами, гонцы и менее важные лица — посланниками. Временами он присылает и большие подарки, состоящие из мехов. Между прочим, достойно памяти, что великим князем Федором Ивановичем в 1595 году было послано императору Рудольфу II при значительном посольстве.

Я об этом знаю от достоверного свидетеля. Подарки были следующие:

- 1003 сорока соболей,
- 519 сороков куниц,
- 120 чернобурых лисиц,
- 337 000 лисиц,
- 3000 бобров,
- 1000 волчьих шкур,
- 74 лосиные шкуры.

Иногда послы, а особенно посланники, когда они не везут с собою великокняжеских подарков, дарят соболей от себя, ожидая за то и сами для себя подарков; если ответные подарки вовремя не даются, то они сами о них напоминают.

Великий князь почти каждый год посылает к шаху персидскому посланников, или малых послов, которые, при своих зачастую неважных поручениях, занимаются и торговлею (впрочем, купцов своих великий князь посылает еще особо); эта торговля дает им тем большие выгоды, что шах дает им в своей стране полное содержание. Так как царь довольно часто отправляет своих послов к заграничным монархам, то и его зачастую посещают послы от этих последних; часто два, три и более послов одновременно находятся в Москве, и дела и отсылка их идут весьма медленно. Некоторые иностранные государи имеют в Москве своих легатов, постоянных консулов или резидентов, живущих в собственных своих дворах. В Москве устроены удобные дома и дворы, в которых помещают приезжающих послов. В этих домах, однако, нет кроватей, и кто не желает спать на соломе и жестких скамьях, должен везти с собою свои собственные кровати. Ворота посольских дворов заняты крепкими стражами, и раньше строго следили за тем, чтобы никто из посольской свиты не выходил, а из посторонних людей не входил; их охраняли как арестованных. Теперь, однако, после первой публичной аудиенции всякий может выходить, куда ему угодно. [Московские] жители нам говорили, что мы, во время первого посольства нашего, были первыми лицами, имевшими право свободно выходить.

Послы со всей своею свитою, пока находятся в стране, получают обильное содержание. Постоянно посещают их в это время и служат им два для этой цели отряженные к ним пристава. Обычные вопросы приставов к послам следующие: «Зачем они едут к великому князю?»; «Не знают ли они, какво содержание писем к царю?»;

«Везут ли они подарки, и сколько именно, для передачи его царскому величеству?»; «Нет ли чего-нибудь для них [приставов] лично?» Когда подарки переданы, великий князь немедленно, на другой или на третий день, велит особым людям произвести оценку их стоимости. Раньше послы, после допущения к публичной аудиенции, всегда приглашались к столу в великокняжеских покоях, иногда даже к самому великому князю. Теперь же милостию жалуемые кушанья и напитки обыкновенно доставляются к послам на дом.

Послам, а равно и служителям их, при возвращении (в том случае, если они доставили подарки от своих государей или от самих себя) подносятся хорошие подарки в виде соборей и других мехов. И посланники, если только они доставляют дружественные послания от иностранных государей, получают обыкновенно сорок соборей, которые стоят в Москве 100 талеров или более того.

Чтобы дать возможность послам и эстафетам передвигаться поскорее, на больших дорогах заведен хороший порядок. В разных местах держат особых крестьян, которые должны быть наготове с несколькими лошадьми (на одну деревню приходится при этом лошадей 40, 50 и более), чтобы, по получении великокняжеского приказа, они немедленно могли запрягать лошадей и спешить дальше. Пристав или сам едет вперед, или посылает кого-либо иного и велит ждать эстафету. Если теперь эстафета, прибыв на место днем или ночью, подаст свистом знак, немедленно появляются ямщики со своими лошадьми. Вследствие этого расстояние от Новгорода до Москвы, в котором насчитывается 120 немецких миль, может быть совершенно спокойно пройдено в 6—7 дней, а в зимнее время, по санному пути, еще и того быстрее. За подобную службу каждый крестьянин [ямщик] получает в год 30 рублей, или 60 рейхсталеров, может, к тому же, заниматься свободно земледелием, для чего получает от великого князя землю и освобождается от всяких поборов и других тяжелых повинностей. Когда они едут, то пристав должен каждому из них выдать по алтыну или по два (что они называют «помаслить хлеб»). Служба эта очень выгодна для крестьян, и многие из них стремятся быть подобного рода ямщиками. [...]

**О Лжешуйском,
иначе говоря — Тимошке Анкудинове²³,
его происхождении, действиях и гибели**

Был некий русский, который желал именоваться Johannes Sinensis [Szuensis?] — что, по его словам, по-сарматски переводится «Иван Шуйский». Бежав из-за некоторых преступлений из Москвы, он выдавал себя в чужих странах за сына бывшего великого князя Василия Ивановича Шуйского. Нынешний великий князь Алексей Михайлович с большими затратами разыскал его; он был схвачен, и в минувшем году в Москве его казнили.

Так как он в различных странах, частью лично, частью по слухам, был известен и весьма многие, в том числе и высокие государи, не знали истинных обстоятельств о нем и даже были о нем весьма различных и неправильных мнений, — я хочу вкратце рассказать всю истину о нем, как я ее достоверно узнал не только от русских, но и от немцев, живущих в Москве и хорошо с ним знакомых.

Истинное имя его — Тимошка Анкудинов. Родился он в городе Вологде, лежащем в области того же наименования, от простых, незнатных родителей. Отец его назывался Демкою или Дементием Анкудиновым и торговал холстом. Так как отец заметил в нем добрые способности и выдающийся ум, то он дал ему возможность прилежно посещать школу, так что Тимошка скоро научился читать и красиво писать и достиг, стало быть, высшей степени русской образованности, дальше которой они до сих пор не заходили. Помимо того у него оказался еще хороший голос для пения — он умел красиво исполнять церковные песнопения, — и поэтому тогдашний архиепископ вологодский и великопермский, именем Нектарий, полюбил его, принял ко двору своему и поместил на церковную службу. Здесь он вел себя так хорошо, что архиепископ выдал за него замуж дочь своего сына, рожденного до принятия архиепископом духовного сана. Тут Тимошка загордился и иногда в письмах своих стал именовать себя внуком наместника вологодского и великопермского. Промотав в беспорядочной жизни, после смерти архиепископа, имущество жены своей, он с женой и ребенком перешел в Москву, где его принял бывший друг его по архиепископскому двору Иван Патрикеев, дьяк приказа Новой четверти, и устроил писцом в том же приказе. И здесь он вел себя так хорошо, что ему по-

ручили сбор и расходование денег; а заведовал приказ этот деньгами, получавшимися с великокняжеских кабаков и трактиров. Некоторое время он добросовестно исполнял свои обязанности, но наконец подружился со скверными товарищами, стал пьянствовать и играть и при этом прибрал к рукам великокняжеские деньги. Когда он увидел, что при предстоящем отчете (а отчет этот при московитском дворе требуют всегда наистрожайшим образом и всех подлежащих отчету держат в страхе) ему неостанет ста рублей, он пустился на всяческие хитрости и выдумки, чтобы пополнить украденные деньги. Между прочим, он отправляется к писцу того же приказа Василию Григорьевичу Шпилькину, который был его кумом (что в Москве имеет большое значение) и неоднократно ему оказывал благодеяния, и говорит: прибыл в Москву из Вологды знатный купец, добрый друг его; его он на завтрашний день пригласил к себе в гости; чтобы теперь нарядить свою жену более обыкновенного и вывести, как это принято, с чаркою водки, он просит своего кума и надежного друга одолжить ему своей жены жемчужный ворот и украшения, которые вскоре в полной сохранности будут возвращены ему на дом. Шпилькин, не подозревая ничего дурного, охотно, без залога, исполнил его просьбу, хотя украшения и стоили дороже 1000 талеров. Тимошка, однако, не только забыл вернуть эти вещи, но даже, когда Шпилькин ему о возврате напомнил, стал отрицать получение от него чего-либо и требовал доказательств. Шпилькин призвал Тимошку к суду, и, когда тот тем не менее стал отрицать, он настоял на заключении его в тюрьму. Но так как обвиненного нельзя было уличить, его отпустили на поруки. Тем временем он все-таки не мог вернуть похищенных денег. В то же время и собственная жена Тимошки, с которою он жил не в ладах, стала сильно упрекать его за это преступление [...] и Тимошка стал опасаться, как бы жена его в конце концов не совершила полной исповеди, после чего истина и все его злодеяния вышли бы наружу. Чтобы затушить это дело, он решился на еще большее преступление: он взял сынка своего и привел его к доброму своему другу Ивану Пескову в Разбойный приказ, а сам ночью вернулся в свой дом, находившийся на Тверской, недалеко от двора шведского резидента, запер жену свою в комнате, подложил огонь и сжег свой дом, а в нем и жену. Затем он бежал в Польшу, так что долгое время не знали, жив ли он еще или сгорел вместе с домом. Это случилось осенью 1643 года.

Когда, два года спустя московские послы прибыли в Польшу и стало известно, что там находится такого рода русский, а Тимошка стал опасаться, как бы о нем не стали спрашивать, то он в 1646 году бежал оттуда к казацкому полководцу Хмельницкому²⁴, у которого жаловался, будто его преследуют за происхождение его из рода великих князей. Льстивыми речами он добился того, что стал Хмельницкому мил и любезен, и обращались с ним здесь хорошо. Двумя годами позже царский посланник по имени Яков Козлов, по другому делу, был прислан к Хмельницкому; он увидел здесь Тимошку, узнал его и стал в добрых словах уговаривать, чтобы он бросил беганье и вернулся опять в Москву: ошибка с великокняжескими деньгами легко может быть прощена ему по заступничеству добрых друзей. В то время еще не знали, что он выдавал себя за сына великого князя Шуйского. Тимошка, однако, не захотел поверить другу, и так как нечистая совесть гнала его дальше, то он опять исчез и в 1648 году бежал в Турцию, дал себя обрезать и принял магометанскую веру. Так как здесь из-за блудного дела, им совершенного, угрожала опасность его голове, он тайно бежал, отправился в Италию, в Рим, и здесь принял римско-католическую веру. Отсюда он отправился в Австрию, в Вену, а затем в 1650 году в Трансильванию, или Семиградье, к князю Ракоци²⁵. Этот последний его принял, поверил хитрым его уверениям, сильно пожалел его и, по убедительной его просьбе, отпустил с рекомендациею к другим государям. Отсюда направился он в Швецию, где правившая в то время королева Христина²⁶, ради рекомендательного письма князя Ракоци, оказала ему всяческую милость и отпустила от себя с хорошими подарками. Тем временем русские купцы, находившиеся в Стокгольме, сообщили в Москву о прибытии в Стокгольм такого человека. Его царское величество велел немедленно же послать к ее королевскому величеству в Швецию писца Козлова с письмом такого содержания: «Дошло до сведения его царского величества, что некий русский, к большому ущербу для его царского величества именующий себя родным сыном царя Василия Ивановича Шуйского (не оставившего, однако, никакого мужского потомства) и называющий себя Johannes Sinensis, явился в Стокгольм; поэтому желательно, чтобы, ради соседственной дружбы, означенный Лжешуйский был выдан этому их посланному». Названный Шуйский, однако, еще до прибытия гонца уже успел собраться в путь и уйти в Лифляндию. Оставшийся слуга его Костька, т. е. Константин,

был здесь пойман, закован во многие цепи и отправлен в Москву. Тимошка, правда, был заключен под стражу в Ревеле по розыскному письму ее величества королевы шведской, но вырвался на волю и бежал. Тем временем мать Тимошки и все, кто были в доброй дружбе с беглецом, из простого подозрения в существовании заговора были заключены в тюрьму, подверглись пытке, а иные и померли при этом. Уйдя из Лифляндии, Тимошка отправился в Брабант и был, как он сам пишет, у эрцгерцога Леопольда²⁷. Отсюда направился он в Лейпциг и Виттенберг с поляком по имени Стефан Липовский, принял здесь аугсбургское исповедание и причастился, как это видно из собственной его исповеди, писанной по-латыни, снабженной его собственноручною подписью и печатью и по сию пору находящейся в означенном университете. Наконец он прибыл в Голштинию и явился в Нейштадт, где его поймал и заключил под стражу русский купец по имени Петр Микляев из Новгорода, также высланный с царскими розыскными грамотами к немецким князьям и монархам. Отсюда его, по приличествующей случаю просьбе, полученной от того же русского и также и со стороны знатного купца в Любеке, доставили в княжескую резиденцию Готторп и держали здесь до тех пор, пока от его царского величества не были отправлены специальные грамоты и гонцы к его княжеской светлости в Шлезвиг-Голштинию.

Его царское величество, ради этого Тимошки, рассылал время от времени к европейским королям, князьям и государям послов и гонцов и выхлопывал розыскные грамоты, чтобы беглец нигде не мог чувствовать себя в безопасности, но везде, где бы его ни встретили, мог быть схвачен. Поэтому как только его царское величество узнал от посланника, по этому делу отправленного в Швецию, что Тимошка захвачен в Нейштадте, в Голштинии, как он тотчас же отправил к его княжеской светлости двух гонцов, одного за другим, с грамотою одинакового содержания.

*Письмо
его величества царя московского
к его светлости
князю шлезвиг-голштинскому*

«Бога всемогущего, во всем все творящего и добрыми утешениями все народы охраняющего, в святой троице возвеличенного и в единстве славимого господа бога

нашего милостью, промыслом, мощью, силою и волею избранные соблюдать и содержать великую российскую державу, держа в руках скипетр истинной христианской веры и охраняя другие увеличенные и вновь приобретенные государства, с помощью божиею, в мире и без смятения, до века,—мы, великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович и пр. (с обычным полным титулом), державнейшему Фридерiku, наследнику норвежскому, герцогу шлезвигскому, голштинскому, стормарнскому и дитмарсенскому, графу ольденбургскому и дельменгорстскому [объявляем] наш любезный привет.

В минувшем 1644 году — по московитскому календарю 7152-м — обокрали нашу царского величества казну Тимошка Анкудинов да Костька Конюхов, которые от наказания смертною казнью бежали из земель нашего царского величества в Константинополь и там приняли мусульманство. Так как они и там совершили злые поступки, то они вновь бежали от наказания смертною казнью и прибыли в Польшу и Литву, вызвали смуту у государей и находились в войске запорожских казаков у генерала Федота [Богдана] Хмельницкого, который обоих вышеназванных наших воров и изменников, по приказанию великого государя Иоанна Казимира, нашего брата, короля польского, должен был схватить и передать посланным к нему короля польского дворянину Ермоличу и нашему дворянину Петру Протасьеву; по этому делу означенный Хмельницкий особо писал к нашему царскому величеству. Однако воры и изменники наши бежали в Рим и приняли там латинскую веру, а затем бежали к другим государям, затевая у них смуту и переменяя имена свои. Один из них, Тимошка, называл себя Шуйским, а в иных местах Sinensis'ом, Костька же выдавал себя за его слугу. Оба появились и в шведском королевстве, где их узнали наши купцы из Новгорода и иных городов. После этого их схватили, а именно Тимошку арестовал генерал в Ревеле, а Костьку генерал в Нарве, но оба генерала не хотели, без указа великой королевы шведской, выдать нам обоих изменников. После этого мы писали к великой королеве чрез нашего дворянина NN, чтоб она приказала обоих вышеназванных наших изменников передать нам, на что великая королева шведская согласилась и генералу в Ревеле письмом своим указала, чтобы оба наши изменника были переданы дворянину нашему, когда он из Стокгольма прибудет в Ревель. Когда, однако, дворянин наш из Стокгольма прибыл в Ре-

вель, то ему был передан только изменник Костька. Что же касается Тимошки, то он бежал из-под ареста и, пока наш дворянин находился в Ревеле, нигде не мог быть найден. Однако позже он в Голштинии, в Нейштадте, был схвачен и брошен в темницу. Поэтому мы и послали к вашей любви с нашего царского величества письмом посланника Василия Шпилькина с несколькими из наших подданных, чтобы вы указали передать ему означенного нашего изменника и переслать его нам. (До сих пор первое письмо от 31 октября 1652 г. и второе от 5 января 1653 г. были слово в слово схожи одно с другим. В последнем дальше прибавлено.) Но в минувшем году, в декабре месяце, прибыл к нам Петр Микляев из Новгорода и доставил нашему царскому величеству от ваших советников доказательство, что он с Иоганном фон Гореном из Любека схватил означенного нашему величеству изменника в вашем городе Нейштадте, что ими принесена вам жалоба и сообщено о его воровстве и что, в силу этого, вы приказали его доставить из вашего княжеского города Нейштадта в Готторп и содержать под сильной стражею. Поэтому мы и посылаем с настоящим нашего царского величества письмом означенного Петра Микляева, чтобы вы, согласно с первым и настоящим нашим письмом, приказали передать вышеозначенного арестанта и нашего изменника нашим посланникам Шпилькину и Петру Микляеву и другим нашим подданным и соизволили, через них, переслать его к нам, дабы изменник не бежал и не вызвал дальнейших беспокойства и смуты. За то и наше царское величество, в свою очередь, окажем вашей любви всякую услугу, когда в этом будет необходимость.

Вор и изменник нашего царского величества по имени Тимошка — весьма низкого звания. Он сын простого торговца холстами, отца его зовут Демкою Анкудиновым из предместья Вологды, его мать — Соломонидкою, а сына, который еще жив, Сережкою. Означенный Тимошка служил в Москве в Новой четверти и обворовал нашу казну, убил свою жену и сжег ее в своем доме, вследствие чего сгорели одновременно и дома многих других людей и многим нашим подданным нанесен был убыток. Поэтому он приговорен к смерти, бежал и находится в бегах вплоть до настоящего времени, вызвав во многих странах беспокойство. Дано в нашей царского величества столице Москве 5 января в год от сотворения мира 7161-й (от Р. Х. — 1653-й)».

Третье, и последнее, письмо к его княжеской светлости по тому же поводу было отослано 17 октября того же года, после чего пленник был передан русским.

Один из посланников, доставивших эти письма и отвезших пленника, был, как видно из этого письма и как уже сказано, [Василий] Григор[ьевич] Шпилькин, писец, бывший сотоварищ Тимошки в канцелярии четверти, у которого Тимошка обманным образом выманил драгоценности его жены. Когда ему однажды было разрешено видеть пленника и разговаривать с ним в присутствии нескольких знатных придворных чинов, Тимошка важную походкою выступил к нему навстречу, представился, будто он его никогда не видал, не хотел даже говорить с ним по-русски, но требовал, чтобы тот говорил с ним на сарматском языке, которого Шпилькин не знал. Когда Шпилькин спросил, не он ли Тимошка Анкудинов, обокравший великокняжескую казну и совершивший другие злодеяния, он ответил: весьма возможно, что негодяй по имени Тимошка Анкудинов и обокрал казну великого князя (здесь говорят «обокрасть казну великого князя» не про кражу со взломом в самой казне, но про утайку денег, которые должны были идти в казну или принадлежали казне), но его лично это не касается, так как его имя *Iohannes Szuensis*, по-сарматски — Шуйский. В это время он не хотел сказать, что он — сын великого князя Василия Ивановича Шуйского. Когда, однако, Шпилькин еще дольше с ним стал говорить и начал напоминать ему про прежнюю его жизнь, он начал смеяться над ним и ругать его: он говорил, что не может признать его посланником, что он, как видно из его фамилии, очевидно, торговец шпильками.

Некоторое время спустя, по выраженному им же самим желанию, через придворного канцлера и советников стали спрашивать Тимошку о некоторых пунктах, а именно: какого он происхождения и рода? родственник ли он великому князю? почему его великий князь преследует? чем он мог бы вредить ему? — и Тимошка отвечал частью устно, частью в особой записке. Его собственные слова были таковы: «Ведь уже слышали, что я *Iohannes Szuensis*, или по-сарматски Ян Шуйский, наречен в святом крещении Тимофеем. Я — сын Василия Домициана Шуйского, который имеет свое фамильное имя от лежащего в Московии города Шуи и происходит из фамилии московитской нации. Родился я и воспитан в некоей части королевства Польского, в провинции Новгород-Северской, вотчинник я в Украине Северской, где у меня собствен-

ные именья «Великое Болото», близ московитской границы. Нынешний великий князь мне вовсе не родственник, так как отец его только из дворян, мой же отец был из княжеского рода. Так как великий князь знает это, то он и преследует меня. Хан татарский, ныне воюющий с короною польскою, подстрекал меня враждебно напасть на московитскую землю, но я, помня, что мои древние предки называли эту страну своим отечеством, из любви к ней, не сделал подобной попытки, т. е. не пытался насилие ответить насилием. Я бы мог послать в землю великого князя 100 000 сабель, но бог да хранит меня от подобного поступка» и т. д. То же самое излагал он и в письме на имя патриарха. Первый московитский посланник, прибывший из Швеции, явившись к нему, стал с ним дружелюбно говорить и посоветовал ему обратиться с прошением на имя патриарха, имеющего большое влияние на великого князя и легко могущего своим заступничеством вновь вернуть ему милость; и сам посланник также обещал похлопотать. Шуйский, положившись было на слова этого русского, передал ему закрытое письмо на имя патриарха, в котором, между прочим, говорилось: он родился русским и в крещении наречен Тимофеем (отсюда уменьшительное — Тимошка), его прельщали, чтобы он послал в страну 300 000 сабель, но ночью явился ему ангел, увещевавший его не предпринимать ничего подобного против собственного отечества и религии; он принял это к сердцу и хотел вновь в мире идти домой; недавно в Нейштадте ему снова можно было освободиться, но он не захотел этого сделать, чтобы иметь возможность представиться и с посланниками вновь вернуться в Москву. Когда, однако, посланник вскрыл это письмо и прочел его в моем присутствии, Тимошка стал отрицать свою руку и сказал, [что] он ничего об этом не знает; он показал другого рода почерк и ругал и поносил посланника так, что тот, не будучи в состоянии стерпеть, плюнул на письмо и бросил его ему в лицо. Тимошка тотчас же разорвал письмо на мелкие кусочки.

Своими непостоянными и переменчивыми речами и записками Тимошка достаточно ясно выказал, что он стоит на лживой основе. Иногда он говорил: он — русский и сын великого князя Василия Ивановича, а в переданной записке он называл своего отца Василием Домцианом. Между тем известно, что из трех братьев Шуйских — а других Шуйских тогда и не было в России — никто не назывался так. То опять он отрицал свое русское происхождение и писал в вышеупомянутой записке:

«Я могу доказать с очевидностью, что — хотя тело мое нестерпимыми муками и ослаблено — тем не менее ни из языка, ни из привычек, ни из состояния моего нельзя вывести, что я москвит». Он не отпускал бороды, как другие русские. Во время долгих своих путешествий он изучил довольно сносно несколько языков, как-то: латинский, итальянский, турецкий и немецкий, так что на каждом из них мог излагать свои мысли. Он умел также писать по-русски разными почерками, меняя руку, смотря по тому, как это ему было выгодно. Грамоты, приходившие ради него от его царского величества к его княжеской светлости, он старался представить подозрительными и старался в переданной им записке убедить нас, что эти грамоты вымышлены и фальшивы, так как они не подписаны ни его царским величеством, ни кем-либо из вельмож. «Богу и людям известно,— говорил он,— что каждое запечатанное письмо, подобно настоящим, лишенное подписи, не может иметь значения». Однако Тимошка ошибался, воображая, что мы не знаем канцелярских обыкновений русских. Ни одна из царских миссий или грамот к другим государям, даже никакие договоры не подписываются самим царем; считается достаточным, что они снабжены большою печатью. Бояре же и государственные советники, которые вели переговоры по данному делу, подписывают особую грамоту относительно договоров и подкрепляют ее своими печатями, которые имеют то же значение, как если бы подпись была дана самим его царским величеством. Когда Тимошка увидел, что хитрость и обман его разгаданы и что ему не удастся выговорить себе свободу, но что он будет в конце концов выдан русским, он из отчаяния думал сам себя лишиться жизни. Когда он на пути в Травемюнде, где его должны были посадить на судно, проезжал мимо Нейштадта, он нарочно выбросился из повозки, упал на голову и подвалился под колесо, надеясь так покончить с собою, но так как ехали по песку и телега сейчас же остановилась, то его невредимого снова посадили в телегу и стали еще старательнее сторожить. Позже на пути в Москву он придумывал разные средства, чтобы лишиться себя жизни; но так как это заметили, то эти средства были у него отняты прилежною охраною. В общем, он был все время довольно весел, вплоть до приезда в Новгород; здесь он начал печалиться и уже от Новгорода до Москвы не желал ни есть, ни пить.

Как только прибыли с ним в Москву, его немедленно же отправили на пытку. Однако во время пытки и

перед смертью своею он вел себя крайне упрямо: можно было предполагать, что он поступает так или желая, чтобы его сочли за сумасшедшего, или же зная, что все равно он будет казнен, сознается ли в правде или нет; из отчаяния он хотел скорее, чем сознаться, продолжать упорствовать в начатом и продолжавшемся им обмане и злодействе, чтобы иностранные государи его постоянством в речах были подкреплены в мыслях, которые он хитростью им внушил. На совесть свою он обращал здесь столь же мало внимания, как раньше при принятии столь многих религий; вероятно, он думал: лучше бегом попасть в ад, чем идти туда шагом.

Когда ему на пытке, в присутствии отряженных для этой цели знатнейших государственных советников, были заданы вопросы о некоторых пунктах и он был допрошен, он сказал: он не почитает никого, за исключением вельможи и боярина Никиты Ивановича Романова, достойным вести переговоры с ним. (А боярин этот был давно известен ему своей храбростью и добрым нравом.) Пришлось, вследствие этого, двум из бояр отправиться к Никите и просить его зайти к нему. Тем временем Тимошка попросил пить, и когда ему принесли деревянную чашку с квасом, или слабым пивом, он отказался от кваса и не захотел пить из деревянной чашки, требуя, чтобы ему дали испить меду из серебряного сосуда. Когда исполнили эту его просьбу, он поднес сосуд ко рту, но отпил лишь немного. Когда теперь боярин Никита с двумя другими боярами вошли к нему, он смиренно поклонился ему, но еще упорнее стал утверждать, что он сын царя Василия Ивановича Шуйского. Ему, однако, было сказано и доказано, что он сын Дементия Анкудинова, простого торговца холстом в Вологде, а вовсе не из великокняжеского рода Шуйских. Покойный великий князь Василий Иванович Шуйский вовсе не имел детей, а лишь двух братьев: князя Дмитрия Ивановича и Ивана Ивановича Шуйских, которые также не оставили мужского потомства. Эти три брата вместе с тогдашним патриархом Филаретом Никитичем были отправлены в Польшу в плен, как это указано выше. Старшие два брата умерли в Польше, третий же, по имени Иван Иванович, вместе с патриархом был отпущен на волю, прибыл в Москву и скончался лишь в правление нынешнего великого князя, немного лет тому назад. Было из этого же рода еще одно лицо — именно брат их отца князь Василий Федорович, имевший лишь одного сына, а именно князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского²⁸, который в то время,

когда шведский полководец занял Великий Новгород, умер, также не оставив наследников. Таким образом, Тимошка не мог быть из рода Шуйских.

Во время пытки ему была представлена родная его мать — ныне монахиня; она, горько плача, жаловалась на его несчастье и увещевала его отказаться от своего безумия, признать истину и умолять царя о милости. Тимошка печально смотрел на нее, но представился, будто не узнает ее. Ему дали очную ставку и с писцом Иваном Песковым, которому он накануне бегства доверил своего сына; одновременно с писцом показали ему и сына. Песков сурово напустился на Тимошку: достаточно уже он пробавлялся ложью и обманом, вызвав и на него, Пескова, высокую его царского величества немилость и причинив ему сердечную скорбь; вспомнил бы он о боге и признал правду; не его ли это сын, которого он, Песков, теперь к нему сажает? Следует, однако, знать, что сына этого Тимошка произвел на свет не с законной своею женою, а со служанкою. Тимошка посмотрел на обоих, поздоровался с Песковым, но больше не хотел говорить с ним ни слова. Хотя и приводили к нему для очной ставки многих прежних его добрых знакомых и друзей, бывших одновременно с ним писцами, хотя все они увещевали его признать правду, все-таки он на все их речи, так как достаточно уже был уличен, отвечал молчанием. Его осмотрели и нашли, что он был обрзан. Его увели с места пытки и на другое утро опять привели сюда и допрашивали о некоторых пунктах. Он, однако, ни на один не желал ответить. Тогда его с пытки перевели на большую площадь перед Кремлем, прочли о его преступлениях и объявили приговор о нем: его велено было изрубить в куски. [...]

Его бывший слуга Костька должен был смотреть на казнь своего господина. Так как он во всем добровольно сознался, то ему была подарена жизнь, но за нарушение присяги его царскому величеству ему объявлен был такой приговор: ему надлежало отрубить три первых пальца на правой руке. Так как, однако, вера их прежде всего требует, чтобы они крестились и благословлялись правой рукой, то, по заступничеству патриарха, его помиловали: наказание было совершено над левой рукой. После этого он был сослан в дальний город в Сибири, где ему доставлены все средства для пропитания в течение всей его жизни. В этот же день и час, когда происходила казнь, польского малого посла, или посланника, только что прибывшего в Москву, вели на аудиенцию и нарочно

провели через место казни, чтобы он видел ее и мог сообщить, что Лжещуйский, одно время находившийся в Польше, казнен. Вот каков был на самом деле Лжещуйский и какой он получил конец.

**О короновании
нынешнего великого князя
Алексея Михайловича
и о том, как вообще происходит коронование**

Как выше сказано, в 1645 году по Р. Х., 12 июля, скончался великий князь Михаил Федорович всея Руси. Сейчас же на следующий день, 13 июля, его сын Алексей Михайлович²⁹, на 16-м году жизни, приветствован был как царь и великий князь всея России, и в тот же день еще, по единогласному решению всех бояр, вельмож и всей общины, короновали его и присягнули ему.

Это коронование, по стараниям вельможи Бориса Ивановича Морозова³⁰, бывшего гофмейстером и воспитателем молодого государя, по некоторым причинам должно было совершиться так быстро, что не все в стране, кто желал, могли явиться для присутствия на нем.

При короновании московитских великих князей, если оно происходит по обычному способу, соблюдается следующее.

В Москву призываются все митрополиты, архиепископы и другие епископы и игумены, князья, воеводы и должностные лица, равно как и знатнейшие купцы со всей России и из всех провинций, подчиненных великокняжеской власти.

Когда коронование должно начаться, патриарх с митрополитом и остальным клиром направляются в большую кремлевскую церковь. За ними следует новый великий князь с государственными советниками, боярами и должностными лицами.

В церкви устроен высокий помост в три ступени высотой, выстланный дорогими коврами. На нем стоят три стула, покрытые золотой парчю: один для великого князя, другой для патриарха, а на третьем лежит шапка, осыпанная великолепными драгоценными камнями и крупным жемчугом; сверху у нее кисть, к которой прикреплена золотая коронка с алмазами. Рядом с этой шапкой лежит и великолепная одежда из золотой парчи, повсюду кругом осыпанная жемчугом и драгоценными камнями и подбитая очень черными соболями. Эту одежду,

по их словам, великий князь по имени Дмитрий Мономах³¹ получил из Кафы в войну с татарами и назначил служить для коронования великих князей.

Когда царь с боярами входит в церковь, священники начинают петь. После этого патриарх читает молитву [...]. Потом выступает знатнейший государственный советник с избранным великим князем, обращается к патриарху с речью и сообщает ему, что они приняли в цари ближайшего наследника престола Российского государства и желают, чтобы он, патриарх, благословил и короновал его. После этого патриарх ведет кандидата вверх на помост, сажает его на престол, держит у лба его золотой, осыпанный великолепными драгоценными камнями крестик и благословляет его. Затем один из митрополитов читает следующую молитву [...].

После этой молитвы два епископа должны взять со стула одежду и шапку и держать их в руках, а патриарх велит боярам, также вступившим на помост, надеть великому князю одежду. Вновь при этом он благословляет его. После этого он передает шапку с короною боярам, велит им надеть ее на великого князя [...].

После этого вновь произносится великому князю благословение, и он идет в лежащую напротив церковь Михаила Архангела. Тем временем деньги бросаются среди народа, а в церквах вновь поют ектению. Потом великий князь опять отправляется в церковь св. Николая, а затем, в сопровождении государственных советников, отправляется в большой зал, где и духовным и светским вельможам подается великолепное угощение. [...]

Титул, который в настоящее время русские дают своему великому князю, — следующего рода:

«Великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя России, самодержцу московскому, киевскому, владимирскому, новгородскому, царю казанскому, царю астраханскому, царю сибирскому, государю псковскому и великому князю тверскому, югорскому, пермскому, вятскому, болгарскому и иных, государю и великому князю Новгорода низовья земли, черниговскому, рязанскому, ростовскому, ярославскому, белоозерскому, удорскому, обдорскому, кондинскому и всея северных страны повелителю, государю иверской земли, карталинских и грузинских царей и кабардинской земли, черкасов и горских князей и многих иных восточных, западных и северных государств и земель отчичу, дедичу (т. е. со времени многих предков) и наследнику, государю и обладателю».

**О доходах и расходах
великого князя,
о столе его, лейб-медиках и толмачах**

Только что упомянутые, заключенные в титуле, а также и другие земли, провинции и города доставляют ежегодно большой доход в его царского величества казну, причем доход этот определяется в несколько миллионов; доходные статьи состоят в податях, налогах, пошлинах, кабаках, торговле и поместьях. Хотя его царского величества подданные обыкновенно и не платят больших податей, но тем не менее, ввиду большого количества стран и народов, получают большие суммы. Когда нужно вести войну, горожане, купцы и торговцы делают тяжкие дополнительные взносы. Во времена бывшего великого князя, когда нужно было вести войну под Смоленском, им пришлось дать пятину, т. е. пятую часть со своего имущества. Нынешний царь брал только десятую часть. Бояре и вельможи должны, смотря по количеству своих имений, содержать известное количество всадников на войне. Дворяне же должны, вместе со своими слугами, сами выходить в поле. Монастыри также должны, смотря по количеству имеющихся у них деревень и крестьян, выставлять и содержать известное количество солдат. Пошлины, которые царь получает на границах и в важнейших торговых городах, также доставляют ему большую выгоду. Нам рассказывал видный немецкий купец в Москве, что главный торговый город Архангельск однажды в течение одного года дал невероятное количество денег, а именно триста тысяч рублей, т. е. шесть тонн [600 000 талеров] золота. Трактиры и шинки, кабаки или «кружечные дворы», как их теперь называют, доставляют великому князю, который один ими владеет во всей стране, чрезвычайное количество денег [...]. Раньше были у бояр и вельмож в разных местах собственные свои кабаки, которые они, как это делал и сам великий князь, сдавали внаймы частным лицам. Так как, однако, бояре подняли аренду этим людям слишком высоко и многие из них должны были разориться, то в настоящее время издан приказ, чтобы ни один боярин или вельможа не содержал кабаков, но все они взяты на великого князя, и в каждом городе учрежден особый дом, откуда получают водку, мед и пиво, с передачею денег лишь в его царского величества казну. В Новгороде всегда находились три кабака, из которых каждый доставлял в год 2000 рублей, что дает в общем итоге 12 000 рейхсталеров; при но-

вых порядках сумма получается еще большая. [...] Большие деньги получает он и от соболей и других мехов, доставляемых из северных стран; этими и другими товарами он сильно торгует внутри и вне страны; для этого он пользуется услугами известных лиц, которым он доверяет и товары, и большие суммы наличных денег: он посылает этих людей в соседние страны, особенно в Персию и Турцию, и велит торговать в пользу своей казны.

Подобного великокняжеского маклера, или торговца, по имени Савелий, посланного с суммою в 4000 талеров, мы встретили в Персии. Так как он, однако, плохо поместил свой талант и в три года, которые он там пробыл, потерял все деньги, великий князь приказал своему посланнику Алексею Савиновичу Романчукову, отправленному с ним вместе в Персию, чтобы означенный недобросовестный купец, заключенный в цепи, был оттуда вывезен. Посол, правда, встретил его в Шемахе в Мидии, но так как в это время умер толмач посланника, то он воспользовался им вместо такового, не дал ему заметить, какой ему дан приказ, относился к нему всегда любезно и взял его с собою к шаху персидскому в надежде добрым словом увлечь его до границы. Савелий, однако, заметил эти хитрости, и, когда посланник захотел направиться в обратный путь, он в Испагани бежал в убежище Аллакапи [Врата Божьи], дал обрезать себя, принял мусульманскую защиту и остался в Персии.

У царя имеются здесь и там великолепные земельные имения, которые он отдает в аренду, получая отсюда большие деньги; так же точно хорошую добычу получает он от рудника у Тулы, о котором говорится выше.

Хотя доходы великого князя и велики, зато неплохи и расходы. Он должен тратиться на ежегодное содержание стрельцов, которых много на границах (так как мало дружелюбия с соседями) и в городах: в одной Москве их 16 000, в казанской области 6000, получающих в жалованье поля и земли, а в провинциях повсюду [в общем] гораздо более 100 000 человек.

Отдаленные татары, со стороны которых он часто должен ожидать нападений, приходят ежегодно посольствами и получают деньги; ему как бы приходится покупать у них мир. Войны, которые он ведет, стоят ему больших денег, так как ему приходится выступать в поход с многочисленным войском и содержать на большом жалованье немецких по преимуществу офицеров; жалованье он всегда уплачивает очень правильно, а иным, которые этого требуют, выдает его за несколько месяцев

вперед; поэтому-то народ отовсюду так часто и является к нему на службу. Много средств уходит на посольства иностранных государей, часто посещающие его; иногда подолгу живут в Москве два, три и более посольств. Пока они находятся в пределах России, им все содержание отпускается бесплатно. У него имеется также большой и многочисленный придворный штат; наряду с собственным своим великолепным столом он, в Кремле и вне его, кормит ежедневно до тысячи человек.

Царь обедает — чтобы уже указать и на это — следующим образом. Когда приходит обеденное время, здесь не трубят к столу, как при других дворах, но особое лицо бежит в кухню и погреб и кричит возможно громче: «Государю кушанья!» Тотчас же подают на стол. Его царское величество садится за стол отдельно, а если патриарх и другие вельможи призваны покушать с ним, то для них устраиваются особые столы рядом с его столом. Кушаний бывает до 50 и более, но не все они подаются на стол великого князя, а прислужники приподнимают их и стольник показывает; лишь то, что его царскому величеству понравится, подается на стол. Другие же кушанья, в знак милости, посылаются разным господам и слугам, как немцам, так и русским, в особенности же господам докторам, лейб-медикам и лекарям. В настоящее время у него один лишь лейб-медик, господин Гартман Граман, бывший с нами в Персии. Этот последний очень осведомлен в герметическом врачевании и в лечении болезней всегда имел большое счастье — более иных; поэтому не только у его царского величества он в большой милости, но и бояре, князья и вельможи очень любят его, уважают и приносят ему подарки. Он получает правильное денежное жалованье в 62 рубля, или 124 талера, и кроме того еще ежегодно 300 рублей, что составляет в общем 2088 талеров, помимо хлеба в зерне и в печеном виде, солоду, меду и других вещей для домашнего хозяйства. Когда нужно отворять жилу или давать лекарство, доктору дается еще особая награда в 100 талеров наличными деньгами, а также кусок атласа или дамаста, сорок соболей и т. п.

От бояр, князей и других вельмож врачи редко получают за лечение деньги, но лишь соболей, куски копченого сала, водку или другую провизию. Они ежедневно должны являться ко двору и бить челом вельможам, в особенности же своему начальнику — инспектору царской аптеки, которая содержится весьма великолепно.

Его царское величество содержит также, с большими

расходами, много толмачей для разных языков, а также много других слуг из немцев и иностранцев. В особенности много у него высших военных офицеров, частью оставивших свою религию и перекрестившихся; они и в мирное время получают большое вознаграждение.

У его царского величества между другими его толмачами имеется прекрасный человек, по имени Иоганн Бёккер фон Дельден, родом из Копенгагена. Он получил хорошее университетское образование, совершил замечательные путешествия и знает много языков. В Москве подобного человека еще не было. У его царского величества он служит генерал-переводчиком и посылается обыкновенно с его посланниками при самых важных поручениях. Например, недавно он находился у его римско-императорского величества в Вене вместе с двумя царскими послами, Иваном Ивановичем Баклановским, царским дворянином, и Иваном Поликарповым сыном Михайловым — дьяком. В рассуждение великолепных его способностей его императорское величество, по особой милости, добровольно одарил его грамотою на дворянство, как я о том узнал из письма доброго друга из Вены и по пересланной мне копии.

Во всем прочем у великокняжеских слуг и придворных, в особенности среди русских, во многих отношениях замечается то же явление, что и при дворах большинства государей. И здесь и там добродетель и порок борются друг с другом, и последний часто побеждает первую. Некоторые, имеющие более близкий и частный доступ к государю, гораздо раздражительнее, своекорыстнее, грубее и скупее других. Поэтому, чтобы привлечь их на свою сторону, нужно относиться к ним почтительно, приветствовать их с поникшею головою и низко опущенною рукою и делать им подарки, зачастую не ради того, чтобы они что-либо хорошее сделали, но чтобы они не сделали чего-нибудь худого. Поэтому немного лет назад жалкое было в Москве положение: помощью подарков, которые они зовут посулами, можно было все сделать и всего добиться; при желании можно было даже несомненное право вырвать из рук у другого или же даже в злейшем деле сделать правым виновного. Вскоре после бракосочетания великого князя некоторые из новых его родственников, а также и иные старые вельможи допустили в этом деле такие злоупотребления, что дело дошло до чрезвычайно пагубного мятежа, после которого иные оказались с разбитыми головами, а иные совсем без голов, как о том будет рассказано в следующих главах.

О свадьбе и бракосочетании великого князя Алексея Михайловича

Когда вступил на престол великий князь Алексей Михайлович и был еще весьма молодым государем, при нем оставался бывший его гофмейстер и воспитатель Морозов, по воле и хотению которого направлялись и великий князь и все управление. Прежде всего, он привлек на свою сторону тех, кто могли более всего служить его воле. Что же касается до родственников его царского величества, в особенности со стороны матери, бывшей великой княгини, то он их,—так как и они ведь были влиятельны,—удалил от двора, назначив воеводами и на другие почетные должности, желая [...] получить возможность распределить важнейшие должности между друзьями, которые должны были чувствовать себя ему обязанными. Никто из вельмож не мог превзойти его в прилежном прислуживании и готовности всегда быть при молодом царе. Чтобы отвлечь внимание государя от других вельмож, которые могли бы затруднить его докучливыми и в этом возрасте еще несносными государственными делами, он очень часто увозил его на охоту и на другие увеселения. Чтобы сохранить себе милостивое расположение его царского величества, он стремился вступить с ним в близкое родство. Он советовал его царскому величеству поскорее жениться и, чтобы выбор его пал на лицо средней знатности, к каковым принадлежал и сам Морозов, он предложил ему в жены дочь дворянина, на сестре которой Морозов предполагал жениться сам. В то время жил некий дворянин, по имени Илья Данилович Милославский³², имевший двух прекрасных дочерей, но не имевший мужского потомства. Этот Илья неоднократно являлся к Морозову, который тогда был при дворе, как говорится, *factotum*'ом³³, и прилежно ухаживал за ним, так что Морозов не только ради прекрасных дочерей, но и ради его угодливости очень его полюбил. Морозов однажды при удобном случае похвалил царю красоту обеих этих сестер и вызвал в молодом государе горячее желание видеть их. Обеих сестер повели наверх к господам сестрам его царского величества, как бы только для посещения этих последних. Когда его царское величество их увидел, то почувствовал любовь к старшей из них. Милославскому было сообщено о милости его царского величества и о том, что ему быть царским тестем. Милославский не усумнился тотчас же сказать «да» и поблагодарить за высокую честь. После этого ему, так как он

был не особенно богат, на дом были присланы большая сумма денег и разные драгоценные вещи, чтобы он мог себя и своих принарядить. Вслед за тем устроилось и бракосочетание, состоявшееся в 1647 году, в 70-й день [девятое воскресенье] перед пасхою, на 22-м году жизни невесты. Совершилось оно без особой пышности, в тишине, чтобы ни невеста, ни жених не подверглись волшебству — как это делается и как этого обыкновенно очень боются.

Через восемь дней после царского бракосочетания боярин Борис Иванович Морозов справил свадьбу с сестрою молодой великой княгини и стал, следовательно, свяком его царского величества.

**Как после царского бракосочетания
вели себя друзья великой княгини,
каков был внутренний строй,
как отправлялось правосудие
и что еще при этом произошло достопамятного**

После того как Илья Данилович Милославский стал царским тестем, он стал могуществен и велик. Ему дан был рядом с жилищем его царского величества дом в Кремле, где он должен был жить вместе с женою своею; он немедленно же велел этот дом сломать и построить от основания великолепный дворец. Старые слуги один за другим должны были уйти, и на их места были поставлены родственники Милославского; так как все они успели наголодаться, то они оказались очень жадными, очень скупыми и прожорливыми. Особенно отличался один из них, по имени Левонтий Степанович Плещеев³⁴, назначенный верховным судьей земского двора, или ратуши. Он обирал простонародье и драл с него паче всякой меры; подарками нельзя было насытить его. Когда тяжущиеся стороны являлись к нему в канцелярию, он выматывал у них даже мозг из костей, так что и та и другая сторона становились нищими. Он нанимал недобряков для того, чтобы они ложно доносили на честных людей, имевших некоторые достатки, и обвиняли их; обвинения взводились то в кражах, то в убийствах и других злодеяниях. После этого бедных людей заключали в тюрьмы, обходились с ними тиранически и держали так несколько месяцев, доводя почти до отчаяния. Тем временем безбожные слуги его должны были войти в переговоры с друзьями арестованных и под секретом давать им мудрые советы, как им вновь выбраться на свободу.

Через подобных воровских помощников он торговался относительно того, сколько они должны были дать ему. Сам же он не удастаивал приема никого ни из обвиненных, ни из друзей их.

В числе подобных безбожных чиновников находился и некий Петр Тихонович Траханиотов³⁵, шурин Плещеева, так как Плещеев был женат на родной сестре Тихоновича. Этот последний дошел уже до степени окольного, что является ближайшим чином перед боярином или государственным советником. Он был назначен начальником Пушкарского приказа и имел в своем ведении стрелков из ружей, ружейных мастеров, пушкарей и всех служивших в цейхгаузе. Обходился он с ними весьма немилосердно и не выдавал им заслуженного за работу вознаграждения. В Москве принято, чтобы, по приказанию великого князя, ежемесячно все царские чиновники и ремесленники получали в срок свое жалованье; некоторым оно даже приносится на дом. Он же заставлял людей ждать целыми месяцами, и, когда они, после усиленных просьб, наконец получали половину, а то и менее еще того, они должны были выдавать расписку в получении всего жалованья. Кроме того, были устроены разные стеснения для торговли, и были заведены многие монополии; кто больше всего приносил подарков Б[орису] И[вановичу] М[орозову], тот, с милостивою грамотою, веселый возвращался домой.

Еще один [из чиновников] предложил готовить железные аршины с орлом в виде клейма. После этого каждый, кто желал пользоваться аршином, должен был покупать себе за 1 рейхсталер подобный аршин, стоивший на самом деле только 10 копеек, шиллинг или 5 грошей. Старые же аршины, под угрозой большой пени, были воспрещены. Эта мера, проведенная во всех провинциях, доставила доход во много тысяч талеров.

Еще иной, желая выслужиться перед казною его царского величества и снискать себе расположение, предложил, чтобы во всей России с соли, стоившей первоначально за пуд (т. е. 40 фунтов) 2 гривны, или 10 грошей, бралась еще 1 гривна, или пять грошей, пошлин. Он вычислил также, сколько тысяч подобный налог принес бы ежегодно в казну его царского величества. Однако через год пришлось вычислять, сколько тысяч было потеряно на соленой рыбе (ее в России употребляют в пищу больше мяса), которая сгнила, не будучи, из-за дороговизны соли, просолена как следует. Соли, кроме того, стало продаваться гораздо меньше, и, оставаясь в пакгаузах,

она, по необходимости, превращалась в рассол [от сырости] и расплывалась.

Из-за этих больших тягот и невыносимых притеснений простой народ стал выражать недовольство. Утром и вечером у церкви происходили сборища, причем совещались, как быть с этою невзгодою. Было ясно, что наиболее близкие к его царскому величеству люди не желали слушать никаких жалоб и еще того менее хотели отменить тяготы; поэтому все порешили каждый раз, при выезде его царского величества или в случае шествия его в процессии от Кремля к городской церкви, выжидать удобного случая, чтобы от имени всей общины передать самому его царскому величеству некоторые просьбы. При этом собирались жаловаться на несправедливости Левонтия Степановича Плещеева и ежедневно совершавшиеся им дурные поступки и просить, чтобы он был смещен, а на его место посажен честный человек. Однако, хотя подобные попытки и делались несколько раз, все-таки всякий раз бояре, сопровождающие, как это принято, его царское величество, отнимали у них прошения. Так как его царское величество не сам читал эти прошения, но ему лишь кое-что из оных докладывалось, то нужды угнетенного населения ему не становились как следует известны и никакого по этому поводу решения и не происходило. Тем временем настроение простонародья все более и более ожесточалось, люди стали с жалобами и плачем собираться перед церквями и постановили, если еще раз представится случай, устно передать о своих нуждах и жалобах его царскому величеству. Тут случилось, что в 1648 году, 6 июля, справлялся обычный праздник, во время которого его царское величество со всеми боярами и вельможами отправился, по их обычаю, в расположенный в городе Сретенский монастырь. В это время бесчисленное множество простого люда собралось на большой рыночной площади и на всех улицах, по которым шла процессия. Когда после богослужения его царское величество поехал обратно, простой народ насильно прорвался к нему, схватил лошадь его царского величества за уздцы, просил о выслушании, жаловался и громко кричал о Плещееве и его несправедливостях, не переставая упрашивал сместить его и назначить на его место честного, добросовестного человека, так как в противном случае народу придется погибать. Его царское величество, испуганный этим неожиданным обращением к нему и такими жалобными просьбами всего народа, любезно заговорил с ним, предлагая успоко-

иться и обещая рассмотреть дело и дать народу удовлетворение. Народ, успокоенный этим милостивым согласием, благодарил его царское величество и желал ему доброго здравия и долгой жизни; после этого его царское величество поехал дальше. Однако некоторые из расположенных к Плещееву бояр, ехавшие следом, начали бранить народ и стали бить кнутами по головам; иных при этом лошади сбили с ног.

Народ стал хватать что попало под руки, стал собирать камни, которые посыпались на насильников. Эти последние, не привычные к столь сильному граду в свои спины, бежали и поспешили к его царскому величеству в Кремль. Так как народ, гулявший здесь по двору, так же принял их, то они соскочили с лошадей и еле-еле успели подняться вверх по большой лестнице, которая ведет в покои его царского величества, так как обогнанный народ яростно теснил их. Стрельцы, которые ежедневно сторожат на лестнице, до тех пор удерживали народ, пока теснимые не успели спастись в покои великого князя. Тогда простонародье стало бешенствовать, подобно безумным, стало буйствовать, кричать и вопить, чтобы ему выдали Плещеева. Когда тут боярин Борис Иванович Морозов вышел на верхнее крыльцо и начал, именем его царского величества, увещевать народ не требовать этой выдачи, то в ответ раздались крики: «Да ведь и тебя нам нужно!» Чтобы спастись от лично ему угрожавшей опасности, Морозов должен был вскоре уйти. После этого чернь напала на дом Морозова, великолепный дворец, находившийся в Кремле, разбила ворота и двери; все изрубили, разбили и растащили, что здесь нашлось, а чего не могли унести с собою, попортили. Одного из главных слуг Морозова, решившегося противостоять им, они выбросили из окна верхней комнаты, так что он остался лежать мертвым на месте.

Они, правда, застали в доме жену Морозова, но не нанесли ей никакого телесного вреда, а сказали лишь: «Не будь ты сестра великой княгини, мы бы изрубили тебя на мелкие куски». Они выказали такую ярость, что не пощадили даже святых икон, обыкновенно весьма ими почитаемых, сорвали с них их украшения из жемчуга и драгоценных камней и затем выбросили на площадь.

Между прочими драгоценными вещами они разбили и карету, которая была снаружи и изнутри обита золотой парчой, с подкладкою из дорогих соболей; ободки колес и все, что обыкновенно делается из железа, у этой кареты было сделано из толстого серебра. Как говорят,

его царское величество подарил ее ему в качестве свадебной кареты. [...]

После этого грабежа чернь разделилась на несколько шаек: одни направились к Плещееву, другие к Тихоновичу, иные к государственному канцлеру, еще другие к иным людям, которые считались подозрительными, — даже к писцам и вообще всем, хоть сколько-нибудь бывшим в дружбе и общении с ненавистными. Чернь разграбила их дворы, растащив и испортив все, что попало ей под руки. Они застали великолепные предметы и большие богатства особенно в доме Морозова. Жемчуг меряли они пригоршнями, продавая полную шапку за 30 талеров, а чернобурую лисицу и пару прекрасных соболей — за полталера. Золотую парчу они резали ножами и распределяли между собой.

Государственному канцлеру [думному дьяку] Назарию Ивановичу Чистому³⁶ (который, как уже сказано, забрал торговлю солью в собственные свои руки и так высоко поднял налог на нее) за три дня до этого события, когда он собрался домой, в Кремль, повстречалась бешеная корова, которая испугала его лошадь, так что он упал и полумертвый был унесен домой. Вследствие этого падения он лежал в постели. Когда он, однако, узнал, что народ разграбил дом Морозова, и легко мог сообразить, что и его, как выдающегося притеснителя, также посетят, он выбрался из кровати и полез на чердак под банные веники (связанные из березовой листвы вроде метлы и сохраняемые в течение года для пользования ими в бане, как указано выше). Он велел также, чтобы его мальчик-прислужник положил поверх его несколько кусков копченого сала. Мальчик, однако, изменил своему господину, выдал его, забрал с собою несколько сот дукатов и направился в Нижний Новгород. Рассвирепевший народ бросился в дом, вытащил Назария из-под веников, потащил его за ноги вниз по лестнице на двор, исколотил его палками до смерти, причем голова его была так разбита, что его больше нельзя было узнать. Затем его кинули в навозную яму и набросали на него ящиков и сундуков. Несправедливость и злобный нрав этого Назария к нам лично пришлось нам испытать еще в наше время. Так как он очень много значил перед знатнейшими при дворе и не получил тотчас же желательные ему от нас подарки, то он сильно мешал нам в наших предприятиях.

В то время как этот грабеж происходил вне Кремля, Кремль был заперт, а на другое утро рано, а именно

7 июля, всем немецким офицерам под секретом было сказано, чтобы они собрались и хорошо вооруженные сразу явились в Кремль: мятежная чернь все еще продолжала по временам подступать к Кремлю. Когда, во исполнение этого требования, немцы собрались в большом числе, то приходилось удивляться, как мятежники охотно уступали им место, любезно говоря: «Вы, честные немцы, не делаете нам зла, мы ваши друзья и вовеки не намерены совершить вам что-либо злое». Перед тем они же раньше часто спорили с немцами и вели себя недружелюбно с ними. Кремлевские ворота были отперты, немцев впустили, и они тотчас же для охраны Кремля разместились по разным постам и стали на страже. После этого его царское величество выслал своего двоюродного брата великого и достохвального вельможу Никиту Ивановича Романова, которого народ, ради доброй его славы, очень любил; он должен был попытаться смягчить обозленные умы и восстановить спокойствие. С обнаженной головою он вышел к народу (который отнесся к нему весьма почтительно и называл его отцом своим) и трогательно изложил, как его царское величество горестно ощущает все эти бедствия, тем более что он ведь в предыдущий день обещал народу прилежно рассмотреть все эти дела и дать им милостивейшее удовлетворение. Он сообщил, что его царское величество вновь велит все эти свои слова повторить, и обещает все сделать для народа, и, несомненно, сдержит свое обещание; поэтому они могли бы тем временем успокоиться и хранить мир. На это народ ответил: они очень довольны его царским величеством, охотно готовы успокоиться, но не раньше как его царское величество выдаст им виновников этого бедствия, а именно боярина Бориса Ивановича Морозова, Левонтия Степановича Плещеева и Петра Тихоновича Траханиотова, чтобы эти лица, на глазах у народа, понесли заслуженную кару. Никита поблагодарил за ответ и за то, что они хранят верность его царскому величеству, и рыскался в том смысле, что можно согласиться с ними и должным образом доложить о требовании ими этих трех лиц. Он, однако, поклялся перед ними, что Морозова и Петра Тихоновича уже нет в Кремле, а что они бежали. Тогда они просили, чтобы им в таком случае немедленно выдали Плещеева. Никита затем попрощался с народом и поехал обратно в Кремль.

Из Кремля вскоре получено было известие, что его царское величество постановил немедленно выдать Плещеева и согласился на казнь его на глазах народа; если

же найдутся и остальные, то пусть и с ними будет поступлено по справедливости. Приказано было доставить на место палача для казни. Народ, не мешкая, привел поспешно к воротам палача с его слугами, и они тотчас же были впущены. Тем временем народ, посовещавшись, решил, чтобы те из него, у кого есть лошади, партиями ездилы взад и вперед по дорогам вне города, дабы разыскать и доставить в город беглецов.

Палач, пробыв еле с четверть часа в Кремле, вышел обратно, ведя Плещеева. Как только взбешенный народ его завидел, он не в силах был обождать привода его на лобное место, прочтения ему приговора и имевшей уже затем последовать казни. Напротив, на него набросились, и под руками у палача Плещеев был дубинками забит до смерти; голова его была превращена в кашу, так что мозг брызгал в лицо [бьющим]. Одежду его разорвали, а голое тело протащили по площади в грязи, приговаривая: «Так будет поступлено со всеми подобного рода негодьями и ворами. Бог да сохранит на многие лета во здравии его царское величество!» Потом труп бросали в грязь и наступали на него ногами. Наконец пришел монах и отрубил остатки головы от туловища, говоря: «Это за то, что он однажды велел меня безвинного высечь». Боярин Борис Иванович Морозов, согласно со словами Никиты, искал спасения в бегстве, но возчики и ямщики, которые заградили ему путь, увидели его и погналы его обратно; он, однако, к большому своему счастью, спасся от них и по тайному ходу пробрался в Кремль, так что никто из преследователей не заметил его. Чтобы, однако, народ видел, что его царское величество серьезно желает захватить беглецов, царь послал князя Семена Пожарского³⁷ с некоторыми людьми разыскивать Петра Тихоновича. Они и настигли его у Троицкого монастыря, в двенадцати милях от Москвы, и 8 июля доставили назад в Москву, но не в Кремль, а на Земский двор. Как только это сообщено было его царскому величеству, тотчас же велено было палачу повести его на рыночную площадь: ему [...] отрубили топором голову. Это обстоятельство вновь несколько успокоило разгоряченные умы, все благодарили его царское величество за доброе правосудие, желали ему долгой жизни и требовали, чтобы с Морозовым было поступлено так же. Так как, однако, народ знал, что возчики видели Морозова на улице, но что он от них бежал, то, не зная его убежища, никто не мог требовать столь же немедленной его выдачи. Поэтому выражено было только пожелание,

чтобы их требование было удовлетворено, как только он найдется. Им и это было обещано. После этого чернь несколько успокоилась, и все стало тихо. Все эти события произошли незадолго до полудня. Вскоре после полудня на Дмитровке, на Тверской и в разных иных местах возникли пожары. Свирепый народ, более ради воровства, чем ради спасения, поспешил сюда. Пожар был весьма жестокого свойства; он уничтожил все, что было внутри Белой стены вплоть до реки Неглинной. Огонь перекинуло и через Неглинный мост в пределы Красной стены к большому, лучшему из кабаков великого князя, где продавалась водка. Вследствие этого весь город, в том числе и самый Кремль, оказался в сильнейшей опасности. [...]

Когда вечером, около 11 часов, несколько немцев остановились, глядя с большим страхом на стоявший в пламени великокняжеский кабак, они вдруг увидели черного монаха, стонавшего и кряхтевшего, точно он тащил за собою большой груз. Когда он подошел поближе, он громко начал кричать о помощи и сказал: «Этот страшный пожар прекратится не раньше, как будет брошено в огонь и сгорит проклятое тело безбожного Плещеева». [Как оказалось], он и притащил сюда это тело. Так как [немцы] ему не хотели оказать помощи, монах начал свирепо ругаться. Тогда подошло несколько взрослых юношей, которые помогли донести труп до пожарища и бросить его в огонь. И как только этот труп начал сгорать, тотчас же стало уменьшаться и пламя и погасло на глазах у наблюдавших это удивительное зрелище [немцев].

Немного дней спустя его царское величество велел стрельцов, составлявших отряд его телохранителей, угостить водкою и медом. Точно так же и тесть великого князя, Илья Данилович Милославский, выказал любезность и доброту к знатнейшим гражданам, стал ежедневно принимать несколько человек из цехов, по очереди, к себе во двор, обходился с ними милостиво и старался приобрести расположение главарей. Патриарх также приказал попам и священникам, чтобы они смягчали возмущенный нрав народа. Его царское величество также заместил вакантные должности и места людьми умными, благочестивыми и пользовавшимися сочувствием народа.

Когда теперь увидели, что эта печальная непогода и буря в общем улеглись, и стали полагать, что все подготовлено для мирного, улучшенного положения, его царское величество в день, когда происходит процессия, ве-

лел вызвать народ, чтобы он явился перед ним у помоста вне Кремля, причём присутствовал здесь и вельможа Никита Иванович Романов. Его царское величество стал говорить речь. Он выразил сильное сожаление, что народ, без его ведома, испытал такие бедствия со стороны безбожных Плещеева и Тихоновича, ныне получивших заслуженное воздаяние. Он сказал далее, что ныне на их места назначены благочестивые люди, которые будут кротко и справедливо управлять народом и соблюдать пользу и благосостояние народные, находясь под бдительным его, царя, оком. Усиленный налог на соль, по его слову, должен также быть отменен. Царь обещал также, при первой возможности, взять обратно выданные им милостивые грамоты о монополиях; кроме того, он обещал расширить и увеличить их привилегии и те льготы, какие у них были. Кроме того, он сказал, что во всем будет, как отец отечества, в царской своей милости благосклонен народу. После этого народ низко наклонил перед ним свои головы и пожелал царю долгой жизни. Затем царь продолжал: что же касается личности Бориса Ивановича Морозова, которого он также обещал им выдать, то он не желает его вовсе обелять, но тем не менее не может счесть его виновным во всем решительно. Он желал бы верить, что народ, у которого он еще ни разу ничего особенного не просил, исполнит эту первую его просьбу и простит Морозову на этот раз его проступки; сам он готов быть свидетелем, что Морозов отныне выкажет им только верность, любовь и все доброе. Если же народу угодно, чтобы Морозов более не занимал должности государственного советника, то он сложит ее с него, лишь бы ему не пришлось выдавать голову того, кто, как второй отец, его воспитал и взрастил. Он не мог бы перенести этого и надеется, что они не будут, как до сих пор, требовать от него такого поступка. Когда слезы, во свидетельство сильной любви к Морозову, показались в глазах его царского величества и как бы заключили его речь, народ посовещался и начал затем весьма громко кричать: «Бог да сохранит на многие лета во здравии его царское величество. Да будет то, чего требуют бог да его царское величество!» После этого его царское величество столь же сильно повеселел, как он раньше печалился, когда народ требовал головы Морозова. Он благодарил народ за это решение, увещевал его быть спокойным и послушным и сказал, что сам он всегда будет верен тому, что он теперь обещал. После этого его царское величество, со своими провожатыми и с ли-

цами, шедшими в процессии, вновь мирно вернулся в Кремль.

Немного спустя его царское величество отправился в монастырь св. Троицы, и Морозов поехал с ним, очень низко и униженно кланяясь народу по обе стороны лошади. После этого, кто бы ни подавал прошения или просьбы его царскому величеству через Морозова, никому не было отказа, если хоть что-нибудь могло быть сделано. Достоверные свидетельства также доказывают, что он стал теперь великим покровителем и благодетелем немцев так же, как и русских.

Такой опасности в то время подвергалось счастье как молодого правителя, так и подданных его ввиду того, что несправедливым и своекорыстным чиновникам дана была воля. И вот, следовательно, каков, при всем рабстве, нрав русских, когда их сильно притесняют; впрочем, об этом было сказано и выше.

Как обещано мною, я хочу привести еще пример мятежа, бывшего во Пскове. В этом примере можно усмотреть подобные же действия своекорыстных чиновников и расвирепевшего простоародья.

О мятеже, возникшем во Пскове

В 1649 году его царское величество отправил к ее величеству королеве шведской Христине видное посольство, во главе которого находился окольный Борис Иванович Пушкин. Между другими важными делами задачей посольства было покончить с большим спором из-за подданных, бежавших через границы по обе стороны, ликвидировав претензии и обязательства из-за этого дела, по которому в течение 32 лет не было решения. По этому поводу состоялось соглашение, что если кто перебежал в течение первых 30 лет (многие из них уже успели помереть, а другие рассеялись повсюду), то о них с обеих сторон нельзя заявлять никаких претензий; что же касается перебежчиков последних двух лет, то их следует выдать. Так как на русской стороне гораздо больше оказалось шведов, чем русских на шведской стороне, то постановлено было, чтобы его царское величество заплатил за это сумму в 190 000 рублей, т. е. 380 000 рейхсталеров, частью наличными деньгами, частью рожью; уплата должна была произойти следующей весной, в 1650 году. В назначенное время королевский шведский комиссар господин Иоганн де Родес и прибыл для этой цели в Москву и получил наличными деньгами в копейках и

дукатах 150 000 рублей. Остальные 40 000 рублей следовало добавить рожью. Для этой цели русскому купцу во Пскове Федору Омельянову от его царского величества было поручено купить это количество ржи. Этот последний, как грубый, своекорыстный человек, распространил смысл данного ему поручения дальше, чем полагалось, и не позволил никому из народа купить хотя бы четверик ржи, за исключением разве того, что он им уступал [как бы] из дружбы и по достаточно дорогой цене. При этом он указывал, что все решительно, для уплаты долга его царского величества, должно быть послано короне шведской. Это обстоятельство сделало для псковской общины имя шведов ненавистным, народ стал устраивать частые совещания в кабаках, обвиняя бывшего посла Пушкина в измене за то, что он такую уйму денег посулил и обещал короне шведской. Некоторые хотели заподозрить и Морозова в этом деле, так как они еще не забыли того, что два года тому назад из-за него произошло в Москве. Они предполагали, что все это произошло без ведома его царского величества. Они сообщили обо всем этом и жителям Великого Новгорода и стали подстрекать наиболее видных из них к мятежу, так что у воеводы в этом городе было много хлопот с тем, чтобы удержать таких людей от этого их злого умысла. Они решили также не пропускать денег, когда их повезут из страны. Они никак не хотели допустить, чтобы закупалась рожь для уплаты шведам, ввиду того что эта закупка вызвала бы у них вздорожание хлеба. Поэтому ими были в качестве ходоков посланы в Москву три лица: купец, казак и стрелец; они должны были узнать, известно ли его царскому величеству о происходящем. В то же время они, согласно с решением своим, направились к дому Омельянова, насильно ворвались к нему, и, так как сам он бежал, они схватили его жену и стали пытаться, чтобы она сказала, где ее муж хранит деньги. Они все здесь забрали и ограбили дом, и сам Омельянов, без сомнения, если бы они его схватили, не вышел бы живой из их рук. Самого воеводу, который хотел показать по отношению к ним свой авторитет и имеющуюся у него власть, они выгнали из города, потом созвали всех живших вокруг Пскова дворян в город и заставили их под присягою действовать с ними заодно. Когда три почетных ходока псковских прибыли в Новгород, через который им нужно было идти, воевода велел их заключить в ножные кандалы и в таком виде прислал их к великому князю. Бежавший Федор Омельянов, равно как и воевода, принесли в Москву известие о

случившемся. Вслед за тем пришел еще гонец с сообщением, что они отняли у выдающегося шведского купца из Нарвы, по имени Левин [Логин] Нумменс, несколько тысяч рейхсталеров, били его, качали, посадили на несколько поставленных друг на друга бродильных чанов, ругались над ним и совершали с ним всякие выходки. Вследствие этого его царское величество послал сюда знатного господина и боярина для расследования дела и успокоения народа. Они, однако, сначала не хотели впустить его, заперли городские ворота и избрали из своей среды себе начальника. Наконец они все же впустили воеводу и боярина, но воеводу немедленно посадили в тюрьму, а на боярина, который стал им говорить суровые речи от имени его царского величества, напали и ужаснейшим образом избили его. Когда он захотел спрятаться в близлежащий монастырь, они выбили двери, вытащили его и так обошлись с ним, что долгое время можно было сомневаться, останется ли он жив.

Чтобы, однако, тем временем не оказалось недостачи в уплате долга, по которому было соглашение, означенные 40 000 рублей были выплачены также наличными деньгами, а не рожью. Шведского комиссара с деньгами, под сильным конвоем из стрельцов, доставили через русскую границу на шведскую почву.

Против восставших псковичей его царское величество принял строгие меры, назначил князя [Ивана] Никитовича Хованского³⁸ полководцем, дал ему большое число конных детей боярских в помощь и отослал их. К ним присоединились еще два полковника: Мунга-Кормихель и Гамильтон, стоявшие у Онеги близ шведской границы, с 4000 пехотинцев. Все они должны были в тишине собраться в путь ко Пскову. Когда псковичи увидели, что дело серьезно, они пали духом; сначала они пробовали сопротивляться, но затем сдались на милость его царского величества, признали свою вину и просили снисхождения. Зачинщиков частью казнили, частью сослали в Сибирь. Так усмирен был и этот опасный мятеж.

О боярах или государственных советниках, окольничих и других заседающих в судах должностных лицах

В настоящее время управление и гражданский строй в России поставлены несколько лучше и в самых судах и в правосудии наблюдаются иные формы, чем раньше. Хотя Милославский и Морозов и значат много, а патри-

арх вводит одно новшество за другим, тем не менее и другие вельможи в определенных государственных и частных делах имеют определенные предметы для заведывания сообразно своему состоянию и своей должности.

В настоящее время при дворе обыкновенно имеется 30 бояр или государственных советников, изредка человека на два больше или меньше. Во времена Шуйского, говорят, было 70 бояр. С год назад, когда должна была начаться война под Смоленском, в Москве насчитывалось 29 бояр, имена которых следующие:

1. Боярин Борис Иванович Морозов.
2. Боярин Никита Иванович Романов.
3. Боярин Иван Васильевич Морозов.
4. Боярин князь Иван Андреевич Голицын.
5. Боярин князь Никита Иванович Одоевский.
6. Боярин князь Яков Куденетович Черкасский.
7. Боярин князь Алексей Никитович Трубецкой.
8. Боярин Глеб Иванович Морозов.
9. Боярин Василий Петрович Шереметев.
10. Боярин князь Борис Александрович Репнин.
11. Боярин Михаил Михайлович Салтыков.
12. Боярин Василий Иванович Стрешнев.
13. Боярин князь Василий Семенович Прозоровский.
14. Боярин князь Федор Семенович Куракин.
15. Боярин князь Григорий Семенович Куракин.
16. Боярин князь Юрий Петрович Буйносов-Ростовский.
17. Боярин Иван Иванович Салтыков.
18. Боярин Григорий Васильевич Пушкин.
19. Боярин князь Федор Федорович Волконский.
20. Боярин Лаврентий Дмитриевич Салтыков.
21. Боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий.
22. Боярин Илья Данилович Милославский.
23. Боярин Василий Васильевич Бутурлин.
24. Боярин князь Михаил Петрович Пронский.
25. Боярин князь Иван Петрович Пронский.
26. Боярин князь Иван Никитович Хованский.
27. Боярин князь Федор Юрьевич Хворостинин.
28. Боярин Василий Борисович Шереметев.
29. Боярин Никита Алексеевич Зюзин.

За ними следуют окольниковые, из среды которых избирают бояр.

1. Окольниковый князь Андрей Федорович Литвинов-Масальской.

2. Ок. князь Иван Федорович Хилков.

3. Ок. Никифор Сергеевич Собакин.

4. Ок. князь Дмитрий Петрович Львов.
5. Ок. князь Василий Петрович Львов.
6. Ок. князь Семен Петрович Львов.
7. Ок. князь Иван Иванович Ромодановский.
8. Ок. князь Василий Григорьевич Ромодановский.
9. Ок. Степан Гаврилович Пушкин.
10. Ок. князь Семен Романович Пожарский.
11. Ок. Богдан Матвеевич Хитрово.
12. Ок. Петр Петрович Головин.
13. Ок. Иван Андреевич Милославский.
14. Ок. князь Иван Иванович Лобанов-Ростовский.
15. Ок. князь Дмитрий Алексеевич Долгорукой.
16. Ок. князь Петр Алексеевич Долгорукой.
17. Ок. Семен Лукьянович Стрешнев.
18. Ок. Иван Федорович Большой Стрешнев.
19. Ок. Михаил Алексеевич Ртищев.
20. Ок. Прокофий Федорович Соковнин.
21. Ок. князь Борис Иванович Троекуров.
22. Ок. Алексей Дмитриевич Колычев.
23. Ок. Василий Александрович Чоглоков.
24. Ок. Иван Васильевич Олферьев.

За ними следуют шесть думных дворян, которых они называют сынами [детьми] боярскими; это как бы их гоф-юнкеры:

1. Иван Афанасьевич Гавренев.
2. Федор Кузьмич Елизаров.
3. Богдан Федорович Нарбеков.
4. Ждан Васильевич Кондырев.
5. Василий Федорович Янов.
6. Афанасий Осипович Прончищев.

Думных дьяков имеется трое:

1. Алмаз Иванович.
2. Семен Иванович Заборовский.
3. Ларион (Ларивон) Дмитриевич Прончищев.

Вот имена тех лиц, которые в настоящее время знатнее всех при царском дворе. Они обслуживают и вершат все придворные, государственные и частные дела в высшем и низшем, тайном и обыкновенном советах, а также и в канцеляриях [приказах].

Порядок, в котором они при дворе размещают между собою должности и достоинства, определяется следующими правилами. Раньше высшим и ближайшим к его царскому величеству местом считалась должность государственного конюшего. Со времени великого князя Шуйского до сих пор эта должность не замещалась.

Затем следует должность дворецкого — гофмейстера,

которая теперь высшая из всех; дворецкий ведает все, касающееся дворцового ведомства и придворного быта, а в особенности все, что относится к царскому столу. Третье место занимает оружничий, имеющий под своей властью все императорское [царское] личное оружие, и холодное и огнестрельное, а также лошадей, драгоценности и вещи для украшений и процессий. Затем следуют бояре, окольные, думные дьяки, или государственные канцлеры, постельничий, устраивающий императорскую [царскую] постель, комнатный с ключом, царский камергер, кравчий, или форшнейдер и мундшенк, стольники, прислуживающие за столом дворяне, стряпчие, т. е. ездовые гоф-юнкеры, обязанные везде выезжать с его царским величеством, дворяне, или простые гоф-юнкеры, жильцы, или пажы, дьяки, т. е. секретари канцелярий, обыкновенно у них называемые подканцлерами, и подьячие, или писцы в приказах или канцеляриях.

Большая часть государственных советников и других придворных чиновников — князья и богатые господа, имеющие собственные великолепные земли и людей; они, однако, не имеют права лично управлять этими землями, но должны поручать управление своим гофмейстерам, служащим и управляющим. Сами они обязаны жить в Москве, ежедневно являться ко двору, и даже в тех случаях, когда дела у них никакого нет, все-таки бить челом перед его царским величеством. Делается это с той целью, чтобы они, живя в поместьях у своих подданных, не предприняли заговора против его царского величества.

Они живут в великолепных домах и дворцах, соблюдают большую пышность, являются на улицах в прекрасном убранстве, одетые в весьма дорогие одежды; при этом рядом с лошадьми и санями их бегут многие слуги и рабы. Когда они едут верхом, у луки седла у них имеются небольшие литавры, несколько больше $\frac{1}{4}$ локтя; они бьют в эти литавры рукояткою кнута, чтобы народ, толпящийся на улицах, а в особенности на рыночной площади и перед Кремлем, расступался перед ними.

Князья же, живущие в деревнях и иногда не имеющие средств, чтобы жить сообразно своему состоянию, ведут гораздо худший образ жизни, так что часто, не зная их по другому чему-либо, трудно обнаружить их среди крестьян. Так случилось, например, во время первого нашего путешествия, когда в Будове наш переводчик стал расспрашивать о живущем там князе и обратился со своим вопросом к самому князю, смотревшему сквозь оконное отверстие в курной избе: переводчик не разглядел,

что князь и мужик одновременно глядели из того же отверстия. Когда князь дал понять, что ему эта ошибка неприятна, переводчику пришлось просить прощения за то, что он князя принял за мужика.

Говорят, что русские князья ведут свое происхождение от Володимера, о чем подробнее рассказано у Кромера³⁹ во II томе его «Polonicae res»⁴⁰, в книге 3-й.

Когда перечисленным боярам и государственным советникам приходится обсуждать какие-либо государственные и иные важные дела, то эти собрания и совещания они имеют после полуночи, сходясь около 1 или 2 часов в Кремль и возвращаясь к полудню, часам к 9 или 10.

Никаких решений, мнений, приказаний, договоров, назначений и т. п., издаваемых от царского имени, его царское величество не подписывает лично — как о том уже сказано выше. Все подписывается боярами и государственным канцлером и [лишь] скрепляется царскою печатью. Если же великий князь заключает мир или договор с соседними государями и должен подтвердить свое мнение, то это делается помощью присяги и целования креста.

О различных канцеляриях в Москве и об их делопроизводстве

Государственные советники и бояре не только привлекаются ко двору для государственных дел, но служат и в канцеляриях для гражданских дел и судопроизводства. Таких канцелярий, которые русские называют приказами, в Москве насчитывается 33. Я их приведу здесь, называя одновременно и лиц, ныне ими заведывающих.

1. Посольский приказ, где рассматриваются государственные дела, дела всех послов и гонцов, а также дела немецких купцов. Здесь думным дьяком, или канцлером, Алмаз Иванович.

2. Розрядный приказ, где регистрируются имена и роды бояр и дворян и записываются прибыль и ущерб, понесенные в военное время. Заведывающим им является думный дьяк Иван Афанасьевич Гавренев.

3. Поместный приказ, где записываются наследственные и земельные имения, разбираются тяжбы из-за них и уплачиваются царские пошрины при продаже. Заведывающий — Федор Кузьмич Елизаров.

4. Казанский приказ и 5. Сибирский приказ. В обоих слушаются и ведаются дела, касающиеся царств и земель Казани и Сибири. Здесь же ведаются доходы и расходы

на соболя и другие меха. Заведывающий — князь Алексей Никит[ов]ич Трубецкой.

6. Дворцовый приказ, где ведаются все дела, касающиеся двора и его содержания. Заведывающий — боярин [Василий] Васильевич Бутурлин. [7...]

8. Иноземский приказ, которому подсудны все иностранные военачальники и полковники и где им в мирное время отдаются приказания. Здесь также распоряжается тесть царский — Илья Данилович Милославский.

9. Рейтарский приказ, которому подсудна и от которого получает приказания и жалованье вся из туземцев набранная конница [рейтары]. Эти рейтары все из бедного дворянства и имеют свои ленные имения. В год они получают 30 рублей, или 60 рейхсталеров. И этот приказ подчинен Илье.

10. Большой приход, где все сборщики пошлин, со всей России, должны ежегодно отдавать свой отчет. Из этого приказа наблюдают за тем, правилен ли вес хлеба и соответствует ли он цене пшеницы и ржи; точно так же, всегда ли дается в винных погребах с продажей разных иностранных вин верная мера по дешевой цене. Из этого же приказа все иностранцы, находящиеся на дворцовой и военной службе его царского величества, аккуратно получают свое ежемесячное жалованье, равно как и жалованье годовое, уплачиваемое около рождества. Здесь начальником боярин князь Михаил Петрович Пронский.

11. Судный володимирский приказ, которому подсудны все бояре и московитские вельможи. Кто желает обвинять их, должен заявиться сюда; здесь производится и суд, если дело частного характера. Боярин князь Федор Семенович Куракин заведывает этим приказом.

12. Судный московский приказ, которому подсудны стольники, стряпчие, дворяне и жильцы, т. е. дворяне, прислуживающие за столом или в дороге, простые дворяне и пажи. Их судья — тот же боярин.

13. Разбойный приказ, где производятся заявления, следствия, пытка и, по качеству дела, говорятся и приговоры по уличным разбоям, убийствам, кражам и насилиям в городе и вне его. Высшее лицо в этом приказе — боярин князь Борис Александрович Репнин.

14. Пушкарский приказ, которому подведомственны все, кому приходится заниматься орудийным и колокольным литьем и вообще военными вооружениями. Таковы литейщики, кузнецы, точильщики сабель, пушкарки, мушкетеры, мастера ружейные и пистолетные; не только суд и расправа, но и выдача жалованья им производятся

здесь. Начальником здесь, на место безбожного Петра Тихоновича, поставлен боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукой.

15. Ямской приказ, которому подведомственны все царские гонцы, подводы и возчики, которых зовут ямщиками; они здесь получают плату. Здесь же делаются назначения и выплаты тем, кто путешествует по делам его царского величества, смотря по содержанию милостиво дарованных им паспортных листов. Здесь начальником окольныйчий Иван Андреевич Милославский.

16. Челобитный приказ, где можно принимать жалобы и призывать к суду всех дьяков, секретарей, писцов, старост и придверников в приказах. Начальник его — окольныйчий Петр Петрович Головин.

17. Земский двор, или Земский приказ, где все горожане города Москвы и престоное имеют право жаловаться друг на друга в случае несправедливости. Так же точно в этом приказе должны производиться измерения, уплата пошлин и запись всех домов и площадей, какие в Москве покупаются и продаются. Ежегодно сюда вносятся и уплачиваются налоги на дома, мостовые и воротные деньги и то, что должно идти на содержание валов городских. Начальник его — окольныйчий Богдан Матвеевич Хитрово.

18. Холопий приказ, где составляются особые грамоты, у них называемые кабалами, о тех людях, которые идут в крепостную зависимость к кому-либо другому. Заведывающий им — Степан Иванович Исленев.

19. Большой казны приказ, который заведывает золотою и серебряною парчою, бархатом и шелком, сукном и разными материями, необходимыми для дворцового убранства или же для подарков, в виде привета, от его царского величества вновь назначенным чиновникам или, в виде милости, другим лицам.

Под этим приказом, расположенным в Кремле и называющимся обыкновенно по-немецки «*der grosse Schatzhof*», находятся многие глубокие и большие погреба и каменные своды, где складываются и хранятся казна государства и все доходы городов, пошлины и ежегодные остатки от расходов в приказах. Все это находится под рукою и надзором царского тестя Ильи Даниловича Милославского.

20. Казенный приказ, которому подсудны все «гости» и наиболее выдающиеся русские купцы и торговцы. И здесь тот же Илья начальником.

21. Монастырский приказ, где ведаются монахи, по-

пы и другие клирики и должны судиться в делах светских. Здесь начальником — окольничий князь Иван Васильевич Хилков.

22. Каменный приказ, канцелярия плотников, каменщиков и мастеров строительных работ, где все эти люди получают суд и расправу и вознаграждение свое. Это большой двор, в котором всегда имеется большой запас всяких необходимых для царского строительства материалов, как-то: дерева, камня, извести, железа и т. п. Господином и наблюдателем здесь является дворянин Яков Иванович Загряжской.

23. Новгородской четверти [приказ], куда вносятся и где исчисляются все доходы по Великому Новгороду и Нижнему Новгороду. Здесь же рассматриваются и решаются затруднения этих городов, а иногда и тяжбы их горожан. Хотя, как выше сказано, от провинциального воеводского суда никакие апелляции ко двору не допускаются, тем не менее [жители] пускаются на такие уловки: если, начав дело в местных канцеляриях, они замечают, что «собака начинает хромать», они не дают делу дойти до решения, но направляются с ним в Москву в приказы, которые их касаются. Начальник этого приказа — думный дьяк, или государственный канцлер, Алмаз Иванович.

24. Галицко-Володимирский приказ, где исчисляются доходы провинций Галича и Володимира и где выслушиваются нужды и жалобы этих провинций. Начальник этого приказа — окольничий Петр Петрович Головин.

25. Новая четверть, куда все кабаки, трактиры или шинки из всех провинций доставляют свои доходы и сдают отчетность. Отсюда же «кружечные дворы», или трактиры, вновь снабжаются водкою и другими напитками. Также, если кто из других русских оказывается уличенным в том, что он тайно продавал водку или табак, то его здесь обвиняют и наказывают. Ведь, как выше сказано, русским под страхом сурового наказания воспрещено продавать или «пить» табак. Пойманные нарушители этого постановления, смотря по положению своему, или наказываются высокою денежною пенею, или кнутом и ссылаются в Сибирь. Немцам же разрешается свободно курить табак и продавать его друг другу. Начальствует в этом приказе Богдан Матвеевич Хитрово.

26. Костромской приказ, куда относится заведывание доходами и судебными делами Костромы, Ярославля и примыкающих к ним городов. В приказе заседает боярин и обер-цехмейстер Григорий Гаврилович Пушкин,

27. Устюжский приказ, куда относятся поступления и судебные дела по Устюгу и Холмогорам. Здесь начальником окольничий князь Дмитрий Васильевич Львов.

28. Золотой и алмазный приказ, где приготавливаются, складываются и оплачиваются драгоценные камни, драгоценности и иные золотые и серебряные изделия, приготавливаемые немецкими золотых и серебряных дел мастерами; здесь же и подсудны эти мастера. Патрон их — тот же Григорий Пушкин.

29. Ружейный приказ, где хранится все императорское [царское] вооружение и оружие для военных целей, а также разные украшения для процессий и торжественных случаев. Здесь же находится цейхгауз, или оружейная палата. Те, кто имеет дело с подобными предметами, подсудны этому приказу. И им заведывает тот же Пушкин.

30. Аптекарский приказ, где находится царская аптека. Лейб-медики, цирюльники, аптекари, дистилляторы и все, кто к этим делам прикосновенен, должны ежедневно являться сюда и спрашивать, не требуется ли чего-либо по их части. При этом они должны бить челом патрону, стоящему во главе этого учреждения, — Илье Даниловичу Милославскому.

31. Таможенный приказ, т. е. таможня, где заседает один из гостей [купцов] с несколькими помощниками для приема пошлин со всех товаров. В конце года он отдает отчет другому приказу — Большому приходу, и тогда другой гость назначается на его место.

32. Сбору десятой деньги приказ, куда поступает десятая деньга, которую согласились отпустить на войну. Этот приказ теперь подчинен боярину Михаилу Петровичу Пронскому и за ним окольничему Ивану Васильевичу Олферьеву.

33. Сыскной приказ, где заявляются и решаются все непривычные новые дела, не подведомственные другим приказам. Здесь начальником князь Юрий Алексеевич Долгорукий.

До сих пор приводились приказы от канцелярии его царского величества [и указывалось], что в них рассматривается и кто стоит во главе их. Помимо их имеются еще три особых приказа у патриарха, а именно:

1. Розряд, где регистрируются и записываются духовные владения; здесь же находятся и архивы их.

2. Судный [приказ], где патриарх производит свой духовный суд и расправу.

3. Казенный [приказ], где складываются и хранятся патриаршьи казна и ежегодные доходы.

Во всех приказах царя и патриарха находится очень много писцов, пишущих красивым почерком и довольно хорошо обученных, по их способу, счетному искусству. Вместо марок для счета употребляют они косточки от слив, которые каждый имеет при себе в небольшом кошельке.

Брать подарки, правда, воспрещено всем под угрозой наказания кнутом, но втайне это все-таки происходит; особенно писцы охотно берут посулы, благодаря которым часто можно узнавать и о самых секретных делах, находящихся в их руках. Иногда они даже сами идут к тем, кого данное обстоятельство касается, и предлагают им за некоторое количество денег открыть дела. При этом часто они допускают грубый обман, сообщая вымышленное вместо истинного, частью из боязни опасности для себя в случае, если дело выйдет наружу, частью же вследствие незнания дела. Так было, например, и в мое время, когда я в 1643 году в Москве принял царскую грамоту на имя его княжеской светлости, моего милостивейшего государя; в это время знатный агент, находившийся там, сильно желал узнать, каково содержание письма. Ему, как бы под строжайшим секретом, передана была копия, которую и мне разрешено было списать, так как я был добрым другом господина агента. Когда, однако, подлинная грамота на должном месте была переведена, то в ней многое оказалось изложенным в значительно иной форме, чем гласила переданная по секрету копия.

Акты, процессы, протоколы и другие канцелярские вещи они записывают не в книги, а на длинных бумажных свитках. Для этой цели они разрезают поперек целые листы бумаги, приклеивают потом полосы друг к другу и свертывают в свитки. Иной из свитков — длиною в 20, 30, даже 60 и более локтей. В канцеляриях можно видеть весьма много их, грудями сложенных друг над другом.

О русском судопроизводстве, правосудии и видах наказаний

Что касается дел юстиции, то они решаются в только что указанных канцеляриях. Каждый боярин или назначенный сюда судья имеет при себе дьяка или секретаря, а также нескольких заседателей; перед ними выступают

тяжущиеся стороны, подвергаются выслушанию и осуждению. Раньше у русских было лишь весьма немного писанных законов и обычаев, установленных разными великими князьями, притом исключительно по отношению к изменникам перед отечеством, преступникам по оскорблению величества, ворами, убийцам и должникам. Во всем остальном они большею частью поступали по собственному произволу и иногда произносили приговор смотря по тому, были ли расположены или враждебно настроены к подсудимому. Однако немного лет тому назад, а именно в 1647 году, по повелению его царского величества, должны были собраться умнейшие люди со всех состояний, с тем чтобы составить и написать несколько законов и статуты, которые затем его величеством и боярами были утверждены и по-русски, для публичного пользования, отпечатаны; это книга in-folio, толщиной с добрых два пальца, и называется «Соборное уложение», что значит: «Согласное и собранное право». Теперь они по этому своду постановляют или хотя бы должны постановлять свои решения. Так как все это делается именем его царского величества, то прекословить никто не имеет права и апелляция не допускается.

Раньше тяжущимися велись такого рода процессы. Если один другого обвинял и ничего не мог доказать, то судья требовал, чтобы дело было решено клятвою. После этого спрашивали обвиняемого, от которого зависело решение: «Берешь ли ты клятву на свою душу или же оставляешь ее на душе обвинителей?» Тот, кому полагалось принести клятву, должен был три недели подряд, каждую неделю по разу, выслушивать поучения и увещания о том, что это за великое и опасное дело давать клятву; вообще его всячески предостерегали от дачи ее. Если он тем не менее приносил клятву, то хотя бы клятва и была правильна, все-таки все окружающие плевали ему в лицо, его выталкивали из церкви, где он поклялся, подвергали презрению, все на него показывали пальцами, ему не разрешали входить в церковь, ни, тем менее, принимать причастие, разве только он заболел опасною болезнью и в нем замечали верные признаки близкой смерти; только в таком случае его могли причастить.

Недавно состоялось такого рода распоряжение. Желающего принести клятву спрашивают перед иконами их святых, желает ли он принять клятву на душу и спасение свое. Если он ответит «да», перед ним держат крестик с пядень длиною. Он знаменует себя сначала

крестным знаменем и затем целует крест. Потом снимают икону со стены и подают ему, чтобы он к ней приложился. Если он клялся правильно, то ему разрешают принять причастие лишь по истечении трех лет: относятся к нему, однако, довольно пренебрежительно. Если же станет известно, что он принес ложную присягу, то его нагого бьют кнутом, а затем немилосердно ссылают в Сибирь. Он не получает в этом случае причастия даже при последнем издыхании.

Вот поэтому-то русские неохотно дают клятву, а еще того менее решаются на нее вторично или в третий раз; так поступают разве только люди дерзкие и никуда не годные. [...]

Если судится дело о побоях, то обыкновенно того, кто ударил первым, обвиняют, а правым считают того, кто первый принес жалобу.

Убийца, который не из самообороны (эта последняя разрешается), но с заранее обдуманном намерением убил кого-либо, бросается в темницу, где он в течение шести недель должен каяться при суровых условиях жизни; затем ему дают причастие и после этого казнят отсечением головы.

Если кто-либо обвинен и уличен в воровстве, его все-таки подвергают пытке, [чтобы узнать], не украл ли он еще что-либо; если он больше ни в чем не сознается и провинился в первый раз, то его бьют кнутом по дороге из Кремля на большую площадь; здесь палач отрезает ему одно ухо, и его на два года сажают в башню, а затем выпускают. Если он пойман будет вторично, то ему, по вышеуказанному способу, отрезают и второе ухо, а затем его уводят на прежнее пристанище, где его держат до тех пор, пока подобных личностей не наберется больше; потом их всех вместе отправляют в Сибирь. Никого, однако, ради воровства, если при этом не было совершенно убийства, не карают смертью. Если вор после пытки признается, кому он продал краденые вещи, то этих покупателей зовут в суд и требуют от них, чтобы они дали должное возмещение убытков жалобщику, у которого вещи украдены. Такую выплату они называют «вытью»; она многих удерживает от покупки подозрительных предметов.

Ни о чем так часто не производится суд, как о долгах и должниках; не желающих или не могущих произвести уплату «приставливают», т. е. их заставляют сидеть заперти в доме какого-либо судейского служителя, вроде как, например, у нас арестовывают и ставят на послуша-

ние. Если платеж не будет произведен в разрешенный льготный срок, то должник, кто бы он ни был: русский ли или иностранец, мужчина или женщина, купец или ремесленник, священник, монах или монахиня,— сажается в долговую тюрьму, и каждый день его выводят перед канцеляриею на открытое место и целый час гибкою палкою, толщиною с мизинец, бьют по голеням, причем избиваемые зачастую от сильной боли громко кричат. Иногда бьющий, получивший «посул», или подарок, бьет лишь слегка и мимо. Иные также кладут толстую жезь или узкие, длинные деревянные дощечки в сапоги, чтобы эти приспособления принимали на себя удары.

По вынесении этих мучений и надругательств, должник или опять отсылается в тюрьму, или должен предоставить поручителей, что он на следующий день вновь явится на место и даст себя вновь бить. Подобного рода наказание они называют «ставить на правез». [...] Если же должник совершенно лишен средств заплатить долг, он становится рабом кредитора и должен служить ему.

Другие обычные наказания, применяемые против преступников, состоят в том, что взрезываются ноздри, даются батоги и кнутом бьют по голой спине. Ноздри взрезывались [рвались] у тех, которые пользовались нюхательным табаком; нам привелось встретить несколько человек, подобным образом наказанных. Батогами каждый господин может наказать своего слугу или всякого, над кем он хоть сколько-нибудь властен. Преступника раздевают, снимая с него кафтан и одежду, вплоть до сорочки; потом он должен брюхом лечь на землю. Затем два человека садятся на него: один на голову, другой на ноги — и гибкими лозами бьют его по спине; получается такое же зрелище, как при выколачивании скорняками мехов [...]. Подобного рода наказание не раз применялось среди русских, сопровождавших нас во время нашего путешествия.

Битье кнутом в наших глазах было варварским наказанием [...]. Подобное наказание 24 сентября 1634 года я видел примененным к восьми мужчинам и одной женщине, нарушившим великокняжеский указ и продававшим табак и водку. Они должны были перед канцеляриею, именуемую Новою четвертью, обнажить свое тело вплоть до бедер; затем один за другим они должны были ложиться на спину слуги палача и схватывать его шею руками. Ноги у наказуемого связывались, и их особый человек придерживал веревкою, чтобы наказуемый не мог двигаться ни вверх, ни вниз. Палач отступал позади

грешника на добрых три шага назад и стегал изо всей своей силы длинным толстым кнутом так, что после каждого удара кровь обильно лилась. В конце кнута привязаны три ремешка длиною с палец, из твердой недубленной лосиной кожи; они режут, как нѣжи. Несколько человек таким образом (ввиду того, что преступление их велико) были забиты кнутом до смерти. Служитель судьи стоял тут же, читая по ярлыку, сколько ударов должен был каждый получить; когда означенное число ударов оказывалось исполненным, он кричал: «Полно!», т. е. достаточно. Каждому дано было от 20 до 26, а женщине 16 ударов, после чего она упала в обморок. Спины их не сохранили целой кожи даже с палец шириною; они были похожи на животных, с которых содрали кожу. После этого каждому из продавцов табаку была повешена на шею бумажка с табаком, а торговцам водкою — бутылки; их по двое связали руками, отвели в сторону, а затем под ударами выгнали из города вон и потом опять пригнали к Кремлю.

Говорят, что друзья некоторых из высеченных кнутом натягивают на израненную спину теплую шкуру с овцы, только что зарезанной, и таким образом исцеляют их. В прежние времена, после вынесенного преступниками наказания, все опять смотрели на них как на людей столь же честных, как и все остальные; с ними имели сношения и общение, гуляли, ели и пили с ними, как хотели. Теперь, однако, как будто считают этих людей несколько опозоренными.

Подобно тому как русские с течением времени улучшаются во многих внешних отношениях и сильно подражают немцам, так они делают это и в том, что касается славы или позора; так, например, состоять палачом у них раньше не считалось столь позорным и бесчестным, как, пожалуй, теперь. Ни один честный и знатный человек теперь не стал бы вести дружбу с высеченным, разве только в том случае, если подобному наказанию кто-либо подвергся по доносу лживых людей или неправильно был наказан вследствие ненависти к нему судьи. В последнем случае наказанного скорее жалеют, чем презирают, и в доказательство его невиновности честные люди безбоязненно имеют с ним общение.

Общества кнубойцев и палачей теперь также избегают честные люди. Им можно бы жить и работать подобно всем остальным людям, но они неохотно отказываются от своего дела, так как оно приносит им большой доход: за каждую экзекуцию они получают деньги не

только от начальства, но и от преступников (в том случае, если у этих последних есть деньги, а палач не слишком несговорчив); кроме того, они продают арестантам, которых ежедневно сидит весьма много, водку,— конечно, тайком; все это за год составляет большую сумму. Поэтому иные за подарки покупают подобного рода должности; однако в настоящее время им воспрещено вновь продавать их. Когда ощущается недостаток в таких людях и требуется произвести большие экзекуции, цех мясников обязан отражать из своей среды нескольких палачей. [...]

О шрифте русских, их языке и школах

Русские получили свои буквы и письменность свою одновременно с религиею от греков, но частью изменили, частью увеличили число письмен особыми славянскими буквами. [...]

Подобными буквами и письмом пользуются они как в печатных, так и рукописных книгах своего языка, который отличается от славянского и польского, но все-таки находится с этими языками в столь близком родстве, что тот, кто знаком с одним из них, легко в состоянии понимать и другой. С греческим у этого языка нет ничего общего, за исключением разве немногих слов, которыми они обыкновенно пользуются в церкви, богослужении и должностях и которые ими заимствованы с греческого. Так как русские, как уже сказано, в школах обучаются только письму и чтению на своем и, самое большее, на славянском языке, то ни один русский, будь он духовного или светского чина, высокого или низкого звания, ни слова не понимает по-гречески и по-латыни.

В настоящее время они,— что довольно удивительно,— по заключению патриарха и великого князя, хотят заставить свою молодежь изучать греческий и латинский языки. Они уже устроили, рядом с дворцом патриарха, латинскую и греческую школу, находящуюся под наблюдением и управлением грека Арсения. Если это предприятие увенчается счастливым успехом и они окажутся в состоянии читать и понимать в подлинниках писания святых отцов и других православных, то нужно надеяться, что, с божиею помощью, они придут к лучшим мыслям и в своей религии. У них нет недостатка в хороших головах для учения. Между ними встречаются люди весьма талантливые, одаренные хорошим разумом и памятью.

Нынешний государственный канцлер в посольской канцелярии Алмаз Иванович в молодости своей побывал в Персии и Турции и в короткое время так изучил языки этих стран, что теперь может говорить с людьми этих наций без переводчика. Ради доброго разума своего и добросовестности он неоднократно участвовал в больших посольствах, а затем стал думным дьяком, или государственным секретарем, или, как его здесь называют, государственным канцлером.

Их, уже упомянутый, тайный и во многих языках сведущий переводчик Иоганн-Бёккер фон Дельден дал им возможность прочесть об иностранных делах в переведенных с латинского и французского книгах, так же как сделал это бывший до него посол римского императора Адам Дорн⁴¹, о котором также выше упомянуто. Последний составил вкратце космографию, или описание мира, а первый, между прочим, перевел на русский язык историю о Великом Моголе. Иногда теперь некоторые из наиболее знатных начинают брать эти книги в руки. [...]

О духовном управлении русских, о клириках, церковнослужителях и монахах

Духовное управление, консистория и церковная служба справляются и совершаются патриархом, митрополитами, архиепископами, епископом, архидиаконом, протопопами и попами. Патриарх является верховным главою, вроде как у католиков папа римский. Избрание его раньше зависело от патриарха константинопольского, а потом требовалось только утверждение. Патриарх Филарет Никитич⁴², третий из таковых, был последним из тех, кого утверждал константинопольский патриарх. Ныне же и то и другое производится в городе Москве самими русскими. Патриарх избирается митрополитами, архиепископами и епископами из собственной среды. Для этой цели они собираются в Кремле в величайшей церкви, — по их обозначению — «соборе» или собрании, — и избирают из своей среды двух, иногда четырех или пять лиц, которых они считают умнейшими, начитаннейшими и наиболее безупречного поведения в своей среде. О них они докладывают его царскому величеству, и один из них его царским величеством, по совещании с остальным духовенством, избирается. Иногда, если они, ввиду равенства в достоинстве лиц, не знают, кого предпочесть, то бросается жеребий. Так было, например, при избрании предыдущего

го патриарха, бывшего лишь игуменом в монастыре и привлеченного к участию в выборах лишь ради особого почета, так как он был человек очень разумный. Когда жеребий выпал на него и другие стали прекословить, то жеребьевка была повторена, и он был вновь указан. Так как, однако, великий князь заметил, что другие этому завидуют, то жеребий метали в третий раз, и опять-таки счастье выпало ему. Тогда его царское величество сказал: «Я вижу, что ему это предназначено, и он избран богом; поэтому пусть он, а не иной кто-либо будет патриархом».

Как только патриарх избран, ему вручается вводная грамота за подписями и печатями избирателей [в обозначение того], что он признан достойным и, с согласия их всех, избран справедливым образом. К этому еще его царское величество прибавляет свою конфирмацию, или утверждение.

Патриарх, после великого князя, имеет наибольшую честь и власть в стране. Он судья над духовными в делах, которые не подлежат одному лишь светскому праву, ему принадлежит надзор над религиозными делами, добрыми нравами и христианским образом жизни; что ему при этом представится правильным, он, по усмотрению своему, устраивает, учреждает и упраздняет, предоставляя великому князю исполнение. В его предприятиях ни великий князь, ни вообще кто бы то ни было не имеет права советовать, ни, того менее, противоречить ему, если не считать того случая, когда, как выше упомянуто, Никита стал ему противоречить из-за своей иностранной одежды.

Предыдущий патриарх, а в особенности нынешний изменили и отменили очень много вещей в стране, которые в течение долгого времени были в употреблении, и ввели новшества, как я неоднократно уже упоминал об этом.

Нынешний патриарх называется Никон. Как уже выше сказано, он был митрополитом ростовским и ярославским⁴³. Это человек лет сорока, свежий и энергичный; он живет в Кремле в великолепном дворце, который он сам для себя велел построить; доставляет себе все удобства, соответствующие их обычаям, живет широко и охотно шутит. Как рассказывают, когда недавно дала себя вторично окрестить, вместе с друзьями своими, некая прекрасная девица, пришедшая потом принять у него благословение, то он сказал ей: «Прекрасная девица, я не знаю, должен ли я сначала поцеловать тебя или сначала благословить». У них существует обычай вновь при-

нятых в их религию, по даровании им благословения, приветствовать христианским поцелуем.

Митрополитов, как они у них называются, имеется четыре:

1. Новгородский и великолудский, в Новгороде.
2. Ростовский и ярославский, живущий в Ростове.
3. Казанский и свияжский, в Казани.
4. Сарский и подонский. Он живет в Москве в

Кремле.

Затем следуют архиепископы, которых семь.

1. Архиепископ вологодский и великопермский, с местопребыванием в городе Вологде.

2. Рязанский и муромский, с местопребыванием в Рязани.

3. Суздальский и тарусский, в Суздале.

4. Тверской и кашинский, в Твери.

5. Сибирский и тобольский, в Тобольске.

6. Астраханский и терский, в Астрахани.

7. Псковский и изборский, живущий во Пскове.

За ними следует епископ коломенский и каширский, живущий в Коломне; помимо его иного епископа во всей стране нет. В Москве при патриархе имеется еще архидиакон, который служит ему канцлером и является правой рукою его. В соборе в Кремле имеется протодиакон. В городах находятся протопопы, попы и диаконы. За ними следуют пономари, т. е. дьячки, ведающие отпирание и запираение церквей и колокольный звон. В монастырях имеются различные архимандриты, келари и игумены, являющиеся там как бы начальниками, аббатами и приорами.

Патриарх, митрополиты, архиепископы и епископы не имеют права жениться; когда они занимают эти должности, они должны воздерживаться от законных своих жен.

Все эти духовные лица, за исключением протопопов и диаконов, не имеют права носить кольца на руках и носить штаны; они должны иметь на теле шерстяные, а не полотняные сорочки и не должны спать в кроватях. В монастырях совершенно не едят мяса и не держат там ни вина, ни водки, ни меду, ни крепкого пива. Патриарху также не разрешается носить сорочку из полотна, но она у него может быть из темного шелка.

Обычное ежедневное одяние патриархов, митрополитов, архиепископов и епископов, а также и монахов состоит из черных длинных кафтанов, поверх которых они носят черные плащи. На головах у них черные чепцы

[клубуки], с три локтя шириною; у них посередине твердая круглая пластинка, с большую тарелку, а сзади [чепцы эти] свисают с головы. Когда они ходят по улицам, у них в руках посохи, которые вверху с добрый палец прямоугодно изогнуты.

Попов, или священников, в Москве имеется до 4 тысяч ввиду большого количества церквей; в иных церквах, которые побольше, имеются 6, 8 и до 10 священников. Поп, желающий получить такой сан, отправляется к патриарху, митрополиту или епископу, который ближе всего к нему; здесь ему производится испытание, и если найдено будет, что он достоин, т. е. если он умеет хорошо читать, писать и петь, то его посвящают и утверждают [это посвящение] письменной аттестациею. При этой инвеституре ему надевают священнические ризы, которые не особенно отличаются от светского костюма; волосы вверху на голове у него состригаются и надевается шапочка, именуемая скуфьею (подобно нашей калотте, она лежит плотно на коже), вокруг которой остальные волосы длинно свисают на плечи, как у женщины. Эту шапочку они в течение дня никогда не снимают, разве чтобы дать себе постричь голову. Это священный, заповедный предмет, имеющий большие права. Кто бьет попа и попадет на шапку или же сделает так, что она упадет на землю, подлежит сильной каре и должен платить за «бесчестие». Однако, тем не менее, попов все-таки бьют, так как обыкновенно это люди более пропившиеся и негодные, чем все остальные. Чтобы при этом пощадить святую шапочку, ее сначала снимают, потом хорошенько колотят попа и снова аккуратно надевают ему шапку. Подобным делам потом не очень удивляются.

Протопоп и поп, или священник, по обычаю греков, непременно должен быть женат, а если жена его помрет, то, оставшись духовным лицом, он уже не смеет жениться. [...]

В этом обстоятельстве русские, наравне с греками, между прочим, видят важную причину несогласия своего с латинскою, или римскою, церковью, так как она священникам воспрещает жениться, поступая в этом, во их мнению, в противность постановлению святого собора. [...]

Русские священники до принятия священного сана должны быть женаты, притом на девицах, а не на вдовах, еще того менее на особах с дурною славою или имеющих родственниц с подобною славою. Если кто в брачную ночь не найдет девственности и это станет извест-

ным, тот лишается своего сана. Поп не имеет права подойти к алтарю и служить обедню, если он в предыдущую ночь имел плотское соитие с женою своею. Если у священника помирает жена, он может служить заутрени и вечерни, но не смеет служить обедни, во время которой происходит пресуществление святых даров и причащение. Он после этого уже не смеет служить у алтаря, не имеет права крестить и венчать брачащихся, но может только читать и петь. Такие [вдозые] священники обыкновенно поступают на службу при посольствах, состоя при послах для богослужения. Они не имеют также права вторично жениться. Впрочем, молодой вдовый поп, который не решается жить без брака, имеет право снять свою скуфью, или шапочку, и платье и, став светским человеком, заняться купечеством или каким-либо ремеслом и в таком случае вновь жениться. Подобного рода случаи происходят у них довольно часто. Если священник стар и уже не может или не желает служить заутрени и вечерни в церквах, он может отправиться в монастырь и стать монахом.

У русских в городах и вне городов в разных местах много монастырей мужских и женских [...].

В монастыри направляются частью из бедности, частью по старости и дряхлости, частью вследствие супружеских несчастий, частью же приходится идти сюда и ради иных причин, против собственной воли; иные направляются сюда и добровольно из особого благочестия, причем поступают так и весьма богатые люди. Если богатый человек направляется в монастырь, он берет с собою только часть своего наличного имущества, а остальное остается его наследникам, как немного лет тому назад установлено в их новом Соборном уложении. Раньше они забирали с собою в монастырь все свое имущество, вследствие чего большая часть земли попала под власть монастырей и царь в конце концов мог остаться без земли и без крестьян. У некоторых монастырей по этим причинам богатые доходы, между тем как иные совершенно бедны. Устав монастырей должен соблюдаться твердо и неуклонно. В определенное время днем и ночью прилежно совершают они свои молитвенные часы и богослужение, имея почти всегда при себе свои четки. В монастырях они ведут суровый образ жизни, никогда не едят мяса и свежей рыбы, а питаются лишь соленою рыбою, медом, молоком, сыром и огородными овощами, в особенности сырыми и солеными огурцами, пьют при этом квас, или кофент, иногда кроша сюда огурцы и

хлебая затем ложками. Вне монастырей, однако, они охотно дают себя угостить добрым друзьям, так что иной раз приходится везти их пьяными из домов в монастырь. [...] Многих монахов можно часто видеть идущими, едущими верхом или в санях — вроде мужиков или ямщиков; занятия или поступки у них те же, что у мирян, от которых их можно отличить лишь по черному их костюму.

Имеются и такие люди, которые из особого благочестия уединяются в монастыри, строят здесь у дороги часовни и в них ведут суровую жизнь, как отшельники. Они существуют одною милостынею, которую дают крестьяне и проезжие люди. Мы встречали таких людей между Новгородом и Тверью. [...]

О приверженцах других религий, которых москвиты частью переносят, частью не терпят

Москвиты относятся терпимо и ведут сношения с представителями всех наций и религий, как-то: с лютеранами, кальвинистами, армянами, татарами, персиянами и турками. [...] Лютеране и кальвинисты до сих пор встречали хороший прием не только в разных местах в стране, но и в самой Москве при дворе, ради торговли и сношений, которые с ними усердно ведутся, а также и ради тех должностей, на которых они служат его царскому величеству дома и в поле. Тех из них, что живут в Москве, имеется до 1000. Каждому разрешается по своему совершать богослужение в публичных церквях. Раньше обе религии имели в городе Москве в округе Царь-город свои построенные здесь церкви. Однако лютеране лет 20 тому назад потеряли церковь из-за ссоры и драки женщин, споривших о первенстве. Когда перед тогдашнею осадю Смоленска немецкие военные офицеры женились на купеческих служанках, то эти последние, как жены капитанов и поручиков, уже более не хотели сидеть ниже бывших своих барынь. Жены же купцов полагали, что было бы постыдно для них, если бы те, кто недавно были их служанками, стали сидеть выше, чем они сами. Вследствие этого в церкви поднялся большой спор, который в конце концов перешел в драку. Патриарх в это время проезжал мимо церкви, увидел свалку и спросил о причинах ее. Когда ему сообщили, что это в немецкой церкви идет спор из-за мест, он сказал: «Я полагал, что они будут приходить в церковь с благоговей-

ными мыслями для совершения своего богослужения, а не ради высокомерия». После этого он приказал, чтобы тотчас церковь была сломана, и, действительно, в тот же день она была разрушена до основания. Лютеранам, однако, позволили построить вне Белой стены, в округе Большой город, новую.

Кальвинисты также внутри Белой стены стали рядом со своей деревянной часовнею строить красивую каменную церковь и довели ее почти до крыши. Так как, однако, патриарх и великий князь не разрешили постройки, а лишь смотрели на нее сквозь пальцы, то патриарху как-то пришло в голову приказать разрушить эту церковь, а заодно упразднить и часовню, находившуюся близ нее. После этого кальвинисты некоторое время для слушания проповеди ходили в церковь к лютеранам, пока они наконец не получили собственной церкви.

Когда некоторое время спустя лютеране принуждены были, по настоянию патриарха, убрать свою церковь и из Большого города, они, с соизволения его царского величества, заняли вне вала на свободной площади место и построили на ней церковь, большую, чем предыдущая. Однако недавно, при отмене русской одежды (о чем сказано выше), они вновь со своей церковью должны были перейти на другое место. Произошло это таким образом.

Попы в Москве уже 15 и более лет жаловались, что немцы, живущие среди русских в городе, закупили самые большие и лучшие площади из их приходских земель и обстроили их так, что попы потеряли многое из своих доходов. Однако, так как предыдущий великий князь относился благосклонно к немцам, им ничего нельзя было добиться. Теперь, однако, когда сам патриарх стал жаловаться, что немцы ходят среди русских в одинаковых с ними одеждах и как бы крадут у него благословение, попы воспользовались случаем, возобновили свою жалобу и довели дело до того, что отдан был строгий приказ: «Кто из немцев хочет перекреститься по русскому обряду, тот пусть остается жить в городе, но кто отказывается поступить так, тот обязан в течение короткого времени вместе с жилищем своим выбраться из города за Покровские ворота, в Кокуй, место, где 40 и более лет тому назад немцы исключительно жили и где погребен датского короля Христиана IV брат, герцог Иоганн. [...] Его царское величество теперь дал этому месту другое наименование, назвав его Новою иноземской слободою. Здесь каждому, по его личному состоя-

нию, должности или промыслу, отведено определенное место для построек, и вся слобода разделена правильными улицами. Те, у кого в городе были деревянные дома, велели их сломать и вновь сложить в Новой иноземской слободе, где они теперь, в случае часто возникающих у русских пожаров, живут в гораздо большей безопасности, чем в городе. [...]

Когда немцы теперь увидели, что им как бы дан особый город для мирной жизни в нем, они не задумались сами сломать свои, далекие теперь от них, церкви и перенести их к своим очагам и домам, в Новую иноземскую слободу. Теперь у лютеран здесь две немецкие церкви, а у кальвинистов — голландская и английская. Сначала, впрочем, они и здесь терпели сильный соблазн, вследствие обвинения жены полковника Лесли в том, будто она (как выше сказано) своевольно бросила русские иконы в огонь. В немецких церквях тогда сорвали кафедры проповедников и алтари, а также снесли и крыши, но через некоторое время им разрешено было вновь покрыть церкви крышами; лишь алтари и кафедры проповедников им не позволили возобновить. Лютеране огородили большое кладбище, на котором они и кальвинисты погребают своих покойников. Обе религии здесь уживаются мирно друг с другом, и ради веры не бывает неприятностей. Нынешний лютеранский проповедник — господин Балтазар Фаденрехт, человек очень ловкий и даровитый. Предыдущий проповедник (в наше время) был господин Мартин Мунстерберг из Данцига, даровитый и прилежный человек, сначала имевший хорошие средства и бывший очень щедрым; из-за этого, а также вследствие испытанных им больших пожаров, он потерял все свое имущество и сильно преследовался русскими за долги, так что от заботы и горя он заболел и умер, не достигнув даже 36 лет. Предшественник его, господин Георг Окзе, человек старый, был привезен в Москву в качестве купора⁴⁴ для вина евангелическим купцом Каролом Молином. Так как община стала увеличиваться и долгое время не имела правильно поставленного пастыря, а все-таки хотела в определенное время слушать проповедь, этот же господин Георг был достаточно начитан и знал толк в проповедях, то они избрали его в свои пасторы, и он прилежно справлял эту должность в течение нескольких лет. Когда он наконец от старости устал читать и заниматься и на проповеднической кафедре стал несколько заговариваться, то община освободила его от служения, дав, однако, ему и жене его содержание для

жизни. Он был еще жив во время первого нашего посольства.

Реформаты также имели ученого человека в качестве проповедника. Это магистр Гейнрих Инхенгёффер из Герцберга, сначала бывший лютеранином, прибывший с солдатами в страну и служивший походным проповедником в войну под Смоленском. Позже в Москве он стал кальвинистом. [...] Оставшаяся вдова этого магистра Инхенгёффера, живущая еще в Москве, — дочь знаменитого виттенбергского богослова д-ра Фёрстера. Он никогда не уговаривал ее к отпадению, к чему, впрочем, она и сама не чувствовала склонности; напротив, он говорил, пусть она останется при лютеранской вере: она может спастись и при ней, так как поступить лучше она не умеет. У реформатов имеется и теперь ученый муж — магистр Андрей Гардинус, родом из Шотландии.

Как сказано, русские ничего не имеют против нахождения в их стране лютеран и кальвинистов вместе с их богослужением. Что же касается римско-католиков, или папистов, то они до сих пор встречали у них мало расположения; напротив, они вместе с их религиею были как бы мерзостью в их глазах. В 1627 году король французский Людовик XIII⁴⁵ прислал посла по имени Луиде Гэ к прежнему великому князю с просьбою разрешить французской нации свободу торговли в России; при этом он сделал попытку добиться постройки для них католической церкви. Однако в этом ему было отказано.

Когда должна была начаться война со Смоленском и между начальниками, которые были призваны в страну, оказались и католики, то им за поездку в страну дан был подарок, а затем их с добрым конвоем вновь отправили через границу. В договорах, которые они заключили с нами ради персидской торговли, они внесли строгий запрет, чтобы в случае направления голштинцев для торговли в Персию они не имели в своей среде людей латинской веры (так зовут они римских католиков). Так ненавистно у них и самое имя их. Следует удивляться, как они, тем не менее, в 1610 году избрали в великие князья Владислава⁴⁶, королевича польского; впрочем, они потом, еще до начала им действительного управления, отвергли его и позже относились к полякам и к их религии с гораздо большею ненавистью, чем раньше, за то, что они совершили над иконами их, русских, столь большие надругательства.

Эта древняя и как бы прирожденная ненависть и недружелюбие русских к папистам, или латинской церк-

ви, впитана их предками от греков и их религии и от них передана потомству и получила дальнейшее развитие. Так как русские являются сторонниками греческой церкви, то они полагают, что в этом деле должны разделять вражду, которую греческая церковь хранила по отношению к латинской в течение многих сот лет.

Откуда получился такой раздор между греческой и латинской церквами, которые сначала были совершенно согласны друг с другом, видно из церковной истории. А именно, началось дело из-за спора епископов о первенстве, а затем присоединились сюда еще некоторые ошибочные мнения о догматах веры, принятые греками против учения римской церкви.

...Так как греки видели примеры соблазна и тирании в поведении правителей латинской церкви, то они восчувствовали к ним омерзение и гнев, передавшиеся и их потомству.

Русские, пишущие себя членами греческой церкви, ввиду отделения греческой церкви от латинской (впрочем, они говорят: латинская отделилась от них), а также ввиду того, что члены этой церкви всегда были во вражде [с латинскою], желают следовать грекам и в этом деле. Они и теперь еще не терпят возле себя сторонников латинской веры, или папистов, но зато ладят с теми, кто от папистов отделился. [...]

**Об отъезде из Москвы
и поездке до Нижнего Новгорода.
Как мы ехали по рекам Москве и Оке
и что мы за города, деревни, монастыри и дачи
встречали по дороге**

Вернемся опять к нашей поездке в Персию. Когда для этого путешествия нам был вручен приставом вышеупомянутый великокняжеский паспорт, мы собрались в дорогу из Москвы [30] июня. В тот же день мы напоследок получили от фактора⁴⁷ его княжеской светлости господина Давида Рутса прекрасно приготовленное угощение. Когда подошел последний час дня (у русских применяются вавилонские часы, и они начинают счет часов от солнечного восхода и считают до захода солнца), царь прислал нам, как это принято здесь, лошадей, на которых мы, в сопровождении старых наших приставов и многих знатных немцев, проехали три версты за город, до Симоновского монастыря, где нас ожидала лодка, выехавшая вперед из-за сильной кривизны реки Москвы. Мы, стало

быть, вошли в лодку при сердечных приветях добрых друзей. Великим князем нам был дан пристав по имени Родион Матвеевич, который должен был идти с нами до Астрахани.

Едва мы немного отъехали от берега, подошел сюда молодого князя гофмейстер Борис Иванович Морозов, доставивший разных дорогих напитков и имевший при себе трубачей своих. Он попросил послов немного пристать, чтобы он мог на прощанье угостить их. Послы, однако, отказались, а так как перед этим, как выше сказано, он некоторым из нас на соколиной охоте доставил большое удовольствие, то мы и подарили ему серебряный прибор для питья. После этого в особой маленькой лодке он довольно долго ехал рядом с нами, велел своим трубачам весело играть, а наши им отвечали. Через некоторое время он даже пересел в нашу лодку и пил с нашими дворянами вплоть до утра, после чего он, со слезами на глазах, полный любви и вина, простился с нами.

Так как в эту ночь русские лодочники (они по восьмеро по очереди сидели у весел) еще были свежи и к тому же каждый из них получил по чарке водки, мы так быстро подвинулись вниз по реке, что на другой день, а именно 1 июля, вскоре по восходе солнца, оказались у дворянской усадьбы Дворянинова, в 80 верстах, или 16 немецких милях, от Москвы; усадьба лежала по левую сторону от нас. К вечеру мы прибыли к деревне Марчук, направо, в 40 верстах от Дворянинова.

В дальнейшем, обозначая деревни и другие предметы, лежат ли они направо или налево, я буду пользоваться начальными буквами: *л.* — обозначает расположенные налево, *пр.* — расположенные направо предметы.

2-го того же месяца мы до полудня у деревни и монастыря Бобренева [?] встретили несколько больших лодок, нагруженных медом, солью и соленою рыбою. Они шли большею частью от Астрахани и направлялись к Москве. Здесь в реке много больших изгибов и поворотов. Мы вышли на берег, имели свои молитвенные часы и поехали дальше.

К вечеру мы прибыли под город Коломну, *пр.* Он находится от Москвы водою в 180 верстах, или 36 немецких милях; сушею же, особенно зимою, когда можно ехать по полю, считается сюда едва 18 миль. Если судить по внешнему виду, то он хорошо охраняется своими каменными стенами и башнями. Через реку Москву, протекающую у городских стен, ведет большой деревянный мост. Здесь имеет свое местопребывание единственный

епископ, имеющийся в стране; так как здесь есть и воевода, то нам пришлось подождать, пока пристав показал наш паспорт. Тем временем бесчисленное количество народа собралось на мосту, чтобы смотреть на нас. Однако им пришлось, чтобы дать проезд нашей лодке, несколько высокой ввиду ее крыши, разобрать часть моста, что ими было очень поспешно сделано.

В трех верстах за Коломною река Москва впадает в Оку, широкую и глубокую реку, идущую с юга.

Здесь вблизи лежит монастырь Голутвин-Сергиевский, будто бы учрежденный св. Сергием⁴⁸, похороненным в Троице.

За местом слияния этих вод страна по обе стороны реки становится весьма плодородною, покрытой растительностью и обитаемою, так что нас весьма обрадовал вид этих веселых местностей. В данном месте такое количество дубов, какого мы нигде во всей России не видели.

3 июля мы до восхода солнца прибыли к большой деревне Дедино[во], л., длиною почти с $\frac{1}{2}$ мили и, как говорят, имеющей более 800 жителей. К полудню мы прибыли к деревне Омут, пр., в 37 верстах от Коломны. Здесь, так как день был воскресный, мы высадились на берег и под веселым деревом совершили наше богослужение с проповедью и поехали дальше. В 3 верстах за деревнею посередине реки находился длинный остров, который мы оставили с левой стороны. Мы проехали еще мимо нескольких деревень, из которых главнейшие были Сельцо, пр., и Морозо[во], пр.

4-го с. м., около полудня, мы прибыли под город Переяславль, пр., где также имеется воевода. Этот город в 107 верстах от Коломны. Близ него я нашел высоту полюса в $54^{\circ}42'$.

5-го с. м. мы проехали мимо местечка Рязань, пр., бывшего раньше большим и даже главным городом целой провинции этого названия. Но когда в 1568 году вторглись крымские татары и, избивая и пожигая, все опустошили, погиб и этот город. Так как, однако, эта провинция, расположенная между Окою и валом, построенным против татар, раньше была княжеством и, кроме того, будучи чрезвычайно плодородна, по хлебопашеству, скотоводству и дичи превосходит все соседние провинции [...] то царь, по опустошении ее, велел отовсюду собрать большое количество народу, всю страну вновь обработать и привести в прежний порядок. Так как для постройки города Рязани они нашли более удоб-

ное место, а именно то, где теперь лежит в 8 милях от [старой] Рязани Переяславль, то они и перенесли сюда оставшийся материал зданий и построили совершенно новый город. Он называется Переяславлем Рязанским, так как большинство и наиболее выдающиеся из лиц, которые его строили и населяли, были из Переяславля, лежащего столь же далеко от Москвы к северу, как этот город лежит к югу.

Меня удивляет, почему Петрей желает поместить эту область к западу от Москвы, тогда как она, по собственному же его признанию, лежит между реками Окою и Доном, которые, однако, в отношении к Москве лежат не к западу, а к востоку, куда направлено и течение их. Рязанская область лежит от Москвы к юго-востоку. В Рязани еще ныне находится местопребывание одного из семи архиепископов.

В этот день мы прошли мимо различных небольших монастырей и деревень; это недалеко от Рязани: Село, л., Киструс, л., в 7 верстах, Обложицкий монастырь, в 3 верстах, Липовые Исады, пр., дворянская усадьба, в 2 верстах, Муратово, в 2 верстах, Калинино, в 1 версте, Пустополе, пр., — в 1 версте — деревня архиепископа рязанского, Новоселки, пр., в 3 верстах, Шилка, пр., в 2 верстах. У первой деревни по воде плыло нагое человеческое тело, которое — вследствие, вероятно, долгого плавания по воде — было совершенно черно от солнца и сильно сваялилось. Полагали, что это человек, убитый казаками или беглыми рабами, которые, говорят, тут в окрестностях имеются.

6-го с. м. поездка шла мимо монастырей Терехина, л., в 10 верстах, Тыринской слободы, пр., в 10 верстах, Свинчуса, пр., в 8 верстах, и Копанова, пр., в 2 верстах. Здесь мы вторично увидели плывшее мертвое тело. Так как, однако, убийства здесь нередки, то русские не обратили на это внимания.

7 июля мы рано прибыли к Добрынину острову, пр., в 30 верстах от предыдущей деревни, затем к деревням: село Рубец, в 7 верстах, Курман, пр., в 7 верстах, потом к Гусь-реке, л., в 6 верстах, и другим деревням: Малеевой, пр., в 8 верстах, Габиловской, пр., в 2 верстах, и Бабину, пр., в 3 верстах; они лежат на веселом холме. Наконец к вечеру прибыли мы к небольшому Касимовугороду, л., в 3 верстах. Это татарский город, принадлежавший татарскому княжеству Касимову⁴⁹. Здесь в старом каменном здании, некогда бывшем замком, жил молодой татарский князь Рес-Кичи, который еще не-

сколько лет тому назад вместе с матерью и бабушкой своею подчинился великому князю. Этот город дан им был для кормления. Здесь мы увидели первый магометанский храм. Рассказывали, будто русские говорили молодому государю, что если бы он принял русскую религию и дал себя окрестить, то великий князь не отказал бы ему в выдаче своей дочери за него. Он, однако, будто ответил, [что] теперь он еще слишком молод (ему было всего 12 лет), но когда он придет в лучший возраст и разум, то он готов дать ответ.

Наши послы велели передать ему свой поклон и подарили ему фунт табаку и бутылку французской водки; это ему было так приятно, что он, со своей стороны, велел передать поклон, усердную благодарность его и извинения ввиду невозможности для него угостить и почтить господ посланцев в своем доме, как он бы желал этого, [Посещение его] вызвало бы неудовольствие воеводы, неохотно разрешающего кому-либо из иностранцев иметь с ним сношения. Через слуг своих, татар, не могших говорить с кем-либо кроме нашего персидского толмача, он прислал нам в ответный дар разных съестных припасов, как-то: двух овец, бочонок меду, бочонок пива, водки, несколько кусков льду, кислого молока, сливок и свежего масла, приготовленного, как они говорили, собственноручно его матерью.

В течение этой ночи, как и следующего дня, мы по обе стороны реки встречали разные деревни, монастыри и кабаки, вид на которые среди зеленого леса был очень привлекателен. Главнейшие из этих местностей: починок Татарский, *пр.*, в 3 верстах от Касимова-города, село Перьево, *пр.*, в 7 верстах, кабак, *л.*, в 8 верстах, Брод, в 5 верстах, р. Мокша, *пр.*, в 8 верстах, кабак, в 2 верстах, Сатеево, *л.*, в 13 верстах, монастырь Андреянова Пустынь, *л.*, в 4 верстах, Елатьма, *л.*, в 3 верстах. Последняя — большая деревня, заключающая в себе 300 крестьян; принадлежала она боярину Федору Ивановичу Шереметеву. Далее следуют 20 верст до сухой степной местности Русбонор[?], направо от реки.

9-го с. м. встретили мы церковь Воскресенья, *л.*, в 10 верстах. Местность эта обыкновенно называется Воскресенскою Мелью. [Далее следовали] большая деревня Ляхи, *л.*, в 5 верстах (она принадлежит государственному советнику князю Борису Михайловичу Лыкову), и монастырь Пречистой Рязанской, *пр.*, в 10 верстах. Затем приехали мы к городу Мурому, населенному русскими и татарами. Здесь начало поселений мордовских

татар, которые все покорны великому князю. Так как в городе имеется рынок, то мы и послали своих толмачей, чтобы они закупили нам свежей провизии.

Не доехав с $1/2$ мили до этого города, мы увидели на правом берегу, в сторону крымских татар, несколько татар. Они вскоре спрятались в кустах и оттуда стреляли в нас, так что одна пуля пролетела над кораблем. Так как мы, однако, ответили несколькими мушкетными выстрелами, то они присмирели, пока мы не проехали мимо города; тогда мы на прежнем месте опять услышали несколько выстрелов. Мы были вполне уверены, да и наши русские лодочники так думали, что в будущую ночь они нападут на нас. Поэтому мы стали на якорь около Чухтского [?] острова, в 51-й версте от города, и держали здесь добрую стражу. Однако мы уже ничего более не услышали.

10-го с. м. мы проехали мимо местечка Павлово, принадлежащего знатному боярину князю Ивану Борисовичу Черкасскому; наряду со многими небольшими деревнями проехали мы и мимо двух речек, из которых одна, Ворсма-река, течет справа, а другая в 8 верстах от первой слева и называется Клязьмою; она течет от Владимира. Здесь местность по правую руку начинает возвышаться, и получается очень высокий берег, который, почти на одинаковой высоте, тянется на протяжении 100 немецких миль по Волге и снизу имеет вид [...] примыкающих друг к другу гор. Однако сверху это ровная плоская местность, без леса, удобная для земледелия и простирающаяся, как говорят, в виде такой равнины более чем на 100 верст в сторону суши. Простирается эта местность более к юго-востоку. Страна же налево от берега, направляющаяся к северо-западу, повсюду низменна, лесиста, дика и мало населена. Кое-где на высоком берегу мы, во время величайшей жары, застали еще снег и лед.

11 июля, после проезда мимо лежащих с правой и левой стороны красивых, веселых деревень, как-то: Избыльца, Троицкой слободы, Дудина монастыря и Новинок, мы к вечеру прибыли к выдающемуся городу Нижнему, или Нижнему Новгороду. Здесь мы тотчас же направились не в город, а на наш там построенный корабль «Friedrich».

Этот корабль построил корабельщик Михаил Кордес, с помощью русских плотников, из сосновых досок; он был длиною в 120 футов, имел 3 мачты и плоское дно, сидел в воде лишь на 7 футов и имел 24 весла. Он был устроен преимущественно для плавания по реке Волге,

чтобы мы были в состоянии переходить через песчаные перекапы и мели, которых здесь имеется много, и в случае, если бы ветер оказался непопутным, могли подвигаться и без парусов. Наверху на корабле, в каютах, и внизу, в трюме, устроены были различные каморки, в которых послы и свита их могли удобно расположиться и иметь кухню и помещение для провизии. Мы хорошо снабдили корабль всякого рода зельем и снарядами, пушками для металлических и каменных ядер, гранатами и другим оружием на случай нападения разбойников.

Наряду с этим кораблем велели мы построить и шлюпку и прекрасно снарядили ее, так как полагали, что на Волге и в особенности на Каспийском море, где шкиперам и боцманам пришлось бы во время посещения нами персидского шаха оставаться на море, нам нужно будет иногда ездить по неизвестным и мелким местам, куда мы с кораблем не решились бы направиться. Шлюпка должна была служить и для того, чтобы, в случае нужды, снять груз с судна. Чтобы снарядить вполне суда, мы оставались здесь почти три недели.

О городе Нижнем и Волге

Нижний Новгород, лежащий под $56^{\circ}28'$ северной широты, по мнению Герберштейна, построен великим князем Василием и населен тем народом, который он взял во многолюдном городе Великом Новгороде; поэтому он и получил название Нижнего Новгорода. От него до Москвы водою считается 150, а сушею 100 немецких миль; он лежит у Оки на правом берегу в высокой местности, окружен каменною стеною и башнями. Вне городских стен здесь, пожалуй, больше домов и людей, чем в городе; живут они здесь в круге, описанном полумилею. Под городом Ока соединяется со знаменитою рекою Волгой, называемою у древних писателей Rha. Обе реки по соединении своем имеют ширину в 4600 футов; при путешествии в Персию и обратно я дважды через лед измерил это расстояние.

Я также заметил, что магнитная стрелка в этом городе отклоняется от полуночи [севера] к западу на целых 9 градусов.

В Нижнем живут русские, татары и немцы; все они подданные великого князя и управлялись в наше время воеводою Василием Петровичем.

Здесь мы нашли самых крайних на востоке лютеран, которые могли служить по своей вере в открытой церк-

ви; в то время их община доходила до 100 человек. Многие из них были военные офицеры, шотландцы; частью существовавшие службою великому князю, частью жалованьем мирного времени, а также винокурением, пивоварением и продажей крепких напитков, что, по особой милости, было им предоставлено. Провизия в Нижнем была весьма дешева: молодая курица, а также 15 яиц стоили 1 копейку, или в мейсенской монете 6 пфеннигов, овца — 12, 15, 18 копеек.

24-го с. м. я с нашим шталмейстером фон Мандельсло, Гансом Арпенбеком, русским толмачом и приставом был отправлен к воеводе, чтобы, за доброе расположение и помощь, оказанные им нашему люду, прожившему здесь ради постройки корабля более года, поднести ему ценный подарок в 100 рейхсталеров. Что воеводе это было очень любо и приятно, мы заметили по тому, что он не только дал нам прекрасное, великолепное угощение, но при уходе нашем подарил нам 20 кусков копченой свинины и другой провизии на дорогу. Это был вообще человек вежливый и разумный. Дом его содержался весьма прилично. Когда мы велели приставу доложить о себе, нас два человека повели по двору через прекрасно разубранный ход, по обе стороны которого, вплоть до крыльца, стояли слуги и рабы. В сенях нас встретили два осанистых старых человека, которые провели нас к воеводе в комнату, украшенную обоями, занавесами, серебряными чарами и бокалами. Воевода стоял в золотой парчовой одежде, окруженный многими красиво одетыми мужчинами, принял нас ласково, благодарил за поклон и подарок послов во многих почтительных словах, а затем заставил нас сесть за стол, причем он начал говорить тосты за здоровье его царского величества, его светлости князя голштинского и княжеских послов. Во время угощения, заключавшегося в пряниках, очень крепкой водке и многих родах меду, он говорил всякие веселые и умные речи, так что мы — ввиду странности этого явления в России — должны были удивляться ему. Он спросил также, боимся ли мы казаков, которые разбойничают на Волге и вряд ли оставят нас в покое. Это жестокий, бесчеловечный народ, любящий разбой более господа бога своего; они нападают на людей, точно вот это животное; при этом он показал на нарисованного на столе льва, которому Самсон разрывал пасть. Когда мы ответили: «Если казаки окажутся львами, то мы окажемся Самсонами», он сказал: и он на это надеется, и выразил надежду, что имя немцев, известных храбростью в России,

ввиду добрых услуг, ими оказанных его царскому величеству, прославилось и среди казаков и, без сомнения, удержит их от нападения. Когда мы простились с ним, он, в прежнем порядке, опять велел проводить нас через двор к воротам.

В эти дни были улажены споры, происходившие во время кораблестроения между рабочими, и был потребован отчет о строительстве. При более точном расследовании оказалось, что тот, кто нанимал рабочих, убедил их обещать ему подарок в 40 рублей, или 80 рейхсталеров, чтобы он по более дорогой цене принял для них работу. Так как кузнец при поставке железа и в работе допустил большие злоупотребления и обманы, то ему, правда, пригрозили суровым наказанием, которое воевода — даже если бы потребовали смертной казни — предоставил совершенно на волю послов, но в конце концов, так как он упал в ноги послам и, лежа у ног их, долго со слезами просил о прощении, то его и простили, ввиду преклонных лет его (ему было более 70 лет), и оставили без наказания.

Пробыв в Нижнем до конца июля и заметив, что вода, которая до сих пор была высока, начала быстрее спадать, мы поспешили уйти. Корабли, или большие струги, и лодки, идущие по Волге к Астрахани, соблюдают это время и пускаются в путь, когда вода еще поднимается или оказывается выше всего, как это и происходит в мае или июне, когда реки на севере разливаются и приносят много воды в Волгу; в такое время эти суда не только безопасно проходят через мелкие места, но и через низкие острова, которые в это время оказываются глубоко под водою. Бывают, впрочем, случаи, что, после ночевки их на таком острове, они, при быстром спаде воды, остаются сидеть на мели: подобного рода засевшие и погибшие большие струги и лодки мы встречали во многих местах на Волге.

Так как эта река, по моему заключению, одна из величайших, длиннейших и важнейших в мире, то я прилежно наблюдал ее и при помощи опытного голландского моряка Корнелия Клаус[ен]а и некоторых русских лоцманов не только по компасу определил и нанес на план ее течение, изгибы, углы и берега, но также и глубокий фарватер на ней, мели, острова и местности, от мили до мили и даже от версты до версты. [...]

Река Волга берет свое начало (как упоминает о том Герберштейн) в области Ржевской, где имеется лес, называемый Волконским. В этом лесу есть озеро, из кото-

рого вытекает река, протекающая через 2 приблизительно мили, затем через озеро Волго, дающее этой реке свое название. До соединения своего перед Нижним Новгородом с Окою река эта протекает мимо многих выдающихся городов: Твери (упоминаемой выше), Кашина, Холмогорского [городка], Углича, Ярославля, Костромы, Галича и т. д. Так как я этих мест не проходил, то я этой части течения Волги и не буду описывать, а начну только с соединения у Нижнего Новгорода Оки с Волгою.

От Нижнего до Васильсурска

После того как наш корабль теперь был снаряжен и снабжен хорошими запасами провизии и мы также взяли с собою и лоцмана, или путеводителя, который должен был показывать нам истинный фарватер, мы 30 июля собрались в путь, не глядя на то, что ветер был нам противен, и стали лавировать. При нас на корабле находился его княжеской светлости комиссар в Москве Балтазар Мюшерон, дьяк, или канцелярист, воеводы, пастор из Нижнего и наш фактор Ганс Бернгарт, проводившие нас на несколько верст и желавшие посмотреть, каково плавание на корабле. Едва, однако, мы в 2 верстах под городом прошли за именье Грамотина, л., напротив Печерского монастыря, пр., как мы уже попали на мель и засели. Пришлось заносить якорь и с большими трудами в течение 4 часов стаскивать корабль.

На другой день, а именно в последнее число июля, проехав с версту дальше, мы снова засели, однако скоро сошли с мели, и, когда выпал сильный дождь, а также буря с юго-востока подула нам навстречу, мы остались на якоре до следующего дня.

Здесь на корабле была произнесена вышеупомянутая немецкая речь об опасности, которую мы выдержали на Балтийском море, и о кораблекрушении у Гогланда; мы благодарили бога за милостивое спасение. Нашим людям было внушено в дальнейшем в других подобных случаях, могущих быть при предстоящем долговременном и опасном путешествии, возлагать твердое упование на бога и не терять мужества. По окончании богослужения, после веселой музыки, наши провожатые и добрые друзья простились с нами и вернулись обратно.

1 августа заведен был порядок, как быть со стражею. Навербованные солдаты, а равно и свита послых, были разделены на три роты, с тем чтобы чередоваться на

службе. Во главе первой должен был находиться посол Крузиус, во главе второй — Брюг[ге]ман, а третьей — маршал. У каждого из послов был свой капитан: у Крузиуса — шталмейстер, у Брюг[ге]мана — секретарь; они вместе с маршалом поочередно, с обычным барабанным боем, приводили и уводили стражу. Часовые посты у передней и задней боевой рубки корабля были всегда весьма многочисленны.

После этого, когда ветер все еще дул нам напротив, мы сделали попытку двинуться вперед помощью весел. Однако на расстоянии выстрела из ружья мы вновь сели на мель. Освободившись от нее, мы остались стоять на якоре. Кое-кто из нас вышел на сушу пострелять птиц, которых можно было видеть вокруг весьма много. На высоком берегу, от Нижнего вплоть до Казани, повсюду есть приятные рощицы и отдельно стоящие деревья, точно лес здесь и не прекращается.

2-го с. м., когда ветер несколько поулегся, мы подняли якорь, надеясь сегодня пойти лучше вперед. Однако едва мы отъехали четверть мили, как у Телятинского острова снова засели, а потом опять за другим островом — Собщинским, на который во время полои воды нагнало большой струг, и теперь еще стоявший здесь. Здесь мы сидели целых девять часов, пока удалось сдвинуть корабль с места.

Так как плавание сначала было столь неудачно для нас, что первые 4 дня мы не могли проехать вперед дальше двух миль (а ведь оставалось еще $5\frac{1}{2}$ сотен немецких миль до Каспийского моря), и к тому же наш лоцман, 8 лет не ездивший по Волге, очень немного мог дать нам точных сведений, — то некоторые из нас довольно-таки пали духом.

3-го с. м. дело шло несколько лучше. Мы проехали вперед мимо нескольких деревень и островов, из которых важнейшие Столбищи и Стоба, в 3 милях от Нижнего, Великой Враг, *пр.*, деревня в долине между двумя горами, Зимёнки, *пр.*, на холме, и остров Теплой, *л.*, в 20 верстах от Нижнего. Здесь мы встретили большой струг, или лодку, шедший из Астрахани, с 200 рабочих на ней. Русские, не имея ветра в точности позади себя, не плывут на парусах, но в лодке заносят вперед на $\frac{1}{4}$ мили пути один якорь за другим, и затем 100 и более человек, становясь один за другим, помощью каната из лыка тащат судно против течения. При этом они, однако, не в состоянии пройти в день больше двух миль. Такие струги [...] внизу плоски, могут поднять 400—500 ла-

стов⁵⁰ и большею частью нагружены солью, икрою и соленою грубою рыбою.

Деревни, мимо которых мы сегодня проехали, лежали все по правую руку; это были: Безводная, Ка[д]ница, где высота полюса оказалась равной $56^{\circ}21'$, далее: Работки, Чеченино, Татинец, Юркино. Перед последним, находящимся в 10 милях от Нижнего, лежали два острова, между которыми фарватер доходил до 21 фута глубины. Так как ветер стал для нас несколько более благоприятен; мы сегодня и на следующий день воспользовались парусом на мачте и прошли, наряду со многими малыми деревнями, еще мимо больших деревень Маза и Кременки, *пр.* За этой последнею мы 4-го с. м. поместились на ночлег:

5 августа мы спозаранок прибыли к деревне Бармино, в 90 верстах от Нижнего. Здесь крестьяне в трех лодках доставили на наш корабль молодых кур и другой провизии для продажи по низкой цене. После этого мы проехали между двумя островами, из которых один у них называется Спас-Белкою. К вечеру мы увидели и городок Васильгород, и так как перед ним мель, или сушь, как ее называют, то мы опустили якорь и остановились перед мелью.

Сюда к нам прислан был из Москвы гонец с письмами из Германии, датированными маем месяцем. Они нас сильно обрадовали.

Васильгород — небольшой городок или местечко; он построен всецело из деревянных домов, без стены кругом. Он лежит направо от Волги, под горою, под полярною высотой в $55^{\circ}51'$. От Нижнего до него считается 120 верст. Говорят, что город этот построен великим князем Василием и снабжен им же солдатами, которые должны сдерживать набеги крымских татар. По ту сторону города с юга течет сюда довольно большая река Сура. Раньше эта река отделяла казанскую область от русской.

6-го с. м. корабль еле-еле прошел через упомянутую сушь, почти постоянно ее задевая дном; корабль, можно сказать, скорее прыгал и как бы танцевал через мель, чем плыл через нее.

Пройдя к полудню мимо города, мы для салюта велели выстрелить из металлического орудия, а трубачу трубить. То же делалось впоследствии перед всеми городами, к которым мы подходили.

О черемисских татарах

Здесь появляются другого рода татары, а именно черемисы. Они тянутся далеко за Казань, живут по обе стороны Волги, большею частью без домов, в простых избах, питаются скотоводством, медом и дичью, являются превосходными стрелками из луков и даже детей приучают заблаговременно к этому. Это вероломный, разбойничий и чародействующий народ. Те из них, что живут направо от Волги, именуются «нагорными», так как они живут на высоте: на горах или между горами. Это наименование происходит от русских слов «на» и «гора». Живущие слева именуются «луговыми» от «лугового сена», т. е. зеленых лугов и сенокосов: ведь здесь, ввиду низкой и сырой почвы, много прекрасных лугов и полей, где собирается в большом количестве сено, которым «нагорные» питают свои стада. Гвагнин говорит, что эта нация частью языческой, частью магометанской веры. Живущие вокруг Казани все, насколько я мог узнать, язычники, так как их и не обрезают, и не крестят. Когда ребенку у них исполняется полгода, они определяют особый день, когда ребенок должен бы получить имя. Кто в этот день раньше всего зайдет к ним или пройдет хотя бы мимо, того имя и получит дитя. Большинство из них верит, что имеется бессмертный бог, который делает людям на земле добро и которого поэтому нужно призывать. Однако, что он собою представляет и как он желает быть почитаем, этого они не знают. Они не верят в воскресение мертвых или в новую жизнь после здешней. Они полагают, что со смертью человека, как и со смертью скотины, все кончено. В Казани, в доме моего хозяина, жил черемис, человек лет 45-ти. Услышав, что я говорил с хозяином о религии и, между прочим, упомянул о воскресении мертвых, он начал смеяться, всплеснул руками и сказал: «Кто раз помер, тот мертв и для черта. Или разве покойники восстанут, а с ними и мои лошади и коровы, околевшие несколько лет тому назад?» Когда я его спросил, знает ли он, кто создал небо и землю, он насмешливо ответил: «Черт знает». Хотя они не верят в существование ада, все-таки, по их мнению, существуют черти, которых они называют духами-мучителями; они полагают, что эти черти при жизни могут мучить людей и доставлять им другие неприятности; поэтому они и стараются умиловить их жертвами.

Говорят, что в казанской области, к югу от Казани миль на 40, в болотистой местности имеется река, име-

нуемая у них Немдою. Сюда они направляются со своими паломничествами и жертвами. Они говорят: «Кто сюда придет и ничего не принесет в жертву, тот зачахнет или засохнет». Они полагают, что черт имеет резиденцию свою там или, точнее, у реки Шокшем, лежащей в 10 верстах от Немды. Говорят, что эта река не глубже 2 локтей, течет между двух гор и никогда не замерзает. Ее черемисы очень боятся. Они полагают, что если кто-либо из их нации придет к этой реке, то он тотчас и помрет; русские же без опасности могут приходить к ней и уходить от нее. Иногда они приносят жертвы и богу, режут для этой цели лошадей, козлов и овец, натягивают шкуры на колья, варят рядом с ними мясо, берут блюдо, полное мяса, в одну руку, а чашку с медом или другим напитком в другую руку и бросают все это против шкуры в огонь, говоря: «Иди, передай мое желание богу». Также: «О боже, я охотно жертвую тебе это, прими это от меня и дай мне скота» и т. д., смотря по тому, что они охотно желали бы. Так как они не верят в иную, чем здешняя, жизнь, то все их просьбы и молитвы устремлены на мирское. Они молятся также солнцу и месяцу, так как замечают, что их действие благоприятно для земли и скота. Особенно же во время урожая высоко чтится ими солнце. Нам даже сообщали, что они в течение дня почитают и иногда обожают все то, что они видели во сне, будь то корова, лошадь, огонь или вода. Когда я и хозяин мой иногда из-за этого уговаривали черемисина, что неправильно чтить скот и другие твари, как бога, и молиться им, — он давал такого рода ответ: что же такое представляют собою боги русских, вешаемые на стенку? Ведь в них нет ничего, кроме дерева и краски, и он поэтому не желает им поклоняться; гораздо лучше и разумнее обождать солнце и то, что имеет жизнь. У них нет ни письмен, ни попов, ни церквей. Их язык также своеобразен и имеет мало родства с обыкновенным татарским или турецким. Те, кто в этих местах живут среди русских, пользуются обыкновенно русским языком.

Когда у них помирает состоятельный человек, то закалывают его лучшую лошадь и ее у реки (все свои жертвоприношения и тому подобные торжества совершают они у рек) съедают оставшиеся друзья и слуги его; покойника же зарывают в землю, а одежду его вешают на дерево.

Они одновременно вступают в брак с 4, 5 и более женами и не обращают внимания на то, если бы даже 2 или 3 жены оказались родными сестрами.

Женщины и девицы ходят окутанные грубою белою холщовою материею и закутываются вплоть до лица. Невесты носят спереди на головах своих украшение, почти вроде рога; оно с локоть длиною и направлено кверху; на конце его в пестрой кисточке висит небольшой колокольчик. Мужчины ходят в длинных холщовых кафтанах, под которыми носят брюки; головы свои они стригут наголо. Парни, неженатые еще, дают вверху у темени расти длинной косе, которую они иногда завязывают в узел; иногда же дают ей свисать наподобие женской косы. Мы многих из них встречали не только здесь, но и в Казани.

Когда они в первый раз увидели на Волге нас в столь необычной одежде и на корабле, то они испугались и некоторые из них стали убегать с берега, а часть осталась стоять, но, несмотря на наши кивки, не хотела подняться на судно. К вечеру один из них собрался с духом и у реки Ветлуги, л., против Юнгского монастыря, поднялся на наш корабль; он принес для продажи большого свежего осетра, за которого запросил 20 алтын, или 60 копеек, отдав его, однако, за 5 алтын.

Как мы прошли мимо Козмодемьянска, Чебоксар, Кокшай и Свияжска

7 августа мы прибыли к городу Козмодемьянску, лежащему в 40 верстах от предыдущего города, также на правом берегу Волги. И этот город имеет своего наместника, или воеводу. В этой местности растет очень много — даже целые леса — лип, с которых жители дерут лыко и развозят его по всей стране, приготовляя из него сани, посуду или ящики. Дерево они режут [пилят] на цилиндрические части, выдалбливают их и пользуются ими как ушатами, бочками и т. п.; они также выделывают из них целые лодки, челноки и гробы, которые продаются здесь и там на рынках.

В 3 верстах за этим городом у острова Криуши мы стали на якорь, совершили свое богослужение и причастились. Сюда крестьяне опять принесли на продажу свежую провизию. Когда мы прошли с милею вперед, началась сильная буря; поэтому мы опять спустили якорь и здесь расположились на ночевку.

8-го с. м., когда мы получили попутный ветер, мы подняли парус и до полудня легко проехали до острова Туричьего. После обеда мы на всех парусах налетели на песчаную мель у острова Маслова, так что мачты заскри-

нели; здесь мы оставались на мели 4 часа, пока не сдвинулись при помощи трех якорей.

Здесь по правую руку на берегу мы видели очень много черемисов, конных и пеших, бывших на своих сенокосах. К вечеру мы прибыли к городу Чебоксарам, лежащему в 40 верстах от вчера встреченного [поселения] на правом берегу; подобно обоим предыдущим, и этот город построен из дерева: по расположению и по домам он наиболее приятный на вид из них. Когда жители, еще до нашего прибытия, увидели издали наш большой корабль, они недоумевали, что бы он собою представлял. Поэтому воевода прислал нам навстречу лодку со стрельцами за 3 версты от города к острову Мокрице, чтобы справиться и посмотреть, что мы за народ. Солдаты издали объехали кругом корабля и вновь поспешили к городу. Когда наш паспорт был доставлен в город, 300 человек молодых и старых людей выбежали на берег посмотреть на нас. [...]

9-го с. м. мы прибыли к острову Казину, л., в 12 верстах от предыдущего города, потом к деревне Сундырь, пр., и еще в 20 верстах далее к городку Кокшае, на левом берегу Волги, в 25 верстах от предыдущего города. Около этого места Волга на протяжении нескольких миль везде мелка, так что мы едва перешли через мели. Поэтому в течение этого и следующих дней у нас с переходом [при помощи заноса якоря и наматывания якорного каната] было очень много трудов и хлопот, и в течение 10-го с. м. мы подвинулись вперед всего на полмили. На корабле только и раздавалось: «Тяни! Греби! Назад!»

10-го с. м. река, течение которой было тут несколько сильнее, нанесла нас направо на берег, у которого мы застряли на несколько часов. Здесь я с фон Мандельсло вышел на берег и отправился в лес, чтобы развлечься и поискать лесных плодов. Так как, однако, тем временем ветер стал благоприятнее, то подняты были паруса и корабль ушел. Подойдя к берегу и не видя корабля, мы бежали некоторое время по берегу, надеясь догнать корабль. Однако мы корабля не увидели, но зато заметили лодку, которая направлялась в нашу сторону. Сначала мы думали, что это казаки; оказалось, однако, что лодка прислана с нашего корабля к нам навстречу. На ней мы вернулись к кораблю, который стоял в изгибе реки, задержанный ветром. Так как ветер поднимался все сильнее и сильнее, мы устроили здесь остановку на всю ночь.

12-го с. м. мы попробовали протаскать корабль с помощью маленького якоря вокруг изгиба. Якорь, однако, зацепил за дерево, лежавшее на дне, разорвал канат и остался на дне. Говорят, подобные вещи часто происходят на Волге из-за деревьев, которые во время половодья срываются с берегов в реку и лежат в иле на дне. Русские говорят, что в Волге лежат столько якорей, что они ценою с целое княжество. Бывали случаи, что такой якорь случайно вновь вытаскивался другим.

13 августа, после того как мы до полудня прошли мимо двух кабаков и деревни Вязовки, *пр.*, мы прибыли под город Свияжск, расположенный по левую руку на приятном с виду холме; здесь имеется кремль с несколькими каменными церквями и монастырями, но окружен город деревянными стенами и башнями. Когда мы против этого города, из-за находившейся перед ним мели, стали на якорь, народ толпами собрался на берегу. Так как между нами и берегом находился длинный песчаный бугор, мешавший им как следует видеть нас, то многие из них выехали на челноках и лодках или перешли через узкую часть реки, чтобы видеть нас и наш корабль. Остававшиеся отсюда до Казани 20 верст мыплыли мимо многих лежащих с правой стороны меловых и белых песчаных гор. К вечеру мы прибыли к городу Казани, где стали на якорь. Здесь мы встретили персидские и черкасские караваны, выехавшие из Москвы за несколько дней до нас. При них находился персидский купчина, который был в Москве в качестве посла, как упомянуто выше. Также был здесь черкасский татарский князь по имени Мусал из [города] Терки, получивший после смерти брата своего ленное владение от великого князя.

О городе Казани и о том, как Казань подпала под власть московитов

Город Казань лежит на левом берегу Волги, в 7 верстах от берега, в ровной местности, на небольшом холме; вокруг города протекает река Казанка, от которой и город и вся область получили свое название. Высоту полюса определил я здесь в $55^{\circ}38'$. Этот город, подобно всем расположенным на Волге городам, окружен деревянными стенами, с башнями, и дома в нем также деревянные; но кремль этого города хорошо защищен толстыми каменными стенами, орудиями и солдатами. Великий князь отрядил в кремль не только воеводу, но на-

значил в город еще особого наместника, которые должны были управлять жителями и править суд. Город населяют русские и татары [...]

Область казанская, простирающаяся налево от Волги к северу почти до Сибири, а на восток вплоть до страны ногайских татар, была раньше татарским царством. Так как это царство было очень могущественно и могло выставить в поле до 60 000 человек, то оно вело с русскими тяжкие кровавые войны и иногда принуждало их платить себе дань; однако в конце концов татары были покорены царскою державою. Когда -и как это сделалось, это я вкратце перескажу здесь, так как история эта стоит упоминания.

Однажды великий князь Василий Иванович, отец тирана, разбил казанских татар в битве наголову и поставил в цари им желанное себе лицо, называвшееся Шиг-Алеем. Хотя этот человек и был татарской нации, однако он все-таки был более люб, привязан и верен московитскому великому князю, чем татарам. С виду это был безобразный мужчина, с длинными отвислыми ушами, большим черным лицом, толстый, с короткими ногами и длинными искривленными ступнями. Вот этому человеку они должны были быть покорны и платить пошлины. Казанским татарам такая вещь была весьма досадна, они послали тайного гонца к крымским татарам, жаловались на свое несчастье, а именно, что покорили их великому князю и теперь ими правит неверный, некрасивый царь. Они просили, чтобы им, так как они с крымцами той же [магометанской] веры, дали возможность свалить с шеи тяжкое иго.

Крымский татарин Менгли-гирей [Магмет-гирей] отнесся к этой просьбе благосклонно, поспешно собрал большое войско, направился к Казани, взял ее и прогнал Шиг-Алея, бежавшего с женой и ребенком в Москву. В Казани над татарами Менгли-гирей посадил своего брата Саип-гирея.

После этой победы самомнение татар поднялось, они со своим войском, усиленным людьми, вновь пришедшими из Крыма, направились против великого князя московского, стали нападать, грабить и опустошать все города и деревни, через которые они проходили. Хотя и великий князь собрал теперь, насколько он второпях смог, порядочно большое войско, направил его против татар и дал у реки Оки сражение, все-таки русские потерпели неудачу и поспешили вернуться в Москву. Татары пошли за ними следом, заняли город и осадили

Кремль, который великий князь оставил, направившись к Великому Новгороду. Русские держались в Кремле, храбро обороняясь, высылая при этом иногда и подарки врагу. Так как этот последний видел, как они обороняются, и полагал, что со сдачею крепости дело пойдет довольно туго, то он и решил вступить в переговоры с русскими и принял их дары. Русским пришлось согласиться на то, чтобы великий князь подписью и печатью обязался быть татарину подданным и ежегодно платить ему дань; только на этих условиях татарин соглашался оставить Россию и освободить опять всех пленных русских, которых было очень много. Великий князь сначала не хотел согласиться на такой позорный договор, но в конце концов должен был примириться со своим несчастием.

После этого татарин Менгли-гирей, в доказательство того, что он государь в Москве, велел поставить в городе свое изображение, перед которым великий князь, при уплате крымским послам ежегодной дани, всякий раз должен был класть земной поклон.

После этого Саип-гирей вступил в Казань и царствовал в ней. Менгли-гирей же, старший брат, царствовавший в Крыму, с войском своим направился на Рязань, осадил здесь кремль и велел сказать воеводе Ивану Ковару [Хабару]: великий князь стал его подданным; пусть он поэтому, без всяких колебаний, сдаст ему крепость. Воевода в ответ сообщил ему, что это обстоятельство представляется ему странным; он не может представить себе, чтобы все было так, разве только ему дали бы поближе ознакомиться с делом, тогда бы он сразу постановил свое решение. После этого татарин прислал к нему в крепость с несколькими офицерами подлинник обязательства великого князя, чтобы показать его ему. Воевода же задержал послов вместе с грамотами и заявил, что будет сопротивляться до последней капли крови. При нем находился опытный итальянский артиллерийский мастер Иоганн Иордан [...]. Вместе с ним воевода так храбро оборонялся, что стрелами, ружьями и пушками побито и ранено было много людей у неприятеля. При этом большое ядро ударило так близко к самому Менгли-гирею, что оторвало кусок его кафтана. Этим татарин так был напуган, что уже требовал только выдачи великокняжеского обязательства. Когда, однако, и в этом ему было в смелых словах отказано, он собрался в путь и вновь вернулся домой. Рязанский воевода вернул великому князю обязательство его обрат-

но; по этому поводу в Москве было сильное ликование, изображение Менгли-гирея было сорвано, разбито и попрано ногами. Вскоре за тем великий князь вывел в поле 25 000 человек, предложил Саип-гирею начать открытую войну и велел сказать ему, [что] он со своим братом вторглись неожиданно, как воры и убийцы, в страну; теперь он, государь и самодержец всея России, приходит как честный солдат, сообщает ему открыто о своем прибытии и этим объявляет ему войну. Когда, однако, татарский царь стал возражать насмешками и бранью, великий князь быстро подступил со всей своей армиею под столичный город Казань. Хотя русские здесь и причинили много вреда татарам, все-таки они не могли завоевать крепости, но принуждены были вернуться, ничего не добившись, и постоянно должны были снабжать город Нижний Новгород сильным гарнизоном в защиту от нападений татар. При жизни этого великого князя уже не состоялось более замечательных предприятий против казанцев.

Когда после смерти Василия Ивановича сын его, Иван Васильевич, тиран, вступил на престол, он не захотел оставить на России понесенного позора. Поэтому он с большой военной силою, в среде которой было много иностранных, особенно немецких, солдат, направился к Казани, где обе стороны жестоко бились и произошло много кровавых сражений. Однако после восьминедельной осады, когда великий князь стал опасаться, как бы в случае продолжения осады крымский татарин не поднялся и не поспешил на помощь своему брату, он предложил осажденным сносные условия мира. Когда казанцы отвергли их, он поспешно велел подкопать стены и вал и взорвать их на воздух. Это татарам показалось явлением очень странным, чудесным и ошеломляющим; оно и послужило к гибели их. Когда мина возымела желанное действие, открыла не только стены и валы, но и убила и ранила многих татар, тогда русские пошли штурмом и вошли в крепость, хотя и не без потери многих людей: в двух местах в крепости, где засели татары и где они храбро оборонялись, им пришлось пробиваться. Наконец, когда татары увидели, что их одолевают и вожди их полегли на месте, они уже не захотели отстаивать город, но направились к одним из ворот, расположенных к востоку, пробились сквозь русских, перешли через реку Казанку и разбежались по разным направлениям. Это случилось 9 июля 1552 года по Р. Х. [...].

После этого великий князь велел крепость дополнить

строением, укрепить при помощи более сильной каменной стены, башен, круглых бастионов и более толстой стены, прогнать остальных татар и занять город и кремль русскими, которые были выписаны из всяких мест. Татарам, однако, было позволено жить в одиночку поблизости и сохранять свою религию. Таким образом тиран Иван Васильевич подчинил своей власти все царство Казанское. Говорят, что тиран Иван Васильевич после этого в тех случаях, когда во время попоек хотел выказать свое веселье, пел песню о завоевании Казани и Астрахани.

Во время [нашего приезда] воеводою в Казани был брат нижегородского воеводы. И ему послы, как делали они это по отношению к другим, послали свой подарок, а именно прекрасный большой перстень с рубином.

Когда мне сказали, что корабль 15 августа весь день должен будет оставаться на якоре, я с фон Мандельсло отправился в город, чтобы осмотреть его и начертить, а заодно и купить вещей, которые бы нам понравились. Мы на рынке ничего не застали, кроме плодов, которых тут продавали большое множество, особенно много дынь, бывших не меньше тыкв. Так же точно имелась здесь соленая старая гнилая рыба, дававшая от себя столь скверный запах, что мы не могли проходить мимо нее, не затыкая носа. Так как, однако, послу Брюг[ге]ману не понравилось, что мы собрались в город, то корабль снялся с якоря и пустился дальше в путь. Когда казанские граждане, смотревшие с берега на корабль, повстречавшись нам на возвратном пути, сообщили нам, что послы уже успели отплыть, мы взяли две подводы и ехали довольно долго по берегу вслед за судном. Наконец мы пересели на лодку нашего пристава и дали себя перевезти на корабль, который мы застали к вечеру в 2 милях за Казанью, где он остановился для ночлега.

Путешествие до города Самары

Волга от Нижнего до Казани большею частью направляется к востоку и юго-востоку, а затем до Астрахани и Каспийского моря обыкновенно к югу. В дальнейшем на Волге находятся много плодородных мест, но, ради казаков и разбойников, встречающихся здесь местами, тут очень мало деревень и немного живет людей.

15 августа мы быстро подвигались вперед по реке,

которая здесь, вследствие узости своей, течет быстро, и за деревнею Ключищи, в 26 верстах от Казани, пришли к мели, через которую с трудом тащились на якорь. Когда мы перебрались, маленький якорь опять застрял на дне, так что мы за все послеобеденное время, несмотря на разные попытки, не могли освободить его; поэтому мы всю ночь оставались там. На следующий день до полудня работы продолжались, причем был выброшен и большой якорь. Однако канаты у обоих якорей порвались, и мы с громадным трудом разыскали и вновь подняли наверх большой из них. Что же касается малого, то он застрял так плотно, что его нельзя было достать. Поэтому мы его оставили на месте и поехали дальше.

Вскоре за тем мы проехали мимо кабака Теньковского, *пр.*, верстах в 30-ти от Казани. За ним опять оказалась мель, а другая встретилась в полумиле отсюда у кабака Кешовского, *пр.*; через эти мели нам пришлось опять тащиться на якорь.

17-го с. м. мы застряли на весьма большой очень известной главной мели, получившей название Теньковской от вчерашнего старого кабака. На перетаскивание корабля ушло несколько часов. Здесь река довольно широка и везде одинаково мелка. Вскоре затем мы увидели с правой стороны высокий подмытый берег, большая часть которого с месяц назад обвалилась и убила людей, занимавших целую лодку; они хотели проехать под этим берегом к вишням, которых много растет в этой местности. Наш новый лоцман, ехавший из Астрахани, а нами перехваченный под Казанью и нанятый вновь для обратного пути, сказал нам, что много трупов этих мужчин и женщин повстречались ему плывущими по воде.

Вокруг этой местности, а больше уже нигде, мы видели очень много вязов; они росли очень высоко и красиво спускались до самого берега. В этот день мы на берегу, по правую сторону, нашли много льду, которым могли освежить наши напитки.

К вечеру мы подошли к большой реке Каме, *л.*; [ее устье] находится в 60 верстах от Казани. Она течет с СВ, как говорят, беря начало в области Пермь, и впадает с левой стороны в Волгу. Это широкая река, почти такая же, как Везер в Германии, и вода в ней бурая. Находясь близ нее, Пауль Флеминг написал следующий сонет, который можно найти в его «Книге сонетов»:

Царицы дикя пустынных пермских вод,
Плывите, нимфы, к нам, не замедляясь боле...
У волжских берегов ваш взор, на дикой воле,

Голштиньи первенца и гордость обретет:
 Корабль наш здесь стоит. По всей Руси идет
 Лишь разговор о нем и нашей славной доле.
 Голштинцам удалось безвестное дотоле,
 Что в вечности скрижаль их имя занесет.
 Пусть бурых вод своих нам Кам-отец нальет
 Ковшами полными, чтоб сосен наших ход
 Замедлить не могли ни суши здесь, ни мели,
 А Волга впереди пусть нам готовит путь,
 Чтоб от опасностей могли мы отдохнуть
 И смерть и грабежи нам угрожать не смели.

В устье, или конце, реки находились два возвышения; наибольшее из них называлось Соколом. Напротив, на суше, была красивая деревня Паганщина, *л.*, и в трех верстах за нею другая — Каратаи. Затем в 10 верстах от Камы следовала Киреевская, у которой мы устроили привал на ночь.

18-го с. м. шли мы на парусах весьма свежо вперед и к полудню с левой стороны снова встретили реку — Чертыг. Она начинается в немногих сушею верстах от Камы, в качестве особого рукава, и здесь в 30 верстах за Камою впадает в Волгу. Около полудня мы встретили город Тетюши, лежащий в 120 верстах от Казани, *пр.*, высоко на горе и по склону ее; он состоит из разбросанных домов и церквей, весь построен из дерева и вместо стены окружен частоколом. Начиная от этого места вплоть до конца Волги уже не видно ни одной деревни. После обеда мы подошли к острову Пролей-Каша, *пр.*, получившему свое имя потому, что здесь несколько слуг, как говорят, убили своего господина и засыпали его труп крупой. За ним нам встретился воевода теркский, с 8 лодками. После трехлетнего управления областью он, по обычаю, был отозван в Москву; при нем находился сильный конвой. Лодка со стрельцами, шедшая впереди, подошла к нам для осмотра нашего корабля. Так как неизвестно было, что это за народ и можно ли им доверять, то им крикнули, чтобы они не подходили слишком близко, иначе в них будут стрелять. Стрельцы рассказали, что около 3000 казаков, распределившись по разным местам, подстерегают нас; иные из них — на Волге, другие — на Каспийском море. Кроме того, по их словам, недалеко отсюда на берегу показались 70 человек конных людей, без сомнения разведчиков, задумавших напасть на нас; говорили еще иное тому подобное. Мы для салюта выстрелили из большого орудия и, поехав дальше, прибыли к реке Утке, *л.*, в 25 верстах от Тетюш, текущей от города Булгара. В этот день мы про-

шли 77 верст. Ночью послы сделали проверку, как будет вести себя народ, если окажется необходимость и дело дойдет до сражения. Под утро устроена была ложная тревога. Часовой сначала, после обычного окрика, выстрелил и закричал: «Кзаки!» После этого забили в барабаны, поднят был шум, стреляли из мушкетов и пушек. Большинство людей наших отнеслись вполне серьезно к делу, заняли назначенные места и приготовились отразить нападение. Подобного рода ложная тревога устроена была и в Персии на обратном пути.

19-го с. м. я у острова Старицы, который длиною в 15 верст, определил высоту полюса в $54^{\circ}31'$. За этим островом направо берег суши весь был покрыт круглыми камнями, вроде лимонов и апельсинов с виду; они были тверды и тяжелы и точно железо на ощупь. Когда их разбили, то внутри оказалась как бы фигура звезды цветов серебряного, золотого, коричневого и желтого: они содержали в себе серу и селитру. Мы много этих камней взяли с собою, надеясь применить их в своих орудиях для каменных ядер.

После этого мы пришли к зеленому веселому месту, где в давние времена стоял татарский город по имени Унеровская Гора [Ундоры]. Здесь, говорят, похоронен знатный татарин, которого они считают святым, и к его могиле еще часто отправляются помолиться живущие вокруг татары. До этого места от Тетюш считается 65 верст. Когда мы прибыли к этому месту, то на высоком берегу среди деревьев заметили двух всадников. Мы поэтому поместили в марсе на мачте часового, чтобы обозреть высокий берег, но уже более не видели ни этих людей, ни других каких-либо.

20 августа утром рано несколько рыбаков из Тетюш, ловивших рыбу в этих местах, пришли на судно и доставили 55 штук больших и жирных лещей на продажу за 50 копеек, или 1 рейхсталер. Один из этих рыбаков был столь добросовестен, что не захотел брать переданные ему по ошибке лишние 5 копеек, пока его несколько раз не попросили об этом. Способ рыбной ловли [у этих рыбаков] такого рода: они опускают в воду, на дно, длинную веревку с большим камнем и привязывают верхний конец ее к нескольким связанным вместе толстым деревяшкам, лежащим на воде; к деревяшкам прикрепляют удочки, нацепив на них довольно большие рыбы. Так ловятся большие белуги длиною в 4, 5 и 6 локтей; мясо их очень белое, сладкое и вкусное. Подобного рода рыбу на обратном нашем пути, в другом месте, доставили на

лодку посла Крузиуса на продажу за рубль, или 2 талера. Этой рыбою мы не только сразу накормили всех, кто был на корабле, но остатками ее еще засолили целую бочку.

Русские, путешествующие ради дел своих по Волге от города к городу, обыкновенно тащат за собою на тонком канате удочку, к которой прикреплена железная, покрытая толстым слоем олова пластинка в форме рыбы, длиною с ладонь, а то и короче. Когда удочка эта тащится по воде, то, ввиду ширины своей, пластинка по временам поворачивается и бывает похожа на играющую рыбу; на такую удочку удается им за время поездки наловить больше, чем они могут съесть, так как Волга очень богата всякого рода рыбами. Таким образом русские, если только у них имеется при себе хлеб, находят по пути достаточно провизии для путешествия. Ввиду многих своих постных дней, упомянутых выше, они привыкли питаться скорее рыбою, чем мясом, и пить воду.

Здесь мы оттолкнули от себя нашу баржу для провизии, взятую нами из Нижнего и теперь опорожненную; чтобы она не послужила казакам, мы зажгли ее и пустили плыть. К полудню прибыли мы к острову Ботемскому, л., длиною в 3 версты; он лежит против мыса суши, называемого Поливным [Врагом]. Когда ветер сильно стал дуть нам навстречу, мы стали на якорь за мысом, у реки Ботьмы, л., будто бы также являющейся рукавом великой реки Камы, и всю ночь оставались здесь.

21-го с. м. мы оставили по правую сторону от нас два веселых места, на которых будто бы раньше находились города; наиболее дальний из них называется Симбирская Гора. Говорят, их разрушил Тамерлан. 22-го мы прошли через 3 сухих места, или мели, из которых одна лежит впереди, а другие две позади горы Арбухим, стоящей по правую сторону реки. Эта гора получила свое название от города, находившегося здесь. Здесь с реки, между двумя холмами, виден на суше большой камень, длиною с 10 локтей, но несколько более низкий. [...]

Вокруг этой местности страна с правой стороны не очень высока и безлесна, но имеет хорошую, тучную почву. Она повсюду поросла толстою длинною травою, но трава эта ни на что не идет, и область здесь не заселена. Там и сям видны были знаки и следы стоявших тут некогда городов и деревень, которые все были разрушены во время войн Тамерланом.

23-го с. м. мы у реки Атробы, л., опять встретили сильный противный ветер и должны были бросить якорь. Здесь высота полюса составляла $53^{\circ}48'$. Пополудни, когда ветер поулегся, мы попробовали лавировать, но в течение пяти часов еле сделали полмили.

24-го с. м. противный ветер дважды пригонял нас к берегу, вследствие чего мы в этот день прошли немного. В течение этих дней, как и во все время путешествия, мели и ветер сильно мешали нашему путешествию. Хотя иногда мы и имели попутный ветер, но зато усаживались на мели; а когда попадали на глубокий и удобный фарватер, то ветер дул нам сильно навстречу, в какие бы мы извилины ни входили и из каких бы ни выходили. Ближайшие 4 дня ветер всегда поднимался рано, около 9 часов, и вновь ложился после полудня, около 5 часов, так что мы лучшую часть дня или оставались на месте, или же должны были проводить в трудах и хлопотах. Вследствие этого вновь мы упали духом и стали сильно досадовать, особенно когда мы принимали в расчет предстоящий нам впереди долгий путь и остающееся короткое летнее время. Люди свиты были измучены и обозлены постоянной работой. Те же, кто ночью стояли вместе с солдатами на страже (стражу постоянно составляли 20 человек), должны были днем вместе с русскими братья за весла и за шпиль, причем пищу их составляли, большею частью, черствый хлеб, вяленая рыба и вода; кроме того, много неприятностей и тягот испытывали они еще со стороны посла Бригмана [Брюггемана], о чем, впрочем, много говорить не стоит. Таким образом, заботы, работа и досада были ежедневным нашим угощением за завтраком и ужином.

25-го мы пришли к Соляной горе, *пр.*, где у русских устроены солеварни для соли, добываемой из соседних копей; здесь же сушится и та соль, которая уже выпарена солнцем, и много ластов соли отсюда увозится вверх по Волге к Москве.

Здесь же лежит остров Костоватый, у которого Волга, ввиду низких с обеих сторон берегов, весьма широко разливается. Вскоре за тем справа имеется гора, а под нею река, или, вернее, изливающийся из Волги рукав, который затем, в 60 верстах за Самарою, вновь вливается в Волгу; название этого протока — Уса. Ради густого темного леса, красиво покрывающего берега с обеих сторон, местность здесь приятна на вид, но в то же время она очень опасна для путешественников, ввиду удобств, какие она представляет для разбоя, особенно

ввиду высоких стоящих здесь гор, откуда приближающихся людей можно видеть издали и приготовиться к грабежу. Говорят, что обыкновенно казаки находятся около этой реки. Они и в прошлом году захватили здесь принадлежавшую богатейшему купцу в Нижнем лодку с товарами. Перед протоком глубина составляла 60 футов. Вскоре за тем следовала Девичья гора, у которой речка, при той же почти глубине, проходит очень узкое место. Гора лежит по правую руку, она очень высока, крута у берега и очень приятна на вид. Она представляет ряд ступеней, вроде как бы скамеек, одну над другою, из красного, желтого и синего песчаника; они похожи точно на старые стены. На ступенях стояли как бы в строгом порядке рассаженные ели. Что русские рассказывали про эту гору, видно из следующего сонета П[ауля] Фл[еминга]:

Скажите, русские, так весть в устах народа
Про гору — истинна? Так правда то, что тут
Премудрый карла жил, как нам передают,
И дева здесь была, из исполинов рода?
И гору дивную хранит с тех пор природа
И Девичьею все поднесь ее зовут?
Что случилось с девою? Вестей нам не дадут
О судьбах дочери одризского народа?
С забвеньем время все с собою унесло,
Добро минувшего погисло, как и зло!
Мне страшен вид горы: столь дико и столь властно,
Я вижу, вверх она стремится к облакам,
Как варвар дерзостный противится богам,
С Олимпа на него взирающим бесстрашно.

Там, где эта гора кончается, начинаются новые горы, которые на несколько миль провожают реку. Долина между ними называется Яблочный Квас, так как там много падает на землю дикорастущих яблок, из которых готовят напиток.

Здесь опять догнал нас гонец, посланный из Москвы нашим фактором. Он привез нам из Нижнего письма, сообщавшие, что у нас среди русских рабочих и гребцов на судне имеются четыре настоящих казака. Далее сообщалось, что от двух до трех сотен казаков, наверное, собрались где-то и подстерегают нас. Хотя мы и раньше были очень бдительны, но тут стали еще бдительнее.

Когда мы в этот день вечером, в сумерки, увидели на берегу по правую сторону два зажженных больших огня, мы предположили, что это казаки, и послали поэтому тотчас на лодке нашего пристава нескольких солдат для разведок. Когда наша лодка, находившаяся недалеко от берега, тремя выстрелами подала лозунг, то бывшие

на берегу отвечали также тремя выстрелами и рассказали, что они стрельцы, посланные для конвоирования персидского каравана. Наши высланные вперед солдаты несколько замешкались с получением известия с берега, а послу Брюг[ге]ману это показалось подозрительным. Когда на пистолетный выстрел, данный с корабля, и на окрик Брюг[ге]мана наши ответили, но ветер не дал возможности разобрать их слова, то посол хотел, чтобы в русских выстрелили из большой пушки. На это, однако, посол Крузиус не дал согласия, так как нам не подобало биться иначе, как лишь при обороне.

26-го с. м. ночью два человека в небольшой лодке совершенно тихо проехали вниз по реке мимо нашего корабля; когда часовой их увидел, они должны были пристать к кораблю и взобраться на палубу. Здесь они заявили, что они рыбаки и что у них в обычае, не задумываясь, близко проезжать днем и ночью мимо судов их братьев русских. Так как, однако, нам сообщили, что в подобном роде подплывают разбойники, отрубаящие якорные канаты, и к тому же эти люди, когда их стали поодиночке расспрашивать, показывали несогласно (один говорил, что на острове у Саратова нас поджидают 500 казаков, а другой отрицал это), то их и продержали всю ночь на корабле под арестом, а на следующее утро с нашим приставом их послали вперед в Самару, лежавшую близко от нас.

27-го с. м. мы с левой стороны, недалеко от берега, увидели голый песчаный холм, лежащий в плоской равнине. Называли его Царев курган. Нам рассказали, что в нем похоронен татарский государь по имени Момаон [Мамай?], который с 7 царями из Татарии собирался пойти вверх по Волге и опустошить всю Россию, но помер в этом месте и погребен здесь. Рассказывают, что солдаты его, которых было бесчисленное количество, шлемами и щитами собрали столько земли для погребения, что возникла эта гора. Это известие П[ауль] Ф[леминг] изложил в следующих строках с прекрасным заключительным изречением:

Песчаный холм, едва дающий тощим травам,
Чем корни укрепить, блестящею главой
Своей возносится один в степи пустой.
Момаон в нем лежит. Когда семи державам
Законы он давал, стремился пылким нравом
Рутению себе он покорить войной...
Теперь безмолвно здесь стоит курган степной,
А хан забыт. Конец воинственным забавам!
О суета сует! Так вот каков удел

Столь многих тысяч! Он зачем же так хотел
Все покорить себе, так всех пожрать стремился!
Орда кишела здесь. Теперь тут все молчит.
Не то же ль вообще история гласит:
Забвенье ждет нас всех, как кто бы ни кичился!

Через милю после этой горы на той же стороне, а именно по левую руку, начинается гора Соковская, которая тянется на 15 верст до Самары; она высока, скалиста и одета в густой лес. Посередине горы, приблизительно в 8 верстах от города, широкая белая скала образует большое голое место; перед ним посередине Волги — мелкий скалистый грунт, которого русские опасаются. Когда мы к полудню приблизились к этому месту, ветер сильно подул нам навстречу, так что нам пришлось бросить якорь и до вечера оставаться на месте. Тем временем две красно-пестрые змеи приползли на наш якорь, свисавший до самой воды, обвились вокруг него и поднялись по нему на корабль. Когда наши русские гребцы увидели их, они обрадовались и сказали, что змей беспрепятственно следует пустить наверх, охранять и кормить, так как это не злые и вредные, но доброкачественные змеи, принесшие весть, что св. Николай доставит попутный ветер и на некоторое время освободит их, гребцов, от гребли и работы.

Путешествие от Самары до [Царицына]

28 августа заблаговременно вновь собрались мы в путь и до восхода солнца дошли до города Самары, который считается в 350 верстах от Казани. Этот город лежит по левую руку, в 2 верстах от берега, построен в виде четырехугольника, имеет небольшое количество каменных церквей и монастырей и получил название от реки Самары, которая в 3 верстах под городом дает рукав (его они называют Сын Самары) в Волгу, но главным течением своим вливается в нее лишь 30 верстами ниже.

У нас, правда, было желание остановиться перед городом и узнать, каковы были дальнейшие показания обоих арестантов, посланных вперед с нашим приставом, но так как ветер стал превосходно попутным, мы подняли паруса и поехали дальше. Мы и за этот день прошли хорошее расстояние, более чем когда-либо раньше, а к вечеру перед Казацкою горою, которая считается в 115 верстах от Самары, стали на якорь. Таким образом, предсказание русских относительно хорошей погоды начало сбываться.

За Самарою вправо опять начинаются горы, однако не той высоты, как раньше. Первая гора тянется на 30 верст до реки Самары, против которой справа также впадает [в Волгу] другая река — Аскула. Волга здесь имеет в ширину 3 версты. Далее следует гора Печерская, *пр.*; она скалиста, покрыта отдельными лесками и простирается вниз по реке на 40 верст. В ста верстах от Самары к западу посреди реки лежит остров Батрак, длиною в 3 версты, а в 10 верстах от него — другой остров — Лопатин, длиною в 5 верст. Здесь с правой стороны впадает река Сызрань. За нею мы проехали мимо нескольких небольших островов, лежащих посреди реки, и поздно вечером прибыли к Казацкой горе, у которой остановились.

Казацкая гора гола, безо всякого леса и длиною в 50 верст. Название свое она получила от донских казаков, которые раньше жили здесь в большом количестве, нападая на мимоидущие суда и грабя их. После того как однажды посланные из города Самары стрельцы напали на них и несколько сот из них перебили, они здесь уже больше не показывались так часто. При проезде мимо горы о них сочинен был следующий сонет:

О холм, злодействами далеко прогремевший,
Венец твой Фебом так безжалостно спален,
Что и дриаде здесь приют не сохранен,
И дичь и человек исчезли с опустевшей
Главы твоей, давно ль злодеями кишевшей,
Которых к Волге шлет сосед опасный Дон?
Теперь спокойно здесь. Наш безмятежен сон,
И не боимся мы злой шайки, здесь сидевшей...
Погибнет прошлое, и новая взойдет
Здесь жизнь, колосьями края холма залет,
И город с башнями возникнет в этой дали!
Посмеет ли тогда казак сюда пристать?
Не век же с Волги дань грабителям собирать!
Что правы в этом мы, нам небеса вешали!

И эта гора, подобно следовавшим за нею, временами отходит в сторону суши, а через несколько миль опять подступает к берегу.

29-го с. м. мы у конца Казацкой горы проехали мимо реки Паньщины, *пр.*, и, совершив в течение дня 45 верст, стали якорем перед островом Сагеринским, где на судно пришли несколько рыбаков, сообщивших, что недалеко на берегу показались 40 казаков. Здесь наши бочки с пивом опустели, и нашим людям пришлось начать пить воду, смешанную с небольшим количеством уксуса.

30 августа рано утром мы пришли к реке Чагре, которая вытекает за предыдущим островом, со стороны

штирборта. В 40 верстах за ним мы дошли до острова Соснового, на котором, по словам принятого на судно перед Самарою рыбака, будто бы стояли и ожидали нас несколько сот казаков. Мы в полном вооружении прошли остров, но никого не заметили. К полудню мы наткнулись на гору Тихая, образующую вправо большую излучину; издали кажется, будто эта гора совершенно замыкает Волгу. Близ нее повсюду вода мелкая, и находится здесь одна из главнейших мелей, которую они зовут Овечьим бродом. В этом месте, как говорят, казаки верхами и пешие переходят через Волгу. Здесь же находится много небольших островов, покрытых лесом и удобных для разбойников.

Мы встретили двух рыбаков, которые нам сказали, что 8 дней тому назад казаки отняли у них большую лодку и говорили им о приходе через немного дней большого иноземного судна с немцами. К вечеру мы вновь призвали на судно двух рыбаков: старого и молодого — и спросили их о казаках. Старик сначала говорил, что ничего о них не знает, когда, однако, молодой оказался более разговорчивым и заявил, что напротив в лесу имеются 40 человек казаков, то и старый подтвердил это и сказал: «У них 6 лодок, которые они вытащили на берег в кусты, но обо всем этом нельзя рассказывать, так как иначе рискуешь жизнью». Он просил также, чтобы мы взяли их, как бы пленников, с собою и в другом месте ночью высадили на берег; так и было сделано. Мы доверяли этим рыбакам не более, чем казакам, удвоили ночью стражу и рано утром, в сумерки, отпустили рыбаков. В этот день мы сделали 60 верст.

В последнее число августа мы опять имели очень попутный ветер, так что к вечеру прошли 120 верст. Мы, прежде всего, пришли к острову Основому, лежащему в 100 верстах от следующего города — Саратова. Против него мы попали на песчаную мель, которая тянется от берега с правой стороны; здесь судно несколько раз касалось дна, но мы все-таки не засели и не имели замедления. В 20 верстах от мели был другой остров — Шисмамаго [?], а затем Колтов, в 50 верстах от Саратова. Здесь мы определили глубину воды в 16, 20, 30 и 40 футов. Между этими двумя островами мы встретили две русские баржи, принадлежавшие патриарху московскому, а также насадку с соленою осетровою икрой, принадлежавшую великому князю. На каждом из этих судов было 400 человек рабочих. Когда они подошли к нам, они дали салют из ружей, а мы отвечали вы-

стрелом из пушки. За Колтовою у берега стояли опять 4 баржи, нагруженные солью и соленою рыбою, принадлежавшею выдающемуся купцу в Москве Григорию Никитову [Никитичу]; все они шли из Астрахани. С них сообщили, что недалеко от Астрахани баржам на разных лодках повстречались 250 казаков, которые, однако, от них ничего не потребовали. Недалеко от упомянутого острова, направо, на берегу, лежит очень высокая гора, длиною в 40 верст. Гора эта называется Змеевою, потому что во многих изгибах она то отходит в сторону, то опять направляется к берегу. Некоторые баснословят, что гора получила название от змея сверхъестественной величины, жившего здесь долгое время, нанесшего много вреда и наконец изрубленного храбрым героем в три куска, которые затем превратились тотчас же в камни. Говорят, что действительно на горе можно видеть три больших длинных камня, лежащих близко друг к другу, точно они были отбиты от одного куска. Почти в конце горы и вплоть до города Саратова находятся много островов, лежащих рядом друг с другом и один позади другого; русские зовут их Сорок островов.

1 сентября мы встретили весьма рано 3 больших струга в 300 ластов; они шли на 12 футов в глубину и тащили за собой несколько мелких лодок, при помощи которых облегчаются суда перед мелями. Самый большой из стругов принадлежал богатому монастырю Троицкому, находящемуся в 12 милях от Москвы. Как и с предыдущими судами, мы обменялись с ними салютами. До полудня около 9 часов мы проехали мимо города Саратова. Этот город лежит в 4 верстах от главной реки в ровном поле, на рукаве, который Волга кидает от себя по левую руку. Здесь живут одни лишь стрельцы, находящиеся под управлением воеводы и полковника и обязанные защищать страну от татар, которые именуются у них калмыками: они живут отсюда вплоть до Каспийского моря и реки Яика и довольно часто предпринимают набеги вверх по Волге.

Город Саратов лежит под полярною высотой в $52^{\circ}12'$, и до него от Самары считается 350 верст. В этот день мы прошли с попутным ветром мимо двух островов, лежащих недалеко один от другого (они звали их Криушею и Сапуновкою), и вскоре прибыли к Ахматовской горе, *пр.*, конец которой приходится у острова того же названия; последний считается в 50 верстах от Саратова. Гора эта красива с виду ради зелени, покрывающей ее верхушку, крутого склона из пестрой почвы посередине-

не и длинного зеленого пригорка, замыкающего ее внизу в виде искусственного придатка. Здесь мы вновь встретили большой струг, выславший на лодке к нам несколько человек, известивших нас, что по сю сторону Астрахани они встретили 70 казаков, которые, однако, ехали тихо вперед и ничего им не сказали. Четыре дня перед тем, однако, всего 10 казаков напали на них и обобрали у них несколько сот рублей. Казаки, правда, не пришли к ним на судно, где они вполне были в состоянии отразить разбойников, но отняли у них вышедшие вперед лодки с якорями, без которых им нельзя было обойтись, и продержали эти лодки, пока деньги не были уплачены.

Когда по заходе солнца мы стали на якорь, то увидели по левую сторону у берега 10 казаков, которые спешили вверх по реке и в лодке переправлялись на другой берег. Посол Брюг[ге]ман тотчас велел 8 мушкетерам, частью из солдат, частью из людей свиты, на лодке поспешить за ними и доставить их на судно. Казаки, однако, вытащили лодку на берег и спрятались в лесу, вследствие чего наши, ничего не добившись, темною ночью вернулись на судно. Наш маршал по этому поводу имел горячий спор с послом Брюг[ге]маном, которому говорил, что очень неудобно и опасно высылать людей ночью на подобные предприятия, в которых им нельзя оказать поддержки. Брюггеман отвечал резкими словами.

2 сентября мы пришли к острову Ахматовскому и в 20 верстах от него к другому — Золотому, который длиной в 3 версты. Потом пришли мы к Золотой горе, получившей, как говорят, свое название оттого, что некогда, как нам рассказывали, татары здесь напали на богатую «станицу», или флотилию, одолели ее и ограбили, после чего разбойники деньги и золотые вещи делили шляпами. Эта гора в 70 верстах от Саратова. Сейчас же за концом ее начинается белая Меловая гора, которая тянется по берегу вниз по реке на 40 верст и на поверхности своей так ровна, точно она по шнуру сглажена. К реке она круто спускается, а у подножья близ воды украшена красиво растущими деревьями. За нею следует еще иная, которую мы называли Столбовою горою; она также была очень приятна на вид: со стороны обрывистого края здесь много выдающихся наружу кусков, которые, в качестве каменных жил, остались неразмытыми после смыва рыхлого песка; они были похожи на столбы синей, красной и желтой окраски и были перемешаны с зелеными кустами.

3 сентября мы с левой стороны увидели реку [Е]рус-лан, а направо напротив круглую гору Ураков [бугор], которую считают в расстоянии 150 верст от Саратова. Эта гора, как говорят, получила свое название от татарского государя Урака, который здесь бился с казаками, остался на поле битвы и лежит погребенный здесь. Дальше с правой стороны находится гора и река Камышинка. Эта река вытекает из реки Иловли, которая, в свою очередь, впадает в большую реку Дон, текущую в сторону Понта и представляющую пограничную реку между Азией и Европою. По этой реке, как говорят, донские казаки со своими мелкими лодками направляются к Волге. Поэтому это место и считается крайне опасным в отношении разбойников. Здесь мы на высоком берегу направо увидели много водруженных деревянных крестов. Много лет тому назад русский полк бился здесь с казаками, которые хотели укрепить это место и закрыть свободный проход по Волге. В этой стычке, как говорят, пали с обеих сторон 1000 человек, и русские были здесь погребены.

Когда мы прошли мимо этого места, то заметили весь персидский и татарский караван, состоявший из 16 больших и 6 малых лодок, шедших рядом и гуськом. Когда мы заметили, что они, ожидая нас, опустили весла и лишь неслись по реке, то мы подняли все паруса и одновременно старательнее взялись и за весла, чтобы догнать их. Когда мы близко к ним подъехали, мы велели трем нашим трубачам весело заиграть и дали салют из 4 пушек. Караван отвечал мушкетными выстрелами из всех лодок. После этого выстрелили и наши мушкетеры, и с обеих сторон пошло большое ликование.

Во главе этого каравана, собравшегося окончательно перед Самарою, были кроме вышеозначенного шахского персидского купчины и татарского князя Мусала русский посланник Алексей Савинович Романчуков, отправленный от его царского величества к шаху персидскому, татарский посол из Крыма, купец персидского государственного канцлера и еще два других купца из персидской провинции Гилян.

После салютных выстрелов татарский князь послал лодку со стрельцами — в караване их для конвоя имелось 400 — к нашему судну, велел приветствовать послов и спросить о их здоровье. Когда они прибыли к кораблю, то они сначала остановились и дали салют, затем капитан их взошел на судно и исполнил свое поручение. Едва лишь они отъехали опять, как наши послы велели фон

Ухтерецу, Фоме Мельвиллю и Гансу Арпенбеку⁵¹, русскому переводчику, отправиться, в сопровождении нескольких солдат, приветствовать татарского князя. Я же с фон Мандельсло, персидским толмачом и некоторыми из свиты послан был на двух лодках к шахскому купчине.

По дороге мы встретили нескольких персов, которые были направлены купчиною к нашим послам. Когда мы подошли к персидскому судну и слева хотели пристать к нему, поспешно выбежали несколько слуг и начали усердно махать нам, чтобы мы не отсюда, а с другой стороны лодки взойти на борт: на левой стороне находилось помещение жены их господина, которую никто не должен был видеть. Когда мы теперь с правой стороны вступили на судно, то тут уже стояли многочисленные слуги, которые взяли нас под руки, помогли вступить на лодку и провели нас к купчине. Этого последнего мы застали на диване вышиною с локоть и покрытом красивым ковром. Он сидел на мохнатом белом турецком одеяле, ноги, по их обычаю, у него были подогнуты, а спина опиралась о красную атласную подушку. Он любезно принял нас, ударив рукою в грудь и нагнув голову: подобная церемония у них обычна при приеме гостей. Он попросил нас усесться к нему на ковер. Так как мы не привыкли к подобному способу сидения, то нам было тяжело и мы еле справились с этой задачей. Он с любезным выражением лица выслушал наши просьбы и ответ свой выразил во многих вежливых и почтительных словах, насчет которых персы — народ очень умелый и очень любезный. Между прочим, он так сердечно обрадовался по поводу нашего прибытия, что — по его словам — вид корабля причинил ему такое удовольствие, как будто бы он увидел Персию или в ней свой дом, куда он так давно стремится. Он жаловался на нелюбезный обычай русской нации, испытанный нами и состоявший в том, что нас держали взаперти и не позволяли посещать друг друга. По прибытии в Персию, по его словам, мы будем иметь там больше свободы, чем сами даже туземные жители; он надеялся, что по прибытии нашем к его царю, шаху Сефи, он, купчина, ввиду завязавшегося на пути между нами знакомства, будет назначен нашим мехемандаром, или проводником. Он обещал, что в этом случае он выкажет нам полную дружбу. Он говорил также, что, если у него есть что-либо в настоящее время на судне, чем бы он мог услужить нам, то он ни в чем не отказал бы нам.

Из позолоченных чар он угощал нас крепкою русскою водкою, изюмом, персидскими орехами, или фисташками, частью сушеными, частью солеными. Когда в это время на нашем корабле стали провозглашать тосты в присутствии персидских посланцев купчины и стали трубить в трубы и стрелять из пушек и мушкетов, то и он начал пить за здоровье наших послов. Когда мы попрощались с ним, он по секрету сообщил нам, что, по достоверным, имеющимся у него сведениям, королем польским отправлен был посол к шаху Сефи, ездивший через Константинополь (или Стамбул, по их выражению), а ныне возвращающийся обратно и находящийся в Астрахани. Этому послу приказано идти в Москву к великому князю, но воевода не желает разрешить ему поездку вверх по реке до получения об этом приказа из Москвы. [Купчина предлагал] послам подумать, чего этот посол желает. Другие лица из находившихся в караване также отправили посланцев на наше судно приветствовать нас и просили остаться в их обществе. Они обещались охотно дожидаться в тех случаях, если бы мы сели на мель, и помогать везде, где бы это ни понадобилось. Таким образом, мы, после нового салюта на всех кораблях и лодках, отплыли совместно.

К вечеру с быстро наставшею бурей поднялись гроза и ливень, причем были два сильных громовых удара; однако вслед за тем вновь настала тихая погода. Это обстоятельство изображено было нашим Флемингом в особом сонете...

4 сентября, ввиду воскресного дня, когда наш пастор захотел начать проповедовать, пришли вновь несколько татар от черкасского князя Мусала. Они посетили послов, чтобы сообщить им, что князь теперь несколько недомагает, но как только он поправится, он лично посетит господ [послов]. Наиболее знатный из татар, говоривший от лица всех, был длинный желтый человек с совершенно черными волосами и большой длинной бородою. Он был одет в черную овчинную шубу, мехом наружу, и был похож на то, как малюют черта. Другие, одетые в черные и коричневые суконные кафтаны, были не многим приятнее на вид. После того как их угостили несколькими чарками водки, они, при салютных выстрелах своих стрельцов, вновь отбыли.

К полудню мы пришли к реке Большклее, отстоящей на 90 верст от вчерашней Камышинки и на 90 верст от следующего города Царицына. Пройдя еще 16 верст, мы миновали очень высокую песчаную гору Стрельну(ю),

пр., и в конце ее, в 60 верстах по сю сторону от Царицына, имели наш ночлег.

5-го с. м., едва лишь собравшись в путь, мы наткнулись на сушь, на которой было всего только $5\frac{1}{2}$ фута воды; поэтому пришлось тащить корабль в сторону, и он наконец с большим сотрясением перетащился. Тем временем караван ушел вперед до г. Царицына, где он должен был получить свежих стрельцов для конвоя. К полудню он прибыл на место, откуда едва полперехода дневного до великого и известного Танаиса, или Дона, который на протяжении 7 миль течет рядом с Волгою к востоку. Еще немного ниже пришли мы к Ахтубскому устью, где Волга получает первое ответвление и с левого берега откидывает рукав в сторону суши; этот рукав течет сначала одну версту против реки к ВСВ, а затем направляется к ЮВ и впадает в Каспийское море. Здесь высота полюса равнялась $48^{\circ}51'$.

В 5 верстах далее в глубь страны и в 7 верстах от Царицына еще в настоящее время, нам говорят, сохранились развалины города, который жестокий изверг Тамерлан построил из обожженных камней, воздвигнув в нем и большой увеселительный дворец; называется он Царевым городом. После того как город этот был опустошен, русские увезли наибольшее количество камней в Астрахань и построили из них большую часть городских стен, церквей, монастырей и других зданий. Еще в наше время несколько лодок, нагруженных камнем, шли отсюда и направлялись в Астрахань.

Близ этой местности рыбак при помощи удочки рядом с нашим кораблем поймал белугу длиною почти в 4 локтя, а обхватом в $1\frac{1}{2}$ локтя; фигурою она почти похожа на осетра, только белее его и с большим ртом. Ее били, точно быка, большим молотом по голове, [чтоб убить]; она была продана за 1 талер.

6 сентября мы вновь встретили караван под Царицыном. Ехавшие с ним разбили на берегу свои палатки и ждали нового конвоя. Так как ветер был попутный, то мы проехали мимо них. Город Царицын считается в 350 верстах от Саратова; он лежит на правом берегу на холме; он невелик и имеет форму параллелограмма с 6 деревянными укреплениями и башнями. Живут в нем одни лишь стрельцы, которых здесь было 400; они должны были бдительно следить за татарами и казаками и служить конвоем для мимо едущих барж. Высота полюса здесь $48^{\circ}23'$ [исправлено в конце книги: $49^{\circ}42'$].

От Царицына до Астрахани

Отсюда вплоть до Астрахани и за нею до Каспийского моря местность пустынная, песчаная и непригодная для хлебопашества. Поэтому эти города, в том числе и Астрахань, должны выписывать свой хлеб с привозом вниз по Волге — в большинстве случаев из Казани. Несмотря на это обстоятельство, хлеб, привозимый вниз по реке, ввиду большого количества, в котором он доставляется, здесь гораздо дешевле, чем в самой Москве. Подобное явление часто происходит и в Голландии.

Сейчас же ниже Царицына лежит с правой стороны остров Сарпинский длиною в 12 верст. На нем стрельцы пасут своих коров и иной скот. Незадолго до нашего прибытия казаки, заметив, что жены и дочери стрельцов ежедневно, часто без стражи, переправлялись на остров доить коров, подстерегли их, схватили, натешились над ними и в остальном невредимыми отправили их обратно к стрельцам домой.

За этим островом из реки Дона впадает в Волгу небольшая речка, по которой могут ходить только челноки и самые легкие лодки; об этом рассказывал не только наш лоцман, но говорили и некоторые из рабочих, раньше бегавшие с казаками и пльвшие по этой речке. [...]

В этот день, как и в некоторые следующие, все время была здесь сильная жара, точно у нас в каникулярное время. Здесь, как рассказывали русские, ежегодно в это время такая жаркая погода.

17 сентября было так пасмурно и такая непогода, что трудно было подвинуться вперед. После того как мы протащились 10 верст, мы с правой стороны на высокой красной песчаной горе увидели виселицу; это была первая из тех, какие мы видели в этих областях. На них воеводы ближайшего города обыкновенно вешают разбойничающих казаков. Говорят, впрочем, что никто не остается висеть более 8 дней, как его уже успевают скрасть с виселицы его собратья.

Посол Брюг[ге]ман здесь вызвал к себе людей свиты и сказал, что он некоторых из них подозревает в тайном заговоре против него. [Он жаловался], что, в случае необходимости, ему нельзя будет положиться на них, а между тем он ожидал не этого, но совершенно иного от них, да и заслужил, ввиду трудной должности своей и ежедневно испытываемой заботы о них, совершенно иное отношение. Поэтому он потребовал от музыкантского, драбантского и лакейского столов присяги в верности в виде

личной клятвы. Все они, хотя и утверждали, что высказанное им обвинение вовсе их не касается и что они и так, по долгу службы своей, достаточно почитают себя обязанными хранить верность, тем не менее охотно дали присягу, попросив лишь, чтобы посол отныне не нападал, как это бывало до сих пор, на всякого без различия и зачастую безо всякой причины со словами, затрагивающими честь и унижающими; что их касается, то они готовы, лишь бы хорошо с ними обращались, не только верно и с любовью служить ему, но, по любви к нему, в случае нужды, даже положить свою жизнь за него. Людям, правда, было обещано, что просьба эта будет исполнена, но — и т. д.

В этот день мы встретили большую баржу; некоторые из бывших на ней на небольшой лодке подъехали к нашему кораблю и, явившись на судно, сообщили, что три недели тому назад они выехали из Астрахани, что по дороге на них напали казаки и отняли всю провизию, так что они 4 дня ничего не ели. Они просили дать им немного хлеба, чтобы утолить голод, пока они не встретят где-либо своих собратий или доедут до города. Мы дали им мешок сухарей, или черствых кусков хлеба, за что они все ударили головами оземь и сильно благодарили нас.

В 40 верстах за Царицыном направо тянется длинная ровная гора, а против нее расположен такой же остров; и остров и гора именуются Насоновскими. Между горою и островом расположен узкий искривленный глубокий проход; здесь несколько лет тому назад, как говорят, казаки обманули и перебили несколько сот стрельцов, искавших и преследовавших их.

К вечеру рыбак принес на судно неизвестную нам рыбу, которую они называют чиберика. Она длиною более $2\frac{1}{2}$ локтя, имеет широкий длинный нос, вроде утиног клюва, на спине и на обоих боках у нее черные и белые пятна, вроде как у польской пестрой собаки, но только расположенные в большом порядке. Брюхо этой рыбы совершенно белое. Вкус сладок и приятен, как вкус лосося. Рыбаки доставили нам и род осетра, именуемый стерлядями; они длиною менее локтя, не бывают больше, и очень вкусны. Волга доставляет их повсюду в большом количестве, и они продаются за дешевую цену.

8-го с. м. караван нас вновь догнал у мыса суши вправо от нас, называвшегося Поповицкою Юркою на том основании, что раньше некий русский попович, бывший полковником и атаманом казацким, в этом месте обыкновенно собирал свой отряд. Это место находится в 70 вер-

стах от предыдущего города. От этого места на протяжении 40 верст книзу до горы Каменный Яр, *пр.*, находятся несколько островов и мелей, на которых то мы, то персы отчасти застревали. В 20 верстах далее находится высокий остров Вязовый, *пр.*, длиною в 4 версты; за ним течет река того же имени. Когда мы прошли еще 30 верст, ветер загнал нас в залив направо, куда впадает река Володимирское устье. Так как ветер был очень благоприятен для дальнейшей поездки, то мы не захотели долго мешкать здесь, все принялись за дело и при помощи двух якорей вскоре вытащили судно из этого места. После этого мы на всех парусах проехали мимо местности Ступина, от которой 30 верст до следующего затем города Черного Яра. В 12 верстах по сю сторону Черного Яра снова от Волги влево отделяется река — Ахтубы нижнее устье — и соединяется с вышепомянутым Ахтубским [устьем]. За этой рекою мы вместе с караваном стали на якорь у острова Осинового [Сенного?] в 7 верстах от города, пройдя в этот день 135 верст, или 27 миль.

Вокруг этой местности почти вплоть до Астрахани по обе стороны реки в кустарнике весьма часто растет *Glycyrrhiza*, или солодковый корень, достигая большой толщины. Здесь стебель его поднимается в половину роста человеческого, а семя его свисает в длинных стручках, как у черной вики. Мы находили его и в Мидии на всех полях и особенно у реки Аракса, где корень достигает толщины руки; он дает такой же нежный сок, как и у нас.

9 сентября к полудню мы сильной бурей были пригнаны под городок Черный Яр, где опустили якорь. Этот городок, в [2]00 верстах от Царицына, был 9 лет тому назад по приказанию великого князя построен полумилею ниже. Однако, так как перед ним высокий берег обвалился и несколько отклонил реку от города, то 2 месяца тому назад его перенесли сюда. Он лежит по правую сторону на высоком берегу, имеет 8 башен и окружен толстой бревенчатой оградой. Ввиду многих бродящих здесь кругом татар и казаков город занят исключительно стрельцами. Против каждого из углов города на расстоянии $\frac{1}{4}$ мили на 4 высоких столбах построены караулки, откуда стрельцы, как со сторожевых вышек, могут далеко и широко обзирать всю местность, тем более что она ровна и безлесна. Вызвали постройку этого города великие убийства и грабежи, в то время совершенные здесь казаками. Как говорят, 400 казаков хитростью напали на русский караван из 1500 человек и перебили бо-

лее половины их. Воспользовались они такого рода уловкою. Когда они заметили, что лодки не все находились друг возле друга, но некоторые из них, а прежде всего их стража, ушли вперед на выстрел из ружья, то казаки, спрятавшись здесь, где река течет сильнее всего, у высокого берега, пропустили передние лодки со стрельцами, затем напали на остальные и перебили бывших в них. Хотя стрельцы и оправились и поспешили обратно, но сильное течение так задержало их лодки, что большая часть убийств и грабежа уже успела произойти, казаки выбрались на сушу и ускакали на своих лошадях. Здесь, кроме как на берегу, особенно с правой стороны, уже не видишь деревьев, но лишь сухую, сожженную почву и степные растения.

Когда мы 10 сентября едва миновали город, ветер так сильно подул нам навстречу, что мы в течение всего дня, как ни старались, не могли сделать более 10 верст. К вечеру несколько рыбаков доставили нам на судно очень большого жирного карпа в 30 фунтов весом и 8 больших судаков, каких мы не видали еще за все время нашего путешествия. Они не хотели при этом брать денег, говоря, что известные торговцы в Москве, арендующие эту часть Волги, послали их сюда для рыболовства и что если узнают про продажу ими хотя бы малейшей рыбы, то им жестоко придется поплатиться за это. Они хлопотали, [по-видимому], о водке и, получив ее полкувшина, со многими благодарностями и с радостью уехали.

11-го с. м., идя с попутным ветром и постоянно пользуясь парусами, мы за день прошли 120 верст. Около полудня мы прошли у горы Половина, получившей свое название оттого, что здесь половина пути от Царицына до Астрахани, а именно 250 верст. Наша нынешняя ночевка происходила за островом Кизяром.

Ночью, когда следить за стражею пришла очередь послу Брюг[ге]ману, посередине реки большая лодка тихо прошла мимо нашего корабля. Когда сначала на наш окрик никто не захотел отвечать и идти на судно, то пришлось из 15 мушкетов дать выстрел по ней, а пушкарю было приказано направить на нее пушку. Тем временем один из ехавших в лодке, в небольшом челноке, подъехал к нам и сказал, что это не враги, а русские, которых 7 человек в лодке с солью. Так как они получили от каравана, находившегося на расстоянии выстрела из ружья за нами, в подарок водку, то его братья все улеглись и заснули, дав лодке идти по течению. Когда наш лоцман узнал его — оба они были из Нижнего, — то ему

дали несколько чарок водки и отпустили обратно. Утром он, в благодарность за угощение, принес несколько стерлядей. Следует удивляться, что никто из находившихся в лодке не был ранен нашей неосновательной стрельбою.

Так как ветер в течение всей этой ночи был очень благоприятен, то мы не захотели потерять его и к утру, около 3 часов, вновь пустились в путь, причем вскоре со стороны бакборта встретили новый рукав Волги — Бухвостов, незаметно входящий в предыдущий. Потом подошли мы к острову Копановскому, против которого направо высокий берег суши называется Копанов Яр; он находится в 150 верстах от Астрахани. Через 20 верст прошли мы к четвертому отделяющемуся рукаву — Даниловское устье, л., который отдельно направляется в Каспийское море. В 15 верстах ниже его почти посередине Волги лежит прекрасный круглый, заросший красивыми деревьями и кустами островок Екатерининский.

За ним мы издали увидели на песчаном холме большой затонувший струг; так как нашим он показался как бы устроенным казаками укреплением и притом, пожалуй, несколько казаков и показались в кустах, то люди наши должны были стать под ружье и было приказано дать несколько выстрелов в кусты. При этом у нашего кухонного прислужника Иакова Ганзена лопнул мушкет, им заряженный двойным зарядом, глубоко вырвал у него левый большой палец, державшийся им на дуле, и, кроме того, нанес ему еще много ран на лбу, груди и руках.

Сделав в этот день 100 верст, мы за островом Пирушки [?], в 80 верстах от Астрахани, бросили якорь.

13 сентября рано утром [...] нам пришлось увидеть первые фрукты. Из Астрахани пришли 2 лодки, с которых нам продали прекрасный крупный виноград, ягоды которого были величиной почти с грецкий орех, а также большие очень вкусные персики и дыни.

Главнейшие места, к которым мы пришли в этот день, были: Митюшка, л., отделяющийся рукав, частью впадающий во встреченный вчера рукав, частью через немного верст вливающийся в Волгу. Говорят, он является настоящим гнездом разбойников. Так как между двумя расположенными перед ним островами показались несколько казаков, посол велел дать по ним выстрел из пушки. Через 5 верст мы встретили последнюю сушь перед Астраханью — Кабанью мель, в 70 верстах от города, а еще через 5 верст — мыс, или выступ, Кабаний Яр; затем через 5 верст следовал, в 50 верстах от Астрахани,

остров Ичибурский, за которым мы остановились на ночлег.

Около этой местности, как и выше ее и у Каспийского моря, мы видели больших зобастых гусей, которых русские зовут «бабами»⁵². Их штук 100 сидело вместе на берегу. Ниже о них будет сказано подробнее.

14 сентября, едва мы успели сделать 2 версты, нас с ЮВ встретила сильнейшая буря, так что мы принуждены были остаться здесь до следующего дня. Под нами оказалась глубина в 80 футов воды. Здесь князь Мусал подарил послам различных напитков: пива, меда и водки, предложив, если напитки эти понравятся, еще доставить их.

15 сентября, когда мы рано утром получили добрую погоду и ветер, мы около 4 часов утра вновь поднялись и на указанной глубине счастливо шли на парусах к югу, так что мы заблаговременно прошли мимо острова Бузана, в 25 верстах, и мимо реки, или рукава, Болч[у]ка, в 15 верстах от города, а в 8 часов утра, с расстояния в 12 верст, издали, ввиду ровной повсюду и безлесной местности, увидели давнюю цель поисков — Астрахань. Здесь как раз проходил рукав Гнилуша, отделяющийся от Волги и примыкающий к ней за Астраханью: этот рукав многими разделенными устьями впадает в Каспийское море.

К полудню мы с благоприятным ветром и погодою прибыли к далеко прославленному городу Астрахани и, при милостивой помощи божией, как бы сделали из Европы, первой части света, первый шаг в Азию. Вся Астрахань лежит уже за рекою Волгою, отделяющей Европу от Азии.

Мы остановились перед городом посередине реки и для салюта выстрелили из всех пушек на нашем корабле. Жителям, которые в числе более тысячи стояли на берегу, это показалось весьма удивительным.

О стране Ногайской и Астраханской, а также о жителях их

При первом же вступлении в эту местность мы, не пускаясь еще далеко в путь, рассмотрим немного положение и особенности как главного города, так и жителей его.

Древние описыватели мира и земель, как-то: Птолемей, Страбон и другие, следовавшие их примеру, или совсем не упоминали, или лишь в немногих словах говорили о живущих здесь и по соседству татарах; обыкновенно

под общим названием скифов понимались и сарматы и татары. Между тем они отличаются друг от друга весьма существенно как по жизни, нравам и обычаям, так и по местностям и названиям: Матвей из Мехова, поляк, писавший 150 лет тому назад, говорит в предисловии к своей книге «О двух Сарматиях», что древние писатели потому не могли написать об этих племенах ничего определенного, что они — в противоположность мнению некоторых новых исторических писателей — в древние времена не жили здесь, но что являются новым народом, который, считая от его времени, не более чем за 300 лет пришел сюда с востока. В 1211 году — говорит он в другой главе — в мае месяце показалась большая комета, направлявшаяся в сторону Дона и России и простиравшая свой хвост к западу; эту-то кометою и было предсказано прибытие нынешних татар. Действительно, годом позже эти разбойничьи народы бежали из Индии, так как там они умертвили собственного государя, соединились с некоторыми северными жителями, сходными с ними, направились к Понту, где жили г[о]ты, а затем перешли на жительство к берегам Дона и Волги, стали неоднократно нападать на русские земли (что они делают и до сего дня) и существовали здесь грабежом.

В 8-й главе он же перечисляет их названия, разделяя их на 4 орды, или толпы, и называет их заволжскими, переконскими, казанскими и ногайскими. [...] Волжскими эти писатели, конечно, зовут тех, кто живут у Волги. Таковыми могут быть и черемисские, казанские и другие татары. Что же касается ногайских, то ясно, что они живут в Ногайской земле. Я оставляю в стороне, как означенные и другие писатели называют этих татар, как они их делят и какие отводят им места. Я сообщу лишь то, что я видел сам и услышал в наше время.

Ногайскою землею является страна, населенная ногайскими татарами; она занимает область между реками Волгою и Яиком⁵³ вплоть до Каспийского моря. Главным городом здесь Астрахань, по имени которой иные называют и всю эту землю. Полагают, что государь, построивший этот город и владевший им некогда, назывался будто бы Астрахан. Город этот не лежит, как говорит Герберштейн и думают иные, в нескольких днях пути от реки внутри страны, но примыкает к главному течению реки Волги и лежит на острове Долгом, образуемом отходящимся рукавом Волги.

В Астрахан я, при помощи повторных исследований, определил высоту полюса в 46°22'. Здесь климат доволь-

но теплый. В сентябре и октябре здесь погода была так хороша и тепла, как у нас в жаркое лето, особенно когда дул северо-восточный ветер или ветер с Волги. Когда он, однако, шел с юга, со стороны моря, то он обыкновенно приносил с собою холод, а иногда воздух, от которого пахло морем. В июне, июле и августе, когда мы находились там во время обратного нашего путешествия, жара была очень сильная, но, ввиду постоянных ветров, нам она не казалась тягостною. Зима, хотя и длится не дольше 2 месяцев, приносит с собою такой холод, что Волга — в противоположность мнению некоторых писателей — совершенно замерзает, и на ней можно ездить на санях.

Остров Долгий, так же как и суша направо от него, за рекой, — песчаный и неплодородный, налево же, к востоку, как и вообще вплоть до Яика, как говорят, имеются хорошие пастбища. По сию сторону Волги к западу имеется большая ровная и сухая степь. По направлению к Понту, или Черному морю, эта степь простирается на 70, а к югу, к Каспийскому морю, на 80 немецких миль. Мы ее измерили в 11 трудных дневных переходов, о которых ниже будет сказано. Эта пустыня доставляет великолепнейшую соль, встречающуюся здесь в различных ямах, лужах и стоячих озерах, из которых самые замечательные: Мочаковское, в 10 верстах, Каинково, в 15-ти, и Гвоздовское, в 30 верстах от Астрахани. В лагунах, или соляных лужах, имеются соляные жилы, через которые рассол подымается вверх; под влиянием солнечной жары соль выпаривается на поверхность в виде ледяных глыб кристальной чистоты и толщиной с палец; у нее приятный запах фиалки. Каждый желающий может собирать эту соль, платя лишь великому князю за 2 пуда (в пуде 40 фунтов) 1 копейку, или 1 шиллинг, пошлины. Русские ведут обширную торговлю солью, свозят ее на берег Волги, насыпают большими кучами и развозят по всей России — но не всей Мидии, Персии и Армении, как говорит Петрей в своей «Московской хронике». Дело в том, что в этих странах имеются собственные великолепные соляные россыпи... Кроме того, неверно то, будто в двух милях от Астрахани находятся 2 соляные горы, именуемые Бузин и до того неистощимые, что если бы даже 20 или 30 тысяч человек ежедневно со всех сил своих отбивали и отламывали части от такой горы, то и в таком случае, после усиленной их всех работы, не было бы видно, отломано ли что-либо или отбито от горы, так как гора растет тем сильнее, чем сильнее отбивают от нее части, и притом она так тверда, как скала. Такой горы во всей

этой стране не найти [...]. Относительно же соляных луж несомненно, что чем больше снимать с них соляных глыб, тем более они садятся на них, так как в рассоле нет недостатка у богатых источников.

На Волге от этого места до Каспийского моря, лежащего в 12 милях от Астрахани, совершается чрезвычайно богатая ловля рыбы всевозможных сортов; рыба эта весьма дешева, так как за 1 грош можно купить 12 больших карпов, а 200 стерлядей или малых осетров (это очень вкусная рыба) — за 15 грошей. Здесь же имеется и очень много раков; так как ни татары, ни русские не едят их, то их без всякого внимания выбрасывают.

Вокруг этих мест, ввиду близости моря и многих лежащих под Астраханью тростников и лесистых островов, имеется очень много пернатой дичи, особенно много диких гусей и больших красных уток, которых татары умеют быстро ловить с помощью обученных соколов и ястребов. Здесь имеется и много диких свиней, которых татары преследуют и продают задешево русским, так как сами они, в силу закона своего, не могут их есть.

Что касается садовых плодов, то они здесь так великолепны, что мы лучших не находили даже в Персии: это яблоки, квиты, грецкие орехи, большие желтые дыни, а также арбузы [...] (они строением похожи на дыни, или, вернее, на тыквы, имеют зеленую корку, мякоть телесного цвета, очень водянистую и сахарной сладости, и черные зерна). Подобного рода арбузов и дынь татары доставляли еженедельно возов 10—20 в Астрахань на рынок по очень дешевой цене.

Раньше здесь вовсе не родился виноград. Персидские купцы доставили в Астрахань первые виноградные лозы, посаженные старым монахом в монастыре перед городом. Так как заметили, что они вполне удаются, то в 1613 году, по приказанию великого князя, означенный монах устроил настоящий виноградник, который затем из году в год все расширялся. Он приносит великолепные большие и сладкие гроздья, которые частью наряду с другими плодами, получаемыми в тут же устроенном фруктовом саду, посылаются к великому князю в Москву, а частью продаются в стране воеводам и боярам. Теперь и некоторые астраханские горожане у домов своих устроили виноградники, и, например, наш хозяин говорил нам, что его виноградник принес ему в этом году до 100 талеров. Мне в нынешнем году принесли достоверное известие, что в настоящее время в Астрахани будет разводиться такое количество винограда, что ежегодно 50—60 пип,

или больших бочек, вина отсюда будет доставляться в Москву. У них имеется свой виноградарь Иаков Ботман, учившийся у нас в Готторпе у его княжеской светлости придворного увеселительного садовода.

Упомянутый мною монах имел от роду 105 лет; он был по рождению австриец; взятый на войне в плен, еще мальчиком был доставлен в Россию, здесь перекрещен, обращен в русскую веру и сослан сюда в монастырь. В данное время он имел в своих руках управление всем монастырем. Он владел еще небольшим количеством немецких слов, сделал много добра тем из нас, которые его посетили, пришел также посетить послов и принес им в подарок фрукты с деревьев, посаженных им собственноручно. Он был все еще веселого нрава. Когда он выпил пару чарок водки, он начал показывать свою силу и плясать без палки, хотя и трясущимися ногами. Он говорил, что в этой стране много здоровых и весьма старых людей.

Жители этой ногайской или астраханской области, как уже сказано, раньше были исключительно татары. Они имели своего царя, состоявшего с казанскими и крымскими татарами в дружбе и союзе, так что противник, нападавший на одного из них, имел дело со всеми тремя. Поэтому великому князю Ивану Васильевичу через два года после завоевания царства Казанского пришлось иметь войну и с царством Ногайским, которое он также покорил себе. Столица ногайская, Астрахань, 1 августа 1554 года была взята штурмом, татары были изгнаны из нее, и город был занят русскими⁵⁴.

Город этот впоследствии тиран укрепил толстой каменной стеною, нынешний же великий князь велел расширить его и построить около него Стрелецкий город, или часть, где живут стрельцы. Если смотреть извне с Волги, которая здесь шириною в 2260 футов, то город этот оказывается красивым ввиду многих башен и церковных колоколен, а внутри он состоит большею частью из деревянных строений. Он хорошо укреплен сильным гарнизоном при многих, — как они говорят, 500 — металлических орудиях [...]. Теперь, говорят, здесь имеются 9 приказов, каждому из которых принадлежит 500 стрельцов, постоянно стоящих наготове и на стороже, под начальством двух воевод, канцлера [дьяка] и нескольких капитанов; они должны держать татар в узде. В городе не только русские, но персияне и индийцы, все имеют по своему рынку. Так, как и бухарские, крымские и ногайские татары, а также армяне (христианский народ) со всякими товарами ведут тут большую торговлю и про-

мысли, то, как говорят, город этот и приносит ежегодно его царскому величеству большую сумму — даже одних пошин 12 тысяч рублей, или 24 тысячи рейхсталеров.

Туземные татары — частью ногайцы, частью крымцы — не имеют права селиться в городе, но лишь в определенных местах за городом, не имея притом права огораживаться иным чем-либо, как лишь частоколом. Впрочем, у них и по всей их стране нет укрепленных городов или деревень, они живут в избах [кибитках], которые круглы, с диаметром обыкновенно в 10 футов, сплетены из тростника или камыша и похожи на корзины для кур у нас; сверху они покрыты войлоком, в середине которого оставлено отверстие для дыма, впрочем, близ этого отверстия прикрепляется еще кусок войлока, который может вертеться по ветру. Когда зажженный ими из сухого кустарника и сушеного коровьего помета костер выгорит, а также уйдет и дым, то они опускают верхний кусок войлока; а если погода холодная, то вся изба окружается войлоком или тростником. Тогда жены и дети сидят вокруг угольев и золы. Таким образом на продолжительный срок сохраняется тепло. [...]

Летом у них нет постоянного местопребывания в каком-либо месте; они меняют и перемещают свое местопребывание всякий раз, как им приходится искать для скота свежих и хороших пастбищ. Тогда они ставят свои избы на высокие телеги, которые всегда стоят возле них, и перекочевывают с женами, детьми и домашним скотом, размещенными на коровах, волах, лошадях и верблюдах. Поэтому-то русские и называли их «половцами» за эту постоянную погоню за местом, «ловлю полей». Зимой они, разделившись на несколько орд [...] или отрядов, идут к Астрахани и селятся в таком расстоянии друг от друга, чтобы в случае нужды спастись друг к другу на помощь. Нередко на них нападают и грабят их постоянные враги — калмыки, не только рассеянные отсюда до Саратова и называемые в этих местах болгарскими татарами, но живущие и за Яиком; набеги свои они совершают в то время, когда вода замерзнет и везде оказывается удобным перебежать через нее. Чтобы, однако, татары были в состоянии тем легче встретить врагов и защититься, им в это время из русской оружейной палаты выдаются ружья и другое военное снаряжение, которое они в начале лета опять возвращают. Другого оружия они не имеют права держать при себе.

Они, правда, не платят великому князю дани, но когда он захочет, чтобы они выступили в поход против вра-

га, то они должны являться, что, впрочем, они делают охотно в надежде на добычу, которая является лучшим источником богатства у них так же, как у дагестанских татар, о которых будет речь при описании обратного путешествия. Они быстро могут собрать несколько тысяч человек, и они очень смелы при нападении на врага.

Им, правда, разрешается иметь своих собственных князей, атаманов и судей, но, чтобы не было оснований ожидать мятежа, несколько человек их мурз, или князей, всегда должны поочередно храниться и содержаться в Астрахани, в кремле, в качестве заложников.

Ногайские, а равно и крымские, татары дородны, низкорослы, с широкими лицами и небольшими глазами, кожа их черно-желтая, и у мужчин лица сморщенные, как у старух, в бороде у них волос мало, а головы они наголо бреют.

Все они носят длинные кафтаны, частью из серого сукна, частью — особенно ногайцы — шубы и шапки из овечьей кожи, с вывернутым наружу мехом. Женщины, которые не очень безобразны лицом, носят белые полотняные одеяния и складчатые круглые шапки, заостряющиеся кверху, вроде каски; спереди они обсажены и увешаны русскими копейками, точно кольцами. Родившаяся первою, а также и некоторые другие из их дочерей, если они еще в чреве матери были родителями обещаны богу или известному имаму и святому, носят в знак рабской преданности своей в правой ноздре кольца с бирюзой, рубином или кораллами; подобные же кольца носят мальчики в ушах. Этот же обычай имеется у персов... Дети ходят голые, без сорочек, и у всех у них отвислые животы.

Пищу себе эти татары добывают скотоводством, рыболовством и птицеводством. Их рогатый скот велик ростом и силен, подобно польскому, а у овец, подобно как у персидских, имеются большие толстые хвосты из чистого сала, весящие иногда от 20 до 30 фунтов. У них отвислые уши, как у собак-водолазов, и высокие изогнутые носы. Лошади их невзрачны, но сильны и очень выносливы. У них имеются и верблюды, но редко с одним, а обыкновенно с двумя горбами на спине; последних они зовут «боггур», первых — «товэ».

Обыкновенное кушанье татар составляет вяленая на солнце рыба, которую они едят вместо хлеба; рис и пшено они мелют и готовят из них лепешки, которые жарят в растительном масле или меду. Наряду с другим мясом они едят и верблюжье и конское; пьют они

воду и молоко, причем особенно кобылье молоко считают за лакомый и здоровый напиток. Поэтому, когда однажды послы поехали посмотреть их орды и лагеря, они им налили этого молока из кожаного мешка и подали выпить.

Религия татар магометанская, причем они исполняют обряды не персов, а турок. Некоторые из татар приняли русскую веру и дали себя окрестить. Они выказали любезность по отношению к нам, и один из их мурз, или князей, захотел, в угоду послам, устроить соколиную охоту и даже сделал необходимые для этого приготовления, но воевода запретил это ему.

**Что еще произошло
во время нашего пребывания в Астрахани,
и как нас разные лица
посещали и угощали пирами**

Пока мы стояли на месте под Астраханью, чтобы варить пиво, печь [хлеб], бить скот и пополнять, в меру необходимости, наши опустевшие кухни и погреба, к нашим послам неоднократно присылали [депутации] персы, татарские князья и другие лица; они доставляли подарки, иногда являлись с визитом лично, а в других случаях приглашали к себе.

Когда мы, как выше сказано, едва лишь стали под Астраханью на нашем корабле и дали салют, шахский персидский купчина, равно как и другие персидские купцы, только что прибывшие из Персии, поднесли для приветия послам несколько прекрасных больших арбузов, дынь, яблок, персиков, абрикосов и крупный виноград с просьбою принять его у них, так как и они чужестранцы здесь. [...] Послы, со своей стороны, послали несколько человек к купчине, а также к князю Мусалу, чтобы поднести им разные ценные воды, водку и конфеты.

На другой день по прибытии нашем пришли несколько партий персидских купцов на наш корабль, чтобы осмотреть его и посетить послов; каждый из них принес с собою несколько фруктов: в Персии существует обычай, чтобы никто не смел являться перед большими вельможами без подарков, хотя бы и незначительных. По обычаю земляков своих, и эти персы были очень любезны и обходительны [...]. Так как они являлись для нас новым, давно желанным народом, с которым мы предполагали поближе познакомиться, то это обстоятельство

нас весьма приятно поразило, и мы тем более разрешили им у себя свободы. Все они так охмелели у нас, что при уходе с судна некоторые попадали в воду, а старый видный купец даже заснул на корабле и остался на ночь у нас. Этот старик во время питья стал выказывать нам такое искреннее расположение, что, когда посол, подавая ему стакан с франконским вином, сказал, [что] вино нашей страны, может быть, не понравится ему и не покажется вкусным после их крепких напитков, он схватил стакан со словами: «Даже если это окажется ядом, но вы его подаете, я все же его выпью».

17 сентября шахский купчина вновь сделал послам подарок, поднеся два мешка рису, который качеством зерна превосходил обыкновенный рис, был очень красив, крупен и совершенно бел, а также чашку маринованного персидского чеснока, приятного на вкус. [...]

Одновременно со слугами купчины пришли и другие плававшие по морю персы, осмотрели корабль, удивляясь столь большой постройке, заявили, что оно не пригодится на Каспийском море, где волны очень высоки и коротки, и что поэтому, по крайней мере, хоть мачты следовало бы укоротить. «Кюлзюм,— так называли они Каспийское море,— с тех пор, как по нем ездят, не видал еще столь большого судна». Их персидские суда устроены как наши небольшие баржи; по форме своей они похожи на наши купальные ванны; они стоят очень высоко над водою, скрепляются снизу доверху многими балками и поперечными брусьями, выходящими по обе стороны наружу и укрепленными с помощью клиньев. Посредине они совершенно открыты, не имеют помпы, так что воду приходится вычерпывать; у них только один большой парус, как у русских, и они не умеют лавировать. Поэтому, когда поднимается буря, они или с величайшей опасностью идут с ветром, или же принуждены бросить якорь. Редко какое-либо из них решается выйти в море более чем на глубину в 10 сажен.

После того как персы вновь вступили на судно, наши послы через секретаря послали большой бокал в подарок старшему воеводе Федору Васильевичу, причем запросили его мнения и совета относительно дальнейшей нашей поездки: удобнее ли будет нам идти сушею или морем. Воевода попросил отсрочки на несколько дней, чтобы посоветоваться с другими мореходами. Однако по многим причинам у нас считали более удобным ехать водою, чем сушею.

19-го с. м. татарский князь Мусал предупредил о сво-

ем приходе и посещении им послов на судне; ради него наша шлюпка была выложена коврами и послана с некоторыми из нас навстречу на берег. Князь прибыл в сопровождении сорока лиц; при нем был еще другой мурза и великокняжеский посланник Алексей Савинович. Сам он был в дорогом русском платье, вышитом золотом и жемчугом. Это был высочайший ростом, крепкий, видный господин, с лицом белым и приятным и с длинными, черными как смоль волосами; ему было лет 28; он был весел и красноречив. Когда он вступил на корабль, сначала протрубили трубачи, потом выстрелили из 3 пушек, а во время угощения в каюте послов играла музыка. Драбанты, лакеи и солдаты стояли в порядке и с оружием; все это очень понравилось татарину, и он все это очень хвалил. После того как он весело провел в каюте 2 часа и, согласно с высказанным им желанием, был проведен по кораблю (его провели и вниз, в столовую, и спрашивали сесть за стол, покрытый разного рода конфектами), он не захотел уже садиться, но поспешил опять домой. При отъезде его опять дан был салют из пушек и мушкетов.

20 сентября послы отправили нашего маршала приветствовать купчину, прося его оказать им честь и посетить корабль, что и было сделано на следующий день. Купчина, по имени Наурус, прибыл с еще другим знатным купцом из Персии, по имени Науреддин Мухаммед, вместе с приставом, данным ему воеводою. И они были приняты и получили угощение подобно татарскому князю. Когда они среди всевозможных приятных разговоров и увеселений некоторое время прослушали нашу музыку, они попросили, чтобы им разрешено было доставить свои музыкальные инструменты. Это были свирели и литавры. Литавры были сделаны из гончарной глины и обожжены; они имели вид продолговатых больших горшков. Били они странно, но искусно, соблюдая разнообразные мелодии и красивые темпы. С такою музыкою они вновь проехали с судна на берег. Можно было слышать, как они еще довольно долго играли в своих палатках, разбитых на берегу.

22-го с. м. воевода велел доставить свои ответные подарки послам, а именно: 20 кусков копченого сала и 12 штук больших копченых рыб, 1 бочку икры, 1 бочку пива и 1 бочку меда.

К обеду польский посол, о котором купчина упоминал в разговоре с нами 3 сентября, вместе с шахским персидским послом, отправленным к королю польско-

му, прислал к нам двух служителей, чтобы приветствовать наших послов и подарить нам бутылку «шараб», или персидского вина. Польским послом был монах [...]. Персидским же послом был архиепископ из Армении Августин Базеций; их высланные к нам слуги были итальянский капуцин и француз. Они жаловались, что их вот уже более 5 месяцев держат в Астрахани, как пленников, и не пропускают дальше.

В этот день наши послы послали сообщить воеводе, что они желали бы завтра посетить князя Мусала; они просили о лошадях для верховой езды для себя и некоторых провожатых. Эта просьба была любезно исполнена, и на следующий день шталмейстер воеводы привел лошадей к берегу. Послы сначала поехали с знатнейшими из свиты в пригородный дом, который был предоставлен нам, должным образом велели сообщить о прибытии своем Мусалу, и, когда мы услышали, что он с нетерпением ждет нас, мы поехали к его помещению, находившемуся в городе. Князь в великолепных одеждах вышел навстречу послам во дворе у крыльца, любезно принял нас и привел в помещение, обвешанное коврами. При нем находился посланник Алексей, и здесь же был татарский посол из Крыма, также находившийся при караване, человек гордый и грубый нравом. Мусал велел в чрезмерном количестве поставить на стол астраханские садовые плоды, а также вино, пиво, мед и водку. Он велел играть на регале [ручном органе], и тут же весело заиграли несколько русских трубачей, служивших воеводе. Он предложил с добрыми пожеланиями тосты за здоровье его царского величества и его милости князя голштинского, причем мы пили из больших бокалов и серебряных чар. Он стоял все время среди своих служителей и каждому из нас, даже пажам и слугам, передавал сам бокал в руки, выказав вообще большую ласковость. Тем временем Алексей начал многими словами открыто восхвалять род, храбрость и т. п. Мусала: он не простой мурза, каких много среди татар, но родной племянник (сын брата) великого и чуть не знатнейшего вельможи при великокняжеском дворе князя Ивана Борисовича Черкасского; в настоящее время он получил от его царского величества ленное владение и, в знак высокой милости, драгоценные одежды и большие подарки. Из братьев его один теперь при дворе его царского величества и получает там великолепное содержание. Сестра его просватана за шаха персидского и т. д.

Во время этого пира высокоблагородный Иоганн Аль-

брехт фон Мандельсло заключил со мною обязательство, чтобы тот из нас, кто раньше помрет, был почтен со стороны оставшегося в живых похвальным словом. По слабой силе своей, я так и сделал, как видно по описанию его путешествия на восток, которое я издаю отдельно.

Воспользовавшись в течение нескольких часов всяческой дружбою и расположением Мусала и простившись с ним, послы думали в этот же вечер поехать в место, где живут татары, чтобы посмотреть их. Поэтому мы и направились к городским воротам, откуда ближе всего было пройти туда. Однако эти ворота по приказанию воеводы, не знаю по какому подозрению, были заперты перед нами, вследствие чего мы вернулись опять на корабль.

24-го с. м. посланник Алексей пришел на корабль посетить послов, был хорошо принят и угощен. Он был в веселом настроении и предложил быть с нами в доброй дружбе и согласии в Персии. Нашим людям и служителям, проводившим его опять на его судно и бывшим в числе 12-ти, он подарил, из благодарности, по соболу.

Этот русский, отправленный от великого князя московского к шаху персидскому в качестве посланника, а главным образом для наблюдения над нашими делами и поступками, был человек лет 30-ти, доброго разума и очень хитрый. Он мог назвать несколько латинских слов и [...] имел склонность к свободным искусствам, особенно к некоторым математическим наукам и к латинскому языку. Он просил, чтобы мы ему помогли в изучении всего этого. И действительно, в Персии, когда мы с ним были вместе, и в особенности на возвратном пути, прилежным вниманием, постоянным разговором и упражнениями в течение 5 месяцев он дошел до того, что мог выражать свои мысли, хотя не особенно складно; кроме того, он стал понимать употребление астролябии, [определение] часов и высоты солнца, а также геометрию. Нашим часовщиком ему сделана была астролябия, и везде, где он приходил в город или деревню на ночлег, в особенности же в Астрахани, Алексей выходил на улицы, чтобы упражняться, и называл людям высоту домов и зданий; русским, которые не привыкли что-либо подобное видеть у своих земляков, это казалось весьма удивительным.

25-го с. м. шахский купчина пригласил послов с их свитою на следующий день на банкет, причем он одуременно захотел знать имя и титул нашего милостивей-

шего князя и государя, а также имена послов; он предложил послать гонца вперед в Шемаху, в Мидию, к тамошнему хану и губернатору, для сообщения о нашем прибытии, чтобы, по приходе на персидскую границу, нас тем скорее могли доставить дальше.

26 сентября купчина прислал на берег 7 оседланных и красиво украшенных лошадей, чтобы доставить на них послов.

Купчина Наурус в доме, предоставленном ему для этой цели в городе воеводою, устроил и приготовил все весьма великолепно и пышно. Против дома на другом доме была снята крыша, устроен был театр и увешан свисавшими вниз пестрыми персидскими одеялами; он же украшен был двумя воткнутыми флагами. Здесь стояли 3 литаврщика и свирельщики, которые при прибытии послов, как и во время пиршества, играли вроде хора.

В доме, где происходило угощение, внутри все стены были завешаны персидскими и турецкими коврами. Купчина перед двором вышел навстречу послам, принял их весьма любезно и повел их вверх, через две великолепные комнаты, сверху, внизу и с боков одетые в великолепные ковры,— в помещение, обитое золотою парчою. В каждом помещении для нашего удобства,— против обыкновения персов, которые все сидят и едят на земле,— поставлены были столы и скамейки, покрытые великолепными коврами. Столы были уставлены садовыми плодами и сладями: виноград, яблоки, дыни, персики, абрикосы, миндаль, два рода изюму (один из них представлял небольшие белые и очень сладкие ягоды без косточек), лущеные большие грецкие орехи, фисташки, всевозможные в сахаре и меду вареные индийские чуждые фрукты стояли на столе, покрытые шелковыми платками.

Едва мы только уселись, как появились духовные лица: шахский персидский и королевский польский послы, надев поверх своей духовной одежды кафтаны из золотой парчи, подаренные им шахом персидским; у каждого на груди висело по золотому кресту. Они понимали по-латыни, по-испански, по-итальянски и по-французски, на каковых языках они и вели свои разговоры с послами. Когда и они сели, сласти были открыты, нас попросили есть и поили очень крепкой водкою, медом и пивом. После того как нас таким образом 2 часа угощали, по общему обыкновению персидскому сласти были убраны, стол накрыт для кушаний и уставлен различною едою в серебряных и медных луженых блюдах.

Все блюда были наполнены вареным рисом различных цветов, а на рис были положены вареные и жареные куры, утки, говядина, баранина и рыба; все это были кушанья, хорошо приготовленные и вкусные.

Персы за столом не пользуются ножами; они учили нас, как нам, по их способу, делить мясо руками и кушать. Впрочем, куры и другое мясо обыкновенно до подачи на стол поваром разделяются на удобные куски. Рис, который они едят вместо хлеба, они берут большими пальцами, иногда и всей пригоршнею, с блюда, кладут на него кусочек мяса и все это несут ко рту. При каждом столе стоял суфреджи, или кравчий, который небольшой серебряной лопаточкою при помощи руки брал кушанья из больших сосудов, в которых они подавались, и перекладывал на небольшие блюда; иногда на одном блюде на рисе оказывались одновременно разложенными четыре или пять разных кушаний. Обыкновенно на двоих, но в некоторых случаях и на троих, подается одно подобное блюдо с кушаньями. Во время обеда пили очень мало, но тем более после него. Наконец каждому в фарфоровой чашке дана была для питья горячая черная жидкость kahawe [кофе]... Персы по отношению ко всем нам выказали любезность и услужливость, так что мы их обходительность и доброе расположение к немецкой нации усмотрели не только в их словах, но и в их делах.

При прощании, которое совершено было весьма дружелюбно и почтительно всеми сторонами, как монахами, так и персами, весело зазвучали со своеобразным тактом и мелодиею литавры и свирели. Двое знатнейших персов провожали послов до городских ворот и простились с ними, принеся им благодарность за то, что они, послы, охотно и послушно явились; при этом сами они свидетельствовали готовность еще более послужить нам. Когда послы снова сели в шлюпку, так же, как и при выходе из нее, даны были несколько выстрелов из орудия для каменных ядер. Таким образом, этот день был посвящен тому, что мы завязали добрую дружбу с иностранными нациями.

27-го с. м. послы с немногими из нас выехали за милю от Астрахани, чтобы осмотреть жилища татар. По дороге, в разных местах, мы видели, как бегали в круге привязанные к столбу волы и лошади, которые должны были выбивать и молотить просо. Около всех их хижин мы видели поставленных здесь соколов или орлов, которыми они пользуются для охоты. На возвратном пути

мы встретили одного из их князей; он ехал в овчинной шубе, мехом наружу, с соколом; он сожалел, что не находился у своей орды и не мог угостить послов.

В этот день великокняжеский посланник Алексей Савинович направился вперед в Персию через Каспийское море.

28 сентября другой знатный купец — Науредди[н] Мухаммед устроил в честь наших послов банкет, прошедший столь же великолепно и с теми же церемониями, как устроенный у Науруса. Театр для литаврщиков и свирельщиков на дворе против стола был устроен почти великолепнее предыдущего. К участию в беседе с нами были приглашены и монахи. Точно так же находились здесь несколько восточных индийцев и двое русских, отряженных воеводою и знавших персидский язык. Это было сделано, чтобы он узнал, о чем будут наши речи. Поэтому, когда посол Б[рюггеман] начал говорить речи, метившие весьма далеко и направленные против турка, врага персов, но не врага русских, а персам эти речи показались опасными и досадными, то они попросили его оставить эту материю и просто повеселиться с ними: из этой устроенной ими беседы — [говорили они] — и скудного угощения следовало заключить не о чем-либо ином, как о любви их к нам, которую они обязаны испытывать по отношению ко всем тем лицам, которых высокие монархи в дружбе посылают к их шаху. Все, что делается здесь, является лишь малым намеком на привет в собственной их стране. Вскоре после этого монахи по приказанию воеводы должны были уйти с пиршества.

29-го с. м. ногайский мурза, встретившийся нам третьего дня, явился, чтобы посмотреть корабль. Он принес несколько диких гусей, которых он поймал помощью сокола, и пригласил послов на упомянутую выше, но воеводою запрещенную охоту с соколами.

30 сентября воевода велел подарить послам несколько русских сластей: это были большие толстые пряники, а также сухое варенье из смородины и других ягод, спрессованное частью в форме большого богемского сыра, частью в виде широких свернутых кусков, похожих на фунтовую или подошвенную кожу у нас. Подобного рода свертки присылались нам и в Москве великим князем и другими господами; они кисловатого, довольно приятного вкуса и употребляются у них больше в кушаньях.

1 октября я, в сопровождении двух лиц свиты, был отправлен к воеводе в канцелярию, чтобы справить некоторые дела. [...]

Де ла Невилль

**ЛЮБОПЫТНЫЕ
И НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ
О МОСКОВИИ**

осударь!¹ Маркиз Бетюн², узнав в 1689 году, что шведский и бранденбургский посланники поехали в Московию, счел необходимым для пользы вашего величества отправить кого-либо, кто мог бы узнать, в чем именно будут состоять переговоры упомя-

нутых посланников с Московией. Честь исполнения этого поручения маркиз возложил на меня, что меня очень поразило, так как я уже ранее совершил такое путешествие и неоднократно навлекал на себя подозрения этих варваров; но, услышав, что я могу быть полезным вашему величеству, я принял это предложение и просил лишь маркиза де Бетюна принять во внимание, что проезд в Московию разрешен только купцам и посланникам, почему он и решил просить в этом случае помощи короля польского³.

Король с благосклонным участием заявил, что трудно предположить, чтобы я не был узнан в этой стране посланниками царя или другими людьми, видевшими меня при варшавском дворе, и что в таком случае меня сочтут шпионом и сошлют навеки в Сибирь; далее, говорил он, что раз дело идет об услуге вашему величеству, то он охотно доставит мне возможность безопасно и успешно совершить это путешествие. Согласно этому он выдал мне рекомендательные грамоты к царям и паспорта, и я отправился со свитою, соответствующую моему званию, ибо последним договором Польши с Московиею положено не содержать присылаемых послов на счет того государства, в которое их отправляют, и не давать им подвод безденежно. На четырнадцатый день достиг я границы, хотя расстояние от Варшавы до послед-

него польского города составляет около 160 немецких лье. Я известил о моем приезде и назначении палатина Смоленского герцогства, куда я направился на следующий день. Прием, оказанный мне в Смоленске, описан в моем дальнейшем рассказе.

Обождая десять дней, пока съездил гонец, которого палатин посылал ко двору за приказаниями относительно меня, я отправился в Москву, где и был помещен в доме, назначенном для меня первым министром, в 150 шагах от города; ко мне явился пристав Спафарий⁴, уроженец валашский, приветствовал меня от имени министра и остался состоять при мне. Через неделю после этого он препроводил меня в приказ, или совет, после чего я посетил посланников польского, шведского, датского, бранденбургского и некоторых немецких офицеров; при этом мне удалось открыть цель посылки шведского и бранденбургского позеренных; они присланы были в Московию для того, чтобы навлечь подозрение на поступки польского короля относительно москвитян уверениями, что король действует в пользу вашего величества, желая, вопреки общему союзу, заключить отдельный мир с турками и намереваясь после этого в угоду вашему величеству сделать нападение на герцогство Прусское. Вслед за тем посланник голландский начал действовать против меня, сообщив москвитянам, что я француз и приехал для того, чтобы выведать их государственные тайны. Его происки достигли того, что меня заключили на неделю в моем жилище; польский посол, однако, так энергично жаловался на этот поступок, как на оскорбление, нанесенное в лице моем его государю, что совет разрешил мне свободу, уверив, что, лишая меня ее на время, имелось в виду только предохранить меня от оскорблений враждебно настроенной толпы. На эти извинения я отвечал, что знаю Францию очень хорошо и могу сказать, что, обладая миллионами, французский король тем не менее не пожелает истратить и сотни экю для того, чтобы проникнуть в тайны царей, и что, имея честь быть посланником польского короля, я никогда не побоюсь народной толпы. Кончилось, однако, тем, что шведские посланники были удалены без всякого успеха, и я, извещая об этом маркиза де Б., изъявил желание также быть отозванным, предвидя в недалеком будущем смятения. При начале их я вынужден был для безопасности сидеть дома, затворивши двери и никуда не выходя.

Все мое развлечение состояло притом в разговорах с моим приставом, только два месяца тому назад вернув-

шимся из поездки в Китай. Сведения, полученные мною от него, весьма любопытны и могут быть весьма полезны вашему величеству, указывая на возможность организовать сухопутную торговлю с Китаем; поэтому я тщательно заметил все подробности слышанного мною от него. Через несколько времени после моего возвращения в Польшу, когда маркиз Бетюн узнал, что курфюрст саксонский и герцог ганноверский решили свидеться в Карлштадте, в Богемии, я пожелал, чтобы король польский послал меня для изъявления его прискорбия герцогу ганноверскому, лишившемуся в это время сына, о чем он извещал короля; при этом случае я надеялся узнать цель свидания упомянутых государей, с тем чтобы известить об этом ваше величество. Отправленный туда, я отдал потом отчет маркизу Бетюну обо всем, что успел разузнать, а именно, что с обеих сторон были сделаны кое-какие предложения относительно герцогства Лауембургского, но соглашения, однако, не последовало ни в чем.

В заключение, когда ваше величество уведомили короля польского о кончине ее высочества дофины, он назначил князя Радзиевского для изъявления вашему величеству его прискорбия о кончине принцессы. Но маркиз Бетюн пожелал, чтобы назначение это принял я; он надеялся, что в звании польского посланника я могу с большею безопасностью доставить вашему величеству донесения его вам и депеши посланнику вашему в Гамбурге и что, исполняя это поручение, я могу посетить проездом некоторые дворы, при которых меня хорошо знают и всегда оказывали учтивый прием и где, таким образом, я могу изучить хорошо положение дел: все эти дворы, исключая двора герцога ганноверского, я нашел в довольно расшатанном состоянии, поставленными в прямую необходимость поддерживать мир с вашим величеством.

Облеченный ныне в звание вашего дипломатического чиновника, я прошу вас, государь, принять благосклонно то, что моя ревность на вашу пользу заставляла меня предпринимать, и принять также рассказ, некоторые подробности которого могут быть любопытны и, может быть, удостоится вашего чтения в часы отдыха от важных дел, которыми решается судьба Европы, вашими победами и волею провидения преданная руке вашей. Дерзая уповать на эту особую вашего величества милость, пребываю неустанно усердный, неутомимый, вашего величества покорнейший и вернейший подданный и слуга де ла Невилль.

Король польский почтил меня званием посланника своего в Московию 1 июля 1689 года, и 19-го того же месяца я отпратился из Варшавы смоленскою дорогою, так как дорога на Киев, хотя и ближайшая, была тогда подвержена набегам татар. Как только губернатор Смоленской области, человек по образованию нисколько не подходящий на москвитянина, услышал, что я выехал и приближаюсь к Смоленску, он прислал пристава или дворянина, с переводчиком, встретить меня; они приветствовали меня за полмили от города и препроводили в предместье на другой берег Днепра, временно в какой-то дом, до назначения губернатором другого местопребывания. Один из них отпратился уведомить его о моем приезде, и он прислал поздравить меня, приложив при этом разные припасы, как-то: небольшой бочонок водки, другой — вина, третий — меду, несколько дичи, двух баранов, воз рыбы и овса. Он предлагал мне выбрать дом для житья в городе или предместье, но я остановился на последнем, так как в предместье ворот не было, городские же ворота рано запирались.

На другой день я посетил губернатора в его дворце, где встретил митрополита и нескольких почетных лиц. О Смоленске я ничего не могу сказать. Строение в нем, как и в других русских городах, деревянное; он окружен каменною стеною для защиты от нападения поляков. Желая почтить меня или, скорее, стараясь придать себе более важности, губернатор собрал 6000 человек милиции, которую при таких случаях набирают из крестьян, разделяя их на полки и выдавая им на это время довольно чистую одежду; царь платит сей милиции по четыре экю и по осьмине соли в год. Каждый мальчик шести лет уже вносится в роспись и получает жалованье, так что вы видите тут и стариков и мальчиков, так как милицейские обязаны служить до смерти. Я проехал между этими красивыми воинами, поставленными в два ряда от моей квартиры до губернаторского дома, в моей коляске, сопровождаемой верхом подстаростой могилевским, королевским чиновником, которому с двенадцатью офицерами тамошнего гарнизона приказано было сопровождать меня до Смоленска.

Едва губернатор завидел поезд мой, как вышел ко мне навстречу и повел в комнаты. Там после нескольких приветствий, произнесенных стоя, причем переводчиком был генерал-майор Менезиус, шотландец, знаток всех ев-

ропейских языков; губернатор велел принести большие чаши с водкой, и мы пили за здоровье короля и царей. Потом мы распростились, и губернатор проводил меня на крыльцо, стоя там, пока я не сел в коляску. Мы возвратились прежним порядком, но дома я застал у себя генерала Менезиуса, которому губернатор приказал быть моим собеседником, пока я пробуду в Смоленске; я был приятно удивлен, найдя человека его достоинств в варварской стране, ибо кроме знания языков, которыми генерал владел превосходно, он был всесторонне образован, и приключения его заслуживают описания. Обозрев большую и лучшую часть Европы, он поехал в Польшу, предполагая оттуда возвратиться в Шотландию. Но в Польше он завязал интригу с женою одного литовского полковника. Муж приревновал, заметив частые посещения гостя, и велел слугам умертвить его. Полковница уведомила о том своего друга, который и успел таким образом вовремя принять меры; он вызвал мужа на дуэль, убил его, принужден был бежать и попался, сбившись с пути, в руки москвитян, воевавших тогда с Польшею. Сначала с ним обходились как с военнопленным, но когда узнали причину его бегства, то предложили либо служить в царских войсках, либо отправляться в Сибирь. Он соглашался лучше на последнее, благодаря своей склонности к путешествиям, но отец нынешних царей пожелал лично видеть его, нашел в нем приятного человека, принял его ко двору и дал ему 60 крестьян (каждый крестьянин приносит в России помещику около восьми экю в год); потом он женился на вдове некоего Марселиса⁵, который был первым основателем железных заводов в Московии, приносящих ныне царям ежегодно дохода до 100 000 экю. Не сомневаясь более в его верности, царь послал его в Рим в 1672 году сделать папе Клименту предложение относительно соединения русской и латинской церкви на некоторых условиях. Возвратясь без успеха, он был произведен в генерал-майоры, и через некоторое время царь Алексей Михайлович, незадолго до своей кончины, назначил его гувернером к своему сыну, юному принцу Петру⁶, с которым он и занимался до начала царствования Ивана⁷, когда принцесса София⁸ и князь Голицын⁹, недовольные тем, что он изъявил ревность свою к Петру, послали его в Смоленск принять участие в последнем походе, в надежде, что он там погибнет. Но такая немилость была впоследствии источником его благополучия, так как, подружившись здесь с дедом Петра со стороны матери, простым полков-

ником смоленского гарнизона, он был взят им в Москву, как только внук его сделался властителем столицы.

И тут он меня нередко дружественно принимал и угощал вместе с Нарышкиными, отцом¹⁰ и сыном¹¹. Первый министр, узнав, что я прибыл в Смоленск, главный город области этого имени, которую король польский уступил царям по трактату 1686 года, прислал указ губернатору препроводить меня обыкновенным образом в столицу, что значит двор-город, который ошибочно называем мы Москва, потому что Москва есть только имя реки, там протекающей. Мое путешествие началось 20 августа; меня сопровождали пристав, капитан и шесть солдат. Первое доказательство храбрости этих господ я увидел, проезжая через лес, простирающийся лье на двадцать, в котором совершенно нет жилья. Тут мы должны были переночевать, пустивши лошадей пастись. Ночью поднялась жестокая буря: лошади разбежались из нашего табора, как называют здесь загородку, устроенную из телег, и ушли в лес. Я просил офицера послать наших провожатых ловить лошадей, а другим велеть между тем нарубить, в пятидесяти шагах от нас, дров для разведения огня; но офицер и солдаты единогласно сказали, что они и за сто червонцев не отойдут от табора, так как лет семь тому назад некоторые из их товарищей, при подобном же случае, были именно здесь в лесу убиты. Так простояли мы до утра, пока лошади по свистку этих трусов, который они пускают в ход взамен кнута, пришли в табор сами.

Отсюда продолжали мы путешествие и прибыли наконец в предместье столицы, отделяемое от города рекою Москвою, которую здесь переходят вброд. Тут офицер оставил меня в каком-то доме и просил подождать, пока он съездит к первому министру [Василию Голицыну] и уведомит его о моем приезде. Через два часа он воротился с приказом министра перевезти меня через реку и препроводить в назначенный для меня дом. Сюда явился пристав Спафарий приветствовать меня от имени первого министра, сказать, что он определен ко мне, что, согласно здешнему обычаю, офицер и шесть солдат останутся для моего охранения и что им велено строго наблюдать, чтобы никто не приходил ко мне и не видался со мною в течение недели.

По прошествии этого срока князь Голицын приказал позвать меня в приказ — обширное здание, состоящее из четырех огромных корпусов и выстроенное князем Голицыным. В нем находится несколько палат, из которых

каждая предназначена для особого совещания. Совещания эти до вступления Голицына в министерство происходили в ригах. Я увидел министра, сидящего со многими боярами по сторонам, в конце большого стола. Он велел подать мне кресла, и, когда я сел, переводчик спросил у меня по-латыни о моих письмах. Я представил министру письма, посланные со мною к нему от литовского великого канцлера, в которых он уведомлял его, что я послан в Московию по делам его величества короля польского, вручившего мне особую грамоту к царям. Министр отвечал мне, что переговорит с царем Иваном, который один находится в столице, и надеется, что мне вскоре назначат аудиенцию. Потом, по обыкновению, спросил он меня о здоровье канцлера, не дерзая из почтения спросить о здоровье короля. После этого я встал, чтобы удалиться, министр также встал, желая мне вскоре удостоиться счастья видеть царя. Через несколько дней потом я послал из вежливости попросить у него свидания в его доме, где и приняли меня не хуже, чем при дворе какого-нибудь итальянского князя. Разговаривая со мною по-латыни о делах европейских и спрашивая моего мнения о войне, начатой против Франции императором и союзными князьями, и особенно о революции в Англии¹², министр потчевал меня всякими сортами крепких напитков и вин, в то же время говоря мне с величайшею ласковостью, что я могу и не пить их. Он обещал доставить мне аудиенцию через несколько дней и, конечно, исполнил бы свое обещание, если бы не впал в немилость, каковое обстоятельство до такой степени изменило порядок вещей, что были пущены в ход оружие и огонь, и если бы не смелое и счастливое вмешательство царя Петра, приказавшего схватить главных представителей партии царевны Софии, то разгорелся бы бунт, подобный тем, о которых мы уже упоминали.

Прошло времени недель шесть, и, будучи все еще в неведении относительно того, к кому мне отнестись, я решил написать к молодому Голицыну¹³, любимцу царя Петра, изъявляя ему мое удивление, что мне не дают никакого ответа касательно моей аудиенции и грамот, которые должен я вручить. Он извинялся, слагая вину на смятения, бывшие в последнее время, и уверил меня, что царь скоро приедет в столицу, что и случилось действительно 1 ноября. Едва услышал я об его прибытии, как послал к его любимцу просить аудиенции. При посещении его он не беседовал со мною так, как его родственник, но только угощал меня водкою и все время сви-

дания с ним прошло в питье. Я мог узнать при этом от него, этого пьяницы, только то, что аудиенцию дадут мне через три дня, после чего могу я ехать, если мне будет угодно. Но до истечения назначенного срока и этот Голицын впал в немилость, и я принужден был принять другие меры.

Должность думного дьяка, или государственного секретаря иностранных дел, была тогда временно отдана некоему Емельяну¹⁴; имя это значит по-славянски когти, или лапу, и очень кстати было ему, ибо он прежидный до корысти и загребает где только может. Хотя он был одною из креатур великого Голицына и всем своим счастьем был обязан ему, бывши первоначально простым писарем, но он первый однако ж стал чернить своего благодетеля. Оскорбившись на меня за то, что я за разрешением мне отъезда обратился не к нему, а к любимцу царя Петра — Голицыну [Борису], Емельян, как только этот Голицын впал в немилость, отказался исполнить приказание, данное ему насчет меня Голицыным от имени царя Петра, коим мне предоставлено было либо дожидаться аудиенции до крещения, либо уехать, следуя приказанию короля польского, опасавшегося за последствия этих смятений. Емельян успел извернуться перед царем, уверивши его, что меня надобно задержать на некоторое время, ибо король польский прислал будто бы меня вести переговоры с бывшим первым министром и уверить принцессу Софию и Голицына в его покровительстве. Доказательством своего мнения он приводил то, что, вопреки обыкновению, соблюдаемому в Московии, и противно обязанностям моего звания, я многократно бывал, как частный человек, у князя Голицына. Узнавши о хитростях Емельяна, я решился прибегнуть к верному средству, а именно: предложить ему под рукою сотню червонцев, и вместо того, чтобы послать к нему деньги, как уговорились с ним, я решился сам поехать к нему и заплатить ему взятку лично. Приятель мой Артамонович¹⁵, которому я рассказал о моем деле, нарочно пришел к Емельяну в то время, в которое он назначил принять меня, и я сурово объяснился с Емельяном в его присутствии, ибо я успел уже ознакомиться с характером москвитян, незнакомых с правилами вежливости. Чтобы достигнуть каких-либо результатов, с ними не должно обращаться учтиво и еще менее пускать в ход просьбы, так как такое обращение вызывает с их стороны презрение; напротив, для достижения своей цели следует говорить с ними гордо и внушительно. Я сказал,

что в лице моем нарушены все народные права; что король весьма ошибся, когда посылал меня и уверил, что ныне москвитяне уже не варвары; я сказал, что мне так тяжело быть у них, что я готов купить за деньги разрешение уехать, но, будучи посланником великого государя, соседа и союзника царского, мне остается только сообщить ему, что мне препятствуют исполнить его приказание, и, не испросив себе аудиенции, возвратиться к его двору.

Когда все это было сказано мною по-латыни и Артамонович перевел слова мои Емельяну, мы выпили несколько чарок водки и вина за царское здоровье и я простился с ним, приказавши одному из польских дворян отдать обещанные сто червонцев, присовокупляя, что они предназначаются якобы для его секретаря. Емельян не осмелился принять эти деньги, вследствие чего я повсюду восхвалял его великодушие, зная, что только этим путем я могу получить право уехать¹⁶.

Между тем Петр снова призвал ко двору Голицына [Бориса], и я поспешил посетить его и вместе с ним порадоваться его возвращению. Он сказал мне, что весьма удивляется, каким образом Емельян мог остановить мое дело, о котором уже было приказано до удаления его, Голицына, от двора, что он будет жаловаться о том царю, который считал меня уже отбывшим, и что он берет на себя доставить мне честь целовать царскую руку.

Через два дня явились ко мне два дворянина, царские спальники, что меня приятно поразило. Впрочем, эти чиновники — люди незначительные и живут небольшим жалованьем, получаемым от царя, ливров по 200 в год. После обыкновенного обряда, состоявшего в том, что они, осеняя себя несметное количество раз крестным знаменем, молились перед образом богоматери, всегда находящимся в углу каждой комнаты, они приветствовали меня от царского имени и спрашивали о моем здоровье. Я отвечивал чарками водки в большом изобилии. После чего они сказали мне, что царю угодно видеть меня, дать мне подарки, заплатить мне все издержки со времени приезда до отбытия моего и что он посылает мне свой царский обед. Я отвечал, что донесу королю обо всех почестях, каких меня удостоят, что я и исполнил в точности. Присланный ко мне царский обед состоял из огромного куска копченого мяса, в 40 фунтов весом, многих рыбных блюд, приготовленных на ореховом масле, половину свиной туши, непеченных пирогов с мясом, чесноком и шафраном и трех огромных

бутылей с водкою, вином и медом; по исчислению присланного можно понять, что обед был мне важен как почесть, а не как угощение.

На другой день известил меня один дворянин, что на завтра назначена мне аудиенция, но вместо аудиенции опять прислали сказать мне, что цари уехали на богомолье и я не могу видеть их до возвращения. Я отправился к [Борису] Голицыну и застал у него Артамоновича. Они спрашивали, как показался мне царский обед. Я отвечал, что, к несчастью, французские повара до того испортили мой вкус, что я не могу оценить русских лакомых блюд. Тут они выразили желание отведать французского стола, и я пригласил их на следующий день откусать у меня; они охотно согласились, с условием, что у меня будут только знакомые им люди, выбор которых я и предоставил им; они пригласили датского резидента и кое-кого из иностранных купцов, к которым они ходили пить с целью сберечь свое вино.

Оба гостя мои были чрезвычайно довольны моим столом, так что послали даже некоторые из блюд к своим женам и без дальних церемоний забрали с собой все сухие фрукты, уверяя, что в жизнь свою не случилось им так хорошо пообедать, но чтоб я не надеялся на такое угощение у них. Через три дня потом Артамонович пригласил меня к себе и угостил довольно прилично. Накануне начался у русских пост, а потому обед наш состоял из рыбы, доставляемой в Москву в садках с Волги и с Каспийского моря. Желая почтить меня особенно, хозяин привел свою жену, которую мне представил; я приветствовал ее на французский лад, а она выпила за мое здоровье чарку водки и предложила мне последнюю, приглашая сделать то же самое. Кажется, она единственная женщина в Московии, которая не белится и не румянится, будучи и без того довольно красива собою.

Князь Голицын хотел было также пировать с нами, но царь Петр прислал за ним поутру, и мы удовольствовались тем, что только пили за его здоровье и здоровье других и погуляли без него до полуночи. Гости были те же самые, что и у меня. Артамонович — человек молодой, но весьма умен, говорит хорошо по-латыни, любит читать, слушает с удовольствием рассказы об Европе и питает особое расположение к иностранцам. Я советовал ему учиться французскому языку, уверяя его, что, будучи только двадцати двух лет от роду, он легко может выучиться и тем удовлетворить свою страсть к чтению,

так как все лучшие, древние и новые писатели переведены на французский язык. Он сын Артамона¹⁷, литовского уроженца, а мать его была шотландка, латинскому языку выучился он у поляка, которому разрешено было ехать с его отцом в ссылку. Эта немилость постигла его при царе Федоре¹⁸, у которого Артамон был первым министром. После кончины этого государя они оба были возвращены, но Артамонович испытал новое ужасное несчастье — видел, как в глазах его был зарезан его отец вскоре по возвращении из ссылки, во время бунта Хованского¹⁹.

Цари возвратились с богомолья, но три дня прошло, и я ничего не слышал от них, почему я и послал узнать у молодого Голицына: чего должно мне еще ожидать? Он отвечал, что в совете положено отсрочить мою аудиенцию до крещения, но я волен дожидаться сей чести или ехать, ибо все готово к моему отбытию. Такая перемена чрезвычайно удивила меня, если бы я не узнал от датского комиссара, что Нарышкины считают себя оскорбленными, почему я не посетил их, и досадуют на то, почему я угощал Голицына, который опять начинал приходить в немилость у царя; потому, по их интригам с Емельяном, царь, назло Голицыну, переменял решение, на которое склонил было его в отношении меня его любимец. С радостью принял я разрешение уехать, тем более что все поручения, для которых я приехал в эту страну, были мною исполнены и меня мало занимала обещанная аудиенция, а еще менее того честь, которую думали мне оказать, показав мне царей. К тому же поступки этих варваров мне опротивели и мне было крайне неприятно быть невольным свидетелем всех смятений и раздоров, имевших там место и заставивших меня сидеть взаперти в обществе одного только моего пристава. Правда, он был человек умный и приятный собеседник и значительно сократил бы мне скуку моего одиночества, если бы был откровеннее и, как вполне понятно, не был связан страхом, препятствовавшим ему сообщить мне много любопытных данных касательно особенностей этого двора, так-таки и не дошедших до меня и, к сожалению, не попавших в мой рассказ. Через него я известил русских министров о решении моем уехать, и через два дня, т. е. 16 декабря, отправился в обратный путь с прежнему свитою и провожатыми.

20 [декабря] утром я прибыл в Смоленск, немедленно засвидетельствовал мое почтение палатину, который осыпал меня приветствиями, и отсюда продолжал путь мой

с прежними приставом, переводчиком и солдатами до Кадина, потом до Вильны и до Варшавы, куда прибыл 3 января 1690 года. Причина, почему я так скоро совершил мое путешествие, была та, что зима есть лучшее время для езды по Московии, самой низкой стране из всей Европы и потому весьма болотистой, так что иногда летом едва можно в день проехать четыре или пять лье; случается, что надобно бывает рубить лес и делать гати через болота и мосты через небольшие потоки; гати, намощенные бревешками, простираются в иных местах на 10, на 12 лье и, устроенные плохо, часто бывают непроходимы. Зимой, напротив, едете в санях, где можете спокойно лежать, как будто в постели, и вас везде мчит лошадь по гладкому снегу. Обыкновенно ездят на собственных лошадях днем и ночью, часов по 16 в сутки, легко проезжая немецкую милю в час.

Состояние Московии с 1682 до 1687 года

Царь Федор Алексеевич, сын царя Алексея Михайловича, умер на 22-м году жизни, не оставив после себя детей. Царевич Иван и царевна София были его единутробные брат и сестра. Царевич Петр, хотя младший и от другой матери, сначала наследовал ему, ибо старший брат был неспособен к правлению. Но вскоре за тем Иван был также избран, объявлен и коронован в цари происками сестры своей Софии, хотя он страдал падучею болезнью и подвергался ей ежемесячно, как и брат его Федор, от нее даже и умерший. София простирала честолюбивые замыслы на правление царством, хорошо предвидя, что может сделаться самовластною повелительницею великого государства, по причине слабоумия Ивана и малолетства Петра, коим предоставится при ней только титул царей, ей же достанется вся власть. Опасаясь, что противниками ее замыслов могут сделаться придворные и знатные люди, в частности из расчетов личного честолюбия, вообще же из нежелания видеть во главе правления женщину, София, при посредстве Хованского, которого она склонила на свою сторону, стала возбуждать стрельцов — род милиции, подобной турецким янычарам. Под предлогом мщения за смерть Федора, который был будто бы отравлен, стрельцы произвели такое кровопролитие между знатыми, что если бы София, видя бунтовщиков, зашедших слишком далеко, не вышла к ним из царских палат, то они продолжали

бы резню виновных и невинных, присваивая себе их имущество. Бояре, или сенаторы, и патриарх со своей стороны спешили остановить кровопролитие, и когда жар мятежа несколько утих, царевич Пётр Алексеевич был ими коронован царем ко всеобщей радости русских.

Петр очень красив и строен собою, и острота ума его дает большие надежды на славное царствование, если только будут руководить им умные советники. Принцесса София не очень была довольна его избранием, ибо она предпочитала видеть корону на голове Ивана Алексеевича, брата единоутробного и единокровного, который был бы царем одним, без сотоварища, причем ей по праву принадлежало бы регентство.

Честолюбие не допустило царевну скрывать долго свое неудовольствие; она публично противилась коронованию Петра, утверждая, что этим наносят оскорбление его старшему брату. Бояре и патриарх представляли ей неспособность Ивана, принца больного, слепого и наполовину парализованного. Для достижения своей цели София решилась снова возмутить стрельцов, коих всегда 18 000, разделенных на 28 полков, находятся в Москве для охранения царей. Боярин Хованский, начальник приказа этих воинов, сделавшись приверженцем Софии, посредством возмущения столь огромного числа войск, легко заставил провозгласить и короновать при Петре Ивана, и даже старшим царем, определив ему царствовать вместе с Петром. Потом тем же самым средством, так как оба царя были несовершеннолетние, София захватила правление в свои руки. Можно было после этого надеяться, что все смятения кончились и что все останется уже в совершенном спокойствии. Но тогда снова возник заговор среди милиции, составленной частью из стрельцов, частью из граждан этого города, большинство которых очень богатые купцы, охотно зачисляющиеся в ряды и считающие весьма лестным для себя числиться на службе. Для случая, когда всем надлежит быть в карауле, им выдают одежду, которую необходимо возвратить в ее первоначальном виде; в противном случае они получают столько ударов палкою, сколько на платье оказывается пятен, ибо одежды эти всегда остаются в Москве, исключая тех, которые выдаются стрельцам, следующим в походах верхом за царем; гражданам же разрешено, ежели наступает их очередь, замещать себя в таких случаях слугами. Обыкновенно, чтобы избегнуть палочных ударов, они покупают новые платья, так что последние обретаются всегда в чистом виде.

Получив известие о начале нового бунта и не зная еще причины его, но подозревая великую опасность, двор тайным образом удалился из Москвы в Троицкий монастырь, находящийся в 12 немецких милях от столицы. Через несколько дней по удалении двора милиция возмутилась снова, и отсутствие двора увеличило смятение и беспорядок. Боярин Хованский допустил стрельцов грабить и убивать всех людей противной ему партии под предлогом, будто они участвовали в погублении царя Федора. Главный врач покойного царя, обвиненный в отравлении его, был изрублен стрельцами в куски, а великий канцлер-временщик Долгорукий²⁰ и сын его были умерщвлены. Словом, буйство и свирепость были таковы, что неприятно даже об них рассказывать. София, слыша, что происходит в Москве, и полагая, что все это делается ради нее, послала благодарить Хованского за его усердие в отмщении за смерть ее брата, уверяя, что весьма ему за то обязана. Она принуждена была употребить такую хитрость, так как надобно было обольстить безумца, который был страшен с оружием в руках. Но ласковость царевны имела последствия, каких она вовсе не ожидала: Хованский подумал, что после всего сделанного им для Софии и после изъявлений ее дружбы и благодарности он может надеяться достигнуть многого, даже царского престола. Дело казалось ему весьма легким и сбыточным, так как он видел, что, допустив убийство между знатнейшим дворянством, имевшим власть и силу и следственно заступавшим ему дорогу, он получил за это похвалу и даже благодарность; потому, заключал он не без основания, милиция всегда будет ему преданною, так как он разрешил ей всякие злодейства и грабежи, и никто из подчиненных его не откажется быть слепо согласным на то, что ему угодно,— одни из благодарности, другие из надежды наживы и возвышения во время смятений. Он особенно старался распространить между стрельцами нелюбовь к царям — Ивану по причине его болезней и неспособности, Петру по его малолетству и потому, что по всем признакам он будто бы подвержен той же болезни, какую страдал брат его Федор и, следовательно, нельзя было надеяться видеть в нем государя достойного и умеющего награждать заслуги. Решившись возвыситься насколько возможно, Хованский думал, что он с большим правом и приличием достигнет своей цели, если только ему удастся вступить в родство с царским семейством, каковое обстоятельство легко скрыло бы его замыслы, придавая совершенно дру-

гое освещение исполнению их. Он предположил женить сына своего на царевне Екатерине, младшей сестре Софии. Дерзость его предложения не имела, однако, предполагаемого успеха и оскорбила двор царский. Поняв, что такой союз грозит безопасности молодых царей, София сама нашла средство предупредить событие, последствия которого могли оказаться пагубными для Российского государства; она справедливо рассудила, что честолюбие Хованского гораздо опаснее для ее власти, нежели все те люди, которые были им убиты, и потому первая порешила отделаться от него и наказать его за все те злодеяния, большая часть которых совершилась с ее согласия.

В Московии есть обычай торжественно праздновать именины в царском семействе. Принц или принцесса, чьи бывают именины, приглашают вельмож на пир и приветствуются знатнейшим дворянством. Двор назначил праздновать день св. Екатерины — день ангела принцессы, предназначенной Хованским сыну своему, — в Троицком монастыре, и София пригласила на праздник всех бояр, но особенно просила она приехать Хованского, продолжавшего свирепствовать в Москве; делая вид, что одобряет его бесчинства, она приняла между тем меры, чтобы избавиться и от этого претендента на престол. Князь В. В. Голицын, о котором будем еще иметь случай говорить, посоветовал действовать, не теряя времени, и действительно 200 конных воинов, находившихся в засаде на Троицкой дороге, схватили Хованского, свели его в ближайший дом, прочли ему и сыну его смертный приговор и отрубили им головы. Стрельцы были поражены известием о смерти их начальника, как будто громовым ударом, но едва прошло первое изумление, как они перешли в величайшую ярость, вопия, что они потеряли отца своего и хотят страшно отомстить за него губителям, кто бы они ни были. Они захватили арсенал и военные снаряды и грозили всеобщим разрушением. Двор, извещенный об опасности, грозившей государству, призвал все другие войска, всегда ненавидевшие стрельцов, и приказал немецким офицерам, бывшим в полках в большом количестве, без замедления явиться в Троицкую обитель. Все они повиновались приказу, оставив в Москве своих жен и детей, и никого из них не оставило опасение, что стрельцы могут на их семействах сорвать свою злобу за повиновение их царям. Такого рода опасения были бы и небезосновательны. Немцы обитали в предместье Москвы, называемом Кокуй, и

стрельцы порешили было направиться туда с целью сокрушить все и вся. Но благоразумнейшие из стрельцов уговорили остальных, представляя им, что мужья и отцы будут мстить за жен и детей своих, когда придут с царскими войсками, и что тогда нельзя уже будет ожидать никакой пощады и найти средства к примирению. Приняв все это в соображение, стрельцы, боясь последствий, решились пощадить предместье и, оказавшись без начальника, стали искать средства к примирению, на что двор охотно согласился, ибо, сказать правду, он только этого и желал. Дело кончилось умерщвлением нескольких стрелецких полковников и офицеров и посылкою ко двору старшин с просьбою о прощении. Они получили его без больших затруднений, и вскоре потом цари прибыли в Москву с дворянами и иностранными офицерами. Стрельцы встретили царей, кланяясь в землю и моля о помиловании. Цари сделали знак рукою, что все ими позабыто, и раскаявшиеся бунтовщики препроводили своих государей во дворец со слезами радости, видя их возвратившимися в столицу весьма милостивыми.

В тот же день князь Василий Васильевич был возведен в звание великого канцлера и временщика, или временного государственного министра, т. е. правителя государства на известное время. Этот князь Голицын, бесспорно, один из искуснейших людей, какие когда-либо были в Московии, которую он хотел поднять до уровня остальных держав. Он хорошо говорит по-латыни и весьма любит беседу с иностранцами, не заставляя их пить, да и сам он не пьет водки, а находит удовольствие только в беседе. Не уважая знатных людей, по причине их невежества, он чтит только достоинства и осыпает милостями только тех, кого считает заслуживающими их и преданными себе. Канцлер начал свое управление строгим следствием над виновными стрельцами, казнил главных зачинщиков бунта и сослал других. Из этих сосланных были составлены четыре полка и посланы: один в Белгород, находящийся на границе с Татарией, другой в Симбирск на Волге, в царстве Казанском, третий в Курск, в Украину, а четвертый в Севск, находящийся в той же самой области.

Окончивши это важное дело, князь Голицын взял себе места, которые оказались свободными вследствие гибели многих во время смут, и между прочим место начальника Иноземного приказа, т. е. управления войсками, устроенными на иностранный манер, как-то: солдатами, кавалерийскими и драгунскими полками. Управление

ние это всегда находилось у боярина-сенатора приказа Белорусского, или управления Белою Россией, в котором обыкновенно решались дела казаков и Украины. Далее он назначил Шакловитого²¹ главным судьей над стрельцами; последний достиг такого небывалого счастья, будучи простым дьяком; в настоящее время он окольниковичий — звание, ближайшее к боярину-сенатору. Своему двоюродному брату князь Голицын отдал приказ Казанский, или управление дел по Казани, Астрахани и Черкасии, а думному дьяку Емельяну Украинцеву — Малороссийский приказ, или управление городов, расположенных по Дону.

Казну, или царскую сокровищницу, он отдал окольному Толочанову, начальнику Дворцового приказа, т. е. палаты коронных доходов.

Одним словом, все управления, бывшие до сих пор в руках у бояр-сенаторов, которые в состоянии были препятствовать временщику, или временному первому министру, как они говорят, в его предприятиях, были заменены людьми простыми, так как князь Голицын желал иметь подчиненных, а не товарищей.

Такое самовластие возбудило против Голицына великую ненависть знатных людей, когда они увидели себя лишенными преимуществ и принужденными работать перед ним, чего не было при его предшественниках. Но они ничего не могли ему сделать, и Голицын повелевал всем государством так, как ему казалось лучше и выгоднее. Он заключил мир со Швецией, посланники которой, находясь тогда в Москве, были удовлетворены во всех своих требованиях. Через несколько лет по заключении договора со Швецией имперские [немцы] и Польша начали войну против Турции. Первые хотели увлечь в союз с ними москвитян, но посольство ничего не могло успеть. Польша воспользовалась этим случаем для того, чтобы предложить полный мир и склонить москвитян на свою сторону. Для этого было послано в Москву посольство, в которое вошли три коронные и три литовские чиновника; со стороны коронной — палатин познанский Гримальтовский и графы Приемский и Потоцкий, со стороны литовской — великий канцлер и его племянник Огинские и граф Сапега; последний остался в Польше за смертью брата, а пятеро товарищей его благополучно прибыли в Москву. После многих конференций, и даже получивши уже за несоглашением свою отпускную аудиенцию, послы успели поладить: поляки отказались от своих притязаний на Украи-

ву, или казацкие земли, на герцогство Смоленское и на другие области, завоеванные москвитянами, а цари обязались за то напасть на перекопских татар и препятствовать вторжениям их в Польшу. В честь соглашения сторон устроены были торжественные празднества; послов угощали, и сами цари предлагали им пить, касаясь руками чаши, которою один из знатных бояр обносил гостей, честь, никогда не выпадавшая на долю послов.

После того москвитяне отправили своих послов ко всем христианским государям, возбуждая их к союзу против турок. Боярин Борис Петрович Шереметев²² послан был в Польшу и оттуда проехал в Вену, откуда вся Европа узнает о политических договорах. Князь Яков Федорович Долгорукий²³, спальник, или чиновник царской опочивальни, послан был во Францию и в Испанию. Он происходит от одного из древнейших знатных родов московитских. Он был изумлен величием двора его христианнейшего величества и объявил по приезде, что если цари в лице его и были оскорблены во Франции, тем не менее ему понравился французский двор более, нежели испанский, хотя там принимали его гораздо лучше. Племянник его, которого оставлял он во Франции учиться французскому языку, есть единственный москвитянин, говорящий по-французски (во всей этой стране всего четверо таких, которые могут говорить по-латыни, учившись сему языку у польских наставников). Одним словом, к каждому государю в Европе были тогда отправлены послы московские. Между тем все было приготовлено к походу в 1687 году и положено вступить в Крым.

Выбор полководца длился несколько времени. Князь Голицын назначал многих на эту должность, но все говорили, что если он заключил мир и союз с Польшею, то он должен взять на себя и труды похода, чтобы доказать таким образом, что завоевание Перекопа было действительно так легко, как он представлял его себе. Голицын сделал все, что мог, чтобы отклонить от себя эту должность, так как он справедливо предполагал, что трудностей будет ему весьма много и что вся ответственность за неудачу падет на него, какие бы меры предусмотрительности и предосторожности он ни предпринял, и что ему трудно будет сохранить свою славу, если поход будет неудачен. Войско, вверяемое ему, было, правда, очень велико числом, но его составляли толпы грубых, беспорядочных крестьян, не закаленных в битвах, с которыми он не мог ни начать, ни совершить с честью ни-

какого важного военного предприятия. Бывши более великим государственным мужем, нежели полководцем, он предвидел, что отсутствие его из Москвы причинит ему более вреда, нежели принесло бы славы самое завоевание Крыма, так как оно не поставило бы его выше, звание же начальника войск решительно ничего не прибавляло к его могуществу. Он очень хорошо понимал, что люди, более всех настоявшие на вручении ему этой должности, действовали только по зависти, с намерением погубить его, хотя по внешности казалось, что титулом генералиссимуса ему оказывали великий почет.

Вельможи, утвердившие назначение Голицына, были именно те, которые не соглашались на союз с Польшею, так как они очень хорошо понимали, как трудно будет вторжение в Крым, и старались удалить Голицына из Москвы, потому что в отсутствие его надеялись ослабить его уже слишком большую власть. Большинство голосов Голицына назначен был полководцем, к его великому неудовольствию, и он должен был принять на себя честь руководить походом. Подробности последнего были следующие.

Поход москвитян на Крым с 1687 по 1689 год

После многих и зрелых прений в военном совете определили послать многочисленное войско в малую Татарию и выбрали князя Голицына большим воеводою, или генералиссимусом; боярина Алексея Семеновича Шейна²⁴, воеводу новгородского, — генералом казанских войск; думного дворянина Ивана Юрьевича Левонтьева — воеводою ертаульным, т. е. генералом небольшого числа казаков и других легковооруженных войск, которые всегда идут впереди армии и которые, собственно говоря, могут быть названы пропащими головами. Окольный Леонтий Романович Неплюев, воевода севский, назначен начальником севских войск, а князь Михаил Андреевич Голицын, воевода белгородский, — белгородских войск. Он был двоюродный брат великому Голицыну и так любил иностранцев, что когда отправился во вверенную ему область, то взял многих с собою, и между прочим француза, который обучал его французскому языку. Когда все войска Белой Руси были снабжены начальниками, а казаки гетманом, то приступлено было к совещаниям относительно военных припасов, провианта и средств к их доставке. Все подданные царей должны

были заплатить по рублю со двора, а так как цена рубля равняется пяти французским ливрам, то можно себе представить, какая большая сумма была тогда собрана.

Князь Голицын испросил, чтобы сын его был определен товарищем его по должности канцлера, и согласие царевны было новым знаком уважения ее к нему.

Общее место сбора войск назначено было в Украине, земле казаков, независимых от гетмана и управляемых своими полковниками. Войска московские собрались в Артеке, новгородские — в Оске, казанские — в Руплоске, севские — в Красном Куту, а белгородские, которые должны были находиться на границах, — в Белгороде²⁵. Гетман собрал свои войска в Гадяче, и так как всем отрядам велено было явиться на сборные места к 1 марта, то всю зиму 1686 года продолжалось движение войск; 1 мая отряды соединились и составили ополчение в 300 000 пехоты и 100 000 конницы, образовав лагерь за рекою Мерло. Через несколько дней вслед за тем начался поход на Полтаву — город, принадлежащий гетману.

Дойдя до Скарсина [?] на реке Авите [?], ожидали некоторое время образа богоматери, который легковерным москвитянам казался чудотворным и о котором один инок передал начальникам войска свое видение, возвестившее ему, что без помощи сего образа поход на Крым будет безуспешен и что необходимо привезти образ в армию. Снисходительность начальников и суеверие солдат, которому москвитяне преданы более всех других народов, совершенно напрасно задержали дальнейшее движение армии в течение двух недель. Встретив с должными обрядностями чудотворную икону, продолжали поход. 15 июня достигли реки Самары, которая, как и все вышеупомянутые реки, впадает в Днепр. Тут устроили мосты, по которым и перешла вся армия. 20 июня оставили Самару, имея Днепр направо, и остановились на Татарке, от Татарки шли до реки Московки, потом до Каменки, Конских Вод и Карачакрака. Отсюда войско не могло идти далее по причине засухи, которая была так велика, что, по собранным известиям, все поля и луга выгорели на 50 миль кругом, и невозможно было никоим образом достать фуража. Изумленный таким неожиданным событием, главнокомандующий переменил намерение и, вместо нападения со своим полумиллионным войском на хана, решился на поспешное отступление. Он обратился к Карачакраку и остановился на берегу Днепра, чтобы собрать фураж, сохраненный от огня и засухи разливом этой реки, и чтобы облегчить себе

возвращение. Справедливо можно было предположить, что татары нападут на войско, которое хотя и сильно было само по себе, но чрезвычайно затруднялось огромным обозом. Я слышал от немецкого офицера, что обоз москвитян состоял из миллиона лошадей, что хотя покажется невероятно, но тем не менее очень правдоподобно, так как польская армия в 24 000 человек, посланная в 1686 году к Черному морю, вела за собою около 45 000 телег. Понятно, что множество людей и лошадей должно было погибнуть у москвитян вследствие сильной жары и недостатка фуража. Многие умерли или сделались неспособными к битвам от кровавого поноса, недостатка пищи и худого качества ее, так как по причине поста, справляемого в августе, солдаты московские принуждены были питаться соленою, полусгнившею рыбою.

Отряд из 30 000 человек, под начальством Леонтия Романовича Неплюева, начальника севских войск, отправлен был к Запорожью, с целью заставить татар думать, что кроме этого отряда другого войска не было. Сын гетмана Ивана Самойловича²⁶ был также послан с отрядом казаков. Остаток армии перешел к реке Самаре, где Голицын, осмотрев местоположение, решился построить город, дабы держать из него в повиновении казаков и стеречь татар, хотя последние и вторгаются в Московию с разных сторон. В следующем году этот город был уже готов, как расскажу я впоследствии.

От реки Самары войско двинулось к реке Мерло, где ожидали повелений из Москвы о том, должно ли распустить войско. Здесь Голицын, чтобы отстранить при дворе нареkanie о малом успехе похода, решился свалить всю вину в неудаче на гетмана Ивана Самойловича. Хотя гетман был весьма силен, начальствуя всею Украйною, которая возмутилась некогда в царствование Владислава²⁷ против Польши, и хотя он всегда мог выставить в поле 100 000 своего казацкого войска, но Голицын, имея на своей стороне царевну, решился погубить его. Он писал ко двору, обвиняя гетмана и утверждая, что он был причиною всего происшедшего в походе; вместе с тем он просил позволения низложить его и избрать на его место другого. Когда приказ об этом был получен, Голицын приказал немедленно тем самым стрельцам, которые были, по желанию гетмана, приставлены к нему для охранения его, ибо он не доверял казакам, захватить его в полночь. Ивана Самойловича привели, связанного веревками, на то место, где находилось московское войско и которое всегда учреждается в рус-

ских армиях при главной квартире и называется шатер, т. е. палатка правосудия. Туда утром созвал Голицын всех своих офицеров и дворян. Генералы-бояре заняли свои места, и гетман был представлен перед ними. Прежде всего прочитан был царский указ. Затем гетмана свели с главными казаками, которые, будучи подкуплены, стали обвинять его в сношениях с ханом и в приказании тайно жечь траву на степях. Бедный казацкий начальник увидел судьбу свою мгновенно совершенно переменяющуюся; вместо вельможного, т. е. «всемогущего», он слышал название «скурвый сын», и раболопные дотоле подчиненные ему казаки забыли всякое уважение. Один из их полковников, по имени Димитруки [Дмитрашка Райча], обнажил даже саблю и хотел убить его. Но Голицын остановил кровопролитие, сказав, что гетман приведен был для того, чтобы судить его по форме, а не для убийства. По окончании этого военного суда гетман задержан был под крепкою стражею, и к Леонтию Романовичу Неплюеву послан был курьер с приказанием захватить гетманова сына, который был отделен от своего отца. Несколько верных казаков постарались предупредить этот приказ, желая спасти несчастного. Неплюеву нелегко было после этого достать гетманского сына, который удалился от него со своими войсками как можно дальше. Хотя главные казаки соглашались с полученным приказом и готовы были выдать своего начальника, точно так же как и компанейщики, или конные казаки, но сердюки, или казацкая пехота, окружили его палатку и не позволяли взять своего начальника; наконец их уговорили, и с общего согласия сын гетмана был отдан в руки Неплюева, который гордился своею добычею, радуясь, что может, благодаря этому, восстановить к себе доверие, потерянное после неудачной схватки с Нурадином-султаном у Камистана на Днепре. С торжеством отправился он со своим пленником в главную армию.

Доставши в свои руки сына гетманского, бояре-генералы рассуждали о том, как разжаловать отца и как избрать на место его нового гетмана. Самойлович был послан в Сибирь, а казаки, созданные для выборов, избрали Мазепу²⁸, писаря, или своего государственного секретаря, и с радостью провозгласили его гетманом. Этот князь некрасив собою, но человек весьма сведущий и говорит по-латыни превосходно. Он родом казак и был пажем у короля Казимира²⁹, а затем офицером в его гвардии и поэтому очень привязан к полякам.

Князь Голицын одобрил выбор казаков, но бóльшая

часть их, которую не призывали на выбор, изъявила несогласие. Некоторые казацкие города возмутились, и дома некоторых полковников были разграблены в их отсутствие. Новый гетман, желая прекратить беспорядки, просил войска у Голицына, который и дал ему 3000 человек из смоленских полков и 1000 конных, для того чтобы они проводили его до Батурина — обычной резиденции гетмана.

Приказ распустить войско получен был вскоре после этого с грамотою их царских величеств, которая прочитана была перед всеми офицерами и им особенно была приятна, ибо они слышали в ней похвалы за свою службу. Каждый генерал получил золотую медаль с изображением обоих царей с одной и царевны с другой стороны для ношения на золотой цепи, из которых каждую с медалью ценили в десять червонцев; каждый полковник получил по медали, но без цепи, ценою в червонец; каждый подполковник и майор — медали в полчервонца и каждый солдат и стрелец — золотую копейку в 25 су ценою (серебряная московская копейка стоит один су). Посредством этих наград, испрошенных Голицыным у царей или, лучше сказать, у царевны в пользу армии, он надеялся укротить ропот, начавшийся против него в войсках, в чем и успел совершенно. Он возвратил также себе и привязанность главнейших знатных, отдавши им разные должности и заплативши им издержки похода, так что когда он прибыл в Москву, то уже никто не восставал против него. Царевною он встречен был со всеми знаками милости и принял вновь правление делами государства с бóльшим против прежнего самовластием.

Первое предложение, сделанное Голицыным в совете, было относительно пользы, которую должна принести постройка города на берегу реки Самары, где могли быть собраны запасы всякого рода. Предложение было одобрено, и окольныйчий Леонтий Романович Неплюев был отряжен с 30 000 человек с приказом построить город. Гетман со своими войсками должен был следовать за ним, а план крепости составил голландский инженер полковник Вазаль. Посланные войска собрались в Ниске [Рыльск?] и в последний день мая были на Самаре. В один месяц город был кончен, так как он состоит только из ретраншемента, который может останавливать набеги татар и покушения казаков; его называли Новобогородицк, т. е. город Богоматери. Оставив в нем гарнизон, остальное войско воротилось; окольныйчий за свое старание и труды получил чин боярина. В походе

1689 года на опыте узнали, как полезен был этот город, место снабжения войск всеми необходимыми предметами из его магазинов.

Поход москвитян на Крым 1689 года

Князь Голицын, видя, что партия царя Петра ежедневно усиливается, и опасаясь, что могущество ее увеличится еще более в его отсутствие, всеми средствами старался передать начальство над войсками в другие руки. Убедясь, однако, что ему весьма трудно исполнить свое желание, он сам, добровольно, не без задней мысли, предложил себя опять в полководцы, справедливо рассуждая, что для него почетнее будет принять добровольно то, что, как он ясно видел, ему навяжут и против его желаний. Он принял всевозможные меры, чтобы второй поход был успешнее первого. Будучи более великим политиком, нежели полководцем, и легко получив все, чего он требовал, он решил, что войско выступит в поход ранее прежнего. Часть неудачи первого похода необходимо было приписать медленности воинских движений, а потому всем войскам приказано было собраться на назначенном месте к 1 февраля. Приказ исполнен был в такой точности; что войска начали сходитья со всех сторон в декабре, исключая Сибири, откуда совершенно не вытребовано было войско вследствие войны, которую необходимо было вести против обитавших по соседству с Сибирью жителей Великой Татарии. Приготовления были гораздо значительнее, нежели в первом походе, но налог на народ не превосходил прежнего, ибо взимаемо было, как обыкновенно, по рублю со двора. Московские войска собрались в Сумах, новгородские — в Рыльске, казанские — в Богодухове, белгородские — в Каменке, а севские — в Калантаре. Все отряды находились под начальством прежних полководцев, исключая белгородского, который передан был Борису Петровичу Шереметеву по причине смерти князя Михаила Андреевича Голицына. Отряды оставались недолго по своим квартирам, так как князь Голицын приказал выступить прежде, чем растает лед на реке Мерло, что было весьма благоразумно, ибо многие реки, лежавшие на их пути, вскрываясь, сильно разливаются при наступлении половодья. Пехота стала лагерем на другом берегу реки, при входе в лес, а конница разместилась по прибрежным городам. Переждавши оттепель, Голицын 1 апреля поставил свой ша-

тер на другом берегу реки, то же самое сделали генералы, и 6 апреля москвитяне двинулись к Самаре, где все их полки и соединились. Гетман Мазепа также прибыл туда. 13-го все войска перешли за реку и без замедления направились к Перекопу, которого достигли через месяц. Обоз препятствовал делать большие переходы, так как каждый солдат имел с собою запас на четыре месяца, кроме розданного в Самаре и степи, по которой проходило войско; громадное скопление запасов значительно замедляло движение, также и артиллерия, состоявшая из 700 пушек и множества мортир. Наконец армия достигла Карачакрака, где и стала лагерем. Лошади были пущены на пастбище, так как трава была еще слишком низка и косить ее было невозможно, солдаты же спокойно отдыхали до полуночи, когда все вдруг были испуганы сильным шумом, казавшимся, при ржании лошадей и воплях людей, ужасным. Предполагали уже внезапное нападение татар, но оказалось, что смятение это причинили вырвавшиеся и бегавшие по лагерю лошади. На другой день увидали, что около 6000 лошадей из московского отряда убежали в степь, хотя им и были связаны ноги. Вследствие оказалось необходимым дать каждому время на поимку его лошади, большая часть которых и приведена была обратно в лагерь. На другой день войско двинулось и через несколько дней достигло берега Днепра, известного под именем Каирки. Здесь москвитяне захватили несколько татар, от которых и узнали, что хана нет в Перекопе, что он в Буджаке и что он никак не подозревает, чтобы против него направлена была такая страшная армия, а, напротив, сказывали ему, что хотя войско и находится в пути, но оно займется строением крепостей, как делали москвитяне в прошлом году; далее они сообщили, что они посланы султаном-калгой для разведок. От Каирки перешли к Каирке-Мешезне, где Голицын приказал положить на каждую телегу фашиннику, по четыре кола и взять воды, так как далее нельзя было найти уже лесу. Здесь войско, оставивши берега Днепра, направилось на юг, прямо на Перекоп, и шло два дня по безводной степи. 13 мая высланные рано утром передовые известили, что приближается неприятель. Москвитяне приготовились встретить его в порядке. Обоз, прикрытый пехотою и артиллериею, расположен был на правом фланге, кавалерия же и дворянство находились на левом фланге каждого отряда. Московские войска, предводимые Голицыным, были в середине; новгородские направо, гетман налево, а еще левее его нахо-

дились Шереметев и Долгорукий; отряд Неплюева составлял арьергард. Татары напали на авангард Шеина; а от него, после небольшой стычки, внезапно свернули справа налево и напали на отряд Шереметева, который, будучи самым малочисленным, был смят и обращен в бегство. Конница смешалась; неприятель ворвался в обоз, который и был уже почти захвачен, но Голицын послал Шереметеву помощь, и татары принуждены были удалиться, оставя москвитянам свободный проход до Черной долины, где войско стало лагерем, чтобы заpastись здесь водою, так как это место болотистое и, находясь всего в 5 лье от Перекопа, является также лучшим пастбищем всей местности. Небольшой отряд татар с султаном-калгой приблизился для рекогносцировки, желая узнать силу и недостатки войска; он захватил нескольких пленных, от которых и выведал все, что необходимо было узнать. Пленных отвезли к хану, который в трех милях отсюда стоял лагерем, на Каланчаке, небольшой речке в двух милях от Перекопа, берущей начало в степях и впадающей в Азовское или Черное море. Едва только услышал хан, что москвитяне идут на Крым, он явился из Буджака с 4000 конницы для защиты своих владений. На Каланчак он пришел только за два дня до москвитян, перешедши Днепр под Аслан-Керменем, городом, лежащим на этой реке и принадлежащим туркам. 16 мая армия москвитян двинулась и перешла к Зеленой долине, в одной миле от Черной долины. Здесь хан встретил москвитян со всеми своими силами, которые он успел собрать и которые простирались до 30 000—40 000 конницы, двигавшейся во множестве небольших отрядов. Москвитяне незаметно были окружены татарами и принуждены остановиться.

Оба воинства наблюдали друг за другом, не предпринимая ничего, хотя и казалось, что москвитяне были за нападение. Но они были рады выжидать, находясь в безопасности за крепкими палисадами, привезенными на телегах. Пехота и артиллерия так хорошо защитили свой лагерь, что татары не могли в него ворваться. Конница же не была защищена палисадом, что и побудило три или четыре отряда татар, в 1000 лошадей каждый, напасть на нее. Но татары принуждены были отступить в беспорядке, так как большую помощь оказал коннице обоз, из-за которого москвитяне поражали татар из пушек и ружей; они положили на месте 300 или 400 неприятелей, хотя при этом поразили и многих своих соотечественников. В то же время с другой стороны султан

Нурадин напал со своим отрядом на казаков Сумского и Ахтырского полков, бывших под начальством Емельяна Украинцева, думного дьяка, или государственного секретаря. Он, очень плохо зная военное дело и как настоящий москвитянин, до того испугался, что не устоял против татар. Они ворвались в обоз, перерезали лошадей, трупы которых мешали затем отряду спастись бегством, разгромили возы, прошли даже в середину лагеря и увлекли с собою 20 пушек, вполне снаряженных и готовых к делу. Одним словом, если бы боярин Долгорукий не выдвинулся со своим отрядом, казаки были бы решительно разбиты. На Шереметева напал в то же время другой отряд татар, который и пробился было до обоза; но он сам сумел защититься лучше Емельяна и принудил татар к отступлению, выказав здесь отличную храбрость, так как он человек с великими достоинствами, но только смертельный враг Голицына, который был бы рад, если бы Шереметев потерпел поражение и погиб бы, что, действительно, и могло случиться, если бы к нему не подоспела быстрая помощь. Когда таким образом татары были отбиты, успевши, однако же, ограбить обоз и захватить добычу, армия двинулась вперед с целью достигнуть местности, в которой можно было бы получить воду. На другой день она двинулась к Каланчаку, и так как найдено было неудобным вести конницу отдельно от обоза, то велено было соединить ее с последним, и все разделенное до сих пор войско соединилось в один отряд, имевший более 200 000 возов, которые составили каре; обоз же прикрыт был артиллериею и пехотою, которая несла на плечах палисады для того, чтобы быть более подготовленною к устройству, в случае нужды, ретраншемента. В это время, как москвитяне двигались в таком порядке, татары явились было опять, но, осмотревши армию со всех сторон и видя, что конница, которую они полагали найти отделенною, присоединена к обозу, они удовольствовались тем, что держали москвитян в страхе; затем они удалились, чтобы позаботиться о защите Перекопа, который, как они полагали, должен был подвергнуться нападению этого многочисленного неприятеля. В этот день москвитяне стали на Каланчаке и на другой перешли вброд эту реку. Не встретив здесь татар, они ободрились, и некоторые из них, оставя обоз, взошли на холм, с вершины которого Перекоп казался им объятым дымом и пламенем, так как татары сами зажгли предместье города Ор, боясь, что москвитяне завладеют им. 16 мая войско двинулось далее, по

направлению к Перекопу, и остановилось на расстоянии пушечного выстрела, имея направо Черное море, налево же степи. Татары не стреляли в москвитян из города, так как за большим расстоянием не могли причинить им вреда, но беспрестанно палили с башни, стоявшей на берегу Черного моря. Когда москвитяне подошли к Перекопу, было 10 или 11 часов утра, и все надеялись, что ночью будет предпринят штурм на Перекоп или его валы, но вечером, когда офицеры ожидали приказаний, все изумлены были, услышав, что на другой день положено отступать. Отступление москвитян было столь неожиданно, что надобно рассказать о причицах его.

Когда московское войско стало близко к городу, ногайцы и калмыцкие татары, подданные московского царя, бывшие разведчиками, часто выезжали на бой с перекопцами. Один из ногайцев, служивший хану, увидел нечаянно знакомого ему москвитянина и закричал ему издали на своем языке: «Из-за чего мы боремся? Почему не скажешь ты своему боярину, чтобы он помирился с ханом?» Москвитянин отвечал, что если бы боярин был уверен в желании хана заключить мир, то и он, вероятно, изъявил бы согласие, но что если хан действительно желает мириться, то он может послать от себя кого-либо, чтобы переговорить об этом. «Хорошо,— сказал перекопский ногаец,— ступай же к своему боярину, или генералу, и уверь его, что если он желает мира, то хан согласится на него». Московский ногаец явился к Голицыну, рассказал все, что слышал от татарина, и нашел генерала расположенным вступить в переговоры и воротиться без пролития крови. Голицын приказал написать письмо от имени московского ногайца к его знакомцу приблизительно в таких выражениях: «Я донес боярину Голицыну о том, что мы с тобою говорили, и он очень рад идти на примирение, почему пусть пришлют к нему кого-либо, кто изложил бы доводы и требования хана». Письмо было передано первому показавшемуся из Перекопа татарину и принесено хану, который был в раздумье и советовался в то время со своими мурзами, как им избавиться от страшного неприятеля. Прочитавши письмо, хан послал спросить у Голицына, с согласия ли его оно писано, и, получив утвердительный ответ, отправил мурзу Сулешева, москвитяне же прислали заложником одного дворянина, Змиева. После этого начали договариваться, причем москвитяне поставили пять следующих условий: татары должны отдать всех русских пленников, прекратить нападения на царские области; отказаться

от 80 000 экю дани, ежегодно платимой москвитянами, не нападать на Польшу и не помогать туркам. Мурза, прекрасно понимая, что такому огромному войску невозможно долго оставаться без фуража и воды, желал лишь продлить переговоры и дал поэтому некоторую надежду на соглашение. На следующий же день он сказал, что хан требует тех же условий, на которых им заключен был мир с царем, что он не только настаивает на платеже ежегодной дани, но требует непременно уплаты 240 000 экю, не заплаченных ему за последние три года. Князь Голицын не мог согласиться на такие условия; находя невозможным стоять дальше лагерем на песчаной, безводной степи, он решил отступить. Боясь преследований, он взял с собою мурзу до Каланчака; оттуда послал его в Перекоп и получил своего заложника. Вот краткий очерк событий крымского похода.

После этого русское войско шло три недели до Самары, где, оставив тяжелый обоз свой, перешло реку и через шесть дней достигло реки Мерло. Голицын послал между тем курьеров к царям и к польскому королю, хвастая, что он разбил татар и прогнал их в их земли. Царевна, получив сии известия, приказала торжествовать победы по всему государству и, согласно обычаю, послала окольного с хвалебною грамотою войску и с червонцами для наград. В заключение прислан был указ распустить войско, и только боярин Волынский, воевода новобогородицкий, оставлен был на Самаре с 5 или 6 тысячами человек.

Таков был успех двух походов москвитян в Крым, которые не только не принесли им никакой пользы или славы, но, напротив, причинили, насколько можно судить, величайший вред государству тем, что вскоре после возвращения последовало падение их полководца Голицына. Все рассказанное здесь я слышал от посланников польского короля, бывших при московском дворе и находившихся при войске московском во всех походах со времени кончины царя Федора до настоящего времени. Теперь мне остается рассказать подробности событий, которых я был очевидцем, так как я имел смелость нередко ходить передетым по городу и посещать даже Троицкий монастырь.

Повествование о смятениях

Князь Голицын по возвращении в Москву нашел дела в совершенно ином положении. Враги его, узнав истину о его походе, сделали его ненавистным царю Петру. Он

отказал Голицыну в аудиенции, и только посредничество царевны сделало то, что царь допустил его к целованию руки. Но он осыпал его горькими укоризнами и не хотел слышать его оправданий. Затем Голицына оставили на несколько дней в покое, но щедрость царевны в наградах вызвала новое следствие. Она желала раздать боярам значительные богатства, чтобы таким образом признать их заслуги государству, но царь воспротивился этому и хотел прежде всего исследовать их заслуги, чтобы сообразно с ними назначить награды. Царевна, желая настоять на своем, упорными просьбами склонила царя на исполнение ее желаний. Она пожаловала Голицыну 1500 крестьянских дворов в различных местах; другим боярам — начальникам отрядов — дано было по 300 дворов, остальным главным офицерам — соразмерно чину каждого; вообще всем дворянам, бывшим в походе, даны были награды с целью привлечь всех на сторону царевны. Подобные награды никогда до сего времени не были в обычае у москвитян, и цари довольствовались всегда тем, что давали царский кафтан тому, кого хотели почтить.

Голицын продолжал управлять со своим прежним, обычным самовластием и, поддерживаемый царевною, решился на смелое предприятие. За все время, что гетманы считались подвластными царю московскому, они никогда не являлись в Москву. Голицын же, — под предлогом награждения гетмана честью быть представленным царям, на самом же деле совсем с другими намерениями, — приказал Мазепе прибыть в Москву с 500 главных его офицеров. Во время пребывания гетмана в Москве я не мог добиться у москвитян позволения видеть его, и потому несколько раз, ночью, я, переодетый, навещал его, сопровождая немца, царского лекаря, ходившего к нему, чтобы уверить его в покровительстве польского короля. Царь Петр находился в одном из своих увеселительных дворцов, называемом Преображенское и расположенном на берегу реки Яузы, на расстоянии менее мили от Москвы, когда царевна София и Голицын составили заговор, о котором мы здесь и расскажем подробнее. Царевна, предвидя, что со временем, рано или поздно, Петр сделается камнем преткновения для ее власти и опасным препятствием ее властолюбию, если она заблаговременно не предупредит опасности, очень раскаивалась, что послушалась прежде мудрых и умеренных советов Голицына. Она видела, какого труда ей стоило испросить аудиенцию для своего любимца, и притом еще столь неприятную, и была очень обижена этим, как и теми упреками, которые Го-

лицыну пришлось выслушать. И хотя ей удалось затем уговорить царя разрешить ей раздачу щедрых наград по ее желанию, но она не могла забыть, как дорого все это ей стоило и какое сопротивление ей пришлось при этом преодолеть; и ко всему этому она была более чувствительна, чем кто-либо другой, так как она до сих пор в течение нескольких лет управляла государством безотчетно, как только ей было угодно. Она совершенно справедливо предвидела, что в будущем ей нельзя уже надеяться на то же, что лучшее, что могло ее ожидать, было постепенная потеря власти, по мере того как власть брата постепенно возрастала бы. В этом она справедливо видела и причину того, что брат не окончательно воспротивился ее желаниям. Но она понимала, что со временем всякие снисхождения относительно ее уступят место оскорблениям со стороны приверженцев ее брата, в то время как ее сторонники будут уничтожены, и что сама она, после многократных неприятностей, будет вынуждена отказаться от всяких притязаний и укрыться в свой монастырь.

Все эти соображения побудили царевну, честолюбивую и смелую более, нежели можно было ожидать от женщины, решиться на все, чтобы удержаться на той ступени величия, на которой она находилась и к которой она всегда стремилась. Во время своего правления она делала что только могла, чтобы привлечь к себе много сторонников; эту же целью объясняются и раздававшиеся ею щедро, под предлогом вознаграждения за оказанные государству услуги, награды, так как она понимала, что эти дары окажут большее впечатление на тех, кто их получал, чем почесть, которую мог им оказать царь, раздавая им, по примеру его предшественников, кафтаны. Она внушила Голицыну опасение, что общие враги их не удовлетворятся постепенным умалением ее власти, но пойдут далее; что они захотят заключить ее, против ее воли, в монастырь, что, разумеется, неизбежно повлечет за собою и его падение и гибель всех его родных и друзей. Голицын должен был убедиться ее доводами, и хотя он был осторожен и умен и по природе не терпел никаких насилий, но не мог противиться намерениям царевны. Он желал только, прежде нежели приступить к делу, послать старшего своего сына в качестве посла в Польшу с большею частью своих сокровищ, чтобы сберечь себе, таким образом, пристанище при наступлении бурь [...]. Но нетерпеливость царевны, которая доказывала Голицыну, что не следует терять ни минуты времени и что это было бы

излишнюю предосторожностью, так как в успехе сомневаться невозможно, одержала верх. После всех с давнего времени принятых ею мер она решилась на последнее средство и исполнителем своего замысла избрала Федора Шакловитого, начальника Стрелецкого приказа, который, благодаря поддержке царевны, из ничтожного писца стал окольным, или меченосцем,— звание, следующее непосредственно за званием боярина-сенатора. Шакловитый, обещав в точности исполнить волю царевны, собрал в замке Кремль, обычной резиденции царя и патриарха, в котором находятся все государственные приказы, 600 надежных стрельцов под начальством полковника Рязанцева и, став во главе их, приказал им следовать за ним в Преображенское. Но в то время как он отдавал этот приказ, двое из бывших в Кремле стрельцов, мучимые угрызением совести, решились не обогреть рук кровью своего государя и, скрывшись, дали знать обо всем царю Петру. Изумленный до крайности, он вскочил с постели и тотчас послал за своими дядями, братьями матери, и впопыхах советовался с ними о том, что следует предпринять. Решено было послать в город, чтобы удостовериться в истине происшествия. Один из царских дядей и князь Борис отправились с этим поручением; на пути они встретили Шакловитого, едущего со стрельцами, скрылись от них в сторону и поспешили затем обратно спасать царя. Бедный Петр едва имел время сесть в коляску с матерью, супругою, сестрою и, сопровождаемый немногими верными слугами, поскакал в Троицкий монастырь. Заговорщики, приехав, начали искать царя, но стрельцы, бывшие на страже у царя, не знавшие ни о чем и удивленные лишь бегством его, рассказали своему начальнику, или судье, что его величество поспешил уехать с величайшею поспешностью.

Упустив из рук свою жертву, Шакловитый возвратился поутру к царевне, которую нашел не менее опечаленною, нежели он сам, неудачею этого предприятия. Бегство это вызвало большое изумление среди жителей Москвы, и никто не мог угадать причины его. Но к вечеру стало известно, что царь Петр прислал к царевне, упрекая ее в злодействе, а она совершенно отеклась от всего, уверяя, что произошла ошибка, что за заговорщиков приняли стрельцов, которые приезжали сменять караулы, и что ее жестоко оскорбляют, считая ее способною на такое отвратительное дело, как убийство родного брата. Объяснение всего происшедшего прибытием стрельцов для смены караулов показалось всем слишком недостаточным,

так как смена производилась всегда днем, а стрельцы приезжали в Преображенское ночью. Но как бы то ни было, царь Петр, достигнув благополучно Троицкого монастыря, написал ко всем боярам, чтобы они без замедления явились к нему туда. Он написал также ко всему дворянству и послал приказы во все города держать милицию наготове для поддержки его. Когда все государство узнало таким образом о заговоре Шакловитого, к царю стали стекаться люди из разных концов государства, и менее нежели в неделю собралось в Троицкий монастырь множество дворянства. Немедленно послал царь указ Голицыну явиться к нему, но Голицын уклонился под предлогом, что его не отпускает царь Иван.

Царевна делала между тем все, что только было возможно, чтобы иметь на своей стороне стрельцов, на которых Петр рассчитывал. Она созвала к себе их пятисотников и десятников, которые в подобных случаях могли иметь на умы солдат более влияния, нежели полковники и другие офицеры. Расставив их у лестницы, она после обедни вышла к ним с царем Иваном, и, остановясь на верхней ступени, царь сказал им следующее: «Брат мой удалился в Троицкий монастырь по неизвестным мне причинам; нет сомнения, что он хочет нарушить спокойствие государства, и я сам слышал, как говорили, что он приказал вам явиться к нему, но мы запрещаем вам под страхом смертной казни повиноваться его приказаниям, чтобы избегнуть всех печальных последствий, могущих вследствие этого произойти».

Царевна подтвердила приказ Ивана, стрельцы тем не менее придали ему очень мало значения; они отправились в Троицкий монастырь и уверили царя Петра в своей преданности. Видя их поступок и зная, кроме того, что большая часть бояр также присоединилась к Петру, царевна решилась примириться с ним, для чего и отправила к нему двух своих теток, сестер отца, царевну Анну Михайловну и сестру свою Марфу Алексеевну³⁰.

Прежде чем идти дальше, необходимо сказать, что факт управления государством царевною Софиею возбудил и в других принцессах царской крови сильное желание оставить, подобно ей, свои монастыри и перейти, как она, в царский дворец. С этим она и должна была мириться во время своего правления из опасения, чтобы те доводы, на которые она могла бы ссылаться, отказывая им, не были бы обращены против нее самой и чтобы она не вынуждена была в таком случае своими противниками к возвращению в свой монастырь.

Кроме трех вышеназванных принцесс Авдотья, или Доротея, Екатерина, Софья, Мария, Феодосия, или Феодора, были родные сестры по отцу и матери царя Ивана Алексеевича; мать их была из рода Милославских. Царь Петр и царица Наталья были от второго брака Алексея с девицею из рода Нарышкиных. Супруга царя Ивана была из рода Салтыковых, имя ее Марфа; все ошиблись, полагая, что она родит сына, так как она родила дочь. Царь Петр женился на девице из дома Лопухиных по имени Марфия, или Марфа³¹. Она так испугалась, бывши принуждена следовать за супругом своим в его ночном побеге; почти полунагая, чтобы спастись от смерти (что неизбежно и случилось бы, если бы не предостерег младший Голицын), что выкинула через несколько дней после этого. Но взамен того она родила сына в прошедшем феврале месяце, и рождение этого царевича нанесло последний решительный удар партии царицы Софии. Возвращаемся к нашему рассказу.

Итак, две тетки царицы Софии и сестра ее отправились в Троицкий монастырь с целью примирить племянника с племянницею. Придя в то место, где укрылся Петр, они просили его не верить слухам, заставившим его бежать; уверяли его, что тут вышло какое-то недоразумение, которое употребляют во зло, стараясь поссорить его с сестрою, и что он может возвратиться в Москву совершенно спокойно и безопасно. Царь Петр отвечал царице, что совсем не пустой испуг заставил его бежать и что действительно составлен был заговор умертвить его мать, его супругу, его дядей и его самого. При этом он рассказал им такие подробности заговора, что тетки не могли более спорить. С ужасом и плачем говорили они, что не участвуют в таком страшном заговоре, и клялись, что не возвратятся в таком случае в Москву, но хотят жить и умереть вместе с ним.

Узнав о плохом успехе переговоров теток своих с царем и недоумевая, что оставалось ей теперь предпринять, царица София обратилась к патриарху и, объяснив ему свое горе, сумела так подействовать на него, что добрый человек предложил ей свое посредничество. В тот же день поехал он к царю, рассказал ему о причине своего приезда и говорил все, что только мог придумать для примирения всего царского семейства. Но он был весьма изумлен, когда ему сказали, что заговор распространяется и на него, ибо в нем участвует Лигомед, или игумен Сильвестр³², который, в случае удачи заговора, будет патриархом. Такие известия очень встревожили патриар-

ха, и он почел за лучшее остаться в Троицком монастыре, пока дело объяснится и все успокоится, издав между тем повеление захватить всех изменников.

В ббльшем против прежнего затруднении царевна собрала всех своих приверженцев и советовалась с ними, что ей делать. Решено было, что окольников Шакловитого скроют во дворце, а игумену Сильвестру дадут возможность спастись.

Сама же царевна с Голицыным и другими друзьями своими отправилась в Троицкий монастырь, чтобы постараться примирить брата, который со своей стороны прислал уже второй приказ стрельцам немедленно всем явиться к нему и привезти с собою изменников. Царевна не была еще на половине дороги, когда встретил ее посланный Петром боярин Троекуров³³ и сказал, что она должна ехать обратно, уверяя, что ее не примут. Убежденная, что опасно было бы послушаться и что у брата действительно ожидает ее плохой прием, царевна воротилась в Москву. На следующий день стрельцы и немцы все явились в Троицкий монастырь. Бояре, по общему совету, решили послать захватить всех заговорщиков, где бы они ни находились. Полковник Сергеев с 300 человек был отправлен исполнить это поручение. Немедленно по приезде своем в Москву он пошел прямо в царский дворец, громко требуя выдачи Федьки Шакловитого. Вследствие открывшейся измены Шакловитого, его называли уже не Федором, или Феодором, но уменьшительным именем, что у москвитян означает презрение. Царевна сначала оказала было некоторое сопротивление, но, видя, что полковник очень решительно требует исполнения приказа, и предчувствуя, с другой стороны, худые последствия дальнейшего сопротивления, выдала ему Федьку и его товарищей. Преступники, закованные в цепи, были препровождены в Троицкий монастырь в простой телеге. С другой стороны, Голицын, видя близость падения своего величия и желая сделать все возможное для сохранения его, решился добровольно отправиться к царю. Он взял с собою сына своего Алексея, друзей, дворецкого Толочанова, великого казначея Ржевского³⁴, воеводу севского Неплюева — советника своего и любимца, свою крестуру Змиева, который в армии был генерал-комиссаром, и своего близкого приятеля, некоего Касогова. Но ворота Троицкого монастыря оказались закрытыми для него и для его свиты; вслед за этим к нему и его друзьям была приставлена стража с воспрещением им выходить из своих жилищ.

Едва только привезен был Федька в Троицкий монастырь, как его препроводили в большую залу, куда царь созвал всех бояр. Федьку расспрашивали четыре часа и потом увели в одну из монастырских башен, где его и пытали или, лучше сказать, секли. Такая пытка называется «кнут». Жертву привязывают к спине сильного человека, стоящего прямо на ногах и опирающегося руками на особое приспособление, похожее на высокую, в человеческий рост, скамейку, и в таком положении наносят 200 или 300 ударов кнутом, преимущественно по спине. Удары начинают наносить пониже затылка и идут сверху вниз. Палач с таким искусством наносит удар, что с каждым разом отрывает кусок мяса, соответствующий толщине кнута. Подвергшиеся истязанию большею частью умирают или остаются калеками. Ему связали на спине руки, подняли на воздух, и палач стал наносить удары кнутом, по длине похожим на кучерский, но отличающийся тем, что ремни его из толстой и жесткой кожи. При каждом ударе ремни глубоко врезывались в тело и причиняли ему ужаснейшие боли. После нескольких ударов кнутом Федька признался, что хотел умертвить мать царя, его самого и трех братьев его матери. Удовлетворившись этим признанием, его отвели в темницу. Отсюда он письменно изложил Петру все подробности заговора, оправдываясь тем, что его вовлекли другие в это жестокое дело, и указывая на виновников заговора. Царь, хотя и был уверен в вероломстве сестры своей, не хотел однако же подвергнуть публичному позору принцессу царской крови, а князь Борис Алексеевич Голицын должен был употребить все свое влияние на царя, чтобы убедить его не пятнать его (Голицына) рода казнию его двоюродного брата. После Федьки были допрашиваемы еще семь других заговорщиков, которые должны были быть исполнителями предполагавшегося кровопролития. Их подвергли необыкновенной пытке, несравненно более жестокой, чем первая. Им обрили голову и, крепко связав их, стали капать на нее горячую воду. Мучение злодеев было до того нестерпимо, что они тотчас сознались в своем преступлении и, подобно Федьке, открыли имена всех виновников и сообщников заговора. Два дня прошло после этого в совещаниях о том, как наказать злодеев. Князь Голицын, сын его и друзья были осуждены в ссылку, и приговор им был прочитан государственным секретарем на ступенях дворцового крыльца. Стоя выслушал его Голицын, окруженный стражею, которая привела его из квартиры. Приговор Голицына состоял в следующих словах:

«По повелению царя осуждаетесь вы ехать в Каргополь и оставаться там до конца ваших дней, лишённые милостей его царского величества; милосердие его, однако же, таково, что он назначает вам по три су в день на пропитание; его правосудие предписывает далее, чтобы все ваше имущество взято было в казну».

Несчастный князь Голицын слушал приговор опустил голову и отвечал только, что ему трудно оправдаться пред его царским величеством. Он удалился немедленно и был препровожден назначенным для сего полковником на место его ссылки. Один из государственных секретарей отправился в Москву, чтобы описать его дом и все сокровища. Там оказалось очень много богатой мебели, 100 000 червонцев в сундуке, зарытом в погребе, взятых, как полагают, из имущества гетмана Ивана Самойловича, 400 пудов серебряной посуды, считая пуд по 40 фунтов, и разные серебряные монеты. Жена несчастного князя и невестка его сосланы были вместе с ним и его сыном, и всем четверым было разрешено взять с собою только тридцать рублей. Когда Голицын был выслан, боярин Леонтий Романович Неплюев, воевода севский, приведен был к ступеням и осужден на пожизненную ссылку в Пустозерск — город, лежащий гораздо севернее Каргополя, причем ему было заявлено, что так как он покушался лишить царя власти, то подвергается вечной немилости, имения же его конфискуются. Венедикту Андреевичу Змиеву приказано, впредь до следующего повеления, жить в своих имениях. Касогов был лишен всех должностей и также осужден жить в своих поместьях. Дворецкий Толочанов назначен был на всю жизнь воеводою в Переяславль — город неподалеку от Киева, на Днепре, а великий казначей послан воеводою в Ново-Богородицк на реке Самаре.

На другой день Федьке отрубили голову на плахе; ту же казнь потерпели и два стрельца, которые должны были быть исполнителями покушения. Полковник, которому предназначено было предводительствовать отрядом убийц, был высечен кнутом, после чего ему отрезали язык и сослали на всю жизнь в Сибирь, причем дали на пропитание по одному су в день; остальным пятерым стрельцам также отрезаны были языки, и они сосланы были в Сибирь добывать соболей. Когда окончились эти экзекуции, царь Петр велел известить о том царевну, приказывая ей оставить дворец и удалиться в монастырь, который она выстроила на расстоянии одной версты или пол-итальянской мили от Москвы. Она отказалась пови-

новаться приказу брата, ибо не могла решиться на пожизненное затворничество, из коего ей удалось вырваться вопреки обычаям страны, и предпочитала искать убежища в Польше. Но когда уведомили об этом царя Петра, он послал приказание начальнику стрельцов препроводить царевну волею или неволею в монастырь, поставить кругом места ее заточения стражу и не допускать к ней никого, что и было исполнено. Через два дня после этого царь Петр возвратился в Москву и въехал в столицу верхом, причем ничего замечательного не было, кроме того, что восемнадцать тысяч вооруженных стрельцов находились при царе. Через четверть часа после этого прибыли в коляске супруга и мать царя, и все поехали прямо во дворец. Царь Иван встретил брата на дворцовом крыльце; они обнялись. Петр просил Ивана быть ему другом, и тот, который гозорил за Ивана, уверил Петра в его дружбе к нему. Затем цари удалились в свои покои, и с тех пор упоминали об Иване только в заголовках государственных актов.

Так кончилось правление царевны Софии, несколько лет бывшей повелительницею обширного государства Московского. Увлекаемая безмерным честолюбием, она хотела захватить в свои руки неограниченную власть, данную ей от имени братьев, и остаться навсегда независимую и самовластною, но кончила падением и заключением на всю жизнь в монастыре, с 800 монахинями, которых она нарочно вызвала из Киева с намерением приобрести как можно больше привержениц и в надежде, что они будут скорее блюсти интересы ее, нежели брата Петра, подданными которого они сделались только в 1666 году, когда палатинат и город Киев поляки уступили москвитянам. Но таковыми они оказались только по имени.

Причины смятений

После подробного изложения московских событий необходимо объяснить, что смятения, как происшедшие уже в этом государстве, так и те, которые впредь могут произойти, суть следствие козней царевны Софии, ум и дарования которой нисколько не походят на ее наружный вид, ибо она очень безобразна, необыкновенно толста, с головою огромною, как подушка; на лице у нее волосы, на ногах наросты, и ей теперь по крайней мере сорок лет; но насколько стан ее толст, короток и груб, настолько, напротив, тонок и пронизателен ум; и хотя она никогда не читала и не изучала Макиавелли, но по природе знает

его принципы, и особенно то, что нет ничего, никакого преступления, которого нельзя было бы предпринять, раз дело идет о получении власти. Если бы она довольствовалась управлением государством и не пыталась бы избавиться от своего брата, то нет сомнения, что никто не возымел бы смелости образовать против нее партию в пользу брата Петра.

При конце жизни царя Федора, предвидя, что он, при болезненном своем состоянии, недолго проживет, София, обладая вышеназванными качествами, решила оставить свой монастырь, несмотря на строгий обычай, согласно которому все члены царского семейства женского пола обязаны проводить жизнь в монастыре в безбрачном состоянии. Для этой цели она начала оказывать необыкновенную любовь и нежность к своему брату и сочувствие к его страданиям и начала скорбеть о своем несчастье, что она не может видеть столь нежно любимого брата и не может сама предложить ему всех тех услуг, которые можно оказать человеку, в здоровье которого мы заинтересованы. Во время приступов болезни София беспрестанно посылала спрашивать о нем, не пропуская ни одного случая, где бы она могла выразить свои чувства по отношению к нему и глубокую печаль о том, что она лишена возможности оказывать ему услуги, как любимому человеку. Подготовив такими средствами умы к своим замыслам, она оставила монастырь под предлогом, что хочет ходить за своим больным братом и сделать все возможное, чтобы облегчать его муки; и она исполнила это, никого почти не допуская к нему, находясь беспрестанно при нем и давая ему сама все лекарства. Умная принцесса предвидела, что чем больше она сделает для него, тем больше приобретет любви со стороны его и уважения со стороны всех других. Она внушила, таким образом, благоприятное о себе мнение знатным, с которыми была крайне любезна и предупредительна, и расположила к себе народ своею ласковостью, стараясь, чтобы те и другие остались довольными ее поведением и без неудовольствия смотрели бы на то, чего им до сих пор не приходилось видеть. Казалось, что она могла удовольствоваться успехом своего выхода из монастыря, но так как она имела намерение более туда не возвращаться, то справедливо рассудила, что единственный способ избавиться от опасения быть когда-нибудь снова водворенною в монастырь был стать полною повелительницею государства. Такие замыслы не могли иметь успеха без поддержки большой партии. Она решила образовать та-

ковую и, взвесив достоинство окружавших ее, не нашла никого более способного стать во главе этой партии, как князя Голицына. Он был человек великих достоинств и происходил, бесспорно, от последнего литовского герцога из рода Ягеллонов. Царедворцы были сперва очень довольны выбором его, думая, что он будет только по имени министр и что все они разделят власть с ним. Голицын, обладая один большим умом, нежели все москвитяне вместе, без труда поддерживал в них такое мнение во все царствование Федора. Неожиданная смерть последнего дала случай Хованскому, смелому, могущественному вельможе и непримиримому врагу Голицына, произвести возмущение и погубить всех знатных, которые могли противиться ему в намерениях его завладеть в свою пользу престолом, под предлогом мщения за смерть царя, будто бы отравленного, и наказания виновных. Но, будучи уже вполне уверенным в том, что престол достанется ему, Хованский, как видно в главе о 1682 годе, был, несмотря на то что ему некого было страшиться, наказан за свою дерзость и жестокости. Смерть этого бунтовщика имела желанные для царевны последствия, ибо укрепила правление за нею; в силу чего она отдала звание великого канцлера своему любимцу, который так сумел воспользоваться им, что нет примера, чтобы подданный управлял в этой стране с такою властью, как он. Принцесса София, видя себя в состоянии предпринять все, что ей угодно, захотела, для успокоения своей совести, загладить свои скандальные отношения к своему любимцу тайнством брачных уз. Все затруднение состояло в том, чтобы отделаться от жены Голицына, на что этот князь не мог решиться, будучи от природы человеком благородным. К тому же он взял за нею большие богатства и имел от нее детей, которых он любил более, нежели детей, прижитых с царевною, которую он любил лишь как виновницу своего величия. Но благодаря женской изобретательности она так повела дело, что убедила его уговорить жену сделаться монахинею. Вследствие этого, согласно религии москвитян, муж, выставив на вид силу своего темперамента, не дозволяющего ему оставаться вне брака, мог получить от патриарха разрешение снова жениться. Когда эта добрая женщина выразила свое согласие, царевна не сомневалась более в успехе своих замыслов. Затруднение состояло лишь в том, чтобы заставить Голицына одобрить убиение обоих царей, что она окончательно порешила, видя лишь в этом возможность удержать власть за собою, своим будущим мужем и деть-

ми. Но князь этот, более тонкий политик, нежели влюбленный, представил ей весь ужас этого замысла, убеждая ее, что исполнение его несомненно навлечет на них гнев и ненависть всех и каждого. Эта ненависть, хотя и скрытая, может в один прекрасный день вспыхнуть и дать возможность и случай кому-нибудь из недовольных, под предлогом мщения за смерть царей, предпринять восстание, подобно Хованскому, который воспользовался подобным же предлогом, чтобы завладеть престолом. Последнее легко и могло случиться, если бы она не приняла надлежащих мер. Голицын предложил Софии путь более разумный и, очевидно, более верный, состоявший в том, чтобы женить царя Ивана и, ввиду его бессилия, подыскать его жене любовника, на что последняя согласилась бы для блага государства, с целью дать ему наследников. Когда потом у Ивана родится сын, царь Петр, естественно, лишится всех своих друзей и приверженцев; царица сочетается браком с Голицыным, а чтобы сделать их брак еще более приятным для всего света, в патриархи изберут Сильвестра, инока греческой религии, но по рождению поляка, который немедленно предложит посольство в Рим для соединения церкви латинской с греческою, что, если бы совершилось, доставило бы царице всеобщее одобрение и уважение. Тогда царя Петра можно будет принудить постричься или, если это не удастся, то можно будет избавиться от него способом еще более верным и не столь ненавистным, как предлагаемый Софией. Когда это исполнится, надобно будет повести дело так, чтобы Иван открыто признал дурное поведение своей жены, объявив, что не он отец ее детей. Доказательства на все это приискать будет легко ввиду мер, которые они приняли для того, чтобы она имела детей. Затем следует развод, и после заключения царицы в монастырь царь женится вторично, но детей у него, разумеется, уже не будет. Таким безвредным средством они, без опасения наказания свыше, будут править государством во все время жизни Ивана, а по кончине его сделаются наследниками, по причине пресечения мужского рода в царском семействе.

Царица, усматривая в этом плане выгоду для себя, весьма охотно одобрила все эти предложения и предоставила Голицыну исполнить их. Ей и в мысль не приходило, что у Голицына были свои дальнейшие замыслы, что, надеясь пережить Софию, он не сомневался в том, что после совершенного им присоединения москвитян к римской церкви папа назначит его законного сына наслед-

ником престола вместо тех детей, которых он прижил с царевною.

Голицын начал женитьбою Ивана, и так как цари московские никогда не сочетаются браком с иностранными принцессами, то приказано было представить ко двору всех красивых русских девушек. Здесь осматривают их обыкновенно мать, сестры и родственницы царя, с лекарями и хирургами, выбирая ту, которая им более всего нравится. Выбрать девушку, которая была бы наиболее удобна для их намерений, оказалось нетрудно; по вступлении ее в супружество с Иваном, ей был дан в любовники один итальянский хирург, от которого она вскоре и родила. Но, к несчастью, ребенок оказался женского пола, и, таким образом, оставалось только выждать лучшего. Между тем приверженцы Петра, узнавши о кознях царевны, составили противоположный заговор, но, найдя себя бессильными привести его в исполнение, они склонили на свою сторону другого князя Голицына, Бориса, двоюродного брата любимца Софии, которого этот последний презирал за страсть к пьянству, так как его род не принадлежит, подобно другим, к рабским. Этот-то Голицын, по проiscaм этой партии, и сделался любимцем царя Петра. Затем, под видом оказания особенной чести, великого Голицына принудили принять на себя начальство над войсками во втором крымском походе; в отсутствие его выбрана была Петру невеста, и он женился, несмотря на несогласие царевны. Такой смелый поступок усилил партию царя Петра, и все молодые царедворцы, отцы которых всегда были на стороне Софии, перешли к нему. Голицын, по возвращении своем, видя все свои замыслы разрушенными супружеством младшего царя и беременностью его супруги, согласился наконец отделаться от него. Но предприятие это не удалось, как мы уже рассказали в статье о 1687 годе. Голицын стал помышлять о бегстве и исполнил бы свое намерение, если бы София не воспротивилась этому, уверяя, что никто не осмелится посягнуть на ее власть. Он все-таки хотел послать своего старшего сына в посольстве в Польшу с меньшим сыном, внуком и всеми богатствами, потом отправиться самому, если заговор не будет иметь ожидаемого успеха, в надежде снискать покровительство польского короля обещанием набрать войско в его королевстве и, соединившись с казаками и татарами, достигнуть силою того, чего он не мог добиться посредством своей политики. Этот план мог бы осуществиться ввиду того, что в стране имелось много его приверженцев. Но царев-

на, не желая терять его из виду, замедлила удаление своего любимца до последнего дня, когда удаление его было уже неотвратимо. Но все же он мог и тогда еще спастись бегством, так как имел все государственные печати в своих руках и так как от Москвы до ближайшего польского города всего только сорок немецких миль. Я уверен, что он и убежал бы тогда, так, как предполагал прежде, но, видя, что неистовство и опрометчивость Софии воспрепятствовали исполнению его замысла, он предпочел претерпеть все удары судьбы и даже казнь, нежели подвергнуть свое семейство всем оскорблениям, какие могла выдумать злость его врагов, и увидеть себя после такого высокого положения несчастным беглецом, без денег и имения на чужой стороне.

Нынешнее состояние Московии

После того как Голицын отправился на место своей ссылки, Нарышкин, дед царя Петра по матери, видел только одно препятствие занять место князя — в лице младшего Голицына, любимца царского, которого тем труднее ему было низвергнуть, что он сам (Нарышкин) был причиною его возвышения. Но так как Петр и любимец его были весьма неопытны, то старому дипломату нетрудно было внушить своему внуку подозрение к этому любимцу, указывая на его постоянные просьбы сохранить жизнь двоюродному брату и обвиняя его вследствие этого в соучастии в замыслах великого Голицына. Но царь, напротив, объяснял в ответ на это, как трудно ему подозревать верность человека, который три раза спас ему жизнь. Тогда Нарышкин явился к царю, сопровождаемый дочерью и сыновьями, и все они со слезами на глазах заявили, что если он не соглашается отставить теперь одного Голицына, своего любимца, то гораздо целесообразнее было бы призвать другого, великого Голицына. Человек, более царя Петра опытный, не поколебался бы такими словами, но царь весьма смутился и обещал сослать любимца своего на всю жизнь его в его деревни. Услышав о том, Голицын тотчас же уехал, не дожидаясь царского приказа. Едва сказали царю об его удалении, как он начал посылать к нему курьера за курьером, спрашивая о причине его бегства, на что он только отвечал, что если его прежнее поведение не могло убедить царя в его верности, то он после этого не желает никогда более являться ко двору. Царь так тронут был его ответом, что послал двух бояр приветствовать его от сво-

его имени и через несколько дней после этого, сгорая нетерпением видеть его, послал к нему еще двух, чтобы просить его возвратиться, что тот тотчас же и исполнил. Царь, встретив его тысячекратными лобызаниями, оказал ему этим такую почесть, что она испугала Нарышкина и их партию и заставила их решиться искать дружбы царского любимца, который в течение нескольких дней представлял из себя важное лицо, рассыпая милости своим друзьям. Но затем этот князь, не имея ни одного из дарований своего мудрого родственника, начал подражать ему и низвергать знатных людей, раздавая места подобным себе пьяницам. Вскоре он впал в немилость, так как противная партия так ловко повела дело, что заставила Петра опасаться возрождения партии Софии. Он решился вследствие этого отдать место великого Голицына, которого добивался Борис и которое он до сих пор занимал только временно, старому Нарышкину, отцу своей матери. Такой неожиданный оборот дела заставил всех обратиться к партии Нарышкина, сыновья которого вскоре заняли все важные места: старший сын его получил звание обер-гофмейстера, доселе принадлежавшее молодому Голицыну; последний до того оскорбился этим, что не мог скрыть своего негодования и укорял царя в слабости. Враги его воспользовались его неосторожностью и уговорили царя, который не отличается никакими достоинствами, кроме жестокости, с позором изгнать своего любимца. Теперь же они только и добиваются разрешения казнить обоих уже изгнанных Голицыных. Но те, кто радовался падению великого Голицына, вскоре раскаялись в его гибели, так как Нарышкины, которые управляют ими в настоящее время, будучи необразованны и грубы, начали, вопреки всякому политическому смыслу и благоразумию, уничтожать все, что этот великий человек умно и рассудительно ввел нового для славы и пользы нации; они желали приобрести всеобщее уважение, облекаясь снова в свою черную, зловонную шкуру.

Эти варвары снова запретили иностранцам въезд в Россию, равно как и отправление католической службы. Один только польский посланник, и то с большим трудом, мог получить позволение устроить у себя на дому часовню. Говорят даже, что они заставят москвитян ограничиться изучением только лишь письма и чтения, проявляя и в этом случае, как и во всем другом, свою тираническую и деспотическую власть, что заставит всех сильно сожалеть о великом Голицыне. Последний построил огромное прекрасное каменное здание для коллегиума,

вызвал из Греции 20 ученых и выписал много книг; он убеждал дворян отдавать детей своих учиться в это заведение, разрешил им посылать детей в латинские училища в Польшу, другим же советовал нанимать для детей польских гувернеров; иностранцам он разрешил свободный въезд и выезд из Московии, что до него не было в обычае. Он желал также, чтобы дворяне путешествовали за границу для изучения военного искусства в иностранных государствах, так как он задался целью учредить порядочное войско вместо полчищ из крестьян, которые, будучи призываемы на войну, оставляют свои поля без обрабатывания; вместо этой бесполезной для государства службы он предполагал обложить население умеренною подушною податью. Он думал также содержать постоянные посольства при главнейших европейских дворах и дать полную свободу вероисповеданиям в Московии; допустив уже в страну иезуитов, он часто беседовал с ними, но на другой же день после его падения они были высланы за границу, причем от имени царей было объявлено императору и королю польскому, которые присылали их, что отныне им навсегда запрещается приезжать в Московию. Придерживаясь этого решения, они в марте 1690 года отказали послу польского короля, требовавшему от имени своего государя и от имени императора позволения проезда в Китай патеру Гримальди, находящемуся ныне в Польше.

Я никогда не кончил бы, если бы пожелал рассказать все, что знаю о князе Голицыне. Достаточно указать на то, что он хотел заселить пустыни, обогатить нищих, из дикарей сделать людей, превратить трусов в добрых солдат, хижины в чертоги и что все эти предприятия погибли в Московии с его падением. Собственный дом его был одним из великолепнейших в Европе, покрыт медными листами и внутри украшен дорогими коврами и прекрасною живописью; он устроил также дворец для иностранных послов; все это до того понравилось боярам и народу, что во время его управления в Москве было выстроено более 3000 каменных домов. Такое число не покажется преувеличенным, если мы скажем, что в Москве находится до полумиллиона жителей и что она состоит, собственно говоря, из трех расположенных один в другом городов; каждый из них огражден огромною стеною и ровом, наполненным водою для защиты Москвы от нападения татар и поляков. Первый из них называется Кремль, второй — Белгород, т. е. Белый город, а третий — Новгород, т. е. Новый город.

Любопытным для иностранцев является в этом городе то, что в декабре месяце возводятся на площади 2000 деревянных домов для восточных и европейских купцов. Князь Голицын построил также на Москве-реке, впадающей в Оку, каменный мост о 12 арках, очень высокий ввиду больших половодий; мост этот единственный каменный во всей Московии, строил его польский монах.

Нравы и религия москвитян

[...] Мужчины и женщины ходят вместе в одну баню, которая обыкновенно ставится на берегу реки для того, чтобы, кто не стерпит жара, мог бы идти и бросаться прямо в холодную воду, что они проделывают одинаково и зимой и летом. Хотя москвитяне очень крепкого сложения, но к холоду они чувствительнее, чем поляки. Пища и питье у них самые грубые; обыкновенная пища состоит из огурцов и астраханских дынь, которые они мочат на зиму, заквашивают и солят. [...] Мужчины одеваются почти так же, как поляки. Богатые носят зимою платья из голландского сукна, с дорогим меховым подбоем; шапки украшают драгоценными камнями — те, кто может, — или же вынуживают жемчугом, которого в этой стране очень много. Летом же одеваются в платья из персидских и китайских шелковых тканей.

Женщины одеты по-турецки. Самая беднейшая старается сделать себе шапку из персидского сукна, сообразно со средствами, более или менее дорогого. Богатые вынуживают свои шапки жемчугом или драгоценными камнями. Зимние женские платья, или кафтаны, делаются из золотой парчи, подбитой куницами; летом — из китайских тканей. Под своим головным убором москвитянки тщательно прячут волосы. Ходят они с большим трудом, так как башмаки их сделаны на манер сандалий и в то же время — в форме туфель, которые слишком широко сидят на ноге. Безрассудство женщин доходит до того, что они красят себе лицо, бреют брови, места коих раскрашивают в разнообразные цвета. Москвитяне любят ходить пешком и очень быстро шагают. Экипажи у них самые жалкие, и большая часть москвитян ездят по городу верхом, на плохих лошадях, предшествуемые слугами, бегущими впереди с непокрытою головою. Зимою лошаденку запрягают в сани — единственный их экипаж. Женщины ездят в дурных экипажах — колясках вроде паланкина, обыкновенно запряженных в одну лошадь. Садится их в такую повозку пять-шесть, как будто

В ящик, потому что скамеек внутри нет. Хотя в Москве находится до 500, даже, может быть, до 600 тысяч жителей, но в ней нет и трехсот таких колясок, но зато имеется с тысячу маленьких тележек, запряженных в одну лошадь, для перевозки публики, за небольшую плату, с одного места на другое. Имеется в Москве также несколько колясок вроде французских, которые более богатые люди выписали из Голландии и Данцига. Царские кареты все очень старые; причина этому та, что они сами таковых не покупают, так как надеются получить их в подарок от иностранных государей или посланников. Лучшие, которые они имеют, делаются, по обычаю страны, с дверцами или же в форме паланкинов. Сани царские — великолепны. Те, которые открыты, делаются из золоченого дерева и обиваются внутри бархатом и широкими галунами. Их запрягают в шесть лошадей, шлеи которых украшены таким же бархатом. Те сани, которые закрыты, делаются в виде карет, со стеклами, снаружи обиваются красным сукном, внутри же — соболями. В таких санях можно лежать и спать во время переездов, которые, ввиду такого удобства, москвитяне совершают зимою и ночью.

Когда цари выезжают за город, то вместо саней и колясок употребляют обыкновенные простые экипажи. В окрестностях Москвы цари имеют несколько деревянных домов, которые несправедливо называются «увеселительными», так как в них нет садов, а просто они окружены стенами — из опасения, чтобы не разорили их поляки или татары, которые нападали на Москву, что часто случилось еще лет за пятьдесят, не более, тому назад.

Петр весьма высок ростом, хорошо сложен и довольно красив лицом. Глаза у него довольно большие, но блуждающие, вследствие чего бывает неприятно на него смотреть. Несмотря на то что ему только 20 лет, голова у него постоянно трясется. Любимая его забава заключается в натравливании своих любимцев друг на друга, и весьма нередко один убивает другого из желания войти к царю в милость. Зимой он велит вырубать огромные проруби во льду и заставляет самых толстых бояр проезжать по ним в санях. Так как молодой лёд оказывается непрочным, то они проваливаются в воду и нередко тонут. Любит он также звонить в большой колокол, но самая главная страсть его — любоваться пожарами, которые весьма часто случаются в Москве. Москвитяне не берут на себя труда тушить их, пока огонь не истребит 400 или 500 домов. Правда, что и убытка тут бывает большею частью

немного, потому что дома москвитян не лучше свиных хлебов во Франции и в Германии; их продают на рынке совсем готовыми. В 1688 году сгорело в Москве 3000 домов, и в прошлом году в продолжение четырех месяцев я видел три пожара, каждый из которых истребил по малой мере 500—600 домов. Пожары чаще всего происходят от пьянства и неосторожного обращения с огнем, так как они никогда не тушат свечей, горящих в их комнатах перед иконами.

Посту предшествует у них карнавал, который продолжается столько же дней, сколько и самый пост. [...]

Едят москвитяне так много, что после обеда они вынуждены спать часа три и тотчас после ужина ложиться спать. Зато они встают весьма рано. Даже и в походах каждый солдат, не исключая и стражи, непременно спит после обеда. Летом, в полдень, они совершенно раздеваются, купаются и спят в таком виде. Дождя они не любят, и дождь идет у них редко. Они носят шапки, и при встрече с приятелем каждый крестится, после чего они жмут друг другу руку. [...]

Вера у москвитян греческая, но ее можно назвать арихсизматическою, ибо она изобилует ужасными суевериями, созданными их невежеством, так что москвитян можно назвать полуидолопоклонниками. Хотя у них и сохранилось духовенство, но уважение, оказываемое ему, чисто внешнее. Вне церкви они не задумываются оскорблять священников и монахов; они только срывают с них шляпы, бьют палками и после истязания одевают им шляпы снова. Патриарх московский прежде жил в Киеве, но когда сей город перешел к москвитянам, последние получили разрешение перевести его резиденцию в Москву. Патриарх избирается обыкновенно из числа митрополитов и утверждается царем. Он не может быть свергнут, как это случилось с его предшественником, никем, кроме патриархов царьградского и антиохийского, которые нарочно поставили патриарха, бывшего в прошлом году, в царствование Федора, и ныне умершего, в зависимость от царя; он был избран только за свою красивую бороду. Патриарх и митрополиты носят всегда священническую рясу, которую никогда не снимают, едут ли в экипаже или даже верхом. Им предшествует с крестом прислужник, который, как и прочие, идет с обнаженной головою. Какова бы ни была погода, слуги, согласно обычаю, идут впереди господина с обнаженными головами. Мантии их отличаются от мантий наших епископов только тем, что они отделаны множеством погремушек и бубенчиков. Священ-

ники их держат в руках четки, висящие до земли, и постоянно над ними что-то бормочут. Набожность их выражается, главным образом, в процессиях, которые совершаются со следующими церемониями: все духовенство в богатых облачениях, большею частью униженных жемчугом, выходит толпою, в беспорядке, из одной церкви, с тем чтобы направиться в другую, где назначена служба. Каждый священник держит что-нибудь в руках; одни — книги, другие — кресты, а многие — священнические жезлы. Идущие близ митрополита или патриарха несут огромные изображения богоматери, украшенные золотом, серебром, драгоценными камнями и жемчужными четками. Другие несут огромные четырехугольные кресты, тоже весьма богатые и до того тяжеловесные, что некоторые из них с трудом поднимают четыре священника. Затем следуют те, которые несут евангелия, драгоценнее которых, несомненно, не найти во всей Европе, потому что одно такое евангелие стоит около 25 или 30 тысяч экю. Я видел, между прочим, одно евангелие, которое отделано по заказу царя Петра французским ювелиром. Каждая сторона украшена пятью изумрудами, из коих самый малый стоит более 10 000 экю. Вес золотого переплета простирается до четырех фунтов, так как эти господа ценят работу лишь тогда, когда она тяжеловесна. Затем следуют игумены, за ними митрополиты, и позади всех, в некотором расстоянии, идет патриарх в жемчужной шапке [...]. Его должны поддерживать цари, но так как эти последние во время шествия сами должны быть поддерживаемы, то их заменяют знатные люди, нарочно для того определяемые. Впереди таких процессий около ста человек метут дорогу и посыпают ее песком. Это происходит оттого, что до управления Голицына надо было шагать по грязи; он же, за отсутствием в этой стране какой бы то ни было мостовой, приказал устроить деревянные мостки, но после его падения только главные улицы поддерживаются в таком виде. Москвитяне ограничиваются лишь тем, что присутствуют при богослужении, которое священники их начинают обыкновенно в полночь, несмотря на то что оно очень долго продолжается. В церкви они никогда не садятся и молятся богу только мысленно, так как большинство из них неграмотны и никто, не исключая и священников, не знает греческого языка. Праздников у москвитян очень много; празднуют они их всеобщим трезвомом, начинающимся накануне и кончающимся на следующий день с закатом солнца. Работают они во все дни года без различия. Москвитяне имеют большую склонность к бого-

молию. Царь Иван, несмотря на то что он совершенно парализован, проводит всю свою жизнь в посещении святынь. Между тем для него было бы гораздо выгоднее не показываться так часто в народе, но, напротив, совершенно скрыться в своем дворце, ибо он страшно безобразен и возбуждает только жалость, несмотря на то что ему только 28 лет, так что на него трудно смотреть. Когда москвитяне куда-либо входят, они начинают класть земные поклоны, многократно креститься и кланяться образам или тому месту, где они должны висеть. Священники их женаты, но не могут спать со своими женами накануне праздников. Что касается епископов и игуменов, то они должны жить в безбрачии. Если римский католик вступает в их религию, они его снова крестят; ежели он женат и жена его не соглашается вместе с ним переменить религию, он может жениться на другой. Москвитяне в течение года соблюдают три поста: первый — как и у нас; второй — за шесть недель до рождества и третий — за две недели до успения. В течение этого времени москвитяне готовят все блюда на масле. [...]

Они любят также строить церкви, и всякий боярин, прежде чем выстроить дом, воздвигает часовню и содержит сообразно со своими средствами большее или меньшее количество монахов. В Москве находится 1200 церквей, выстроенных из камня, куполообразной формы, что придает им мрачный вид. Все они имеют по пяти башенок с колоколами, на каждой башенке находится четырехугольный крест, из которых самый малый имеет высоту трех локтей. Самые великолепные храмы Москвы суть: церковь Богоматери и церковь Архангела Михаила около царского дворца. Купол и башенки покрыты позолоченною медью, а кресты — вызолоченным серебром. Внутренность этих церквей раскрашена под мозаику. Против них находится огромная колокольня, где висит много больших колоколов, — между прочим, один в 20 футов в поперечнике, в 40 футов в высоту и один локоть в толщину. Чтобы придать этому колоколу звучность, пришлось отнять от него, при помощи резца, до 40 000 фунтов. В него звонят только в праздник крещения, который считается у москвитян самым священным. В этот колокол ударяют также, когда царь спит с царицею, с тем чтобы народ стал молиться за дарование им наследника, ибо дочерей в этой стране ни во что не ставят. Половина московских земель принадлежит монахам, ибо благочестие москвитян заключается в построении монастырей, из коих многие содержат более 100 монахов, живущих в полном

изобилии, хотя и совершенном невежестве. Существует также много женских монастырей [...].

Ни одно из вероисповеданий, за исключением католического, которое москвитяне после своего считают самым лучшим, не находит себе в Московии запрещения. [...]

Изложение рассказов Спафария о путешествии в Китай и торговле с этою страню

Меховая торговля уже очень давно возникла в Московии, но она приняла теперь совершенно иной характер. В старину соболи в Московии были очень мало известны, и москвитяне пользовались только дешевыми мехами, исключая горностаевых, на которые они выменивали что им было надобно. Дед нынешних царей, Василий [Иван] Васильевич, прозванный Грозным (справедливому названию этому не будут удивляться, если мы скажем, что жестокость его доходила до того, что он ради шутки забавлялся жизнью людей; так, однажды, он велел кучерку своему ехать с каретою, в которой сидела супруга его, по едва замерзшему озеру, находящемуся в четверти мили от Москвы; карета провалилась сквозь лед, и все сидевшие в ней утонули), Покоривши царства Казанское и Астраханское, он открыл часть той обширной страны, которую называют Сибирью, что на славянском языке значит тюрьма, так как этот жестокий по природе властитель посылал в эту область, тогда не имевшую еще никакого названия, всех, кто лишался его милости; этим-то сосланным москвитяне и обязаны открытием дороги в Китай и множества куниц, которых они нашли на этих обширных пространствах, покрытых непроходимыми и неизвестными доселе лесами, которые, вероятно, простираются до самого Ледовитого моря. Охотники проникли в эти леса, подвигаясь постепенно вперед за ловлею разных зверей, как-то: черных лисиц, рысей и других диких животных, которыми изобилуют упомянутые не обитаемые никем леса и шкуры которых так дорого ценятся. После смерти Грозного сын его, наследовавший ему, решил, что для государства его будет очень выгодно, если он разрешит въезд иностранным купцам. Голландцы первые пытались пройти в Московское море, но безуспешно. Англичане были счастливее их и достигли Архангельска (порт, находящийся в море или заливе Св. Николая). Царь, услышав о том, даровал им большие привилегии, состоявшие в том, что они не должны были платить пошлин за при-

возные и вывозные товары; он сделал это с целью побудить их развить свою торговлю в Московии. Голландцы, завидуя этому открытию англичан, старались всячески повредить им, но царь, опасаясь, что это причинит только задержку развитию торговли, запретил голландцам вход в Архангельскую гавань; таким образом, англичане остались хозяевами торговли в этой стране до смерти Карла I³⁵, короля Великой Британии. Узнав о казни последнего, царь, в видах политики, как бы в наказание за такое деяние, совершенное над особою государя, отнял у англичан все их привилегии и разрешил голландцам въезд в этот порт, под условием платежа 15 процентов на все привозные и вывозные товары; благодаря этому они так развили эту торговлю, что ныне находится в Московии более 200 голландских торговцев, большая часть коих уезжает зимою в Москву по причине жестоких холодов. Тогда в первый раз введены были в Московии деньги, которые ныне там сделались так же обыкновенны, как в Польше. В предместьях Москвы живет в настоящее время более тысячи купцов английских, голландских, фламандских, гамбургских и итальянских. Они торгуют русскою кожею и кавьяром, или осетровою икрою, из которой они делают лепешки толщиной в палец и шириною с ладонь, солят их и просушивают на солнце; этот товар находит у них большой сбыт, так как в устьях Волги и других рек, впадающих в Каспийское море, они ловят бесчисленное множество осетров, которые доставляются затем Волгою в Москву и отсюда уже развозятся по всей Московии и в соседние государства (как это в этих последних делается с сельдями). Товар этот особенно находит себе потребление во время трех постов, которые они строго соблюдают. Англичане и голландцы меняют москвитянам свои сукна и пряности на хлеб, пеньку, смолу, поташ (для краски) и золу. Фламандцы и гамбургцы покупают у них воск и железо. Корабли этих народов приходят в Архангельск в июле и отплывают оттуда в сентябре; оставаясь долее, они рискуют погибнуть в море. Переход из Бергена в Архангельск совершается обыкновенно в 15 или 20 дней, столько же времени длится и обратный путь. Торговля эта очень значительна, хотя в год приходит в Архангельск не более тридцати кораблей. Прежде персияне возили свои товары на Архангельск, но Голицын разрешил им возить их прямым путем на Ригу, с тем чтобы уплачивать 15 процентов в Москве, между тем как раньше они платили по 5 процентов в трех разных городах по дороге в Архангельск. Он дал им, таким об-

разом, возможность выгадывать целый год, так как дорога из Риги в Голландию длилась 4 месяца, а из Риги в Испагань — 3 месяца. Персияне приплывают из Испагани через Каспийское море в конце октября и оттуда едут дальше на санях на счет царя пять недель; назад они спускаются по Волге и совершают путь в тридцать и сорок дней. Голландцы уговорили великого Голицына послать нескольких из их моряков и плотников в Астрахань, которые и построили там два фрегата, на которых легко доходили по Каспийскому морю до Шемахи — первого из персидских городов; но месяцев восемнадцать тому назад татары сожгли эти корабли; нынешние же московские министры не разрешают строить новых, что окажется впоследствии весьма невыгодным, так как московские суда — не что иное, как большие лодки, снабженные двумя рулями и парусом, который в случае непопутного ветра опускается, и судно, таким образом, отдается на волю ветра.

Намерением Голицына было поставить Московию на одну ступень с другими государствами. Он собрал точные сведения о состоянии европейских держав и их управления и хотел начать с освобождения крестьян, предоставив им земли, которые они в настоящее время обрабатывают в пользу царя, с тем чтобы они платили ежегодный налог. По его вычислению, налог этот увеличил бы ежегодную доходность земель этих государей более чем вдвое, в то время как теперь получаемая прибыль не превышает 7 или 8 миллионов ливров французской валюты. Что касается до других предметов дохода, то трудно определить их действительную стоимость. То же самое он хотел ввести по отношению к кабакам и разным продуктам и предметам торговли, полагая, что таким путем сделает народ трудолюбивым и промышленным, так как ему представится надежда на обогащение. Что касается охоты на соболей, он не сделал никаких нововведений. Добыча соболей производится преступниками, ссылаемыми в Сибирь, подобно тому как во Франции ссылают на галеры, и солдатами, которых посылают туда полками под начальством полковника, оставляя их там обыкновенно на семь лет. И те и другие обязаны приносить еженедельно известное количество шкурок; причем они должны наблюдать, чтобы на них не было дырочек и чтобы они не были замараны кровью, отчего, как говорят, эти шкурки, в особенности же соболя, портятся; поэтому за каждую продырявленную шкурку охотника наказывают палочными ударами; чтобы избежать их, они не стреляют иначе,

как только одною пулею в голову зверька, к чему они почти все приучены, так как москвитяне вообще не знакомы с употреблением мелкой дроби. Так как охота эта требует, таким образом, большого терпения и усердия, то офицерам разрешено, для того чтобы заинтересовать солдат, распределять между ними все те шкурки, которые они добудут сверх того числа, которое они должны еженедельно представлять в казну. Излишек этот бывает очень значителен, так что полковник в семь лет наживает тысяч до четырех экю, подчиненные ему офицеры — по соразмерности; заработок же солдат составляет не более шести или семи сот экю. Нужно иметь, таким образом, добрых друзей, чтобы быть туда посланным, так как каждый дворянин получает в Московии жалованья не более 1000 экю, половина которых выплачивается притом же соболями, которые при этом оцениваются обыкновенно выше настоящей их цены. Полковник получает четыреста экю, а другие офицеры — по соразмерности. Голицын хотел было установить, для пользы царя и офицеров, уплату всех государственных расходов сполна деньгами, для чего он и намеревался посылать все меха, в которых не имеется надобности, через надежных людей в иностранные земли, чтобы продать их там или же обменять на нужные товары, которые были бы затем продаваемы в пользу царя. То, что он сделал для утверждения сухопутной торговли с Китаем через Сибирь и Татарию, заслуживает особого описания.

Спафарий, родом волох, был изгнан из своей родины, после того как ему отрезан был кончик носа за то, что он открыл султану тайный договор между волошским господарем, его родственником, и королем польским, после чего господарь был низложен и принужден бежать в Польшу, где и получает при дворе короля определенную пенсию. Спафарий удалился сначала к бранденбургскому курфюрсту, где был принят очень хорошо, так как он очень образован и хорошо знает греческий, латинский и итальянский языки. Но король польский уведомил курфюрста о вероломстве Спафария, и последний тотчас же должен был оставить его двор. Не зная, куда ему обратиться, он отправился в Московию. Голицын принял его очень хорошо, дал ему содержание, а через несколько времени потом отправил его от имени царя в Китай с поручением исследовать возможность учреждения сухопутной торговли между этим государством и Московиею. Два года провел Спафарий в путешествии; причем ему пришлось бороться с величайшими трудностями; но, бу-

дучи очень способен и умен, он собрал во время этого путешествия множество сведений о положении местностей, которые он проезжал, и по возвращении обнадежил Голицына, что во второе его путешествие можно будет устроить такой путь, который даст возможность ездить по этой стране так же удобно, как по всякой другой. На основании этих уверений Голицын начал выбирать наиболее удобный и кратчайший путь для перевозки товаров; найдя его, он стал изыскивать средства для учреждения там постоянного сообщения и решил построить от Москвы до Тобольска, главного города Сибири, несколько деревянных домов на каждой десятой миле; в домах этих должны были быть поселены крестьяне, которым предоставлены были бы доходы с известного количества земель, с тем чтобы каждый дом содержал по три лошади, которых на первый раз он должен был им сам выдать, с правом взимать с проезжающих в Сибирь и обратно по собственной надобности по 3 копейки с лошади за каждые 10 верст, равные двум немецким милям. По всей сибирской дороге, так как и по всей Московии, поставили столбы для указания пути и числа верст. В тех местах, где снег так глубок, что лошади не могут идти, также построили дома, в которых поселили осужденных на вечное изгнание, снабдив их деньгами, припасами и заведя у них больших собак, которые должны были вместо лошадей тащить сани по снегу. В Тобольске же, городе, расположенном на реке Иртыше, который неправильно называют Обью, в которую он только впадает, Голицын велел выстроить большие магазины и в них иметь запасы, а также барки, караваны которых могли по реке подыматься до Кизиль-баша — озера, находящегося у подошвы гор Прагогских, где также были устроены необходимые для продолжения путешествия удобства.

Спафарий уверял меня, что он совершил свое последнее путешествие через Сибирь в пять месяцев и так легко и удобно, как в нашей Европе. Я хотел узнать от него все подробности, а также имена рек, гор и областей, через которые он проезжал, но я нашел его очень осторожным в этом отношении и очень молчаливым. Я понял хорошо, что если он не удовлетворил моему любопытству, то только из боязни, что, если узнается, его обвинят в том, что он открыл что-либо, что они желают держать в тайне от всех других народов, и угождение, которое он оказал мне, объяснив мне то, о чем я его спрашивал, будет награждено палочными ударами, от которых не избавляют в Московии никого, начиная с последнего крестьянина до

бояр. Из слов его я, однако, понял, что он собирается в следующем своем путешествии найти путь более короткий и удобный. Голландцы, всегда завистливые к другим народам, что доказали они всеми учреждениями своими на востоке, стараясь захватить в свои руки всемирную торговлю и исключить из нее все другие народы, убедили москвитян, после падения Голицына, запретить всем иностранным купцам проезд через русские владения. Они опасались, что если эта дорога будет узнана лучше и по ней откроется легкий проезд, то французы непременно постараются завладеть ею, станут перевозить лучшие предметы торговли, которые охотно покупают китайцы и татары, отдавая за них свои лучшие и ценные товары; а это со временем может нанести значительный вред голландской торговле через мыс Доброй Надежды, Батавию, Малакку и другие места на востоке, которые голландцы отняли у португальцев и англичан. Они предвидели, что удобство и безопасность сообщения по сухому пути, раз навсегда уже установленному, заставит всех иностранных купцов предпочесть именно его, чем видеть себя подверженными ежедневно бурям, неудобствам, болезням и всякого рода случайностям морского пути — не говоря уже о годах, которые нужно употребить на такое путешествие. Таким образом, благодаря иностранцам могла бы со временем развиться по этому пути обширная торговля. Москвитян голландцам опасаться было нечего [...], голландцы могут быть уверены, что москвитяне ни теперь, ни в будущем не в состоянии будут соперничать с ними в торговле. Король польский спустя несколько лет жаловался через своего посланника на это запрещение, так как оно совершенно противоречит трактату 1686 года, в котором прямо сказано, что подданные короля польского могут ездить по этому пути туда и обратно. Но в ответ на это он получил только то, что так приказали цари. Подобный же ответ дан был и шведскому королю, посланник которого Фабриций, для поддержания всеобщего мира, заключил в 1686 году с ними трактат по поводу торговли с Персиею. Москвитяне полагают, что они делают уже очень многое, разрешая польским послам ездить через их владения в Персию и доставляя им экипажи на всем протяжении до Астрахани.

Польский король включил вышеозначенную статью в трактат 1686 года по просьбе иезуитов, которые надеялись пробраться этим путем в Китай. Но Голицын, несмотря на все свое могущество, не мог, однако же, доставить разрешение позволения тем иезуитам, которых

граф Сири, посланник польский в Персии, привез с собою в Москву в 1688 году, с просьбою короля об облегчении им пути в Китай; дело в том, что голландский посланник в Москве, действуя в духе своей нации, немедленно дал под рукою знать москвитянам, что в числе 12 польских иезуитов находятся отцы Авриль и Бовилье, французы, которых христианнейший король посылает будто бы разведать о пути в Китай. После этого эти варвары объявили польскому посланнику, что он может взять с собою в Персию подданных польского короля, но что касается до французов, король которых оскорбил царского посла, то им не будет никакой милости, кроме той, что они могут ехать обратно дорогою, которою приехали в Москву. По возвращении их в Польшу король польский препроводил их в Царьград. Но можно надеяться, что по заключении мира, который принесет королю Франции столько же, а быть может, и еще более, славы, нежели заключенные раньше, ему легко будет принудить москвитян разрешить его подданным учредить торговый путь с Китаем.

ПРИМЕЧАНИЯ

Квадратными скобками в текстах отмечаются сокращения и пояснения составителя.

А. Контарини

Рассказ о путешествии в Москву в 1476—1477 гг.

Печатается по изданию: Барбаро и Контарини о России. Вступительная статья, подготовка текста, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской. Л., 1971.

¹ Марк был послом Ивана III к персидскому шаху Узун Хасану в 1475 г. Контарини с ним познакомился в Персии. Марк поручился за венецианского посла, который занял деньги у купцов в Астрахани для своего выкупа, когда его захватили татары. Вместе с Марком Контарини проделал путь с низовой Волги до Москвы.

² Князь рязанский Василий Иванович был женат на сестре Ивана III Анне Васильевне.

³ Иван III Васильевич (1440—1505) — великий князь московский (с 1462). При нем сложилась основа единого Русского государства, начал создаваться центральный государственный аппарат, были присоединены Ярославль (1463), Новгород (1478), Тверь (1485). В его княжение было окончательно свергнуто татаро-монгольское иго (1480), составлен Судебник 1497 г., развернуто строительство Москвы, вырос международный авторитет страны.

⁴ Дзуан Баттиста Тривизан (Джан Баттиста Травизан) — венецианский посланник. Был направлен к хану Большой Орды Ахмету, неприятелю Руси. В Москве, где он прожил 1471—1473 гг., Травизан выдавал себя за дипломата, специально посланного на Русь, и скрыл подлинную цель своей миссии. Это стало известно русскому правительству и вызвало крайнее недовольство.

⁵ Автор заменяет русское слово «боярин» термином «барон».

⁶ Катаро (Котор) — порт на побережье Адриатики.

⁷ Аристотель Фьораванти (ок. 1420 — ок. 1486) — знаменитый итальянский архитектор и инженер. С 1475 г. в России. Построил Успенский собор в Кремле (1475—1479).

⁸ Дёспина — супруга или дочь деспота. Так называли иностранцы великую княгиню Софью, внучку византийского императора Мануила II.

⁹ Стаий — мера сыпучих тел в Италии, равная примерно 2 кг.

¹⁰ Маркет — мелкая серебряная венецианская монета.

¹¹ Речь идет о московском митрополите.

¹² Новгородские земли по р. Нарве граничили с территорией, подвластной Немецкому ордену.

¹³ Семья Ивана III к 1477 г. состояла из 1) матери — Марии Ярославны, вдовы великого князя Василия II Темного, 2) троих братьев (Андрея Большого, Бориса и Андрея Меньшого), 3) сына от первого брака Ивана (ум. 1490), 4) второй жены — Софьи Палеолог

(ум. 1503), 5) двух дочерей от второго брака. Будущий наследник престола, великий князь Василий Иванович, родился в 1479 г.

¹⁴ Казимир IV Ягеллончик (1427—1492) — великий князь литовский (с 1440) и король польский (с 1447). Проводил политику объединения польских земель.

С. Герберштейн Записки о московитских делах

Печатается по изданию: Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина, СПб., 1908.

¹ Русс — Старая Русса.

² Форум Юлия — древнее название города Триеста, расположенного на побережье Адриатического моря.

³ Карны, харсы, карниоланцы — названия хорватов.

⁴ Лузацийцы — современные лужичане (лужицкие сербы, сорбы, венды), живут в ГДР.

⁵ Вандалы — название некоторых германских племен V—VI вв. н. э., отношения к вендским славянским племенам не имеет.

⁶ Сарматские горы — здесь: Карпаты.

⁷ Понт Эвксинский — древнегреческое название Черного моря (буквально — «Гостеприимное море»).

⁸ Борисфен — древнегреческое название реки Днепр.

⁹ Таврика (Таврия) — Южная Украина, северная часть Крыма.

¹⁰ Северская область — Черниговщина.

¹¹ Белы — белые хорваты.

¹² Гостомysl (перв. пол. IX в.) — легендарный предводитель Новгородских славян, упоминается только в позднейших летописях.

¹³ Дата 6406 г. (898 г. по современному летосчислению) ошибочна: Кирилл и Мефодий были в Болгарии в 862 г. (Здесь и далее Герберштейн приводит даты согласно древнерусскому летосчислению; для получения современного значения необходимо вычесть 5508 из приведенной в тексте цифры.)

¹⁴ Упомянув Гераклею и Никомидию, Герберштейн хочет сказать, что славяне заходили вглубь территории самой Византии.

¹⁵ Мальдитт — по летописи это Мал.

¹⁶ Кореста — это летописная Коростен (Искоростень).

¹⁷ Паволоки — шелковые цветные ткани.

¹⁸ Владимир I Святославич (Владимир Красное Солнышко, ум. 1015 г.) — князь новгородский (с 969), киевский (с 980); проводил активную внешнюю политику, боролся с набегами печенегов, ввел на Руси в качестве государственной религии христианство (988—989).

¹⁹ Калуфча малый — ошибочное прочтение летописного текста «любечанин Малк».

²⁰ Добрыня — брат Малуши.

²¹ Вераско — по летописи Варяжко.

²² Владимир II Всеволодович Мономах (1053—1125) — великий князь киевский (с 1113); проводил политику, направленную против феодальной раздробленности, пытался ограничить произвол ростовщиков в Киеве, вызвавший народное восстание.

²³ Василий III Иванович (1479—1533) — великий князь московский (с 1505), завершил объединение Руси вокруг Москвы.

²⁴ Дмитрий Иванович Донской (1350—1389) — великий князь московский (с 1359) и владимирский (с 1362), возглавил борьбу

русского народа против монголо-татар, разгромил их в Куликовской битве 1380 г., положил начало освобождению Руси от ордынского господства, утвердил руководящее положение Москвы в русских землях.

²⁵ Василий I Дмитриевич (1371—1425) — великий князь московский (с 1389), боролся с великим княжеством Литовским и ханствами Золотой Орды; при нем в состав Московского княжества вошли земли по рекам Сухоне и Северной Двине и Поволжье.

²⁶ Василий II Васильевич Темный (1415—1462). — великий князь московский (с 1425), боролся против феодальной смуты. В ходе междоусобной войны его противники — удельные князья Юрий Дмитриевич и его сыновья Василий Косой и Дмитрий Шемяка — захватили Василия и ослепили. Тем не менее политика великого князя, поддержанного мелким служилым дворянством, одержала победу.

²⁷ См. примеч. 3 к тексту Контарини.

²⁸ Софья (Зоя) Палеолог (ум. 1503) — племянница последнего византийского императора Константина XI, жена (с 1472) великого князя Ивана III.

²⁹ Дмитрий Иванович (1483—1509) — внук Ивана III, был венчан на великое княжение (1498), как его наследник. В 1502 г. попал в опалу и заключен под домашний арест.

³⁰ Этот исторический анекдот о борьбе Софьи против татар был распространен в западноевропейской исторической литературе.

³¹ Сигизмунд I Старый Ягеллон (1467—1548) — король польский и великий князь литовский (с 1506), вел борьбу с Россией (1507—1533), что привело к общему ослаблению Польши.

³² Послами были князь Иван Засекин и дьяк Семен Борисов.

³³ Ягелло (Ягайло) Владислав (1350—1434) — великий князь литовский (1377—1392), король польский (с 1386), основатель династии Ягеллонов.

³⁴ Елена Глинская (ум. 1538) — правительница (с 1533) при малолетнем сыне Иване, боролась против удельных князей.

³⁵ Известие о рождении сына Василия Георгия недостоверно.

³⁶ Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584) — великий князь (с 1533) и первый русский царь (с 1547). При нем начался созыв Земских соборов, составлен судебный кодекс — Судебник 1550 года, проведены реформы управления и суда. Попытался укрепить централизацию и самодержавие. Покорил последние остатки Золотой Орды — Казанское (1552) и Астраханское (1556) ханства. Установил тесные политические и экономические отношения со странами Западной Европы. При Иване IV усилилось закрепощение крестьян.

³⁷ Это князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский (ум. 1539) — боярин, воевода, фаворит Елены Глинской.

³⁸ Хорография — эквивалент современному понятию «география».

³⁹ Танаид — Дон.

⁴⁰ Эпизод о поединке братьев носит легендарный характер.

⁴¹ Симеон Крубин — видимо, боярин Симеон Коробин.

⁴² Надо: Василий Иванович.

⁴³ Хаинская (Каинская) земля — Ингерманландия, территория в районе устья Невы.

⁴⁴ Поход князя С. Курбского был в 1499 г., т. е. при великом князе Иване III.

⁴⁵ Земной Пояс (Камень, Большой Камень, Каменный Пояс) — русские названия Уральских гор.

⁴⁶ Миф о людях, умирающих на зиму и воскресающих весной, был широко распространен в русской и европейской литературе.

⁴⁷ Далматники, терлики — длинные, просторные одежды.

Сокращенный рассказ, или Мемориал путешествий

Печатается по изданию: Записки о Московии XVI века сэра Джерома Горсея. Перевод с английского Н. А. Белозерской. С предисловием и примечаниями Н. И. Костомарова. СПб., 1909.

¹ Горсей отправился в Москву в 1572 году.

² Мстиславский Иван Федорович (ум. 1586) — князь, боярин, воевода, член Боярской думы (1562—1572), участник Казанских походов и Ливонской войны. Входил в состав регентского совета при царе Федоре, противник Бориса Годунова, попал в опалу в 1585 году.

³ Василий III Иванович (а не Андреевич, как у Горсея) — см. примеч. 23 к тексту Герберштейна.

⁴ См. примеч. 36 к тексту Герберштейна.

⁵ Речь идет о брате Ивана IV — Юрии Васильевиче (ум. 1563), больном от рождения и жившем в своем уделе.

⁶ Ошибка, Иван IV женился шестнадцати лет.

⁷ Анастасия (ум. 1560) — первая жена Ивана IV, дочь Романа Юрьевича Захарьина.

⁸ Никита Романович (ум. 1586) — брат Анастасии Романовны, боярин, воевода, видный политический деятель. После смерти царя до октября 1584 г. возглавлял регентский совет при Федоре Ивановиче.

⁹ Сыновья Ивана IV — великий князь Иван Иванович (1554—1581) и царь Федор Иванович (1557—1598).

¹⁰ Второй брак Ивана IV был заключен в 1561 г., его женой стала Мария Темрюковна (ум. 1569); третий брак с Марфой Собакиной фактически не существовал, ибо она умерла в 1571 г., сразу после венчания; четвертый брак (1572), с Анной Колтовской, закончился разводом и ссылкой ее в монастырь, затем последовал непродолжительный пятый брак с Анной Васильчиковой, также получившей развод, и шестой, о котором очень глухо сообщают источники из-за незначительности происхождения претендентки на царскую корону — вдовы дьяка, красавицы Василисы Мелентьевны, и, наконец, после смерти последней в 1580 г. совершился седьмой брак с Марией Нагой, матерью царевича Дмитрия.

¹¹ Ошибка, Мария Темрюковна умерла от простуды.

¹² Упоминание жены Ивана IV Натальи Булгаковой — ошибка, таковой не существовало.

¹³ Симеон Бекбулатович (ум. 1616) — крещеный казанский царевич, одиннадцать месяцев назывался «великим князем всея Руси» (1575). Был использован Иваном IV в целях своей внутренней политики. В 1576 г. отправлен в Тверь. При правлении Бориса Годунова и Лжедмитрия I находился в опале.

¹⁴ Князь Андрей — князь Владимир Андреевич Старицкий (ум. 1569), двоюродный брат царя.

¹⁵ Жена «короля» Магнуса, дочь князя Владимира Андреевича, носила имя Мария.

¹⁶ Елизавета I Тюдор (1533—1603) — королева Англии (1558). Много сделала для укрепления английского абсолютизма. Проводила активную внешнюю политику, поощряла контакты с Россией.

¹⁷ Андрей Сафин — Андрей Савин, который провожал в 1569 г. английского посла Томаса Рандольфа.

¹⁸ Дженкинсон Антоний (ум. ок. 1611) — английский купец и политический агент. В 1557—1572 гг. четырежды посетил Россию,

направляясь в Иран и Среднюю Азию. Добивался английской монополии торговли. Составил описание своих путешествий.

¹⁹ Дмитрий Иванович (1581—1591) — сын Ивана Грозного. Погиб, видимо, в результате несчастного случая. В начале XVII в. имя царевича приняло несколько самозванцев. Так, можно полагать, что Лжедмитрием I был галицкий дворянин Юрий Отрепьев, ставший затем чернецом Чудова монастыря Григорием. Бежавший за рубеж в 1602 г., он связывается с магнатами Польши — Вишневецкими и Мнишками. Надеясь на поддержку папы римского, перешел в католичество. В 1605 г., после смерти Бориса, захватил Москву. Проводил авантюристическую политику, пытаясь передать часть русских земель в руки польских магнатов, а также распространить католицизм в России. В результате заговора бояр и выступления жителей Москвы был убит 17 мая 1606 г.

²⁰ Стефан Баторий (1553—1586) — выдающийся полководец, король польский (1576). Участвовал в Ливонской войне, осадил Псков (1582), где потерпел поражение, что и привело к окончанию войны.

²¹ Порт, расположенный на Двине вблизи Архангельска, основанного в 1584 году.

²² Речь идет, видимо, об Афанасии Федоровиче Нагом (а не о Симеоне Нагом) (ум. 1585), известном русском дипломате; после в Крыму (1563—1574), опричнике с 1571 года.

²³ Видимо, здесь упоминается Щелкалов Андрей Яковлевич (ум. ок. 1597), думный дяк, дипломат, возглавлявший ряд приказов (Польский с 1570 года).

²⁴ Царевич Иван Иванович умер на двадцать восьмом году жизни.

²⁵ Боус Джером — посланник королевы Елизаветы I в Россию в 1583 г. Цель миссии заключалась в подтверждении монополии торговли Московской компании, а также выяснении финансовых претензий английских купцов.

²⁶ Бельский Богдан Яковлевич (ум. 1611) — приближенный Ивана Грозного, один из претендентов на русский престол в 1598 г., соперник Бориса Годунова, при Лжедмитрии I стал боярином.

²⁷ Гелиогабал (204—222) — римский император, имя которого стало синонимом идолопоклонства, беззакония и разврата.

²⁸ Борис Федорович Годунов (ок. 1552—1605) — боярин, воевода, конюший, царь с 1598 г. Укреплял центральную власть, опираясь на дворянство, усиливал закрепощение крестьян, проводил активную внешнюю политику, стремясь вернуть земли, потерянные Россией во время Ливонской войны.

²⁹ Ропата (ропаты) — старинное название мечети или кирки.

³⁰ Иван Петрович (а не Васильевич) Шуйский (ум. 1586) — князь, боярин, полководец и государственный деятель. Член регентского совета при царе Федоре, противник Годуновых, подвергся опале, умерщвлен в ссылке.

³¹ Посевин Антоний (1534—1616) — секретарь генерала ордена иезуитов, политический агент, посетил Москву в 1581, активный сторонник пропаганды католицизма в России и подчинения ее папе римскому, приветствовал в начале XVII в. интервенцию польской шляхты в «схизматической» Московии.

³² Гаклюйт Ричард (1555—1616) — английский коллекционер, собиравший и издававший описания путешествий.

³³ Флетчер Джайлс (1548—1616) — английский дипломат, посол Елизаветы I в Москве (1588—1589), о своем путешествии написал книгу (1591), научная и познавательная ценность которой весьма

снижается из-за ее крайней враждебности к русским. Это заставило королевское правительство наложить запрет на ее издание.

³⁴ О смерти князя Сицкого ничего не известно, но так, как описывает Горсей, погиб князь Иван Петрович Шуйский.

³⁵ Пенсионер — до XIX века лицо, получавшее постоянное вознаграждение за услуги, оказанные государству, монарху или высокопоставленному вельможе.

³⁶ Горсей ошибается — к императору Рудольфу (а не Максимилиану) был послан в 1589 г. Афанасий Рязанов.

³⁷ Чиллик Алос — сибирский царевич Маметкул.

³⁸ Александр Романов не бежал, а был сослан в Усолье, где и погнб. Разгром оппозиции Годунову изложен Горсеем сбивчиво, — автора уже не было в России.

³⁹ Горсей отправился в Англию летом 1587 г.

⁴⁰ Голицын Василий (а не Иван) Васильевич (ум. 1619) — князь, воевода, участник заговора против Лжедмитрия I, один из претендентов на русский престол. Отправлен с посольством в Польшу, где был задержан и находился до своей смерти.

⁴¹ Борис Годунов умер естественной смертью 13 апреля 1605 г., а его жена Мария и сын Федор были умерщвлены 3 июня 1605 г.

⁴² Шуйский Василий Иванович (1552—1612) — князь, боярин, царь (1606—1610), проводил крепостническую политику, подавил восстание Болотникова, пытался организовать борьбу против польской интервенции, но неудачно. Был свергнут и увезен в качестве пленника в Польшу.

⁴³ Михаил Федорович (1596—1645) — первый русский царь (с 1613) из династии Романовых. При нем стабилизировалась экономика Руси после Смуты (1606—1613), проводилась активная внешняя политика.

Ж. Маржерет

Состояние Российской империи и великого княжества Московии

Печатается по изданию: Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. Составитель доктор истор. наук Ю. А. Лимонов, перевод Т. И. Шаскольской, отв. редактор доктор истор. наук В. И. Буганов, М., 1982 (ротапринт).

¹ При чтении текста необходимо иметь в виду следующее значение старинных русских и французских мер: 1 верста=1,07 км, 1 лье=4,44 км, 1 локоть=1,2 м, 1 фут=0,32 м; 1 арпан=42,21 ар, 1 десятина=2 четверти=109,25 ар; 1 мюид=274 л, 1 шопин=0,62 л.

² Федор Иванович (1557—1598) — русский царь (1584). Был женат на сестре Бориса Годунова — Ирине. Правителем страны был Борис.

³ См. примеч. 13 к тексту Дж. Горсея.

⁴ Агрия — латинское название города Эгер (Венгрия).

⁵ Денинг — русская копейка (новгородка).

⁶ См. примеч. 16 к тексту Дж. Горсея.

⁷ См. примеч. 10 к тексту Дж. Горсея.

⁸ Царевна Феодосия Федоровна родилась в 1592 г. и умерла в младенчестве.

⁹ Первая, так называемая анонимная, типография на Руси возникла около 1553 г. В 1564 г. Иван Федоров и Петр Мстиславец в Москве напечатали первую точно датированную книгу — «Апостол».

¹⁰ Мстиславский Федор Иванович (ум. 1622) — князь, боярин, в 1610 г. возглавлял боярское правительство («семибоярщина»).

¹¹ Шуйский Дмитрий Иванович (ум. 1613) — князь, боярин, занимал высокие государственные и военные посты.

¹² См. примеч. 42 к тексту Дж. Горсея.

¹³ Густав (1558—1607) — сын шведского короля Эрика, был тесно связан с иезуитами, поддерживал фантастический план переселения России в католичество.

¹⁴ Эрик XIV (1533—1577) — король Швеции (с 1560). В 1567 г. в Москве его послы заключили союзный договор с Россией.

¹⁵ Иоанн III (1537—1592) — герцог финляндский, король шведский (с 1568).

¹⁶ Сапега Лев (1557—1633) — воевода виленский, гетман и канцлер литовский.

¹⁷ Иоанн (1580—1602) — принц, брат короля Дании Христиана IV, второй жених царевны Ксении Годуновой.

¹⁸ Христиан IV (1577—1648) — король Дании (с 1596). В период его правления были упрочены русско-датские политические и экономические связи.

¹⁹ Басманов Петр Федорович (ум. 1606) — воевода, стольник, окольный. В 1604 г. возглавлял оборону Новгород-Северского. Но затем перешел на сторону самозванца. Стал ближайшим советником Лжедмитрия I. Был убит вместе с самозванцем.

²⁰ Годунов Федор Борисович (1588—1605) — царь (в 1605). Во время волнений, возникших при подходе войск самозванца к Москве, Федор и его мать Мария Годунова были взяты под стражу и вскоре убиты.

²¹ Голицын Василий Иванович (ум. 1619) — князь, крупнейший деятель Смуты, участник заговора против Лжедмитрия I, один из претендентов на русский престол.

²² Годунов Иван Иванович (ум. 1610) — троюродный племянник царя Бориса, окольный (с 1603), противник царя Василия Шуйского, перешел на сторону Лжедмитрия II, «тушинского вора».

²³ Салтыков Михаил Глебович (ум. 1621) — окольный, воевода, боярин (с 1601), профессиональный дипломат. Перешел на сторону Лжедмитрия I, при царе Василии Шуйском был в ссылке, в 1611 г. перешел на сторону поляков. Умер в эмиграции.

²⁴ Бельский Богдан Яковлевич (ум. 1611) — видный деятель опричнины, член регентского совета при Федоре, затем сторонник Лжедмитрия I, при царе Василии Шуйском послан воеводой в Казань.

²⁵ Воротынский Иван Михайлович (ум. 1627) — князь, воевода, боярин, сторонник Шуйских, выступал против Лжедмитрия I, был членом правительства «семибоярщины». В 1620—1621 гг. — воевода в Москве.

²⁶ Мосальский-Рубец Василий Михайлович — князь, воевода, один из организаторов убийства Годуновых в 1605 г.

²⁷ Бучинский Ян и его брат Станислав — польские шляхтичи, протестанты, секретари Лжедмитрия I.

²⁸ Мнишек Юрий (ум. 1613) — сандомирский воевода, оказывал активную помощь самозванцу. После смерти последнего Мнишек был выслан в Ярославль, откуда был возвращен и отпущен в Польшу в 1608 г. Однако около года он прожил у Лжедмитрия II в Тушине.

²⁹ Марина Мнишек (ок. 1588 — ок. 1614) — дочь Юрия Мнишка. Став женой Лжедмитрия I, получила «в удел» Новгород и Псков. После смерти самозванца содержалась в Ярославле (1606—1608). Была отпущена в Польшу с номинальным условием отказаться от

претензий на русский трон. Уехала в Тушино, где «признала» нового самозванца за «царя Дмитрия». После убийства татарами Лжедмитрия II бежала вместе с сыном Иваном и казачьим атаманом И. Заруцким. В 1614 г. казаки выдали Марину и «царевича» Ивана правительству; умерла в монастыре.

³⁰ Вишневецкий Константин (1564—1641) — князь, воевода, староста кременецкий, зять Марины Мнишек, крупнейший магнат Польши. Совместно с братом Адамом Вишневецким оказал всемерную помощь обоим самозванцам и польскому королю Сигизмунду при интервенции в России.

³¹ Татищев Михаил Игнатьевич (ум. 1609) — думный дворянин, участник заговора против Лжедмитрия I, в 1607—1609 гг. — воевода в Новгороде.

³² Царевич «Петр» — Илья Горчаков (Илейка Муромец), самозванец, стоял во главе волжских и терских казаков, принимал участие в Крестьянской войне. Был захвачен вместе с И. Болотниковым правительственными войсками в Туле и казнен в 1607 г.

³³ Олесницкий Николай (ок. 1558—1629) — каштелян (правитель) города Малогош, затем воевода Люблина.

³⁴ Шереметев Петр Никитович (ум. 1608) — боярин, при царе Василии Шуйском — воевода во Пскове.

А. Олеарий

Описание путешествия в Московию

Печатается по изданию: Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Введение, перевод, примечания и указатель А. М. Ловягина. СПб., 1906.

¹ Флеминг Пауль (1609—1640) — талантливый поэт немецкого барокко, лирик, путешествовал вместе с Олеарием в 1633—1634 гг., воспел в сонетах Россию и ее столицу — Москву, писал на латинском и немецком языках.

² Ревель (древнерусский город Колывань) — старое название Таллина.

³ Крепость Ниеншанц и посад Ниен — шведские поселения, возникшие на месте новгородских деревень после Столбовского мира (1617) в устье реки Невы, в районе Большой и Малой Охты, просуществовали вплоть до 1703 г. — времени закладки Петербурга.

⁴ Яков Делагарди (1583—1652) — шведский полководец, возглавлял войска Швеции, действовавшие на территории Руси в период Смуты (1607—1613).

⁵ См. примеч. 43 к тексту Горсея.

⁶ Дамаст — шелковая материя, украшенная орнаментом.

⁷ Крузиус (Крусеншерна, Крусенштерн) Филипп (1598—1676) — шведский юрист, экономист, выступал в качестве голштинского посла в Москве и Персии (1634, 1636—1639), штатгальтер (губернатор) Ревеля (50—60-е гг. XVII в.), сторонник торговли прибалтийского региона с Россией.

⁸ Брюггеман Отто (ум. 1640) — немецкий дипломат, полномочный посол Голштинии в Москве и Персии (1632, 1634, 1636—1639).

⁹ Олеарий записал неточно; вопрос звучал следующим образом: «Голстенский Фридерик-князь по здорову ли?»

¹⁰ Начало каменного строительства в Ростово-Суздальской земле падает на период правления Владимира Мономаха и его сына Юрия Долгорукого, т. е. на первую половину XII в.

⁴¹ Петрей Петр (1570—1622) — шведский агент в Москве в начале XVII в., историк, дипломат, автор «Истории о великом княжестве Московском» (1615).

¹² Меховский Матвей — польский историк и географ XVI века. Описание Москвы находится в его труде о географии Восточной Европы «Трактат о двух Сарматиях».

¹³ Скалигер Жозеф Жюст (1540—1609) — французский гуманист, лингвист, историк, комментатор античных текстов, основоположник научной хронологии.

¹⁴ Марселис — фамилия известных предпринимателей — Петра Гавриловича (ум. 1672) и его сыновей Леонтия и Христиана. Ими были построены железодельные заводы в Каширском и Олонецком уездах, в Костроме, на Ваге и Шексне.

¹⁵ Каттун — бумажная материя.

¹⁶ Романов Никита Иванович (ум. 1654) — боярин, родственник царя, политический и военный деятель.

¹⁷ У Олеария ошибка: не Иван Васильевич, а Василий Иванович, великий князь, развелся со своей женой Соломонией.

¹⁸ Бреденбах Тиллеман (вт. пол. XVI в.) — немецкий теолог, историк, автор истории о Ливонской войне (1564).

¹⁹ Самодержавная монархия (лат.), буквально — «монархия господства и самодержавия».

²⁰ Аристотель (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ и ученый, много занимался политологией и историей.

²¹ Саади (1210—1295) — персидский поэт и мыслитель.

²² Ксеркс I (V в. до н. э.) — царь государства Ахеменидов (Персия), значительно расширил свои владения, но потерпел поражение при нападении на Грецию (480—479 до н. э.).

²³ Анкудинов Тимофей (1617—1653) — самозванец, московский подьячий, бежал в Польшу, где выдавал себя за сына царя Василия Шуйского — Ивана, был в Риме, Константинополе, Венеции, на Украине, в Швеции, в Голштинии; был выдан русскому правительству, судим за убийство и казнен.

²⁴ Хмельницкий Богдан Михайлович (ок. 1595—1657) — гетман, руководил борьбой украинского народа против польской шляхты, на Переяславской раде провозгласил воссоединение Украины с Россией (1654).

²⁵ Ракоци I Дьердь (1593—1648) — князь Трансильвании (1630), боролся с Габсбургами, установил политический контакт с Богданом Хмельницким. Видимо, время нахождения Анкудинова в Венгрии (1650) указано Олеарием ошибочно.

²⁶ Кристина (Христина) Августа Ваза (1629—1689) — королева Швеции (1632—1654).

²⁷ Леопольд I Габсбург (1640—1705) — эрцгерцог австрийский, император Священной Римской империи (с 1658).

²⁸ Скопин-Шуйский Михаил Васильевич (1586—1610) — князь, боярин, воевода, во главе русских войск освободил Москву от осады «тушинского вора» — Лжедмитрия II (1610).

²⁹ Алексей Михайлович (1629—1676) — русский царь (с 1645), в его правление усилилась центральная власть, оформилось крепостное право, произошло воссоединение Украины с Россией, возвращение Смоленска и Северной земли, ужесточилась классовая борьба: восстание в Москве (1648), восстание Степана Разина (1670, 1671).

³⁰ Морозов Борис Иванович (1590—1661) — боярин, крупнейший землевладелец страны, глава русского правительства (сер. XVII в.), воспитатель, а затем шурин царя Алексея Михайловича,

³¹ Ошибка Олеария, надо: Владимир Мономах,

³² Милославский Илья Данилович (ум. 1668) — боярин, отец царицы Марии Ильиничны, жены царя Алексея Михайловича, после 1648 г. возглавлял правительство, занимался предпринимательством, крупный землевладелец.

³³ Factotum (*лат.*) — доверенное лицо.

³⁴ Плещеев Леонтий Степанович (ум. 1648) — судья Земского приказа, ведал полицейским управлением Москвы, был убит во время Соляной бунта.

³⁵ Траханиотов Петр Тихонович (ум. 1648) — окольный, состоял начальником Пушкарского приказа, возбудил ненависть народных масс беззаконием и вымогательством, во время восстания по требованию москвичей был казнен.

³⁶ Чистый Назарий Иванович (ум. 1648) — думный дьяк, глава Новгородской четверти, активно поддерживал мероприятия правительства Б. И. Морозова (соляной налог, взыскивание недоимок, отмена жалованья стрельцам). Был убит во время восстания в Москве.

³⁷ Князь Семен Пожарский не упоминается в русских исторических источниках; князь Дмитрий Михайлович Пожарский (1578—1641), герой освободительной борьбы 1611—1613 гг., имел трех сыновей — Петра, Федора и Ивана, которые после себя не оставили потомства мужского пола.

³⁸ Хованский Иван Никитич (ум. 1675) — князь, боярин, воевода, участвовал в войнах против крымских татар (30-е гг. XVII в.), против поляков в борьбе за Смоленск (1654, 1660).

³⁹ Кроммер Мартин (1512—1589) — польский церковный деятель, историк, автор ряда сочинений по истории Польши.

⁴⁰ Польская история (*лат.*).

⁴¹ Дорн Адам (ум. 1654) — австрийский дипломат.

⁴² Филарет (Романов Федор Никитич) (1554—1633) — боярин, русский патриарх (1608—1610 и 1619—1633), отец царя Михаила Федоровича, фактический правитель государства (с 1619).

⁴³ Никон никогда не был митрополитом ростовским и ярославским, он был архимандритом новоспаским, а затем митрополитом новгородским (с 1643).

⁴⁴ Купор — здесь: хранитель винного погреба.

⁴⁵ Людовик XIII Бурбон (1601—1643) — король Франции (с 1610), при нем усилился абсолютизм, проводилась активная внешняя политика, делались попытки сближения с Россией (закупки русского хлеба).

⁴⁶ Владислав IV Ваза (1595—1648) — польский король (с 1632), в период Смуты (1609—1610) выдвигался на русский престол, в дальнейшем воевал с Россией, пытался подавить восстание Богдана Хмельницкого.

⁴⁷ Фактор — здесь: управляющий, чиновник.

⁴⁸ Сергей Радонежский (ок. 1321—1391) — основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря, был близок к Дмитрию Донскому, активно поддерживал его национально-освободительную и объединительную политику.

⁴⁹ Касимовское княжество (царство) — удельное владение на Оке в XV—XVII вв. татарских служивых князей.

⁵⁰ Ласт в XVII в. равнялся 120 пудам (1920 кг).

⁵¹ Фон Ухтерец, Фома Мельвилл, Ганс Арпенбек, фон Мандельсло — члены голштинского посольства.

⁵² «Зобастые гуси», так называемые «бабы» — пеликаны.

⁵³ Яик — река Урал.

⁵⁴ Астрахань вошла в состав России в 1556 г.

Печатается по изданию: Записки де ла Невилля о Московии 1689 г. Перевод А. И. Браудо.—Русская старина, 1891, № 71, с. 419—450; № 72, с. 241—281.

¹ Это Людовик XIV Бурбон — король Франции (с 1643). При его правлении страна достигла расцвета абсолютизма, велась агрессивная внешняя политика, одновременно усилилась эксплуатация народных масс и религиозная нетерпимость.

² Бетюн (ум. 1693) — маркиз, дипломат, французский посол в Варшаве в 70—80-х гг. XVII в., проводил политику сближения Польши и Франции.

³ Здесь упоминается Ян III Собеский (1629—1696) — король Польши (с 1674), выдающийся государственный деятель, полководец. В 1683 г. разгромил турок, спас осажденную Вену, заключил с Россией «Вечный мир» (1686).

⁴ Спафарий Николай Гаврилович (1636—1708) — русский дипломат и ученый, выходец из Молдавии, служил переводчиком в Посольском приказе, член посольства в Пекине (1675—1678), автор ряда научных работ.

⁵ См. примеч. 14 к тексту Олеария.

⁶ Речь идет о Петре I Алексеевиче (1672—1725) — русском царе с 1682 г. (самостоятельное правление с 1689), императоре с 1721 г. Преобразователь России, он осуществил реформы во всех областях внутренней и внешней политики, в материальной и духовной жизни общества. Укрепление абсолютизма, усиление эксплуатации народных масс вызвало классовые волнения в стране (Булавинское восстание 1707—1709).

⁷ Иван V Алексеевич (1666—1696) — русский царь (с 1682). Болесненный и неспособный к политической деятельности, он тем не менее номинально царствовал вместе со сводным братом Петром I.

⁸ Софья Алексеевна (1657—1704) — царевна, правительница России (1682—1689) при малолетних царях Иване и Петре. После отстранения от власти была заключена в Новодевичий монастырь.

⁹ Голицын Василий Васильевич (1643—1714) — князь, боярин, русский государственный деятель, фаворит правительницы Софьи. Возглавлял ряд государственных учреждений, руководил обороной южных границ (Крымские походы 1687 и 1689), добился мирного договора со Швецией (1683) и «Вечного мира» с Польшей (1686). Был образованнейшим человеком своего времени. После прихода к власти Петра был выслан в Архангельск.

¹⁰ Нарышкин Кирилл Полуектович (1623—1691) — отец царицы Натальи Кирилловны, дед Петра I, служил капитаном в Смоленске. После рождения Петра — боярин, главный судья в приказе Большого дворца, при правлении Софьи был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь.

¹¹ Нарышкин Лев Кириллович (1668—1705) — дядя царя Петра. С 1689 г. занимал ряд высших должностей в государстве, начальник Посольского приказа.

¹² Речь идет о так называемой «Славной революции» — свержении в Англии династии Стюартов и приглашении на престол Вильгельма III Оранского (1688—1689).

¹³ Голицын Борис Алексеевич (1654—1714) — князь, русский государственный деятель, дядька-воспитатель Петра I, Активно спо-

собствовал переходу власти к Петру, в 1683—1713 гг. возглавлял Казанский приказ, управлял Поволжьем.

¹⁴ Украинцев Емельян Иванович (1641—1708) — крупнейший русский дипломат, думный дьяк, посланник в Швеции, Дании, Голландии, посол в Турции, Польше: участник важнейших международных переговоров; глава Малороссийского и Посольского приказов (1689—1699); отличался твердостью и принципиальностью.

¹⁵ Матвеев Андрей Артамонович (1666—1728) — граф (с 1715), государственный деятель, дипломат, посол в Австрии, Голландии, вел переговоры в Париже и Лондоне, по возвращении в Россию — президент Юстиц-коллегии Московской сенаторской конторы; автор воспоминаний.

¹⁶ Эпизод со взятой неправдоподобен. Тем более что, как отметил и сам Невилль, Украинцев не взял денег. Анекдотичность расказа, пожалуй, находит себе подтверждение в репутации и авторитете, которыми пользовался глава дипломатического ведомства России. Невозможно обвинить Украинцева в подкупе и нарушении дипломатических норм ради безвестного политического агента из Варшавы.

¹⁷ Матвеев Артамон Сергеевич (1625—1682) — боярин, приближенный царя Алексея, руководитель внешней политики России (1671—1676). Погиб во время стрелецкого бунта.

¹⁸ Федор Алексеевич (1661—1682) — русский царь (с 1676), при нем было введено подворное обложение, уничтожено местничество.

¹⁹ Хованский Иван Андреевич (ум. 1682) — князь, боярин, воевода. В 1682 г., во время Московского восстания, руководил Стрелецким приказом, выступил против правительства и был казнен.

²⁰ Долгорукий Юрий (Софроний) Алексеевич (ум. 1682) — князь, боярин, воевода, участник русско-польской войны, усмиритель восстания Степана Разина, глава многих приказов в 60—80-х гг. XVII в., опекун царя Федора Алексеевича; убит во время стрелецкого бунта в Москве.

²¹ Шакловитый Федор Леонтьевич (ум. 1689) — окольный, глава Стрелецкого приказа с 1682 г., руководитель заговора против Петра, был судим и казнен.

²² Шереметев Борис Петрович (1651—1719) — граф (с 1706), воевода, генерал-фельдмаршал (с 1701), участвовал в Крымских, Азовских походах и в Северной войне.

²³ Долгорукий Яков Федорович (1639—1720) — князь, русский государственный деятель, сенатор. Участвовал в Азовских походах и битве при Нарве. С 1717 г. президент Ревизионной коллегии.

²⁴ Шейн Алексей Семенович (1662—1700) — боярин, воевода, генералиссимус (с 1696). Участвовал в Крымских и Азовских походах, командовал армией и был одним из руководителей правительства во время поездки Петра I за границу. В 1698 г. подавил стрелецкий бунт.

²⁵ Невилль, очевидно, перепутал слышанные им от польских послов названия мест. В самом подробном описании похода (в дневнике Гордона) встречаются названия рек Орчик и Рубловка (?) как места остановок войска во время похода. Собраться же выступившие войска должны были, как нам известно, в Ахтырке, Сумах, Хотмыжске и Красном Куту.

²⁶ Самойлович Иван Самойлович (ум. 1690) — гетман Левобережной (1672—1687) и Правобережной (1674—1687) Украины. Для его правления характерно усиление эксплуатации народных масс, превращение вольных казаков в крепостных. Имел троих сыновей: Семена (ум. ранее 1687), Григория (ум. 1687) и Якова (ум. 1695).

²⁷ Владислав IV Ваза (1595—1648) — польский король (с 1632), вел неудачные войны с Россией и Швецией, при его правлении началось восстание Богдана Хмельницкого.

²⁸ Мазепа Иван Степанович (1644—1709) — гетман Левобережной Украины (1687—1708), крупнейший землевладелец Украины и России, стремился к союзу с польским королем Станиславом Лещинским и шведским Карлом XII. На сторону последнего перешел открыто после вторжения шведов в Россию. После Полтавского сражения вместе с Карлом XII бежал в пределы Турции.

²⁹ Ян II Казимир Ваза (1609—1672) — польский король (1648—1668), при его правлении усилилась борьба украинского народа со шляхтой и магнатами, закончившаяся воссоединением Украины с Россией (1654); шла неудачная война со Швецией, ожесточилась католическая реакция.

³⁰ Перечисление не совсем верно. Анна Михайловна (1630—1692) — тетка Софьи, сестра царя Алексея Михайловича; Марфа Алексеевна (1652—1707) — сестра Софьи.

³¹ Царь Алексей Михайлович (1629—1676) был женат два раза. Первым браком (1648) — на Марии Ильиничне Милославской (1626—1669) и имел от нее следующее потомство: Дмитрий (1648—1649), Евдокия (1650—1712), Марфа (1652—1707), Алексей (1654—1670), Анна (1655—1659), Софья (1657—1704), она правила государством в 1682—1689 гг.; Екатерина (1658—1718), Мария (1660—1723), Федор (1661—1682), был царем с 1676 по 1682 гг.; Феодосия (1662—1713), Симеон (1665—1669), Иван (1666—1696), был царем совместно с Петром с 1682 по 1696 гг.; Евдокия (ум. 1669). Вторым браком (1671) царь Алексей был женат на Наталии Кирилловне Нарышкиной (1651—1694) и имел от нее: Петра (1672—1725), который царствовал единолично с 1696 по 1725 гг.; Наталью (1673—1716), Феодору (1674—1678).

Царь Иван был женат на Прасковье Федоровне Салтыковой, от которой имел пятерых дочерей, в том числе и Анну Ивановну (1693—1740), будущую императрицу (с 1730).

Царь Петр первым браком сочетался с Евдокией Федоровной Лопухиной. У них было трое детей, в том числе и сын Алексей. Сын Алексея Петр (1715—1730) — будущий Петр II (с 1727). Вторым браком Петр I женился на Екатерине I Алексеевне (Марте Скавронской). Они имели восьмерых детей, в том числе Елизавету (1709—1761), ставшую императрицей (1741—1761), и Анну, мать будущего императора Петра III (1728—1762), правившего Россией в 1761—1762 гг.

³² Сильвестр (Симеон Медведев) (1641—1691) — игумен, переводчик, духовный писатель, яростный противник Петра, активный участник заговора Шакловитого. Был судим и казнен.

³³ Упоминается либо Иван Борисович Троекуров, князь, боярин, глава Стрелецкого приказа в 1695 г., либо Федор Борисович Троекуров, князь, стольник и спальник царя Петра, был убит под Азовом в 1695 г.

³⁴ Ржевский Алексей Иванович — окольничий, управляющий приказом Большой казны (1689).

³⁵ Карл I Стюарт (1600—1649) — король Англии и Шотландии (с 1625), при нем обострилась борьба между феодальной верхушкой и парламентом, в ходе Английской буржуазной революции был свергнут, судим и казнен.

СОДЕРЖАНИЕ

	Текст	Примечания
Ю. Лимонов. Россия в западноевропейских сочинениях XV—XVII вв.	3	
Амброджо Контарини. Рассказ о путешествии в Москву в 1476—1477 гг.	17	530
Сигизмунд Герберштейн. Записки о московских делах	31	531
Джером Горсей. Сокращенный рассказ, или Мемориал путешествий	151	533
Жак Маржерет. Состояние Российской империи и великого княжества Московии	225	535
Адам Олеарий. Описание путешествия в Москву	287	537
Де ла Невилль. Любопытные и новые известия о Московии	471	540

**РОССИЯ
XV—XVII вв.
ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ**

*Подготовка текстов,
вступительная статья и комментарии
Юрия Александровича Лимонова*

Зав. редакцией
А. И. Белинский

Редактор
М. Е. Устинов

Художник
Д. К. Титов

Художественный редактор
Б. Г. Смирнов

Технический редактор
Л. П. Никитина

Корректор
Э. А. Ривкина

ИБ № 3671

Сдано в набор 17.02.86. Подписано к печати 30.07.86. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 3. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 28,56. Усл. кр.-отт. 28,98. Уч.-изд. л. 32,02. Тираж 200 000 экз. Заказ № 342. Цена 2 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59.
Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина типографии «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16. Заказ 1621.